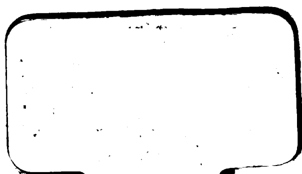
TAYLOR INSTITUTION
DOMI NUS ILLU
MINA TIO MEA



ПѢВАННІЯ

ЦЕРНОГОРСКА И ХЕРЦЕГОВАЧКА

САБРАНА

ЧУБРОМЪ ЧОЙКОВИЋЕМЪ
ЦЕРНОГОРЦЕМЪ.

ПА

И НЬИМЪ ИЗДАНА ИСТИМЪ.

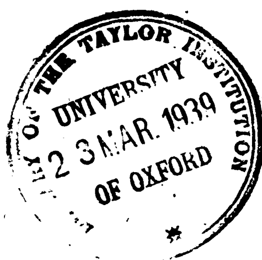
Volkslieder der Montenegriner und Herzegowinaer Serben.

У ЛАЙПЦИГУ

ПЕЧАТАНО КОДЪ БЕРН. ТАУХНИЦА ЮНІОРА.

1837.

Чамуняо, кои непѢвао,
А шко пѢво, Богъ веселіо га! ипроч.



ДО ТРЫ КОЛЕДКЕ.

1.

А. Чувайсе, радуйсе.

Градъградила бѣла Вила
Ни на небу ни на земљи,
Нег' на грани одъ облака;
На граду є трое врата̂,
Єдно врата одъ скерлета,
Друго врата одъ бисера,
Треће врата сухог' злата.
Што су врата одъ скерлета,
На та Вила шћеръ удава,
Што л' су врата одъ бисера,
На та Вила жени сына;
Што ли врата сухог' злата,
На та Війла сѣди сама,
Вила гледа у облаке,
Ђесе муня зъ громомъ игра,
Мила сестра су два брата,
А невѣста съ два ђевера:
Муня грома надиграла,
Мила сестра оба брата,
И невѣста два ђевера,
А то мило Вили было.

2.

Б. Дійка є врлости мазда.

Ловъ ловіо Бан'-Секуле
И планиномъ и горицомъ,
Намѣра га наніела
На юначко разбоиште,
На вучіе віалиште,
И вилинѣ игралиште;
Ту уфати Секулъ Вилу,
Богомъ куми бѣла Вило:
„Богомъ брате Бан'-Секула!
Неводи ме уйку своме,
Своме Уйку Угрин'-Янку,
Тры ћу теби казат' быля;
Да си честанъ у дружины,
Да ти люби роди сына,
Да ти сабля сѣче Турке."
Ал' іой вели Бан'-Секула:
„Муч' нелудуй бѣла Вило!
Выо Секулъ юнакъ собомъ
Бы'ће частанъ у дружину;
Была здраво глава моя,
Роди'ће ми люби сына,
А и оштра сабля моя,
Здраво моя десна рука
Сѣћи'ће ми сабля Турке."
Пакъ одведе бѣлу Вилу,
Дарива є уйку своме,
А онъ нѣму крило златно,
Крило златно и пернатно.

3.

В. Умѣт', имѣт'.

Саблю паше старъ Новаче
По Мисиру біеломе,
Низско сабю припасао,
А срете га Турско момче,
Тер' Новаку бесѣдило:
„Окле теби сабля моя?!
Сабля моя Баба мога?"
А Новакъ му бесѣђаше:

„Ніе ово сабля твоя,
Нег' є ово сабля моя!
И оштра є и ево є,
А ясамъ є саковао
У Николе Куюнціе;
Ако ли ми невѣруєшъ,
Извешћу ти тры свѣдока,
Радоицу и Груицу,
И Николу Куюнцію,
Што є саблю саковао."
Сви Новака Турцы чуше,
Па будали вѣровали,
И саблю му оставили.
Удри тко ће, неста веће...!
Скочи коло да скочимо!
Ко ли море, ко л' неморе!
А я знадемъ ко неморе:
Тко се скоро оженіо,
Сваког' добра пожеліо,
Лепе душе ђевоячке!...!
Коловођо дико наша!
До тебе є лепа снаша,
Што т' є коло задремало.
Што скакало постустало?!..
Окомъ трени коломъ крени,
Нек' є коло сво весело.

4.

(слѣдую Даворіе)

Свѣръ.

(Ц'рногорска пѣсна кад'се наново заратише съ Турцима Црногорцы 1711ª года, кад' имъ є дошао Милорадовићъ посланъ одъ Руссіе съ грамматомъ диверсіе ради противъ Турака.)

Кадъ Руссія съ Туркомъ заратила,
Петаръ-первый Императоръ Русскій
Оправіо посланника свога
Михаила Милорадовића
Одъ старине изъ Херцеговине,
Да понесе Црнойгоры кньиге
Петровићу Даннилу Владицы,
И главаромъ одъ Горице ц'рне;
У кньизи ихъ мило поздравяше,
И овако ньима говораше:
„Ево има доба неколико,
Да воюємъ и да боя біємъ
Съ Єретикомъ Кралѣмъ одъ Швеціе
За обрану Краля Полячкога,
Кога браниxъ одъ Краля Швецкога,
Ал' онъ мене учини невѣру,
И приступи душманину своме,
Душманину и своме и моме;
Но я іоште имамъ издайника,
Проклетога Мазепу Ивана,
Воеводу одъ Руссіе мале,
Као Србы Бранковића Вука!
Ни то мени досадило ніе,
Ни ратнике море утрудило,
Съ Богомъ Шведе єсмо рашћерали
Подъ Полтавомъ страшно побѣдили,
А Мазепа жива уфатили,
И Полячког' повратили Краля,
Дасе кае што є учиніо;
Него ми є Турчинъ заратіо,
И сву силу на ме обратіо,
Да освети Краля одъ Швеціе,
А мен' каже вѣрна слуга моя,
Вѣрный Саво Владиславѣвићу
Одъ Попова изъ Херцеговине,
Да вы славныи Црногорцы вольный
Съ Турцы мира нигда неимате,
И да мене помоћи можете,
Пакъ ев' шилѣмъ посланника мога,
И уздамсе у вышнѣга Бога,
И у мышцу Србскога народа,
Особито славна Црногорца,
Да ће мени быти у помоћи,
Да Христанскій Народъ избавимо,
И Славенско име прославимо,
Да сломимо ярма Агарянска,
Благочестя уздигнемо храме,
Оперемо нанешенне сраме
Одъ Турчина општег' душманина.
Выстє съ Русс'ма єдинога рода,
Исте вѣре, Славенска єзыка,
Быт' срodніи веħ' неймамо куда,
Кад' к'о Русси єсте и юнацы,
Но скочите ка'сте Црногорцы,

Покликните окружне Христяне
Све юнаке на старе налике,
Пакь на Турску землю навалите;
Наша войска већ' є ударила
Турке біе нигда непрестае."
Тай Посланникъ на Цетинѣ дође,
Владыка га жельно дочекао,
Црногорце на зборъ сакупіо,
Ову ньима рієчъ говоріо:
„Ево браћо кньига одъ Руссіе!
Ево кньига, ев' и посланниче
Одъ славнога Цара Христянскога!
Кньига пише и посланникъ каже,
Да є Турчинъ Цару заратіо;
Но сад' браћо ако Бога знате
Сви будимо справны и готовы!"
— — — — — — — — — — —
Црногорцы кад' то разумѣше,
Сви кликнуше а единогласно:
„Фала да є Богу великоме,
Тесмо кньиге ове видіели
Одъ нашега Цара Славенскога,
Славенскога пакъ и Ришћанкога,
За коєга друго незнавасмо,
Н'ако негђе да є у свіету,
Ђе онъ за насъ ни чути неможе,
А кад' чуо и за наске знаде,
Ево наше саблѣ при поясу,
Ево наше пушке у рукама,
Сад' и вазда справны и готовы
Сви єднако срца веселога,
Овчасѣмо удрити на Турке,
И што брже то є нама драже,
Што ли пређе то є нама слађе!"
Владыка є ово саслушао,
Цара кньиге преписати дао,
Пакъ преписе быо одправіо
Уза свое кньиге на све стране
У сву Босну и Херцеговину,
У сва Брда и у Зетту плодну,
Да Христяны подигну оруже;
Съ Црномъ горомъ дасе пріудруже;
Иза тога призива главаре,
На главары войску подигнули,
И на Турску землю ударили,
Опалише села и вароше
Око бѣла Оногошта града,
Око Спужа, око Подгорице,
И около града Жабљачкога;
Затворише у градове Турке,
А Христяне себе сприлюбише.
Да ти бѣше видіети побре
Какос' она войска умложава!
Како трче Врђаны юнацы,
Херцеговцы и младый Зећаны,
Подъ баряке Цара Руссинскога,
Тесе друже съ войскомъ Црногорскомъ
Небы река, драгій побратиме,
Дасе иде съ Турцим' боя бити,
Но на игру хладно вино пити,
И веселе пѣсне попѣвати.
Но веселѣ ово нетраяло,
Н'ако само два мѣсеца данахъ,
Негосе є брзо превратило,
На Србальску жалость и несрећу;
Єрбо худы гласи допадоше,
Дасе Петре съ Турцим' умиріо
Не по вольи него по невольи,
Што га бѣху Турцы опколѣли
Близу Прута студене ріеке,
Тер' му помоћъ дођи немогаше,
Ни остало што є войсцы нужно.
Ове гласе када разумѣше
И владыка и сви Црногорцы,
Уплакасе мало и велико,
Свакъ жаляше Ришћанскога Цара;
Михаило пође у Руссію,
А остави у ратъ Црногорце,
Како тадеръ тако и досадеръ,
Вино пію съ Турцимасе бію,
И бранићесе, докъ ихъ єдног' трае,
Одъ свакога, толи одъ Турчина;
Ніе сѣнка вольность Црногорска!
Нейма тога, изванъ самог' Бога,
Црногорце ткобы уярміо,
Н'ако бы ихъ найпре погубіо,
Но и то бы іошъ мучніе было.

5.

Два Херака.

(Одъ Петра Мркаића, родомъ Херцеговца, изъ мѣста Петровиќа у Банянима.)

Кад' є Мостаръ куга поморила,
Уморила и старо и младо,
Раздвоила и мило и драго,
У Мостару нико неостаде,
Него само удовица Мара,
И у Маре два неяка сына;
Ліепо имъ име изабрала,
Єдномъ Милошъ а другомъ Милинко,
Ранила ихъ тугомъ и невольомъ,
Све преслицомъ и кућельомъ туђомъ,
Пакъ удрише хрђаве године,
Ока вина по жутъ цекинъ была,
Ока брашна по два гроша здрава,
Веќ' ихъ майка чим' хранити нейма,
А жао іой дѣцу изгубити;
Кад'се ядна на невольи нађе,
Па Милоша Цару даровала,
А Милинка одъ Беча Ќесару,
То врieме задуго небыло,
Маловри'ме двадесетъ годинахъ,
Ал' зарати Царе и Ќесаре,
Те су двіе силне войске дигли,
Предъ своіомъ є самъ Отмановићу,
А пред' другомъ одъ Беча Ќесаре;
Дви'се силне войске састадоше,
Таборъ чине една према другой,
Те чекаю дас' ударе войске,
Ал' изъ войске излази ќесарске
Добаръ юнакъ, и на мейданъ зове,
Млогіи нѣму Турцы излажаку,
И свакога юнакъ посіече;
То є цару люто жао было,
Што учини кауръ мейданція,
Одъ войске му посіече главе,
Па пуштао по войсцы телала:
„Ніе л' майка родила юнака?
Да изгуби силна каурина!
Што м' изси'че найболѣ юнаке,
У ньихсамсе найвише уздао;
Честита ќу нѣга учинити."
Ко чуяше нечуосе чини,
Ко виђаше преда се гледаше
Како трава расте на огойке,
К'о біеле у дѣвице дойке,
Ал' негледа діете Милошу,
Него Цару 'вако говораше:
„Я ќу поќи мой милосный Цару,
Те ќу посѣќ' царе мейданцію,
Што є теби Турке изгубіо,
По избору ђе є юнякъ болйй,
Несуманькай што си обеќао!"
Тако нѣму царе бесѣдіо:
„Айде Мійле мое дійте драго,
Изгуби га па немысли храномъ,
Ты немысли храномъ ни господствомъ."
Оде Милошъ на мейданъ кауру,
Састашесе брате на мейдану,
Састашесе два добра юнака,
Руке шире у лицасе любе,
Єданъ другомъ животъ опростіо,
Пакъ оскочи єданъ о' другога,
На бойнасе копя ударише,
Оба бойна копя саломише,
Єданъ другомъ одолѣт' неморе;
Па бацише у травицу копля,
За бриткесе сабѣ прифатише,
Тесе гоне саблям' по мейдану,
Обе бритке сабѣ саломише,
Єданъ другомъ ранне незададе
Вацише ихъ у зелену траву;
Па сподбише перне буздохане,
Буздованим' изломише држке,
Вацише ихъ у зелену траву,
Садъ осташе оба безъ оружя;
О добріехъ коня одсѣдоще,
На прсисе оны ударише,
Коликосе лахко састадоше,
Ломе имсе токе на прсима,
Поліеќе иза капе перѣ,
Одпадаю копче са чакширахъ
Одъ велика зора юначкога;
Носишесе одъ ютра до подне,
Єданъ другом' одолѣт' неморе,
Оба, брате, крвы запѣнила
Одъ грднога труда и умора,
Пакъ оскочи єданъ о другога,
Те сѣдоше починут' юнацы,

Ма говори діете Милошу:
„Младъ делія ако знашъ за Бога!
Кажи ми се ко си и окле си,
Кога ли си рода юначкога,
Нека знадемъ одъ ког' ћ' умріети?“
Ал' делія нѣму бесѣдила:
„Кад' ме питашъ казаћу ти право!
Я самъ Србинъ одъ Херцеговине,
Изъ Мостара біелога града,
А на дому неймадемъ никога
До старице остарале майке,
И Милоша брата єдинога;
И нѣг' майка цару даровала,
Мене, брате, одъ Беча Ћесару,
Кад'су быле хрђаве годиле,
Те насъ ніе хранит' могла майка.“
Кад' то чуо діете Милошу,
Скочис' брате, од' землѣ нагорѣ:
„А ты ли си мой брате Милинко,
Ево теби твог' брата Милоша!“
Руке шире у лицасе любе,
А питаю за юначко здравѣ,
Ал' Милинко бесѣди Милошу:
„Єл' нам', брате, у животу майка?“
„Богъ ме іоште мой милосный брате!
Скоросамъ я майку походіо,
Кад'самъ цару на войску пошао—.“
Стадошесе браћа разговарат':
„Сад' штоћемо брате од' живота?
Кад' є нама Богъ и срећа дала
На мейдану те неизгинусмо,
Кое бысмо добро учинили,
Накомъ себе споменъ оставили?“
Ал' Милинко Милу бесѣдіо:
„Лакко брате врло добро мое!
Иди проси у Отмановића,
Ты у Цара испросити морешъ,
А я идемъ у мога Ћесара,
Мећу собомъ вѣру да уфате,
Тврда мира за њина живота,
Да негину на правди юнацы,
И рођена на мейдану браћа,
Да неплачу майке и любовце,
Ни сестрице безъ браће остаю;
То є брате нама задужбина,
А и споменъ докленъ є свіета,
И докленъ є цара и Ћесара.“
А то гледа царе и Ћесаре,
И њихове двіе силне войске,
Тесе чуде и вако говоре:
„Милый Боже чуда и зламеня!
Ко є ніе нигда было пріє!
Састашесе двіє мейданціе,
Што имаше код' себе оруж'я,
Што имаше свесу изломили,
Па юнацыс' на прси удрише,
Носишесе од' ютра до подне,
Єданъ другомъ одолѣт' неморре,
Па сѣдоше тер' одпочинуше;
Кад' юнацы починуше трудны,
Пакъ одъ землѣ обадва скочише,
Руке шире у лицасе любе,
И сад' сѣде, ладно пію вино,
То є богме велико чудество,
Ил' чудество, или є хераштво.“
Ал'се отле брађа растадоше,
Оде Милошъ у Отмановића,
А Милинко у свога Ћесара,
Међу њима вѣру уфатише,
Да ни і' нигда рата међу њима,
Док'су, брате, оба цара жива,
И обадва брата мейданціе.
Мило было Цару и Ћесару,
Ђесе оны оба погодише,
Безъ икаква боя жестокога,
И рођена ђес' нађоше браћа,
Те два цара оны помирише.
Кад'се саста царе и Ћесаре,
Осташесе оны разговарат':
„Садъ штаћемо съ ова оба брата?“
А и браћу преда се дозивлю,
Милостивый Ћесаръ бесѣдіо:
„Шта просите наша ђецо драга?
Акоћете са мномъ оба поћи,
Даћу вама благо и госпоство.“
Ал' имъ вели Отмановић' Царе:
„Шта просите наша ђецо драга?
Ако ћете са мномъ оба поћи,
Ево вама блага и господства,
А и землѣ колико ви драго!“
Оба имъ се славно преклонише,
И єднако оба бесѣдише:

„Фала вама оба цара наша!
Фала вама, но и фала Богу,
Кад'се браћа родна састадосмо
На мейдану по дугу земану;
Мы у васке ништа нежелимо,
Већ' идемо своіой старой майцы,
Походит' є и овеселити,
Да насъ майка стара непроклинѣ."
Кад' то чуо милосный Ћесаре,
Овако є Цару бесѣдіо:
„Сад' одоше оба съ тобомъ Царе!
Ты дай землю, я имъ даемъ благо,
Нек'се знаде когасу служили."
Царь Милошу Мостаръ подписао,
А Милинку Фочу даровао,
Па Ћесаръ имъ даровао благо
Свакояко и безъ броя свега,
Ка'но Ћесаръ и юначка майка.
Здраво браћа у Мостаръ дођоше,
Они нашли у животу майку,
Тер' ихъ, брате, грли и целива,
И миломе Богу зафальива,
Кад' є она дѣцу саставила,
И ту своію желю испунила;
Пакъ обадва сына оженила,
Милоша є Мостаркомъ женила
Одъ юначкогъ рода и племена,
А Милинка Фочанкомъ ђевойкомъ,
Но и нѣга од' рода доброга;
Дійванъ породъ сынцы изродили,
И данасъ га има по свіету,
Одъ Милоша Милорадовићи,
Од Милинка Владиславѣвићи,
Тер'се оны славе по свіету,
И поносе родомъ и юнаштвомъ:
Етаквіисе хилядили Србы! —

6.

Турство.

(Ова ми є одъ сліепца Гаша Ришнянина, у Которy преписана.)

Пію вино два Кральића брата
У Прилипу граду біеломе,
Єдно Марко а друго Андріа,
Пію вино разговараюсе,
Ал' Андріа Марку бесѣдіо:
„Кральићъ Марко мой рођенный брате!
Війно писмо и братски живѣсмо,
Іошъ незнасмо ко є юнакъ больій,
Ходи Марко дасе обидемо!"
Али мудро Марко одговара:
„Драгій брате Кралѣвићъ Андріа!
Нейма майка до мене и тебе,
Одъ Бога є велика грехота,
А одъ людихъ зазоръ и срамота,
Дасе колю два брата рођена;
Нег' пођимо зеленой планины,
Коіомъ нейма нијe воде хладне,
Да идемо одъ ютра до подне,
Ко бы више жеђу претрпіо,
Одиста бы больій юнакъ быо."
Андріа є Марка послушао,
Добріесе коняхъ приватише,
Отидоше зеленомъ планиномъ,
Кад' є мало подне превратило,
Андріа є Марку говоріо:
„Кральићъ Марко мой по Богу брате!
Помози ми вранца освоити,
Да му точимъ исподъ грла крвце,
Єръ ме тешка жеђа пристигнула."
Ал' говори Сабля-Кральић-Марко:
„Не, Андріа, Богъ те неубіо!
Дослесмосе звали Кралѣвићи,
Посленћемо Попиконѣвићи,
Него пођи мало напріедъ,!
Наћи хоћешъ одъ вина механу,
У механи Мару крчмарицу,
То є брате мене посестрима;
Пићешъ вина колико ти драго,
Нећешъ дати паре ни динара."
Андріа є Марка послушао,
Паксе свога вранца приватіо,
А отиде мало напріеда,
Кад' наблизу одъ меяне дође,
Угледа га Маре крчмарица;
У нѣ бѣше тридесетъ хайдукахъ,
А хайдукахъ біесникъ Туракахъ,
Па Турцима млада говораше:
„Чуете ли тридесетъ Туракахъ!
Ев' одовуд' єдно момче младо,

На главн му перѣ позлаћено,
Дайте мене перѣ старѣшинство,
Чинићу ви да га изгубите."
Пакъ Марица на ноге скочила,
Свое русе коссе распліеће,
Завіасе у марами црной,
Предъ Андріомъ надво излазила,
Пакъ му люби коня у копито,
Сузе рони овако говори:
„Благо мене незнана деліо!
Кадсамъ данасъ виђела юнака,
Ево има деветъ годин' данахъ,
Незнамъ ядна што є мушка глава...
Айде са мномъ у механи винской,
Даћу теби одъ ябане вино,
И сувише да ми любишъ лице! —"
Младо момче паксе слакомило,
Те съ Марицомъ у механи пође,
Дочека га тридесетъ Туракахъ,
Па му дали тридесть хошђелдіяхъ,
Све тридесетъ Андріа попіо,
Харамбаши сѣде узъ колѣно.
Іошъ му дае Харамбаша вина,
Кад' Андрію вино приетигнуло,
Харамбаши паде на колѣна,
Арамбаша окомъ намигнуо,
Те му Турцы главу посѣкоше;
Чека Марко три біела дана,
Ни Андріе, ни Андрійна гласа,
Паксе Марко тешко ражлютіо,
А одъ землѣ на ноге скочіо,
И свога се Шарца прифатіо,
Иде Марко право путь механе,
Виђела га млада крчмарица,
Па Турцима млада говораше:
„Ево Турцы друго момче младо,
И онъ има перѣ позлаћено,
Дайте мене перѣ старѣшинство,
Чинићу ви да га изгубите."
Пакъ є млада скочила на ноге,
Те пред' Марка на друмъ исходила,
Да му люби Шарца у копита.
Ево муке и тешке неволѣ
Мрке волѣ Шарацъ к'о и Марко,
Тере іойсе ни гледат' недава,
Ногам' біе, а зубима колѣ;
То кад' виђе Кралѣвићу Марко,
Іошсе Марко яду домысліо,
Да і' Андріа нѣму погинуо;
Па кад' Марко пред' механу дође,
Веже Шарца на врата механе,
У механи Марко ускочіо,
А за собомъ врата притворіо;
Дочека га тридесетъ Туракахъ,
Да му даду тридесть чашахъ вина!
Марко вино ни гледати неће,
Него свою саблю извадіо,
Пунну софру меса напуніо;
Кад' исѣче тридесетъ хайдукахъ,
Онъ уфати свою посестриму,
На ханџаръ іой очи извадіо,
Біеле іой руке посѣкао,
А на прси дойке прорезао,
Прозъ дойке іой руке промакао,
У муке є душу испуштила.
Тадаръ Марко крозъ механу прође,
Те Андрійну главу дофатіо,
Метнуо є у бисаге Шарцу,
Отходіо зеленомъ планиномъ,
Одъ неволѣ попіева Марко:
„А да ти се брате подигнути,
Какосамъ те дивно осветіо!
За єднога тридесть и єднога!"
Здраво Марко у Прилипа дође,
А нека га весела му майка! —

7.

Я к ш и ћ и.

(И ова ми є одъ истога Мркаића.)

Милый Боже чуда преко чуда!
Али грми, ал'се земля хори,
Ал' пуцаю на мору лубарде?...
Ни ти грми, нит'се земля хори,
Него, брате, ударише Турцы,
Поробише стойна Біограда,
До Небойше до Якшића куле,
И Якшића кулу похараше;
Іошъ ѐ, брате, огнѣмъ сажегоше,
Старицу му майку потурише,

Анђелію сестру заробише,
Уфати є Ага Хасан-Ага,
Па є баци за се на ђогата,
Ш' ньоме бѣжи у гору зелену,
А кад' уморъ коню додіяо,
Сяха Турчинъ у гори зеленой,
Пушта коня на роснату траву;
Трудно Туре заспало у трави,
А код' нѣга ліепа ђевойка
Люто цвили и сузе пролѣва.
Ал'се друмомъ юнакъ запођеде,
Добаръ юнакъ на коню витезу,
Гледа нѣга на дурбинъ дѣвойка;
А то, брате, ніе юнакъ добаръ,
Но діете одъ десетъ годинахъ,
Гологлаво на босу коньицу,
Те га ћера боса по камену,
Іошъ є коня ликомъ зауздао;
Край ђевойке близу находіо,
Па дѣвойцы божю помоћъ дава:
„Божя помоћъ млада Госпоице!"
А ђевойка рода господскога,
Испредъ нѣга на ноге скочила:
„Здраво быо лудо и неяко!
Я ніесамъ млада госпоица,
Него ядна турска робиньица;
Него лудо ако Бога знадешъ
Кажи мисе ко 'си и окле'си?
Што ли гонишъ боса по камену,
Што л' си ликомъ коня зауздало?
Што л' гологлавъ идешъ безъ капице?"
Было лудо, ма говори мудро:
„Кад' ме питашъ казаћу ти право,
Я самъ оздо башъ одъ Біограда,
Біоградъ нам' поробише Турцы,
Што бы мушка подъ мачъ оборише,
Што бы женска Турцы заробише,
Іошъ Біоградъ огнѣмъ изгорѣше,
А я єдва живъ изнес'о главу,
Пак' я бѣжимъ стойномъ Дубравнику."
То кад' чула ліепа ђевойка;
„Богомъ брате лудо и неяко!
Сяши коня нек' ти опочине,
Докъ ти єдну ситну книгу дадемъ,
Тамо су ми два брата рођена,
Была су ми браћа у Млецыма,
Скоро ми є одъ ньи кньига дошла,
Да су дошли стойну Дубравнику."
Лудо бѣше, за Бога хаяше,
Сяа съ коня пушта га на траву,
Докъ ђевойка ситну кньигу пише;
А да видишъ велике жалости,
Кньиге ніе, а дивита ніе,
Чимъ ће млада кньигу написати,
Кад'се ядна на невольи нађе,
Біело є нагрдила лице,
Изъ образа крвы уфатила,
Ижъ нѣдара яглукъ извадила,
Крвцомъ кньигу по яглуку пише;
Милый Боже и више жалости!...
Сави кньигу печатъ ударила,
Па є дава побратиму луду,
И уза ню два дуката жута:
„Най то теби неякъ побратиме!
Предъ тобомъ ћешъ Сараево наћи,
Купи капу а подкуй коньица."
Ал' діете бесѣди дѣвойцы:
„О Бога ти моя посестримо!
Како ћу ти познат' браћу твою?"
„Лахко, рече, драгій побратиме!
Оба су ми брата єднолика,
А на ньма єдно одіело,
А оба имъ коня доратаста,
Гриве су имъ увіяте златомъ,
Седамдесетъ и тры плетенице,
Што є ньима сестра увіяла,
Кад' є ньима конѣ подизала;
Кудгођъ иду, нијес' нерастаю,
Конѣ яшу добре упоредо,
Коньма имое гриве міешаю,
Онъ удара єданъ у другога,
Якшићъ Митре и Якшићъ Шћепане."
Оде дійте Дубровнику сійђе,
Како сійђе два Якшића нађе,
Даде кньигу Якшићу Стѣпану,
Кньигу чита и сузе пролѣва,
А пита га брате Димитріе:
„Окленъ кньига огнѣмъ изгорѣла?
Єли брате кньига одъ мейдана?
Одъ каквога голема юнака?"
„Камо срећа да є одъ мейдана!

Нег' одъ нашег' двора біелога,
Дворе су намъ изгорѢли Турцы,
Поніели благо свеколико,
Милу су намъ сестру заробили,
А старицу майку потурили
Ядань брате за нашег' живота,
ВолѢ брате да ніесмо живы!"
Ал' му вели брате Димитріе:
„Па штоћемо сада одъ живота?"
Вели Шћепо: „Добро ако Богъ да!
Ет' имамо іоште доста блага,
Айде брате бійлу Біограду,
Гради дворе разговарай майку,
А я идемъ у землю Турћію,
Тражит' нашу сестру Анђелію,
Ол' є наћи, ол' никад' недоћи."
Митаръ му є братацъ говоріо:
„Немой брате врло добро мое!
Нег' ты хайде къ Біограду бійлу,
Школу брате ніесу учіо,
Те ты брате єзыкъ неуміешъ,
А я знадемъ дванаесъ єзыкахъ."
Лахкосусе браћа погодила,
И ту сусе упуть опростила,
Првый путсе оба растанула;
Оде Шћепанъ бійлу Біограду,
Митаръ оде у землю Турћію,
Тражи сестру за деветъ годинахъ,
Никако є нийе ненашао,
Но да видишъ юначке неволѢ!
Нестало му за хашлука блага,
Те є Митаръ оголіо люто,
А добаръ му Доратъ обосіо,
Те га за што подковати нейма,
Но боса га гони по каменю;
У далеку землю запануо,
Преко мора у землю Харапску,
Туђа земля, самъ незна ни пута,
А неймаде драга пріятеля,
Кои бы га на конакъ прійміо,
Воже милый озбилске неволѢ!
Мысли юнакъ штоће одъ живота,
Нег' у себи добро Бога моли,
НамѢра га тако наніела,
На студено зелено єзеро,
На єзеру тридесть ђевоякахъ,
Мію лице а біеле платно;
Ньима Митаръ турски селамъ дава,
ДѢвойке му ліепъ одазваше:
„Алейћ' селамъ, Царевъ Сехратлія!"
Ал' имъ Митаръ бесѢди овако:
„О ђевойке! добре среће быле!
Додайте ми дас' напіемъ воде,
Злоћудъ ми є Доратъ одъ мейдана,
Кадс' узяше сяхатисе неда,
Кадсе сяше недас' узяхати."
Ма ђевойке Митру бесиђаху:
„О Бога ни, Царевъ Сехратлія!
Грехота є тебе преварити,
Некакавъ си ставанъ и прикладанъ,
Како да си рода господскога;
Ова вода ніе за юнака,
Него труе конѢ и юнаке,
Грехота є тебе отровати,
Него хайде понапріедъ мало
До нашега града біелога,
Єфтино є ракія и війно,
Тры су оке а за пару вина,
А ракіе по динарићъ ока,
Ту є добро коню и юнаку."
Ал' є ньима Митаръ бесѢдіо:
„Ой бора ми ліепе ђевойке!
Ясамъ юнакъ издалека путникъ,
Нестало ми за хашлука блага,
Неймамъ за што ни подковат' Дора,
А некмоли дас' напіемъ вина."
Но да видишъ среће у юнака!
Овако му бесѢде ђевойке:
„Айде брате нашем' граду бійлу,
Има у насъ у граду Госпоя,
Коя чини млоге задушбине,
Мукте пои конѢ и юнаке,
Мукте пію ништа неплаћаю,
Но за здравлѢ браћи намѢнює;
Каже, има на свом' вилаету,
Она има два рођена брата,
Якшићъ Митре и Якшићъ СтѢпане,
Кад' Біоградъ Турцы поробише,
Ню зароби Ага Хасанага,
И узе є себи за любовцу."
А кад' чуо Якшићъ Димитріе,
У юнаку срце поиграло,

Богомъ сестри ліепе ђевойке:
„Градъ є великъ, а кућâ є млого,
Одкудћу му погодити дворе?“
„Лахко, реку, драгій побратиме!
У граду су найвышіи дворовы,
А на дворим' о злата ябука,
И на вратим' двіе халке златне,
Владаоцъ є одъ све наше землѢ.“
Кад' то чуо Якшићъ Димитріе.
Іера полѢмъ коня исподъ града,
Одъ радости нѢва иза гласа,
Чула нѢга изъ двора сестрица,
Позна брата по грлу юначком',
Пакъ є брже дурбинъ дофатила,
Позна брата и подъ ньим' Дората,
И Дорату грыву изброила,
Седамдесетъ и тры плетенице,
Што є нѢму златомъ увіяла,
Кад' є браћи конѢ подизала;
Боса трчи кули низъ скалине,
Кад' истрча низь мермер-авлію,
У то доба Митаръ у авлію,
Кад' є сестра брата угледала
ОбѢсисе брату око грла:
„Благо мени Митре добро мое!“
Онъ є рукомъ одъ себ' отурує:
„Ход' отоле Турска Було млада,
Ће си, бона, Митра угледала?
Я ніесамъ Якшићъ Димитріе,
Негосамъ я царева делія!“
Али му є Анђа бесѢдила:
„Небой мисе брате добро мое!
Іошсамъ брате права вѢра Српска!“
А кад' ê є Митре разуміо,
Руке шире у лицесе любе,
Вели Митаръ: „Дай ми сестро пива!
Богъ месамъ ти и гладанъ и жеданъ,
А сувише труданъ и уморанъ.“
Њего брату сестра бесѢдила:
„Ође брате ніе за те пива,
Отишо є Ага у планину
Ловъ ловити съ тры хиляде войске,
Дошлисy му хрти и огары,
Садъ ће Ага исъ планине доћи;
Знашъ ли брате врло добро мое!
Када тебе у двору застане,
Ніе никад' вѢре у Турчина;
Него хайде у пяну механу,
Напійс' вина и потку́й Дорина,
И нештеди вина одъ Дорина,
За што га є сестра научила,
Кріюћ' поит' виномъ и ракіомъ,
Валяће намъ коньицъ у потребы.“
А када ê Митаръ саслушао,
Сестрицы є тако бесѢдіо:
„Неймамъ секо паре ни динара!
Ни моега чимъ потковат' Дора,
А некмоли дас' напіемъ вина.“
То кад' чула млада Анђелія
Улећесе у біеле дворе,
Насула му пуне шпаге блага,
Оде Митаръ у пяну механу;
Истомъ Митаръ дође у механу,
Ал' ето ти Аге исъ планине,
А кад' га є Анђа угледала,
Нутодера СрпкинѢ хитлене!
Коя бѢше одъ рода юначка,
Улећела у біеле дворе,
Свою русу косу одрезала,
А біело лице нагрдила,
И ођело са себе окинула,
Па обукла старе подерине;
Срете Агу у мермер-авлію
Све плачући и сузе ронећи,
А када ê Ага угледао,
Млого мусе ядно учинило,
Ѥръ є Анђу добро миловао:
„Што є Анђо ако Бога знадешъ?
Што си мисе тако изгрдила?
Да є Богъ д'о и сви божіи свецы,
Да є наша земля поробл̂Ѣна,
Дас' Кауры сву опалили,
Небы мени више яда было,
Нег' што сисе тако нагрдила.“
Али му є Анђа бесѢдила:
„Непитай ме драгій Господаре!
Данасъ ми є ядна кньига дошла,
Оба су ми брата погинула,
СинѢ ихъ є море утопило,
Сад'самъ тужна сестра брезъ заклетве,
Богъ зна хоћу л' останути жива
А за браћомъ, жестокомъ жалости.“

У томъ Анђа Агу преварила.
Па да видишъ Аге Хасанаге,
Турчинъ бѣше ал' добро збораше:
„Муч' небойсе моя драга любо!
Ты ихъ съ плачемъ подићи неморешъ,
Ни за душу то имъ неваляде,
Ет' у мене благо неброено,
Те ты браћи гради задушбине,
Ладне чесме и дуге путове,
А и ваше по закону цркве,
То ће ньима валяти за душу."
Тіемъ Ага разговори любу,
Па улѣгли у біеле дворе,
А скочисе млада Анђелія,
Приправи му господску вечеру,
Што у двору найболѣ имала,
А навали вино и ракію,
И у пійће былѣ свакояко,
Дас' успава за девѣтъ данака;
Труданъ Ага леже у постелю,
Заспао є к'о и небы шђео,
Ал' неспава млада Анђелія,
Већ' насула двое хегбе блага,
Што два коня носити могаху,
Све Млечића златнога цекина,
На се метну мушко одіело,
И оружѣ што има найболѣ,
Пакъ отиде коньма у подруме,
Тер' извади изъ подрума ђога,
Што га бѣше Ага куповао
Преко мора у Анадолію
О Турака за осмакъ дуката (варићакъ),
Оједе га што найболѣ могла,
А добави Митра изъ механе,
Пакъ отоле съ братомъ побѣгнула,
Тры конака за ноћъ учинише;
А кад' свану и огрія сунце,
Ал'се Митаръ тешко препануо,
У незнану землю запануо,
У незнану па незнаде пута,
Нит' имаде драга пріятеля,
Коибы га на конакъ прійміо,
Него, брата сестра разговара:
„Та небойсе врло добро мое!
Богће нама помоћ' акобогда!"
У ріечи кою бесѣђаху,
Ал' ето ти съ пріедъ Арапина,
Іошсе грђе Митаръ препануо,
Мнядіяше да су га претекли,
Па Дорату притеже дизгине,
А нагони калпакъ на обрве,
За бриткусе саблю прифаташе,
Біеліемъ пошкрипива зубомъ,
У Харапа мрко погледуе,
Шћаше ньему да одвали главу,
Ма га моли сестра Анђелія:
„Немой брате ако Бога знадешъ!
Да ако є издалека путникъ,
Па на двору има кога свога,
Ялли сестру, ялли стару майку,
Бога моле да имъ здраво дође."
Нешће Митаръ сестрину порећи,
Ал' га Митаръ све мрко погледа,
Єрсе бои каке прієваре,
Преко срца Турскій селамъ дава:
„Селамъ Алейкъ црный Харапино!",
Ал' му Харапъ складно одговара:
„Я ніесамъ рода Харапскога,
Нег'самъ брате рода Србальскога,
Одъ Србына родомъ и племеномъ,
Паксамъ свое лице изгубіо
Одъ велике туге и жалости,
И одъ дальна и дугога пута:
Имадіяхъ брата и сестрицу,
Кад' Београдъ Турцы сажегоше,
Наше дворе бѣле изгорѣше,
Анђелію сестру заробише,
А старицу майку потурише;
Нама хаберъ у Дубравникъ дође,
Братъ ме посла градити дворове,
А онъ оде тражит' милу сестру;
Градигъ дворе за годину данахъ,
И старицу разговарагъ майку,
Деветъ годинъ да я браћу тражимъ,
Нит' имъ знадемъ смрти ни живота,
Съ тогай ми є лице потавнѣло,
Одъ Срба самъ Арапъ постануо."
А кад' га є Митаръ разуміо:
„Ты л' си Шћепо врло добро мое!?
Руке шире у лицасе любе,
И грлесе тесе целиваю,
Сва трысусе брата састанула,

А съ нам' дружбо свака срећа добра!
Срећа добра и помоћъ одъ Бога!
Боже якій на свему ти фала!
Иза таке дугачке жалости,
Настаде имъ велико веселѢ,
Отолесе сватры подигоше,
ПѢвајући конѢ играјући,
Здраво дошли стойну Віограду,
Іошсу нашли у животу майку,
Сви-є грле, те є целивају;
Майка ђецу дивно благосиля,
Немогла имъ наудити сила,
Када су іой желю испунила,
Вратиласе майцы за живота
За живота свога и нѢзина;
Пакъ ми здраво Србы витезовы,
Душмани имъ найзад' под' ногама,
И то было, кад'се захоћело.
Аминъ Боже! свесе съ тобомъ може.

8.

Царевъ-лазъ (крчевина царева.)
(Црногорска є, ма незнамъ кимъ є спѢванна.)

Киличе Вила одъ Кома планине,
Дозиваше на полѢ ЦетинѢ,
На ЦетинѢ на средъ Горе црне,
По имену и по презимену
Петровића Даннила Владыку:
„О Владыко Црногорска главо!
Ето на те иде силна войска
Одъ онога Отмановић' Цара,
И ево є она приступила
До біеле варошъ Подгорице;
Єрсе силанъ царе разсрдіо,
Што си твою войску подизао,
И на Турску землю нападао,
Да поможешъ цару Русинскоме,
Коиносе съ Турцим' умирію
По несрећи што мусе згодила,
Близу Прута ріеке студене;
На нѢга ти узданице нейма,
Но сакупи твое Црногорце,
Бранитесе, непредайтесе,
Богће вама быти на помоћи!"
Тад' Владыка Вили говоріо:
„Кажи мене одъ планине Вило,
Мошъ ли знати колико є войско,
Одъ кое ли землѢ и краине,
На коюће страну окренути,
И кад' хоће на насъ ударити?"
Одговара Вила планинкиня:
„Има войске педесеть хилядахъ,
Два діела одъ Урумендіе,
Трећій діелъ одъ све Арбаніе,
А пред' ньоме Паша Сераскире
Одъ Стамбола одъ царева стола,
Онће на васъ брзо ударити,
Чекайте га на воду Влахиню,
Ту ће войска конакъ учинити;
Ако вама Богъ и срећа даде,
Да вы ону войску заћерате
У Криничке шуме и клисуре,
Ђе неймаде пута нинаквога,
Н'ако трвђа и драча бодляча,
Бы'ће ваша слава и побѢда."
Кад' Владыка Вилу разуміо,
Онъ сакупи одъ землѢ главаре,
Съ главарима віећъ учиніо,
И овако ріечъ говоріо:
„Црногорцы моя браћо драга!
Што скоріе войске подигните,
Нека войска дође на ЦетинѢ,
Да будемо справны и готовы,
Да юначки Турке дочекамо,
Ради свете ВѢре православне,
Рад' слободе миле и предраге
Да мы нашу крвцу проліемо,
Да у ропство Турско непанемо;
Єрь є болѢ браћо погинути,
Но слободу свою изгубити,
И Ришћанску вѢру испустити."
Ту главары ріечъ разумѢше,
На ЦетинѢ войске доведоше,
Па Владыка кад' видіо войску,
Онъ улѢзе у цркве біеле,
Божествену служи летурђію,
ПослѢ службе воду осветіо,
Све войнике водомъ окропіо,

И часніемъ крстомк прекрстіо;
Па крстъ узе у руку біелу,
Съ главарима войску подигнуо
До Маршулѣ до воде студене;
Ту на трое раздіели войску,
Єдну дае Ђурашковић' Янку,
Другу дае Мићуновић' Вуку,
Да запану оны у нотаю,
Янко съ десна при горы Пржнику,
Мићуновићъ одъ стране ліеве
При врхъ Враня зелене планине.
А трећу є войску оставіо
На средину да дочека Турке,
И ту войску бѣше наредіо
Све по реду племе до племена,
А пред' ньима племенске главаре,
Воеводе, Кнезе, и Сердаре,
И деліе младе барякгаре.
Ту стадоше тры біела дана,
А кад' трећій око подне было,
Али ето иде Турска войска,
Па кад' дође на воду Влахиню
Ту коньицы конѣ одсѣдаше,
И на траву конѣ поненяше,
Сви пѣшацы у хладъ починуше,
Око себе страже поставише;
То видѣла владичина стража,
Све владицы право кажевала,
Кад' владыка стражу разуміо,
Диже войску пошто сунце зађе
Близу Турске нотиьо приступіо;
Пређе нег' є зора забѣлѣла
Ударише младый Црногорцы,
Прве страже огнѣмъ оборише,
Па на друге юришъ учинише,
На табора Турска насрнуше,
Кад'се Турцы бою ненадали;
Да ти бѣше видіети побре
Тешке муке што нападе Турке!
Оставише конѣ повезане,
Прахъ, олово, и другу захиру,
И оружя више половину,
Плећи даше а бѣжати сташе,
Но имъ лоша срећа прискочила,
Єръ ихъ ћера Владычина войска,
А дочека Мићуновић' Вуче,
Недаде имъ бѣгат' на трагове;
Пакъ ев' муке іошъ и грће Туркомъ,
У та доба ударіо Янко
Съ десне стране одъ горе Пржника,
Живимъ огнѣмъ Турке ућераше
Међу густе шуме и клисуре,
Густе шуме брже оптекоше,
И у ньима Турке затворише,
Ту стояше докъ Турцы несташе
И то мѣсто Царевъ лазъ назваше.
То є было кадсе и чинило,
И да си ми здраво побратиме,
Богъ ти дао здравѣ и веселѣ,
И витез'ма кои то чинише,
Вѣчну радость и райско населѣ.

9.

Све-Ослободъ.

(Одъ Мата Радова Мартиновића Баицѣ.)

Саборъ чини Хаџи-попе Іове,
На саборъ є Зетту окупіо,
Па пошто є Зетту окупіо,
Овако имъ попе бесѣдіо:
„О Зећаны ядна браћо драга!
Што хоћемо одъ живота своја?
Неимамо цркве ни закона,
Но погибе Лазаръ у Косово,
А клетыизи прискочише Турцы,
Развалише цркве и олтаре,
Оградише све Турске мунаре;
До я велимъ браћо моя драга!
Окупимо мы мало пешкеша,
Да идемо Скадру крвавоме,
Да молимо Пашу поганскога,
Да ни даде Турску буйрунтію,
Цркве мало да бы оградили,
Да бы своюю вѣру придржали."
Све Зећани кабулъ учинише,
И за Пашу пешкешъ приправише,
Право пошли Скадру біеломе,

То предъ Пашомъ жалбу учинише;
А пошто є Паша разуміо,
Пешкешъ пріймa бурунтію пише,
Да бы мало цркве оградили,
Да законе свое придержаю.
Сви отол'се натрагъ повратише,
Дозиваше камене майсторе,
Оны мало цркве оградише,
И камене платише майсторе,
На своє ихъ доме одправише,
Ма говори Хаџи-попе Іове:
„О Зеħани моя браħо драга!
Єво бѣлу оградисмо цркву,
Што є файде, ђе є ограђена,
Она није боля но пеħина,
Како ніе освештана црква;
Нег' да опетъ пешкеше куппимо,
Да идемо Скадру крвавоме,
У нашега Паше опакога,
Да бысмо га іоште умолѣли,
Еіа бы ни хатаръ учиніо,
Ея бы ни како допуштіо,
Да идемо малой горы црной
На Цетинѣ владицы Даннилу,
А да бысмо и нѣг' умолѣли,
Да бы доша' да ни свешта цркву.“
Сви Зеħаны на то пристадоше,
Те за Пашу пешкешъ окупише,
Паксе диже Хаџи-попе Іове,
Съ собомъ узе тры четиры друга,
Поħе опетъ Скадру проклетоме;
Ту предъ Пашу оны излазаху,
Предъ ньим' плачу и молесе люто,
Пешкешъ пріймa бурунтію пише,
Бурунтію тако напраляше,
У ню добро поздрави владыку:
„Чуй владыко црный калуђере!
Я ти Паша тврду вѣру давамъ,
Доħ' владыко Зетты земльи равной,
Да у Зетту свешташъ цркву малу,
Ево ти є даємъ на поклону,
Зетту равну и Брда остала,
Да имъ чинишъ црковне потребе,
Да ти даю штосе погодите.“
Отоленсе натрагъ повратише,
И доħоше здраво на дворове,
Зеħанима право нажеваху,
Па узеше лагахну ђемію,
Те иђаху блатомъ широкіемъ,
Докъ доħоше на ріеку малу,
А съ ріеке на Цетинѣ равно,
На Цетинѣ владицы Даннилу,
Те му десну полюбили руку,
На руке му буйрунтію даю;
Кад' є виђе владыка Даннило,
Овако имъ бесѣди владыка:
„Попе Іове, ядовна ти майка!
Ніе вѣра тврда у Оммера,
Ма ħу поħи да неħу ни доħи
Ради вѣре и закона свога,
Докъ у ютру зорица осване.“
Пакъ є своє слуге дозивао,
Овако є нвима бесѣдіо:
„Хазрте ми добра коня мога!
Е ħу ходит' путъ ріеке мале
Са ріеке Зетты земльи равной,
А Богъ знаде хоħу л' отле доħи.“
Слуге су му коня опремиле,
Отале є путъ ріеке пош'о,
А съ ріеке Зетти земльи равной
У попа є конакъ учиніо;
Съ утра дансе Зетта окупила,
Зетта равна и земля остала,
И гиздава варошъ Подгорица,
Свакъ да гледа владыку Даннила.
Владыка имъ освештае цркву,
Ал' ев' побре жалостива гласа!
Клетый Турцы уфате владыку,
Свезаше му руке наопако,
Па га воде варош' Подгорицы,
Ту му руке мало попуштаю,
У руке му стржевъ колацъ даю
На кои га мысле ударити.
То кад' виђе Зетта земля равна,
Зетта равна и Брда остала,
И гиздава варошъ Подгорица,
Заплакасе мало и велико,
Пашу моле и куме га люто:
„Немой Пашо за Бога єднога!
Немой Пашо изгубит' владыку,
Немой Зетту землю отровати,
Е ти родит' нигда ништа неħе

А сувише изгубићешъ вѣру;
Но ходи га врзи на одкупе,
Узми блага колико ти драго.
Поштосе є нѣму досадило,
Ево га є врга' на откупе,
Тры хиляде жутога дуката;
Двіе дае Владыка Даниилеъ,
Ону трећу Зетта земля равна,
А кад' виђе Владыка Даниилеъ,
Е га стави пашче на откупе,
Онъ на прави листъ кньиге біеле,
Пакъ є шилѣ малой горы црной,
Црногорцим' своіой драгой браћи:
„Одкупте ме недржите овђе,
Продаите крсте и кандила,
И путыре одъ сухога злата,
Све црковно дайте за ме благо,
А да бы ме само избавили,
Изъ неволѣ и синџира Турска.“
То кад' чуше браћа Црногорцы,
Одъ маха су благо саставили,
Ш' ньиме иду на ріеку малу,
Ту нађоше Владыку Даниила,
Дошли Турцы, довели га жива;
Састашесе туна са Турцима
Благо даше владыку пріймише,
Вратишесе здраво на Цетинѣ,
Владыка є дивно дочекао
У Манастырь браћу Црногорце,
„Благго нама наше судце ярко!
Када ни те срећа изніела,
Ка оћасмо живѣти безъ тебе?“
А владыка ньима одговара:
„Ками ви є благго Црногорцы!
Єданъ вама, а деветъ су мене,
Тексе клетыи умложише Турцы
У аднойзи црной горы малой'
Лађайтесе неуздайтес' у ме;
Ако мене послушат' нећете,
Я ви данасъ вѣру тврду даемъ,
Већ' ме овди виђети нећете!“
Сви му оны тврду вѣру дају,
Да те оны послушат' владыку,
„Ну ни кажи милій Господару,
Како бысмо саде учинѣли?“
„Я ћу вама казат' браћо драга,
Казаћу вамъ, што видите самы;
Евосусе умножили Турцы
А у нашой малой горы црной,
Николико нећe быти доба,
А луду ће дѣцу турчит' вашу,
Ђе гледате вашіемъ' очима,
Да имъ ништа помоћи нећете;
Него, ядна браћо Црногорцы!
Међу собомъ уфатите вѣру
За слободу крвцу пролѣвати,
За слободу и за вѣру нашу,
Дас' бранимо одъ невѣре Турске;
Ма покольмо Црномъ горомъ Турке,
Коисусе међ' насъ уселили
На срамоту и на пріевару,
Бранимосе! неидаимосе!
И Богъ ће ни помоћ' акобогда,
Я нежалимъ првый погинути
Ради вѣре и закона свога
Рад' слободе отечества мога.“
Црногорцы вѣру нѣму даю,
Вѣру даю, и даю билѣгу,
Бѣлега є Мратинске покладе,
Таде съ Турцим' да заметну кавгу.
Мало прође дођоше покладе,
Небы кавге ни сваће никакве,
То кад' видѣ владыка Даниило,
Побоясе да га преварише,
Тере своюо слугу дозиваше,
Одасла га къ войводи Батричу:
„Дођ' Батричу съ браћомъ своіомъ драгомъ,
Е имамо нешто разговера!“
Онъ дозива Марка и Милоша,
И Ивана и брата Томаша,
Сви петъ поше къ владицы Даниилу;
Ліепо ихъ бане дочекива,
Пакъ имъ бане поученя дае,
Штосу наши старыи учинѣли,
И слободу какосу чували,
Докъ погибе Лазаръ у Косово;
Но кажте ми, о Мартиновићи!
Камо ваше вѣре и бѣлеге?
А коесте са мномъ утврдили?...
До покладахъ клетву учинили,
До покладахъ заметнути кавгу,

Ев' покладе, небы другог' гласа,
Ао леле до жалосна гласа!..."
Таде скочи войвода Батричу,
Те му десну полюбіо руку,
А овако нѣму бесѣдіо:
„Чу ли мене милій Господаре!
Ясе боимъ и страхъ ме є люто,
Ере те ме издат' Црногорцы,
А давно быхъ заметнуо кавгу;
Но петь братахъ штосмо од' Мартина,
Сви имамо нашу дѣцу малу,
Мила су ни к'о цару царева,
А хоте ни потурчит' занаго,
Но те молимъ драгій Господару,
Нађ' имъ мѣсто па нежали наске."
Владыка имъ на то одговара:
„Слушай мене воевода Батро!
Црногорцы ако те издаду,
Быте оны де и моя глава."
На томсусе оны раздвоили,
И браћа су саветъ учинила,
Мало проће бадный вечеръ доће,
Стадошесе браћа на вечеру,
Наложише блажене палице,
Бадняковe пакъ и баднячице,
И уждише воштану свіећу,
Тесе милом' Богу помолише,
И великом' Ристову Рождеству,
Да имъ вазде буде на помоћи;
Іошъ донесе єдну чашу вина,
Напіяю сви у славу божу,
И у славу Риста спасителя,
Тад' сѣдоше и повечераше,
Вина руйна іошсе напоише.
Пошто браћа слатко вечерала,
Овако имъ войвода зборіо:
„Садъ на ноге моя браћо драга!
Прифатите свіетло оружѣ,
Да идемо ђесмо углавили!"
Прифатише свіетло оруже,
На Иногоръ мало полѣ доше,
На біелу кулу-Мустафића;
Ту біяху петь Туракахъ братахъ,
Петь Алийћахъ седамъ Мустафићахъ,
Ньихъ покласше и тридесетъ ш' ньима;
Пакъ отоле браћа Мартинићи
Здраво пошли на село Ябуку,
Нешто Турак' и ту изгубили,
Ал' имъ вичу двое дѣце Турско,
Оны вичу, да тес' покрстити,
Нешћеше ихъ браћу изгубити,
Но ихъ воде владыцы Даннилу,
Владыка ихъ оба покрстіо.
Іошъ далѣсе отле дигла браћа,
На Дубовикъ село излазила,
И ту неке изгубише Турке,
И ту вика єдно дійте лудо,
Дасе хоће покрстит' занаго
Те и нѣму животъ опростили,
Но и нѣга владицы довели,
Онъ га крсти кано и остале,
То све было докъ огрія сунце,
Єдну ноћцу и на Божићъ самій.
Тад'се браћа натрагъ повратила,
А низъ полѣ низъ Цетинѣ равно,
Шенлукъ чинећ' и веселѣ драго;
Гласъ допаде владыку Даннила,
Донесе га єдно момче младо:
„Муштулукъ ти драгій Господаре!
Погибоше Иногорскіи Турцы,
Ослободис' наша Црногора!"
Кад' є бане гласа разуміо,
Самсобомъ є бане бесѣдіо:
„Милій Боже на свему ти фала,
На веселѣ, што жуђехъ одавна!"
У ріечи, у коюсе наће,
Онъ є свое слуге сазивао,
Жежіяху кратащие машкуле,
Те чиняху радость и веселѣ,
По Косову какво было ніе;
А 'во иду петь Мартиновићахъ,
И ш' ньима є Бориславић' Вуче,
Крвавіехъ до раменахъ рукахъ;
Одъ веселя пакъ ихъ срета бане,
Ушетао у біеле цркве,
Те одстои божу летурђію,
Па изиде изъ біеле цркве,
Даѣ ньима пійћа и єстива,
Ліепо ихъ бане дочекива,
Іошъ лѣпше ихъ даромъ дариваше;
Батру дае коня исподъ себе,
А Ивану двіе пушке мале,

Дае Марку саблю на поясу,
И Томашу златну перяницу,
А Милошу сребрна ханџара,
Іошъ дарива Бориловићʼ Вука
И нЂмʼ дае двіе пушке мале,
У жежено злато облЂвене;
То све было кадсе и чинило,
Покойніемъ душевно спасенЂ,
А живіемъ здравЂ и поштенЂ.

10.

Тры сужня.

(Одʼ Вука Ђурова Радоньића, што є у кньизи Морскоме Официеру Г. БранЂвскимъ изображенъ.)

Уцмилђше добры тры юнака
У біелу Скадру на Бояну,
Єдно соко Ліешо Пипере,
Друго Солатъ одъ Васоевићахъ,
Треће Вуксанъ одъ Булатовићахъ,
Вуксанъ пита оба побратима:
„О Бога ви оба побратима!
Евʼ доиста погинутʼ хоћемо,
Него што е ютрось комʼ найжаліе
Оставити на свое дворове?“
Вели соко Ліешъ одъ Пиперахъ:
„Мене браћо ютрось найжаліе
На домъ баба и старицу майку,
Єръ неймаю до мене єднога,
Неима ихъ ко хранитʼ до смрти!“
Вели Солатъ одъ Васоевићахъ:
„А мени є браћо найжаліе
Оставити вЂрену любовцу,
Єре самсе скоро оженіо,
Іошъ ми нейма ни петнаесъ данахъ.“
Вика Вуксанъ одъ Булатовићахъ:
„Луди ли ʼсте до два побратима!
Я ʼсамъ мніо да ʼсте и больизи,
А мене є браћо найжаліе,
Ђе срамотно погинутʼ хоћемо.
Безъ икаке замЂне юначке.“
У ріечи кою говорише,
Џелатъ Турскій надъ тавницу дође,
Пакъ ихъ Туре дозивати поће:
„Тко є ʼвође Ліешо Пипере,
Некʼ излази момче предʼ тавницу!
За нЂга є добра откупъ дошла,
Да онъ иде юнакъ на дворове.“
Испануло предъ тавницу момче,
Џелатъ махну посЂче му главу;
Другій Џелатъ дозивати поће:
„Ко є Солатъ одъ Васоевићахъ,
Некʼ изиде предъ тавницу амо,
За нЂга є добра откупъ дошла,
Да онъ иде двору біеломе.“
Испануо юнакъ предъ тавницу,
Џелатъ махну осЂче му главу.
Али трећій џелатъ довикуе,
По имену Булата Вуксана,
Предъ тавницу Вуксанъ изипао,
Ма оваю џелату зборіо:
„Аманъ мало Турачкій џелату!
Некрвави юначка օђелла,
За Пашу бы пуста требовала.“
На тосе є џелатъ слакоміо,
На нЂгово юначко օђелло,
Врже паллу на траву зелену,
Па юнаку попуштава руке,
Да му скине ліепо օђелло,
Алʼсе юнакъ яданъ непуштава,
Него бритку саблю дофатіо,
Посіеца Турска тры џелата,
Па побЂже преко Скадра града,
Што среташе подъ саблю меташе,
Докле на мость одъ Бояне дође,
Ондеръ хоџу и кадію нађе,
Алʼ му хоџа и кадія вика:
„Не напріедъ Вулате Вуксане!
Ніе куће бЂжати овамо!“
Соко Вуксанъ ньима проговара:
„Стани мало хоџо и кадіо!
Ако ніе кућʼ бЂжати тамо,
Ніе сада куће ни овамо!“
Хоџа одъ стра скочи у Бояну,
А кадію Булатъ погубіо,
И око нЂгʼ Туракʼ неколико,
Пакъ утече гори у планину,
Доке Вуксанъ у Црницу дође,
У Машана Боіовићʼ сердара,

Онъ га храни за петнаесъ данахъ,
Па га дома испрати у Ровца,
Здраво пође, весела му майка,
Весела му майка и любовца,
И по дому сва нѣгова ђеца!!!

11.

Ћуприлићъ.

(Незнамъ одъ кога є имамъ.)

Гласъ допаде у Стамболу граду,
На дивану цара честитога,
Да є Турска войска погинула,
Кою бѣше царе оправіо,
Да похара Ломну гору црну;
А кад' царе гласе разуміо,
Онъ дозива Ћуприлићъ везира:
„Ћуприлићу моя вѣрна слуго!
Я оправихъ серашћера мога,
И ш' ньим' войске педесеть хилядахъ,
Да освети мою жалосъ тешку,
Кою су ми дали Црногорцы,
Што на мою землю udараше,
Да угоде цару Московскоме,
Кад' мы бѣсмо у рать съ Московима;
Пакъ ми ово допадоше гласи,
Да є моя войска погинула,
У некакве шуме и клисуре,
Погинула одъ Црногорацахъ,
Да гласника остануло ніе,
И овосу тешкіи яды мои,
Одъ коіехъ преболѣт' немогу,
Докле войску неосветимъ свою;
Него узми войске сто хилядахъ,
Ол' и више колико ти драго,
Иди слуго Црной горы ломной,
Да раскопашъ цркву на Цетинѣ,
И Манастырь кодъ біеле цркве,
Ђе доходе кньиге одъ Руссіе
За зло Турско и за пакосъ люту;
Пали редомъ села свеколика,
Роби робѣ сіец' мушке главе,
Неостави цркве ни олтара,
Што до землѣ раскопати нећешъ,
Да истражишъ Црногорска гнѣзда,
У коясе люте зміе легу."
Кад' Ћуприлићъ заповіедь пріими,
Онъ сакупи силовиту войску,
Сто и двадесть хилядахъ Туракахъ,
А кад' близу Црногоре дође,
На границе Црногорске на'ђе,
Све притекло дасе одъ нѣг' брани,
Ал'се нѣму одбранит' немогли,
И што могли неимали чиме,
Неимали праха ни олова;
Єданъ юнакъ а двадесть Туракахъ,
Єдна сабля одъ двадесть сабалях,
Єдна пушка на двадесть пушакахъ,
Него оны на трагъ побѣгоше
Међу тврде горе и планине,
Єдда бысе туђерь одбранили.
Ондай клетыи Турцы одолѣше,
Попалише села и племена,
Раскопаше цркве и олтаре,
И Манастырь на полѣ Цетинѣ;
Што побѣже међу горе тврде,
То недаде къ себе приступити,
И остаде у горама живо,
Што л' у горе побѣћи немогло,
То побѣже у Боку Которску,
У државу дужда одъ Млетакахъ,
Имаюћи тврду узданицу,
Да ихъ Туркомъ нигда предат' неће,
Него да ће дужде помыслити
На велике службе Црногорске,
Што є имо одъ Црногорацахъ
У различне рате и боеве,
Супротъ силна Отмановић' цара,
Ђе су свою крвцу пролѣвали.
Ал'се оны тужны преварише,
Што имали лажну узданицу,
Луждъ за ньима Турке напустіо
По свой Боки и свему Приморю,
Пофаташе мало и велико;
Што л' у ропство водити нећеше,
Изсѣкоше мало и големо,
Пакъ отале саблѣ окренуше,
Съ допуштенѣмъ дужда одъ Млетакахъ,
Тер'се Турцы отле помакоше

Преко равне землѢ Арбаніе,
И узеше дужду пріятелю
Сву Морію међу море слано;
То му фала и то му исплата,
За нѣгово врло пріятельство,
Што имъ дужде бѢше учиніо,
Предававши тужне Црногорце
Да ихъ колю на землю нѣгову,
Хей лацманство далеко ти куħа! —

12.

Освета Кчева.

(Одъ Вукоте Милутиновъ Миħуновиħа
изъ Велестова у Црнойгоры.)

Біела є дозивала Вила,
Изнад' Кчева Николи Томашу:
„Ал' небринешъ, ал' ништа нечуєшъ?
Ево на те войске су тры банде,
Одъ шве Босне и Херцеговине,
А пред' ньима Любовиħу Бего,
И хоħе ти съ ютра ударити.
Но покупи Озриниħе младе!“
Вили збори Никола Томашу:
„Мучи Виле грло ти занукло!
А ђе су ми мои Озриниħи?
'Да л' ніесу погинули лани
Одъ крвника Ћуприлиħъ везира.“
Па веħ' съ Виломъ више неговори,
Но направи листъ кньиге біеле,
А посла є селу Велестову,
Пріятелю Шоговиħъ Андріи:
„А ђе си ми главный пріятелю?!
Покупи ми твое Велестовце,
Хайде ш' ньима Кчеву каменоме,
Ево на насъ войска одъ Туракахъ,
Одъ шве Босне и Херцеговине,
А пред' ньима Любовиħу Бего;
Да чекамо на ТрньинѢ Турке.“
Кад' Андріи ситна кньига дође,
Покупіо листомъ Велестовце,
Свега деветъ другахъ искупіо;
А кад' дође на главицу зборну,
Ту нађоше Николу Томаша,
Окупише свою сыратиню,
Свега на брой четиредесть другахъ;
Сретна имъ є ура прискочила
У до̑ Прендинъ тврдый отидоше,
Те Турцима добро западоше,
Изъ дружине стражу оставише,
А на име Вука одъ Ябукахъ;
Кад' на нѣга налѢгоше Турцы,
Некħе Вуче кажеват' дружины,
Но є танку пушку опаліо,
Те Мургиħа Зука ударіо,
Четобашу одъ Клобука града;
Иза Вука обрнула рука,
Е! а Турц'ма велика нерука,
Велясе є заметнула кавга,
Веħ'се нежна ко біяше кога,
Докъ дођоше долу КобилѢму;
Пала магла о землѢ до неба,
Ма се моли Никола Томашу:
„Да ми вѢтаръ одъ планине пухи
Да я виђу чія гине войска,
Чія гине, чія ли добива!“
Бога молѢ и умоліо га,
Пухну вѢтаръ те онъ видѢ войску,
А ево ти Шоговиħ' Андрія,
И ш' ньим' иду браħа Црногорцы,
Оны воде два брата Ченгиħа,
И Турчина Бега Любовиħа,
Осталіехъ стотину Туракахъ;
На благосе осѢкоше Турцы,
Доведу ихъ долу Преитиноме,
И божнасе одкупит' оħаху,
Но дођоше Чевске покайнице
А пред' нвима Кресте Мояшева,
А кад' виђе Бега Любовиħа,
Кад' га виђе нежна га ліепо,
Па своему брату говораше:
„Ой Андріа безъ тебе остала!
Куђ' ми водишъ Бега Любовиħа,
Кои ме є поробіо лани?“
У Андріе пуче срце живо,
Одъ пояса саблю извадіо,
Те бегову окинуо главу.
Кад' виђеше таде Црногорцы,
Свакій свога посѢче Турчина,
А сувише хиляда Туракахъ,

Потлѣ Бега су педесть другахъ;
Ту погибе цвіетъ одъ Туракахъ,
Пое Томашъ изъ грла біела:
„Милій Боже на свему ти фала!
Дивно ли 'смо браћу осветили!
Кад' ни овы погибоше Турцы,
Ход'мо браћо дасе умиримо,
Пребіяймо прве за потонѣ:
Два делійћа за попа Милійћа,
Два Ченгића за Мрвалѣвића,
Любовића, за Ђукановића,
А Муркића Зука одъ Клобука
За сокола Мандушића Вука;
А остале одъ краине Турке
Неймамо ихъ пребит' ни за кога,
Но проклете Босанске баліе,
Пребіяймо сваког' по за вепра;"
Ка' рекоше тако учинѣше,
И да си ми здраво побратиме.

13.

Ченгійћъ Синан-Бегъ.

(Незнамъ одъ кога є спѣвана; а о разбићу є Турака на 1764. годиште у Црнойгоры.)

Захвалисе Ченгић-Синан-Бего
Пред'. господомъ одъ Херцеговине:
„Ахъ! да бы ме була неродила,
Но влахиня, коя влахе рађа,
Ако войску сакупити нећу,
Да похарамъ село на Трньине,
На Трньине на край горе црне;
У нѣму ми чуданъ шићаръ кажу,
Бѣле овце конѣ и волове,
Што су оный клетыи Трньинары
Све изъ наше землѣ уграбили;
Опалићу кулу Рогановy,
На коюсе Турске главе суше,
И у кою Турско робѣ воде,
Те ихъ нама даю на откупе;
Заробићу любу Роганову,
Заробићу ол'ћу погинути,
Младу любу скоро доведену,
Єръ ми кажу кои є познаю,
Да є лѣвша одъ Виле біеле."
Но му старый вели Катлан-Ага,
Одъ Мостара града біелога:
„Проћ'се тога Ченгійћ'-Синан-Бего!
Ніе ласно робит' Црногорце,
Ни палити села Црногорска,
Дасе она крвлю необлію;
Знашъ ли Бего што є скоро было?...
Кад' удрише наши Херцеговцы
На біелу кулу Роганову,
Нити оны роба заробише,
Ни біелу кулу опалише;
Но скочише младіи Црногорцы,
Разагнаше Турке на булюке,
Тридесть и шесть живихъ уфатише,
Све Беговахъ, Агахъ, и Спахіяхъ;
А сувише осталихъ Туракахъ;
Нешћеше ихъ пустит' на откупе
За Млетачке одъ злата дукате,
Већ' на Турску бруку и срамоту
Заискаше Мачванске вепрове;
Што искаше то имъ Турцы даше,
За вепрове Турке міеняще,
Па споменсе Ченгійћ-Синан-Бего!
Штосе пређе могло догодити,
Тос' опета догодити може;
Но прођисе тога шићареня,
Да те люта змія неудари."
За то Бего необраћа главе,
Єръ га носи желя превелика
На ліепу Роганову любу,
Да є узме за любовцу драгу;
Пакъ искупи седамъ хиляд' войске,
На Терньине село ударіо,
Ал'се бране тридесть Трньинарахъ,
Коиносе дома намѣрише,
Жестокіемъ огнѣмъ исъ пушакахъ,
А кликую браћу Црногорце,
Изъ біеле куле Рогановe,
Ни приступит' до куле недаду;
То зачуше Чевяны юнацы,
И осталіи младіи краичницы,
Велестовцы, Цуце, и Бѣлице,
На юначке ноге поскочише,
И шарене пушке прифатише,

Путъ Трньинахъ брзо потрчаше,
Кличе добаръ юнакъ изъ дружине:
„Стан' постани Турскій булюмбаша!
Єръ да имашъ крила соколова,
Небы тебе данас одніела.“
Кад' виђеше Турцы Црногорце,
Побѣгоше главомъ безъ обзира;
Но имъ лоша срећа прискочила,
Што ихъ поточъ скоро пристигнула,
Ћераше ихъ горомъ и планиномъ,
До Прентина дола крвавога
Деведесетъ главахъ посѣкоще,
Па остале далѣ поћераше,
И на тврдый кланацъ наћераше,
Сто и тридесть и два уватише,
Међу ньима Агахъ и Беговахъ
Седамдесетъ и четиры друга;
Све остале туђеръ изгубише,
А господу живе поведоше
На средъ Кчева на гумно камено,
Хоћаху ихъ пустит' на одкупе,
Но ихъ женска глава укорила,
Вѣрна люба Кнеза Моисія
Вашъ одъ Кчева мѣста краичнога,
Она рече Коичићу Вуку,
Што држаше Ченгійћ' Синан-бега
Свезаніехъ рукахъ наопако:
„Ой ђевере Коичићу Вуко!
Вы хоћасте браћу откупити
У клетога Ћуприлійћ' везира,
Но ихъ нешће дати на откупе;
Сномениое Вуко удовицахъ,
Удовицахъ црнихъ кукавицахъ,
Ономлани штосу остануле
Кукаюћи и сузе ронећи
Безъ мужевахъ... и безъ хранителяхъ;
Ніе ли вы зазоръ и срамота,
Да пуштите Турке на откупе?
У юнаку пуче срце Вуку,
Сабльомъ махну Коичићу Вуко,
Одсіече Синан-бегу главу;
Сву господу тако погубише,
Тад' стадоше міенати Турке
За юнаке младе Црногорце,
Кои бѣху скоро погинули
Одъ велике войске Ћуприлійћа;
Ту пребише драгій побратиме
Два Ченгійћа за попа Милійћа,
Любовића за Ђукановића,
А Мекића за Томановића,
Яглачића за Мићуновића,
Сіерчића за Мрвалѣвића,
Два Звѣздића за два Балетића;
А Диздара одъ Клобука Зука
За Сокола Мандушића Вука,
Іошъ остале броити немогу,
Єр'бы пѣсна одвећ' дуга была.

14.

Богованѣ.

(Кимъ є спѣвана незнамъ, а о бою є Црногорацахъ съ Турцима у години 1768-ой случившегасе.)

Кньигу пише дужде Млечанине
На хиляду и седме стотине
И шездесетъ и осме године,
Пошалѣ є Турскоме султану,
У Стамболу біеломе граду;
У Кньизи га мило поздравяше,
И овако нѣму говораше:
„Али незнашъ честитый султану,
Ол' нехаешъ ни обраћашъ главе,
Штосе єданъ чоекъ огласіо,
Подъ именомъ цара руссинскога,
Међу наше землѣ и државе,
У камену ломну гору црну;
За нѣга є народъ пріонуо,
Кано дѣца за своега Отца,
— — — — — — — — — —
— — — — — — — — — —
Но сакупи силовиту войску,
Да мы црну гору похарамо,
И да оный народъ погубимо,
Да одъ нѣга неостане трага;
Я ћу скупит' мое Далматине,
И Хрвате плаћене солдате,
Поставићу по границы войску,
Што утече исподъ саблѣ твое,
Нећe утећ' исподъ меча мога.“

Кадъ султану она кньига дође,
Онъ сакупи силовиту войску
Одъ све Босне и Херцеговине,
Руменліе и Македоніе,
И одъ плодне землѣ Арбаніе,
Сакупіо пѣшца и коньика,
Сто и двадесть хилядахъ войникахъ,
И предъ ньима два силна Везира,
Босанскога и Руменлійнскога,
И Мехмеда пашу Скадарскога;
Дође Везиръ одъ Уруменліе
Код' біеле варошъ Подгорице,
А Босанскій на полѣ Никшићско,
Мехмедъ паша код' села Плавнице
Башъ на према нахіе Црничке,
А Млечићи поставише войску,
По границы краемъ горе црне
Одъ Грахова и Херцеговине,
До државе Барске и Скадарске;
Црногорцы кад' то угледаше,
Да су са свихъ странахъ опколѣны,
Вышнѣмусе Богу помолише,
Пакъ договоръ таквый учинише,
Да за животъ нитко непомышля,
Но да раде славно погинути
Ради вѣре и слободе драге,
Да ньихова небы погибіо (побѣжденѣ)
Злотворима радость донѣла;
Дочекаше одъ Босне везира,
Подъ Острогомъ высокомъ планиномъ;
А везира одъ Уруменліе
Више равна поля Єдношкога,
Мехмед-пашу на краю Црмнице.
Туд'се войске боемъ ударише
Безъ престанка тры біела данка,
Но какође побре дочекати,
Дочекати оли побѣдити
Десеть хиляд' войске Црногорске,
А сто двадесть хилядахъ Туракахъ;
Млога села Турцы опалише,
И немало робя заробише,
Па на Кчево таборъ учинише
Но имъ худа срећа прискочила;
Єрсе оны сакрити незнаду
За дрветомъ или за каменомъ,
Како штосе крію Црногорцы,
Него Бошнякъ гласовито виче:
„Стани мышя душо Црногорче!
На поляну дасе огледамо!
Куда бѣжишъ како мышъ у дуплю?"
Ал' изъ дупля танка пушка пуца,
Турчинъ пада одкуд'се ненада,
И бишесе за деветь недѣлях,
Него тужны, брате, Црногорцы
Неимаду праха ни олова,
Али ево среће Црногорске,
Добре среће одъ Бога послане:
На данъ првый Ноемвра мѣсеца.
Пошто сунце на заходу зађе,
Паде страшна киша изъ облака,
Безъ престанка до сутрашнѣг' данка,
Ударише мунѣ и громовы
У средъ войске дужда Млетачкога,
Близу Будве града Приморскога;
И у таборъ другій громъ ударіо,
Ударіо паше Скадарскога,
На дно равна поля Црмничкога,
Разагнаше войске обадвіе.
Ево друге среће Црногорске!
Те узеше одъ Турак' џепхану,
Што иђаше на Кчево крваво,
А у таборъ два силна везира;
Пакъ на Турке и' ньоме ударише
Пређе зоре и біела дана,
Прве страже огнѣмъ оборише,
А на друге юришъ учинише,
Што испаде мртво и ранѣно,
То у таборъ огнѣмъ ућераше,
И на траг'се опеть повратише.
Кадъ везиры оно видіеше
Џебхана имъ да є уграблѣна,
Да имаю Црногорцы праха,
А вріеме зимнѣ наступило,
Те у Црну гору ніе стања,
То л' у зимнѣ доба воеваня,
Повратише войску на трагове,
Оставише мѣста и путове,
Куда оны бѣху проходили
Свуда своіомъ крвлю облѣваху,
И Турскіемъ костим' оскврнаху.
Вѣруй вѣры драгій Побратиме,
Да є ово истинито было,

И да си ми здраво и весело!
А Богъ воли, ком му се моли,
Па нѣм', друже, Црногорцы служе! —

15.

Освета Црнегоре.

(Одъ Иліе Средановића съ Добра-села.)

Кньигу пише Никша Капетане,
А шилѣ є стойну Цариграду,
Башъ на име цару господару:
„Ђе си царе сунце огріяно!?
Црна ми є гора додіяла,
Роби буле а сієче Турке,
А одгони конѣ и волове,
Узе благо што имаше Турцы,
И біеле на булюке овце
Искрай мога Никшића крвава;
Но ако ми нећешъ послат' войску;
Да похарамъ ловну гору црну,
Да осветимъ жалость мою тешку,
Више стоят' у Никшиће нећу,
Него ћу ти Никша оставити."
А кад' цара кньига допанула,
Кад' ли виђе што му кньига пише,
Онъ дозива Ћуприлийћъ везира:
„Ћуприлићу вѣрна моя слуго!
Узми слуго силновиту войску,
Айде съ войскомъ Скадру біеломе,
Ту ћешъ наћи Агу Мустафагу,
Наћи ћешъ га на край горе црне,
Онъ ће твою войску разредити."
Везиръ га єончасъ послушао,
Па му люби руке и скутове,
Па отиде предъ войскомъ царевомъ,
Ш' ньомъ обрну Скадру код' Бояне;
А кад' Скадру біеломе дође,
Ту находи Агу Мустафагу,
Ма га Турчинъ дочекива дивно,
Іошъ му лѣвше войску разређива;
Ћуприлића на Кчево крваво,
А Ченгийћа преко Граховога,
Сехратдію блатомъ на ріеку,
Турцы гору црну похараше,
Поробише мало и велико,
Но утече єданъ калуђере,
Онъ утече мору дебеломе,
Паксе моли Богу великоме,
Моли му се по закону своме;
Моли Бога и умоліо га,
Обрну га сунцу на истоку,
И додаде біеломе Бечу;
А кад' у Бечъ юнакъ долазаше,
Одъ Беча се врата затвараху,
Ма калуђеръ Богомъ братимяше:
„Богомъ брате одъ Беча стражару?
Отвори ми біелога Беча,
Да улѣземъ свіетлой кральицы,
Да іой мое покажемъ неволѣ."
Вѣранъ бѣше Бога вѣроваше,
Одъ града му врата отвараше,
Онъ улѣзе у біелу Бечу,
И приступи свіетлой кральицы,
Біелу іой полюбіо руку,
И дао іой кньиге на скутове;
Кад' кральица кньиге видіела,
Овако му млада проговара:
„Калуђере майка ти жалошна!
Єл' истина што ми кньиге кажу?"
„Истина є свіетла кральице,
Да є црна гора похарата."
А кад' ютро было освануло,
Она нѣму дае пратіоце,
Преведе га у земльи Полячкой
У Ивана краля Полячкога,
А кад' кралю дође на дворове;
Нѣга кралѣ дочекива дивно,
Онъ му бача кньиге на скутове,
А кад' виђе што му кньиге кажу,
Ал' га кралѣ брже одправіо,
И добре му даде пратіоце,
Препрати га у земльи Инглеской,
У силнога краля Инглешкога;
А кад' кралю дође на дворове,
Полюби му руке и скутове,
Па му кньигу на колѣно дае,
Каде кралѣ кньиге разгледао,
И кад' виђе што му оне кажу,
Калуђеру ріечъ проговара:
„Калуђере, моя зміо люта!

Єл' истина што ми кньиге кажу?"
,,Истина є, драгій Господаре!
Да є Црнагора похарата."
И онъ га є брзо отправіо,
И даде му добре пратіоце,
Препрати га у земльи Мошковской,
На дворове одъ Москве кральицы,
Кадъ кральицы дође на дворове,
Ньойзи люби руке и скутове,
А кньиге іой дае на колѣно,
Кньиге гледа сузе проліева:
,,Калуйере моя зміо люта!
Єл' истина што ми кньиге кажу?"
,,Истина є моя круно шяйна!
Црна ти є гора похарана,
И Турска є сила погазила,
Поробила робя неколико."
А кад' оно млада разумѣла,
Найвѣрнію слугу дозивала,
По имену Божа Дценерала:
,,Вѣрна слуго Дценерале Божо!
Ево су ми гласи допанули,
Црна ми є гора похарата,
Нег' окупи силновиту войску,
Силну войску стотину хилядахъ,
Да идемо стойну Біограду!"
Ню є спрешно слуга послушала,
И силну є войску подигнула,
Предъ ньоме є кральица Русинска,
Ма кад' доше у земльи Инглешкой,
И Инглежъ є силу подигнуо,
Кральицы є поша' у помоћи,
Пакъ минуше стойну Біограду;
А кад' доше у земльи Полячкой,
И Поляку є силу сакупіо
И онъ ньима пође у помоћи.
То зачула одъ Беча кральица,
И она є силу подигнула,
И она имъ пође у помоћи,
А кад' доше близу Біограда,
Біела є Вила дозивала
Изъ Лауре Турске Калауре,
Дозивала Стойну біеломе
По имену Мехмеда везира:
,,Зло ютро ти Мехмеде везире!
Ал' нечуєшъ, ал' ништа небринешъ?
Четиры су зміе околиле
Око твога стойна Біограда,
Обѣ ће ти очи извадити,
И узети стойна Біограда."
А кад' оно юнакъ разуміо,
Онъ на бедемъ излази одъ града,
Па погледа око града свога,
И видіе войску на четверо;
Ма ихъ везиръ Богомъ братимяше:
,,Богомъ сестро Русинска кральице,
Дай ми вѣру за неђелю данахъ,
Докъ одъ града покупимъ ключеве,
Ев' тебе ћу оставити Стойна."
Кад' є оно млада разумѣла,
Недаде му вѣру за неђелю,
Но є дае за петнаесъ данахъ;
Везиръ нек'ће купити ключеве,
Него пійше біеле фермане,
Пакъ ихъ шилѣ цару честитоме:
,,Ђе си царе сунце огріяно?
Четиры су зміе око мене,
Е ма што е єдна змія люта,
Змія люта кральица Русинска,
Она води войске сто хилядахъ,
Али хоће узет' Біограда;
Єре носи одъ боя лубарде,
Ніе друга узеће ни града,
А кад' узме мене Біограда,
И тебе ће стойна Цариграда,
Но ми пошльи неброену войску."
А кад' цара кньига допанула,
Кньигу бачи купи силну войску,
И Босна є нѣму на помоћи.
Кад'се пуна напуни неђеля,
Ма кральица слугу отправила,
И овако слуги говорила:
,,Вѣрна слуго Польскій Александро!
Ходи пођи стойну Біограду,
Е да видишъ войску везирову,
Ал' одлази, ал' прилази войска
Хайде мудро, лудо непогини!"
Ню є слуга брзо послушала,
Ево пође біеломе Стойну,
И дивно є Турке уходіо,
Неодлази войска ни прилази,
Па овако съ Турцима говори:

„О за Бога браћо моя Турцы!
Каде ћемо ударити кауру?"
А нѣму су Турцы говорили:
„Пређе рока тры біели данка!"
Ев' онъ брже кодъ кральице дође,
Па кральицы право кажеваше:
„О кральице сунце огріявно!
Дивносамъ ти Турке уходіо,
Неодлази войска но прилази,
И хоте ти Турцы ударити
Пређе рока три біеле данка."
То кральица када разумѣла,
На четверо войску разредила
Око свега стойна Біограда,
И Турчину млада ударила,
Живіемъ га огнѣмъ огорѣла,
И Турску є войску предобила,
На Рабу... є воду нагонила,
Пакъ є тада запояла млада:
„Да тисе є, друже, нагледати!...?
Какосе є вода премостила
Одъ Туракахъ и Турскіехъ коняхъ,
И Турскіехъ капахъ и доламахъ."
Свег' похара Стойна Біо...града,
И освети малу гору црну,
А поведе робѣ путъ Руссіе;
Она робя веће узе тада,
Нег' су Турцы игди и одкуда...!
А нека є, Богъ іой помагао!!!

16.

Зулумъ безъ Бая.
(Одъ Зая Гойкова Бѣлопавлић.)

Четасе є мала подигнула
Одъ Пераста и Приморя славна,
А пре четомъ Пивлянине Баіо,
А за Баіомъ Вуіо баряктаре,
А за Вуіомъ Сердаръ Маркетане,
За Сердаромъ одъ Ліевна Лимо,
А за Лимомъ тридесетъ хайдукахъ;
Оде чета ломномъ горомъ црномъ,
Докле чета на Грахово дође,
Но ту чета трудна починула,
У то рече Сердаръ Маркетане:
„Ово ми є браћо постойбина!
Одовле ме ишћераше Турцы."
И онъ грозне сузе пролѣваше.
Одонлесе кренуше хайдуцы,
Докъ дођоше у Ліевно равно,
Кад' ту дође одъ Ліевна Лимо,
Топле су га сузе пропануле,
А дружины своіой говоріо:
„Ово ми є браћо постойбина!
Одовле ме Турцы ишћераше."
Ту га тѣше любивна дружина:
„Нека Лимо наше постойбине!
Но хайдемо у чету юначку,
Єда бы намъ Богъ и срећа дала,
Да мы ђегодъ задіемо Турке."
Одонлесе кренуше юнацы,
Докъ дођоше у Пиву пространу,
Но ту рече Пивлянине Баіо;
„А за Бога любивна дружино!
Єл' оваке иђе постойбине
По краинахъ али по градовахъ?
Ово ми є постойбина была,
Постойбина моя и Вуіова,
Одовле насъ Турцы изагнаше,
Башъ проклетый Перастовић' Хамза."
Топле хайдукъ сузе пролѣваше
Тѣшаху га любивна дружина,
И говори Вуіо Барякторе:
„Хайде Баіо наша Четобашо!
Нека наше ове постойбине,
Но хайд' води любивну дружину,
Да идемо Турке да чекамо,
Да ако бы Богъ и срећа дала,
Те мы ђегођ Турке дочекамо."
Скочи хайдукъ одъ землѣ на ноге,
Пакъ отиде тамо пре дружиномъ,
Докле Баіо у Голію дође,
Ту дођоше на Кладу на воду,
Те хайдуцы трудны починули,
Воде пише лѣба заложише,
Па поспаше кићенныи юнацы,
Сви поспаше ка' дасе поклаше,
Но нехоће Пивлянине Баіо,
Самъ онъ оде зеленомъ планиномъ,
Докле нађе єданъ крдъ овацахъ,

И код' ньихсу тры дѣвойке младе,
Божю помоћъ Баіо називаше:
„Божя помоћъ ліепе ђевойке!
А тако вм, тры ђевойке младе
Ђе су вама овцама овчары?“
Божу су му помоћъ прифатиле:
„Богъ дай тебе незнана деліо!
Повео ихъ Перастовићъ Хамза
Прозъ планину да косе сієно,
Повео ихъ силомъ на срамоту,
И те бысмо яде опростили,
Но неможес' простити никако,
Текъ поведу на Яворѣ овце,
На Яворѣ на ту воду хладну,
Ту ће Хамза Перастовић' дођи,
Око нѣга неколико другахъ,
Да бираю прозъ овце яганьце,
И дебеле безплодкинѣ овце,
Башъ деліо силомъ на срамоту.“
Таде Баіо мало обратіо,
Обратіо паксе повратіо:
„А за бога тры ђевойке младе!
Бои ли се Перастовић' Хамза,
Већ', до Бога, бои ли се кога?“
Тако су му младе говориле:
„Онъ никога небоис' до Бога!
А и бога мало ти познае,
Како Бая нейма никояко,
Заръ є Баіо негђе погинуо.“
Таде хитро Баіо обратіо,
Хитро Баіо до дружине пође,
Онъ разбуди сву редомъ дружину,
Найпосліе Вуя Барјактара,
Скочи Вуіо ка' дасе помами,
И дружини своіой говоріо:
„А тако ми любивна дружино!
Ясамъ Вуіо грданъ санъ видіо:
Садъ мы бѣсмо на Яворѣ равно,
Отуд' Хамза Перастовић' дође,
У руке му свилена барјака,
Дарива га Перастовић' мене;
Тек' ли Вую у руке допаде,
Проврже се црномъ манделиномъ.
А загнасе тридесть соколовахъ,
Те пецива Хамзи поягмише;
И тако ми, моя дружбо драга!
Вы ћетосе данасъ осветити,
А Вуіо ће ядань погинути.“
Кад' то чуо Пивлянине Баіо,
И своє имъ Баіо кажеваше,
Како су му зборилe ђевойке:
„Но хайдемо любивна дружино!
Да чекамо Турке на Яворѣ.“
Искочише тридесетъ хайдукахъ,
Отидоше на Яворѣ равно,
Западоше око друма пута,
Сву дружину Баю нарећуе,
Сву дружину око друма пута,
Вуя нейма није намѣстити,
Но врже га на сред' друма пута,
Да онъ чека силу одъ Турака,
А предъ ньиме букова омара
Мало было ништа нестануло,
Ал' ђе иде Хамза Перастовићъ,
И за ньиме дванаесъ Турака;
Но є силанъ яди га убили,
На Вранчића коня големога
На нѣга є ноге прекрстіо,
Преко крила држи џевердана;
Єс' на Вуя туре нагазило,
У Вуя є лоша срећа была,
Првый га є Хамза угледао,
Па на нѣга спрета џевердара (пали)
Онъ є Вуя дивно погодіо,
Десну му є ногу саломіо;
Кад' виђоше тридесетъ хайдукахъ,
Како Хамза Перастовићъ гађа,
Па гађаше тридесетъ хайдукахъ,
Погодише дванаесъ Туракахъ,
Халакнуше Бога поменуше,
А пламенне ноже потргоше,
И дванаесъ главахъ посѣкоше,
Све оружѣ Турско поягмише,
Па оружѣ Турско діеляху;
И ту Вую старешинство дају,
Хамзинога коня и оруже;
На коня су Вуя усадили,
Понесоше г' у Приморѣ копню,
Ал' му на путъ душа испанула,
Тек'се Хамзомъ есте замѣнила,
Па покойну Богсе смиловао,
Што є првый Хамзу незгледао,

Но ранивъ га едва погодіо,
Мећу пуца ће му душа куца.

Надгробно:

(„Свой тко животъ за общтинскій дае,
Онъ му текаръ у пѣснам' настае,
Богъ да прости Бая Пивлянина!
Осветіо Срба у Турчина.“

17.

Конацъ.

Турском' харачу у Пипере.
(Одъ Попа Іована Кнежевића войводе у Бѣлопавлићу.)

Кньигу пише Коскійћъ Ахмет-бего,
Одъ ліепе варошъ Подгорице,
Те є шилѣ у ломне Пипере,
Свому Даю Шушовић' Пауну,
У кньизи га мило поздравяше:
„Міо Даіо Шушовић' Пауне!
Пошльи мене харачъ одъ Пиперахъ,
Ако ли ми харачъ послат' нећешъ,
Село ћу ти Црнце опалити,
Село Црнце и листомъ Пипере!“
Кад' Пауну кньига допанула,
Виђе Паунъ што му кньига пише,
Те онъ пише бегу сестричићу:
„Што ми бего за хараче пишешъ,
Да ти пошлѣмъ харачъ одъ Пиперахъ,
Послаћу ти студено каменѣ;
Што пріетишъ ћешъ ме покарати,
Небыло ти за очину душу,
Кадгођъ дођешъ вазда ти се надамъ.
Ахметъ-бегу када кньига дође
Купи Туре силовиту войску,
По нољи є войску сакупіо,
А по ноћи у Спужъ допануо,
И по ноћи у лугъ запануо,
Да онъ чека Пауна уяка,
И Пипере свою уйчевину;
На ютросе подигнула стража,
Подигнула стража одъ Пиперахъ,
Стража мала два добры юнака,
Симо Никійнъ и Машо Вукотинъ,
На лугове трага уходили,
И Турскога трага опазили;
Отидоше казаше Пауну,
Да є ньима Турчинъ запануо,
Таде Паунъ ситну кньигу пише,
Те є шилѣ у Бѣлопавлиће,
У найближе село Мартиниће,
А на име своме пріятелю,
Пріятелю войводы Ђукану:
„Ай ђе си ми узданъ пріятелю!?
Скупи мене све Бѣлопавлиће,
Да си ш' ньима съ утра у лугове,
Ту су мени Турцы запанули.“
Кад' войводы кньига допанула,
Те онъ виђе што му Паунъ пише,
Па дозива свога сына бега:
„Трчи бего те купи Брђане,
Пауну су Турцы запанули!
Па Брђане водди у лугове,
Да Пиперу будешъ у индату.“
Оде Бего да купи Брђане,
У то доба Турцы ударише,
Ударише Турцы на Пипере;
Ђво велѣ муке одъ Пиперахъ!
Инокосно бѣху дочекали,
Но упіе Шушовић' Пауне:
„Ай ђе си ми Войводићу Бего!
Ючесамъ ти оправіо гласе,
Е су мени Турцы запанули.“
У ту ріечъ што Паунъ викаше,
Дође Бего и Бѣлопавлићи,
Исъ пріека удрише Турцима,
Те су добро Турке повратили,
До бѣла ихъ Спужа догонили,
Свасе Турска войска поломила,
Мало нешто у Спужъ замакнуло,
Ма ихъ Спужке буле дочекале,
Те говоре Коскійћъ Ахмет-бегу:
„Ђе хоћ' бего? Главе неуніо!
Ђе уведе у града Брђане,
Да ти робе буле и ђевойке,
Да ихъ любе теби на срамоту.“
У то бега изѣде срамота,
Свог' є на трагъ хата обрнуо:
„За мномъ Турцы ако Бога знате!
Да идемо опетъ на трагове,

Болѣ нам' е, Турцы, погинути,
Но упуштит' буле подъ Брђане!...“
Ріечъ рече хата обрнуо,
Трчи Туре Куниной главицы,
А све зове Даицу Пауна:
„Стан' Даица єданъ Динсузине!
Да видимо чіи те быт' луговы!“
Ма се Паунъ намѣріо близу,
Брђанима те є бесѣдіо:
„О Брђаны моя браћо драга!
Я ве молимъ и богомъ ве кумимъ,
Да ми близу напуштимо Турке,
Немой кои пређе гађат' пушкомъ,
Докъ негађа Шушовићъ Пауне,
Я ћу гађат' Бега сестричића,
Што є ову сву войску скупіо,
Те онъ иште харачъ одъ Пиперахъ.“
Послушаше Брђаны Пауна,
И поближе Турке напуштише,
Пушкомъ гађа Шушовићъ Пауне,
Онъ погоди Коскић' Ахмет-бега,
Подъ грроце ђе пуце запуча,
У то Брдске пушке припуцале,
Одъ Туракахъ яда наградише,
Опет' бѣже Подгорички Турцы,
Понесоше бега наопако
И ш' ньим' млоге мртве и раннѣне,
А неке су и ту оставили;
Одъ Брђанахъ нико непогибе,
И на томсе бою разметнуше,
Па Брђаны шенлукъ учинише,
Зафалише Богу и оружю,
Што хараче Турцы прекидоше;
Тако было какосе пѣвало.

18.

О Сербскоме Патріарху.
(Одъ Ђурише Піеровића Бѣлоша.)

Пешкешъ посла Мошковска Краљица
Пешкешъ посла у Стамболу граду,
А на руке Цару Ибрахиму,
Чуданъ пешкешъ! Одъ злата тевсію,
На тевсію преплетену змію,
А узъ нюсу тры турачке главе,
Све одъ суха немѣрена злата,
Свиленіемъ шаломъ замотане;
До ньихъ бѣше хоџа и кадія,
Кафеџія кои кафу вари,
Кафу вари и дружини дае;
Кад' є царе пешкешъ прифатіо,
А кад' видѣ силнога пешкеша,
Стаде мыслит' и размышлят' царе,
Какавѣ бы іой пешкешъ повратіо,
Немогасе царе домыслити;
Него купи паше и везире,
И остале Турке и бегове,
Немогасе домышлит' ни єданъ,
Него паша Соколовићъ вика:
„О ты царе драгій господаре!
Залуд' купи паше и везире,
И остале Турке яньичаре,
Нико тисе домыслит' немога',
Какавъ бы іой пешкешъ повратіо;
Него царе књигу напишите,
И шљите є у той Пећи доньой,
А на руке старцу Патріарху,
Нека дође у Стамболу граду,
Онъ ће тебе научити дивно.“
Али царе ситне књиге пише,
А шилѣ є у той Пећи доньой,
А на руке старцу Патріарху:
„Да си мене съ прешомъ у Стамбола!“
А кад' старцу ситна књига дође,
И кад' виђе што му ситна пише,
Онъ є старацъ хата дофатіо,
И бацисе хату на рамена,
Брзо дође біелу Стамболу,
И улѣже цару у сараю,
И цареву прифатіо руку;
Ал' говори старый Патріаре:
„О за Бога мой царе честитый!
Што си за ме прешно посилао?“
„Како што є, старый Патріарху,
Ты погледай на то перо златно,
Какавъ ме є пешкешъ допануо
Одъ велике царице Русинске;
Немогахсе старче домыслити,
Какавъ быхъ іой пешкешъ повратіо,
Залуд' купихъ паше и везире,

И по изборъ мое Яньичаре,
Ни єдансе домышлит' немога',
Какавъ быхъ іой пешкешь повратіо,
Па за тебе я одаслахъ старче,
Небы ли ме старче научіо,
Какавъ быхъ іой пешкешъ повратіо,
У Руссію Русинской краљицы."
Тад' и старацъ пешкешъ погледива,
Погледива па га разгледива,
Па Патріархъ цару бесѣдіо:
„Лашно тисе царе домышлити,
У тебе су Србскіи пріелози,
Славный баракъ славнога Лазара,
И одежда светога Николе,
Еванђелѣ светога Іована,
Златна шляка Деспотовић' Ђура;
То ти царе ніе за потребу,
А ньойзи є вазда одъ потребе."
Ончасъ царе на ноге скочіо,
Самъ изнесе Српске пріелоге,
И даде ихъ старцу Патріарху;
Старацъ узе Српске пріелоге,
Па ми нађе два младе путника,
Те имъ даде Србске пріелоге,
И димно ихъ старацъ научіо:
„Хайте зъ богомъ два млады путника,
Вы хайдете право путь Руссіе,
Дивно ће ве дочекат' царица,
Ма немойте друмомъ исправити,
Него хайте зеленомъ планиномъ,
Єре кадсе авизаю Турцы,
Штосу данасъ оны учинѣли,
Хоће скочит' друмомъ зеленіемъ,
Оба те ве уфатити жива,
Залиће ве златомъ жеженіемъ,
И менеће изгубити Турцы."
Оны поше зеленомъ горицомъ,
Понесоше Србске пріелоге,
У то паша Соколовићъ дође,
Те овако цару бесѣдіо:
„О за Бога царе Господаре!
Доходи ли старацъ Патріаре,
Є ли тебе царе научіо?"
Али царе паши бесѣдіо:
„Онъ доходи, научи ме дивно,
Я му дадохъ Српске пріелоге,
Пакъ онъ нађе два младе путника,
Отправи ихъ путь Руссіе ш' ньима."
Кад' разумѣ Соколовић' паша,
Ударисе шакомъ узъ чакшире,
Коликосе медко удари
На трое му пукоше чакшире,
Па овако цару бесѣдіо:
„Ал' ахъ царе штоси учиніо!
Пошто даде Српске пріелоге,
Сад' имъ предай отъ Стамбола кључе!"
Кадекъ виђе царе Имбрахиме,
А кад' виђе што є учиніо,
Онъ покличе Яньичаре Турке:
„Халахъ Турцы за Бога єднога,
Ха болѣ-те друмомъ зеленіемъ,
Уфатите два младе путника!"
Ускочише на хатове Турцы,
По тры вране хата опучише,
А путнике нигђе нестигоше,
Врнушеое пѣшки на опанке;
А кад' цару у Стамболу доше,
Оны Турцы цару кажеваше:
„По тры хата царе оппучисмо,
А путнике нигђе нестигосмо,
Но дођосмо пѣшки на опанке."
То силеный када чуо царе,
Царе фата старца Патріарха,
Џелатима ріечъ бесѣдіо:
„Посіецте старца Патріарха!"
Али старацъ ріечъ бесѣдіо:
„Немой мене изгубит' на сухо!
Е ће одъ мен' капнут' капля крвы,
Изгорети по Стамбола града;
Дажда неће наћи тры године,
Обратиће за мномъ randomneродица."
Поведоше старца Патріарха,
Поведоше на то море синѣ,
Ту нѣгову посѣкоше главу,
Крвца паде на то море синѣ,
Отъ крвисе море ужижало,
Паксе суха краја дофатило,
Те изгорѣ по Стамбола града,
И ненађе дажда тры године,
Обратила потад' неродица.
Ка' имъ рече, онакосе стече,
А іошъ веће згодит' имсе хоће.

19.

Сломъ Татарахъ.

(Одъ Благоте Н. Бѣлопавлића.)

Царе кньигу Отмановић' пише,
У зелену шилѣ є Руссію,
А на руке Московской краљьицы:
„Морре чуешъ одъ Моске краљьице!
Оддай мене харачъ одъ Руссіе,
На ђетића по седамъ цекинахъ,
На ђевойку по четиры пуна;
Ако ли ми то подати нећешъ,
Кунемъ ти се а вѣру ти даемъ,
Е ћу силну покупити войску,
Похарати свуколик' Руссію,
И найпосле тебе уфатити,
Узет'ћу те за вѣрену љубу."
Ту невели Туре акобогда,
Ни быти му акобогда неће.
Кад' краљьицы кньига долазила,
Небыла іой мила николико,
Е ма іойсе одъ болѣ неможе,
Но ми ситну на колѣну пише,
А шилѣ є Отмановић' цару:
„Чуешъ морре царъ Отмановићу!
Єс' ли чуо, єл' ти ко кажева'
Кад' є Српско погинуло царство,
Трысте Српске кладе заузели:
Алайбарякъ славнога Лазара,
И одежду светога Іована,
Златну шляку Деспотова Ђура,
Но дай ми ихъ дасе несвађамо!"
А кад' цару вака кньига дошла,
Самсе царе одъ нѣ препануо,
Препануо, изъ руке пустіо,
Па є царе рѣчъ бесѣдіо:
„А тако ти, одъ Москве краљьице!
Прођи мисе врага и белая!
Кладе су ти у землю Татарску,
У онога Татарскога Хана;
Ханъ є Србске заузео кладе."
Кад' краљьицы гласи допанули
Како збори царъ Отмановићу,
Есе ньойзи одъ болѣ неможе,
Брже пише кньигу на колѣну,
Пакъ є шилѣ у землю Татарску,
А на руке Татарскоме Хану,
А кад' Хану кньига допанула:
„Морре чуешъ, вели, Татар-Хану!
И чуо си, и кажевали су,
Е 'сте Србске заузели кладе,
Подай ми ихъ дасе неколѣмо,"
А кед' Хане кньигу прогледао,
Добро му є кньига мила была,
Па є другу брзо написао,
А посла є Руссинской краљьицы:
„Држи мисе Руссинска краљьице!
Силну ћу ти войску накупити,
А ударит' зеленой Руссіи."
Тā краљьицы кньига допанула,
Кньигу гледа сузе проліева,
Е ма іойсе одъ болѣ неможе,
Но Руссію купи свуколику,
Она чека Татарина Хана,
Чекала га доке дочекала,
Па датисе нагледати друже,
Какос' двіе силе састадоше,
Састадоше паксе ударише,
Тусе клаше два дана біеле,
А кад' быо трећій око подне,
Шће краљьица плећи обрнути,
Е ма тако добре среће была,
Мала іой є потѣчъ долазила,
Мала патѣчъ дванаесъ хилядахъ,
Каравлашка и Карабогданска,
Те Татар'ма съ пріекъ ударила,
Исъ пріека бише безъ ліека,
Тако Хана сломила краљьица,
Саломила у море сагнала,
Тесе море напунило болѣ,
А одъ мртва коня и юнака;
Тако веле и кажую люђи,
По мртвіемъ прелазили живыи.
Одъ насъ пѣсна, а помоћъ одъ Бога,
Свакоему брату Ришћанину.

„Текла вода, и водица,
И текла є и тећиће,
И около и кривудно,
Ма своє ће нађ' єзеро." —

20.

Харачлія Црногорацъ
(Одъ Тома Маркова Петровића Нѣгоша.)

Кньигу пише Томановићъ Нико
Отъ крваве мале горе црне,
А шилѣ є граду Никшицкоме,
А на име Хамзи Капетану:
„О Турчине Хамза Капетане!
Немой дизат' овце у Рудине,
Ако мене харачъ послат' нећешъ,
Танку пушку Џидића Османа,
Коя валя педесетъ дукатахъ,
И доламу Аџиманићъ Дура,
На коюсу пуца съ обѣ стране,
Свако пуце одъ хиляду драмахъ;
Треће: токе Бабића Якшара,
Жуте токе одъ четиры оке,
А одъ злата суха жеженога,
Іошъ одъ крда омна преводнога,
И слушай ме добро Капетане!
Ако будну у Рудине овце,
Я ћу Никац скупит' Црногорце,
Удрићу тебе на Рудине,
Све ћу твое овце плѣнити,
Посѣћу ти овчаре чобане,
Ако мене харачъ послат' нећешъ."
А кад' кньига капетану дошла,
Ударисе рукомъ узъ колѣно:
„Ал' ахъ мене Никца изъ Ровинахъ!"
Па капетанъ на чаршію пође,
Све Никшицке окупіо Турке,
Па имъ танку кньигу прочатіо;
Каде Турцы кньигу разумѣше!
Сви рекоше: „Да му харачъ дамо!"
Докле дође Бабићу Якшаре,
Пакъ є Якшаръ ріечъ бесѣдіо:
„А я велю да му га недамо!
О богу ти Хамза Капетане!
Подай мене ускокъ Станоицу,
И узъ нѣга тры четиры друга,
Е ћу пођи малой горы црной
У крваву Ластву Озринићску,
Да уходимъ Томановић' Ника,
Небы ли ми Богъ и срећа дала,
Да быхъ силну войску сакупіо,
Да посѣчемъ Томановићъ Никца,
А доявимъ овце Црногорске."
Па довати лахка цевердана,
Самоседмый усъ планину пође;
А кад' Турчинъ на изворе дође
Више тора Томановић' Ника,
Ато яданъ Никацъ код' овацахъ,
И ш' ньим' ніе друга ни єднога,
До сестрића Тоднійћа Ивана;
Дивно ихъ є Турчинъ уходіо,
Па дозива побратима свога:
„Побратиме ускокъ Станоица!
Айде пођи граду Никшицкоме,
Поздрави ми Хамзу Капетана,
Да ми пошлѣ пестотин' Туракахъ;
Ако Богъ да, и одъ Бога шала,
Довешћу га нѣму савезана,
Доявит' му овце свеколике."
То Станиши тврдо жао было,
Па Якшару ріечъ бесѣдіо:
„Има Никацъ добре пореднике,
Несміемо нѣму ударити."
Таде Якшаръ нѣму бесѣдіо:
„Стоят' съ нама бранит' Црногорце,
Глава ће ти на Никшиће пољи."
Кад' Станиша нѣга разуміо,
Па довати лака цевердана,
Онъ отиде граду Никшицкоме,
Тек' Станиша на чаршію дође,
А ту Хамзу капетана нађе,
Паксе нѣму поклоніо дивно,
И нѣгову руку полюбіо:
„Муштулукъ ти Хамзо капетане!
Мы смо Никца димно уходили,
Но тисе є Якшаръ поздравіо,
Да ми пошлѣшъ пестотин' Туракахъ."
То кад' зачу Хамза капетане,
Одъ ћеифа на ноге скочіо,
Па сакупи хиляду Туракахъ,
Е хиляду Влахахъ и Туракахъ,
А предъ ньима Хамза капетане;
Пође силна усъ планину войска,
Пређе зоре дође на изворе,
А срете є Бабића Якшаре,
Па на трое войску діеліо,

Ударише Никцу на торину,
Ма се Никацъ у главицу нађе;
Све Никчеве изагнаше овце,
Докъ у Никцу препукнуло срце,
Одъ образа пали џевердана,
А погоди Бега Ћубелійћа,
Паде Турчинъ на трави зеленой,
Па кликуе Никацъ Црногорце:
„Ха ђе си ми Радуловић' Симо!?
Ђе ли си ми Гаврилово Туре!?
Ђе сте да сте оћенъ данасъ нек' сте!
Никшићи ми овце одагнаше,
А съ ютра ће мене укорити."
Зачуо га Хамза капетане,
Пакъ є нѢму ріечъ бесѣдіо:
„Што кликуєшъ Томановић' Нико!?
Што кликуєшъ Радуловић' Сима,
А Симо є у Доброту малу,
Да подиже одъ Латинахъ благо,
Да га у сыръ и шеницу дае;
Што л' кликуешъ Гаврилово Туре?
Ето ти га на Кчево крваво,
Ђесе игра у ракію плойке...
А заскаче Озринске невѣсте,
Да имъ люби пребіело лице."
Но у ріечъ кою бесѣдише,
У то досиѣ Гаврилово Туре,
А завика изъ грла біела,
По имену Хамзу капетана:
„Стан' постани Хамза капетане!
Кад'се бити, бити мисе мило,
Кад' є любит', любит' ми є драго!"
И хоћаше убит' капетана,
Но му неда Томановић' Нико:
„Не за Бога міо побратиме!
Неизгуби одъ краине главу,
Быћће дава у Отмановића,
Те ће Црна гора пропанути."
А кад' виђе Гаврилово Туре,
Онъ нѢгова гађа сестричића,
Сестричића Балабановића;
Па на нѢга загонъ учиніо,
Ножъ повади посѣче му главу,
У то стиже испріека Симо,
А у Турке юришъ учиніо,
Одъ образа ужди џефердана,
И погоди Хаџиманић' Ибра,
Ножъ истрже посѣче му главу,
А покличе Цуце и Чевляне,
Ал' ето му Цуце и Кчевляны,
Обратише узъ изворе Турке,
Побишесе огнѢмъ исъ пушакахъ,
Е ма Турцы плећа окренуше,
Да бы кои главу изнесао;
Ћераю ихъ млады Црногорцы,
Ћераше ихъ до врхъ Лигунара
Седамдесетъ главахъ окинуше,
Седамъ-осамъ уфатише живе,
Е ма Никцу одагнаше овце;
Зове Никацъ иза свега гласа,
А дозива Хамзу капетана:
„О Турчине Хамза капетане!
Немой мене ш' ютра прекорити,
Е 'самъ лоше попратіо овце,
Него преброй на Броћанацъ Турке,
А ево ти божу вѣру даемъ,
Све ћу теби казат' по истины:
Посѣклису мои Црногорцы,
Посѣклису главахъ седамдесетъ,
А седамсу уфатили живихъ,
И осмога сестричића твога,
Сестричића Балабановића."
Таде вика Хамза капетане,
Онъ завика иза свега гласа:
„Поврни ми сестричића мога,
А даћу ти овце свеколике!"
Но му вели Томановић' Нико:
„Хайде зъ Богомъ Хамзо капетане!
Што ће мене поломѣне овце?
Были здраво браћа Црногорцы,
И Никшицке у Рудине овце,
Па ка дође весело пролѣће,
Я ћу Никацъ скупит' Црногорце,
А ударит' на твое Рудине,
Посѣћу ти овчаре чобане,
Одявити овце свеколике."
Па отале на трагове пође,
Сви отоше на свое дворове;
Ал' вріеме мало постануло,
Ето дође Ђурђевданъ веселый,
Па сакупи Никацъ Црногорце,
Поведе ихъ собомъ у Рудине,

На Никшицке овце ударіо,
Учиніо какос' обећао;
Посѣче имъ овчаре чобане,
И займи имъ хиляду овацахъ,
И стотину коняхъ и воловахъ,
Здраво Никацъ изъ Ровинахъ дође,
Неизгуби друга ђаволѣга,
Ал' є тако кадъ срећа помаже,
Богъ и срећа, и юначка мышца!
Пѣвай Никце брате Црногорче,
Весела имъ и срца и душе,
Е су кадры на мейдану стати,
Турке шчекат', юначки разбити,
Свакій вазда, ка' и Никацъ овда,
Па на свему яком' Богу фала.

21.

Пастыры.

(Одъ Попа Рада Кнежевића Бѣлопавлића.)

Силанъ Паша паде на Доляне,
Отле шилѣ листъ кньиге біеле,
Онъ є шалѣ попу Пилетићу:
„Чуешъ ли ме попе Пилетићу!
Покупи ми харачъ одъ Пиперахъ,
Белый харачъ одъ седамъ годинахъ,
И пошльи ми тры стотин' овновахъ,
И пошльи ми тридесть яловицахъ,
Іошъ ми пошльи тридесеть невѣстахъ,
За моіехъ тридесеть неферахъ,
Мене пошльи твою попадію,
Да ѥ паша подъ чадоромъ любимъ;
Е 'самъ чуо, кажую ми люди,
Да ѥ таке у Пипере нейма.“
А кад' попу ситна кньига дође,
Таде виће што му кньига пише,
Доклесу га сузе пропануле,
А пита га вѣрнеица люба:
„Што є попе драгій господаре?!
Одъ кога є кньига жалостива
Те ты ронишъ сузе одъ образа?“
Попе ньойзи право кажеваше,
А она му на то говораше:
„Неић' нигда паши подъ чадора!
Ако тѥсе похарат' Пиперы.“
Ал' попъ купи на зборъ све Пипере,
Пашину имъ кньигу кажеваше,
Тад' рекоше Пиперы юнацы:
„Дали бысмо тры стотин' овновахъ,
Дали бысмо тридесть яловицахъ,
И сувише харачъ одъ Пиперахъ;
Но ев' муке и неволѣ люте!
Нейма тко дат' тридесть любовацахъ.“
И такосу паши одписали:
„Ево теби све што иштешъ пашо:
Ма недамо тридесть любовацахъ,
Док'су нама на раменам' главе?“
Кад' є паши кньига допанула,
Те онъ виђе што Пиперы пишу,
Тадеръ пушта у войску телара:
„Ко є пѣшацъ обувай опанке!
Ко є коньикъ коня хазурай!
Е хоћемо удрит' на Пипере.“
А кад' самну и сунце огрну,
Подижесе силный Мехмет-паша,
И за ньиме войска сваколика;
На Рогаме село ударише,
Те Рогаме село попалише;
Прискочише Пиперы юнацы,
Боя бію болѣ быт' неможе,
Но залуду, е имъ непомага.
Николиће опалише Турцы,
И ньима є помоћъ прискочила
Одъ Црнацахъ и одъ Стіенянахъ,
Боя бію болѣ быт' неможе,
Ма залуду, е имъ непомага.
И Подпеће опалише Турцы,
Но є друга помоћъ прискочила
Одъ племена одъ Бѣлопавлићахъ,
Но и то є узалуда было,
И Завалу Турцы похараше,
И Заввалу и село Радећу,
Но имъ опет' помоћъ прискочила
Одъ Команахъ и одъ Загарчанахъ;
Боя бію болѣ быт' неможе,
Но залуду то имъ непомага;
И Стіену Турцы похараше,
Но четврта помоћъ прискочила
Одъ Кчевлянахъ и одъ Плѣшивацахъ

Воя бію болѢ быт' неможе,
Но залуду, е имъ непомага'
Безъ броя є у Турчина войске;
Ал' имъ пета помоћъ пристигнула,
Дође ньима стотина чобанахъ,
Међу собомъ вѢру уватили,
Да по єдномъ пале цевердане,
Па съ ножев'ма юришъ учинити.
Како рекли тако садржаше,
Єднокупно пуче сто пушакахъ,
Мало манѢ оборе Туракахъ,
Іошъ пламенне ноже повадише,
И часнимсе крстомъ прекрстише,
Пакъ у Турке юришъ учинѢше;
Доксе Брдска войска опопласти,
Халакнула, Бога поменула,
Ка' юнацы Пиперскіи чобаны
Сви у Турке юришъ учинише;
Ђераюћи, Турке сіекући,
Разагнаше Мехмед-паше войску
Єдна бѢжи низа Стрганицу,
Друга войска зађе на Стіену,
Низъ орлює поскакала стране,
Тко погибо' тусе несломіо,
А сви здраво Пиперы юнацы,
Сви Брђаны и сви Црногорцы,
И тко чуе, на частъ нека му є!

22.

Тры Вука.
(Одъ Драга БѢлице.)

Кньигу пише Хаџи-Мусићъ Дуро,
Па посла є у Брда каменна
А на руке побратима свога,
Побратима Поповић' Ивана;
„О Иване мio побратиме!
Я 'самъ чуо ђе ми люди кажу,
Да си юнакъ на краину туђу,
Доведи ми стотину Брђанахъ,
Єрь 'самъ єданъ шићаръ уходіо,
У Грахово тридесетъ крдовахъ."
Кад' Ивану ситна кньига дође,
Онъ сакупи стотину Брђанахъ,
Отле граду Никшићскоме пође,
А кадъ граду Никшицкоме дође,
Ту нашао тры стотин' Туракахъ,
Ма имъ Иво божу помоћъ зваше:
„Божя т' помоћъ Дуро побратиме!
Хоћемо л' имъ смѢти ударити?
Єр'су вазда добры Црногорцы."
Ма га Туре слободило клето:
„А небойсе міо побратиме!
Све тѢ ђеца быти кодъ оваца."
Отолесе подигнула войска,
Докъ изиде за горицу малу,
Ту є войска починула трудна,
На присоя поставила стражу
Єстъ на стражу Поповић' Иване,
Те уходи по Грахову овце;
Ма Ивану добра срећа была,
Е є пошло тридесетъ чобанахъ,
Отишли су Рысну біеломе,
Да донесу харрачъ на чобане;
У то Иванъ у дружину пође,
И дружини право кажеваше.
Кадъ у вече на конаку было,
Но етака донесе винтура (срећа)
А два Вука и одъ Горе црне,
Єдно быо Томановићъ Вуче,
Друго быо Маркићевићъ Вуко,
Оба Вука одъ Трньинахъ была
На торину Бояновић' Вука;
НЂга зову оба побратима:
„Хайд' у чету побре да идемо!"
Е ма имсе одговара Вуко:
„Я немогу оставити овце,
Друге пушке код' овацахъ неймамъ
До моега сяйна цефердара;
Но є пошло тридесетъ чобанахъ,
Отишли су Рысну біеломе."
Па имъ закла одъ овацахъ меса,
А кадъ были и кад' вечерали,
У томесе зборомъ зађедоше,
Све зборише о сваком' юнаштву:
„Када бы намъ ударили Турцы,
И да хоте съ утра ударити!"
Кад' у ютру испредъ зоре было,
На торину ударе имъ Турцы,
Ма Никшићи ударили зорно
Све біеле заврнули овце;

Ал' тры Вука трче у поћеру,
Самсе брани Поповић' Иване,
Къ себи имсе примаћ' недаваше,
Него Вуче докликуе Вука,
Томановић' и Маркићевъ Вука:
„Пи! зла срећа оба побратима!
Кад'се скупе на зборъ Црногорцы
На Цетинѣ подъ біеломъ црквомъ,
Зађестѐсе за біеле овце,
Тры тѐ казат' кодъ овацахъ Вука,
А мы главе доніет' нећемо,
Ев' ни свое акамоли Турске,
То ће быти брука и срамота!"
Но загнасе Маркићевић' Вуко,
И таква га нанесе несрећа
На метеризъ Поповић' Ивана;
Е ма Иванъ ужди џевердана,
И обѣ му ноге саломіо,
Паде Вуко у зелену траву,
Ал' є Иванъ извадіо ножа,
Да нѣгову посієче главу;
Ма се Вуко сѣћи недаваше,
Но съ колѣнахъ ужди џефердана,
Те Ивана добро погодіо,
И онъ нѣму ноге саломіо,
Паде юнакъ єданъ до другога;
Тад' дозива Маркићевићъ Вуко:
„Ой крвниче Поповић' Иване!
Куђ' ми займи тридесетъ крдовахъ,
Што ли си ме положіо овђе?
'Да ли мисе ядну примакнути,
Да ти добру посієчемъ главу!"
Ма га Иванъ слободіо дивно:
„А небойсе Маркићевић' Вуче!
И тыс' мене овђе оставіо,
Хоте твое на трагове овце,
А турачке на кочеве главе."
У ріечи кою говораху,
Ато доспѣ тридесеть чобанахъ,
Ударише єдино на Турке,
Мало побы али овце яве,
Свакій носи одъ Турчина главу,
А два Вука носе по четиры,
И по двасу жива уфатили;
Но кад' дође Томановић' Вуко,
Онъ своега пита побратима:
„Є си ли ми погинуо побро!"
Нѣму ядан҄ъ кажеваше Вуче:
„Єсамь ево погинуо побро!
Ма нежалимь штосамь погинуо,
Пошто си ме осветіо дивно,
А и ясамь себе замѣніо,
Убьюсамь моега крвника;
Но за Бога міо побратиме!
Исправиме на моя колѣна,
Да крвника припужемь посѣћи."
То га побро быо послушао,
Исправіо нѣга на колѣна,
Свом' крвнику одасѣче главу.
Тко погибо ту є остануо,
Сви осталіи пошли на торине,
Уніели ранѣнога Вука,
И узалуд' небыла имъ мука,
Видали га, те га извидали,
Ма неможже веће четовати —

23.

О Зиданю Никшића.

(Одъ Видака Батаковића изъ Орага сврхъ Никшићахъ села родомъ.)

Грађу гради силанъ Адай-паша,
На Никшићу града біелога,
Градіо га годину данакахъ,
Куцало му стотина чекичахъ,
Іошъ у трое дѣце шегрчады;
Кад' є паша града оградіо,
Па отале бѣлу кньигу пише,
А шалѣ ѐ у племе Дробняке
По имену войводы Иліи:
„О чу ли ме войвода Илія!
Врже да си мене на Никшиће,
Да ми фермашъ града Оногошта."
Па отоле другу кньигу пише,
И шилѣ ѐ у то полѣ горнѣ,
По имену попу Юшковићу:
„Айде къ мене попе Іушковићу!
Да ми сретну вермашъ грађевину."
Па отоле трећу ситну пише,
А шалѣ ѐ у Требѣсу варошъ,
По имену Каламић' Тодору:

„Оди къ мене Каламић' Тодоре!
Да ми гледашъ морре грађевину.“
Адай-паша и четврту пише,
Пакъ є шалѣ сєлу Озринићу,
Николићу и Лалатовићу:
„Айте къ мене двіе мое Рае!
Да видите морре грађевину.“
Кад' Иліи ситна кньига дође,
И погледа што му кньига пише,
Онъ скочіо на ноге лагахне,
Те изведе Дора дебелога;
Доратусе тури на рамена,
Оћера га горомъ и планиномъ,
Докъ Илія у Никшићу дође
Предъ чадора силна Адай-паше,
Ту є свога коня одсѣдніо;
Пакъ улази паши подъ шатора,
Господску му полюбіо руку.
Кахву пію одъ Никшићахъ Турцы,
Кахву пію тутунъ припалюю,
У еглену о свачем' говоре,
А найвише о добру юнаштву,
Ко є добру посѣкао главу,
Ко є шићаръ богатъ шићаріо,
Ко ли болѣг' роба доводіо
Одъ каменне ломне горе црне.“
Но да вели силный Адай-паша:
„Ой Илія войводо Дробнячка!
Небы лисе по 'чемъ потурчіо?
Даћу тебе сву варошъ Требѣшу,
Па да ти є морре у државу.“
Но говори войвода Илія;
„Фала тебе пашо господаре!
Тебе фала на дару твоему,
Ал' нефала на такой бесѣди!
Заистосе небыгъ потурчіо,
Да ми давашъ на Босну везирство;
Већ' небы л'се пашо покрстіо?
А даћу ти хиляду овацахъ,
И Волуякъ зелену планину,
И даћу ти мое воеводство.“
Вы то паши жао на свіету,
Оком' макну на своег' целата,
Целатъ махну осѣче му главу;
Али пође земанъ по земану,
У Иліе і' єдно чедо лудо,
Чедо лудо войвода Томашу,
Расте чедо до двадесъ годинахъ,
Доватисе коня и оружя;
То зачуо силный Адай-паша,
На колѣну ситну кньигу пише,
А шилѣ є у племе Дробняке,
А на име войводи Томашу:
„О мой сынко войвода Томашу!
Брже да 'си мене на Никшиће.“
Кад' Томашу танка кньига дође,
Кньигу учи, а одъ нѣсе мучи,
И све мысли штоће и какоће;
Све мысліо на єдну смысліо,
Па Дробняке браћу покликнуо,
И окупи трыстотин' Дробнякахъ,
На тры стотин' конягъ големіегъ;
Отолесе Томашъ подигнуо,
Право горомъ и ћенаромъ пође,
Докле дође у то полѣ горнѣ,
Дробняцыма браћи говоріо:
„О Дробняцы моя браћо драга!
Послушайте и мене вѣруйте!
Чини мисе да ће быти гвере
Но вы ваше конѣ разиграйте
По широку полю Лайковины,
Я ћу поћи паши подъ чадора;
Браћо моя! Ако буде боя,
Будите ми браћо у неволю.“
Како рече діете Томашу,
То Дробняцы нѣга послушаше,
За нѣгову ріечъ пріонуше
Отолесе были подигнули,
Докъ дођоше подъ Никшића града,
Сви Дробняцы конѣ разиграше,
Али неће войводић' Томашу,
Но онъ паши предъ чадора иде,
Ту є свога осѣдную вранца,
Пакъ улѣзе паши подъ чадора;
Широко му мѣсто направише,
Шећерли му кахву прикучише,
А боялли чибукъ запалише,
Ондай рече силанъ Адай-паша:
„О Томашу мое дійте лудо!
Збори мудро непогини лудо!
Ка' што ти є бабо погинуо;
Небы лисе сынко потурчіо?

А даћу ти сву варошъ Требѣшу,
Нек' си одъ нѢ сынко сахибія."
Но говори діете Томашу:
„О честитый силный Адай-паша!
Ко ти вели баба ми поминят'?!
А што велишъ пашо за турченЂ,
Доистосе небыгъ потурчіо,
Да ми дадешъ на Босну везирство;
Но небы л' се ты пашо крстіо?
Даћу тебе хиляду овацахъ,
И Волуякъ зелену планину,
И даћу ти Дробнякъ у државу,
Што є мене бабо оставіо."
И то паши жао на свіету,
Па обрну окомъ на џелата,
Одиста га изгубити ћаше;
Ал'се неда войвода Томашу,
Діете є срца юначкога,
Иза паса пушку вади малу,
Пушцы малой даде ватру живу,
Те погоди кодъ паше џелата;
Пакъ изтрже мача пламенпога,
У аге є юришъ учиніо,
Седам-осамъ агахъ изгубіо,
Па потрча Вранцу добеломе,
А кад' Томашъ доватисе Вранца,
Скочіо є коню на рамена;
Па Дробняке браћу покликнуо:
„Ай Дробняцы моя браћо драга!
Да ми пасю вѢру ископамо,
И Никшића града разоримо."
А да тисе нагледати друже,
Како Србльи конЂ разиграше,
А пламенне маче повадише,
И у Турке юришъ учинише,
Разагнаше по Никшићу Турке,
Како вуцы біеле яганьце;
Млого яда одъ ньихъ учинише,
И Турскіес' главахъ нақидаше,
Іошъ оћаху разградити града,
Но Богъ убій Калабић Тодора,
Недаде имъ разхорити града;
Како Никшићъ тада останую,
Како таде тако и данаске,
Тек' што баба сыне осветіо,
И здравосе дома повратіо.

24.

Балетићи.

(Одъ Мусе Поповића изъ села Милоевића у Плѣшивцима.)

Полећеше два галића врана
Одъ питоме Ластве Црногорске
Лете тице граду Никшићскоме,
Ка' су враны тице долећели,
Нијђе оны панут' неоћаху,
Но се вію око Никша града,
Віялесе пакъ су попадале
На біелу Калабића кулу;
Изъ двора игъ нико невидіо,
До подоцне Калабића майка,
Тице вијђе, ньима проговара:
„Богъ убіо двіе тице вране!
Што 'сте ође ютросъ попадале?
'Да л' дрвета, ол' камена нейма
Око равна поля Никшићскога,
Ђено бысте ютросъ попадали?"
Карала ихъ па имъ говорила:
„Єсте ли ми ютросъ доранили
Одъ питоме Ластве Оздринићске,
Са торине Балетића Рада?
Єсте ли ми чету видіели,
А предъ четомъ до два Калабића,
Калабића Мину и Милету?
Удрише ли Раду на торину?"
Єданъ граче другій проговара:
„Ядна бако Калабићахъ майко!
Радде бысмо добре казат' гласе,
Ма нећемо, но како є было:
Ютросъ су ти здраво освануле,
У равноме полю Тутиноме,
Ма ти ево мукѣ и неволЂ!
Есе друга чета подигнула
Одъ онога Кчева каменнога,
А предъ четомъ до два побратима,
Оба ћу ти казат' по имену:
Єдно ми є Балетићъ Вукота,
А друго є Марковићу Пеіо,
Те є чета чету опазила,
За ньоме є трагомъ отиснула,
Кадъ Вукота у Лупоглавъ дође
Ту є Турску стражу опазіо,

Прозъ травусе вуче побаучке,
А на руке носи цефердана,
Док'се страже примакао близу;
За камъ паде пушцы огань даде,
Пушка звекну а планина ѣкну,
А покличе Балетићъ Вукота:
„Ха ђе си ми Балетићу Раде,
Осстале ти овце ояђеле!
Ево клетыи у Лупоглавъ Турцы!“
То кад' зачу Балетићу Раде,
Онъ долеће како соко сывый,
Те Турцима удри испріека,
Да нечини смире ни ліека;
Одъ образа пали цевердара,
Те погоди Минну Калабића,
Минна паде и Раде припаде,
Юначку му посіече главу,
И узе му свіетло оруже.
Бѣже Турцы прео Студеннога
Ћераю ихъ до два Балетића,
И Милети осѣкоше главу;
Бѣже Турцы низъ Липову страну,
Убѣжаше у село Ћурчійће,
А ћера ихъ до два Балетића;
Но Турцима іошъ є среће было,
Утекоше у село Ћурчійће
у біелу Василѣву кулу;
Пакъ излази Василѣва Мара,
А на руке носи коліевку,
И у ньойзи два близанца сына,
Кумила є оба Балетића:
„„Не напріедъ Балетић' Вукота!
Не напріедъ Балетићу Раде!
За нашега светога Іована!“““
Юнакъ добаръ на бога гледаше,
Те є куми поклоніо Турке,
И отлесе на трагъ повратіо,
Гласа добра, свіетла образа,
А осташе у Ћурчійћу Турцы.
Іошъ ако ми babба невѣруешъ,
Изађи ми на прозоръ одъ куле,
Те поглеай полю Никшицкоме,
А да видишъ обое носилахъ,
Ће-ти носе до два Калабића.“
Иде babба на прозоръ одъ куле,
Виђе babба до двое носилахъ,
Ће іой носе оба Калабића,
Па закука невеселиласе,
И кукала отле до віека.

25.

Црмничаны.

(Одъ Рада Томова Нѣгуша.)

Чету купи Лекићъ Хасан-бего
Одъ крваве шехеръ Подгорице,
Малу чету четрдесетъ другахъ;
Ево полѣмъ широкіемъ пође,
И горесе Туре прифатило,
Докле дође Суторманъ планины,
Ту западе друму на край пута,
Па погледа зеленомъ планиномъ,
Ал'то иду тры-четиры друга,
Ондай Хасанъ дружбы бесѣдіо:
„Немой кои жећи цевердана,
Приђе мога браћо нечуете
На сокола Вучетића Марка.“
У то доше къ ньима Црничаны,
Прижди пушку Лекићъ Хасан-бего
На сокола Марка Вучетића,
Ал' є Марку Богъ и срећа дала,
Ни ранне му пуста нezададе;
Паде юнакъ при зеленой травы,
Брешки пушки живый огань дае,
Брешка пуче а дружбу покличе,
Хасан-бегу срце изгорѣла;
Кад' вићеше Подгоричкіи Турцы,
Плећи даше а бѣжати сташе,
Ал' имъ неда Вучетићу Марко,
Но покличе, а за ньим' потече:
„Вежте Турцы наопако руке!
Ол' ћу мою браћу покликнути,
Свѣма ћу ви одасѣћи главе!“
Кадъ то чуше Подгоричкіи Турцы,
Сами руке наопако вежу,
Найзаднѣму Марко своза руке,
Па на рамо бачи цевердана
Злосретнѣга Лекић' Асан-бега,
Отле пође зеленомъ планиномъ,
За ньимъ иду четрдесъ Туракахъ
Свезанніехъ наопако рукахъ,

Єво иду крававой Црмицы,
У гиздаво село Болѣвиће,
На дворове сердара Пламенца.
Кадъ ихъ сердаръ бѣше угледао,
Сестричићу своме бесѣдіо:
„Сестричићу Вучетићу Марко!
Ты нећаче мое десно крыло!
Одкуд' теби четрдесъ Туракахъ,
Те ихъ водишъ сынко исъ планине
Свезанніехъ наопако рукахъ?“
А Марко є нѣму бесѣдіо:
„Мой уяче Никола Сердаре!
Я ихъ єсамъ уфатило момче
У Сутормань высоку планину,
Съ овомъ моіомъ узданномъ дружиномъ.“
Па тек' момче ріечъ изговори,
Танка га е кньига допанула
Одъ Аліе Сали-агинића,
А вако му кньигу пише Але,:
„Богомъ брате Вучетићу Марко!
Поклони ми брата Махмут-агу,
Єво теби осамъ кесахъ блага,
А сувише нѣгово оружѣ,
Оно валя стотину дукатахъ.“
А кадъ Марка кньига допанула,
Онъ Аліи тако написао:
„О Аліо Сали-агинићу!
Што будалишъ и кньигу ми пишешъ,
Да ти предамъ брата на одкупе?
Небыхъ ти га данасъ поклоніо,
Да ми пошлѣшъ и сто ћесахъ блага.“
У ріечи у коіой біяше,
Онъ повика браћу и дружину,
Те турцима покидаше главе,
Окитише кулу сердареву.
Цермничан'ма пѣсна на поштенѣ,
На поштенѣ и на дуго здравѣ,
Богъ имъ дао и срећу и здравлѣ.

26.

Тко є юнакъ.

(Одъ Вулине ђака изъ Бѣлопавлића.)

Пію вино двадесеть войводахъ
У Крушеву у пяной механы,
А кад' лисе понапише вина,
У виносе зађенули были
Кои юнакъ болый одъ коега;
Међу собомъ макулъ учинише, (пресуда)
Понайболый воевода Янко,
Понайгорій Кралѣвићу Марко,
И Марко имъ ништа невеляше,
Но піяше у механи вино;
Пакъ излази Марко предъ механу,
Да и Шарцу даде пити вина,
Ал'се Марку дало погледати
Низъ то полѣ низъ Крушево равно,
Докъ угледа доброга юнака,
На вранчини коню маменоме;
Онъ ми носи єлу подъ гранама,
Себи одъ нѣ хлада учиніо.
Кад' то виђе Кралѣвићу Марко,
Улѣгао у механу винску,
Войводама Марко говоріо:
„Єво юнакъ узъ Крушево равно,
Да такога іошъ видли нієсте,
И онъ иде амо у механу,
Сви ћемосе на ноге дигнути
Одъ нѣгове силе и юнаштва.“
Кад' то чуле остале войводе,
Сви су были Марку бесѣдили:
„Нећемосе нѣму дизат' Марко!
Нит' му дати добродошну чашу.“
У то доба Харапъ допануо,
Узъ механу єлу прислоніо,
Механасе изъ темеля крену;
Предъ врата є вранца привезао,
Затворіо врата одъ механе,
Самъ улѣзе Харапъ у механу,
Ал'се дижу све редомъ войводе,
Те Харапу добродошну даю,
Но подоцне Марко Кралѣвићу;
А недижес' Бановић' Секуле,
Нит' му дае чашу добродошну.
То Харапу млого мучно было,
Па Секули быо бесѣдіо:
„Копиляне Бановић' Секуле!
Тысе нешће преда мномъ дигнути,
Нит' ми дати пуне чаше вина,

Но на мейданъ дасе огледамо!“
То му рече предъ механу пође,
А за ньиме Бановић' Секуле,
Ма Секулсе у уяка нада,
Да ће помоћ' нѣму на Харапа;
Ал' да видишъ црна Харапина,
Доватіо Бановић' Секулу,
Довати га за грло біело,
Удари га о плочи студеной,
Цикну, писну Бановић' Секула,
Єдномъ рече: „Яой мене майко!“
Другомъ рече: „Ай уяче Янко!“
Янко ћаше, ама несміяше,
Него рече Кралѣвићу Марко:
„Непомаже ни майка ни Янко,
Н' ако Богъ самъ, и манитый Марко!“
На потрже дугу гадарину,
Те Харапу посієче главу;
Кад'се Марко натрагъ обазрео,
Ал' утекло двадесеть войводахъ,
Они бѣже узъ полѣ Крушево,
Пакъ ихъ Марко опеть поврнуо,
Увео ихъ у пяну механу,
И сѣдоше опеть пити вино;
Ал'се опеть заћенули были,
Ко є одъ ньихъ юнакъ понайболый,
Сви рекоше: „Кралѣвићъ є Марко!“

27.

О Медуну Граду.
(Одъ Луке Шћепанова изъ Ровацахъ.)

Подижесе силанъ Мехмед-паша
Одъ ліепе шехеръ Подгорице,
Су нѣгово триста тевабіе,
Ижлѣгоше у Куче камене,
Одде градит' града на Медуну;
Да узапти Брдску сыротыню,
Да ихъ гули, й безъ мила смуди,
Нека знаду ког' быча имаду;
Къ нѣм' доходе и Брдске войводе,
Оне паши даре доношаху,
Доцканъ доће Дрекаловићъ Лале,
Но му рече силанъ Мехмед-паша:
„Моя слуго Дрекаловић' Лале,
Што си мисе слуго придоцніо?
Али си ми слуго осиліо,
Те нехаешъ за свог' господара,
Недоходишъ поклонъ недоносишъ?“
Но прозбори Дрекаловић' Лале:
„Я ніесамъ пашо осиліо,
Негосамъ ти дома инокостанъ.“
Ал' говори силанъ Мехмед-паша:
„О войводо Дрекаловић' Лале!
А да знашъ ли ђевойке ліепе,
Ял' невѣсте скоро доведене,
Яли какве удовице младе,
Кояно бы паши требовала...?...“
Говори му Дрекаловић' Лале:
„О Бога ми силанъ Мехмед-паша!
Незнамъ ниђе ліепе ђевойке,
Ни ђевойке нити удовице,
Ни невѣсте скоро доведене,
Теке знадемъ єдину невѣсту,
За курвићемъ Бановић' Батрићемъ,
За Батрићемъ у Васоевиће;
Лѣпоте іой у свієту нейма,
За цара бы пашо требовала,
Ал' є пашо богзна за юнакомъ,
Ню ти Батрићъ безъ яда недаде,
Я безъ ранне я безъ мртве главе,
Ял' безъ твое, яли безъ нѣгове.“
Ал' то паша нишша неслушаше,
Но оправи тридесть тевабіяхъ,
И шлѣгоше на ріеку малу,
Отидоше узъ Братоножиће,
Докъ доћоше у Васоевиће;
Тако ньима врагъ и удесъ дао,
Ту небѣше Бановић' Батрића,
Отишао юнакъ у тазбину;
У Винійће у Бѣлопавлиће;
Батрићеве дворе похараше,
Велико му благо покупише,
А вѣрну му заробише любу,
И стару му майку погазише,
Отидоше низъ Братоножиће,
Докъ біела покликнула Вила,
Башъ одъ Кома высоке планине,
По имену Бановића Ђури:
„Зло ти ютро Бановићу Ђуро!
Зло ти ютро и горе ти было,

Е ти Турцы дворе похараше,
И велико благо поккупише,
Твою дивну снашу поробише,
А стару ти майку прегазише.“
То кадъ зачу Вановића Ђуро,
Кадъ разумѢ што говори Вила,
Онъ повикну тридесетъ овчарахъ,
Докъ слѢгоше у Васоевиће,
Ал' истина све што Вила рекла,
Пакъ отоше низъ Братоножиће,
Гоне трагомъ без одушка Турке,
Докъ шлѢгоше на ріеку малу,
Ту ихъ ясанъ данакъ оставіо,
А тавна ихъ ноћца прифатила;
ИзлѢгоше у Куче каменне,
Па говори Вановићу Ђуро:
„Останите моя дружбо драга!
Останите у трави зеленой,
Е я одохъ на пашину кулу.“
Оде Ђуро на кулу пашину,
Тако нѢму Богъ и срећа даде,
Ал' одъ куле врата затворена,
Затворена ма незаклоплѢна;
Онъ улѢзе у пашину кулу,
Атос' Турцы напоили вина,
Па поспали мртвы безъ узглавя,
И заспао силанъ Мехмед-паша
На кріоцу Батрићевой люби;
Трже очи Батрићева люба,
Докъ угледа своега ђевера,
Оћашесе подигнути млада,
Каконосе вазда научила,
Све сретати милога ђевера,
Ал' іой махну рукомъ и яглукомъ,
Док'се юнакъ на трагъ повратіо,
Те доведе тридесетъ Брђанахъ,
Уведе ихъ у біелу кулу;
Па тридесетъ мачахъ извадише,
Стаде шклепетъ по біелой кули,
Стои екка по кули Туракахъ,
Мехмед-пашу жива уфатише,
А велико покупише благо,
Узеше имъ конѢ и хатове;
Іошъ да видишъ Вановића Ђура!
Онъ узяха пашинога хата,
НѢше води силна Мехмед-пашу,
За перчинъ га боса водіяше,
Водіяше узъ хата нѢгова,
У то шлѢгли на ріеку малу;
Ту ихъ тавна ноћца оставила,
А ясанъ ихъ данакъ прифатіо,
Но іошъ виђи Вановића Ђура!
Онъ одсѢда хата пашинога,
А закрочи истог' Мехмед-пашу,
Па му меће ноге у цепове,
У цепове зелене доламе,
Нагони га боса по камену,
Изяхо га у Васоевиће.
Кад' ево т' имъ Ђановић' Батрића,
На далеко брата познавао,
Пакъ є нѢму братски бесѢдіо:
„Благо мене мой милосный брате!
Кад' си наше осветіо дворе,
Кад' си твою повратіо снашу!“
Ал' да видишъ іошъ Вановић' Ђура,
Батрићу є пашу поклоніо,
Но Батрићъ га погубит' нехоће,
Тек' мучи га за неђелю данахъ,
И яше га прозъ Васоевиће,
За нокте му спице загоняше,
И тада га на трагъ оправіо:
Сиђе грданъ у Куче каменне,
Ал' да тисе нагледати друже,
Како паша низъ Доляне струже,
А неводи друга ђаволѢга,
Самсе чуди ђе изнесе главу;
Грданъ дође шехеръ Подгорицы,
И ту паша ноћи незаноћи,
Но утече Скадру подъ езеро;
И ту паша ноћи незаноћи,
Но утече покрай мора синя,
Самъ незнао куђ' є отишао,
А то свакомъ башъ етако было,
Ко икада на Брда удріо,
Да имъ люби на срамоту любе,
За юначког' срца и оружя.
Тад' остаде на Медуну града
Започета, а недограђена,
Нит' ће мусе игда доградити,
Докъ є Турског' и Србальског' уха.

28.

Хрђакъ ал' юнакъ.

(Одъ Иліе Ристова Вѣлопавлића са Сретнѣ.)

Кньигу пише Мекићъ Мехмедага
Одъ біела Колашина града,
Шилѣ кньигу у Куче каменне,
По имену войводи Радоньи:
„Морре чуешъ Кучка воеводо!
Ясамъ чуо да си юнакъ быо,
Айд' изиди на воду Верушу,
Да біелій мейданъ діелимо.“
Кад' Радоньи така кньига дође,
На саборъ є Куче сакупіо,
Међу ньима кньигу проучіо,
Али таде говори войвода:
„'Да ли Куча ніе големога,
Ко ће за ме на мейдану поћи?
Радоня є юнакъ остарао,
Неможесе ни коня држати,
Акамоли мейданъ діелити.“
Ко чуяше ништа незбораше,
Него опетъ говори войвода:
„'Да ли Куча ніе големога,
Ко ће поћи на мейданъ Турчину?
Ево нѣму двіе пушке мале,
И даћу му саблю оковану,
И даћу му ћерцу за любовцу.“
Но позднoсе момче нахођаше,
Єдно момче одъ Васоевићахъ;
Те Радоньи гледа међу очи:
„Я ћу поћи войвода Радоня!
Е, ако ме нећешъ преварити.“
Радоня му божю вѣру дае:
„Одиста те преварити нећу!“
Са зборасе Кучи подигоше,
И одоше на Комъ на планину,
Кадъ дођоше на воду Верушу
Ал' су Турцы првыи долазили,
Ижлѣгоше двіе мейданціе,
Тек'се сташе, тек'се целиваше,
Тек' оскочи юнакъ одъ юнака,
Но є Турчинъ ріечъ бесѣдіо:
„Авай яданъ Станковић' Іоване!
Да л' ненађе войвода болѣга,
Да на тебе негріешимъ руке?“
А діете одъ годинахъ лудо,
Ма Турчину одговара мудро:
„А тако ми Мекићъ Мемедага!
Кад'се Кучи на зборъ окупише,
Зборъ зборише, віеће чинише,
Да болѣга хране за болѣга,
А мене су на теб' оправили,
Ако Богъ да, те буде суђенно,
Да ти данасъ посіечемъ главу.“
То рекоше, пак'се ударише,
А да ти є муку сагледати,
Ка' погони Туре по мегдану;
Оно гледа Войвода Радоня,
И Радоня ріечъ бесѣђаше:
„О діете Станковић' Іоване!
Махни болѣ опале ти обѣ!
А рашта ме стара већ' нагрди,
Да коме ћешъ оставит' ђевойку,
Ужъ ђевойку онолико блага!“
Скочи Іованъ зъ десне на лієву,
Иза сабѣ посѣче му руку,
Другомъ махну посѣче му главу;
Кад' Мекићи браћа сагледаше,
Пушка пуче завржесе кавга,
Убишесе зеленомъ планиномъ,
Докле ихъ є ноћца раздвоила;
Ту четиры брата погибоше
Одъ біела Колашина града,
И осталихъ седамнаесъ другахъ,
Но кад' врућа боя раздвоише,
Єдно момче зове Колашинско,
Е дозива Войводу Радоню:
„А тако ти Войвода Радоня!
Одъ моега боя силовнога
Єл' ти другахъ колик' погинуло?
А има ли млого раннѣникахъ?“
Радонясе Богомъ куніяше,
Да му друга ніе погинуло,
Осимъ раннѣнъ Станковић' Іоване
А ни нѣму ништа быти неће.
„Но тако ти Туре Колашинско!
Є ли вама погинуло другахъ,
Кажи право, тако быо здраво,
Немой криво, такко быо живо?“

Нѣму вели Туре Колашинче:
„Рашта ти я право казат' нећу?
А знађесе брзо свакояко;
Одъ нашега града Колашина
Погибоше двадесеть грађанахъ,
И предъ ньима четиры Мекића."
На томесе они раздвоили,
Тада Кучи шенлукъ извргоше,
Отолесе здраво повратише,
Здраво дошли весела имъ майка,
Здраво дошли дома на дворове,
Ма Радоня поведе Іована,
Извида га даде му ђевойку,
И остало, што є обећао.

29.

Ніе боя безъ Бая.
(Одъ Мояша Бѣлопавлића.)

Вино пію до два побратима,
У планину подъ єлу зелену,
А кад' были тесе понапили,
Міяту є кньига допанула
Одъ Кадіе са средъ Сараева:
„О Міяте міо побратиме!
Ако си ми юнакъ одъ юнаштва,
Ето иде Китовићъ Османе,
И за ньиме тры стотине Башахъ,
Гоне блага педесеть масакахъ,
А да Зворникъ на краину граде;
Но напиши листъ кньиге біеле,
И пошльи є Пивлянину Баю,
Да покупи тридесеть айдукахъ,
Ш' ньима хайде побратиму своме."
Кад' є виђе Томићу Міяте,
Те онъ кньигу бьо разуміо,
Онъ скочіо одъ землѣ на ноге,
Те довати дивитъ и артіе,
Па написа листъ кньиге біеле,
А посла є у Приморѣ Баю:
„О ты Баіо міо побратиме!
Айд' покупи тридесеть хайдукахъ,
Шъ ньима ходи къ мене у планину."
Кад' є Баіо кньигу проучіо,
Те онъ виђе што му кньига пише,
Кньигу гледа, на ноге скочіо,
А покупи любивну дружину,
Па отиде шъ ньима узъ планину,
Докъ Міята у планину нађе:
„А за Бога міо побратиме!
Што си за ме тако поручива'?"
„Ево ми є кньига допанула
Одъ Кадіе са средъ Сараева,
А да иде Китовићъ Османе,
А за ньиме тры стотине Башахъ,
Воде блага педесеть масакахъ,
Дасе гради Зворникъ на краину;
Но тако ти, міо побратиме!
Да на Дрину воду запанемо,
Я ћу съ мое тридесеть айдукахъ,
Съ оне банде Дрине воде хладне,
А ты хайде на мостъ на средъ Дрине;
Харапъ нека съ тридесть кесеціяхъ
Нека иде у дно воде Дрине,
Су тры банде да имъ ударимо."
Па одоше те имъ западоше,
Стаде звека зелене планине
Одъ сабаляхъ и одъ цеферданахъ,
Одъ Туракахъ и Турскіехъ коняхъ
Ал' 'во иде Китовићъ Османе,
И за ньиме тры стотине Башахъ,
Страмно ли є на нѣм' погледати,
Акамоли нѣму ударити;
Кад' га виђе Томића Міяте,
Стаде Баю ріечъ говорити:
„О ты Баіо міо побратиме!
Да бѣжимо утећ' неможемо,
Да чекамо чекат' несміемо."
Баіо мучи ништа неговори,
Ал' побѣже Міятъ усъ планину,
А за ньиме Харапъ капетане,
Су нѣгово тридесть кесеціяхъ,
Но нехоће Пивлянине Баіо,
Онъ съ Турцима раты заметнуо;
Докъ текоше тридесеть айдукахъ
Тры стотине Башахъ погинуше,
Самъ остаде Пивлянине Баіо,
За ньимъ игра Китовићъ Османе.
„Стан' полахко Баіо Пивлянине!
Нећешъ данасъ унієти главу,

Акамоли ово угнат' благо."
Тако Баю богъ и срећа дала,
Онъ имао пушку Гарабина,
Коя литру прійма тучнийка,
И дванаесъ одъ олова зрнахъ,
Те Османа дивно погодіо,
На прси му токе поломіо,
А на плећи пенцеръ отворіо;
Самъ остаде Баіо у планину,
Па упіе Міята хайдука:
„Хай Міяте мой рођенный брате!
А да видишъ Бая у планину,
И кодъ нѣга оволико блага!"
Міятъ мусе близу нагоняше,
Одъ срамасе озват' немогаше,
Но му Баіо божу вѣру дае,
Да га никадъ помржѣти неће;
Дође Міятъ съ Харапъ капетаномъ,
Оно силно діеляху благо,
Башъ ћулакомъ Томића Міята,
И Кадіи діо оставише,
Па одоше куда кои шћеше,
Ал' безъ Вая неимаше боя.

30.

Ненадна Освета.

(Одъ Горчина Лѣшнянина.)

Піе вино силанъ Дурмиш-аго
У біелу Скадру на Бояну!
У виносе Туре зафалило:
„А да бы ме Була неродила!
Но кобила што парипа мога,
Узет' хоћу тридесетъ Скадранахъ,
Па ћу ходит' гори у Дечане,
Уватићу проигумна старца,
Мучићу га што могу найболѣ,
Да ми каже намастырско благо;
Покупићу крсте и иконе,
И похарат' превысоку цркву,
Похарати огнѣмъ попалити,
И схорит' є до темеля нѣна."
Кадъ свануло и сунце грануло,
Одъ винасе Туре разабрало,
На умъ паде што є бесѣдило,
Па покупи тридесетъ Скадранахъ,
Те отиде горомъ и планиномъ,
Докле Туре у Дечане дође;
Ту находи старца проигумна,
Онъ га біе бычемъ плетенніемъ:
„Кажуй кале намастырско благо!"
Сви га бію а Игуманъ трпи,
Е нигда га казат' неоћаше;
Улѣгоше у высоку цркву,
Покупише крсте и иконе,
И сувыше одъ срме кандила,
Ижлѣгоше на біелу кулу,
Пію вина безъ ичѣг' тестира,
Но изиде проигуманъ старче,
Нешто мусе погледати дало,
Погледати нисъ полѣ Дечанско,
Ал'се юнакъ добаръ заподіо
На вранчића коня безъ билѣга;
Онъ га гледа, ма га непознава,
Док'се нѣму примакао близу,
Ал' є оно Брђанине Перо, (Васоевићъ)
Онъ осѣде одъ коня вранога,
Капу скида тесе благосива
Па игумну тако бесѣдіо:
„О за Бога старый проигумне!
Што си тако сузанъ и крвавый,
Каква ти є голема неволя?"
Но му вели проигуманъ старый:
„Неволя є мене Брђанине!
Синоћъ дође тридесетъ Скадранахъ,
Билли су ме бычемъ плетенніемъ,
Да имъ кажемъ намастырско благо,
А я имъ га казао ніесамъ;
Улѣгоше у біелу цркву,
Неколико штете учинише."
Нѣму вели Брђанине Перо:
„Отвори ми превысоку цркву!
Да целивамъ светом' кралю руку."
Отвори му цркву пребіелу,
Онъ целива светомъ кралю руку,
И смѣрносе нѣму поклоніо,
Па онъ зове проигумна старца;
„Чуешъ ли ме проигумне старче!
Ты причести самртна юнака,
Кунемъ тисе а вѣру ти даемъ,

Ово ћу ти коло размет нути,
Ако ћу я ютрось погинути."
Причести га и исповіеда,
Очати му самртну молитву,
Опеть люби светом' кралю руку,
Па затаче світло оружѣ,
А испета на біелу кулу,
И Турцима божю помоћь зваше,
Турцы су му помоћь прифатили,
Широко му мѣсто начинили;
Додаше му пуну чашу вина,
Попи Перо ону чашу вина,
Оде чаша одь друга до друга
Докле силну Дурмиш-аги дође,
Ал' узь чашу ага напіяше:
„Ой ти Перо, ядь те задесіо!
Штос' дошао, да погинешь овђе?"
Нѣму Перо тако бесѣдіо:
„Ніе чуда силань Дурмиш-ага!
Овасе є оградила црква,
А да овђе доходе Ришћаны,
Да доходе и прійлогь доносе,
И кад' умру копаюсе овђе;
А ты аго яддь те задесіо,
Што си ліепь Скадарь оставіо,
А дошао да погинешь оде,
Ка' се овђе некопаю Турцы?"
То изусти Перо Брђанине,
То изусти пушку доватіо,
Те погоди силна Дурмиш-агу,
Срце му є живо сапаліо;
Пакь є другу пушку изтргао,
Іошь є едно Туре погодіо,
Па пламенна ножа повадіо,
А милосна Бога поменуо
И у Турке юришь учиніо;
Петнаесть є Туракь изгубіо,
А петнаесть бѣжи усь планину,
И то было кадасе чинило,
Богу фала и светоме Кралю.

31.

Комненъ.

(Одъ Благоте Лекина Павићевића са Сретнѣ, у Бѣлопавлићу.)

Е се чета една подигнула,
Одъ біела Сеня на краину,
Пре томъ четомъ Сенянине Иво,
А за ньиме Комненъ баряктаре,
За Комненомъ тридесеть хайдукахъ;
Оде чета горы усъ планину,
Четовала и хайдуковала,
Докъ нестаде харрачъ за юнака,
Па є Иво дружбы говоріо:
„А тако ви моя браћо драга!
Да ли нейма у дружину друга,
Да отиде Удбиньи крвавой,
Да донесе харча за хайдука,
Да донесе вина и духана,
И брзога праха, и олова,
И на друга по едне опанке?"
Сва дружина никомъ поникоше,
Неко гледа како трава расте,
Неко брои пуца на долами,
То нехоће Комненъ беряктаре,
Но Ивану ріечь бесѣђаше:
„О Иване міо побратиме!
Я ћу поћи Удбины крвавой,
Да донесемъ харча за хайдуке."
Пакъ є лахку пушку доватіо,
Одъ дружине те є обратіо,
За ньимъ Иво поступуе тамо,
Те Комнену ріечь говоріо:
„О Комнене міо побратиме!
Хайде мудро непогини лудо,
Кад' улѣзешъ Удбины крвавой,
Немой купит' харча за хайдука,
Некупуй га съ єднога дућана,
Но бирай га съ големо дућанахъ,
Е су клеты Удбиняни Турцы,
Да нескоче за тоб' усъ планину
Да ти добру неизгубе главу."
Отолесе растанули были,
Комненъ скаче долѣ нисъ планину,
Како еленъ одъ двіе године,
Докле дође Удбины крвавой,

Ту улѣзе у честе дућане,
Те онъ бира харрачъ за хайдуке,
Све є Комненъ наєдно скупіо,
А чаршинскій кантаръ добавіо,
Самъ є свое бреме измѣріо;
Мало му є бреме потегнуло,
Седамдесетъ и оке четиры,
На яке га плећи доватіо,
Па га носи горы усъ планину,
Докле дође на єзеро мутно,
Ту є юнакъ труданъ починуо,
Починуо и водице піо,
Измачесе букову омару (шіпъ)
Мало было млого нетраяло,
На воду є єленъ долазіо,
И Комненъ га нисъ пушку погледа,
А самсобомъ те є бесѣдіо:
„Фала Богу, фала Истинноме!
Дивна брава ође за хайдука!
Да я сміємъ пушку омакнути,
Одъ юнака Танковић' Османа,
И шъ ньиме є Хрнявина Муіо,
А съ Муіомъ є Гоенный Халиле,
Съ Халиломъ су тридесть Удбиянахъ."
У ріечи кою говораше,
Силанъ юнакъ на воду долази,
У руке му єданъ маштрапъ златный,
Онъ простріе црлѣнну доламу,
Ста кланяти, и абдестъ узети;
Онъ се моли Богу по закону,
Нѣга Комненъ нисъ пушку погледа,
А самсобомъ те є бесѣдіо:
„Фала Богу, фала Истинноме!
Я 'самъ чуо одъ бабайка мога,
Да є гріехъ изгубит' юнака,
Кад'се Богу моли по закону."
Па поскочи одъ землѣ на ноге,
Стаде Туре добро заскакати,
А кадасе близу примакнуо,
На трагъ се є Туре обратило,
Сагледало за собомъ хайдука,
Плећи даде а бѣжати стаде;
Но ћера га Комненъ баряктаре,
Али бѣжи Танковићъ Османе,
И кадъ быо далек' у планину,
На трагъ се є Туре обазрело,
Па є лахку пушку изметало,
Те Комнена добро доватило,
Сломило му ногу у колѣну,
За то Комненъ необрће главе,
Одиста га уфатити ћаше,
Но упіе Танковићъ Османе,:
„А ђе си ми одъ Удбине Муіо!
Е погибохъ юнакъ у планину,
Одъ хайдука Комненъ баряктара."
Оно зачу Муіо у планину,
Те кажуе браћи Удбинян'ма:
„Ха садъ браћо ако бога знате!
Погибе намъ Танковићъ Османе,
Даако му у помоћъ стигнемо!"
Поскочіо Гоенный Халиле,
Колик' Халилъ предъ Муію измако',
Небы дуга пушка дотурила;
Колик' Муіо дружтву одмакао,
Небы двіе дуге дотуриле,
Лахко трчу, ма стигоше брзо.
Кад'се Халилъ Комнену примако',
Изъ грла є юнакъ повикао:
„Стан' Комнене! лахко баряктаре!
Да ты носишъ соколова крила,
Небы перѣ уносило меса,
Како си ми данасъ запануо!"
На нѣгасе Комненъ обрнуо,
Великимъ є окомъ преваліо,
А десніємъ бркомъ намигнуо,
И біелимъ пошкрипнуо зубомъ,
До Турчина і' огань долазіо;
Коликосе Туре препануло,
Одъ страха га уфати грозница,
Те га Комненъ уфатіо жива,
Па га тури на плећи витешке,
Однесе га зеленомъ планиномъ
Нарамуюћ' али нехаюћи;
Оно виђе одъ Удбине Муіо,
Пакъ є юнакъ за ньимъ дозивао:
„Стан' полахко Комченъ баряктаре!
Да имадешъ соколова крила,
Небы данасъ месо уніела,
Ђе си яданъ мени запануо;
Камол' да ты унесешъ Халила!"
Одиста га уфатит' оћаше,

Но Компенсе на трагъ обрнуо,
Пушкомъ Муя бѣше погодіо,
Погодіо у колѣно десно,
За то Муіо необрће главе,
Но Комнена гони усъ планину,
Одиста га уфатити ћаше,
Но упіе Комненъ барјактаре,
Онъ упіе тридесетъ хайдукахъ,
Нѣга зачу Сенянине Иво:
„Ха сад' браћо кои Бога знате!
Ако бидне Комненъ шићаріо,
Даће діо нама одъ шићара,
Аколи є у невольи лютой,
Да будемо нѣму у помоћи.“
Сви скочише ріечъ нерскоше,
Колико су лахко поскочили,
Одъ главахъ имъ капе попадаше,
А одъ паса пушке леденице,
Комнена су брзо сусретали,
Ато носи Гоенна Халійла,
Комненъ куми сву браћу Сеняне:
„А за Бога моя браћо драга!
Вы пуштите мене усъ планину,
Да ме ћера одъ Удбинѣ Муіо,
Вы станите око друма пута,
Небы л' вама Богъ и срећа дала,
Небы лисе наузели главахъ,
Турскихъ главахъ и свaког' шићара,
Са тридесетъ Турак' Удбинянахъ.“
Оно Иво єдва дочекао,
Пропуштіо Комненъ барјактара,
Оде Комненъ горы усъ планину,
А ћера га одъ Удбине Муіо,
За ньимъ трче тридесть Удбинянахъ;
Но ихъ дивно Иво дочекао,
Са дружиномъ съ обе стране пута,
А међу се Турке напуштили,
Живый огань на ньихъ оборили,
Тридесетъ є пукнуло пушакахъ,
А тридесетъ пануло Туракахъ,
Непретече отле ђаволѣга;
То зачуо Муіо у планину,
Ал'се Муіо ядду авизас,
Е му друштво погинуло бѣше,
Пакъ онъ зове Комненъ Барјактара:
„О Комнене мой по Богу брате!
Пушти мене Гоенна Халила,
Да я шъ ньиме идемъ у Удбине,
Да кажемо ка'смо погинули,
Оли дођи те ме посієцы,
Нек' и мене ніе одъ дружине.“
Іунакъ бѣше на Бога гледаше,
Юнакъ бѣше Комненъ барјактаре,
Па онъ вели одъ Удбине Муіо:
„Ходи Муіо на божію бѣру!
Врнућу ти Гоенна Халила.“
Кад'се были юнацы састали,
Међу собомъ вѣру уфатили,
Вожу бѣру, Богомъ побратимство,
Па му врће Комненъ барјактаре,
Врну Муію Гоенна Халійла,
Оде Муіо Удбины крвавой,
И плачући а не кукаюћи,
Оде Комненъ у свою краину
И рамлюћи, али се сміюћи,
Каква харча донесе дружины.

32.

Секула.

(Одъ малога Брацана козарчића у Острогу М-ру.)

Рано рани ліепа ђевойка
На Ситницу на воду студенну,
А на воду чуданъ шићаръ нађе,
Чуданъ шићаръ Бановчићъ Секула,
Но Секуле ньойзи бесѣђаше:
„А тако ти, ліепа ђевойка!
Проводай ми моега врaнчића
Усъ Косово дуго и широко,
Е ме хоће санакъ преварити,
А имаде и петнаесъ данахъ,
Одкад' біемъ боя у Косово,
И Турцы су Янка уфатили;
Но тако-ти, ліепа ђевойка,
Ты погледуй низъ полѣ Косово
Кад' те Турцы проводити Янка,
Пробуди ме такко сретна была!“
На то стидно говори дѣвойка:
„А тако ми, невиђенъ деліо!

Та я небыхъ ни познала Янка.“
На то вели Бановчићъ Секуле:
„А тако ми ліепа ђевойка!
Ласно ти є познавати Янка,
Высокъ юнакъ на біела ђога,
Свезанне му наопако руке.“
То є реко' санъ га оборіо.
Мало было млого нетраядо,
Прамаксе є магле зађенуо,
Зађенуо по врхъ Косовога,
Има пуно шездесеть Туракахъ;
Гледа млада неуглeда Янка,
Ал'се другій булюкъ намоліо,
Намоліо по врхъ Косовога,
Има пуно шездесетъ Туракахъ,
Гледда млада неуглeдда Янка;
Ал'се трећій булюкъ измоліо,
Има и у нь' стотина Турака,
Гледа млада и угледа Янка,
Высокъ юнакъ на біела ђога,
Свезанне му наопако руке;
Ал' іой мучно пробудит' Секулу,
На руке му вранца наводила,
Докле вранацъ очети Секулу,
Тесе Секулъ бьо пробудіо,
Па дѣвойцы младой говоріо:
„Одвед' коня да га Богъ убіє!“
Но му стидно говори ђевойка:
„Ай устани незнанный деліо!
Ено Турцы проведоше Янка!“
То ка чуо діете Секуле,
Скочи юнакъ ка' дасе помами,
На готова усѣде вранчића,
А полеће полѣмъ Косовіємъ;
Но да ти є погледат' Секулу!
Малій юнакъ на малехна ђога
Изишао предъ свіємъ Турцима,
Те онъ срета Бановче Секула,
А Секулъ му ріечъ бесѣдаше:
„Бумбарећи, Турцы браћо драга!
Бумбарећи роба заробили!
Добра роба Воеводу Янка!
Дайте ми га да га посіечемъ,
Е већ' има и нећеля данахъ,
Ка' є мога изгубіо баба,
Мога баба кулин'-капетана.“
Даше Турцы ріечъ нечиняху,
На то вели Воевода Янко:
„А такко ми незнанный юначе!
То витежка вѣра неподноси,
Да ми 'вако ты сіечешъ главу;
Но ты мене одріеши руке,
Па ми таде посіеци главу.“
То Секула єдва дочекао,
А остру є извадіо ћорду,
Посѣче му на руке конопе,
Па му даде ћорду у десницу,
Су два края удрише Турцима,
Те нагони єданъ на другога;
Што остаде воеводи Янку,
То посѣче Бановчићъ Секула,
Што претече Бановчићъ Секулу,
То посѣче Воевода Янко,
Одъ ньихъ ока неутече жива,
Ни да кажу ка су погинули;
Здраво Янко и Секула пошли,
Пошли здраво на своє дворове,
Но и Србцы фала ми ђевойцы.

33.

Свой Освой.

(Одъ Мусе Поповића Пѣшивца.)

Силанъ Паша паде на Никшиће,
Нѣм' доходе Аге и Беговы,
Доцканъ Бего Любовићу дође,
Али му є Паша бесѣдіо:
„Добродоша' Бего моя слуго!
Што си мисе слуго придоцніо?
Алисисе скоро ожeніо,
Те си приспа' у постелю пь любомъ?
Али піешъ по механам' вино,
Па за мене ни хабера неймашъ?“
Али му є Бего бесѣдіо:
„Ніесамсе скоро ожeніо!
Нити піемъ по механамъ вино,
Но несміємъ пріећи планине
Одъ хайдука старога Мателя,
И нѣгова два неяка сына,
Мателѣвићъ Янка и Новака,

Свой су Босны Пашо доядили!“
Ка' то чуо Пашо на Никшиће,
Ту є Пашо Диванъ окупіо,
А по Дуванъ пущтіо телала,
Ко изгуби хайдука Мателя,
И нѣгове два неяке сына,
Честита ће нѣга учинѣти.“
Ненађесе у Диванъ юнака,
До єдинō влащче испануло,
По имену Влаховићъ Голяне:
„Єл' истина, драгій Господаре!?
Єл' истина што си обећао?“
„Єсть истина моя вѣрнā слуго!“
А онъ му є опеть бешѣдіо:
„Я ћу поћи изгубит' Мателя,
И нѣгове два неяке сына,
Е є мене тетка за Мателя,
Ма ну дай ми шездесеть Туракахъ.“
Даде му ихъ ріечь неучини,
И отленсе Голянъ подигнуо,
Докъ Мателю на дворове дође,
На дворове у єлійкъ зеленій,
У планине ђе зимую війле;
Подалеко Турке оставіо,
Теткићи га дочекую дивно:
„Добро доша' нашъ брате Голяне!
Єл' ви Пашо порезъ ударіо?
Морете ли живы останути?“
А онъ є ньим' таде бешѣдіо:
„Пашо ми є порезъ ударіо,
На сироте и сиромашице
По стотину грошахъ біеліехъ;
На болѣга и на Болѣвића,
По стотину жутіе цекинахъ,
А на мене вашег' мила брата
Цекинахъ є двѣсти ударіо,
Неморемо остати никако.“
Али су му оны говорили:
„А небойсе нашъ брате Голяне!
Тебе ћемо благомъ откупити.“
Па узеше гуслы яворове,
Ста узъ гусле Голянъ попіеват':
„А ђе сте ми соколови сивіи!?
Ево оће крсташине орла!
Но бржайте да га размакнете!“
И томесе нико несѣтіо,
До проклетыи у планину Турцы,
Те су ньима ударили были,
Посѣкоше старога Мателя,
И діете Мателѣвић' Янка,
Но утече діете Новаче,
За війту є єлу запануо,
Иза єлē танку пушку пали,
По два нійжē а на єдно зрно,
Седамнаесть преметну Турака,
Но Голянъ га гађа исъ пріека,
Живō му є срце разнесао,
И припаде посѣче му главу;
Заробише Мателѣву любу,
И остаде чедо одъ Новака,
Те га коси Новакова люба,
Докле Паши дошли на Никшиће,
Люто плаче Мателѣва люба,
А іошъ люће люба Новакова,
Е ма іой є Пашо бесѣдіо:
„Што є тебе Мателѣва любо!?
Али жалишъ старога Мателя?
Али жалишъ Янка и Новака?“
Него му є она бесѣдила:
„О бога ми драгій Господаре!
Нити жалимъ Янка ни Новака,
Ни я жалимъ старога Мателя
Зло чинѣли, горē дочекали,
Но діете жалимъ одъ Новака,
Што га ядна држимъ на рукама,
Те ћē ми га изгубити Турцы.“
Ма іой пашо боже вѣре дае,
Да га ньойзи изгубити неће;
Кад' то виђе Влаховић' Голяне,
Те истрже ножа покрђала,
И закла іой чедо на рукама.
Кад' то виђе паша одъ Никшића,
На целата окомъ намигнуо,
Те Голяну главу окинуо;
Етакоςе свакоме случало!
Ко нештеди свог' истога брата.

34.

Міятъ.

(Одъ Богетѣ Ђукова Вукићевића изъ с. Церова у Пѣшивце.)

Вино піе Міяте хайдуче,
У Ромину зелену планину,
Служи му га сестрићъ Маріянко,
Но уяку сестрићъ говоріо:
„Ово што бы изѣдосмо блага!
'Да ли ђегођъ любавинка неймашъ,
Мы ђе бысмо презимили зиму?“
Но му хайдукъ бесѣди Міяте:
Я имадемъ добра побратима
У пространнô мѣсто Сараево,
Ту можемо зиму презимити.“
Отолесе хайдукъ подигнуо,
Докле шеверъ Сараеву дође,
У свог' побре Евенди-кадіе.
А кад' дође побратиму своме,
Побратимъ га дочекуе дивно,
Дае доста пива и естива,
Све хайдуке добро намѣстіо,
И доста имъ положіо вина;
А отол'се кадія подиго',
Да онъ купи масло по кесиму.
Кадс' айдуцы надробили вина,
Ђеда штета њима сѣђет' съ миромъ,
Но одоше лако попіеват',
То зачуше Сарайліе турцы,
Шушуръ оде низа Сараево,
А отоле Босни землъи равной,
Докъ зачуо Бошнякъ Алайбего,
Те є Босну землю окупіо,
Међу њима ріечъ бешѣдіо:
„А тако ви Босанліе Турцы!
'Да л' у мене неймаде юнака?
Ко ће поћи Сараеву граду,
Е 'самъ чуо, кажую ми люди,
У нѣму є Томићу Міяте,
Су своиехъ тридесеть айдукахъ;
'Да л' неймаде у мене юнака,
Ко ће поћи Сараеву граду,
Одъ Міята да донесе главу,
Ял' Міята да жива доведе?“
А то зачу делибаша Хусо,
А есъ чуо те є бешѣдіо:
„Алибего драгій господаре!
Ну дай мене шездесеть деліяхъ,
Да ихъ Босни каловитой бирамъ,
Ђе є юнакъ, и пушка дугачка,
Я ћу ходит' Сараеву граду,
Теби жива довешћу Міата,
Ал' одъ нѣга донієти главу.“
Кад' то зачу Бошнякъ Алибего,
Онъ му даде шездесеть деліяхъ,
Отолосе Хусо подигнуо,
А за њиме шездесеть деліяхъ,
Докле граду Сараеву дође,
На дворове Евенди-кадіе,
Ал' кадіе на дворове нейма,
Но нѣгове двіе Булле младе,
На ихъ виче делибаша Хусо,
Кадійнасе була одзивала:
„Што дозивашъ незнаннâ деліо!?“
Но іой вели делибаша Хусо:
„Ел' у дворе Томићу Міате?“
Нути муке и неволѣ' драгê!...
Ка'се була Богомъ куне криво,
Е у дворе тог' Міата нейма,
За то Хусо необрће главу,
Но є булу доватіо младу,
А біо є бычемъ плетенніемъ;
Цичи Була ка' и змія лютâ,
Ма Міата казат' неоћаше,
Но то чуо Томићу Міяте,
У Міату живô срце пуче,
А изъ грла біелога викâ:
„Копиляне делибаша Хусо!
Што ми яда по Сарайву тражишъ?“
Кад' то зачу делибаша Хусо,
Таде Хусо ріечъ бесѣдіо:
„А ту ли си Томићу Міате?!
Оди Міатъ отвори ми врата!
Кунемъ тисе, а вѣру ти даемъ,
Да ти хилле помыслити нећу!“
Нути муке и неволѣ драгê!
Ка'се Ибро Богомъ куне криво,
Е му хиллу и помыслит' неће;
А то зачу хайдукъ Маріанко,
Скочи хайдукъ отвори му врата,
По улѣзе делибаша Хусо,

А за ньиме шездесеть деліяхъ,
За готовомъ совромъ засѣдоше,
Доста буле наложиле вина,
Доксе Турцы накитили дивно,
Отидоше напіяти Турцы,
Све ми зборе Турцы о юнаштву,
А хайдуцы о дебелу миру;
То гледагу двіе буле младе,
Одъ одаѐ одключаше врата,
Доватише тридесть цеверданахъ,
Свакомъ' свога прислонише младе
Хайдуцима узъ плеħи юначкѐ,
Па одоше ньима служит' вино,
Чашу даю делибаши Хусу,
А да вели Хусо делибаша:
„Здравъ да си ми Томиħу Міате!
Ни у здраве мое а ни твое,
Но нашега на Босну везира,
И у здраве нашег' Алибега,
Коино є мене оправіо,
И тебисе мило поздравіо,
Да ты пођешъ Босны каловитой
На нѣгове дворе и оџаке!“
Оде чаша о друга до друга,
Докле айдукъ Маріанку дође,
Но да вели хайдук-Маріанко:
„Здравъ да си ми Делибаша Хусо!
Ни у здравѣ твое ни нѣгово,
Но у мое двіе пушке мале,
Коеħе ми заміенит' главу,
Мою главу и уяка мога.“
Чашу бачи а кубуру трже,
Те онъ Хусу подъ грроце пали,
Пуче една пуче ихъ и тридесть,
Обалише тридесеть деліяхъ,
Кад' айдучке пушке издушише,
Тада Турске навалише пусте,
Но имъ вѣра неда погађати.
Таде скоче тридесеть хайдукахъ,
Оно Турак' поваташе живе,
Біеле имъ савезаше руке,
И у подрумъ оставише Турке,
Ма 'сво Турско узеше ођелло,
Пр'обукоше тридесеть айдукахъ,
Пояхаше до тридесеть хатахъ,
Одъ авліе отворише врата;
На хайдукес' наредили Турцы,
Одъ шехера врата затворили;
Но имъ вели Томиħу Міате,
Кои Турскій єзыкъ разумляше:
„А штостесе наредили Турцы?!
Я 'самъ слуга одъ Босне везира,
А мене є везиръ оправіо,
Да изгубимъ Томиħа Міята.“
Іошъ имъ яданъ хайдукъ бесиђаше:
„А тако ми дина и амана!
Опануħу васъ све у везира,
Велю' ħу ви глобу натурити —.“
А тадасе препадоше Турцы,
Па Міату врата отворише,
Отворише врата одъ шехера,
Но имъ Міатъ турски бесѣђаше:
„А тако ви Сарайліе Турцы!
Нађитесе до тридесеть агахъ,
Да идемо на Босни везиру,
Да носимо главу одъ Міата,
И нѣгово тридесеть айдукахъ.“
Опремисе до тридесеть агахъ,
На тридесеть хатахъ дебеліехъ;
Изъ шевера када поизмакли,
Кад' далеко замкли у планину,
Трже Міатъ саблю одъ пояса,
А сестриħа покликнуо свога,
Па у Турке юришъ учиніо,
И то тридесть изгубіо агахъ;
Отолесе Міатъ подигнуо,
Здраво съ дружтвомъ у Ромину поша',
А посѣка' стотину Туракахъ,
Одъ стотине манѣ ђаволѣга,
У средъ дивна шеверъ Сараева,
Зафаліо Ефенди-Кадіи,
А найвише тим' Сарайліама —.

35.

Маркова слава.

(Одъ Радована Милошева Булатовиħа изъ Ровацахъ)

Славу слави Кралѣвиħу Марко,
Одъ године честитъ данакъ Ђурђевъ,

На славу му гости долажаху,
Тридесть попахъ, четресъ калуђерахъ,
А толико ђакахъ ньиховіехъ,
И остало големо народа;
Свесе купи у Краљића Марка,
Све по гласу ђе є доста вина,
Таманъ Марко совру поставіо,
Докъ ево ти делибаше Муя,
О Стамбола града біелога,
А одъ стола цара честитога;
И уза нь'га тридесеть деліяхъ,
И онъ бахну на Маркову славу,
Неће л' Марку зулумъ учинити,
Да му неда славе поминяти,
Ни у славу божю напіяти,
Напіяти вино и ракію;
Кад'се Марко вина натрошіо,
Омма Марко чѐру промиени (лице)
А гледа га делибаша Муіо,
А гледа га, паксе препануо;
Єдва ютра зоре ишчекао,
Пакъ є зоромъ Турски бешѣдіо,
Весѣдіо Муіо деліяма:
„Ђелла кардашъ дома да идемо!"
А Марко имъ Турски одговара:
„Отуръ џанумъ, куд'си усхитало!
Ніе си ми слугу даровало!..."
Тад'се Муіо на яду видіо,
Свакій даде по двадесть цекинахъ,
Делибаша дваесть и четиры,
Пакъ є опеть Турскій бешѣдіо:
„Айте Турцы дома да идемо!"
А Марко имъ Турски одговара:
„Отуръ џаномъ куѣсте усхитали,
Ніесте ми любу даровали!..."
Кад'се Муіо на яду видіо,
Свакій даде по тридесъ цекинахъ,
Делибаша тридесть и четиры,
Пакъ є опет' Турски бесѣдіо:
„Хаймо Турцы дома да идемо!"
А краљић му Марко одговара:
„Докле мою майку дарується!"
Кад'се Муіо на чуду видіо,
Стадоше му даривати майку,
И деліе коњѣ продадоше,
Докъ му стару даривате майку.
Ал'є опет' Муіо бесѣдіо:
„Хайте Турцы дома да идемо!"
Но Марко имъ опеть одговара:
„Докъ ми остру саблю целивате,
Вашъ у балчакъ ђе є рука држи,
Држи рука Кралѣвића Марка,
И докъ саблю благомъ дарусте!"
Кад'се Турцы видли на белаю,
Они свое рухо продадоше,
Те узеше дост' ліепа блага,
Све дадоше, саблю даривате,
Свакій оста у танкой кошульи,
Кад' у танкой осташе кошульи,
Таде Марко саблю поднесао,
Те му свакій саблю целивао,
Целивао и два и тры пута,
Зной самртный свакогʼ пропануо;
Страховить є Марко и виђети,
Камо ли му сабльи подступити,
Пакъ имъ таде Марко бесѣдіо:
„Айте Турцы куд' є вама драго!
Кад' ми опет' крсно име дође,
Вы дођите на славу Маркову."
Таде Муіо Марку бесѣдіо:
„Далеко ме срећа однієла,
Одъ твоега двора біелога,
Одніела, нигда нанієла,
И фала ти те не живе пушта!"

36.

Свакояко Больій Марко.

(Одъ истога Радована Мь Ровчанина.)

Полећела два сокола сива,
Одъ Прилипа града біелога,
То небыла два сокола сива,
Но то была два кралѣва сина,
Краљићъ Марко и Краљићъ Андрія;
Окренуше земльомъ и ћенаромъ,
А кад' горы быше Романніи,
Андрія є Марку бесѣдіо:
„Насъ є майка єдна породила,

И незнасмо тко є юнакъ больій,
Ходи Марко дасе обидемо,
Дас' на остре ћорде ударимо!"
А Марко му таде беседіо:
„Ай нелудуй една маничино!
Кадс' на остре сабѣ ударимо,
Мы хоћемо ранахъ допанути,
Яли єданъ, ял' ћемо и оба,
Крпе нейма, а мелехма нейма,
Далекосмо одъ оца и майке,
Ко ће наћи одъ мора хећима,
И ко ће ни ранне превіяти?
Но хайдемо преко Романніе,
Д'ако Богъ да и срећа одъ Бога,
Те мы ђегодъ сустигнемо Турке,
Сустигнемо яли ихъ сретемо,
Мы ћемо имъ брате ударити,
Виђећемо ко є юнакъ больій."
Па отоле конѣ оћераше,
А кад' были мало понапріедъ,
Докъ стадоше хрти проподати,
Докле стаде тутань нисъ планину,
Докъ ево ти Турчинъ Рустемаге,
И са ньиме тридесть Яньичарахъ;
Кад' ихъ виђе Кралѣвићъ Андрія,
Препадесе одяха дорійна,
Па полюби Турчин' Рустемагу,
Полюби му руку и колѣно,
А онъ га є рукомъ поплескао:
„Бе аферимъ чоекъ одъ чоека,
Што ћешъ Марка гледат' манитога,
Што све гледа мрко попріеко?"
Па све тридесть полюбіо редомъ,
А свакій га рукомъ поплѣснуо:
„Ха! аферимъ, чоекъ одъ чоека!"
Марко гледа несяхуе Шарца,
Ома Марку друга паметь дође,
Па велико чело намрштіо,
Докъ састави самуръ и обрве,
А превали окомъ крвавіемъ,
А шкржутну зубомъ біеліемъ,
Бакрачліомъ гиликну Шарійна,
Одъ бедре му сину гадарія,
Те удари Турчин' Рустемагу,
Одма Хаге двіе начиніо;
У Марка є маховита рука,
Ка' у жене кодъ хрђава мужа,
Хитро махну неколико путахъ,
Посѣче му двадесть и тры друга,
Кад' погледну Кралѣвићу Марко,
Али бѣжи іошъ седамъ Туракахъ,
И Андрія воде савезанна,
Таде Марко наћера Шарійна,
Кад' виђоше Яньичары Турцы,
Оны таде горы побѣгнуше,
Оставише Андрія свезанна,
Марко ћера, іошъ тры уватіо,
Доведе ихъ пред' Андрія живе,
Пакъ Хандріи одріеши руке,
И даде му опетъ остру ћорду:
„Най Андрія, те сіецы Турке!
Нећешъ ли се сѣћи научити,
Е веляше да си юнакъ больій."
Но му іоште Марко беседіо:
„А можесе брате препанути,
Препанути больій одъ горега,
Какогођеръ горій одъ болѣга."
Тад' Андрія посѣкао Турке,
И како ихъ тад' почео сѣћи,
Непрестаіо' докле ихъ траяло,
И докъ єдног' жива опажао,
Али Марка све чини болѣга.
Па му опетъ брате збори Марко:
„Хайдмо іоште мой брате Андрія,
Да скидамо благо са Туракахъ."
И то га є брате послушао,
Отидоше те благо скидоше,
Па све браћа братски діелише,
Дад' Андрія Марку старѣшинства,
Ка' и поправъ брату старіему,
Старіему а юначніему;
Отле браћа здраво окренуше,
Здраво дошли у Прилипа града,
И свакаква доніели блага,
Добрихъ атахъ, а скупіехъ рахтахъ,
А найвеће братинеке любави,
Те ихъ оба майка загрлила,
Одъ наске іой фала и поштенѣ,
Кад' є была юнаке родила! —.

37.

Минна и Марко.
(Одъ Слѣпца Гаша Ришнянина у Котору.)

Вино піе Кралѣвићу Марко,
У нѣгову двору бѣломе,
Майка Марку служи вино хладно,
Кад' є быо у найвише пійће,
Тры га кньиге танке допануше:
Єдно га є допанула кньига
Вашъ одъ цара свога поочима,
Да му Марко у Стамбола иде,
А друга̂ є кньига допанула,
Изъ Будима града бѣлога,
Одъ силнога краля Матіаша,
Да му иде у Будиму Марко,
Да вѣнчава краля и краљицу;
Трећа га є кньига допанула,
Одъ юнака Мине̂ Цидовине,
Овако му Минна говоріо:
„Ако Марко на войску отидешъ,
Я ћу твое дворе похарати,
И твою ћу люби заробити,
Старицу ти майку потиснути,
Све ћу твое благо изнѣти."
Кад' є Марко кньиге разгледао,
Па старицы майцы говоріо:
„Што ћу саде моя мила̂ майко!
Бы ли мене сѣтовала мудро?
Ђе бы Краљићъ пошо' пріе Марко?"
Али майка Марку одговара:
„Драгій сынко Кралѣвићу Марко!
Айде сынко цару честитоме,
Да ми тебе непокара царе."
Говоріо Кралѣвићу Марко:
„Мучи майко, луда̂ женска̂ главо!
Старія є божа̂ нег' царева."
Паксе Марко на ноге скочіо,
Усѣднуо Шарцу на рамена,
Пође Марко путъ Будима града,
Те бы кралю за кума вѣнчанна;
Піе вино за неђелю данахъ,
Кад' є было напуна неђеля,
Тада Марко на ноге скочіо,
Пак'се свога Шарца приватіо!
Иде Марко стойну Цариграду,
А кад' дође цару на дивана,
Танка га є кньига допанула,
Да му Минна дворе похарао.
А кад' виђе Кралѣвићу Марко,
Па Маркосе млого иеђаше,
Ал' учинѣт' ништа немогаше,
Нег' извраћа ћурракъ наопако,
Невесело по дивану шета,
Говори му царе поочиме:
„Што є тебе мой посынакъ Марко,
Али нейма у Стамболу вина,
Ал' дебела меса овновине̂,
Ал' симита лѣба бѣлога?"
Говори му Кралѣвићу Марко:
„Господине царе поочиме,
Я те молимъ како господара,
Подай мене тридесетъ Туракахъ,
А пред' ньима Агу побратима,
Побратима Агу Белил-Агу,
Е ћу Марко до Костура поћи,
Да я мою осветимъ срамоту,
Одъ юнака Минне̂ Цидовине —."
Тадай царе Марку бесѣдіо:
„Прођс' одъ тога Кралѣвићу Марко!
Са своимъ моіомъ силомъ и ордіомъ,
Біосамъ га за седамъ годинахъ,
Немогахъ му ни врата виђети,
Акамоли да примуємъ града;
Ако ти є дворе поробіо,
Лѣпше' ћу ти царе оградити,
Ако ти є люби заробіо,
Лѣпшомъ ћу те оженити Марко,
Даћу блага колико ти драго."
Нѣму Кра̂љићъ одговара Марко:
„Ядны мени царе разговоры!
А ђе ће ми юначка̂ срамота?"
Кад' є Марка царе разуміо!
Онъ му даде тридесетъ Туракахъ,
А предъ ньима Агу Белли-Агу;
Кад'се Марко Турак' добавіо,
Свукує ш ньи зеленне доламе,
На ньихъ меће̂ гогачке хальине,
А на ноге гогачке опанке,
На рамена куке и мотике,
Сабля-Марко у цркву отиде,

Па свукуе зеленну̂ доламу,
Калуђерску облачи мантію,
А на глави капу калуђерску̂,
Подъ Мантію меће̂ саблю бритку̂,
Пакъ отиде путъ Кустура града,
Съ Маркомъ иде тридесетъ Турака,
Па ког' Марко на друму среташе,
Свакоега запитуе Марко:
„А за Бога брате Ришћанине!
Хоћу л' наћи станя у Кустуру,
Да настанимъ ову̂ сыротиню?"
Свакій Марку дивно каживаше:
„Оћешъ наћи оче калуђере!
У силнога Минне̂ Џидовине̂,
Сад'ће градит' єндекъ око града,
Єрсе бои одъ Краљића Марка."
А кад' Марко пред' Кустуромъ дође,
Побратиму своме говораше:
„Побратиме Ага Белил-Ага!
Станни побре Кустуру на врата,
Е ће Марко у Костуру поћи,
Па ће Марко кавгу заметнути,
Кад' ты чуєшъ драгій побратиме,
Скочи зъ дружбомъ одъ землҍ на ноге,
Ником' недай живу излазити;
Ты отуда, я ћу одовуда,
Докс' обадва побре састанемо."
Краљићъ Марко у Кустуру пође,
А кад' Минни дође пре дворове,
Ту находи танехну̂ робыню,
Ђе свіетли мраморну авлію (мете̂)
Говори іой Кралҍвићу Марко:
„Божя помоћъ танехна̂ робынҍ!
Єли дома Минна Џидовинна?"
Она нҍму млада одговара:
„Добро доша' оче калуђере!
У дворе є, богъ да га убіе!
Но такко ти... оче калуђере,
Окле ти є Шарацъ коньицъ Марковъ,
Окле л' ти є сабля Краљић' Марка?"
Овако іой Марко одговара:
„Ядна была танахна робыньо!
Ево има и неђеля данахъ,
Да є Краљићъ Марко преминуо
Подъ Багдатомъ градомъ біеліємъ,
Моіомсамъ га рукомъ укопао,
Неимаше паре̂ ни динара,
Дао ми є коня за подушћ,
Шарца коня и сабльицу бритку."
А кад' га є млада разумҍла,
Одъ образа сузе оборила,
Паксе віе коню око грла,
Како змія око суха дрва,
У то доба Минна Џидовина,
Удари є̂ шакомъ узъ образа;
Колико є̂ Минна ударіо,
Два іой здрава саломіо зуба,
Стои писка младе̂ робуньице,
Како люте̂ зміе̂ под' каменомъ,
А говори Кралҍвићу Марко:
„Немой тако Минна господине!
Грехота є грдити робынҍ!"
Али Минна Марку одговара:
„Прођс' одъ мене оче калуђере!
Ево има и неђеля данахъ,
Како ми є дошла у дворове,
Ніесамъ іой лице... облюбіо,
Ма довече мыслимъ акобогда;
Хайде оче у дворе біеле,
Дасе хладна вина напіемо,
Е є мени данасъ крсно̂ име."
А Маркосе скалла са Шарійна,
Па улҍзе у біелой кули;
Сҍде Марко челу о трпезе,
Сташе ладно̂ испіяти вино,
Піе Марко каос' научіо,
Говори му Минна Џидовина:
„Ядан҃ быо оче калуђере!
Како добро піешъ хладно̂ вино,
Како да 'си рода Марковога,
Краљићъ Марко нҍму одговара:
„Богъ т' убіо Минна господине!
Што мртвога Марка споменюєшъ,
Ево данасъ неђельица данахъ,
Моіомъ 'самъ га рукомъ укопао."
Кад' разумҍ Минна Џидовина,
Окованну саблю доватіо,
Коя валя по̂ царева града,
Пакъ є̂ даде Кралҍвићу Марку,
Пакъ є Минна Марку говоріо:
„На даръ тебе оче калуђере

За муштулукъ што си ми казао,
И пій вина колико ти драго.“
Кад'се ладна вина понапили,
Некій игра, некій попіева,
А калуђеръ Минни говоріо:
„Є ли тестиръ Минна господине
Да поиграмъ кротко калуђерски?“
Говори му Минна Цидовина:
„Играй оче колико ти драго!
Теке немой кавгу заметнути.“
Скочи Марко одъ землѢ на ноге,
Игра̂ Марко по кули біелой,
Свасе кула изъ темеля тресе,
А Минна є Марку говоріо:
„Остав' игру оче калуђере!
Сад'ће панут' изъ темеля кула.“
За то Марко ни хабера нейма,
Него бритку саблю извадіо,
Пакъ є Минни главу посѢкао;
Тадай Марко юришъ учиніо,
Што є мушко али женско было,
Све є Марко подъ саблю метнуо,
Па уфати Миннину любовцу,
И метну є̂ у теркію Шарцу,
Свою Марко люби уфатіо,
Пакъ є̂ узе подъ рукомъ десницомъ,
Бритку̂ саблю у руцы лієвой,
Преко града юришъ учиніо;
Али мушко али женско стиже,
Свакомʼ главу одъ рамена диже,
Докъ прійміо одъ Кустура ключе,
А кад' дође на врата одъ града,
Побратиму своме говораше:
„На̂ ти побре Миннину любовцу,
Потурчи є̂ пакъ є̂ узми за се.“
Отле Марко у Цариградъ пође,
А кад' цару на дивану дође,
Дивно мусе Марко поклоніо,
А вели му Отмановић' царе:
„Добро дошо мой посынко Марко!
Єс' ли мисе Марко уморіо?“
Говори му КралѢвићу Марко:
„Каос' небыхъ уморіо царе,
Прійлуюћи одъ Кустура ключе!“
Па му ключе тури на колѢна.
Тадаръ вели Отмановић' царе:
„От' ли Марко на Босну везирство,
Ал' господство кое теби драго?“
Одговара КралѢвићу Марко:
„Нећу царе господство никакво,
Него само да я піемъ вино!“
Кад' є царе Марка разуміо,
Онъ узима стотину дукатахъ,
Тер' ихъ даде КралѢвићу Марку:
„Най ти Марко, пођ'се напій вина!“
Ма тако му Марко говоріо:
„Хрђа била и цара такога!
Дасамъ тебе довео робынѢ,
Ал' доніо одъ каура главу,
Дао бы ми и триста дукатахъ,
А што ће ми стотина дукатахъ?
Небыхъ Марко ни брка сквасіо!“
А кад' га є царе разуміо,
Па пуштао низъ войску телале,
Вичу оны тры біела дана:
„Ђесе нађе одъ вина механа,
Каде дође КралѢвићу Марко,
Нека піе да неплаћа вино!“
Стая Марко за годину данахъ,
У Цариградъ вина нестануло.

38.

Туркиня што воли.

(Одъ истога сліепца Гаша Риш.)

Кньигу пише Ченгійћъ Бећир-паша,
Па і' оправи у ПриморѢ дивно̂,
У ліепу Грблю питомоме,
У сокола Мирковића Вука,
Овако га паша поздраваше:
„Мирковићу драгій побратиме!
Хоћу тисе оженити побре
Дивномъ шћеро̂мъ одъ Босне везира,
Неймамъ брата, неймамъ братучеда,
Кои бы ми бьіо за ђевера,
Дођи мени побре у сватове,
Да ми були будешъ за ђевера.“
Кад' Сердара кньига допанула,
Каде виђе што му Турчинъ пише,
Ођодесе што море найлѢпше,

Пакъ усѣде коню на рамена,
Иде Вуче преко Горе̂ црне̂,
Докле дођe на Чево крваво
У своєга богомъ побратима,
У витеза войводе̂ Ђукана,
Ту є Сердаръ конакъ учинiо.
Кад' є было о зори бiелой,
Ондолесе Сердаръ подигао,
Иде право на кршно̂ Загорѣ,
Кад' Мирковићъ у Ченгића дође,
Дивно га є паша догекао,
Доста дава̂ пива и єстива;
А кад'сусе вина понапили,
Поче паша игре свакояке,
Мирковићъ є юнакъ одъ старине̂,
Пакъ у сваку пашу добываше,
Мирковићу Ченгићъ говораше:
„Побратиме Вуче каурине!
Ты нiеси срца юначкога,
Ако коня разиграт' нећемо,
Да видимо ко є больiй юнакъ."
Кад' Мирковићъ пашу разумiо,
Пакъ витеза коня ражлютiо,
Ћера пашу до градскiє вратахъ,
До градскiє вратахъ одъ Травника;
Све излази мало̂ и велико̂,
Да гледаю Вука Мирковића,
Кад' изађе майка и ђевойка,
Ченгiйћ' паше̂ млада вѣренница,
Ту ђевойка майцы говораше:
„А тако ти... моя мила̂ майко!
Онiй Турчинъ одъ кога є града,
Дiйванъ ти є, трц га яда била! —".
А дѣвойцы майка говорила:
„Мучи ћерце стале ти каменомъ!
Оно нiє Турско момче младо,
Него Сердаръ Мирковићу Вуче,
Одъ Приморя одъ земѣ Словинскѣ."
А ђевойка майцы говорила:
„Майко моя дуго ядна была!
Волiяхъ бы Мирковића Вука
Само гола...у кошульи танкой,
Него пашу мога вѣренника,
Свег' у свили и у сувом' злату!"
А кад' майка разумѣ ђевойку,
Лисcто она̂ танку кньигу пише,
Па є̂ посла паши зету своме:
„Зете драгiй Ченгiйћ' Беђир-пашо!
Да 'си спрешно мене у дворове,
Ол' ђевойка твоя быти неће."
А кад' пашу кньига допанула,
Спрешно пође були у дворове,
Пуница му своя говораше:
„Я 'самъ Зете за те поручила,
Да изгубишъ Вука Мирковића,
Ћерца моя твоя вѣренница,
На иѣгасе кучка преставила."
А младо iой момче одговара:
„Мучи було Богъ да те убiє!
Срамота є и мене и тебе,
Да мы Вука оће изгубимо;
Но кад' сютра бiо данакъ сване,
Кад'се дигну кићенны сватовы,
Бић' у свате Мурковићу Вуче,
Ево тебе Турску вѣру давамъ,
Кад' будемо на првомъ конаку,
Обѣсићу Вука у планину,
Єдной єли конопомъ єднiемъ,
Да невиди Грбла питомога."
А кад' быо данакъ освануо,
Дигнушесе кићенныи сватовы,
Отидоше зеленомъ планиномъ,
Кад' су были на првомъ конаку,
Паксе сташе Турцы разговарат',
Да обѣсе̂ Мирковића Вука
Прiе сунца и зоре бiеле̂;
То све слуша лiепа ђевойка,
А кад', брате, Турцы вечерали,
Сви поспали кано и покланны,
Ал' неспава лiепа ђевойка,
Него млада̂ на ноге скочила,
Мирковићу пође подъ чадоре,
Ал' Мирковићъ iоште пiє вино,
Па ђевойцы Сердаръ говораше:
„Огъ ђевойко Богъ те неубiо!
Ал' си млада люто престарала;
Ал' у тебе чудо...є велико,
Те си къ мене дошла подъ чадоре?"
Ђевойка му млада одговара:
„Луда̂ главо Мирковић' Сердаре!
Ол' невидишъ ядна твоя майка,
Да те мысле̂ Турцы обѣсити,

Но бѣжимо Грблю питомоме!"
Кад' Мирковићъ разумѣ ђевойку,
Одъ землѣ є на ноге скочіо,
Побѣгоше зеленномъ планиномъ,
Здраво дође Грблю питомоме,
И доведе Туркиню ђевойку;
Покрсти є, пакъ є узе за се,
А то Єла... єдва дочекала.

39.

Радул-Бегъ.
(Одъ истога Петра Мркаића.)

Милый Боже чуда нечувенна!
Што є жуборъ у біелу двору,
У біелу двору Радул-Бега,
Ал' є жалость, ал' велика радость?
„Нит' є жалосъ ни велика радосъ!
Мила сусе брађа завадила,
Бегъ Радул-бегъ съ Мирчетомъ войводомъ,
Да око шта небы ни жалю,
Око двіе Бабове баштине,
Каравлашку и Карабогданску;
Саблю вади Бего Радул-бего,
Те удара Воеводу Мирка,
Удри брата по бедры лієвой,
Колико га лахко ударіо,
На бедри му саблю пресієче,
И подъ сабльомъ одъ чохе чакшире.
Богъ му даде ранне незададе."
Вели Бего: „баштине су мое!"
Вели Мирко: „Ніе него мое!
На смртъ ми є бабо оставіо."
Кад'се Мирко на невольи виђе,
Полу свое саблѣ' извадіо,
Те є брата Бега ударіо,
Удри нѣга по пасу свиленном',
Пресѣче му двіе пушке мале,
Код' пушакахъ ноже окованне,
А под' ножим' токе позлаћенне,
Подъ токама зеленну доламу,
Богъ му даде ранне незададе;
Уфатише Бѣгова дружина,
Уфатише войводу Мирчету,
Те му више ударат' недаше.
Шћаше беже посѣћ' брата свога,
Ал' му неда любивна дружина:
„Язукъ ти є брата посѣћ' Беже!
Но баци га на дно у тавнице,
А мори га и гладомъ и жедомъ,
Како нѣму тавница досади,
Махомъ ће ти поклонит' баштину."
Беже брата у тавницу баци,
Те га мори и гладомъ и жеђи,
Тавновао за деветъ годинахъ;
Али Мирку и Богъ помагаше,
Имађаше снаху милостиву,
Те ђевера у тавницы храни,
Све кріюћи одъ свог' господара,
Господара Бега Радул-бега.
А кад' наста година десета,
Ал' є Бега кньига допанула,
Одъ некаква цара Шишманина,
Зове нѣга на крштено кумство;
А досад' є царе преваріо
Деветъ кумахъ, те є изгубіо,
Све Србаляхъ славніе юнакахъ,
По избору ђе є кои быо,
На том' чеду небыло му живо.
Кньигу штіе Бего Радул-бего,
Кньигу штіе а любовцу пита:
„Што ћу моя одъ живота любо?
Да непођемъ одъ Бога несміемъ,
Ако л' пођемъ моя вѣрна люби,
Я ћу лудо изгубити главу."
Али Бегу люба бесѣдила:
„Ахъ лудъ ли'си міо господаре!?
Што ты питашъ єдну женску главу,
Заръ да тебе научи любовца?
Кад' є тебе Богъ и срећа дала,
Те ты браца имашъ старіега,
Старіега и разумніега,
Коиће те Бего научити."
А кад' Бего любу разуміо,
Сузе рони овако говори:
„Пројди месе моя вѣрна любо!
Немой мое ранне вріеђати,
Ніе шала ни година данахъ,
Анекмоли настала десета,
Да є мене брате у тавницы,

Ни му давамъ пива ни єстива,
Веђ'су мусе кости распануле!
Аохъ Мирко врло добро мое!
Да си мене брате у животу,
Ты бы мене брате научіо."
Пакс' удари рукомъ по колѣну,
Пукла му є чоха на колѣну,
Пукла кожа и полила крвца,
Ал' му опет' люба бесѣдила:
„Да ну узми ключе одъ тавнице,
Даако ти Богъ и срећа даде,
Те ты брата у животу нађешъ,
Кои ће те Бего сѣтовати."
А то Беже и дочека єдва,
Па отвори тавницу проклету,
Викну Бего съ тавничкіе вратахъ:
„Ко є 'вође Мирчета войвода!?
Нек' излази надво изъ тавнице,
Зове нѣга братацъ Радоване,
Одвеће си брате тавновао."
Скочи Мирко између сужанянхъ,
А кад' га є Бего угледао:
„Благо мене брате добро мое!
Кад' затекогъ тебе у животу."
Руке шире у лицасе любе,
Ал' є Мирко тешко засужньіо,
Нокти су му како у крилаша (орла)
Руса коса пала преко паса,
Води брата у біеле дворе,
Брже зове тры хитра бербера,
Єданъ міе, другій косу бріе,
А трећій му нокте сарезуе,
Мила снаха доноси хальине
У свом' двору што има найлѣпше,
Туцаклука опростише Мирка,
Па сѣдоше хладно пити вино;
Кад'се браћа напоише вина,
Ондай брату Беже говоріо:
„Што ћу Беже одъ живота мога?"
Па му даде кньигу ижъ нѣдарахъ,
Што му царе Шишманине пише,
Виђе Мирко што му царе пише,
Пакъ є Беже Мирку бесѣдіо:
„Ал' ћу пођи, али пођи нећу?
Хоћу л' брате свою водит 'войску?
Ясе, богъ ме, боимъ пріеваре,
Царъ є деветъ кумахъ изгубіо,
Пакъ онъ хоће и мене десетог'."
Мирко брату тіо говоріо:
„Пођи, брате, быти ти неморе!
Бойсе Бога и Светог' Іована!
Ал' неводи войске николико'
Єсу л' живе тры бабове слуге?
Ел' живъ брате Піявица Ђуро?
Єл' живъ брате Грчићу Манойло?
Єли брате Злопогледу Вуче?
Ако буде вино пити хладно,
Піе вино Піявица Ђуро,
За стотину добріе юнакахъ;
Ако буде Грчки бесѣдити,
Зна Манойло дванаесъ єзикахъ,
Те те брате преварит' немогу;
Акол' буде бриткомъ сабльомъ сѣћи,
Море сѣћи Злопогледу Вуче
За петъ стотин' добріе юнакахъ,
Ка'но брате Србаль одъ старине."
А кад' га є Бего разуміо,
Опремисе и пође на кумство
И поведе тры бабине слуге,
Више съ собомъ неводи никога;
А кад' дође цару Шишманину,
Царeве га угледале страже,
Страже цару на муштулукъ трчу:
„Муштулукъ нам' царе господаре!
Ето кума Бега Радул-бега!
И неводи николико войске,
Него цигле до тры слуге свое,
Богъ ме ћешъ га лахко изгубити."
Царъ имъ дава неброенно благо,
Колико є скоту мило было,
Те на кумство губити кумове,
И варати Богомъ истинніемъ,
Богомъ варат' и светимъ Іованомъ,
Богъ га убій и светый Іоване!
Ліепо є Бега дочекао,
Па ихъ води на біелу кулу,
Прійміо имъ конѣ и оружe,
Ал' Вукъ неда саблѣ са бедрице:
„Старица ме проклиняла майка,
Я брезъ саблѣ да непіемъ вино,
Па кад' скинемъ саблю са бедрице,
Ніе мене вино пробитачно,

Стиже мисе клетавъ материна."
Ту сѣдоше ладно пити вино,
А царъ купи сву господу свою,
Пію вино за тры бѣла дана,
За тры дана и тры ноћа тавна,
Ни спаваю, нит'се распасую,
А све царе навалюе вино,
Небы л' како Србљѣ опоио,
Небы ли ихъ курва преваріо;
Али Србльим' и Богъ помагаше,
Те ихъ виномъ опит' немогаше,
Кад'се царе на невольи нађе,
Грчки свою слугу дозиваше:
„Слуго моя донеси нам' вина!
Чашу малу одъ осамнесъ окахъ,
Тер' ѥ подай моме куму Бѣгу,
Ако куме непопіе вино,
Упута є изгубіо главу."
А то слуша Грчићу Манойло,
Српски зове Піявицу Ђура:
„Чуйсе Ђуро, ето вина на те!"
А то Ђуро єдва и дочека',
Изъ рукѣ му чашу докопао,
Попіо ѥ ѹрка несквасіо,
Па іошъ иште: „Дай ми царе вина!
Чашу вишу одъ четерстъ окахъ,
Готовъ быяхъ умріет 'одъ жеди,
Пакъ я мышлягъ да ты неймашъ вина."
Даде слуга и дочека єдва,
Ал' ѥ піе Піявица Ђуро,
Но напія цару Шишманину:
„Здравъ да си ми царе Шишманину!
Ако чашу ову непопіешъ,
Кунемъ тисе Србскомъ вѣромъ правомъ,
Да на теби твое главѣ нейма!"
Попи Ђуро, ћеифъ начиніо,
А другу є цару насипао,
Добро піе царе Шишманине,
Добро піе ал'се непознава,
Докъ виш' чаше и дріемат' стаде,
Ал' іошъ вина Піявица иште.
Кад'се царе виђе на невольи,
Грчки зове крвава целата:
„Пођи слуго у камару тайну,
Па се удри одіело страшно,
Рисовине и међедовине,
А устакни калпакъ одъ тры вука,
Пригрнисе страшномъ лавчетиномъ,
Подъ скутъ узми саблю одъ мейдана,
Тер' ты Бегу посіецы главу."
Ал' ћа слуша Грчићу Манойло,
Српски зове Злопогледа Вука:
„Чекай Вуче, ето ти целата!
На нѣму є одіело страшно,
Голу носи саблю подъ пазухомъ,
Да онъ Бегу посіече главу."
У то доба целатъ изъ камаре,
А кад' га є угледао Вуче,
Скочи Вуче ко' дасе помами,
Пакъ є бритку саблю извадіо,
А завика Вуче иза гласа:
„Та штосисе курво нагрдіо!?
Знашъ ли курво, твою ли ти нѣну...!
Дасе Србльи іошъ непрепадаю,
Одъ живіехъ лавахъ и вуковахъ,
Анекмоли мртвіе мѣшинахъ."
Целатъ маче саблю исподъ скута,
Да онъ Бегу посіече главу,
Жестоко га Вуче дочекує,
Двіесусе саблѣ удариле,
Више главе Бега Радулбега,
Ал' у Вука боля сабля бѣше,
Целатову саблю пресіече,
Пакъ му русу главу одкинуо,
Тад' посѣче и цар' Шишманина,
Поче сѣћи сву редомъ Господу,
Онъ сіече оздо узъ трпезу,
Кад'се Вуче врати низъ трпезу,
Све сіече а изъ грла виче:
„Ко є 'вођенъ Бего Радулбего?
Нека бѣжи, уклонисе съ пута!
Крвца мисе на очи навукла,
У незнаню посѣћу му главу."
Све изсѣче нико неутече,
Кад' излѣгли изъ біеле куле,
Те сидоше у мермер-авлію,
Ал' ето ти царевѣ царицѣ,
Носи она у наручю сына:
„Богъ ми съ тобомъ мой милосный Куме!

Та ніесмо іошъ чедо крстили?
Нитисмосе куме даровали!?“
Ал' іой Вуче 'вако бесѣдіо:
„Дай крст'мо га кад' є тако дивно!
А мы смосе амо даровали —!
И за те є дара остануло!“
Пакъ іой чедо о кам' ударіо,
Нек' одъ врага неостае трага,
А куму є замлатомъ удріо,
Ни живу ȇ земля нешчекала,
Садъ нек' варâ на кумство юнаке.
Ал'се Беже коня дофатіо,
Вукъ безъ прешȇ у дворе улази,
Те узима тры товара блага,
Виче Беже: „Айде боланъ Вуче!“
Вели Вуче: „Та непреши Бего!
Когасисе врага препануо?
Докъ я узмемъ штогодъ за хашлука,
Кад' доћемо двору біеломе,
За што ђусе съ браћомъ напит' вина?
Хоће мене дружба прекорити:
„„Ђе си біо? Шта си нам' доніо?“
Шћаше Беже оставити Вука,
Ал' безъ Вука ніе Бегу пута,
Доксе Вуче коня дофатіо,
Натовари тры товара блага,
Цару дворе огнѣмъ запаліо,
Нек' невара на кумству юнаке;
Здраво дошли двору біеломе,
И находȇ Мирчета войводу,
Па га Бего грли и целивâ,
Дарова му бâбове баштине,
Каравлашкȗ и Карâбогданскȗ:
„Тыс' ми брате животъ одржао!.
А шћадіяхъ погинути лудо,
Свуколику изгубиту войску,
Но ето ти Бâбовина твоя..
А сад' здраво моя браћо драга,
Вогъ вам' дао здравѣ и веселѣ,
Небыло га ко брата губіо! —.

40.

Вишньићъ Іованъ.

(незнамъ одъ кога ми є.)

Бога моли Вишньићу Іоване,
Да му ранно сванȇ премалѣће,
У пролѣће веселъ данакъ Ђурђевъ,
Дасе гора заођедȇ листомъ,
А рудине травомъ ђетелиномъ,
Да пролиста шума буковица,
А закукâ у ньой кукавица,
Да онъ скупи єдну чету малу,
Да шъ ньомъ одȇ узъ Херцсговину,
На біеле Куртагића дворе,
Куртагића Муя и Хоммера,
Да погуби Муя и Оммера,
И зароби Куну и Хайкуну,
И Малійна коня Оммерова,
И гадару саблю о Малійну.
Бога моли, и умоліо га,
Ранно нѣму освану пролѣће,
У пролѣће веселій данъ Ђурђевъ,
Скупи Іованъ єдну чету малȗ,
Шъ ньомъ отиде узъ Херцеговину,
На біеле Куртагића дворе,
Куртагића Муя и Хоммера;
Ал' на дворе Муя небіяше,
Него бѣше у краины доньой,
У амицȇ испіяше вино;
Мало заспô, зао санъ сасніо,
Да га удри змія подъ колѣно,
Съ десне стране изъ зелене траве,
А Оммера међу очи црне;
Одъ санкасе Муіо раставіо,
Пакъ амици санакъ повидіо:
„Богомъ тебе, остаралъ амица!
Мало заспахъ зао санакъ видѣхъ:
Да ме удри змія подъ колѣно,
Съ десне стране изъ зелене траве,
А Омера међу очи црне;
Боятисȇ Вишньића Іована,
Єрсе Іованъ зафаліо давно,
Теке нѣму осванȇ пролѣће,
Да ће нама похарâти дворе,
И погубит' мене и Хоммера,

А заробит' Кӯну и Хайкуну,
И Малійна коня Омерова,
И гадару саблю о Малійну."
Амица му ћаше бесѢдити,
Ал' га Муіо слушати нехоће,
Нег' окрочи Пеливан-зеленка,
Оћера га на дворе біеле̑;
Ал' му пре дворъ стара майка сѢди,
Ни селамъ іой Муію неназива̑,
Нег' є старой говоріо майцы:
„Стара̑ майко за бога милога!
Єсу ли ми сестре заробл'Ѣнне?
Єл' на кули моя Тудешкиня, (пушка)
Єсу ли ми повели Малійна,
И гадару саблю о Малійну,
А єли ми Оммеръ погинуо?"
Стара̑ нѢму проговара̑ майка:
„О мой сынко Куртагићу Муіо!
Ніесу ти сестре одведенне,
На кули є твоя Тудешкиня,
Ніесу ти повели Малійна,
Нити ти є Оммеръ погинуо,
Нег' є Оммеръ пошо' у поћеру
За курвићемъ Вишньићемъ Іваномъ."
А када є разуміо Муіо,
Опетъ Муіо окрочи зеленка,
Па га гони горомъ прозъ планину,
Ал' находи тры четиры дру̑га,
Одъ дружине̑ Вишньића Іована,
Што біяше Оммеръ погубіо;
Отле ћера у напріедъ трагомъ,
Кад' ето ти седамосамъ дру̑гахъ
Одъ дружине Куртагићъ Оммера,
Што біяше Іованъ погубіо;
И опета горомъ оде Муіо,
Кад' находи до дванаесъ другахъ,
Све дружина Вишньића Іована,
Што біяше Хоммеръ погубіо,
И мећ' ньима раннѢнъ Оммерага,
А вели му Куртагићу Муіо:
„Єсу ли ти ранне одъ видания?
Да те брате водимъ на хећиме."
„Ахъ мой брате Куртагићу Муіо!
Нит'се мучи нити блага харчи;
Све су мени ранне одъ видания,
Ал' ми ни'су ранне одъ видания,
Одъ курвића Іована Вишньића,
И нѢгове двіе пушке мале̑,
Су два зрна и четири герла,
Єданъ чаракъ обѢ жежіяше,
Онесу ми срце покосиле."
А кад' чуо Куртагићу Муіо,
На нь' баціо Диван-кабаницу,
А удари трагомъ за Іованомъ,
Брзо га є Муіо пристигао,
Тек' га виђе намма га познаде,
Викну Муіо, кано да громъ пуче:
„Стан' курвићу Іоване Вишньићу,
Да си мени лани утекао,
ЛѢтосъ бы те Муіо достигао!
Ев' ћемосе саблямъ ударити."
А приправи свою Тудешкиню,
Него вѢре̑ у Турчину нейма,
Устависе Вушньићу Іоване,
Сигурне му двіе пушке мале;
Кадсе, брате, близу састадоше,
Муіо пали свою Тудешкиню,
Іованъ жеже обѢ пушке мале,
Кодъ студенне Унне и Коранне,
Ту удари юнакъ на юнака,
А погибе єданъ ко другога,
Ужъ ньихъ, брате, ниђе никог' нейма,
Нег' удара Унна у Коранну;
Жали̑ Унна Куртагића Муя,
А Коранна Вушньића Іована —.

41.

Превршававацъ.

(Одъ Ђока Вулетића Ровчанина.)

Разболѣсе Лека Дукађинче,
Боловао деветъ годин' данахъ,
Нит' умире, ни преболіева,
Прозъ кости му трава проницала,
А у травус' люте зміе лѢгле,
Ма му майка ріечъ бесѢдила:
„О мой сыне, Лека Дукађинче!
Да доведемъ частна свештеника,
Да му сынко све грехове кажешъ,
Небы лисе съ Богомъ умиріо,

Небы ли се съ душомъ раставіо."
Него майцы Лека одговара:
„Да я тебе све греове кажемъ,
Па ты казуй часномъ свештенику,
Я га бозна дочекат' немогу:
Петсамъ, майко, кумовахъ убіо,
И петь мило̑ кумахъ облюбіо,
Пакъ убіо до петь побратимахъ,
Іоште єдномъ у чету одосмо,
Ка' доћосмо пред' біелу цркву,
Ту мы майко разбіясмо цркву
Сва̑ є моя редомъ бише дружба,
Чврсто бише разбит' немогоше,
Я ударихъ неколука пута,
Те на трое полећеше врата,
Улѣгосмо у біелу цркву,
Ал' у цркви блага неимаше,
Него єданъ сандукъ одъ камена;
Одоше га дружба разбіяти,
Сви га бише разбит' немогоше,
Я ударихъ неколика пута,
Те саломихъ сандукъ одъ камена,
Ал' ни у нѣм' неимаше блага,
До у нѣму двіе светиньице,
Света̑ Петка и света̑ неђеля,
Обѣ мени стадоше зборити:
„Здравъ дошао Лека Дукађинче,
Здравъ дошао двору бѣеломе,
Тек' дошао муке те напале,
Боловао за деветъ годинахъ,
Нити умр'о нити преболіо,
Прозъ кости ти трава проницала,
У ньой тисе люте зміе лѣгле,
У срцу ти зиму зимовале,
А у перчинъ лѣто лѣтовале."
То кад' зачу майка остарала̑,
Довати га за распалу̑ руку,
Истури га предъ біелу кулу—.

42.

Бошковићъ.

(Одъ истога Попа Ра̑да Кнежевића.)

Мехмед-паша паде на Доляне,
Отле пише листъ кньиге біеле,
Те є пилѣ у Бѣлопавлиће,
У Слатину у то село мало̑,
А на име Петру Бошковићу,
И војводи Иліеву Ра̑ду,
Да му оба иду под' чадора.
А кад' Петру ситна кньига доће,
Онъ є̑ посла на Виниће Ра̑ду,
А кад' Раду ситна кньига доће,
Отолесе Раде подигнуо,
Те отиде Петру у Слатину,
Дивно га є Петаръ дочекао,
Доста вина и ракіе дае,
И дебела меса одъ овновахъ;
Ту су ноћцу были боравили,
Докле самну и огрія сунце,
Скочи Петаръ одъ землѣ на ноге,
Па обуче свиленну̑ кошулю,
Врхъ кошулѣ зеленну̑ доламу,
Опасасе мукадемъ поясомъ,
Па обуче токе съ обѣ стране,
А зађеде свіетло оружѣ,
Сигураше вранца претилога,
Паксе тури вранцу на рамена,
И отиде полѣмъ зеленніемъ,
Оба паши на Доляне дошли,
Пакъ му вика̑ Петре Бошковићу:
„Божя' помоћъ пашо Мехмед-пашо!"
Одговара Петру Мехмед-паша:
„Богъ и съ тобомъ Петре Бошковићу!"
Іошъ му збори силанъ Мехмед-паша:
„Скин'се съ коня Дели-Бошковићу!"
Петаръ вранца свога одяхао,
Улѣгоше оба подъ шаторомъ,
Те су паши руку полюбили,
Широко имъ мѣсто учиніо,
Око себе оба посадіо;
Ево зборе̑ збора свакоєга,
У ріечи у кою біяху,
Ал'то иде єдно Туре младо̑,
Ђе є нѣму саломѣнна рука,
Сузе рони овако говори:
„Помагай ми пашо господаре!
Одъ зулума Петра Бошковића,
Кои ми є саломіо руку!"
Таде рече паша господаре:
„Єс' ли Петре? Наски погинуо!?"

А вели му Петаръ Бошковићу:
„Єсамъ Богъ ме пашо господаре!“
А 'во иде друго Туре младо,
Оно носи ногу саломлѣну,
Сузе рони овако говори:
„А! помагай пашо господаре!
Одъ зулума живѣт' неморемо,
Одъ зулума Петра Бошковића.“
Онда вели силанъ Мехмед-пашо:
„А єсили Дели-Бошковићу?“
„Єсамъ богме паша господаре!“
Мало было млого нетраяло,
Ато иду два Пармаковића,
Одъ крвава Спужа на краину,
Ђе каменѣ о грлу ношаху,
А кукаху кано кукавице,
Усъ колѣно паше Мехмед-паше:
„А! помагай пашо господаре!
Одъ зулума живѣт' неможемо,
Одъ зулума Петра Бошковића;
Онъ є нашу сестру заробіо,
Заробіо пакъ ю покрстіо,
Па є узо за вѣренну любу,
Шњомъ є Петаръ и два сына имо',
Да таквіехъ у сва Брда нейма!“
Таде рече пашо Мехмед-пашо:
„Єл' истина зулумћар-кауре?“
„Єсте богме пашо господаре!“
Поче пашо Турски говорити,
А целату окомъ намигати,
Да изгуби Петра Бошковића,
Ма Турски му Раде разуміо,
Пакъ є Раде Петру говоріо:
„Бѣжмо Петре, ето ни целата!“
Скочи Петаръ о землѣ на ноге,
Обрнусе Петаръ око себе,
Ал' му ніе вранца дебелога,
Но уграби хата пашинога,
Па ускочи хату на рамена,
А поблѣже полѣмъ широкіемъ,
А ка дође на воду Морачу,
Ту онъ нађе сына Беговскога,
Уфати га за біелу руку,
Преда се га на хата туріо,
Па утече у Бѣлопавлиће;
Отле пише листъ кньиге біеле,
Те є шалѣ паши Мехмед-паши:
„Пошльи мене воеводу Рада!
И пошльи ми дебелога вранца,
И пошльи ми єданъ товаръ вина,
Да ти врнемъ хата и Бегића.“
Каде паши ситна кньига дође,
Све му посла ріечъ неучинѣ,
А онъ нѣму хата и ђетића,
Па да си ми здраво пріятелю!

43.

Опетъ Бошковићъ.

(незнамъ одъ кога ми є.)

Зборъ збориле у Гарчићу вилѣ:
„Фала Богу, фала єдиноме,
Дивно ли є полѣ Бѣлопавлићъ!
Ма є нѣму лѣпота залуду,
На нѣмъ пода често Турска войска,
Ама што є саде пала войска,
И пред' войскомъ паша Сулеймане,
Све є полѣ Турчинъ притиснуо;
Иде къ паши Спужкій капетане,
Око нѣга тридесть и шесть Агахъ,
Одъ біела Спужа на краину:
„„Ай помагай пашо господаре!
Одъ хаина Петра Бошковића
Мы већ' живѣт' више неморемо,
Роби буле а сіече Турке,
Разбія намъ куле и дућане,
Тайсе зулумъ подніет' неможе.““
Кад' то зачу паша Сулеймане,
Онъ є силну войску подигнуо,
Съ войскомъ пође на село Слатину,
На біелу Бошковића кулу,
Предъ войскомъ є Вокчићъ барякгаре,
Туре вика изъ грла біела:
„Єс' ли дома Бошковићу кнеже?
Єсили ми ручакъ приправіо?!“
А Петаръ є ріечъ бесѣдіо:
„Я 'самъ тебе ручакъ приправіо!
Исъ пушакахъ врућіехъ путацахъ.“
Па западе на авлинска врата,
Цевердану огань пушцы дае,

Онъ погоди Бокчићъ барјактара,
Туре паде а барякъ однаде;
Но му клеты навалише Турцы,
И надъ њиме кулу запалише,
Но є Петаръ грломъ покликнуо:
„А! ђе си ми Никка и Никола?!
И соколе Никићу Раичу!“
У ріечи што є бесѣдіо,
У то доба врућа помоћъ дође,
Една помоћъ низъ Капштакъ стиену.
Другâ помоћъ преко Поповићахъ,
Трећâ помоћъ низъ Крстацъ кръвавый;
Ударише Туркомъ су тры стране,
А кад' виђе Бошковићу Кнежо,
Одъ кулê є отворіо врата,
Те пламенна ножа повадіо,
И у Турке юришъ учиніо,
Сломишесе низъ село Слатину,
Ћерају ихъ низъ крвничнô драчѣ,
Іошъ да ти є погледати побро:
Како Брдске сіевају ћорде,
Како л' Турске главе зиевају,
Млого яда одъ њихъ поградише,
Ћераше ихъ до Ждребаник' поля,
Нешто пуштê да у Спужа... кажу,
Какавъ шићаръ єсу задобили
У брдима Бѣлопавлићскіемъ.
Па нек' си ми здраво побратиме!
Негда было сад'се поминяло.

44.

Смртъ Алиê.

(Одъ Брацокê Бѣлопавлића.)

Е пошета єдно момче младо,
Момче младо одъ Яњоша града,
Оно шета узъ Яњоша града,
Узъ Янњоша низъ Янњоша града,
А докъ дође пред' біелу кулу,
Вашъ пре дворе одъ Яњоша краля,
Те онъ кралю муштулуке дае:
„Муштулукъ ти одъ Яњоша кралю!
Ево чета одъ Яњоша дође,
И доведе другу чету малŷ,
И у чету Боичићъ Алія,
Кои ни є млого яда задо',
И Яњоша нама пехарао,
Е то сѣдê на врата одъ града.“
А кад' чуо одъ Яњоша кралю,
Колико му мило небываше,
Е поминѣ старê яде кралю,
Е му каже Боичић' Алію,
Діете є кралю замлатнуо,
Удари га рукомъ узъ образа,
Колико га ударіо лахко,
На трое му образъ опучіо,
Избіо му три біеле зуба,
А четиры съ мѣста пошенуо;
Оде оно чедо кукајући,
Оно пође къ остаралой майцы,
А када га майка угледала,
Она другô чедо оправила,
Оно чедо пошетало лудô,
Узъ Яњоша низъ Яњоша града,
Докъ дошета пред' біелу кулу,
Вашъ пре дворе одъ Яњоша краля,
Те онъ кралю муштулуке дае:
Муштулукъ ти одъ Яњоша кралю!
Ево чета одъ Яњоша дође!
И доведе другŷ чету малŷ,
Другŷ чету седамъ Удбинянахъ,
У ту чету Боичићъ Алія,
Кои ни є млого дао яда,
И нама є Яњошъ похарао.“
То кад' чуо кралю одъ Яњоша,
Онъ исшета на врата одъ града,
А на рамо ћуррâкъ пригрнуо,
Те онъ чету одъ Яњоша нађе,
И шњомъ была другâ чета мала,
Е кодъ њихъ є долазіо кралѣ,
Пакъ є њима ріечь бесѣдіо:
„А такко ви седамъ Удбинянахъ!
Тко є овђе Боичић' Алія?“
Дружинасе сочит' неоћаху (издати),
Но гледâше єданъ на другога,
На то скочи Боичићъ Алія,
А кралю є ріечь бесѣдіо:
„А такко ми одъ Яњоша кралю!
Єсте ово Боичићъ Алія,
Ово єсте, већ' другога нейма.“

Па му кралѣ ріечь бесѣђаше:
„Копиляне, Боичић' Алія!
Камо мене да мой міо ба̂бо,
Камо ли ми остарала̂ майка?
Та камо ми вѣренница люба?
Камо ли ми два пособка сына?“
Ал' му Але право каживаше:
„А такко ми... одъ Яньоша кралю!
Што ме питашъ за старога баба,
Ба̂басамъ ти кралю изгубіо
На са̂мъ ками више Біограда;
Што ме питашъ за старалу майку,
Майкусамъ ти прода' у Латине,
А одъ нѣ' ме ништа̂ дошло ніе,
До ме дошла една чаша съ виномъ;
Што ме питашъ за твою любовцу,
Сва дружина макулъ учинише,
Те ѥ̂ даше мене старѣшинство,
Ено ми ѥ̂ саде за любовцу;
Што л' ме питашъ за твое сынове,
Обасамъ ихъ кралю потурчіо,
Ено саде сѣде на доганѣ (дућане).“
Іошъ га кралѣ и питати шћаше,
Ма га яданъ слушат' немогаше,
Па заиска саблю Халіову,
Даде му ѥ̂ чета одъ Яньоша,
Сабіомъ махну посѣче му главу,
Па све седамъ изгубіо редомъ,
Па отиде дома̂ на дворове.

45.

Пандуры.

Подижеse Мехмед' Капетане
Одъ Никшићахъ крваве краине,
И отиде на Босну везиру,
Собомъ води четрнаесъ другахъ;
Кад' везиру на чаршію дође,
Полюби му руку и колѣно
И нѣгово четрнаесъ другахъ,
Измаклисе стали спрема нѣму,
Роне сузе низъ біела лица,
Па ихъ пита Босанскій везире:
„Што є вама мое вѣрне слуге?
Те роните сузе низъ образе,
Да ніесу Црногорцы вама,
Уграбили града Оногошта?“
Сви су Турцы овако зборили:
„Нашъ честитый царевій веќиле!
Іошъ ни града ніесу узели,
Али наше све благо узеше,
Біеле нам' пліенише овце,
Разбише ни по друму трговце,
Одагнаше конѣ и волове,
Раскопаше господске дворове,
Развалише одъ града бедеме,
Я ихъ гледамъ гледат' ихъ немогу,
Но пріетимъ да ћу купит' войску;
Аманъ везиръ за царево здравѣ!
Купи войску, ал' ми дай пандуре:
Ал' оставихъ на краину Никша.“
А кад' везиръ нѣга разуміо,
Онъ окупи пестотин' пандурахъ,
Па ихъ даде Мехмед' капетану;
То зачуше млады Црногорцы,
Да є Мехмедъ скупіо пандуре,
Да ихъ води Никшу на краину,
Пак'се скупе пестотинахъ другахъ,
И узеше лахке брашненике,
Те пођоше у рамне Рудине (полѣ)
Западоше у листъ и у траву,
Ту за два дни причекаше Турке,
А кад' трећій быо око подне,
Докъ ал' иду Никшицкіи пандуры,
И предъ ньима Мехмедъ капетане,
Луле пію, у тамбуре бію,
И пѣваю пѣсне свакояке,
Али виче єданъ иза гласа:
„Ел' у гору каква Црногорца?
Излаз', гледай самсвое катиле:
Несміете садаръ страшивице!
А я са̂мъ быхъ десетъ васъ ћерао.“
Оно зачу Милутиновъ Симо,
Силно момче, каконо Чевлянче,
Одъ образа ужди цевердара,
Те Алію добро погодіо,
Ни земля га жива недочека,
Викну Симо іошъ изъ грла свога:
„Чу ли Але што си запѣвао!“

Тад' пукоше шестотин' пушаках,
А убише стотину Турака̂хъ,
Па дугачке̂ пушке побачише,
А пламенне̂ ноже повадише,
Сви у Турке юришъ учинише,
Поклашесе по горы зеленной,
Одъ по̂ дневи до мрклога мрака;
Ту Туракахъ двѣста погинуло,
А двѣста ихъ ранне допануло,
А одъ Црне̂ горе̂ погинуло,
Седамнаесъ добріехъ юнакахъ,
Каквіехсе свакій данъ нерађа,
И шесъ другахъ ранне̂ допануло,
Ал' утече Мехмед-капетане
Съ мало дружтва, а су млого яда;
Црногорцы, ваздашньіи юнацы
Шићаръ добаръ и тад' шићарише,
Наузеше̂ свіетла оружя,
И ліепа Турачког' ођелла,
И добріехъ коняхъ Босанскіехъ,
Вратишесе дома на поштенѣ.
Ал' то чуо мууртатин' везире
Па ували Мехмед' капетана
Су нѣгове четрнесть Грађанахъ
И свиема окинуо главе,
Ера одъ ньихъ кои непогибе,
Неймала га кућа ни кадуна —.

46.

Опетъ Чевляни.

(Одъ Кнеза Гаврила изъ Ђеклића.)

Полећеше двіе тице вране,
Одъ планине са Херцеговине,
Тице доше къ ломной горы црной,
Починуше полю Трешнѣвоме (у
Цуце)
На дворове Гавриловић' Вая,
Но изиде Ваіова любовца:
„О за Бога двіе тице вране!
Окле 'сте ми ютрось дораниле?
Єдда ве є срећа доніела,
Одъ планине са Херцеговине?
Єдда 'сте ми стадо виділи,
Али мое чобане овчаре?“
Єданъ граче другій проговара:
„Мы смо твое стадо видіели,
До ютросъ є стадо было здраво,
Ютросъ ти є на ядъ освануло,
Никшићи ти пліенише овце,
Посѣкоше овчаре чобане,
Посѣкоше Муратовић' Сава,
И делію Ваіовић' Лазара.“
Цичче люто, и неволя іой є,
Ма се добаръ Црногорацъ нађе,
По имену Шуньо Пешикане:
„Муччи шнахо стале ти каменомъ!
Но причекай до Ђурђева дана,
Ял' ћу мою браћу осветити,
Яли мою изгубити главу.“
Кад' веселій Ђурђевъ данакъ дође,
Тесе гора изођеде листомъ,
За хайдука дође четованѣ,
Кньигу Шуньо шилѣ Пешикане,
Те є̂ шилѣ на Кчево крваво,
Вет' на име побратиму своме,
А одъ Кчева воєводи Мійћу:
„О тако ти воевода Мійћо!
Доведи ми стотину Чевлянахъ.“
Кад' войводи она кньига дође,
Єднакъ витезъ поклисара нађе,
Те га посла у зета своега,
А соколу Петру Іововићу:
„Доведи ми Марковлянахъ двадесть!“
Мійћо води другахъ седамдесетъ,
Петаръ двадесть, то су деведесетъ,
Каде долу Кобилѣму доше,
Ал' ту Шуня Пешикана нашше,
Вели соко Вукотићу Мійћо:
„О за Бога Шуньо Пешикане!
Ка' си вазда юнакъ одъ краине,
Єси л' овце Турске уходіо?
Сміемо ли ньима ударити?“
Но му вели Пешикане Шуньо:
„Мы сміемо ньима ударити,
Но велика ево ми є мука:
Я 'самъ вѣру шъ ньима уфатіо!
Да ихъ бранимъ одъ Црногорацахъ.“
Е ма Шунья ріечъ непомага,
Отидоше, браћо, низъ Рудине,

А кад' они у Гребице доше (польийце)
У Гребице ђесе гребу майке,
Вели соко Вукотићу Мийћо:
„Є ли майка родила юнака?
Ко ће коћи у село Баняне,
Да уходи єсу л' дошли Турцы.“
Отидоше добры два юнака,
Теке доше, теке уходише,
Ато онде стотина Туракахъ,
На стотину хатахъ великіехъ,
Отле они у дружину доше,
Све имъ право и ліепо кажу,
Вели витезъ воевода Мийћо:
„О за Бога браћо Црногорцы!
Ходте браћо, да имъ запанемо!“
Онъ довати четридесетъ другахъ,
Па западе юнакъ на средъ пута,
А западе ядан Пешикане
Ево съ трага одкуд' иду Турцы,
А западе Петаръ Іововићу
При крвавой горы Єловицы;
Мало стаде аво иду Турцы,
Аво иду стотина Туракахъ,
На стотину атахъ великіехъ,
Но Кадрія-баша попіева:
„А тако ви браћо моя Турцы!
А єсте ли Турцы запазили,
Е удрише млады Црногорцы,
При крвавой Требѣшкой главицы,
Одъ Дората и одъ капетаня,
До мрамора Зрна барјактара
Седамнаесть главахъ посѣкосмо.“
То слушаю ядны Црногорцы,
Међу собомъ упушташе Турке,
Докъ на Мийћа Вукотића доше,
Соко Мийћо пали цевердана,
Искрай нѣга млоге запуцаше,
Те ту пешесть у часъ погибоше,
Али Турцы на трагъ побѣгоше,
Дочека ихъ ядан Пешикане,
Првый Шуньо пали цевердана,
Исъ край нѣга млоге запуцаше,
Већъ и онде пешесть погибоше;
Оно, браћо, што утекло бѣше,
Оно горы Єловицы поће,
Дочека ихъ Петаръ съ цевердапомъ,
Искрай Петра млоге запуцаше,
Неостави браћо ђаволѣга,
Нега пашче єдно утіече,
За ньимъ трчи Кривокапићъ Іоко
Съ ножемъ за ньимъ у біеле руке:
„Стан' Турчине одъ буле копиле!
Мож' ли жнати, ніе было давно,
Кад' си Сава изгубіо мога,
И деліо Баіовић' Лазара?“
Ножемъ махну посѣче му главу,
Седамдесетъ іоште посѣкоше,
Па диеле конѣ и оруже,
Здраво доше ломной горы црной,
Ха нека ихъ Турцымъ на срамоту! —

47.

Загарчаны.

Сврхъ облакахъ изъ сунчаних зракахъ
Лахко-крилка излећела вила,
И на Гарачъ починула была,
Па покличе Лазаревић' Рама,
„Чуй ме добро Лазаровић' Рамо!
Ха чекайсе ето на те войска
Одъ све равне землѣ Арбаніе,
Бегођъ больий юнакъ настануо,
Тры хиляде пѣшца и коньика,
И хоће ти село изгорѣти!“
А кад' Рамо оно разуміо,
Онъ є быо вили бесѣдіо:
„О за Бога посестримо вило!
Кад' ће на насъ Турцы ударити?“
А вила є нѣму бесѣдила:
„Шъ ютра хоће на васъ ударити.“
А кад' Рамо и то разуміо,
Онъ окупи браћу Загарчане,
Брже ньима гласе каженао;
Теке чуше оно Загарчани,
Сви у гору стоку изагнаше,
На шесть мѣстахъ они западоше,
На шесть мѣстахъ по тридесетъ другахъ,
А у полѣ шанче копа Рамо,

У нь унесе што є за потребу,
Онъ ту запа' су шеснаесть другахъ;
А кад' свану и огріа сунце,
Ато иду Арбанашкім Турцы,
Тры хиляде манѢ ни єднога,
Право иду на шанче и Рама,
Сміехъ чинећ' полѢмъ широкіємъ,
Угледа ихъ Лазаревићъ Рамо,
Ужди свога сяйна цевердара,
И погоди Хотског' барянтара,
Ни жива га земля недочека,
Па пукоше шеснаесъ пушакахъ,
И убише шеснаесъ Туракахъ;
Виску чине млады Арбанаси,
И у шанацъ затворише Рама,
А хиляда на село удари,
Побишесе огнѢмъ исъ пушакахъ,
Алъ ни селу ништа немогоше,
Но тридесеть изгубише главахъ,
На Рамасе гнѢвомъ повратише,
У шанцу га опет' налећеше,
На шанацъ му конѢ нагонише,
Али Рамо витезъ одъ краине
Кога згледа томе стати неда,
Рамо біе, Турску крвцу ліе,
Іошъ кликуѢ браћу Загарчане:
„Ай на ноге свакодика дружбо!
Да ме ођe неуфате Турцы,
Нестало ми праха и олова.“
Ка' то чуше млады Загарчани,
Они вехѢ пушке побачише,
А пламенне ноже повадише,
Сви у Турке уришъ учинѢше,
Те нагнаше на Морачу Турке,
У Морачу живы Турцы скачу,
Не мдого ихъ поће Подгорицы,
Међу ньима и ранѢнихъ има,
А погибе седамъ Загарчанахъ,
И четиры ранне допадоше,
Ту узеше свіетла оружя,
И силніехъ коняхъ Скадарскіехъ,
Вратишесе дома на поштенѢ,
Вратишесе жићаръ діелише,
Ка' и вазда, тако ев' и овда.

48.

Б о й

Црногорацахъ съ французима.

У Б о к к и.

(Одъ Крстића БѢлоша.)

Кньигу пише Петровић' Владыка,
А шилѢ є на НѢгуше равне,
А на руке Гувернадуръ Вуку:
‚Ой me чуѢшъ Гувернадуръ Вуко!
Ходи купи све НѢгуше редомъ,
Све НѢгуше и Ћеклиће мале,
Шъ ньима хайде ка Котору граду,
И затишни біела котора,
Затишни му скале и путове,
Да при нѢму нитко неприлази.“
Када Вуку танка кньига дође,
И кад' виђе што владыка пише,
Онъ окупи силновиту войску,
Съ ньомъ отиде путъ Котора града,
Докъ на воду, на Горажду, дође,
На воду є шаторъ поперіо.
А Петарсе подиже Владыка,
Собомъ води младе Црногорце,
Шъ ньима сиде подъ Маине равне,
Ту састави двіе Бановине,
Црнугору и ПриморѢ равно;
Ту є нойцу єдну коначіо,
А у ютро ранно уранніо,
И овако войсцы бесѢдіо:
„Црногорцы браћо и Приморцы!
Може ли се кои домыслити,
Како 'ћемо Будву освоити?“
Ного Петаръ Ђурашковићъ бѢше,
Те владицы поклонисе дивно,
И стидно му руку полюбіо,
Па є тихо предъ ньимъ бесѢдіо:
„О владыко міо господару!
Ясе добро могу домыслити,
Како 'ћемо Будву освоити:
Мы пишимо листъ кньиге біеле,
Шильимо є Будви на краину,
А на руке Крстићевић' Вуку,
Да онъ скупи одъ Будве пандуре

Да предаде Будву на краину,
А погуби господу францешку,
А силно имъ обећаймо мито,
Одъ Мошкова лафу и господство."
Кад' владыка Петра разуміо,
Онъ є танку кньигу направіо,
А шилѢ ѥ Крстићевићъ Вуку,
А кад' Вука кньига допанула,
Онъ дружину свою окупіо,
Єсъ сокола Прибиловић' Станка,
Іоште Зеца Іова изъ Поборахъ,
Све имъ каже што владыка пише,
И овако ньима бесѢдіо:
„Оћете ли вѢру да ватамо?
Да издамо пребіелу Будву!"
Али нѢму они бесѢдише:
„Чуй не добро Вуче побратиме!
Да предамо Будву на краину,
Погубимо господу францешку."
Кадекъ Вуко бѢше разуміо,
Онъ овако дружби бесѢдіо:
„Я ћу шъ утра рано уранити,
И удрићу Франу капетану."
Тако вели Прибиловићъ Станко,
Да ће удрит' на Кршћановића,
Вели Зече Іово изъ Побора,
Да ће удрит' Попу Матковићу,
Па владыцы кньигу одпишую:
„О владыко міо господаре!
Шъ утра 'ћемо рано уранити,
Погубити господу францешку,
Теби дати пребіелу Будву;
Но кад' бысмо кавгу учинѢли,
Ты долети предъ біеломъ Будвомъ,
Єръ ћемо ти кључе поклонити."
Кад' владыцы танка кньига дође,
Добросе є кньиги ограшіо,
Црногорце браћу слободіо,
А кад' шъ утра ютро освануло,
Приђе нег' є сунце огріяло,
Рано ране одъ Будве пандуры,
Да обиду страже на краину,
Те сретоше господу францешку;
Пушку пали Крстићевић' Вуко,
И погоди Франа капетана,
Съ црномъ га є земльомъ саставіо,
Како мусе бѢше зафаліо;
Пушку пали Прибиловићъ Станко,
Опали ѥ на Кршћановића,
И онъ га є земльи положіо,
Па Зецъ Іово пали цевердара,
И погоди Попа Матковића,
Добромъ га є ранномъ ораніо,
Дешну му є руку саломіо;
Ал' га срећа бѢше наніела,
На сокола Попа Браицкога,
Те га носи на плећи юначке,
А побѢже Роза низъ улице.
То владыка бѢше разуміо,
Па дебела хата окрочіо,
Па полеће ка'но соко сивій,
И долеће предъ біеломъ Будвомъ,
Ту 'су нѢму поклонили кључе,
Тере узе Будву у Приморю.
Кад' владыка Будву освоио,
Онъ є танку кньигу направіо,
И шилѢ ѥ Вуку на Горажди:
„Ой ме чуѢшъ мой сивій сокеле!
Ясе шъ ютра хоћу подигнути,
И равній ћу Грбаль прегазити,
На солило полѢ починути,
На ліепой царевой ливади,
Ту да Вуко сміешамо войске;
Ма штоће ти войска кажевати,
Кадекъ стане кажевати моя,
Што є было на біелу̑ Будву?
Свакій носи бѢлегъ одъ француза,
Свакій юнакъ води по солдата!"
Кадекъ Вуку танка кньига дође,
И кад' виђе што владыка пише,
Онъ дружини своіой бесѢдіо:
„Одъ срамоте живѢт' неможемо!
Него шъ утра рано уранимо,
На Троицу кулу ударимо,
На палангу одъ Котора града."
Кадекъ ютро бѢше освануло,
Но є Вуко рано ураніо,
И дружину свою покликнуо,
На Троицу кавгу учиніо;
Но некасе момчадъ одабраше,
Фортицысе близу примакоше,
У лубарде бацаю каменѢ;

Оно гледа силанъ Ђенерале,
Съ верхъ бедема біела Котора,
Шетаюћи бѣше бесѣдіо:
„Фала да є Богу єдиному!
Да ну гледай козе Црногорце,
Како ломе цареве фортеце;
Како нейма голема юнака,
Ко ће горѣ до Троице поћи,
Да рађене плахе Црногорце?“
Ма бесѣди силанъ капетане,
По имену витезъ Кампаньоле:
„Ой ме чуєшъ міо ђенерале!
Отвори ми одъ Шураня врата,
Одвой мени войске неколико,
Я ћу горе до Троице поћи,
Да рађенемъ мыше Црногорце,
Двадесть ћу ти я довести живе,
Да ихъ турашъ Бане прозъ тавнице.“
Отвори му одъ Шураня врата,
Изброи му войске пестотинахъ,
Предъ ньомъ иде силанъ Кампаньоле,
А кад' горе у Шкаляре дође,
Собомъ узе Шкалярскога кнеза;
Кад'се ближе примаче Троицы,
Угледа га Црногорска стража,
Тере она Вуку кажеваше:
„Ево иде одъ Котора войска!“
Ал'се нека̑ момчадъ покликоше,
Тере съ пріедъ орла дочекаше,
Недаду му ходит' путъ Троица,
Іошъ озад' га некіи заминуше,
Недаду му бѣжат' путъ Котора;
Узмучисе силанъ Канпаньоле,
Па побѣже Врнцемъ широкіемъ,
Врнцемъ бѣжи а огнѣмсе брани,
А кад' Врнцу на ширину дође,
Ту є шуплѣ коло направіо;
Пуче єдна пушка Црногорска,
Те погоди силна Канпаньола,
Паде орле на зеленной трави,
Али друга пуца у дружини,
И погоди Шкалярскога кнеза,
Ни жива га земля недочека;
Али трећа пуца одъ француза,
И єдно є обалила момче,
Одъ баряка было Ђеклићскога,
Побѣгоше ядовны французи,
Ка' и пуста стока безъ чобана,
А за ньима млады Црногорцы,
Ђераше ихъ до врата Шураня,
Ни єднога жива непушташе,
Но двадесетъ живе уватише;
Па ихъ живе воде на Троицу,
То виђеше съ Троице францези,
Превнуше пушке наопако,
Предадоше Троицу фортицу,
Црногорцы кулу похараше,
Похараше пакъ є̑ изгорѣше;
Ал'се Петаръ подиже владыка,
И равный є Грбаль прегазіо,
Аво къ Вуку на Троицу дође,
Ту му Вуко шенлукъ учиніо,
Нечини му шенлукъ исъ пушакахъ,
Него пали францешко оружѣ,
И жеже му зеленне топове,
Коено 'су момчадъ уграбила,
Изъ фортице францешке Троице —!
Богу фала и Богородицы
А правіехъ свуда помоћницы —.

49.

Куччи.

(Одъ Зая Гойкова са Сретнѣ у Бѣлоп.)

Біела є кликовала вила,
Од Врмоша зеленне планиңе
Па дозива у Кучча каменна,
На имену Радоньића Іова:
„Море Іово Кучка Воеводо!
Ако піешъ у механу вино,
На люте ти ранне излазило,
Ако л' любишъ у постелю люби,
Остала ти удовица брзо;
'Да л' невидишъ? ядьі те виђели!
Ето на те су тры стране войска!
Ето єдна войска на Сѣнице,
А друга є на Біоче войска;
Ема што є силе у Туракахъ
Све є̑ ето на Долляне равне

На Доляне выше Подгорице;
Ако л' мени болѣ невѣруешъ,
А ты узми пушку цевердана,
Хайде Іово на Стіену шъ ньоме,
Те поглени силу у Доляне,
Колико є силе у Туракахъ,
У млого є сила притиснула,
Одъ Горице те до Подгорице,
Одъ Мораче до воде Рибнице,
Вашъ да роса наће одъ облака,
Неб' имала роса ђе пануги,
До на коня оли на юнака,
Ал' на біо шаторъ до шатора,
Ал' на зеленинъ барякъ до баряка."
Кад' то чуо Кучкій воевода,
Онъ є збиля пушку доватіо,
Те изиде Іово на стіену,
Тек' видіо силу о Туракахъ,
Но ту му є лоша срећа была,
Єсъ га стража Турска опазила,
На Божю га вѣру уфатила,
Поведе га паши Бушатліи,
Доведе га наши подъ шатора,
Нѣму тако паша говоріо:
„А тако ти Кучка̑ воеводо!
Подай мени одъ Кучахъ араче,
Е ми подай тридесть ђевоякахъ,
Да поженимъ паша тевабію,
Іоште ужъ ньихъ тридесъ ћесахъ блага,
Све голога цекина жутога,
И дванаесъ Кучахъ витезовахъ,
Да ихъ пашо држимъ у таоство,
А предъ ньима войводу Илію:
Ако л' ми ихъ Іово дати нећешъ,
Съ ютра ћу ти съ войскомъ ударити,
И похарат' Кучче силовите."
Іово мучи ништа неговори,
Нехоћаше, ама несміяше,
И таде му вѣру дае паша:
„Збори Іово што ти налиега!
На ліепу божу вѣру тврду,
Здраво ће те паша одправити."
Таде му є Іово говоріо:
„А такко ми драгій господаре!
Да я продамъ мало и големо,
Ето робѣ пашо у Чифутахъ,
И толико нећу скупит' благо;
Вашъ ако ћешъ съ ютра ми ударити
Нећешъ тридесть робахъ заробити,
Ни ћешъ посѣћ' до дванаесъ Кучахъ,
И твоя ће войска погинути."
Па већ' зборит' Іово несміяше,
Цевердана пушку прифатіо,
И скочіо на ноге лагахне,
За ньимъ паша те є поскочіо,
Пригрну му лахкога биньиша,
И даде му вѣрне пратіоце,
Іошъ овако нѣму говоріо:
„Чекай мисе съ ютра воевода!"
Кад' отиде Кучка воевода,
И допріе у Кучче каменне,
На саборъ є Кучче находіо,
Куччи су га єдва дочекали,
А ближе га мало сусретали:
„О за Бога наша воевода!
Како ти є паша говоріо?
Оће ли не съ ютра попалити?"
Све имъ што є и како є каже,
Како имсе паша зафаліо:
„Но такко ни Куччи браћо драга!
Од'те ситну кньигу накитимо,
Пошльимо є̑ тамо у Клименте,
Да ни дође триста Клименатахъ,
Да имъ браћо по Врмоша дамо,
По Врмоша зеленне планине,
По В'рмоша до врхъ Вѣтерника."
И таку су кньигу одправили,
А кад' съ ютра бѣло ютро дође,
Єсъ имъ зоромъ паша ударіо,
На пространне Кучче ядовите,
И Кучче су равне попалили,
Докле было дневи око подне,
Шъ ньима није боя небіаше,
А тадесе снукнуше овчары,
Вашъ одъ Кучке зеленне планине,
Нешто мало стотина овчарахъ;
У то доба дошле и Клименте,
Ето дође триста Клименатахъ,
И осталіи куччи витезови,
Су два края паши ударили,
И турску су силу саломили,
Сложно бише, па є̑ саломише;

А да ти є стат' па гледат' друже!
Како паша низъ Орлѣво струже,
Како гине силна Турска войска,
По є войске погинуло Турске,
А одъ Кучахъ нико непогибе,
До погибе Радоньића Іово:
И Куччисе на трагъ повратише,
Погленуше тамо на Сѣнице,
Друга сила Турска ударила,
Кад' виђоше Куччи и Клименте,
И съ томъ войскомъ боя зађедоше,
И ту силу Турску саломише,
Одвоисе седамдесетъ Агахъ,
У біелу Рашовића кулу
Око млада Аферійћ' кадіе;
Усѣдоше Куччи и Клименте,
А наносе сламу и сіено,
Да изгоре пребіелу кулу,
То кад' виђе Аферійћъ кадія,
Ев' онъ зове Гогу Рашовића:
„Єсь л' у войску Гога Рашовића?!
Примакнисе подъ пенџеръ одъ куле
На ліепу божу вѣру тврду,
Да ти додамъ Сулеймана сына!"
И ту Гога гледаше на Бога,
Примачесе на пенџеръ одъ куле,
Но Богъ уби друго Туре младо,
На пенџеръ є пушку опалило,
И погоди Гогу Рашовића,
Подъ капицу у чело біело,
Мртва га є земля дочекала.
Кад' виђоше Куччи и Клименте,
Упалише пребіелу кулу,
Ту изгорѣ седамдесетъ Агахъ,
Око млада Аферійћ' кадіе,
А Куччисе здраво повратише,
Пѣваюћи и попѣваюћи.

50.

Пиперы.

(Одъ Стева Іованова Павићевића у Бѣлон.)

Есе силанъ Хасан-хоте фали,
На дифану свиія везирова,
Предъ пашама и предъ Беговима,
Предъ Агама и предъ ћехаяма,
Предъ хоџама и предъ кадіяма;
Кад'се Туре на трагове врати,
Е ће скупит' силовиту войску,
Оће звати Скадране юнаке,
И купиће Хоте и Клименте,
Іошъ ће скупит' люте Малисоре,
И дигнуће гредомъ Подгорицу,
Удариће на крадиѣ Пипере,
Заробиће мало и велико,
И достасе накидати главахъ,
Ма невели Туре акобогда.
Штосе Туре пре Турцима фали,
Онъ на силу войску покупіо,
Доведе є Подгорицы варош',
Ту на трое разредіо войску,
Една оде къ врху Везешньику,
На студенну воду Грабовицу,
Предъ ньомъ бѣше Стано одъ Пиперахъ,
Да онъ чека ђецу Ђурковића;
Друга оде на врхъ Стрганицахъ,
Предъ ньомъ бѣше Дековић' Мурате
Одъ ліепе Подгорице варош'.
Трећа войска на Рогаме пође,
Предъ ньомъ бѣше силанъ Хасанаго,
Око нѣга сва сила остала;
Но малосе Турцы преварише,
Е су коћи тры сахата была,
Кад' удрише на село Рогаме,
Затворисе тридесетъ юнакахъ,
У біелу Ненадића кулу,
Бію боя изъ біеле куле,
Доксе добро обютрило было;
Но ихъ клеты опасаше Турцы,
Набачише жито и сіено,
Те біелу запалише кулу,
Цмиле люто изъ огня живота,
Но говори Ненадићу Ђуро:
„Ахъ фалимо Бога единога!
Да камо ни Пиперске деліе?
Али имъ є войска ударила,
Али ихъ є муня опалила?"
Ма у ріечъ кою бесиђаше,
Подижесе една поточъ мала,

Одъ Завале и одъ Петровићахъ,
Има пуна стотина юнакахъ,
Докъ дођоше на брегъ одъ Рогамахъ,
Предъ ньима є Лека Малятовићъ,
Па изъ грла танко кликоваше:
„Єсъ л' у животъ Ђуро побратиме?!"
У то доба удри съ Пиперима,
И одъ куле одагнаше Турке,
А біелу отворише кулу,
Но у животъ тридесть Рогамянахъ,
Побишесе огнѣмъ исъ пушакахъ;
Докъ и друга поточъ припанула,
Одъ Црнацахъ и села Стіене,
Предъ ньима є Пеіовъ Радоване,
Пиперима тако говораше:
„Да су ово већ' првыи Пиперы,
Данасъ бысе накидали главахъ,
Наузели Турскіехъ пушакахъ!"
Тек' слећеше полю Стрганицы,
Сломише ихъ до воде Мораче,
Млого яда одъ Туракахъ было,
Паксе тада боя раздвоило,
Но изъ войске Туре дозиваше:
Єс' л' у войску Пилетић' Илія?!
Кажи право, та непогинуо!
Колико ти погибе юнакахъ?"
Ⱨ' одзивасе Пилетићъ Илія:
„Хоћу право та непогибао!
Погинуше два добры юнака,
Одъ Рогамахъ Ненадићу Ђуро,
Одъ Завале Малятовићъ Лека,
Обоицы кућес' ископаше,
Іошъ изгорѣ двое ђеце лудо;
Но тако ти Дековићъ Мурате,
Колик' теби погибе юнакахъ?
Кажи право, та непогинуо!"
Но му Туре тако бесиђаше:
„Єсъ на мртво шесеть и два друга!
Раннѣніехъ ни броясе незна,
Ето право, такко быо здраво!"

51.

Калуђеръ и Харапъ.

(Одъ Попа Іована Кнежевића Войв: у Бѣлоп)

Славу слави войвода Іоване
Одъ године славну свету Петку,
Выше Спужа у Бѣлопавлиће,
У гиздаво село Мартиниће;
На славу му млогіи гости дошли
Одъ Пиперахъ и одъ Горе-црне,
Одъ Ровацахъ и одъ Пѣшивацахъ,
Доцканъ дође калуђеръ Ђорђіе
Изъ Мораче царског' намастыра,
Іошъ намѣра бѣше намѣрила
Одь Мисира црна Харапина.
Войвода ихъ дивно дочекао,
Навалio пиво и єстиво,
И осталу сваку ђаконію,
Служи вино Беговићъ Якове,
Дође чаша калуђер' Ђорђію,
И овако ріечъ говоріо:
„Здравы 'сте ми Срблы витезови!
А у славу Бога великога,
И у славу свете Петке Сербске,
А за здравѣ владыке светога,
Што є нама на средъ Горе-црне,
И у здравѣ войводе Іована!"
Оде пеаръ о друга до друга,
Докле дође црном' Арапину,
И Арапъ є ріечъ бесѣдіо:
„Здраво да 'сте Брђани юнацы!
Не у здравѣ Петра калуђера,
Штоно вам' є на средъ горе црне,
Ни у здравѣ войводе Іована,
Ни у славу влашке свете Петке,
Но у славу свеца Мухамеда,
И у здравѣ цара честитога,
У Стамболу што є біеломе;
Іошъ у здравѣ паше Скадарскога,
И за здравѣ свѣмъ Агама Спужким'."
То кад' зачу калуђеръ Ђорђіе,
Пакъ изт'рже пушку иза паса,
Одиста га изгубити ћаше,
Но недаде войвода Іоване:
Тако су ти ноћцу боравили,

Докъ питоме тице запѣваше,
Ранно рани войвода Іоване
На средъ села у бѣелу цркву,
Дасе моли Богу по закону,
Да отстои часну летурђію,
А гостима дае аманете,
Да му кавге у дворъ незамећу,
Но да съ миромъ руйно винце пію,
Докъ онъ дође изъ біеле ц'ркве.
Оде Іованъ у біелу ц'ркву,
А да видишъ Беговић' Якова,
Господску є совру поставіо,
А гостима вина примакнуо,
Чашу даде калуђеръ Ђорђію,
Напія є свой браћи Србима:
„Здраво были Србы браћо моя!
А за здравѣ Бана домаћина,
И у здравлѣ владыке светога!"
Оде чаша одъ руке до руке,
Докле дође ц'рну Харапину,
Стаде Харапъ опетъ говорити:
„Здравы 'сте ми Брђани юнацы!
Не у здравѣ Бана домаћина,
Ни у здравѣ црна калуђера,
Кои вам' є на Цетинѣ само,
Но у здравѣ честитога цара,
Коино є у Стамболу граду,
И у здравѣ Селман'-капетана
И у здравлѣ мое кубурліе,
Коя може срце разніети!"
То кад' зачу калуђеръ Ђорђіе,
Трже малу иза паса пушку,
Малой пушцы даде ватру живу,
Савъ Харапу мозакъ разнесао,
Паде Харапъ главомъ у трпезу,
Ахъ то виђе црный калуђере,
Плећи даде а бѣжати оде,
Но бѣшесе момче намѣрило,
По имену Ђелошевићъ Марко,
Онъ пристиже калуђеръ Ђорђія,
Виенцу му ніе опростіо...
Устави га недаде му далѣ,
Пакъ є свога брата дозивао:
„Милутине мой рођенный брате!
Донеси ми ножа пламеннога,
Калуђеру да одвалимъ главу."
Одиста га и посѣћи шћаше,
Но недаде соко и перянка
По имену Радовићъ Вуксане,
Но сыновцу Марку бесѣдіо:
„Мой сыновче Ђелошевићъ Марко!
Поклони ми калуђер' Ђорђія,
Докле дође войвода Іоване,
Тада нѣму нек' Іоване суди
Коіомъ ће га смрћомъ уморити."
Марко га є стрицу поклоніо,
Па га води кнезъ Вуксане кули,
Отоленъ га пушта у планину,
Жуппинесе горе доватіо,
Докле дође билу Манастыру
До ћеліе Светога Стефана,
Србског' сына Србска чудотворца;
Сретташе га Пиперы юнацы,
И дивно су нѣга прифатили,
А кад' видли тко є и како є,
Те Пиперы нѣга разумѣли,
Великій су шенлукъ учинѣли,
А іомъ лѣпше Срба испратили,
Отле здраво у Морачу дође,
Завѣтъ чини оружѣ оставля,
Предъ образомъ самог' Спасителя,
И Богъ ће му простит' акобогда.

52.

Турцы за козе.
(Одъ Мирчете Алексина Бѣлоп)

До два Срмскіи пію вино Бана,
У Острогу стару грађевину,
Єдно ми є Іосифъ Архімандритъ,
А друго є войвода Іоване,
Па кад' были у найвише пиће,
Али младо момче допануло,
По имену Марковићу Веко,
Око нѣга тры-четиры друга,
Ев' онъ ньима божю помоћъ зваше,
А они му помоћъ прифатили:
„Добре си ни Веко долазіо!
Єс' ли чуо, єл' ти ко кажева,
Ка' съ Никшић'ма вѣру уфатисмо,
Па ни козе плѣнише Турцы,

На божю же вѣру преварише,
И Петра ни слугу обранише,
Остаде ни зазоръ у Никшићахъ,
А одъ насъ се чете непокрену,
Небы л' Турске доніели главе,
Ал' догнали голема шићара,
И вратили жао за срамоту?!
Но чулисмо кажевали су ни,
Иду Турцы узъ питому Жупу,
Е да купе гроше и хараче,
Но ако си юнакъ одъ юнаштва,
Хайд' отиди низъ Бѣлопавлиће,
Те покупи єдну чету малу,
А води є у Сутѣску кршну,
Ту ћешъ градске дочекати Турке;
Ма све бирай големе юнаке,
Кои могу посѣћ' и утећи,
И униет' раннѣнога друга,
Но некупи калабалакъ другахъ,
Да небуде хаберъ у Никшиће."
Усъ тай наукъ благословъ му даю,
Пакс' одонле момче подигнуло,
А отиде низъ Брда каменна,
И све купи доброга юнака,
Поведе ихъ усъ планине горнѣ,
На Међеђе равно излазили,
Па є чета онђе починула,
Воде пила, лѣба заложила,
Отолесе чета подигнула,
Уминула влашке Бухавице,
Докъ є дошла у кршну Сутѣску;
Око друма западоше путемъ,
Те чекаю Турке у Сутѣску,
Чекаше ихъ за четиры дана,
Докле имсе было доядило,
И нестало лахка брашненика,
Неко вели: „Дома да идемо!"
Неко вели: „Турке да чекамо!"
Ема Веко ріечъ бесѣдіо:
„Пійте воду, а пасите траву!
Но чекайте у Сутѣску Турке!"
Па дозива Бая сестричића:
„Нусе єлли у врхове прійми!
Те погледни Никшу біеломе,
Дако видишъ одъ Никшића Турке."
Штро га є момче послушало,
А єллисе у врхове прійми,
Одъ Никшића уочіо Турке,
Па дружини брже кажевао,
Ал' побрже низъ єллу слетіо,
Запануше око друма пута,
Међусе су напуштили Турке,
На ньихъ сложный огань оборише,
Неколике посѣкоше главе,
Узеше имъ конѣ и оруже,
Іошъ сѣкоше да Туракахъ бѣше;
Но макошес' отле усъ планине,
И поточсе бѣше подигнула,
Одъ Никшића и питоме Жупе,
Сустиглесе чете у планине,
Масе брани она чета мала,
Бранилесе ка стотина другахъ,
Докъ изиде на Силѣвацъ гору,
Ту є боя шъ ньима раздвоила,
Уніела главе и оружя,
И довела Турске седленнике,
Тако дошли на Острогъ планину
У Іосифа у Острожка Вана,
Казали му што су починѣли,
Преда нь међу главе и оруже,
И биранне Турске седленнике,
А онъ ньима вина и ракію,
Па пребіо прво за потонѣ,
Главе Турске за козице брдске.

53.

Цеклиннянинъ.
(Одъ Иліє Средановића Добрляннина)

Маласе є чета подизала,
Одкуд'се є и пређе дизала,
Одъ крвава на краину Спужа,
Предъ четомъ є Зотовићу Бего,
А за Бегомъ Суя Ђаковићу,
И за ньима тридесетъ Туракахъ,
Мину чета нисъ полѣ Ђемовско,
И улѣзе у село Поноре,
На дворове Шикмановић' Вука;
Ма ихъ Вуко дочекива дивно,
Ту имъ дае пійћа и єстива,
Но кад' пише и кад' вечераше,

Сташе Турцы зборит' за юнаштво,
Башъ куће те шъ четомъ обрнути.
Ма завика Зотовићу Бего:
„Побратиме Шикмановићъ Вуче!
Ка' си вазда побре на крамну
Међу ове двіе зміе люте,
Турскомъ земльомъ и веќ' Горомцрномъ,
Коіемъ ћемо обрнути бандомъ?
Али ћемо выру Црмничкоме,
Али ћемо лугу Наратскоме
На біеле овце Перишића?
Єдда бысмо овце пліенили,
Али какву главу уграбили!
Али ћемо на Крсти крваве
Да чекамо Цеклинске трговце?“
Но ми Вуче Бегу проговара:
„Побратиме Зотовићу Бего!
Неидимо выру дубокоме,
Е є шъ ютра свіетла неђеля,
На Вырусе купе Црмничаки,
Страхъ є мене и боимсе люто,
Да не съ ютра побре неопазе;
Нит' идимо лугу Наратскоме,
На біеле овце Перишића,
Е су кодъ ньихъ тры добры юнака,
Они безъ зла овце непуштаю;
Но хайдемо на Крсти крваве,
Да чекамо младе Црногорце.“
То су нѣга послушали Турцы,
Па су црну прифатили лађу,
У лађусе увожаху Турцы,
Отидоше возомъ Кара-Тукомъ,
Докъ дођоше на крсти крваве,
Ту є Турска чета запанула,
Међу Пеакъ и горомъ Одрійнскомъ,
Ту стояли до зоре біеле;
А кад' свану и огрія сунце,
Но излази Шикмановић' Вуче,
Онъ на єдну врбу излазіо,
Пакъ погледа узъ ту воду хладну,
Ал'се вози низъ воду дріево,
Иде момче у дріево само
Одъ Каруча брода владычин
Иде юнакъ низъ той воды хладной,
А кад' быо на грлу Пеака,
Међу Турскомъ четомъ угазіо;
Кад' улѣзе юнакъ међу ньима,
Узела га одъ Туракахъ суйма,
Онъ погледа су двіе-тры банде,
Ал' є чету Турску сагледао,
Спрешно руке равя на оружѣ,
Око нѣга пріонуше Турцы,
Бежъ чуда га уфатит' нећаху,
Но изиде Шикмановић Вуче,
Па му Вуче божу вѣру дае:
„А небойсе младый Црногорче!
Докъ є моя на рамену глава,
Да твоіойзи ништа быти неће.“
Вѣранъ бѣше Бога вѣроваше,
Међу Турскомъ четомъ улазіо
Масе юнакъ іоште яду нада,
Сакрій свога ножа атагана,
Сакріо є ножа у потаю,
Па улѣзе у Турскойзи лађи,
Тек' у Турской лађи улазіо,
Нѣму Турцы узеше оруже,
Пак'су нѣму Турцы бешѣдили:
“А за Бога младій Црногорче!
Коега си рода и племена,
Како лисе зовешъ по имену?“
Момче ньима ріечъ бешѣдило:
„Што питате витезови Турцы?
Я већ' вићу е самъ погинуо,
Ма я име мое крити нећу,
Я самъ юнакъ родомъ одъ Цеклійна,
Одъ Стругарахъ Николићъ Иване;
Но такко ви Турцы витезови!
Кажте мени за вѣры Турскойзи,
Є ли Бега Зотовића овденъ?
Старыи су ни были пріятельи,
У нѣгасе я быхъ поуздао,
Да ме небы изгубіо Бего.“
До нѣгасе Туре догонило,
Е Ивана шакомъ ударило,
Колико га лахко ударіо,
Біелій му образъ опучіо,
А овако Турчинъ бесѣдіо:
„Копиляне Николійнъ Иване!
Ко ти рече поменьиват' Бега?
Овденъ Бега Зотовића нейма,
Но делія Суя Џаковићу,

Ни Грђовићъ ни грђій одъ Бега!“
Ал' завика Николинъ Иване:
„Копиляне Суя Цаковићу!
Што ме біешъ ударцемъ женскіемъ?
Іошъ ме ніе майка ударила,
Коя ме є пасомъ опасала.“
Врже рукомъ за плећи юначке,
Извадіо ятагана ножа,
Ятагана исподъ талагана;
И Турчина быо ударіо,
Удари га подъ г'рло біело,
До корахъ му ножа загоніо,
Колико га зорно ударіо;
Мачче собомъ и два и тры пута,
Немогао ножа извадити,
А да можа' извадити ножа,
Іошъ коега изгубити ћаше.
А кад' ножа извадит' немога',
Тадеръ скочи у води студенной,
Богъ да жнаде и утећи ћаше,
Но несрећа нѣму прискочила,
Тесе опет' на трагъ поврнуо,
И за ребро лађу уграбіо,
Онъ хоћаше потопити Турке;
Масе нагна Шикмановићъ Вуче,
Е извади ножа пламенногa,
Одъ рукахъ му прсте окинуо;
Таденъ опет' на трагъ уплловіо,
Ма га црна крвца освоила,
Пакъ изъ воде главу измоліо,
Онъ да види є ли удальіо,
Али пуче танка пушка Турска,
Те Ивана была погодила,
Мртавъ паде у воды студенной,
Ондадесе подигоше Турцы,
Те одоше у граду Жабяку,
Пак'се купи мало и велико
На' делію Сую Цаковића,
Те му ваде исподъ грла ножа,
Теке су му ножа извадили,
Турчинъ пашю испуштіо душу,
Богъ да прости Николин' Ивана!!

54.

Алайбеговићъ.

Ха жалости ядна ли ты єси!
Што задеси Сую Харамбашу,
На крваву кавурску краину:
Есе диже Суя харамбаша
Одъ крваве Круѣ на краину,
Да ловъ лови Кавурской краини,
Да ловъ лови младе Црногорце,
И ньихове да плѣни овце,
Да ихъ ћера Круи у Єпиру;
А незнаде жалосна му майка,
Да ће ками лова уловити
Изъ краине мале горе црне;
Іоште нѣму Боже непомози,
Е га добаръ юнакъ опазіо
Одъ краине, брате, Црногорске,
По имену войвода Стеване!
Юнакъ скупи неколико другахъ,
Ништа више одъ стотине другахъ,
Па поћера Сую Арамбашу, —
Поћера га по горы зеленной,
Изгуби му другахъ седамдесеть,
Ал' и Сую мало Богъ помога',
Юначке га ноге уграбише,
Те утече Скадру біелому,
Пакъ изъ Скадра ситну ньигу пише,
А шилѣ є Круи крвавойзи
На дворове брата Имраима,
Овако му Суя говораше:
„Брате міо лудій Имбрахиме!
У зо часъ 'самъ чету покупіо,
Да ловъ ловимъ у влашку краину,
Ни уловихъ лова ни шикћара,
Зло нанесе войводу Стевана,
Погуби ми другахъ седамдесеть,
Да на ноге пѣшки неутекохъ,
Ћаше мене жива уфатити;
Ного брате, ако Бога знадешъ,
И нашега свеца Мухамеда!
Та на свиньску кожу некланяо,
Ни на Турску вѣру похуліо!
Ты опреми хата два найболѣ,
Хайде брже Скадру біеломе,
Донеси ми штогођъ одъ оружя,

Те у злато сухо оковато,
Е ћу звати войводу Стевана
Одъ крваве Кавурске краине,
Да ми иде на мейданъ юначкій,
На средъ равна поля Ћемовскога.“
Кадъ Имбраимъ танку кньигу прійми,
И кадъ виђе што му Суя пише,
Онъ опреми хата два найболѣ,
Ево брату у сусрету пође,
А кадъ Скадру на Бояну дође,
Онъ ту Суя брата свога нађе,
Пакъ ђе га є момче угледало,
Онђе Суи брату бесѣдило:
„Хайде, брате, дома да идемо!
Прођ'се брате хала и мейдана!
Ал' незнадешъ войводу Стевана,
Знашъ ли брате, є с' ли запазіо,
Што учини войвода Стеване
Одъ четиры брата Муселиќа?
Кад' на мегданъ нѣму изидоше,
Све четиры самъ уфати живе,
Поведе ихъ на свое дворове,
Ту є ньима изгубіо главе,
И главама кулу окитіо.“
„Таде Суіо нѣму бесѣдіо:
„Имбрахиме горій одъ ђевойке!
А я мыщахъ да 'си юнакъ болый!
Кад' небыли по два за єднога,
Неродила майка ни єднога!“
Па написа листъ кньиге біеле,
А шилѣ є Вучиќевиќ' Стефу:
„Чуй ме добро войводо Стефане!
Ако те є Србкиня родила,
Хайде шъ утра мене на мейдану,
На средъ равна поля Ћемовскога;
Немой мене чинит' пріевару,
Невод' с'собомъ друга ни єднога,
Ни я неќу водит' ђаволѣга,
Него сами дасе обидемо,
Да видимо ко є юнакъ болый.“
Кад' войводу кньига допанула,
Два дуката муштулука дaѣ,
Некќе узет' коня дебелога,
Него пѣшки неће на опанке,
А кад' дође на полѣ Ќемовско,
Али га є Туре преварило,
Турчинъ съ братомъ на мейданъ дошао';
То ка виђе войвода Стефане,
Ере хоќе юнакъ погинути,
Одъ образа ужди цевердара,
Те погоди Сую харамбашу
По средъ жива срца юначкога,
На зрно му срце извадіо;
Жива фата лудог' Имбрахима,
Пакъ є нѣму ріечъ бесѣдіо:
„Хайде зъ Богомъ лудій Имбраиме!
Иди дома на свое дворове,
Опрашќамъ ти животъ на мейдану.“
Узе Стефанъ Суйово оруже,
И нѣгова хата дебелога,
Здраво пође на свое дворове,
Іошъ є біо, докленъ є живіо,
Іошъ є біо Турке ястребове,
Свуђ' мейдане ньима односіо,
Войвода є узданица жива,
Живъ є нама Стефанъ у пѣснама,
А души му покой и веселѣ.

55.

Нова пѣсна Церногорска о войни Руссахъ и Туракахъ почетой у 1828мъ году.

Бѣла вило, моя дивна друго!
Сведи друго све у гусли гласе,
Твое гласе а у гусли ясне,
Да ихъ чує, кои разуміе,
Разуміе, драго ако му є.
(Сербаль брате, ова пѣсна за те,
Ты ќешъ чути, ты ее разумѣти,
Понайпріе одъ осталихъ свіе!)
На хиляду и осме стотине
Двадесть седме на пола године,
Ситный ферманъ есте полетіо
Одъ пространна царства Руссинскога
Изъ біела града Петровога
Одъ силнога цара Николая
Николая Павловога сына;

Лети ферманъ землъомъ и свіетомъ,
Колико є хитро полетіо,
До чуда бы побратиме было,
Да га носи соко подъ крилима,
Акамоли Московъ на ногама:
Прелетіо землю безъ хесапа,
Доклевъ доће Махмуту Султану
У Стамболу великоме граду
Ђе царъ сѣди на своме дивану;
Дае улакъ Султану фермана,
Ліевомъ га рукомъ додаваше,
А десномсе за саблю држаше,
Іошъ Султану ово говоріо:
,,На тай ферманъ да ми однисъ дадещъ,
Сабльомъ бриткомъ и мышицомъ якомъ,
На првоме полю одъ мейдана,
Одъ мейдана за две силе наше.“
Паксе улакъ ончасъ повратіо.
А кадъ царе ферманъ прочатіо,
Поче учит' крвава фермана,
Царъ га учи, грозница га мучи,
Е ферманъ му страха задаваше,
Овако му царъ Каурахъ паше:
,,Чуй ме болѣ Отмановићъ царе!
Ево има тры године данахъ,
Одка ме є сѣверъ зацаріо,
Зацаріо и круну ми дао,
Освуђ' мене даве додіяше,
Одъ Сербіе и одъ Булгаріе,
Каравлашке и Карабегданске,
Одъ све Грчке и Анадоліе,
То све плаче мени непрестанно
На проклете Турке зулумћаре,
Дасе одъ-ньихъ живѣти неможе,
То све видишъ, а за то немаришъ.
Него и то я прегорѣть могохъ
Али синоћъ давуџіе доше
Одъ простране землѣ Шумадіе
Петь стотинахъ давуџіяхъ доће
Свакій по камъ о грлу донесе
Станше викат гласомъ єдиніемъ:
,,,,Хай помагай царе господаре!...?
Одъ Туракахъ лѣдскіехъ вуковахъ!
Скоро су намъ очи извадили,
Посѣклису нама господара
Новог' цара Сербскога, Ђорђія!
Хилядама робахъ поробише,
И Сербію огнѣмъ изгорѣше,
Но помагай, драгій господаре!
Ал' помагай, ал' насъ опраштавай!
Іеръ овако живѣть неможемо.“‘‘
Кад' разумѣхъ Сербе витезове,
Люто мисе сердце увріеће,
И жалость ме конишш пристиже
Кад' чухъ за смерть Церного Ђорђія
Мое десне изъ рамена руке;
Него и то хоћахъ прегорѣти
До времена нашега мегдана,
И што было, то є проминуло,
Докъ ево ти тры хиладе Гркахъ,
Тры тисуће Гркахъ и Булгарахъ,
Сви у церно завіени сукно,
Ронећ' сузе низъ біела лица,
Сви падаю на гола колѣна,
Свакій виче, штогодъ болѣ може:
,,,,Николае сунце безъ захода!
Ал' помагай, ал' не посіецай,
Да насъ нежме безбожніехъ рука,
Турцы су ни сильни мучитељи,
Непрестаю чинѣт' ни зулуме,
Све зулуме пріедъ нечувене;
Ал' све бысмо ньима опростили,
До што ючеръ нама учинише,
У недѣлю на Васкрсеніе,
Кад' полху боже летурђіе,
Погубише Турцы Патріарха,
Око нѣга дванаесть владыкахъ,
Калуђерахъ триста и шесдесеть,
А поповахъ и деветь стотинахъ,
Одъ сироте церкве православне;
Дадоше га мертвог' Жудіама,
Да га вуку прозъ Турске сокаке,
Вукоше га четиры саката
По проклету стойну Цариграду,
Докъ доћоше мору на пржину,
Тад' у море нѣга утопише,
А недаше нѣга укопати;
Но помагай за Бога милога,
И за нашег' светога Іована!
Ол' помагай, ол' самъ посіецай!“‘‘

Кадъ, Султане! Видѣхъ давучжіе,
И разумѣхъ ньихову неволю,
Кою трпе вазда одъ Туракахъ,
Іошъ по другу̂ за вѣру Христянску,
И за повукъ старца Патріарха,
Обявихъ ти сеферъ ферманима,
И стахъ купит' мое силне войске,
И шилят' ихъ земльомъ Каравлашкомъ,
Каравлашкомъ и Карабогданскомъ,
Путъ Дунава ріеке студене,
Да поломе Дунавске кревости
Жестокіемъ огнѣмъ изъ топовахъ,
И остале по Турской градове,
Да ихъ съ церномъ земльомъ све изравне;
И да брже иду путъ Стамбола,
Да и нѣга сломе и сагоре,
Жестокіемъ минам' и бумбама,
А везире Турске све поколе,
Све да ми ихъ живе пофатаю,
Шъ ньима тебе у Руссію спреме,
Нека знате каква є подруга
Нашомъ майкомъ црквомъ православномъ;
А томъ силомъ на те Турске стране,
Да управля мой Дибичу Бане,
Осамдесетъ хиляд' є солдатахъ,
И одъ Бога помоћъ свакоїика.
Іошъ другу ти бѣхъ одасла' войску,
Войске пуно стотина хилядахъ,
А предъ ньима силный Фетмашаре,
Паскевићу на гласу юначе,
Да пожара сву Азію твою,
И претресе кости Мухамеда
У проклету Мекку и Медину;
Ал' ты несмѣ на мейданъ изићи,
Но се препа срамота те была,
Нехће изиет' на полѣ очито,
Да на срамство діелимо царство;
Но подмити Христянске кралѣве,
Те у мене тебе испросише,
И на кайе своє одмолише,
За то кньиге послахъ на Арміе,
Те ихъ вратихъ іопетъ у Руссію,
Нехћехъ сеферъ съ тобомъ заводити,
Ал'се надах у тебе Султане,
Да већъ зулумъ хоће прекинути,
Да неприте Турцы сыротиню
Твои Турцы штосе мнію вуцы,
Те ти ранне све опростихъ мое,
Мы на любавь іопетъ остадосмо.
Али то све намъ у ништа пође,
Ты погази главно пріятельство
Са ферманомъ што 'си написао,
Послао га проза сву Турћію
На везире, паше, и кадіе,
Сву да турче сыротиню Раю;
Кои лисе потурчію нећы,
Да му сабльомъ одсіеку главу,
Я већ' ово терпѣти немогу,
Но ако си ка' те зову люди,
И ако те̂ Туркиня родила,
Купи войску што найвише можешъ,
Хайде съ войскомъ у полѣ широко,
Да на мегданъ круне діелимо;
Немой рећи, да є то кріюћи,
Ал' с' у мито више поуздати,
Вѣра моя! помоћи ти нећe,
Ако дадешъ све твое дукате,
И све кралѣ одъ Европе купишъ,
Єіема те нећу поклонути,
Него рать имъ зато обиявити;
Кукавице! хоћешъ ме познати,
Али ћешсе мени поклонити,
Али ћу ти главу одкинути.
Празнонеса! изъ пѣшчанских странахъ!
Ніе шала милюнъ Московахъ
Подъ оружѣмъ, копльим' и саблями;
Сву Европу на зохоръ быхъ прошо,
Акамоли кукавну Турћію."
Таквый ферманъ Махмутъ разумио,
И видио што му Московъ пише,
Све телале царе наредіо,
Терларџіяхъ четиры стотине,
Да викаю по Стамболу граду
Безъ престана тры біела дана,
Све по реду Турске старѣшине,
И остале Турке витезове,
Да му брже дођу на дивана;
Кои ли му на диванъ недође,

Царска вѣра! посѣће му главу.
Отидоше танке терларціе,
Вичу теларъ нигда непрестаю,
У нь' споминю паше и везире,
И остале Турке витезове:
„Бѣрже да сте цареве деліе.
Брже-болѣ цару на дивана
У неђелю коя прва буде;
Кои ли му на диванъ недође,
Царска ріечъ!... безъ главе остаде.“
Кад' то чуше паше и везиры,
И осталі по Стамбалу Турцы,
Брже греде свакій путъ Дивана,
Кад'се Турцы на Диванъ скупише,
Они цару тако бесѣдише:
„Султан' царе одъ свіета главо!
Што си за насъ хитро посилао,
Коя ти є мука ол' неволя,
Али ти є Хацемъ заратіо,
Али тисе Мисиръ одметнуо,
Ол' Скадарскій паша Бушатлія,
И нѣгова гола Арбанія?
Ал'се Каур-кральи сви сложили,
Свисе крстомъ еднимъ прекрстили;
Оли ти є Московъ заратіо?
Хай! небойсе нашъ честитый царе!
Наше сунце нигда заходеће,
Кое гріешъ ноћи ка' и дневи!
Докленъ су ти Турцы витежеви,
Ласно ћемо Хацемъ освоити,
И весъ Мисиръ огнѣмъ попалити;
Акол' тисе Везиръ одметнуо,
Арнаутинъ, паша Бушатлія,
И нѣгова люта Арбанія,
Вѣра наша!... хоће погинути,
Мы Турцы му кућу ископати,
Да одъ врага неостане трага.
Акол' сусе сви Кральи сложили,
И ту слогу разврћи є ласно,
Кад' смо главу змая найжешћега
Одкинули, теби доніели
Изъ Тополе Црнога Ђорђіе;
Акол' ти є Московъ заратіо,
То намъ ніе мило ни єдноме
Богъ ће знати, што ће коме дати,
Нам' є залудъ шъ ньиме ратовати;
Одка Петаръ собомъ закральисе,
Кадгођъ сеферъ съ Московим' имасмо,
У свакому бою погибосмо,
Дадосмо му полу царства свога,
И ово ће узети намъ сада.“
Султанъ на то ньима одговори:
„Турцы браћо паше и везиры!
Ніе мене Хацемъ заратіо,
Нити мисе Мисиръ одметнуо,
Ни проклетый паша Бушатлія
Нит' нѣгова люта Арбанія,
Него, Турцы браћо моя драга!
Ючеръ ме єферманъ допануо
Одъ новога краля Николая,
Сына Павла Русског' господара,
А унука Петра големога,
Дин-душмана одъ стара времена;
У ферманъ ми сеферъ обявлює,
Іошъ ме кавуръ на мегданъ позивлѣ
Подъ біеломъ Варномъ на краину,
Са свомъ войскомъ што ми царство има.
Влахъ писати такосе усуди,
Но за Бога, Турске поглавице!
Немойтесе препаст' одъ Москова,
Одъ Москова рода хаинскога,
Е тако ми светца Мухамеда!
И сейцаде на кою є клања'!
Кад' напишемъ шездесетъ ферманахъ,
На шездесетъ царства ми везирахъ,
Када скупимъ силновиту войску,
Вѣра моя! Турцы витезови!
Ђавура ћу займит' преко мора,
Преко мора тысућу конакахъ,
Нагнати га мору леденоме,
Да га прождре море безъ хесапа;
Е тако ми дина и амана,
И Турскога поста Рамазана!
Ако море кавура непрождре,
Доћ' му главе ни кіяметъ неће.“
Турцы цару одговоре тако:
„Нашъ Султане сунце огріяло!
Ты све видишъ што є и како є,
Како тисе кавуръ подкопао,
Да те ћера съ овога престола,

Кога су ти старыи оставили,
Оставили на мачъ и на саблю,
Ка' што су га негда и узели
Одъ ситнога рода Грчаскога;
Дивно видишъ нашъ честитый царе,
Да ће ти га Московъ преотети,
Па да ће га за се оставити,
Према штети небы срама было,
Ячій быо, пакъ є придобіо,
Нег' на яде и жалости наше,
Дати ће га опета Грцыма;
Али кити свудъ ситне фермане,
На везире кавурске катиле,
Нека купе силновите войске,
Да Москову идешъ на мегдану,
Да ти зазоръ и срамота нука
У кавура царе неостане."
Кад' разумѣ Отмановићъ царе,
Што му збори Стамболска господа,
Къ себе позва стара Насрадина,
Кой имаше одъ свога рођеня
Четирыста и шездесетъ лѣтахъ,
Поче царе старцу бесѣдити:
„Настрадине, Давноупантиле!
Што бы река', и ка' тисе свиђа
Одъ фермана што мѣ допануо
Одъ влашкога краля Николая,
Ал' ћу старый ферманъ подписати,
Али ћу му на мегданъ изисти?"
Старацъ тако цару одговара:
„О Султане по лѣтима сыне!
Ясамъ чуо и ферманъ видіо,
Што ти пише силный Николае,
Ал' послушай ты мене Султане,
Подпиши му све фермане старе,
Московусе до землѣ поклони,
Подпиши му и новог' фермана;
Некће ли га царе подписати,
Кунемъ тисе моіомъ грешномъ душомъ!
Коя мысли брзо путовати,
Оћешъ му га грданъ подписати
И фермана, и іошъ сверхъ фермана."
Махмутъ старцу на то изговара:
„Стрико старый Настрадине давный!
Подписа' быхъ Кавуру фермана
А тек' брада да ми буде мирна,
Но недаду Стамболске деліе,
Они воле главе погубити,
Но Кавуру ферманъ потвердити."
„Господару Махмуте Довлете!
Ты неслушай Стамболске деліе,
Кунемъ тисе вѣромъ и ћитапомъ
Ту деліе ни єдине ніе,
Те деліе ништа неваляю,
Нако бѣжат' душманъ кад' кидише,
Но добры су по кахвамсе фалит',
А незнаю силене Москове,
Свакій воли Московъ погинути
За свог' цара и за вѣру свою,
Но у Турской царсе учинити
Солдатъ простый, то ли кои вышій.
Те деліе незнаду Москове,
Но я живимъ те ратове пантимъ,
Све ратове и сваке боеве,
Я одъ вазда съ Московима ратимъ,
И одъ ньихна страха и юнаштва
Сіеде ме длаке пропадаше;
Тако стаде, докъ Петаръ постаде,
А кад' наста Петаръ у Руссію,
И одка се съ Руссма быт' почесмо,
Трый путъ мисе длака проміени,
И све тры путъ крвава ницала,
Пакъ и Петра могахъ претерпѣти,
Доксе роди велика Каурка
И постаде Кральица Московска;
Кад' у бою єдноме біясмо,
Одъ нѣ страха и нѣ ђенерала
Кутузова... испреко Дуная,
Сви ми зуби царе испадоше
Изъ вилице и горнѣ и донѣ,
Ал' ме брзе ноге уніеше.
Тад' у бою кад' крвь пролѣвасмо
Преда мномъ ихъ текъ дванаестъ бѣше,
Одъ Турскіехъ деліяхъ силніехъ,
А кад' натрагъ царе побѣгосмо,
Неостаде за мномъ ђаволѣга;
Па и више чудо да ти кажемъ,
Колико су Турцы страшльивице,
Несмѣшесе ни два уставити,
У біелу граду Єдренету,

Но сви коше, куда кои знаше
А найвеће путъ Стамбола твога,
Да ихъ скрію Булле одъ каурахъ!
Тек' я остахъ старацъ у Едрени
И то ранѣнъ одъ Казачке руке,
Ту хећими мене ліечили,
Изъ моіехъ плећахъ извадили
Седамдесетъ и четиры копля,
Што ихъ бѣху заломили у ме
У моему лютоме побѣгу,
И съ тога самъ ево престарао."
Царь за наукъ главе необраћа
Већъ окрену писати фермане,
Первый посла Босни земльи равной,
На рукама одъ Босне везира,
Овако му царь фермана пише:
„Слуго моя пашо Ђеладине!
Како пріймишъ ситнога фермана,
Брже скочи на ноге лагахне,
И съ Травника ожежи топове,
Сву избери Босну по тефтеру,
Неостави Краичнике люте,
Коисусе бой бит' научили
Спрамъ Ніемца и спрама Сербіе;
И неоставъ люте Херцеговце,
Коиносу на тврду краину,
Спрамъ душманске ловне горе црне,
Горе црне и седмеро Брдахъ,
Брже съ войскомъ ходи ми къ Стамболу,
Ере имамъ сеферъ са Московомъ,
Аколи ми у Стамболъ недођешъ,
Вѣра моя, посѣћу ти главу,
А другога ставити везира,
Нека моіой Босни везирує."
Тай одасла', другій накитіо,
Посла ферманъ Скадру біеломе,
На рукама везира Мустафе,
Овако є ситный ферманъ писа':
„Бушатліо пашо Арнауте!
Како пріймишъ сытнога фермана,
Брже скочи на ноге юначке,
Жеж' одъ Скадра єстотину топовахъ,
Теръ сакупи люту Арбанію,
Хайде съ ньоме къ біелу Видину,
Узъ гредъ узми пашу Вранялію,
И одъ Нећи Махмут'-Беговића,
Тер' на Дунавъ чекайте Москове,
Вѣрна слуго! неиздай Султана,
А Турску ти вѣру даемъ тврду,
Текъ ђавура на трагъ повратимо,
И нѣгово царство освоимо,
Оћу тебе слуго учинити
Предъ свомъ войскомъ Мухурсахибіюмъ,
И моіемъ Пашомъ Учтугліомъ,
И везиромъ одъ четиры ... туга —."
Они посла трећій написао,
Одсла ферманъ на Урумеллію,
На Валію, и на ... Превалію...!?
„Како пріймишъ моега фермана,
Жеж' на Битоль Стотину топовахъ,
Скупи листомъ сву Урумелію,
Крећи брже путъ мога Стамбола,
Іеръ имамо рати съ Московима."
И та посла четвертый написа,
Посла ферманъ у Анадолію,
На шесть пашахъ и на тры везира,
У ферману царе заповѣда:
„На негесе, мои соколови!
На градовма уждите топове,
Скупте войске што више можете,
Хайте къ мени сынцы у Стамбола,
Іеръ имамо сеферъ съ Московима."
Таа полеће, а петый напраля,
Посла ферманъ богату Мисиру,
До на руке Мехмеда-Аліе,
Овако му Султанъ говоріо:
„Мехмед-беже одъ Мисира главе!
И узданный Богомъ побратиме!
Како пріймишъ моега фермана,
Жеж' на Каиръ стотину топовахъ,
Скупи войску силну по Мисиру,
Съ войскомъ хайде путъ нашег' Стамбола,
Ере имамъ сеферъ съ Московима,
Са Московомъ кралѣмъ каурскіемъ,
А тако ми светца Мухамеда!
И Аліе зета нѣговога,!
Како краля влашког' добіемо,
Хоћу тебе добре поклонити
Савъ богатый Ципаръ и Кандію,

Юшъ ти сćарцу дати за любовцу,
Другогъ тебе учинит' Султана
Надъ Мисиромъ Ципромъ и Кандіомъ,
Ако мене садъ неизда добро.
И тай посла, да шестый написа,
Посла ферманъ пространной Азіи
На двадесеть пашахъ и везирахъ,
Царь имъ пише у свое фермане;
„На ногесе наше соколови,
Сви везиры цареви вećили!
Скуп'те силне по Азіи войске,
Шъ ньима хайте къ мене у Стамболу,
Ѥръ имамо рати съ Кахурима;
Кои ли ми у Стамболъ недоће,
Сабля ће га моя распашити.“
Кад' везиры кньиге разумѣше,
И фермане цара честитога,
Сташе купит' войске силновите,
Са войскама иду путь Стамбола;
А кадасе силе окупиде
У Станболу предъ свога Султана,
Све предъ цара наше изидоше,
До Мустафе Скадарског' везира.
Боже милій чуда ужаснога!
Коликосе скупило Туракахъ!!
Тевтеръ каже, калемъ кесапіо,
Више войске нег' у Бунапарта;
Гледа войске съ Дивана Султане,
И у себи тако преговара:
„Ахъ, честитый светче Мухамеда!
Шта ће ѣданъ кахуръ учинити
Спроћу тебе, и све твое силе?
Ал' махниту ніесе чудити,
Ербосе є яко осиліо,
Одкако є француза добіо,
И двадесеть краляхъ кавурскіехъ.
Ал' тако ми твоєга имена!
Кад' му пуштимъ Турке витезове,
Ни Москва ихъ дочекати неће,
Незна ћафиръ съ кимсе ударіо,
Коино є господарь одъ землѣ,
И свакъ мусе клања одъ свіета.
Шта л' є змае, хоће да познае,
Змай кралѣве ждере тесе храни,
Онъ немари за другчіе частбе.
Ев' потомка башъ твоєга светче
У твоему Емиру Махмуту,
Каур-Кралю на мейданъ ће поћи,
Свим' Влассима очи извадити!
Како су му и старыи чинѣли!
Юшъ кад' пуштимъ помамне Арапе
На ньихове витке бедевіе,
До мора га хоће доћерати,
А ни море г' сачувати неће;
Я, царь имамъ мила побратима
У Мисиру Газію-Алію,
Онъ ћ' у море потопит' кавуре
Онъ и соко паша Капудане.
То кавурство и тог' ђаур-Краля,
И све кралѣ и ньихове войске.“
У ріечи кою самъ збораше,
У то Султанъ на ноге ђипіо,
И Москову ферманъ одкитіо,
Овако є царь га написао:
„Николая, што юче мастаде!
Што ми пишешъ и у ферманъ кажешъ
Да ти влашке даве додіяше,
Башъ на мое соколове Турке,
Да власима зулумъ чине Турцы;
Чине зулумъ! и чиниће имъ га!
Непитамо тебе кавурине,
Како ћемо раіомъ управляти,
Коюно є сабля Орканова
На мегдану юначкомъ добила
На Косову и другим' польима
Одъ влашкога рода безвѣрнога,
Одъ Лазара и другіехъ царахъ;
Никада те Влахо непитамо,
Како ћемо царствомъ управляти,
Ал' кад' мене на мейданъ позивлѣшъ
На то тебе кралю одговарамъ:
„„Ако те є влахиня родила,
И ако си Московъ одъ поштеня
И праунукъ Петра бркатога,
Хайде мене на мегданъ юначкій
Подъ біеломъ Варномъ на краину,
Садъ, иншалла! посѣдочит' хоћу,
Твоіомъ смрћомъ краля Владислава,
И подъ Варномъ гробъ ти ископати,
На гробъ диħи мечитъ и мунаре.
Доста збора, хайде на мейдана
Са своимъ силомъ одъ землѣ Московске

На бѣлегу у полѣ широко,
Ђесе, кралю, найпре састанемо.““
Турче младо те силенно пише:
„Ако мене подъ Варну недође,
Я ти граду идемъ Петробургу.“
На Илійданъ Турчинъ мейданъ пише
Да му на зло Госпођиндань дође,
Царь Никола кадъ га разуміо,
И кадъ виђе што му Туре пише,
Томусе є громко насмѣхао,
Витезове къ себе дозиваше,
И овако ньима говораше:
„Воеводе, мудрыи фелдмаршали!
Ты Дибићу и Паскіевићу,
Дижте слуге силновите войске,
Паскѣвићу хайде путъ Азіе,
Узми войске шесдесетъ хилядахъ,
Право хайде къ Мекки и Медини,
Да претресешъ кости Мухамеду,
Да ми узмешъ на силу Азію.
А Дибићу моя вѣрна слуго! —
Узми войске стотину хилядахъ
Съ войскомъ хайде преко Каравлашке,
Къ Силистріи Дунаво пріеђи,
Узми града немой почасити,
Немой твою главу изгубити,
И невѣромъ моіомсе назвати,
А я одохъ подъ Варну біелу
Съ неколико силновите войске
На мейдану Махмуту Султану.“
Када цара слуге разумѣше,
До землѣсе нѣму поклонише,
Па дигоше силновите войске,
Паскіевићъ пође путъ Азіе,
За ньимъ войске шездесетъ хилядахъ,
И одвуче убойне топове,
Кажу топахъ дванаесъ стотинахъ,
Прахъ, олово, и другу захиру;
Дибићъ пође преко Каравлашке,
За Дибићемъ войске сто хилядахъ,
И за войскомъ войничке потребе,
Каравлашку съ войскомъ прегазіо,
До Дунава ріеке студене,
Ту на Дунавъ тамборъ учиніо,
И ту єдну ноћцу коначіо,
Па тек' свану и сунце пограну,
Съ войскомъ Дибићъ Дунавъ пребродіо,
Подъ Силистру тамборъ премѣстіо,
Ончасъ таблѣ землѣомъ утвердіо,
А на таблѣ топе наслоніо,
Стаде быти тврду Силистрію,
Никомъ ока отворити неда.
Николае трећу диже войску,
Низъ Руссію у Одессу доше',
За ньимъ войске неколик' хилядахъ,
Како дође біелу Одессу,
Ту га флота своя сусретнула,
Те на лађе силу натуріо,
Подъ бѣлу є Варну истуріо;
Води войску царе Николае,
У полю є тамборъ учиніо,
Добру войску на бой приправіо,
Изъ Варне ихъ Турцы опазише,
И по граду телларе пустише,
Телларъ виче дабулхана риче:
„На ногете Турцы соколови,
Ево нама утве златокриле,
Свакій коньикъ притезай колане,
А пѣшацы притежте опанке,
Данасъ валя ћерати кавуре,
Дасе ньихне крвце напіемо,
Главе су намъ сами донієли.“
Како тембій войска разумѣла,
Сва є лисото на ноге скочила,
Пакъ изъ града сила окренула,
А предъ силомъ тры веля везира,
И шеснаестъ пашахъ царевіехъ
Двѣста хилядъ за ньима Туракахъ,
Савъ Анадолъ и сва Руменлія,
Сви топови силе огнѣвите,
Силна сила у полѣ излѣгла;
Фала Богу, до нѣму никоме!
Какви ли су Турцы Анадолцы,
Подъ ньима су хати одъ Мисира,
На ньихъ Турцы ноге прекрстили,
Іошъ одъ силе узели тамбуре
Узъ тамбуре на конѣ пѣваю,
Вришште хати, подврискую Турцы,
Скачу хати, ка' да стекли крила,
А обрћу прси Московима,
Жельни коньи, а жудны юнацы

Пріедъ зачеть боя съ Кахурима;
Турцы жуде, а Московъ нетрае,
Него како Турке угледаше
Ђенерали войске упутише,
Напредъ пѣшцы, а озадъ коньицы,
Помеђу ньихъ топи и кумбаре,
Око свіехъ на обіе стране
Панцирліа Московска делія,
На свакоме коню и юнаку
Оклопа є по педесеть окахъ,
Све одъ люта гвожђа калѣнога,
Ништа ньима наудит' неможе,
Ни наудит', нитсе одержати.
До ньихъ іошъ су врле Казачине,
Кои могу стићи и утећи,
И копльима посрамит' лубарде.
Двіе силе полѣмъ помичусе,
А све една другой примичусе;
Свѣтло сунце, ты заклони лице,
Да ти лица, неожагри крвца!
До чуда бы великога было,
Да на свадбу тако нохитаю,
Ка' бржаю на свою месницу;
Ал' юнацы свою крвь нештеде.
Кадсе силе близу састадоше,
Виђи врага, завржесе кавга,
Пуца пушка броя іойсе незна,
Єче топи а грме кумбаре,
Како туча посиплю картачи,
Сташе тећи по зраку ріеке
Силног' огня, и свіетлог' дыма,
Небесасе у пламъ претворише,
Црна земля, подъ крвь огрезнула,
Крвь прождире коиѣ и юнаке,
Ка' валови разломлѣне лађе,
Одъ пуцнясе ништа нечуяше,
А одъ дыма ништа невиђаше;
Докъ топъ преста, пушка одумину,
Удришесе силныи коняницы
На свіетле саблѣ и миждраке,
Стаде клепеть мачахъ и палошахъ,
Ста ломява сабаль и миждракахъ
Стаде цика силніехъ юнакахъ,
Бой огнѣнный тры сахата горѣ,
И іошъ више дужитисе ћаше,
Но удрише краљске панцирліе,
И казацы на гласу юнацы,
Узмакоше цареве деліе;
Пакъ деліе плећи окренуше,
Отискоше бѣжат' безъ уставка,
Виђоше ихъ тры веля везира,
И шеснаесть пашахъ изъ тамбора,
Бѣже паше, за ньима везиры,
За везирма войска сваколика,
А за ньима Русси у погоню,
Узеше имъ топе и баряке,
Прахъ олово и ньихне тамборе,
Тридесть хиляд' робахъ заробише,
Међу ньима велѣга везира,
И четиры паше съ реповима;
Него ево и више срамоте!
И гріеха у Турскоме дину!
Мимо Варну Турцы пробѣжаше,
У Варнусе свратит' несмѣдоше,
Но душману Варну оставише,
Оставише, зла имъ срећа была!
Ал' небѣжи витезъ Юсуф-паша,
Неоставля за живота Варну,
Но сокосе у Варну затвора
Су тридесеть хилядахъ Арапахъ,
Стаде бранит' града одъ Москова
Су градскіехъ хиляду топовахъ,
Враніосе тры неђелѣ данахъ,
Кад' четврта залѣзе неђеля,
Бы му залуд' сваколика мука,
Више града бранит' немогао,
Еръ му бѣше огань одоліо,
Одъ Московахъ и ньиних топовахъ,
Одъ лагумахъ кое поджегоше,
Тер по града у вѣтаръ дигоше;
А чека є индатъ одъ Стамбола,
Чекао га, но недочекао
Одъ Султана свога господара,
Еръ неймаше ни съ ким' дома быти,
Стамболъ му є празанъ остануо;
Добру войску бѣше одаслао,
На Дунаво да чека Дибића,
Другу добру бѣше одсла' войску
Преко свега своег' Анадола,
Арменіи малой и великой
Дочекати силна Паскѣвића,
Да и плећи одъ кавура бране;

Па ій нейма ни тамо ни амо.
То кад' виђе Юсуфъ съ Арапима,
Да му нейма одъ цара иидата,
Да' є Дибићъ Балканъ преваліо,
И сву цара помоћъ разпраскао,
На Дивану цара уздрмао,
Тадеръ Юсуфъ Турцим' на срамоту,
Преда Варну каурскоме цару,
Съ Варномъ Юсуфъ и себѣ заробіо;
Московъ посла нѣга Петробургу,
И све нiъ ньиме што Харапа бѣше,
Па поскида са Варне топове
И ньихъ посла у свою Руссію,
Іошъ тад' Варну до дна раскопао,
Са земльомъ ѥ уравніо црномъ,
Топъ већ' даш' нѣ никада непуца,
И нек' знасе докленъ є свіета
Како чини больій одъ горега,
И некъ знаде грдный Османліа,
Да Каурка може родит' цара,
Тер' узъ цара и божіег' дара,
Па како му іошъ єданъ путъ крескне,
Да безъ чуда изъ Европе скокне,
Нек' одлази одкуда є дошаʼ,
Вріеме є срокъ є нѣговъ проша'!
Ол' га тамо небыт' ни овамо.
Све біеле війле одъ свіета
Садъ пытаю Султана Махмута,
Како му є съ Руссомъ ратовати,
Какви су му Турцы витезови,
Мудро ли му зборi Насрадине?
Ал'се війле топрв домыслиле:"
„Николаю царске даре даю,
Пакъ Султану Руссіе одбрану,
Све да воли, што є невопіо,
Дасе соли...ткосе несоліо;
И тр было, тако потрайло!...?
Доклегодъ є орла и аждера —.

Примѣч. Ово є сочиненіе младога владыке Црногорскоґъ; али га є одпріе него є владыкомъ постануо, спѣвао. Іошъ имаде у овомъ собранію нѣговога производа, и свакій ћу назначити поредъ нумере звѣздицомъ.

56. *

Малый Радоица

Мушки плачу тридесеть хайдукахъ
У тавницу паше одъ Травника,
Цмиле ‚ако тры нећелѣ данахъ,
Докленасе паши додіало,
Те тавницы на капію пође,
Упитуе тридесеть хайдукахъ:
„Коя вамъ є одъ Бога неволя?
Те плачете у тавницы студной,
Али су васъ книиге допануле
Одъ дворовахъ и одъ любовацахъ,
Да су вама куле погорѣле,
И вашесе любе преудале?
То разлога плакат' неимате,
Нист' имали кулахъ ни любовцахъ,
Нако гору и пећине студне,
И шарене пушке у рукама;
Ол' ве желя носи на хайдуштво?
Да Босанске друме прекидате,
Дворе Турске хашаромъ чините?
Доста има влакахъ у хайдуке,
Вы га нигда у ньихъ поћ' нећете;
Акол' ви є авса омрзнула,
Моя авса и тавница студна,
Другу 'самъ ви авсу начиніо,
У кою васъ мыслимъ претурити,
Та є при ньой ка' мои сараи,
У ню ће вамъ кости останути,
Зміе ће вамъ очи изавадити,
А гунтеры ращчунати месо."
Но хайдуцы паши говораху:
„Аманъ пашо Босни господаре!
Мы хайдуцы у твоіой тамницы,
Неплачемо куће ни любовце,
Да имасмо кулахъ и любовцахъ
У хайдуке ходили небысмо,
Нит' насъ носи желя на хайдуштво,
Достасмосе нахайдуковали,
Хайдуштво є срамотно юнаштво,
Тек' неволя хайдуковат' може;
Мы о томе сада немыслимо,
Почињили, штосмо кадри были,
Доста' Босни друме затварали,
Турскихъ доста главахъ одкинули,

И дворовахъ пепеломъ засули,
Авса твоя омрзла намъ ніе,
Неградесе хавсе за ђевойке,
Веђенъ, пашо Босни господаре,
За юнаке и горске хайдуке!
А што зміе и гуштере кажешъ,
И студену воду до колѣнахъ,
И юначке кости до раменахъ,
Како дође лѣто акобогда,
Препиђемо воду изъ тавнице,
Подавити зміе и гуштере,
У зимусе на кости гріяти,
Кости ће намъ за дрва служити.
И мы за све ово неплачемо,
Но плачемо, што нам' є неволя,
За соколомъ Ракомъ Арамбашомъ,
Синоћъ нисе Рако преставіо,
Па га су чимъ укопат' неймамо,
Но тако ти хлѣба царевога,
И тако ти Туроке вѣре тврде,
Подай нама куке и мотике,
Да малога укопамо Рака."
Паша ћаше по Була недаше,
Него паши тако говораше:
„Не за Бога паша господаре!
Ты некопай малога Радоя,
Онъ є тако млоге преваріо,
Тры пута се досадъ закопава,
И све тры путъ изъ гроба бѣжао;
Тры путасе вѣша' на вѣшала,
И све тры путъ съ вѣшалахъ утѣда;
А шеснаесъ путахъ изъ тамнице,
Изъ тавнице првога везира,
Юнакъ хайдукъ превариће тебе;
Веђемъ узми до четиры чавла,
Удри му ихъ у четиры паца,
Ако хайдукъ буде у животу,
Ал' ће гмизнут', ал' помаћи бркомъ.
Паша Каду за то послушао,
И четиры чавла дофатіо,
Къ хайдуцима у тамницу пође,
Нађе Рака на средъ пода мртва,
Па му чавле удри у паоце,
Юнакъ Рако не трмизну собомъ,
Тада паша на ноге скочіо,
И довати куке и мотике,
Ћаше дати да га укопаю,
Ма када му кучка недаваше:
„Не за Бога пашо господаре!
Копат' немой малога Радоя,
Юнакъ Рако преварит' те хоће,
Већ' донеси люта црнокруга
Изъ присоя ђе га гріе сунце,
Хайдуку га метни подъ грлоце,
Нека влаха біе харамбашу,
Ако хайдукъ буде у животу,
Копорнут' ће бркомъ ал' подватомъ."
Паша брже булу послушао,
Те нареди, црнокругъ му дође,
Понесе га Турчинъ у тамницу,
Па га Раку подъ грло метнуо,
Паша біе люта црнокруга,
Паша нѣга а онъ Радоицу,
Іошъ му Турчинъ турски говораше:
„Подичисе влашкій Харамбаша
Са ђердапомъ што ти є подъ грло,
Іеръ є лѣвшій но мое кадуне!"
Юнакъ Рако собомъ нешенуо,
Нешенуо ни гмизнуо бркомъ,
Турчинъ мысли да є хайдукъ мртавъ,
Те на свое ноге устануо,
Пошетао до куле біеле,
Те му куке дае и мотике,
Да копаю своег' Арамбашу,
Ал' му Неда іопетъ кучка Када:
„Немой пашо, дражій одъ очію!
Влахсе хайдукъ мушки уливсіо,
Хоће хайдукъ тебе преварити,
Већ' ты зови тринаестъ циганахъ,
Да ти скую гвожђе раоника,
Раоника одъ дванаестъ окахъ,
Тур' га врућа Раку на прсима,
Ако буде у животъ хайдуче,
Трмизнуће и скочит' на ноге."
Брже булу везиръ послушао,
И набави тринаестъ циганахъ,
Сковаше му лѣмешъ гвожђе люто;
Гвожђе люто одъ дванаестъ окахъ,
Свруђена га носи у тавницу,
Па згріа га доксе зацрвенѣ,
На хайдуку токе расклопіо,
Жежакъ лѣмешъ на прси му тура,

Засмрђеше прси у юнака,
Смрде прси, и цврчежъ ихъ стои,
И дымъ пламти, хайдукъ нетрмиже,
Паша токе Раку честиташе:
„Честите ти токе одъ челика!
Нека знадешъ Рако харамбаша,
На хайдука больіегъ ихъ нейма.“
Види паша, што ніе видіо,
Па самъ с'собомъ паша говоріо:
„Да є мртавъ трмизнут' бы мора',
А нека ли да є у животу;
Етако ми вѣре найчистіе,
У чжехеннемъ быт' му теже жеће!“
Па нареди укопать Радоя,
Но му неда прехитра Туркиня,
Него мусе о грлу вѣшаше:
„Не за Бога драгій господаре!
Юнакъ Рако преварийе тебе,
Већ' самъ чула ђе кажую свуда,
Да є хайдукъ лакомъ на Туркинѣ,
А ты имашъ Хайкуну ђевойку,
Нейма друге ни у гору виле,
Ты є пошльи Раку у тавницу,
Ако хайдукъ буде у животу,
Отвориће око путъ ђевойке,
Ал' црніемъ помакнути бркомъ.“
Када плачемъ и мехкимъ ріеч'ма
Іопетъ пашу на зло окренула,
Те оправи Хайку у тавницу,
Кад' Туркиня угледа Влашића,
Ђе онъ лежи како да є мртавъ
Поче млада шетат' по тавницы,
До поноћи шетат' непрестае,
У поноћи пође надъ хайдукомъ,
Те хайдука гледа међу очи,
Выше хайдукъ трпѣти немога',
Но ліепо око отворіо,
Виђе Хайка ђе є живъ Радое,
Па є нѣму тако бесѣдила:
„Затвори ихъ Рако Харамбаша,
Затвор' очи избила т' ихъ муня.“
Па тек свану и сунце ограну,
Пође млада изъ тавнице Када,
И отиде паши у одаю,
Те є млада нѣму бесѣдила:
„Штосе мртвымъ гріешишъ хайду-
комъ,
Што недадешъ мрца укопати?
А тако ми твог' и мог' живота,
И тако ме Власи неузели!
Давносе є Рако преставіо.“
Како паша кћерцу разуміо,
Одмахъ даде куке и мотике,
И нареди укопат' хайдука,
Хайдуцы му гробъ копати сташе,
Рака ћаху плитко укопати,
Али неда млада пашиница,
Но у дублѣ нѣга укопаше,
У дубину дванаестъ лакатахъ;
Ту хайдуцы брата укопаше,
Укопаше, па га оплакаше;
Отленъ оше у студной тавницы,
А Хайкуна съ майкомъ у сарая;
Но кад' мркну и премину сунце,
Сви поспаше до младе Хайкуне,
Хайкуница спавати нехоће,
Већ' довата куке и мотике,
Поче сама одконават' Рака,
Докленъ га є збиля одкопала,
Кад'се хайдукъ дофати свіета,
И шарена свога цефердара,
Онъ съ Хайкуномъ паши у дворъ пође,
По двору му покупіо благо,
Іошъ и два му заробіо сына,
И оћаше пашу погубити,
Ма Хайка му никадъ недаваше:
„Не за Христа очи мое Рако!
Већ' му води два сына єднака,
За ньихъ ће ти све пуштат' айдуке,
Твою браћу а мое ђевере,
И даћети блага колик' драго.“
Кад' то Рако одь нѣ разуміо,
Узе паши хата изъ синџира,
Пакъ отиде юнакъ узъ планину,
Собомъ води Хайкуну ђевойку,
И два сына паше мучителя,
Здраво Рако на дворове дође,
У найперву дубоку пећину,
Како дође и написе вина,
Пакъ є паши кньигу написао,

Овако му Харамбаша пише:
„Новый тасту пашо одъ Травника!
Дошаосамъ на дворове здраво,
И твоіомсе ћерцомъ оженіо,
Два ти луда сына заробіо,
Но акоћешъ новый пріятелю,
Да у любавъ посад' преживимо;
И ак' желишъ видѣти сынове,
Пушти мене браћу изъ тавнице,
Милу браћу тридесетъ хайдукахъ,
Подай ньима тридестъ чжефердарахъ,
Толик' чивтахъ маліехъ пушакахъ,
Па имъ плати люту остойбину,
А дангубу у твоіой тавницы,
Іошъ хайдукахъ мени харамбаши,
Пошльи пашо тры товара блага,
Нека знаде я до кога дођемъ,
Да є за мномъ Када везирова.
Што є иска све му паша посла',
А онъ паши два єднака сына,
Кад' хайдуцы харамбашу нађу
Са Кадуномъ на свое дворове,
Свакъ по єдну себи добавише,
Онђе одма буле покрстише,
Свакій своіой по име нађеде,
Радоица нѣговойзи Яне,
Ткосе роди одъ ньина порода,
Нек'се учи терпѣт' ка' Радоє,
И мукама дасе непредає;
Па съ кадуномъ породъ изродіо,
Дійванъ породъ, да дивніег' ніе,
Породіо старыну Новака,
И нѣгова брата Радивоя,
Док' су были юнаштво чинѣли.

И браду му у руке зграбіо,
Па на хата прозъ Диванъ фриснуо;
Но кадасе юнакъ пробудіо,
У то му є татаръ долетіо,
Да Стамболцы у Яцъ дођоше,
Тек' то зачу витезъ са миндера
Натовари робу и комору
И прекаса у землю Нѣмачку;
„Нека знаде Махмуте Емире!
Какосе є бити съ Усеиномъ!"
Ал' некс' прође одъ нѣгове стране,
У коюсе юнакъ утвердіо —?
Ка' на ћабу хочжа и хачжія,
И ка Марковъ топузъ у облаке;
Али мусе ніе ни рутати,
Одъ Шкодре є изгледъ уграбіо —
Те і' толико чудо поградіо.

Кукавица уловила зеца,
Было іой є до Божића меса,
А на Божићъ кости оглодала,
Како єдна, тако и послѣдна —.

57.

Вотъ выгода!

Одъ како є крава поцернѣла
И у лѣто почеласе штркат'
Ніе жаба преварила лаба
Што Хусеинъ цара несредиѣга,
Мыслима му землю поплѣніо,
А сновима Стамболъ изгоріо,

58.

Ево
Што бы найрадіе мой дѣдъ Срданъ пѣвао:
Завоеванѣ Крима.

Потресесе земля одъ истока,
Одъ истока те до Московіе,
Сину муня преко Московіе,
Громъ удари у врь Крма града,
У џамію цара Татарана;
Разбіо му Алемъ на џаміи,
Іошъ му здроби чардакъ одъ билюра,
И уби му два близанца сына:
То Татаромъ обилѣжѣ прво,
Што хараю на вѣры Москове,
Пліенъ гоне, ньи за робѣ воде,
Разбіяю крсте и олтаре,
До мрве имъ одніеше благо,
Рищћанске имъ похараше церкве,
Майке старе коньма погазише,
Ситну дѣцу у огань бацаше.

То трајало кућно годиница,
Докъ Московма града додіяла,
Они оду госпои царицы,
Предъ ньоме су на землю панули:
„О царице, наша мила майко!
Мила майко, и сунашце жарко!
Мы ни по што живѣт' неморемо
Одъ Татара рода невѣрнога,
Вет' насъ брани наша мила майко!"
Кад' є чула то царица млада
Уставшисе Богу помолила:
„Благій Боже у помоћи буди
Моіой хазни, и моіой џебхани,
И моіем' одъ боя топовомъ!"
Па скупила войске тры табора,
Сакупила, пакъ є даривала;
Чаушима балте оковане,
А чистіемъ златомъ облѣвене,
Нек' іой диче, и весеље войску;
Баряктаромъ бойна копя дала,
И на копля свилене баряке,
На баряке частне крсте моћне,
А подъ крсте двоеглаве орле.
Кад' игъ тако царски опремила,
Свасе войска госпи поклонила,
Преклонила до земльице црне:
„Остай съ Богомъ наша мила майко,
Наша майко и свѣтило ярко!"
„Пођте зъ Богомъ драгіи мои сынцы,
Дай вамъ Боже Хазакъ освоити,
Око нѣга Турке придобити!"
Кадай ли су до Хазака дошли,
Више града тры біела дана,
Ништа клетомъ учинит' немогли;
Већ'се они дилѣ одмакоше,
И поболѣ топе закопаше,
Добра имъ є срећа прискочила,
Мало іоште били су Хазака,
Мало врійме тры біела дана,
Брзо имсе поклоніо граде:
Кад' су видли одъ Хазака Турцы,
Да немогу одбранитсе живы,
Одъ Москова еманъ заискаше:
„Аманъ, Еманъ, Московы юнацы!
Мы ветъ съ вама рати неимамо,
Сва вамъ буди земля Татарія,
Проћићемо испод вашегъ мача,
Остав'те намъ на рамен'ма главе,
Сви видимо да є воля божя,
Каурскойсе мышцы поклонити."

Примѣч. Ову и слѣдећу даворію узимамъ изъ мое у 1826мъ годишту овди те іонайпріе штампане кньиге „Неколике пѣснице" и у ово ій собраніе прилагамъ, што су чисто народнѣ, како и ове друге, премда у Г. Б. Библіотекара и Сербскіе пѣсана повучки критиканта іошъ ніесу легитимирано народске, како истимъ и самимъ ньимъ, те и найнайпрвимъ ньимъ а єдинцато-самцате Караџићеве....па Сербске што су леђитимиране, и заръ и слієпцима Сербским' чакъ надиктиране истимъ —.

59.

Моба Копчићеба.

(Одъ покойне ми майке.)

Мобу купи Копчића ћехая,
Єто косаца, двѣста купіоца,
Пакъ є ньима тако бесѣдіо:
„Ко у ютру по сунашцу дође,
Удрићу му триста дегенека,
Метнућу га на дно у тавницу,
Пуштати га изъ тавнице нећу
Докъ недође Бег-Мурате съ войске.
А дођ' неће за седамъ година!"
Свасе моба тешко поплашила,
Пакъ у ютру рано уранила,
Ал'се Томићъ Міятъ одоцніо,
Пакъ онъ юнак по сунашцу иде,
О рамену дугу пушку носи;
А у руцы косу и брусало.
Нѣму вели Копчића ћехая:
„Знашъ Міяте што самъ говоріо,
Вѣра моя, учинити хоћу!
Удрићу ти триста дегенека,

Метнућу те на дно у тавницу,
Пустит' нећу докъ Мурат-бегъ дође,
А дођ' неће за седамъ година."
Кад' то зачу Томићу Міяте,
Баци косу у зелену траву,
Пакъ омаче у гору пространу,
Одметиусе юнакъ у хайдуке.
Посѣдіо у горы зеленной
Докъ э сабро неколико друга;
Намѣра га прва намѣрила,
На біеле Копчићево стадо,
Пакъ онъ фата Ала чобанина,
Пропита га ђе му спава госпа,
Гдѣ ли спава, гди ли вечерава.
„Госпа спава на найвишной кули,
Онди спава, онди вечерава;
Око куле камена авлія,
На авліи демирли капія,
На капіи дванаесть делія,
Све имъ шаре о рамених' пушке,
Те чувајо одъ Міята госпу."
Ал' му вели Томићу Міяте:
„Я самъ главомъ Міятъ харамбаша!
Већ' ты къ двору рано яви овце,
Па закольи овна прекоднога,
А набави вина црвенога,
Те ми опой дванаесть делія,
Да похарамъ кулу Копчићеву;
А што пуста блага добіемо,
На поле ћу съ тобомъ діелити."
То є Але нѣга послушао,
Рано яви блечне овце двору,
Па заклао брава прекоднога,
Набавіо вина и ракіе,
Све деліе на вечеру зазво;
Опинесе дванаесть делія,
Пакъ поспаше како и поклани;
Када ли э полуноћи было,
А то иде Томићу Міяте,
Су дванаесть нѣговіе друга;
Па када су близу двора были,
Процвилю Томићу Міяте,
Процвиліо како робиньица:
„Ово ли су Мурат-бега дворы,
Овди ли ћу віекъ вѣковати?
Овђе ли ћу кости оставити?!"...

Нѣга тѣши Малый Радоица:
„Муч' нецвили танахна робиня!
У двору є госпоица добра,
Она ће те свачем' научити,
Танко прести, и лиепо везти,
Хитро ткати, ситно пирлитати,
И господске читме расплетати."
У томъ плачу подъ біеле дворе.
То зачула на чардаку госпа,
Пакъ дозивѣ Кумрію робиню,
„О Кумріо, лагахна робинѣ!
Ид' отвори одъ авліе врата,
Ет' отуда съ войске Мурат-бега,
И за ньиме много цвили робѣ."
Ньойзи вели Кумрица робинѣ:
„Нећу богъ ме, моя госпоице,
По акшаму отварати врата,
Ясе боимъ какве пріеваре,
Нека Бего у ахару спава
Єдну ноћцу, до сатрашнѣг' данка."
Разсрдисе и поскочи госпа,
Пакъ удара Кумрію робиню,
Удара є рукомъ по образу:
„Курво, кучко, Кумріе робинѣ,
Што бы Боже у ахару спаво,
Кодъ своіе двора біеліе?!"
Како ли є лахко ударила,
Седамъ іой є зуба номѣрила;
Паксе стрча низъ біелу кулу,
Отворила одъ авліе врата,
Докленъ лисе у часъ обаврела,
Ал' авлія пуна харамія,
Засялácе мермерли авлія,
Одъ юначкй тока и пушака.
Бѣжи худна увъ высоку кулу,
А за ньоме Томићу Міяте,
За десну є уфатіо руку:
„Стани Кадо, ніеси утекла!
Већ' ми казуй Копчићево благо."
„А ђе му є? Остало му пусто?
Тры сепета єданъ до другога,
Тры сепета, сватры подъ катанцемъ,
У бегиной шичаной одаи;
Онди высы Диван-Кабаница,
У чем' Бего предъ цара излази;
На ньойзи су тридесеть путаца,

Свако пуце по тридесть дуката."
Право иде Томићу Міяте,
Те разбія шичану одаю;
Покупише свеколико благо,
И бегину Диван-Кабаницу,
Сила снесла, сила и понесла.
То Міяту іоште мало было,
Већ'се маша госпи подъ грроце,
Те іой снима ђерданъ одъ бисера,
И са руку златне билензуке,
А изъ коса̂ бисерли сачбаге,
Іошъ са главе дибанъ и истифанъ —.
Съ тимъ отиде у гору зелену,
Пакъ є шићаръ стао діелити;
Скерлетъ чоху дибу и кадифу,
Недіеле лактомъ ни аршиномъ,
Вете мѣре одъ еле до еле;
Кад' ли сташе благо діелити,
Недіеле г' броємъ ни хесапомъ,
Вет' Міяте своіемъ калпакомъ.
Али госпа ситну књигу пише,
Теръ ѥ шалѣ у гору зелену,
А на руке Міятъ харамбаши:
"Богомъ брате Томићу Міяте!
Пошльи мени ђерданъ и истифанъ,
И на руке златне билензуке,
А у косе бисерли сачбаге,
Єръ кадъ дома Бег-Мурате дође,
Неће рећи да си ме харао,
Нег' ће рећи, да си ме любіо."
Міятъ Кади лійно одговора:
"Посло быгъ ти ђерданъ и истифанъ,
И на руке златне билензуке,
Іошъ у косе бисерли сачбаге,
Ал' ми ніе то на діелъ дошло,
Већ' моему сестрићу Маринку;
Дѣвойку ѣ запросіо дивну,
А у Рысну граду біеломе,
Хоће ньойзи да пошлѣ дарове:
Неда ти ихъ безъ големи̂ яда̂ —."

60.

Санъ на Божићъ

(Алигорія, т. е. примѣна.)

Нокасъ у сну пођемъ у мѣсецъ, и почнемъ по нѣму ходити; када дођемъ на едно мѣсто поизвышено, ђе бѣше едно славно строеніе, предъ коіемъ сѣђаше еданъ старацъ, назовемъ му, помоз' Богъ, и онъ ми одговори, добра ти срећа, сыне! Весело и пріятно лице тога старца позове ме и сѣднемъ кодъ нѣга; и одма како сѣднемъ станемъ га питати, строеніе предъ кимъ сѣдимо, чіе є, и тко у нѣму живи. Одговори ми: "Ово є строеніе обште, свіехъ свѣтовахъ, и у нѣму живу двіе ствары, т. е. правда и кривда." Замолимъ га, да пођемо, ако є могуће, да улѣземо у двору томъ, онъ ми рече: "Драговолько, Сыне!" Отленсе кренемо и пођемо къ двору, кадъ до стіенахъ дођемо нѣговіехъ, погледамъ али на нѣму ніе више до двое вратахъ; една велика, и сваколика златомъ извезена, и различніема боями, коесе немогаху одъ дике гледат'; друга мала и тіесна тако, да една чоекъ могаше посагнутъ ньима улѣсть. Упита ме онъ: "ђеси воліи при'ђе да улѣземо?" Я му одговоримъ: "Овамо къ овіема златніема!" А онъ ме уфати за руку, и поляко повикне: "Не, сыне, не тамо! то є обиталиште кривде! Но хайд'мо садъ на ова, те су ужа." Отидемо, и оніема ускіема една у дворъ улѣземо, а кадъ у дворъ улѣгосмо, отвори нисе една превелика соба, коеÉе ужасна величина немогаше очима прегледат', на среду кое̂ бѣше посађенъ прекрасно направлѣнный престолъ одъ слонове кости, на коему престолу сѣђаше прекрасно обучена дѣвойка, у царскіема хальинама, коіой бѣше на гла-

ву круна, сва изрезана одъ єдногъ драгога камена, на коюбѢху ове ріечи написате: „Мой є престолъ изагнатъ са землѢ, али іопетъ вѢчно остаемъ правда правдомъ! Я есамъ правда, и сви на ме кои мрзе и вичу, вѢчность ће ихъ наказати. „Ова велика и безсмертна царица држаше у рукама вѢси (или ти, мѢрило) кое небѢху ни на єдной страни нагнуте, него равно стояху. Када то све видимо, онда ме истій старацъ уфати за руку, и изведе ме изъ оне ужасне и чудокрасне палате высоке царице, и збори ми:“ Хайде сада, сыне, да пођемо у онай дворъ, на коему єсу она великолѢпна врата. „Я пођемъ за ньимъ, и улѢземо оніема великолѢпніема вратима, када у нутра погледамъ, али ето гомила различитіехъ людихъ. Упитамъ старца, коису ово, и онъ ми одговори:“ Ово су разбойницы, злочинцы, похитительи и разорительи сиротиньскіи, и найвишіи крвопіе людскіи.“ Ту гомилу людихъ прођемо, па дођемо у єдну собицу, али ето престолъ, на коему сѢди єдна жена пристара, коіойзи небѢше круне на глави, него іой стояше подъ ногама; и она у рукама држаше вѢси, коизи стояху на криво, за то што у єданъ небѢше ништа, а у єдному бѢше єдна аспра, као цекинъ млетачкій. Отоленсе другіемъ краемъ куће вратимо и нађемо у обору мложество сиротахъ, кое плакаху, яукаху и біяхусе рукама у прси. Упитамо ихъ: „што ви є тако неволя, тер' сте толико плачемъ и жалосћу раздражене?“ Онесе стану жалит' и различне неправде приказиват', и кривосуђа, коясу учинѢна противу ньихъ у истоме двору, ђесе налазаху. Али сада већ' старацъ разяренный толикомъ жалосћу повика:

„Ей неправдо, да те већ' небуде!
Но дай Боже правду међу люде.“
НѢговъ ме гласъ иза сна пробуди, устанемъ и ово напишемъ.

---

61. *

Нова Церногорска пѣсна
О бою съ Низамомъ у Мартиниће
22а/11 Април. 1832а године.

Санакъ снила млада попадія,
Вашъ сокола попа Радовића,
Изъ краичног' села Мартинића,
Санъ саснила: „На равно Штитово
Ђе се облакъ подигнуо густый
Одъ крвава Скадра царевога;
Иде облакъ преко Малесіе,
И Зеттесе землѢ дофатіо,
Зетту мину и нѢ Подгорицу,
Докленъ Спужу на краину дође;
Отлеђъ пође селу Мартинићу,
Ту на село облакъ починуо,
Сташе мунѢ изъ нѢг' сіевати,
И грмѢти планинскіи громови,
ДонѢ село мунѢ изгорѢше,
А на горнѢ чавке попадаше,
Мене браћо очи извадише,
И моіемъ осмерим' снахама,
Моим' снахам и моим' Ђтрвамъ;
Него вѢтаръ ка' и огань пухну
Одъ горнѢга села и одъ цркве,
Те изъ нѢга чавке подигнуо,
У густый ихъ облакъ угоніо,
Сагнас' облакъ до средъ поля равна;
У то другій пухну одъ Жупине,
Трећій вѢтаръ одъ воде Слатине,
Те займише магну преко Спужа.“
Кад' ђеверы снаху разумѢше,
Одъ Спужа су войску опазили,
Турску войску, Намик-паша главомъ,
Са своіемъ Ћеха-бегомъ сыномъ;
Одма танке пушке изтурише,

Како трава расте на завойке,
Вашъ ко' дойке у добре дѣвойке;
Непоничу тры добра юнака,
Едно бѣше пашо Видаићу,
А друго є бегъ филиповићу,
До нѣга є Новин' капетане,
Одъ Новійна града біелога,
Ни поничу ни у землю гледе,
Нег' међ очи црне капетана,
На лонци су нѣму говорили:
„Вусеине листомъ Босни глава!
А тако нам' дина и имана,
И Турскога поста рамазана,
Мы неће́мо подійћ' подъ низама,
Докъ є нама на рамену глава!"
Кад' Вусеинъ рѣчи разумѣо,
Онъ одъ землѣ на ноге скочіо,
Руке шири, у лице ій люби,
Међу очи, гдис' юнацы любе:
„Ай Аферимъ соколова крила!"
Тад' могаше уфатит' везира,
Но код' нѣга быяше муртатаа....
Везиру су хаберъ учинили,
Онъ побѣже ка Новоме Стоцу,
Шъ ньиме бѣжи деветъ капетанаа,
Браћо славна! Сва Херцеговина.
Ал' да видицъ Вусейн'-капетана!
Два Пашића сургунъ учиніо,
И бѣле имъ дворе разоріо,
Па є четры кньиге накитіо,
На четиры стране разтуріо,
Одъ Мостара до Нова Пазара,
Неоставя баше ни сердара,
И никака главна капетана;
У Краини гласъ на Алайбега,
И на свакоґ' кршна краишника,
Докъ заигра Сехратъ и Краина,
Па є мало кньиге накитіо,
Къ Сребрницы кньигу оправіо,
На колѣно Гази-Мемиш-Аги:
„Мемиш-аго, Сехратліо стара!
Ты опреми себе и ђогина,
И Бећира твога барякtара,
И поави Сехратъ и краину,
Айде Аго къ Новоме Пазару,
Ен-иншалла, аллахусе надамъ,
На Косову да сретемъ низама."
А кад' къ нѣму така кньига дође,
И кад' виђе шта му кньига каже,
Колико му врло мила была,
На живоме заиграло тѣло,
Па Бећира зове барякtара:
„О Бећиру драгій барякtару!
Ты опреми себе и Зекана,
Я ћу спремит' себе и Ђогата,
Ты дофати барякъ съ чивилука,
Пободи га на лонцу зелену,
А изтури пушке абердаре,
Нек'се купи сехратъ и краина,
Еръ хоћемо пута путовати,
До ліепа Новога Пазара,
На Косову сретнути низама."
Хитро слуга ріечъ разуміо,
Съ чивилука барякъ дофатіо,
Пободе га на лонцу зелену,
Пакъ избаци пушке хабердале,
Аберъ даде сехратъ и краини;
Мало врѣме было постануло,
Ал' етоти сехратъ и краине,
Ал'се равно полѣ замаглило,
А изъ магле зрака ударила,
Све о токаа и одъ челенакаа,
Отидоше пута путовати,
Изкочише друму Пазарскоме,
Сусрете га Скадарска ћехая,
И Ђул'-ага шехеръ Сараева,
Шъ ньиме войске дванаесъ хиляда,
Отидоше кодъ Нова Пазара,
На ливаде чадоре попели,
Подъ чадорим' конакъ учинили,
А око ньи Сехратъ и краина.
Іошъ да чуйте, браћо моя славна,
Време стаде за недѣлю данаа,
Ал' одпоче сехратъ прилазити,
По имену главны капетани,
Првоґ' брате капетана кажу
По имену Дервен-капетана,
Ђе онъ ходи и краину води,
Вію мусе зелени барацы,
Ко' по небу магле и облацы;
Докъ Дервента дође до Пазара,
А то за ньим' капетана кажу,

По имену Маглай-капетана,
За Маглаіомъ Тешань-капетане,
Па капетанъ одъ Гламоча града,
А за ньиме Крупа капетане,
Па іошъ кажу добра капетана,
Одъ онога Яйца бѣлога,
По имену Мустай капетане,
Іошъ за ньиме капетана фале
Одъ ліепе Шехеръ Байне-Луке,
По имену Мурат'-капетана,
А за ньиме паша Видаиђу
Одъ Зворника града нѣговога.
Опет' кажу Новин'-капетана
Одъ Новійна града краишнога,
Па ето ти змая огнѣнoга
По имену Тузле капетана!
За ньиме су два Beћировића,
Оба веле да су капетана,
И за ньима Климма капетане,
Люди кажу, да є Климма шала,
Ал' є Климма листомъ Босни глава;
Іошъ за ньима капетана фалу
Одъ Пећине на краину люте,
По имену Даут'-капетана,
Па казую Бега Осман-бега
Одъ Мостара града бѣлога.
Кад'се збука сехратъ и краина
Код' шехера Новога Пазара,
Ста вріеме за неђелю данаа,
Ал' ето ти Вусейн'-капетана,
Шњ ньимъ казаше деветъ капетанаа,
Іошъ десетог' Козлу капетана,
Нѣга жешћег' у свой Босни нейма;
Ал' да видишъ Вусейн' капетана!
На конаку лонцу покупіо,
Џематиле дову изучіо,
Еданъ другом' божю вѣру даю,
На Косову да узмака нейма.
Отле добре конѣ пояхали,
Отидоше съ Богомъ путуюћи,
Пѣваюћи конѣ играюћи,
Гласовите пушке тураюћи,
Тад' са града пукоше топови,
И кренусе Вусейн'-капетане,
Докъ пріеђе Рогозну планину,
А до Ваньске и Звечана града,
Ту капетанъ гради конакъ првый;
Отале су рано подранили
Ка Ипеку преко Дукађина,
На Ваньи су чженякъ зађенули,
И осамнестъ главаа задобили,
А дванаестъ своій оставили,
Пакъ подъ Пећи конакъ учинили,
Ту стаяли тры біела данка,
Ал' да видишъ паше Видаића,
Често паша подъ чадоръ иђаше,
Подъ чадора Вусейн'-капетана,
Те онъ піе кахве и духана,
Вусеину паша проговара,:
„Ходи друже да имъ ударимо!
Но да чуешъ Вусейн'-капетана,
Изъ чадора паши одговара:
„Царска руко, паша Фидаићу!
Да ми нашу негубимо войску,
Едда Ипекъ на аманъ узмемо.“
Па у ріечъ што су говорили,
Ето ньима ситна кньига дође,
Одъ Разака паше Пећанина,
Да имъ неће изић' на амана,
Но ій бити са града топовма.
А да видишъ Вусейн'-капетана!
У ордію попушти телала:
„Краишницы мои соколови!
Отворте ми образъ на мейдану,
Вамъ ће Аллахъ на божѣмъ дивану.“
Тада добре конѣ пояхаше,
На метеризъ юришъ учинише,
Метериза брзо погазише,
Млого своій главаа оставише,
Али одма и Пећъ приватише,
И силенный шићаръ задобише;
Па и отле конѣ пояхаше,
Отидоше низъ Дреницу равну,
На высоку каменну ћупрію,
Докъ ордія воду претурила,
А искочи у полѣ Косова,
У Приштини конакъ учинили,
Тако стали неколика дана;
Изабрасе триста сехратліа,
А по изборъ коньи и юнацы,
Све ком' ніе жао умріети,
На Косову мейданъ задобити.

Отидоше скитат' по Косову,
Свуда скитат' за низама питат'."
Добра ій є срећа натурила
Код' Липляна села питомога
Ту нађоше царева низама,
На Косову хендекъ истуріо,
А на хендекъ топа намѣстіо,
Паксе брани по Косову ньиме,
Ал' да видишъ Аге Мемиш-аге,
Свог' є друга єдног' оправіо,
Вусеину хаберъ учиніо,
А у сабахъ ценякъ затуріо;
Но Богъ уби пашу Приаренскога,
Те є цару хиллу учиніо,
На низама пушку окреніо,
Докъ сатрше на полю низама,
Узеше му топе и чжебану
За захиру ни говора нейма,
И узеше хазну и чадоре.
Кад' то зачу Мухур-Сахибія
У Ушћупу граду біеломе,
Па є ситну кньигу накитіо,
У Косово кньигу оправіо,
А на руку Вусейи'-капетану:
„Вусеине царевъ Мургатине!
Ласно ти є хилломъ бити боя,
Но ти мувле до првог' Чжумаха
Ето мене на Косово равно,
Са моие сто хилядаа войске,
На Косову мейданъ раздвоити."
Кад' Вусейну гласъ и кньига дође,
Те онъ виђе што му кньига прійча,
Одъ стра су му заиграле руке,
Паде кньига у зелену траву;
Брже конѣ добре пояхаше
Царску силу чекати несмѣше,
Но срамотно бѣже про Косова,
Бошнякъ оде у Босну поносну.
Тако стаде два мѣсеца данаа,
Па да видишъ цара честитога!
Царъ опрема шесетъ хиляд' войске,
И предъ ньима четиры везира,
Нека бію на Бояни града,
Хитро войска на Скадаръ изађе,
Тако ньима Богъ и срећа дала,
Брзо щехеръ Скадра прифатили,
И везира у градъ заклопили,
Па га бію топомъ и гудбаромъ,
Безъ времена тры недѣлѣ данаа,
Одъ дуара неодбія вара,
А некмоли да му знадне врата.
Кад' є было о светоме Луки
Зађелесе тры магле облака,
Састашесе више Скадра града,
Вѣтаръ пухну а сіевну муня,
Одъ облака тресъ є ударіо,
Те разбіо на Бояни града,
Што градила сила Бушатлійна,
Са нѣгово петъ хиляд' майстораа,
За времена шездесетъ годинаа.
Ту везира сила уфатила
Са нѣгова до два мила сына,
Хазне кажу хиляду товараа
Оправише цару на Дивану,
Хазну прати Мустафа везире,
Онъ и хазна цару на пешкеша,
Предъ џамію на Халем-муае,
Ђес' везирске истураю главе;
Ал' Вусейне царевъ Муртатине,
У зо' часъ си землю замутіо,
А у горій Косово разбіо,
Ако Богъ да, и царева рука
И твою ће Стамболъ виђет' главу,
Самъ ћешъ му є однест' на кобили,
Све што было, тосе и виђело.

Примѣч: Ова ми є пѣсна преписана одъ Павла Чурла Патріаровића, у савршенноме возрасту ослієпившега;, онъ є праунукъ предпослѣднѣга Патріарха Сербско-Пећскога Арсенія Чурла, и бы ће му имало до четересъ годійнаа, кад' є ово пѣвао, а и собомъ є спѣвао. Родомъ є одъ Новога Пазара, дакле Рассійньскій Сербинъ, та како што є и Обиліћъ бые —.

63.

Послѣдцы Юнаштва.

(Одъ истога слѣепца Павла Чурле.)

У хиляду и осме стотине
А петога лѣта одъ девете
Кад' Крушевацъ Србы освоише
Свасе Турска земля узколеба,
Сташе Турцы ситне кньиге писат';
„Ко ихъ пише? коме ли ихъ пише?“
Кньиге пише паша Шашит-паша
Те є шилѣ Скадру на Бояну,
А на руку везир'-Ибрахиму:
„Ахъ мой брате везир'-Ибрахиме!
Ал' нечуешъ, ал' нехаешъ за не,
Ђаури ни землю бастисаше,
Паланке намъ редомъ одузеше,
А џаміе баталъ учинише,
Ђе кланяху хочже и хачжіе,
И остале ћитап-сахибіе;
Луду нашу дѣцу изробише,
Изробише пакъ ихъ изкрстише,
А хануме резилъ учинише,
Скидоше имъ са главе хавліе,
И са плећаа зелене феречже,
Исподъ грла злаћене ђердане,
На кима су синчжирли дукати,
Што господски у харем' сѣђаху,
На душеку и свилен'-миндеру,
Сад' све иду босе по снѣгови
Кад' имъ нейма вакта ни хадета,
То є зазоръ цару честитоме,
Акамоли цареву везиру.“
Кньигу чита Ибрахимъ везире,
Ону виђе другу одписуе:
„Шашит-паша на краини крило!
Држ'се мало неупусти града
До честита дана ђурђева дна,
Доксе гора пріођене листомъ,
Чарна земля травомъ и цвіетомъ
Докъ приспіе ягнѣ за закланѣ,
И докъ хати на чаиръ изађу,
Я ћу силну сакупити войску,
Па ћу доћи Нишу біеломе,
Ударићу на землю Србію,
Паланке ћу све іой одузети,
Докъ изађемъ на Ђупрію равну,
Ту ћу везиръ таборъ учинити,
И распети біеле чадоре,
У вилаетъ разтурити войску,
Пороби ћу мало и велико,
Изгорѣћу огнѣмъ свеколико,
Све ћу женско робит' и турчити,
А све мушко подъ саблю метнути,
Войводе ћу Србске пофатати,
На колѣ ихъ живе ударати,
Уфатићу тога господара
Каурскога, Петровића Ђорђа,
Кожу ћу му съ живог' одріети.“
Ма нерече Турчинъ, акобогда,
Већсе Турчинъ у силу уздаше,
А сила є у Бога вишнѣга,
Кои нѣму ни помоћи неће —.
Сѣде везиръ ситне кньиге писат',
Онъ ее шилѣ біелу Топтану,
А на руке Бегу одъ Топтана:
„Чуешъ ли ме одъ Топтана Бего!
Съ Каурномъ извадисмо кавгу,
Но сабери єдну силну войску,
Айде шъ ньоме Скадру на Бояну.“
Другу шалѣ біелу Каваю,
Свом' сестрићу Бегу одъ Кавая:
„Съ Кауриномъ заметнусмо кавгу,
Но сабери єдну силну войску,
Хайд ми шъ ньоме Скадру на Бояну.“
Трећу везиръ ситну кньигу пише,
Те є шалѣ у Дибрію равну,
А на руке младом' Халил-паши:
„О чу ли ме Халил-пашо младый!
Съ кауриномъ извадисмо кавгу,
Но сабери твою люту Тоску,
Айде шъ ньоме на Мораву-бичу,
Чекай мене пашо на Морави.“
И ту посла па четврту пише,
Те є шилѣ біелу Гусиню,
А на руке Ђул-бегу староме:
„Ахъ мой шура, Ђулбегъ одъ Гусина!
Съ кауриномъ отворисмо кавгу,
Но сабери твою силну войску,
Све горштаке безумне юнаке,
Айде шъ ньима стойноме Призрену,

Чекай мене Бего у Призрена."
Ону посла пету кньигу пише,
И ню шалѢ Пеħи на краину,
А на руке паши Раман-паши:
„Пріятелю пашо Раман-пашо!
Съ кауриномъ изведосмо кавгу,
Но сабери єдну силну войску,
А предъ войску два моя сестриħа,
По имену Бега Дервиш-бега,
И нѢгова брата Нетен-бега,
Кога болѢг' у Турака нейма,
Айде съ войскомъ біелу Призрену,
Чекай мене пашо у Призрена."
Ону посла другу написуе,
Те є шилѢ шехер' Ђаковицы,
Ђаковицы Арнаут-пазару,
А на руке паши-Мустай-паши:
„Чуешъ ли ме пашо Мустай-пашо!
Съ кауриномъ заметнусмо кавгу
Но сабери єдну силну войску,
Айде шъ ньоме біелу Призрену."
Шесту посла седму кньигу пише,
Те є шилѢ біелу Призрену,
А на руке паши Сахит-паши:
„О мой зете пашо Сахит-пашо!
Съ кауриномъ отворисмо кавгу,
Но сабери єдну силну войску
По Призрену и око Призрена,
А готови конакъ и вечеру,
Чекай мене пашо на дворове."
Ону посла, па іошъ єдну пише,
Те ȇ шалѢ біелой Приштини,
А на руке паши Малиħ-паши;
„О Малиħу царевый везире!
Съ кауриномъ завргосмо кавгу,
Но дай збери єдну силну войску,
Хайде шъ ньоме у Липляне равне,
Ту готови конакъ и вечеру,
Ето ти ме дасе састанемо."
И ту посла па девету пише,
ШалѢ кньигу Враню на Мораву,
А на руке паши Мехмед-паши:
„Чуешъ мене Враняліа пашо!
Съ кауриномъ ево нама кавга,
Но сабери єдну добру войску,
Айде шъ ньоме на ту Бич-Мораву,
Чекай мене пашо у ордіи."
И ту посла и другу написа
Ню ми шалѢ біелу Кратову,
На Хазара царева веħійла:
„О Хазаре царевый веħійле!
Съ кауриномъ сад' имамо кавгу,
Веħ' ты скупи твою силну войску
Пакъ є дижи на Мораву-бичу."
Ону шалѢ, іоште єдну пише,
Те ȇ спреми біелу Видину,
А на руке паши Пазванчжиħу:
„Чуешъ ли ме Османъ Пазванчжіо!
Кавгу тражишъ, кавга за те пита,
Ев' каура ево и мейдана,
Но сабери твою силну войску
А узъ войску храну и чжебану,
И топове што ломе градове,
И кумбаре што пале градове,
Айде съ войскомъ на ту Бич-Мораву."
Ону посла дванаесту пише,
Те ȇ шалѢ Карафейзи младом,:
„Ай чу ли ме младый Карафейзо!
Съ каурима извадисмо кавгу,
Ты покупи твое крџаліе,
Да идемо стойну Београду,
Да видимо побратима твога,
Побра твога пріятеля мога,
По имену Халійла Гушанца."
А кад' кньиге землѢ пріеħоше,
Поглаваре дома находише,
Кньигу гледа беже одъ Топтана,
Кад' ее виħе што му кньига пише,
Пакъ онъ сабра єдну силну войску,
Шъ ньоме оде Скадру на Бояну;
Гледа кньигу Бего одъ Кавая,
Кад' видіо што му кньига каже,
И онъ сабра силновиту войску,
Оде шъ ньоме Скадру на Бояну;
Гледа кньигу Халил-паша младый
Люту Тоску онъ собира войску,
Оде съ войскомъ на Мораву-бичу.
Гледа кньигу паша Раман-паша,
А кад' виħе шта му кньига каже,
Стаде паша свою купит' войску
Одъ СѢнице и одъ Дмитровице,
Онъ искупи краину Ипека,

Диже Руплѣ и Подгорѣ равно,
И Ругову виш' Пеħи питоме,
А кад' паша искупіо войску,
Два су предъ ньомъ сестриħа везирска;
Кньигу гледа Беже одъ Гусиня,
Па брж' стаде сабирати войску,
Те окупи Плаво и Гусинѣ,
Вутумъ Бихоръ и Біело-полѣ,
До Рожая и Пештере равне,
И до чиста поля Суходола,
И Брђане безумне юнаке,
Оде съ войскомъ біелу Призрену;
Гледа кньиге паша Мустай-паша,
И онъ уста сабирати войску,
Ђаковицу Арнаут-пазара,
Све одъ Хаче и одъ Ораовца,
Іошъ онъ купи подгоръ Метоію,
Оде съ войскомъ біелу Призрену;
Сахит-паша учи ситну кньигу,
А кад виђе што му кньига пише,
Стаде паша войске сабирати
По Призрену и около нѣга
Изъ край Дрима люте Арнауте,
Докле сабро єдну силну войску,
Па готови конакъ и вечеру.
Кньигу гледа паша Малиħ-паша,
Па видіо што му кньига пише,
Стаде брже сабирати войску,
По Приштини и око Приштине,
Равно брдо и полѣ Косово,
И Янѣво и Бранѣво жупно,
Съ войскомъ оде у равне Липляне;
Гледа кньигу паша Мехмед-паша,
И онъ сабра єдну силну войску,
Оде съ войскомъ на Мораву-бичу,
Учи кньигу Хазаре веħиле,
А кад' сазна што му кньига вели,
Стаде витезъ окупляти войску,
По Кратову и око Кратова,
По Серезу и Велезу равну,
По Тетову и по Куманову
Све велике широке нахіе,
Съ войскомъ оде на Мораву-бичу.
Чита кньигу паша Пазванчжія,
Кньигу чита и сабира войску,
А узъ войску храну и чжебхану,
И топове што ломе градове
И кумбаре чим' пали градове,
Оде съ войском' на ту Бич-Мораву.
Свакій даде войску и захиру,
Карафейзо неда ни єднога,
Онъ ти за то ни хабера нейма;
Али везиръ ста купити войску,
Све спахіе одъ Уруменліе,
Одъ све Турске и Анадоліе,
И Латине покрай мора сланог',
Одъ Тирана и Дибрана града,
И одъ Лѣша и одъ града Драча,
Па одъ Бара и Вуцина бѣла,
Лѣшкопольце одъ краине бойце,
И одъ Спужа града крвавога,
И гиздаве шехеръ Подгорице,
Іошъ онъ диже Мирадиту люту,
А предъ ньоме Ђон-Маркова сына,
И осталу шъ ньиме Малисію,
Ал' немогу сваког' поминяти
Пріе бы ихъ війле изказале,
Него пѣвче узъ одвугле гусле.
Хей! кад' ли везиръ у Скадру біелу
Кад' онъ скупи таку силну войску
У Суботу на вече недѣлѣ;
Сутра данъ му захучало подне,
Па пукоше на Скадру топови.
Самсе везиръ одъ Скадра подиже,
Води войску біелу Призрену,
А кадъ везиръ у Призрена дође,
Сѣде съ войскомъ за петнаесъ данаа;
Па кад' му є подне заучило,
У Суботу на вече неђелѣ,
Са Призрена пукоше топови
Оталесе везиръ подигао,
Онъ отиде у Липляне равне,
И ту стану тры біела дана,
Доксе силна изчекала войска;
Паксе везиръ отал' подигао,
Докле дође Нишу біеломе,
Те ту сѣђе тры неђелѣ данаа,
Доксе силна сустигнула войска,
На тефтеръ є изброио войску,
Има войске стотину хилядаа,
Деветъ хиляд' млада сараора,

Сараора ядна бугарина,
Што имъ носи воду и захиру,
И што копа шанце и хендеке.
О шта земанъ, о тог' и вріеме,
На мунару заучало подне
У Суботу у очи неђелѢ,
Ал' пукоше са Ниша топови,
Оде везиръ, оде силна войска
На Сербію землю ударише,
Загонисе юнакъ за юнакомъ,
Ко ће Србску дограбити главу,
Дасе фали Турчинъ по дружини;
Тек' на друмсе посавила гуя,
Шарка гуя Петаръ изъ ДобринѢ,
Вусію є чудну зафатіо,
По имену тврда Делиграда
На Стамболском' царевоме друму;
Брже Србы плотунъ оборише,
Потресесе земля изъ темеля
Одъ Србскіе топов' и пушака,
На булюке разћераше Турке,
Іошъ догонес' єданъ до другога,
И падоше єданъ за другога
Юриши имъ ништа немогоше,
Паксе Турцы збиля измакоше,
Око шанца себе закопаше,
НамѢстише топе и кумбаре,
Сташе бити града Петровога,
Млогім момцы Петру изгибоше
И погибе Милованъ Бимбаша;
Ал'се Србы храбре и веселе,
Свираюсе свирке различите,
А играю игре свакояке,
Дасе небы забринула войска,
У сваког' є почадило лице
Одъ брзога праха и олова,
И кумбаре паше Пазванчжіе
И одъ топа цара честитога.
Ал'се Петаръ іошъ и болѢм' нада,
Ево нѢму помоћъ одъ Србіе,
Доста войске, а доста чжебане,
Главомъ дође Младене везире,
За Младеномъ Станое войвода,
До Станоя Вуица Хазаньче,
До Вуице Смедереваць Вуле,
Око Вула до два Оборкнеза
Темнићанинъ и Лѣвчанине
Кнеже Еѵто и кнеже Милое
Одъ юначког' мѢста и колѢна;
До кнезоваа до два капетана,
Едно Жикићъ, а друго є Симићъ,
Што служише Бечкога Ћесара
Съ Французима мейданъ діелили,
Па садъ браћи дошли у помоћи
И о Турке да крваве руке;
А међ' ньима Хаждая Стеване
КралѢвићски штоно піе вино,
КралѢвички што сіече сабльомъ
И кад' рукне громъ у Турке пукне
Страшнога є ока и погледа,
НѢму равна у ордіе нейма
У ордіи Турской и Каурской
Но пошета Петаръ одъ ДобринѢ,
По бедему шанца големога,
Да обиђе страже и хендеке,
Него пуче проклета кумбара,
Десну Петра обраннила руку,
Клону рука низъ чошну доламу,
Юнакъ бѢше Петре господаре,
Ни яуче нити онъ лелече,
Но посѢде ђогу големога,
Пакъ отиде Младену везиру;
Ту Младену Петаръ говоріо:
Што учини Младене везире?
За што пусти Срба подъ Турчина?
А тако ми Бога истиннога,
Ако шанца могъ узеше Турцы,
Хоћее узет' и твогъ Веограда,
Хоћее пріймит сву краину нашу."
Ту му Младенъ помоћъ учиніо
На измѢну до два Оборкнеза,
Све вођаю по триста момака,
Подпуняю шанца Петровога,
Све єднако за петнаесъ данаа,
Докъ є Петру преболѢла рука;
А кад' Петра преболѢла рука
Онъ отиде Младену везиру,
Тус' господа Србска састанула,
Међу собомъ совѢтъ учинила,
Сви одъ себе кньигу направише
Те ю шилю Сербском' Господару,
Младенъ зове Стеву Тувешчію

Одъ гиздаве варошъ Подгорице:
„Айде морре тамо низъ Мораву,
Ако теби Богъ и срећа даде
Те ты здраво дођешъ у Тополу,
Ту ћешъ наћи Србска господара,
Смѣрно ћешсе, Стево, поклонити,
И люби му руку и колѣно,
Немой шъ ньиме ништа бесѣдити,
Но му додай кньиге у наруче,
Све ће видѣт' што му кньига пише."
Ка то чуе Туфекчія Стево,
Онъ посѣда хата маменога,
Ударіо посредъ Турске войске,
Па обрну тамо низъ Мораву,
Низъ Мораву преко Шумадіе;
Тако нѣму Богъ и срећа дали,
У Тополу здраво доходіо,
И ту нађе Срба господара,
По имену Ђорђа Петровића,
Смѣрно мусе Стево поклоніо,
Люби нѣму руку и колѣно,
Додаде му кньиге у наруче,
Онъ є даде писару Стевану.
Кньигу гледа писаре Стеване,
Гледа кньигу а сузе пролѣва,
Нѣму вели одъ Тополе Ђорђе
„Казуй брже мой куме Стеване!
И пређе су кньиге доходиле,
Ал' ніесу быле жалостиве,
Што ты ронишъ сузе одъ образа?
Одкуда є мука и несрећа?"
Ал' му вели писаре Стеване:
„Неймашъ рашта питат' господаре!
Ова намъ є кньига допанула
Изъ крайне а одъ Делиграда,
Добриняцъ є у невольи тешкой
Турска га є сила обколила
Обколила па га узаптила,
Недае му душомъ одахнути,
Сва му Србска непомаже войска;
А тако ми Бога истиннога!
Ако нѣму Делиградъ узеше
Освоићее сву Србію Турцы."
Ал'се Ђорђе гротомъ насмеяо,
Па Стевану ріечъ бесѣдіо:
„Небой шисе мой куме Стеване!
Страшна куга и досад' є билла,
Али ніе свуда погађала,
Па што Богъ да и срећа одъ Бога,
Я ћу іоште скупит' Шумадію,
Шумадію страховиту войску,
Све хатліе и све токаліе
Кои носе циде на рамену,
Цидє су имъ обшивене вукомъ,
Да юнаку неомичу руке,
Разбићемо Турке и везире,
Акобогда и тог' Шкодру сада."
Пакъ є кньигу єдну направіо,
Те є шилѣ Петру одъ Добринѣ,
У кньизи га поздравя Ђорђіе:
„Држ'се мало, неупушти шанца!
Я ћу теби сад' на помоћъ доћи."
Пакъ єе даде Туфекчіи Єтеви:
„Най то теби Туфекчія Стево!
Ты єе носи управо Добриньцу."
Іош'се маши у чжепъ о доламе,
Те извади десетакъ дукатаа:
„Най то теби моя Подгорицо!
Тесе напій у мекани вина,
Па пояши добра хата свога,
Непочаси ни дневи ни ноћи."
Оде тамо Туфекчія Стево,
Уста Ђорђе сабирати войску,
Па кад' силну войску искупіо,
Оде шъ ньоме варош' Крагоевцу;
Богъ убіо Нагоркиню війлу,
Одъ Коньица высоке планине,
Те покличе танко гласовито,
Она зове везир' Ибрахима:
„Зло ти ютро везир' Серашћире!
Ес' ли чуо, кажу ли ти люди?
Еси л' чуо за Црног' Ђорђія?
Собомъ води листомъ Шумадію,
Собомъ носи огнѣне топове,
На войску є и владыка пошо
Леонтіе Митрополитъ Сербскій,
И онъ води Божѣ свештенике
Све попове и све калуђере,
Бога моле и дневи и ноћи
Да бы тебе ђегођъ удесили;
А тако ми никога до Бога!
Ако т' заста одъ Тополе Ђорђе,

Молићешсе, умолит' се нећешъ,
Бранићешсе одбранити нећешъ,
И бѣжаћешъ ал' утећи нећешъ."
Ка то зачу Ибрахим' везире,
Небило му мило николико,
Паксе бѣше люто препануо,
Но скоросе яду досѣтіо
Како бысе пріе избавіо;
Па кад' было ноћомъ у поноћи,
Турцы плотонъ велик' оборише,
Дасе Србы небы осѣтили,
Ђе побѣже везиръ безъ обзира;
Докъ утече Нишу біеломе
Ал' му войска млога изгинула,
А іошъ више раннѣника има,
Хртникъ Ђорђевъ ньи є пристигао,
Іошъ да смѣше чекати у Нишу,
Докъ имъ дође собомъ Карађорђе,
Не бы знали куд' быс' дієвали,
Ко съ Тичара поля Лозничкога
Исто лѣто мало пріе тога.
Боже драгій на свем' теби фала!
Да си стао, побро те гледао,
Кад' иђау на Србію Турцы
Како иду рады и весели,
Како л' иду изъ Србіе дома
Све жалосни ядни невесели,
Безъ ріечи, у землю гледаю,
Ко невѣста свое прво ютро;
Како сада, тако до віека,
Што каур'ма Турцы поумили,
То све дошло на ньихове главе,
А нек' правыи юнацысе славе.

64.

Паденіе Млетака.

(Одъ Ђура Милутиновића Црногорца са Грахова родомъ.)

Двіе сусе круне завадиле
Око круне Млетачкога Дужда,
Едно ми є одъ Беча Ћесаре,
А друго є Бонапарте кралѣ;
Кньигу пише главомъ Бонапарта,
Те ѥе шилѣ Бечкоме Ћесару:
„Чуешъ ли ме одъ Беча Ћесаре!
Ты ако ћешъ дасе несваћамо,
Остав' мени Млетке и Талію,
Ако ли ми оставити нећешъ,
Ево теби мою вѣру даемъ,
Хоћу дићи сву силну Францію,
На границе твое ударити,
Села палит' и пріймат' градове,
Докле дођемъ Бечу біеломе,
Узећу ти я безъ боя Беча,
У твой Диванъ конѣ уводити,
Одъ двора ти шниталѣ градити,
А нећу те ни на том' оставит',
Но те гонит' землѣомъ Ђерманіомъ,
Докъ ти дођемъ и до Прага златна,
Златног' ћу ти Прага освоити;
Пакъ отале обратити войску
Докле дођемъ до Милана твога,
Милана ћу освоити града,
Кад' освоимъ біела Милана,
Крозъ Талію проводићу войску,
У Млетке ћу кралѣ починути;
Па отале обратићу войску,
Све краине твое предузети,
Сву Истрію и сву Далмацію,
А и славну Которску краину.„
Кньига дође одъ Беча Ћесару,
Сву господу бѣше сакупіо,
И предъ ньима кньигу проучіо;
Кад' господа кньигу разумѣше,
Па Ћесару ріечъ говорише:
„О ћесаре, наша круно златна!
Тысе прођи врага и Млетака,
Него брани круну и ћесарство,
Штоно ти є одъ баба остало;
Аркидука тусе намѣріо,
Па Ћесару другу прозборіо:
„Талія є твоя подкућница,
Млецы су ти цвіетъ одъ градоваа,
Сва Истрія и сва Далмація,
Ћесаре є твоя бановина,
А ключъ ти є Бока одъ краине,
То прегори, ако можемъ како."
Кад' є Ћесаръ Дуку разуміо,
Пакъ отале ситну кньигу пише,

Те є шилѣ Бонапарти кралю:
„Чуешъ ли ме Бонапарта кралѣ!
Мошъ ли знати єсил' упантіо,
Када велѣ селѣ учинисмо
У моему Бечу біеломе
Око круне Дужда Млетачкога,
И Дуждеву круну разкрунисмо,
Мы оваке пâте учинисмо:
Ты да носишъ све Дуждево благо,
А за мене земля и градови;
Ты понесе што ти део даде,
Мен' остаде земля и градови,
Недамъ сада што узео тада,
Докъ є моя круна и ћесарство,
Нисе боимъ тебе ни Францiе."
Така кньига у Паризу дође,
У столицу Бонапарти кралю,
Кньигу гледа Бонапарте кралю,
Кньигу гледа, паксе кньизи сміе,
И овако рiечъ бесѣдіо:
„Авай тужный одъ Беча Ћесаре!
И ты ли ћешъ съ нама ратовати?"
Пакъ онъ диже силу и Францiю,
На границе удари Ћесару,
Села пали а градове прiйма,
Докъ є ближе Беча доходіо;
Но тако є срећа изнiела
Главитога Московског' принципа,
По имену Кутузова млада,
Съ Бонапартомъ. боя учиніо,
Изгуби му неколик' хилядаа,
Потћра га прео Ћесарiе,
Али виче пребiела вiйла,
Вашъ изъ войске краля Бонапарта;
„Ал' невидишъ, ал' нехаешъ за се
О великiй кнеже Кутузове:
Ет' издаше тебе прiятельи,
Прiе доба мира учинише,
И за то те ништа непиташе,
Него бѣжи да изнесешъ главу."
То кад' чуо Кутузове кнеже,
Онъ побѣже главомъ безъ обзира,
Бонапарте ћерати га нешће,
Но съ войскомсе натрагъ повратіо,
Докле дође Бечу бiеломе,
Безъ боя є у Бечъ улазіо,
Одъ ћесара бруку начиніо,
Што рекао, то непорекао,
Ни на томъ га оставіо нiе,
Но ћера га земльомъ Ђерманiомъ,
Докле дође и до Прага златна,
Златног' му є Прага освоіо,
Па отале обратіо войску,
Докле дође до Милана града,
Ту га єдно селѣ дочекало,
Дочека га Филипъ Вукасовићъ,
Ђенерале одъ землѣ Славинске,
Брани града тры бiела дана,
Нѣгова га издаше господа,
Бонапарта освои Милана;
Кад' Милана бѣла освоіо,
Войску води кроза сву Талiю,
У Млетке є кралѣ починуо,
На престолю Дужда Млетачкога;
Ту му ситне кньиге допаднуше,
А одъ оне Боке краишничке,
Кньиге пишу младыи Яковини,
Іошъ у кньигам' овако бесѣде:
„Вонапарта, и отацъ и майка!
Хитай брже ако знадешъ Бога,
Небы ли насъ прiе уграбіо;
Одъ Москова или одъ Англеза,
Пропадосмо безъ тебе одиста."
Ал' то чуше одъ Боке юнацы,
Међу ньима Ђуро Кнежевићу,
Србаль Ђуро ситну кньигу пише,
Ону шилѣ Корфу бiеломе,
Арминарти Принцип' Сенявину:
„Сенявино, Рускiй Генерале!
Што нечуешъ, што л' нехаешъ за ни?
Ево има четир' стотин' лѣтаа,
Како Србы цара изгубише,
На равноме полю Косовоме,
Што бiаше у Херцеговини,
У лiепой Србской Бановини,
Што бiаше Србина племића,
Све побѣже у жупно Приморѣ,
Подъ заштиту Дужда Млетачкога,
Дивно iй є Дужде прифатіо,
Отацъ дѣцу болѣ непазіо,
Ал' ев' има до деветъ годинаа,
Како смосе ядни препродали,

Те ономе Ћесару Бечкоме,
И онъ бы ни ка' отацъ и майка,
Тек' насташе клеты Яковини
Препродаше и насъ и Ћесара,
Вашъ ономе пріаталю своме
Бонапарти одъ Францiе кралю;
Но Сенявин' славный Ђенерале!
А тако ти Руске вѣре тврде,
Хитай брже штосе болѣ може,
Еръ те желе Бокежкіи Србовы,
Желе тебе кано сынцы отца."
Дође кньиге Принцип' Сенявину,
А кад' види што му она каже,
Онъ истури на море кораблѣ,
Право лети у Боку которску,
Ал' ет' отуд' и Бонапарт' краля,
Тек' бы срећа-боля Сенявина,
Уграбіо пріе нѣга Боку;
Сад' пѣваю Бокельскій Ришћани:
„Боже драгій на свем' теби фала!
Кад' добисмо Русса господара,
Свой є своме и помоћъ и дійка,
То є правда и добру прилика,
Па што Богъ да, то ће само быти,
Опет' ћесе Србаль прославити —."
Ет' овако браћо и дружино,
Сваком' свое што є свое было,
Па и туће нигдас' нежелило —.

65.

Нерођенъ Делія.
(Одъ истога Брацанна Козарчића у Бѣлоп.)

Зафалисе Туре одъ Медуна,
Дасе Туре оженити неће,
Ни ђевойкомъ, а не удовицомъ,
Но невѣстомъ иза мужа млада:
„Єсамъ чуо, кажевали су ми
У Котару граду біеломе,
Вѣрна люба Поповић' Стояна,
Лѣпоте іой по свієту нейма;
Али ћусе оженити ньоме,
Яли ньоме, али земльомъ црномъ."
У виносе Туре зафалило,
А одъ вина кадсе разабрало,
Алсе Туре покаяло было,
Оно штосе у вину фалило;
Ма изведе вранца дебелога,
Оседла га што може найлѣпше,
Узяхасе нѣму на рамена,
А отиде друмомъ и планиномъ,
Докле дође у Котаре граду,
Предъ дворове Поповић' Стояна!
Ту онъ нађе Стоянову любу,
Ньойзи Туре божу помоћъ зваше,
А она му помоћъ прифатила:
„Богъ дай тебе незнанна делія!"
На то вели Туре Оммерага:
„А тако ти, Стоянова любо!
Донеси ми еданъ кондиръ вина,
Да я тешку поутасимъ жеђу."
Е га млада послушала была,
Доносе му пунанъ кондиръ вина,
И пружа му оиу чашу вина,
Ма нехоће Туре Оммер-Аго,
Онъ нехоће ону чашу съ виномъ,
Но Анђушу უграби за руку,
Туріо є за се на ћогата;
А побѣже полѣмъ Котарскіемъ;
Е Стояну гласи долазише:
„Зло ти ютро Поповићъ Стояне!
Ты попіяшъ у тазбину вино,
Одъ Медуна Туро Оммерага,
Поведе ти твою вѣрну любу."
Кад' Стояну такіи гласи дошли,
Онъ поскочи одъ землѣ на ноге,
Брже оде на свое дворове,
Па улѣзе у подруме нове:
Нейма када оседлават' вранца,
На голасе узяхао пуста,
А полеће полѣмъ Котарскіемъ,
Ка' свѣтлица крозь вечерне мраке,
Лахко ћера и стиже га брзо,
Єустиже га на воду Коруину,
Турчину є рієчъ бесѣдіо:
„Стани курво Туре Оммерага!
Ніеси є на мейданъ добіо!
Стан' полахко да є діелимо!"
Обрнусе Туре Оммерага,

Тек'се сташе два добра юнака,
На остресе ћорде ударише,
Докле имсе сабѢ саломише,
За бѢласе грла докопаше,
Носећисе подъ конѢ падоше,
Тискошесе у воду Корунну,
Носишесе по води студенной;
Но таква є намѢръ наніела,
Наніела одъ Котара овце,
При овцама ниђе нико нейма,
До єднога ђетета Николе̑,
Оно виђе Туре и Стояна,
Ђесе даве по води Корунни,
Па онъ купи студенно каменѢ,
Те Турчина Оммерагу гађа,
Тако му га зла несрећа даде,
Онъ незгоди Туре Оммерагу,
Него згоди Поповић' Стояна,
Згодіо га у главу юначку,
Паде Стоянъ у воду Корунну.
Покрай воде Туре излазило,
Па довати оломакъ одъ сабѢ,
Те Стояну посієче главу,
И узе му коня и оруже,
Па говори Стояновой люби:
„А тако ти Стоянова любо!
Айде яши вранца Стоянова,
Да идемо ка Медуну граду.“
На то вели Стоянова люба:
„А тако ми Туре Оммерага!
Радіясамъ кодъ Стояна мртва,
Него Туре съ тобомъ живовати.“
А кад' чуо Туре Оммерага,
Докопао оломакъ одъ ћорде,
Анђушу є ньиме ударіо,
ПресѢче є̑ ка' ягнѢ біело,
Паде млада ђе и Стоянъ мртва;
Изъ Анђуше чедо искочило,
Па се валя̑ по зеленной трави,
А виђе га Поповићъ Никола,
Па отиде код' Анђуше мртве̑,
Па довати оно чедо лудо,
Те га завій у скутъ одъ доламе',
Понесе га у Котаре равне,
И даде га Стояновой майцы:
„Май то теби Стоянова майко!
То і' остало чедо одъ Анђуше.“
Узела га остарала майка,
Па набави и попа и кума,
Крстише га и зламеноваше,
Дивно су му име изабрали,
Дивно име: Нерођенъ Делія!
Па га ньиви̑ Стоянова майка,
БолѢ чедо одъ неђелѢ данахъ,
Неге друго одъ мѢсеца данахъ,
БолѢ чедо одъ мѢсеца данахъ
Него друго одъ пола године̑,
БолѢ чедо одъ полу године̑,
Но є друго одъ лѢта четиры;
БолѢ чедо одъ лѢта четиры,
Него друго одъ дванаесъ лѢтахъ,
И болѢ є одъ петнаесъ лѢтахъ;
Него друго одъ віека свога;
Па петнаесъ кад'се напунише,
Діетесе коня доватило,
Доватило коня и оружя,
Па онъ стару бабу запитує:
„Ай за Бога моя бабо стара!
Камо мене мой отацъ и майка?“
Но му баба право каживаше:
„А тако ми Нерођенъ Делія!
Єсте тебе Туре изгубило,
Изгубило и оца и майку,
Одъ Медуна силанъ Оммерага,
Изгуби ихъ на воду Корунну.“
Кад'то чуо Нерођенъ Делія,
Онъ написа листъ кньиге біеле,
А посла є̑ у Медуну граду,
По имену силну Оммераги:
„Копилане силанъ Оммерага!
Ты си мене оца изгубіо,
Изгубіо и оца и майку,
Мен' у майцы єдва оставіо,
На Корунну на воду студенну;
Но чу ли ме Туре одъ Медуна!
Ты изиди мени на мейдана,
На ономе прву разбоишту.“
Кад' Турчину она кньига дође,
Текс іойсе Туре осмѢхуе,
Пакъ изведе своега Дорійна,
А турисе нѢму на рамена,
И отиде друмомъ и планиномъ,

Докъ онъ дође на воду Корунну;
Али чедо прво излазило,
На Корунну чадоръ разапело,
Подъ чадоромъ испиаше вино,
Нѣму Туре божю помоћъ зваше,
Нерођенъ му помођъ прифатіо,
Па Турчину ріечъ бесѣдіо:
„Ходи Туре, тесе напій вина!“
А Турчинъ му ріечъ одговара:
„Ам' устани лудо и неяко!
Да свіетлый мейданъ діелимо,
Ође ніе колѣ пити вино,
Ко добіе, нека потлѣ піе;
Што л' ты тражишъ и оца и майку?
Докле нађешъ и оца и майку,
Ты ћешъ свою изгубити главу.“
Па є остру извадіо ћорду,
Нерођену юришъ учиніо,
Ка' на чедо лудо и неяко,
Ма є чедо мало побѣгнуло,
Па кад' виђе да утећ неморе,
И онъ остру ћорду извадіо,
Турчинусе близу примакнуо,
А десницомъ добро замайнуо,
И Турчина добро ударіо,
Одъ єднога два є начиніо,
Другомъ махну одвали му главу,
Пакъ му узе коня и оруже,
И нѣгово дивно одіело,
Тад' отиде у Котаре равне,
Тек' Нерођенъ у Которе дође,
Даде бабби одъ Оммера главу,
Кои іой є изгубіо сына,
Нѣна сына и снашицу драгу,
Па га бабба грли и целива,
И унуче свое благосива:
„Поштенъ быо у дружини сынко,
На мейданъ те недобіо нитко!“
И сад' веле, акосе нешале,
И сад' кажу ако неприлажу,
Оно чедо іошъ є у животу — !?
А све тражи са Турцима кавгу. —

66.

Два Калуђера.

(Одъ истог' ми є и ова козарчета Брацанна.)

Пію вино до тры побратима
У Посавску лугу зеленноме,
О честиту дану Митровоме,
А єдно є Приморацъ Алекса,
А друго є Старина Новаче,
И треће є Айдук-Радивое;
Служи имъ га Новаковъ Груица,
Па ка сусе напоили вина,
Но то вели Старина Новаче:
„О Айдуцы моя браћо драга!
Єсенъ прође, дуга зима дође,
Западоше локве у лугове,
А біелій сніегъ у врхове,
Хайдуцима указуе траге,
Поданаске четованя нейма,
Но да ђе ће кои зимовати?“
На то вели Айдук-Радивое:
„Я ћу зимѣт' у ледну пећину.“
На то рече Старина Новаче,
Да ће и онъ ходит' съ Радивоемъ,
Да зимую у ледну пећину;
На то вели Приморацъ Алекса:
„О хайдуцы моя браћо драга!
Я ћу ходит' у приморскѣ стране,
Ту я имамъ пребіелу кулу,
И у кулу майку и любовцу;
Чуйте мене моя браћо драга!
Када дође честит' данакъ Ђурђевъ,
Тесе гора преобуче листомъ,
А рудинна ђетелиномъ травомъ,
За закланѣ те приспіе янѣ,
Дасе ођенъ опетъ искупимо;
Кога небы за неђелю данахъ,
Да идемо у потребу нѣму.“
Па скочише одъ землѣ на ноге,
Тесе грлѣ и у лица любе,
Айдуцысе тада раздвоише,
Свакій пође къ зимовишту своме;
Што гођъ иде све ће брзо доћи,
Зима прође а пролѣће дође,
Ево дође честит' данакъ Ђурђевъ,

Хайдуцысе на рокъ искупише,
Дође Новакъ, шъ ньиме Радивое,
Но недође Приморацъ Алекса,
Чекаю га за неђелю данахъ;
Кад' виђоше е имъ нада нейма,
Добріехсе коняхѣ дофатише,
Па одоше на свое дворове,
Оћешесе што могли найлѣпше,
Обукоше танахне кошулѣ,
Врхъ кошулѣ токе съ обе банде,
А врхъ токахъ црвене доламе,
Учинесе до два калуђера,
Па одоше друмомъ и планиномъ,
Съ собомъ воде Новаков' Груицу,
Те имъ служи по конакахъ вино,
Докъ дођоше у Приморске стране,
Пре дворове Алексе Приморца;
Ту нађоше Алексину майку;
Находе є сужну и крваву,
Калуђеры помоћъ іой назвали,
А она имъ помоћъ прифатила:
„Богъ дай вама оцы калуђеры!“
На то веле до два калуђера:
„А такко ти баба остарала!
Коя ти є одъ Бога неволя?
Да ты сузе валяшъ низъ образе?“
На то вели Алексина майка:
„А такко ми оче калуђере!
Єсте мене одъ Бога неволя,
Ималасамъ сына єдинога,
Єдинога Приморца Алексу,
Па су ми га уфатили Турцы;
Ево има и неђеля данахъ,
Ќа' су ни га уфатили Турцы,
Уфатило тридесть Яньичарахъ,
Ето пію вино у дворове,
Код' ньихъ свезанъ стои ми Алекса,
Служи вино Алексина люба.“
А кад' чуше до два калуђера,
Пре дворове конѣ одяхаше,
Улѣгоше у дворе біеле,
А кад' быше на врата содъ куле,
Послушаше што говоре Турцы,
Али Турцы вино испиваю,
Служи имъ га люба Алексина;
Ќако коме чашу додаваше,
Свакій іойсе руке доваташе,
И свакій іой ріечъ бесѣђаше:
„А такко ти... Алексина любо!
Да заєдно ноћцу боравимо.“
На то вели Алексина люби:
„Айд' ђаволе тридесть Яньичарахъ!
Ако могу свѣма быти слуга,
Я немогу быти свѣма люба.“
У то доба они улѣгоше,
Улѣгао Новакъ съ Радивоемъ,
И Турцима божу помоћъ зваху;
Турцы су имъ помоћь приватили,
А дивно имъ мѣсто направили,
У найгорнѣ чело одъ трпезе,
А кадсусе напоили винца,
Тада веле до два калуђера:
„А такко ви тридесть Яньичарахъ!
Єли тестиръ ситно поиграти,
Поиграти ситно калуђерски
По біелой кули Алексиной?“
Но Алекса свезанъ бесѣдіо:
„А ђаволе тридесть Яньичарахъ!
Све тридесетъ да 'самъ уфатіо,
Уфатіо, 'вако савезао,
Доста быхъ ве напоіо вина,
А вы мене неможете сама.“
Доватише єдну чашу съ виномъ,
Малу̂ чашу одъ дванаесъ окахъ,
Дадоше є Приморцу Алекси,
Попіо є несквасіо брка;
Опет' веле до два калуђера:
„А такко ви тридесъ Яньичарахъ,
Ніе л' тестиръ мало поиграти,
Поуграти ситно калуђерски,
А по пустой Алексиной кули?“
На то вели тридесть Яньичарахъ:
„А єсъ тестиръ до два калуђера!“
То кад' чуше оба калуђера,
Забѣлесе руке униграбише,
Поскочише по біелой кули,
А колико лахко поиграше,
Свасе кула изъ темеля люля,
На то тридесть веле Яньичарахъ:
„Сѣдте ядны до два калуђера!
Єрсе хоће искрляти кула.“
Но кад' чуо Старина Новаче,

Десніемъ є окомъ намигнуо,
На ђетста Новаковъ Груицу,
Те одъ куле затворише врата,
Па тры нагле извадили ћорде,
Су тры краја ударише Турцима,
Шта остаде Старини Новаку,
То посѣче Новаковъ Груица,
Што л' остаде Новаковъ Груицы,
То посѣче Дели-Радивое,
Одъ ньихъ ока неутече жива,
Ни да каже ка' су погинули.
Са Туракахъ скидаю ођело,
А и ньихно свіетло оруже,
То хайдуцы діеляху благо,
И Алекси руке одвезаше,
Па у чету текаръ отидоше,
Тесе Турцим' освети Алекса,
Што бывало ваздасе пѣвало.

67.

З а р о к ъ.

(Одъ Мусе Поповића Пѣшивца.)

Пили вино седамнаесъ Агахъ,
У Удбину крваву краину.
Доцне дође Турчинъ Асанага,
Те имъ Турски селамъ називаше,
А Турцы му селамъ приватише,
И овако іоште говорише:
„О нашъ брате Турчин' Хасанага!
Немой ходит' често у Котаре,
Да ти Власси главу неизгубе.“
Овако имъ Турчинъ бесѣдіо:
„Луди ли 'сте одъ Удбине Турцы!
А тако ми вѣре и закона,
Са ћу мога коня дофатити,
Поћерат' га у кршне Котаре,
Довест' секу Янковић' Стояна,
Ясе юнакъ оженити ньоме.“
То рекао на ноге скочіо,
Па изведе дебела Дората,
Поћера га земльомъ и свіетомъ,
Докле Туре у Котаре дође,
Подъ біелу Сердареву кулу;
Но Турчину добра срећа была,
Е Стояна нейма на дворове,
Ни нѣгове слуге Милована,
Но пошлисе у ловъ у планину,
А да видишъ Турчинъ Асанаге!
Ка' дозива Дилбер-Анђелію,
Да донесе вина у матару,
Е є нѣму одолѣла жеђа.
Скочи цура на ноге лагахне,
Те Турчину доніела вина,
Некће Турчинъ да привата вино,
Но ђевойку за біелу руку,
Па є за се тури на Дорина,
И побѣже полѣмъ зеленіемъ,
Докъ далеко Туре одмакнуло,
Но да видишъ Стоянове майке!
Ка' доватп пушку венедика,
Обори га съ прозора одъ куле,
Загрмѣше горе и планине,
То зачуо слуга Милоане,
Те дозива господара свога:
„Господаре Янковић' Стояне!
Ено пуче пуста венедика,
Ка'се оно пашче завалило,
Нешто ни є штету учинило.“
Поскочише добри два юнака,
Заскакаше оба нисъ планине,
Ка' елѣны одъ године данахъ,
Докъ дођоше они у Котаре;
Ту наоде Стоянову майку,
Бѣше тужна сузна и крвава,
Што є ньойзи пита є Стояне,
Све му баба по истини каже,
Веће Стоянъ питат' несћедаше,
Но узеше лахка брашненика,
За Турчиномъ отидоше трагомъ,
Докъ дођоше полю Удбинскоме,
Ту ихъ бьо данакъ оставіо,
А тавна ихъ ноћца приватила,
Докъ дођоше на врата одъ града,
Ал' на врата четиры сеймена,
Међу собомъ те су говорили:
„Фала Богу чуда великога!
Ђе превари Ага Милована,
Нама быти безъ белава неће,
А ни нама ни нашему граду.“

Но то слуша слуга Миловане,
Па поспаше текесе напише,
Но неспава слуга Миловане,
Све четиры тê є изгубіо,
А одъ града врата отворіо,
Па Стояну рiечъ бесѣдіо:
„Сѣди oђe на врата одъ града!
А я поћохъ Аги на дворове."
Па отиде низъ честе сокаке,
Докле Аги пре дворове доће,
Намолисе одъ прозора куле,
Ал' у кулу седамнаесъ Агахъ,
Оны пію око совре вино,
Служи вино Дилбер-Анђелія
Гологлава кано мушка глава,
Докъ уочи слугу Милована,
Виђе нѣга на прозоръ одъ куле,
Те є нѣму рiечъ бесѣдила:
„А ту ли си Божій проклетниче?
Да є соко крила уносіо,
Ал' да су ти цинны калаузи,
Небы цинны кланце погодили,
Нит' бы меса перѣ изнiѣло."
Ма іой вели слуга Миловане:
„Секо Богомъ Дилбер-Анђеліо!
Неќ' ли Аге опоити виномъ?
Па м' одъ куле отворити врата!"
Кад' то чула Дилбер-Анђелія,
Турцима є рiечъ говорила:
„Богъ убіо седамнаесъ Агахъ!
Жлѣ га сѣли и вино попили!
Докле біяхъ дома у Котаре,
Више моя слуга попит' ќаше,
Него ове седамнаесъ Агахъ."
Ма зли бію Турцы одъ укорбе,
Ньойзи сваќій чашу врће празну,
Тако Турке опоила виномъ,
Те є слуга врата отворила,
Улѣгао слуга Миловане,
Онъ потегну криву гадарину,
Те посѣче седамнаесъ Агахъ,
Па по кули благо покупіо,
Помага му Дилбер-Анђелина;
Кадсе доста блага накупише,
Тры витеза коня доватише,
Побѣгоше градомъ Удбиньскіемъ,
Докъ дођоше на врата одъ града,
Ту Стояна оны нахођаху,
Дадоше му коня одъ мейдана,
Ніе горій одъ Путаля сама,
Па одоше єдно за другіемъ
Отидоше полѣмъ зеленніемъ,
Здраво прешли у кршне Котаре,
Утѣшили свою стару майку.

68.

Марко у тавницы Татарской.

(Одъ Радована Ровчанина.)

Каковъ Марко бѣше Делибаша,
Какве ли є допануо муке,
У тавницы одъ Хазака Краля,!...
У коіой є вода до колѣнахъ,
И юначке кости до пояса,
Пуна му є зміяхъ и акрепахъ;
Тусе ядну Марку дойдило,
Наслонясе на пенџеръ тавничкій,
Докъ угледа лiепу ђевойку,
Ћерку милу одъ Хазака краля,
Па ђевойку Марко сестримяше,
Да отиде до Прилипа града,
Да доћера седамъ мазгій блага,
Небы лисе Марко откупіо.
Ђевойка му за братску прійміла,
Па отиде до нѣзина Баба,
Све му каже што бесѣди Марко,
Онъ на шћерцу вику учиніо:
„Єдна куіо, а не шћери моя!
Толисисе сяранила съ Маркомъ!
Пуштит' нећу изъ тавнице Марка,
Докъ м' у воду ноге неопану,
И акрепи руке неогризу,
Докъ му зміе очи неиспію;
Па ќу таде оправити слуге,
Да изнесу исъ тамнице Марка,
Нека Марка сѣду на чаршію,
Нека туцакъ сѣди на сокаку,
Кад' илази мало и велико,
Да му даю паре и динаре,
Да за свою намѣнюю душу."

Ал' ђевойка отле поитала,
Она каза побратиму своме,
Е га пуштит' изъ тавнице неће,
Онъ бесѣди Богомъ посестрими:
„Ну отиди долѣ у чаршію,
Те ми купи листъ кньиге біеле,
И мурећепъ чимсе кньиге пишу,
Оћу кньигу ситну направити,
Да оправимъ у Прилипа града,
Старой моіой майцы Євросими,
Старой майцы, даc' у ме ненада,
Вѣрной люби дасе преудае,
Сестри милой дас' некуне мноме."
Ђевойка га хитро послушала,
Донесе му листъ кньиге біеле,
И мурећепъ чимсе кньиге пишу,
На пенџере додавала Марку,
Онъ ђевойцы ріечъ бесѣдіо:
„Айд' ми нађи кньигоношу млада!"
Башъ докъ Марко кньигу накитіо,
Ђевойка му нађе кньигоношу,
Нешће слати кньигу до Прилипа,
Но і' оправи у градъ одъ Солуна,
Побратиму Дойчилъ Капетану:
„Ахъ чу ли ме Богомъ побратиме!
Ядне тисамъ муке допануо,
Нећешъ ли ме како избавити,
Оли како благомъ, ол' юнаштвомъ."
Отле оде младый кньигоноша,
А кад' дође у градъ одъ Солуна,
Даде кньигу Дойчилъ капетану,
А кад' Дойчилъ кньигу проучіо,
Троструке га сузе пропануше,
А за Маркомъ Богомъ побратимомъ:
„Ахъ а, мене Богомъ побратиме!
Запао си Марко побратиме,
Ђе нам' ништа благо непомага,
Мучно може помоћ' и юнаштво —."
Кньигоношу на трагъ оправіо:
„Айде кажи Марку побратиму,
Я му ништа помоћи немогу."
А кад' дође младый кньигоноша,
Те то каза Марку Кралѣвићу,
Ядносе є Марко препануо,
Е те кости ту му останути;
Кад'се нешто Дойчинъ размысліо,
Самъ са собомъ таде бесѣдіо:
„Да 'самъ каке муке допануо,
Побро бы ме Марко избавіо."
Па на слуге вику починіо:
„Изведʼте ми дебела Лабуда,
Опаште га што тврђе можете,
Окитите што лѣпше имате,
Зауздайте ђемомъ Аламанскимъ!"
Итро су га слуге послушале,
Како рече тако г' опремише,
И Дойчилсе дивно опреміо,
Оједесе што море найлѣпше,
Па онъ узе копѣ коштуйницу,
Башъ одъ баба што му є остало,
Па дебела закрочи Лабуда,
И овако ріечъ бесѣдіо:
Я ћ' избавит' Марка побратима,
Я л' запанут' и я у тавницу!"
Отле оде земльомъ и свѣтиномъ,
Докле дође подъ Хазака града,
Ту на полю чадоръ разапео,
Бойно копѣ побій край чадора,
А за копѣ привеза Лабуда,
Па отоле кньигу оправіо:
„Чуй ты мене одъ Хазака кралѣ!
Ол' ми пушти изъ тавнице Марка,
Ял' ми хайде на мейданъ юначкій,
Яли за се тражи мейданцію,
О то трое кое ти є драго."
А кад' кралю кньига допанула,
По граду є пуштіо телала,
Те Хазака града искупіо,
Телала є у войску пуштіо,
Да по войсцы тражи мегданцію,
Онъ га тражи, неможе га наћи,
Паксе стаде опремати кралю,
Свог' изведе претила Дорійна,
На готова нѣга закрочіо,
Бойно копѣ туріо на рамо,
О бедрицу сабю опасао,
Па отоле на полѣ отиде,
Докъ Дойчилу до чадора дође,
А Дойчинъ му ріечъ бесѣдіо:
„Сѣди кралѣ да піемо вино!"
А кралѣ му ріечъ бесѣдіо:
„Устай курво мейданъ діелити!

Ко добіе нека поглѣ піе."
Скочи Дойчилъ о землѣ на ноге,
А одъ копля коня одріеши,
Па на коня закрочи Лабуда,
Бойно копѣ узео у руку,
Чадоръ нешће помиерат' ништа,
Но надасе іошъ пит' подъ ньим' вино:
Сретошесе добра два юнака,
Тада рече Дойчилъ капетане:
„Хоћу ли ти бѣжат' на Лабуду,
Да ме гађашъ копѣмъ коштуницомъ?
„Айде, вели бѣжи! ћераћу те!"
Онъ побѣже полѣмъ на Лабуду,
Краль га гађа копѣмъ убойніемъ,
Но му бѣше Лабудъ одъ мейдана,
Те му паде на прва колѣна,
Высоко га копљѣ претурило;
Тад' побѣже кралѣ на Дорину,
А ћера га Дойчинъ на Лабуду,
И гађа га копѣмъ коштуницомъ,
Те га бѣше добро погодіо,
Погоди га у свилена паса,
За бойно га седло приковао,
У зохору седло помѣріо,
Єедло съ кралѣмъ подъ коня пануло,
А допаде Дойчилъ капетане,
Те му русу главу посѣкао,
На Дората седло исправіо,
Па отиде отле подъ чадора,
Тес' уморанъ вина напоіо,
Па кралѣву главу доватіо,
На бойно є копѣ натакнуо,
Самъ на коня закрочи Лабуда,
Самъ отиде у Хазака града,
Разбѣжасе мало и велико,
Тек' одъ града заклопише врата;
Онъ довати балту одъ челика
Шъ ньомъ у врата бьо ударіо
Сломи врата на седамъ коматахъ,
У Хазака улѣгао града,
Крозъ оканце угледо' га Марко,
Угледо' га, па га дозивао:
„Пуно мене драгій побратиме!"
Па отиде Дойчинъ капетане,
Онъ отидо тавницы на врата,
И довати балту одъ челика,
Одъ тавнице саломіо врата,
Те изведе изъ тавнице Марка;
Ма какавъ є изъ тавнице Марко?
Юначко му потавнѣло тело,
Руса коса пала до пояса;
Оде съ побромъ на кралѣву кулу,
Іошъ му Шарацъ бѣше у животу,
Чуда ради кралѣ га држаше,
Ал'се ником' яхат' недаваше;
Марку побро косу обріяо,
Напоесе вина црвенпога,
Ту станіе за петнаесъ данахъ,
Докле животъ Марко заузео,
А нико имъ ништа несміяше,
Него чине што є ньима драго,
Па кралѣво покупише благо,
Седамъ мазгіи блага поћераше,
А одоше изъ Хазака града,
И кралѣво діелише благо;
Даде Марко побру старѣшинства,
Даде нѣму ціо товаръ блага,
И даде му Богомъ посестриму,
А кралѣву лѣпоту ђевойку,
Па одоше дома свадбоваше,
И то было кадсе поминяло —.

69.

Чіе є царство.

(Одъ Ђурише Піеровића у Црнойгоры.)

Пію Срби у Косово вино,
Вино пію разговараюсе,
Него вели Вукашине кралѣ:
„О за Бога Срби браћо моя!
Одка ни се царе преставіо,
На кога є оставіо царство?"
Ма говори войвода Богдане:
„На мене є царство оставіо!"
Е ма рече Гойко Мрнявчевић:
„На мене є царство оставіо!"
А говори кралю Вукашине:
„На мене є оставіо царство!"
Младій Урошъ ништа неговори,
У кавгусе Срби ударише,

Ма ихъ куми младаный Урошу:
„А не Срби за Бога еднога!
Неколь'тесе око туђа царства,
Него пођте у дно Косовога,
Подъ оніемъ жутіемъ яблакомъ,
У біеле Раманице цркве,
Па питайте протопопъ Нeђелька,
Онъ ће вама осѣдочит' царство.“
Ево Срби поше низъ Косово,
А ка̑ доше у дно Косовога,
У біеле Раванице цркве,
И ту нашше протопопъ Неђелька,
Ђе ми служи боже летирђіе;
Па улѣзе Вукашине кралѣ,
Те изведе протопопъ Неђелька,
Вукашинъ му бесѣђаше кралѣ:
„Чуй ме добро протопопъ Неђелько!
Ты на мене осѣдочи царство,
Ал' ћу твою изгубити главу.“
Но говори войвода Богдане:
„Чуй ме добро протопопъ Неђелько!
Ты на мене осѣдочи царство,
Ал' ћу твою изгубити главу.“
Па говори Гойко Мрнявчићу:
„Чуешъ ли ме протопопъ Неђелько!
Ты на мене осѣдочи царство,
Ал' ћу твою изгубити главу.“
Ма говори протопопъ Неђелько:
„О за Бога Срби браћо моя!
Немогу ви осѣдочит' царство,
Да ћу право изгубићу главу,
Ако криво изгубићу душу;
Него ситну кньигу напишите,
А шильте ѥ у Прилипу граду,
А на руке Кралѣвићу Марку,
У нѣга є круна останула,
Онъ ће вама осѣдочит' царство.“
А кад' Срби бѣху разумѣли,
Послушаше протопопъ Неђелька;
Краль Вукашинъ ситну кньигу пише,
А у кньигу обећае мито,
Своме сыну Кралѣвићу Марку:
„Ты на мене осѣдочи царсто!
И узимльи силновито мито,
Ал' ћу твою изгубити главу.“
А кад' Марку ситна кньига дође,
И кад' виђе што му кньига пише,
Онъ ѥ стрицу своме кажеваше,
Стрицу своме владицы Даниилу:
„Стрико гледай што ми кньига пише!
Поклашесе Срби у Косово,
Ђе хоћемо изгубити царсто,
Поклашесе око туђа царста;
Но ћу ходит' у полѣ Косово,
Да му право осѣдочимъ царсто.“
А стрицъ нѣму быо бесѣдіо:
„Ела право тако быо здраво!
Ако ће ти погинут' тіело,
Е ма неће душа акобогда.“
Ал'се Марко коня доватіо,
Ево полю косовоме дође,
Срблѣ нађе те піяху вино,
Служи имъ га царева царица,
Марку мѣсто учинѣше дивно,
Дивно мѣсто чело одъ трпеве,
Па ми гледа низъ трпезу Марко,
И видіе младога Уроша,
Видіе га долѣ у засѣду,
Ђе піяше златномъ чашомъ вино,
Више сузахъ но црвена вина;
Паксе диже Кралѣвића Марко,
Па отиде низъ край о трпезе,
Круну даде младоме Урошу,
Кою му є царе оставіо.
А кад' оно Срби видіеше,
Таде Срби на ноге скочише,
Да изгубе Марка и Уроша,
Но Маркосе коня дофатіо,
И уграби младога Уроша,
Шъ ньимъ побѣже низъ полѣ Косово,
И колико зорно бѣжіаше,
За Маркомсе полѣ жежіяше,
Біела га црква уграбила,
Сама црква врата затворила;
Но Вукашинъ копѣмъ замахнуо,
У вратасе коплѣ уставило,
А прозъ врата крвца ударила,
Онъ помыслилъ ере уби сына,
Па погледа прозъ окно одъ цркве,
И видіе Марка и Уроша,
Ђе шеташе еданъ до другога,
Па Вукашинъ Марку бесѣдіо,

„Чуешъ ли ме міо сыне Марко!
Да бы Богъ до и Богородица,
Вазда бьо туђа придворица!"
А Марко ,є бабу бесѢдіо:
„Да бы Богъ да' и Богородица,
Твою главу окинули Турцы!
А моя те рука осветила."
Како рече, тако мусе стече.

70.

Црноевићъ.

(Одъ Живаля Марковића са Кчева изъ Велестова.)

Кньигу пише Чарноевићъ Иво,
А шилѢ ѥ у Млетке дубоке,
А на име Млечанину Дужду:
„Чуешъ ли ме Дужде Млечанине!
Я 'самъ чуо, кажевали су ми,
У тебе є питома ружица,
А у мене цвіетъ карафиле,
Айде Дужду да ихъ саставимо!"
Кадекъ Дужде кньигу разуміо,
Ево Иву кньигу одправіо,
А кад' Иво Дужда разуміо,
Иво Дужду на дворове пође,
И овако Иво бесѢдіо:
„Искупићу шестотинахъ сватахъ,
Ако буде у свате лѢпшега,
Одъ Максима сына Иванова,
Ни ми подай дара ни ђевойке."
Луждъ му даде ліепу ђевойку,
За годиче свадбу одмакнуше,
Дивно Иву рукованѢ дае,
Луждъ му даде о злата ябуку;
Отол' Иво на дворове пође,
Зима прође а пролѢће дође,
На Максима красте излазиле,
Те су нѢму нашарале лице,
ЛѢто мину а єсенъ му дође,
Тадеръ дође Иву роковмиште,
Окупіо шестотинахъ сватахъ,
Кадекъ Иво свате окупіо,
Исшетасе Иво прозъ сватове,
И видіо лѢпшега юнака,
По имену Обренова Ђура,
Сватовима Иво бесѢдіо:
„Ево браћо муке и неволѢ!
Ђе я виђу лѢпшега юнака,
По имену Обреновог' Ђура,
А я'самсе зафаліо Дужду,
Ако буде у свате лѢвшега,
Одъ Максима сына Иванова,
Да ми неда ђевойке ни дара."
Іоште Иво ріечъ бесѢдіо:
„Од'те, браћо, да га намѢстимо,
НамѢстимо на мѢсто Максима,
Да му дамо дара половину!"
Сви сватови замолили Ђура:
„Ма ти Ђуро половину дара,
Пођи Ђуро на мѢсто Максима,"
Ево Ђуро пристати неоће,
НѢму даше свеколике даре,
Па кренуше кићенны сватовы,
Те пођоше у Млетке дубоке,
Здраво доше Дужду на дворове,
Свадбовали за неђелю данахъ,
Кадекъ дође свіетла неђеля,
Но Иво є Дужду бесѢдіо:
„О! на ноге пріятелю Дужде!
Вріеме є дома да идемо."
Ево Дужде на ноге скочіо,
И довати злаћену ябуку,
Пакъ ми Дужде за Максима пита,
„Ко є Максимъ ођенъ у сватове?"
Сви сватови Ђура кажевали,
Шъ ньимсе грли ябуку му дае,
Пак' су дошли два Дуждеви сына,
Доніели два чивта пушакахъ,
Валяю имъ стотину цекинахъ,
Обоица пита за Максима,
Сви сватови Ђура кажевали,
Шъ ньимсе грле и пушке му даю;
Ма дођоше дви шиахе Дуждеве,
Доніеше до двіе кошулѢ,
Више злата но біела платна,
За Максима обѢ упиташе,
Сви сватови Ђура кажевали,
И кренуше на свое дворове;
Кад' дођоше горы узъ планину,

Него вели Максимъ Ивовићу:
„Дай ми Ђуро діо одъ дароваxъ!...“
А онъ му га дати неоћаше,
И Максимъ му главу посѣкао,
За што му га дати нехоћаше;
Но ћера га, Максима Ивова,
Нѣг' поћера Обреновић' Вуче,
У Скадаръ га Вуче угоніо,
А ту оба Турцы обколише,
Уфатише те ихъ помирише,
Ма упутъ ихъ оба потурчише.

71.

Милость Материна.

(Одъ Радована Милошева Ровчанина.)

Пошетала Ђурова Єрина,
По пространну граду Смедереву,
Са Лазаромъ сыномъ неякіемъ,
Бѣше скоро оженила сына,
Ђерцомъ миломъ одъ Будима краля,
Шетаюћи къ милой снаши доће,
Па ту ньойзи божю помоћъ дава,
Ма ни уста ни ти є прифати,
Н' ако одъ нѣ обраћаше главу,
Ал' Єрина ріечъ бесѣдила:
„Што си мисе снашо наѣдила?
Видишъ равно полѣ Годоминско,
И у полю біелу пшеницу,
Ако буде по реду мріети,
Ак' умремо я и Ђуро снашо,
Све ће остат' тебе и Лазару?!
Іошъ видишъ ли высока бедена,
Узъ бедема тры біеле куле,
Све тры благомъ куле завршене,
Ак' умремо я и Ђуро снашо,
Остатите тебе и Лазару?!“
А снашасе наѣдила млада,
Срчиласе... діете є лудо —.
Тада вели Ђурова Єрина;
„Мой ты сыне неякій Лазаре!
Међеръ тисе наѣдила люба,
Е 'си ди'те лудо и неяко,
Завуци іой по нѣдрима руке,
Дако бысе куя насміяла.“
Погна ди'те завуче іой руке,
Иѣдко га шакомъ ударила,
Докъ діете крвца обасула,
Начини му ранну на образу,
Ди'те писну, на трагъ узбѣгнуло,
И старой є майцы бесѣдило:
„На зло 'си ме майко намѣрила!“
А да видишъ Лазареве любе,
Бабу своме кньигу оправила:
„Како си ме бабо надоміо,
Тако свою душу намѣстіо;
Нейма Лазу до деветъ годинаxъ,
Кадъ ишао Ђуро за ђевойку,
Ставіо є млада ђувеглію
А своега слугу Милутина.“
Када кралѣ кньигу проучіо,
А Госпоћу дозива кральицу:
„О шћери ми ситна кньига доће,
Нейма Лазу до деветъ годинаxъ,
Оћу силну покупити войску,
Окренут' є мѣсту Смедереву,
Похараћу мѣсто Смедерево,
Уватити Смедеревићъ Ђура,
На сваке га муке ударити,
Нека знаде съ кимсе пошалюе.“
Кральица му таде бесѣдила:
„Немой мѣсто харат' Смедерево!
Ни смицати Смедеревца Ђура,
Ни Лазара зета неякога,
Могли бы ти неће требовати.“
Заиста є слушат' неоћаше,
Но шћаваше силну купит' войску,
Докле кралю ситна кньига доће
Одъ Турскога цара честитога:
„Купи кралѣ силовиту войску,
Айде шъ ньоме на полѣ Кіево!...“
Незна Кралѣ ку ће окренути,
Ал' ће мѣсто харат' Смедерево,
Ал' ће цару ићи на билѣгу,
Па одъ муке и кральицу пита:
„Ку ћу силну окренути войску?“
Кральица му таде бесѣдила:
„Ты оправи листъ кньиге біеле
Пріятелю Смедеревацъ Ђуру,
Нек' ти войске скупи сто хиладаxъ,

И предъ ньима зета неякога,
А за войскомъ ашлукъ и захиру,
Нека тебе у индата дође."
Таде кралѣ кньигу накитiо,
Прiятелю Ђуру оправiо:
„Скупи мене войскê сто хилядахъ,
И пред' ньоме зета неякога."
Како Ђуру кньига допанула,
Тако стао покупляти войску,
Доведе є граду Смедереву,
И пред' ньоме стави старешину
Свог' Лазара сына неякога,
И тамо га спраля у пуницê,
Са своимъ слугомъ Милутиномъ,
Да га виде таств и пуница;
Іошъ є сына быо научiо:
„Када тамо у Будима дођешъ,
У полѣ ће войска починути,
А ты хайде у Будима града,
А кад' бидешъ на врата одъ града,
Срестиħê те кралѣ и кральица,
Ты у руку свог' полюби таста,
Па пожении кралѣвой кральицы,
Ако биде рода хорянцкога,
Пуштиће ти полюбити руку,
Ако л' биде рода господцкога,
Неће тисе дати полюбити,
Но ће она тебе загрлити."
Па отале окренула войска,
Ударише зильке и борiе,
А са града дернуше топови,
Отле силна подигласе войска,
Докле дође подъ Будима града;
Ту развише крсташе баряке,
А распеше свилене чадоре,
Паде войска у то полѣ равно,
Отле оде неякiй Лазаре,
Шъ нѣговiемъ Милутиномъ слугомъ,
Прав' у Будимъ тасту и пуницы,
Сретоше га на врата одъ града,
Срете нѣга кралю и кральица;
Лазаръ тасту полюбiо руку,
Пакъ онъ ћаше полюбит' пуницы,
Она бѣше рода госпоскога,
Недаде му руку полюбити,
Него зета бѣше загрлила,

Одведе га на ћемерли кулу,
Шећерли му послужи ракiю;
Кралѣ стаде искупляти войску,
И краль скупи войскê сто хилядахъ,
Па нешћеде мiешати войску,
Но ставише войску напоредо,
Па отоле войскам' окренуше,
Ударише зирке и борiе,
Пролiежŷ брда и долине,
А са града дернуше топови,
Окренуше земльомъ по ћенару,
Докъ дођоше на полѣ Кiево...
Ту царъ бѣше съ войскомъ изишао,
Поставише войске напрема се,
Докле добро войске одморише,
Па тад' боя люта заметнуше,
Бише боя за деветъ годинахъ,
Єданъ другомъ надолѣт' неможе,
Лазаръ бѣше витезъ испануо,
Онъ у войску суда поставiо,
А имаше Баба болећега,
Те му добаръ таинъ опраляше,
А пуница крiюћ' му шиляше
Іошъ сувише и краль му даваше
Те нѣгова побѣшиѣла войска
А кралюсе мука придесила,
Нѣговасе поболѣла войска,
Одъ зле муке одъ грознице люте,
Царъ му єдно ютро ударiо,
Сву кралѣву войску крдисао,
Іошъ и краля жива уфатiо;
Докле Лазу гласи допанули;
„Кралѣвасе войска крдисала,
И таста ти жива уфатише."
Саде Лазаръ войску напуштiо,
Посѣче му стотину хилядахъ,
Оте жива краля у Туракахъ,
Оте цару благо и захиру,
Пакъ отале поврнуо войску,
Починуо на полю Кiеву;
Тад' отоле съ войскомъ окренуо,
И дођоше подъ Будима града;
Срете войску госпођа кральица,
Она зета познат' немогаше,
Ѥ бiяше витезъ испануо,
Потлѣ iой га другiи кажеваху,

Пакъ є зета свога загрлила,
Загрлила па га полюбила,
Узведе га на біелу кулу,
Она сѣде зета поред' краля,
Па донесе шеќерли ракію,
И донесе сваку̑ ђаконію,
Примаче имъ вина исъ Токая,
Па є таде кралю бесѣдила:
„Шћаше харат' мѣсто Смедерево,
И свог' зета изгубит' Лазара,
А бы добаръ у неволю тешку?..."
Ту є Лазаръ съ войскомъ починуо,
Починуо за неђелю данахъ,
Па отоле ск войскомъ окренуо,
Прати зета кралю и краљица,
Кад'се Лазаръ съ тастомъ раздвоіо,
Таде тасту полюбіо руку,
А приступи Будимска краљица,
Па Лазару зету бесѣдила:
„Неймамъ дара чимъ те даровати,
Више имашъ него имамъ блага."
Па извади плетену̑ канџію,
Те є̑ зету додаде Лазару:
„То помеси моіой милой ћерцы!
То є ньойзи майка оправила."
Онъ і' обѣси о коню Дорину,
Па отоле войскомъ окренуо,
Дође Лазаръ здраво Смедерсву;
Све изиде мало и велико,
Немогаху познати Лазара,
Ни Ђуро га познат' немогаше,
Ни майка му Ђурова Єрина,
Докле имъ га другіи неказаше;
Кад' га Ђуро позна и Єрина,
И самисе оны зачудише,
Какавъ бѣше витезъ испануо,
Тад' са сыномъ єсус' целивали,
Докъ ево ти любе Лазареве,
Она нѣга познат' немогаше,
Немогаше оли нехоћаше,
Али га є найзадъ познавала,
Што є нѣга лудог' ударила,
Была му є ранна на образу;
Кад' ли позна и виђе Лазара,
Савіясе како змія люта,
Те Лазара люби по рукама,
И коня му люби по копита,
Паксе таде бѣше одмакнула,
Но Лазаръ є къ люби прискочіо:
„Стани мало моя вѣрна любо!
Нешто ти є майка оправила."
Па потрже плетену̑ канџію,
И самасе она зачудила,
Какву іой є милость оправила,
Ал' є̑ Лазаръ канџіомъ удари,
Тесе сложи на земљицы црной,
Пакъ є̑ іоште ћаше ударати,
Но допаде Ђуро и Єрина:
„Немой више ако знашъ за Бога!
Е ће доста быти пріекорна,
Пріекорна быти до віека;
Што те негда шакомъ ударила."
Онъ послуша оца и матеру,
Не шће любу више ударати,
Већ' осѣде свог' добра коньица,
Па ушета у дворе біеле,
Ту живіо, доксе и смиріо —.

72.

Што є Груіо.

(Одъ Леке̑ Мастиловића ускока, и славнога гудца и пѣвца изъ Гацка.)

Вино піе Новакъ и Груица,
А у чайной горы Романніи,
Ама рече Новаковић' Груіо;
„Остарѣсмо, ништа невиђесмо!
Ни войводе Срмског' ни єднога,
Нити виђехъ Марка Кралѣвића."
„Мой Груица да ти отацъ каже:
Подигосе одъ Леђана Кралѣ
Преко Лѣчке и преко Полячке,
Преко Турске и преко Каурске,
И прешо є на води Єитницы,
И отишо крозъ землю Харапску,
Изишао у землю Ђурђію,
Запросіо у краля ђевойку,
Запросіо и краль му є дао,
И дошо є біелу Леђану;
Велике га мысли донавуле,

Харапиће' нѣга дочекати,
Та му изсѣћ' кићенѐ сватове,
Па сад' Србаљ зове у сватове,
Зове Релю и зове Милоша,
Зове, рече, изъ Прилипа Марка,
Са Сѣницѐ Мусића Стевана,
Изъ Косова изъ край Митровицѐ,
Отле зове Иван' Косанчића;
Одъ ліепа стойна Біограда,
Зовѐ краль два сына Якшина,
Оба брата Митра и Шћепана,
Изъ Топлицѐ войводу Милана,
И два брата два Воиновића,
Оба брата Мійка и Шћепана,
И силнога одъ Сріема Вука,
Одъ Сибиня Янка и Секула,
Осталіехъ хиляду сватовахъ;
Па да пођешъ сыне до Леђана,
Штогођъ добра има у Србаляхъ,
Ту ће кралю быти у сватовма."
Іошъ старъ Новакъ на ноге ђипіо,
Па довати бошчу изъ пенџера,
У ньой свила, и у ньой кадифа,
У ньой токе а у ньой доламе,
У ньой копче а у ньой чакшире,
У ньой крила а у ньой челенке;
Па кад' Новакъ огледе Груицу,
Ни самъ га се нагледат' немого',
А изведе Дора исъ пећине
Оседлана уздомъ зауздана,
Кад' Груица посѣде Дората,
Сѣтуе га Старина Новаче;
„Хайде мудро непогини лудо,
А ка будешъ прео Сараева,
Махатиће буле яглуцима:
„„Ябанлія! окренисе амо!"""
Немой гледат', немой погинути,
А клеђе те Туркинѣ ђевойке:
„„Своя тебе кућа невиђела!"""
Ты ћешъ пріећ' Босну землю равну,
Па ћешъ проћи шехеръ Баню-луку,
Фатићешсе Сплета каурскога,
Сићешъ Груіо у влашкѐ Котаре,
Тражи кулу Виелић' Іована,
Іованъ ми є Богомъ побратиме,
Одвешће те біелу Леђану,
Тысе кажи чій си и како си,
Прибраћѐ те све Србске войводе."
Оде Груіо горомъ Романіомъ,
Новакъ нѣга очма испратіо,
А низъ образъ сузам' оборіо:
„Како спремихъ лудога юнака!"
Замче Груіо, оде Сараеву,
Гледаю га кићене ђевойке,
А махаю одъ злата махраме,
Ама Груіо ни хабера нейма,
Єдномъ гледну накера Дората,
Врисну цуре ка' и зміе люте,
Те Груицу сагледат' немогле,
Сву пројђе Босну землю равну,
И онъ прође шехеръ Баню-луку,
Фатіосе Брода каурскога,
Сиде Груіо у влашке Котаре,
Обзиресе десно и ліево,
Ђе ће Груіо конакъ учинити,
Виђе кулу о деветъ таванахъ,
А предъ куломъ ліепа невѣста,
До два држи у наручю сына,
Груіо ньюйзи божю помоћъ дава:
„Чія ово кула и авлія?"
А невѣста сузе оборила:
„Ничія є незнана Деліо!
Ова кула нейма сахибіѐ,
А невѣста нейма господара;
Ово ти є Біелића кула,
А я єсамъ Біельића люба,
Я 'самъ чула ђе говоре люди,
Дасе Іованъ тешко осужньіо
У некаква одъ Ђурђіе краля,
Ево има тры године данахъ."
Каже Груіо кудсѐ замучіо,
И како ће кралю у сватове,
Тад' невѣста руци му приступа,
Закуми га Богомь истинніемъ,
И ришћанскимъ златніемъ Іованомъ:
„Прійми кумчадъ Новаковићъ Груіо!"
Груица іой кумчадъ приватіо,
Ал' му кума дае аманете:
„Ако здраво сидешъ у Ђурђію,
Наслонисе на тавницу Іову,
И поздрави мога господара,
Люба ти є останула трудна,

Ено у нѣ два близанца сына,
У хайдука мало готовине,
Оће ли ти водхранит' сынове,
Хоће л' продат' кулу и авлію?"
Ньойзи Груіо божў вѣру дава:
„Я ђу кума избавити мога,
Ял' на благо яли на юнаштво,
Я оставит' главе у Ђурђію!"
Па ту Груіо ноћцу преноћіо,
А у ютру добро ураніо,
Шћера коня біелу Леђану,
Зачудисе одъ Леђана кралѣ,
Какавъ бахну юнакъ у авлію;
Оде Груіо питат' за сватове,
А вели му одъ Леђана кралѣ:
„Сехратліо те одвише дивна!
Отишлису има по године;
Па ихъ небы одъ землѣ Ђурђіе,
Ни єданъ ми доћи никадъ неће —."
„Дай ми кралѣ добра калауза,
За ньимаћу поћи у Ђурђію."
А краль нѣму нађе калауза,
И поћоше путъ землѣ Ђурђіе,
Пріећоше Лѣчку и Полячку,
Пресѣздише Турску и Каурску,
Доће Груіо на воду Ситницу,
Ал' ево ти шичели кочіяхъ,
А у ньима біело Латинче,
Голо, босо, тужно, распасано,
Нѣга пита Новаковъ Груица:
„Кочіяру чіесу кочіе?"
„Ничіесу драгій Господару!
Носимъ кньиге изъ землѣ Ђурђіе,
Послало ме дванаесъ войводахъ,
Остадоше сваты у Ђурђіи;
Веће брате кудси накастіо,?..
На води є хиляду Харапахъ,
Проћ' неморешъ ты да имашъ крила,
Садъ одъ мене штосу учинили!"
Шѣде Груіо мыслит' и размышлят',
Утече му момче калаушче,
А напріедъ никуд' неуміе:
„Фала Богу чуда великога!
Ђе ћу своє кости оставити?!"
Па сердито ишћера Дората,
А кад' быо на воду Ситницу,
Ал' на води хиляду Харапахъ,
У Ситницу наћера Дората,
У по воде саблю извадіо,
У Харапе наћера Дората,
И стотину посіече главахъ,
И проћера здраво и весело,
Онъ оћера право путъ Ђурђіе;
А кад' быо у полѣ ђурђинско.
Угледа га дванаесъ войводахъ,
Узе Марко Дурбинъ одъ билура,
Па га тури на деветъ канатахъ,
Што ньимъ види дванаесть сахатахъ,
Марка пита дванаесъ войводахъ,
„Можешъ ли га познавати Марко?"
„Незнамъ браћо незнали ме яды!
По прилицы као кажу люди,
Ако ніе Новаковъ Груица,
А изъ чайне горе Романніе;
Како ли є прешо' на Ситницы,
Васъ се Груіо у крвь замотао."
У то Груіо и подъ кулу доће,
А млађіи му прифатише Дора,
Иде Груіо кули у шкаліице,
Све войводе на ноге ђипише,
Докъ му божу помоћъ прифатише,
А свакій му пружи купу вина:
„Добро дошо незнанный юначе!
И како си прешо на Ситницы?
Срамота є упутъ упитати,
Ма окле си, и одъ кое землѣ?"
„Я самъ главомъ Новаковъ Груица!
А одъ чайне горе Романніе,
И добросамъ прешо на Ситницы,
Стотинусамъ посѣко Харапахъ,
А толико Доро погазіо;
Па што добра има у Србаляхъ,
Свега ево данасъ у Ђурђіи,
Но заръете окапати оће,
Олиђете водити ђевойку?"
Ту прекори дванаесъ войводахъ,
Све войводе на ноге скочише,
И ђахусе упутъ опремити,
Ама неда Новаковъ Груица,
Докъ Груица за Іована каже!
„Валя мени кума избавляти!
„Я ћу своює оставити главу."

Моли мусе Кралѣвићу Марко:
„Мой соколе Новаковъ Груица!
Ніє ласно избавит' Іована,
На Ђурђіи хиляду топовахъ,
А солдата има сто халядахъ,
Већ' да конѣ сютра истрчимо,
Залети ме Новаковъ Груица:
„„Ход' да Марко коня пазаримо,
Даи прійда два товара блага.“ “
Ӕћу Груіо искат' тры товара,
То ђе чути дванаесъ войводахъ,
Чуће зъ града хиляду Латинахъ,
Хоће нама пазаръ начинити,
Мы хоћемо пазарит' Груица;
Па нек' моли гиздава ђевойка
Свога баба одъ Ђурђіе краля,
Да изведе робѣ изъ тавнице,
Ӕдно роблѣ дас' огріе сунца,
Да ђевойцы Хаир-дову даю,
Дасе тамо у том' дому смири —.“
А кад' свану и огрія сунце,
Устадоше конѣ пазариват',
Истрчаше конѣ на кошію,
Салеће га Новаковъ Груица:
„Ход' да Марко коня пазаримо!“
Дава Груіо два товара блага,
А Марко му иште тры товара,
То зачуло дванаесъ войводахъ,
А чу зъ града хиладу Латинахъ,
У томе имъ пазаръ начише,
И утоме конѣ міеняше;
А кад' Груіо узяха Шарійна,
Под высоку у Ђурђіи кулу,
Ал' ту ядно робѣ изведено,
Све є робѣ на ноге ђипило,
До жалосна Віельйић' Іована,
Отіяше ама немогаше,
Неда мусе гвожђе подигнути,
Па га пита Новаковъ Груица:
„Ко є овди Віельйићъ Іоване?
Каже мусе Віельйићъ Іоване.
Онъ Іована узе у синциру,
Па га тури Шарцу на рамена,
А пустыйсе научіо Шарацъ
Добаръ товаръ подъ Маркомъ носити,
Нешто вина нешто Кральић' Марка,
Па побѣже пољемъ ђурђинскіемъ,
На Ђурђіи єкнуше топовы,
Ал' незнаше ни куд' оде Груіо,
Тек' молисе кралѣ одъ Ђурђіе,
Молюсе Марку Кралѣвићу:
„Поврати ми онога юнака!
На поклонъ ти Віельйићъ Іоване.“
Оде Марко и врну Груицу,
Чаушъ викну дабулхана рикну,
У то кралѣ изнесе дарове,
Те дарива хиляду сватовахъ,
Па пођоше кићенны сватовы,
А кад' быше на воду Ситницу,
На води є Харап' тры хиляде,
Међу ньима троглавъ Харапине,
Изъ эдне му огань біе главе,
А изъ друге студенъ вѣтаръ пуха,
А изъ треће людскій хавазъ дава,
Препадесе Кралѣвићу Марко,
А вели му Новаковъ Груица:
„Богомъ отацъ Кралѣвићу Марко!
Дай ты мени Шарца дебелога,
И дай мене саблю демишћію.“
Шарца даде а сабѣ недаде,
Кадсе Груіо добави Шарійна,
Посѣдну Шарца маменнога,
А гледа га Мусића Стеване,
За Стеваномъ Бановић' Сакуле,
За Секуломъ Обилић' Милошу,
А за ньиме два сына Якшина;
У Харапе конѣ наћераше,
Дочека ихъ троглавъ Арапине,
На нь' Груица наћера Шарійна,
Єдномъ махну те му двіе смахну,
А изъ треће Харапъ проговори:
„Богомъ брате одъ сватовахъ свате!
Немой мене више ударити,
Обѣ могу преболѣти главе!“
Другомъ махну те му трећу смахну,
А войводе конѣ наћераше,
И сви остре саблѣ извадише,
Марко викну ко' да лѣлѣнъ рикну,
Хиляда имъ посѣкоше главахъ,
Пріеђоше на води Ситницы,
Ни бы кака грдна ни раннѣна,
И дођоше біелу Леђану,

Доведоше госпою ђевойку;
А да видишъ Новакова Груя!
Ћаше кралю да осѣче главу,
И овако кралю говораше:
„За што Сербам' пріевару градишъ!?"
Препадесе одъ Леђана кралѣ,
Па войводам' тайно говораше:
„Ево пуна тры товара блага!
Недайте ме Новакову Груйю,
Хайдукъ силанъ изъ незнане землѣ,
Хоће мени одасѣћи главу."
И узеше блага тры товара,
Подіели дванаесъ войводахъ,
И Груицы даше старѣшинство,
Оде Груіо у влашке Котаре,
А одведе Біельйић' Іована.
Створи куми штосе затекао,
Чини великъ шенлукъ низъ Котаре;
Када дође Біельйић' Іоване,
Ту су дома починули оба,
Починуше два мѣсеца данахъ,
Отолексе Груіо подигнуо,
То зачуле Аге Сарайліе
И великѣ истурили страже,
На єдну є Груіо нагазіо,
На ньой тридесть главахъ осмече;
Па друга га стража дочекала,
И четресть іой главâ посіече,
Трећа га є дочекала стража,
Тусе люта заметнула кавга,
Забависе Новаковъ Груица,
И добру є рапну задобіо,
Ал' и шесеть окинуо главахъ,
Па прокера, оде къ Романніи;
А кад' бâби у пећину дође,
Єве му каза штосе учинило,
И како є войводе видіо,
Сву просвѣтку Србске землѣ славне,
И како га Марко поздравіо;
Груя Новакъ рукам' загрліо,
Докъ на нѣму ранне опазіо,
Новакъ писну сва пећина цикну,
Па одъ землѣ на ноге ђипіо,
Стаде видат', извида Груицу,
И нежали ђесе обранніо,
Кад' юнаштво такво починіо,
Та здраво є каконо и быо,
И како му свакій Србъ желіо. —

73.

Марко Кралѣвићъ.

(Одъ Лукê Шћепанова Ровчанина.)

Скупи царе триста хиляд' войскê,
Онъ похара шездесетъ градовахъ,
До Оканна града Харапскога,
Ал' Оканна прійимит' немогоше,
Но бише га за тридестъ годинахъ,
Кои старыи воеваше войску,
Подь градомъ имъ кости остануше,
Кои млађи воеваше войску
Сіеда имъ брада до поляса,
Коя л' ђеца одъ године данахъ,
Она свога одмѣнюю бâба;
Посадише сâде винограде,
Новогасе напоише вина,
Неузеше дрва ни камена,
Ни одбише клака одъ камена.
То кад' виђе царе Сулеймане,
Онъ оправи біела фермана
Ка Прилипу Марку Кралѣвићу;
Да му дође Марко у индата;
А кад' Марко дође Кралѣвићу,
Біо боя за неђелю данахъ,
Но долазе Лâле и везиры:
„А помагай царе господаре!
Нама Марко све отимлѣ главе,
Доноси ихъ тебе на пешкеше,
Ты му царе млогій бакшишъ даешъ."
Но имъ вели царе Сулеймане:
„Чуйте ме мои соколови!
Ево сютра данъ светâ неђеля,
Сютра Марко саблъомъ несіече,
Но подъ чадоръ піе вино хладнô,
Да ве виђу мои витезовы,
Штаћете ми доніети главахъ!?"
Кад' у ютру освану неђеля,
Марко піе подъ чадора вино,
Но излазе изъ града Харапи,
Те подъ градомъ ценякъ учинише,

Докъ повикну са куле ђевойка:
„Ха Арапи црнъ ви образъ бuo!
Ніе оног' доброга юнака
На шарену коню великоме,
Ал' є раньѣнъ, ол' є погинуо."
Кидисаше у Турке Харапи,
Те разгоне подъ Окана Турке,
Посѣкоше войске сто хилядахъ,
Догнаше є цару до чадора,
Ал' поскочи царъ Отмановићу,
Те онъ буди Кралѣвића Марка:
„Устай Марко ако знашъ за Бога!
Те освећуй свога поочима,
И нѣгову нагрђену войску!"
Сананъ ђипи Кралѣвићу Марко,
Врже остру саблю припасао,
А о Шарцу топузъ обѣсіо,
Па усѣде Шарца у рамена,
У Харапе юришъ учиніо,
Докъ повикну са куле ђевойка:
„Ай Арапы браћо моя драга!
Бѣжте у градъ ядна ваша майка!"
Сви Харапи у градъ побѣгоше;
Докле Марко до Оканна дође,
Онъ посѣче дванаесъ хилядахъ,
Одъ Оканна затворише врата,
Али Марко вата топузину,
У коіой є седамдесетъ окахъ,
Ньомъ удара у врата одъ града,
Докъ на граду саломіо врата,
Дочекаше г' на врата Харапи,
Задаше му седамдесетъ ранахъ;
Но улѣзе у Оканна града,
И уведе войске сто хилядахъ,
Поробише мало и велико,
Опалише огнѣмъ свеколико,
И Оканна града прифатише,
Пакъ одоше цару муштулуцы:
„Муштулукъ ти царе Сулеймане!
Марко ти є града прифатіо."
Кад' Муштулукъ пріе долазаше,
Даваше му чоху немѣрену,
Кад' муштулукъ потлѣ долазаше,
Даваше имъ благо неброено;
Тек' то доба мало постануло,
Али ево Кралѣвићу Марко,
У крвцысе умочіо црной,
Іошъ на нѣму седамдесетъ ранахъ.
Кад' га виђе царе Сулеймане,
Рони сузе нузъ біелу браду:
„Вай ме мене Кралѣвићу Марко!
Єс' ли мучно хот' ли умріети?
Оћу л' тражит' одъ мора хећиме,
Єсу ли ти ранне за видана?"
Ма вели му Кралѣвићу Марко:
„А нелудуй царе Сулеймане!
Но дай мени дас' напіємъ вина,
Е самъ юнакъ труданъ и уморанъ,
Па за ранне мое нестарайсе."
Дае царе вино Кралѣвићу,
Вино піе Кралѣвићу Марко,
Піе вино єданъ мѣсецъ данахъ,
Вино піе ранне зараштаю,
Док'се Кральићъ извидао Марко;
Царъ му даде шесъ товарахъ блага,
Ал' Оканна града прифатіо!
Оде свакій обичаю своме,
Оде Марко у Прилипа града,
Да одмори Шарца одъ мейдана,
А и стару да пригледа майку.

74.

Деспотъ Ђуро.

(Одъ истога Луке Шћепанова Ровчанина.)

Подижесе тридесетъ войводахъ,
А предъ ньима Бан-деспоте Ђуро,
Те одоше у ловъ у планину;
Ловъ ловише тры біела дана,
Отолесе на трагъ повратише,
Кад' дођоше у полѣ Маџарско,
Ал' ево ти и войвода Янко,
Око нѣга тры стотин' Маџарахъ,
Играюсе игре свакояке,
Метаусе тешкога камена
Премеће имъ Маџарин' Тодоре;
Скачу хитра скока юначкога,
Прескаче имъ Бановић' Секуле,
Трче брза трка пѣшачкога,

Утѣче имъ воевода Янко.
Но имъ Ђуро помоћъ називаше,
Янко му є помоћъ приватіо:
„Богъ дай будди, Бан-деспоте Ђуро!“
Но му рсче Янко воевода:
„Сврaћай амо Бан-деспоте Ђуро!
Дас' играю Србы съ Мацарима.“
То є Ђуру и премучно было,
Погледнуо юнакъ на юнака,
Ђуро гледа Юга богатога,
А Югъ гледа на деветъ сыновахъ,
А сынови Митра наймлађега,
Наймлађега ема найболѣга;
Дмитаръ гледа Косанчић' Ивана,
Иванъ гледа Топлицу Милана,
Миланъ гледа Лютицу Богдана,
Богданъ гледа войводу Милоша,
Милошъ гледа Релю крилатога,
Реля гледа Кралѣвића Марка,
Марко гледа Облачину Рада,
Но негледа Раде ни єднога;
Онъ оскочи одъ коня доброга,
Па ускочи у Мацаре Раде,
Онъ узимлѣ тешкога камена,
Єдномъ тури те имъ га дотури,
Другомъ тури далеко претури,
Небы бойно доватило копѣ,
Єдномъ скочи те имъ га доскочи,
Другомъ скочи, далеко прескочи,
Ласно бысе укопао Раде,
Іошъ говори Облачина Раде:
„Айд' да і' демо воевода Янко,
Да трчимо трка юначкога!“
Отидоше у дно поля равна,
Потрчаше полѣмъ Мацарскіемъ,
До средъ поля ноге міешаше,
А кад' быше са средъ поля равна,
Оде Раде пролазити Янка,
Братими га воевода Янко:
„Богомъ брате Облачина Раде!
Немой мене данасъ пролазити,
А ево ти стотина дукатахъ.“
Но му вели Облачина Раде:
„Невала ти воевода Янко!
Даће мене Бан-деспоте Ђуро,
За данашня моя тры мейдана,
Даће мене и триста дукатахъ!“
Па отрча полѣмъ Мацарскіемъ,
Докле Янко на билѣгу дође,
Дотле Раде починуо трудан,
Па засѣде коня великога,
Жао было воеводи Янку,
Па онъ узе стрелу Секулову,
Устріели Облачину Рада,
Ранѣнъ паде у зелену траву;
Жао га є Бан-деспоту Ђуру,
Па погледну юнакъ на юнака,
Ђуро гледа Юга богатога,
А Югъ гледну на деветъ сыновахъ,
А сыновы брата наймлађега
Митаръ гледа Косайчићъ Ивана,
Иванъ гледну Топличанъ Милана,
Миланъ гледа Лютицу Богдана,
Богданъ гледну Обилянъ Милоша,
Милошъ гледа Релю крилатога,
Реля гледа Марка Кралѣвића,
Ал' негледа Марко ни єднога,
До налюти Шарца великога,
Па є остру саблю истргао,
У Мацаре юришъ учиніо,
А повикну тридесетъ войводахъ;
Докъ войводе сабѣ повадише,
Марко тридестъ Мацарахъ посѣче,
То кад' виђе Облачина Раде,
Утегнусе мукадемъ поясомъ,
Свог'се врана коня доватіо,
У Мацаре юришъ учиніо,
На гоне ихъ єданъ на другога,
Паде тама на полю Мацарскомъ,
Бога моли ліепа ђевойка:
„Дай ми Боже віаръ одъ планине!
Да я видимъ чія гине войска.“
Богъ іой даде што у Бога иска,
Пухну віаръ вѣтаръ одъ планине,
Те по полю разагнао таме,
Ал' Мацара нейма ни єднога,
До біежи воевода Янко,
А гони га Кралѣвићу Марко,
Заклинѣ га воевода Янко:
„Богомъ брате Кралѣвићу Марко!
Немой мене изгубити главу,
Достасте ми яда учинили.“

Марко му є за братску прійміо,
Тесе Марко на трагъ повратіо,
Окуписе тридесетъ войводахъ,
Те Маџарма узеше оружѢ,
Узеше имъ конѢ и оруже,
Укопаше Облачину Рада,
Ліепо га браћа ож҄Ѣваше,
Тад' одоше къ Смедереву... своме.

75.

Какавъ є Ра̂де.

(Одъ истога Радована Милошева Ровчанина.).

Вино пію до тры побратима,
На обали Саве и Дунава,
Єдно ми є КралѢвићу Марко,
А друго є Янко одъ Сибиня,
А треће є Ра̂де Єлечевићъ;
Кад'се руйна вина понапише,
А у себе ћеифъ опазише,
Наточіо Марко КралѢвићу,
Наточіо єдну купу вина,
Па бесѢди Марко войводама:
„Вы л'се нашло доброга юнака!?
Да попіе ову чашу вина,
Да попіе да ни незафали."
Но да рече Янко одъ Сибиня:
„Я ти знадемъ доброга юнака,
А сокола Мусу одъ Загоря,
Бы попіо, небы зафаліо."
А да рече Єлечевићъ Раде:
„Я ти знадемъ и болѢг' юнака!
Одъ Требиня мѢста честитога,
А Турчина Меху Ђурђевића;
Нейма нѢму но двадесть годинахъ,
Дванаесть є добіо мейданахъ,
И дванаесть има челенакахъ;
Да налѢзе друмомъ овудіе,
Бы попіо и онъ купу вина,
Бы попіо небы зафаліо."
Вашъ у ріечъ у кою біяху,
Докъ ево ти Мехе Ђурђевића,
На Дорину ка' на горску̑ вилу,
На Дорину ноге прекрстіо,
У руке му седефли тамбура,
Ситно куца танко попіева;
На нь' су токе одъ четиры оке,
ЗасѢкли му до раменахъ брцы,
Шяю мусе токе прозъ бркове,
Ка' и мѢсецъ крозъ єлово гранѢ,
Па мимо ньихъ проћера Дорина,
Тадъ одъ коня осѢде виловна,
На ункашъ му узду узтуріо,
Преко седла кузманъ претуріо
Онъ отиде право къ войводама;
Силанъ бѢше ништа незбораше,
Нађе купу вина наточену,
Попіо є па незафаліо.
Отле оде ка коню Дорину,
Па дозива Єлечевић' Ра̂да:
„Копиляне Єлечевићъ Раде!
Єсамъ чуо ђе кажую људи,
Е 'си юнакъ добаръ на свієту,
А и мене краина познае,
Ход' на мейданъ, да га дієлимо!"
Вашъ ни мило Раду небіяше,
Ал' му друга̑ быти немогаше,
Него скочи одъ землѢ на ноге,
Острицу є саблю повадіо,
И къ Турчину юришъ учиніо,
Нагнаосе юнакъ на юнака,
Докле саблѢ оба саломише,
И обадва ранахъ допадоше;
Но у війте костис' уфатише,
Четирысе носише сахата,
Марко шѢди, и войвода Янко,
Н' оте̑ помоћ' ни єдноме ньима,
Докъ Турчина пѢне попануше,
Ядна Ра̂да бійле и крваве,
Таде викну Єлечевић' Раде:
„Побратиме одъ Сибиня Янко!
Помози ми Богомъ побратиме!"
Скочи Янко на ноге одъ землѢ,
Увати га Марко КралѢвићу,
Увати га за скутѢ о доламе:
„Срамота є Богомъ побратиме!
Срамота є по два на єднога,
Нешчекала майка ни єднога!"
А кад' виђе Єлечевић' Раде,

Е му нете помот' побратими,
Таде викну Богомъ посестриму,
Посестриму Нагоркиню вилу:
„Помози ми Богомъ посестримо!
Е 'си мене дала вѣру тврду,
Да ми вади биденцъ на неводьи.
Таде вила шъ ньиме бешѣдила:
„'Да л' ніесамъ тебе щѣтовала,
Да непіешъ преко мѣре вино?
А ђесу ти ножи ижъ чизамахъ?"
'Онъ упута ноже доватіо,
Те Турчина шъ ньима ударіо,
Попречице на средъ ожмичице,
Испаде му међу лопатице,
Разнесе му црне утробице,
Паде Турчинъ у траву зелену,
А припаде Єлечевићъ Раде,
Те Турчину главу посѣкао,
И скиде му одіело дивно,
Па му узе дебела Дорина,
Отле къ своимъ оде побратимамъ,
Уморасе напоио вина,
И прекори свое побратиме:
„Я быхъ вама побре помогао,
Кадъ бы вама за неволю было,
Вы ни єданъ мене неоћасте;
Али ћемо шићаръ діелити."
Коня даде Янку одъ Сибиня,
Марку даде токе позлаћене,
А остало себе оставіо,
Па на томсе побре раздвоише,
И сва трысе братски ижлюбише,
Свакъ отиде ка своему двору.

76.

Груице Посестрима.

(Одъ Голе ђевойке, у Морачи.)

Подранила Туркиня ђевойка,
Подранила ютромъ на водицу,
Да донесе воде у маштрапи,
Но дѣвойка была зачамала,
Ню ми майка остарала кара:
„Курво єдна а не моя ћерко!
Што ты єси на води чамала?
Тысе єси съ некимъ састала!"
Онас' майцы криво куніяше,
Али ньойзи лажа непомага,
Непомага лажа ни заклетва;
Но да ћаху извадит' юй душу
Она млада кажет' неоћаще,
Ђе є была, и што є виђела,
Съ киме лисе за што л' побратила.
Стара викну ка' дасе помами,
Повикнула свое деветъ сынахъ,
И десетог' Бега Атлагића;
Бегъ скочіо одъ землѣ на ноге,
Поскочіо ка' дас' помаміо,
Євое деветъ довикуе сынахъ,
Сви найболѣ конѣ пояхаше,
Пођераше Груюи Новака,
Ка то виђе Новакъ и Груица,
Утекоше у гору зелену,
Унесоше раньѣнъ Радивоя,
Турише га у буково шушлѣ,
Затрпаше словіемъ гранѣмъ,
У то стиже деветъ Атлагићахъ,
Оборише огань исъ пушакахъ,
Дочека ихъ Новакъ и Груица,
Цевердане свое изметнуше,
Свакъ понеког' уби Атлагића;
Доватишее' конякъ ньиховіехъ,
А трготе маче одъ бедрице,
Све су деветъ изгубили были,
А десетог' жива уфатили,
Пакъ и нѣга изгубит' оћаху,
Ал' га неда Новаковићъ Груіо,
Но быо му Груіо говоріо:
„Атлагићу дійна ти твоега!
Проказа л' ме моя посестрима?"
„А тако ми Дійна и кремета!
Ніе, рече, тебе проказала,
Проказала твоя посестрима,
Но волѣла главу изгубити,
А мы сами єсмос' осѣтили,
Те за вама у поточъ потекли."
Груіо нѣму живот опростіо,
И сестри га нѣговой послао,
А виерной своіой посестрими,
Све деветъ му поклоніо главахъ,

И хата му бало повратю;
Атлагикъ є отле пояхао,
Ал' га чска остарала майка,
Да радосне ньойзи каже гласе,
Она гледа иду л' Атлагиħи,
Докъ угледа наймлађега сына,
По имену Атлагикъ Османа,
У зобнице нешто нагучіо,
Єдва чека да одяше сыне,
А докъ майцы на кулу изађе,
Па га пита: „Што ми носишъ сынко?"
Османъ майцы кротко одговара,
А истресе своє браħе главе:
„Груіо тисе поздравіо майко!
И поела' ти на пешкешъ карпузе,
Нека знадешъ да кога имадешъ."
Майка писну, а Османе врисну,
А загрли свою милу Сею,
Полюби є и два и тры пута:
„Фала тебе моя мила селе!
Све коляси муке подніела,
А свог' побра браħи неиздала,
Те ми съ тебе живоћ опростіо."

77.

Златна свирала.

(*Одъ Ягдике Мушкобане у Морачи.*)

Ловъ ловіо паша Цин-Алія,
Ловъ ловіо край Кралѣва двора,
У край двора краля Владислава,
Ловъ ловіо па се уморіо,
Па свратіо кралю на ужину,
Ліепо га кралѣ дочекао,
А су свое двіе снахе младе,
Расланясе млађа на старію,
Дробанъ іой є бисеръ одоліо,
Дробный бисеръ и каменѣ драго,
А то гледа паша Циналія;
Ню ми гледеħ' гледат' немогао,
Па онъ пита краля Владислава,
Имаде ли іошъ коега сына,
Нѣму каже по котлин кралѣ:
„Имамъ єдног' тамо у планини,
А на име чобанъ Миялло."
Паша нѣга опет' упитао:
„Єси л' сына кралѣ оженіо?"
„Ніесамъ га, рече, оженіо?"
Паша нѣму ħерцу обеħава,
А краль паши вако одговара:
„Неможе ни вѣра подніети!
Веħ' ты булу привежи Турчину."
Налютисе паша Цинайлія,
Па отиде двору біеломе,
Посла момке у Шарру планину,
Да увате чобан-Милила,
Да га жива свом' паши доведу;
Ал' нуто имъ муке и бѣлая,
Никако га преварит' немогли,
У томесу игру заметнули,
Бацаюсе камена съ рамена,
Ал' Міяйло небача оружя,
Подъ оружѣмъ свѣма преметао,
Подъ оружѣмъ свѣма одскочіо;
Докъ на трку искочили былы,
Ту оружѣ сви оставе свое,
Тада скоче пашине Деліе,
Сви сплахаше те га уватише,
Наопако руке савезаше,
Па га паши своме поведоше,
Міяйло є дружби говоріо:
„Моя браħо остала дружино!
Причувайте мое бѣле овце,
ДокъБогъ даде тесе њьима врнеть."
А кад' быо према дворовима,
Према двору паше силенога,
Моліосе чобанъ Міяило:
О за Бога дванаесъ Деліяхъ!
Попуштите мое бѣле руке,
А додайте свиралу ми златну,
Да я узмемъ желю одъ свирале."
То Деліе за мобу прійміле,
Попуштиле чобанину руке,
Дадоше му злаħену свиралу,
Єднимъ прстомъ у ню ударіо;
„Авай мене миле снахе мое!
Другіемъ є прстомъ ударіо!
„Авай мене моя стара майко!

То ти хоћу желянъ умріети."
Па трећіемъ пртомъ ударіо:
„Богъ т' убіо мой міо бабайко!
Што си съ Туркомъ піо вино руйно?"
Іошъ оћаше прстомъ ударати,
Недаше му дванаесъ Деліяхъ,
Іошъ оћаше чобанъ бесѣдити,
Недаше му пашине Деліе;
Узеше му злаћену свиралу,
Свезаше му наопако руке,
Одведоше паши Џинайліи,
Изведоше г' на высоку кулу,
Сѣдоше га паши усъ колѣно,
Ал' му вели паша Џинайлія:
„Потурчисе чобанъ Миаило!
И даћу ти ліепу ђевойку,
Да є любишъ кадгодсе пробудишъ."
Міяило нѣму одговара,
Те бесъ страха и ка' дасе кара:
„Небыхъ тисе пашо потурчіо,
Да ми дадешъ ћерцу за любовцу,
И царево свеколико благо."
Паша таде нареди Деліє,
Да у полю хендекъ ископаю,
Те Миайла жива закопаю,
Укопаю жива до пояса,
Да имъ нишанъ буде на билѣгу.
Укопаше г' па га нишанише,
Како кои стрелашъ долазіо,
Тако нѣга стреламъ погађаше,
Али трже кралѣвић' Міайло,
Трже собомъ тамо и овамо,
Искочіо юнакъ исъ хендека,
Па пролеће кроза све Деліє,
Те одлеће на біелу кулу,
Како дође пашу є удріо,
Удріо га ногомъ у мѣшину,
Прште паша ка' одъ яя люска,
Па Міайлос' више необзире,
Но своега подби цевердана,
Па утече нисъ то' полѣ равно,
Онъ небѣжи къ свом' біелу двору,
Нити бѣжи у Шарру планину,
Већ' онъ бѣжи цркви Вилендару,
Тусе упутъ покалуђеріо,
Светый Саво єсте оно бьio,
Коиносе и данданасъ слави
У Србальском' роду и народу.

78.

Марко
У ропству Сараевскомъ.

(Одъ малога дванестлѣтнога Стоянчића Живкова изъ Ясенове у Морачи.

Дође Марко шехер' Сараеву,
Узмучишес' Турцы Сарайліе,
Ткоће Марка на конакъ понести,
Докъ ево ти Залум-Асанаге,
На конака онъ поведе Марка,
Навали му вино и ракію,
Доксе Марко бѣже накитіо,
Накитіо те и заситіо,
Отишао спават' безъ узглавя;
А да видишъ Залум-хасанаге,
Тури на нь'га двое букагіе,
Пакъ є Марка ногомъ ударіо:
„Устай курво Кралѣвићу Марко!
Да піемо вино и ракію,
Да любимо твою Анђелію —."
Шћаше Марко да скочи на ноге,
Недаше му двое букагіе,
Па скупіо Залумъ Сарайліе,
Сви рекоше да обѣсе Марка,
Каурина и Турска крвника,
Кои бѣше поочіо цара,
А да Турке лашнѣ ископава,
Сви рекоше сложно покликоше:
„Обѣс'мо га у неђелю прву!
Диндушманинъ нек' є кои манѣ —."
Кад'се Марко на невольи нађе,
Онъ довати дивитъ и артію,
Даде му га ліепа ђевойка,
Мила ћерца Залум-Хасанаге,
Пакъ є ситну кньигу накитіо,
Свог' сокола бѣше доклицао,
Нѣму кньигу подъ грроце веже,
Іошъ му Марко бесѣђаше вако:
„Сивъ соколе моя вѣрна слуго!
Носи кньигу моме побратиму,

Побратиму Новакову Груıю,
Выћће иѫ ньиме Новакъ и Радивой
У пећини высокой стіени
А у врху горе Романиіе;
Брзо пођи, а брже ми дођи!“
Марку соко кликомъ одговара:
Я ћу поћи но теб' хоћу л' наћи!
Хоћу ли те наћи у животу?“
Нѣму Марко болю проговара:
То є божя брига и судія!
А докъ ми є Груıо побратиме,
И докъ ми є вила посестрима,
Бѣла вила штос' у облакъ свійла,
Нећe моћи погубит ме Турцы.“
Полетіо соко тица сива,
А узъ гредъ є Марку говоріо:
„Да никога ето мене твога!
Заиста ћу очи ископати,
Те Залуму, нашемъ Душманину,
Нек'се кае, и нек' сліепъ тае,
Штої' на вѣры погубіо Марка,
Марку царе вазде дае даре,
Дасе на нѣг' само непрогнѣва!
Та што Богъ да, то ће быт' и овда.“
Оде соко, и Груицу нађе,
А кад' Груıю ситну кньигу виђе,
Ударисе рукомъ по колѣну,
Пукнуо му рибићъ и чакшире,
А бризну му сузе низъ образе,
Груıо хукну сва пећина єкну:
„Ахъ ђе си ми побре запануо!
Орловима да 'смо лећивіем',
Небы сѣнку къ теби дотурили,
Ал' што Богъ да и срећа юначка!“
Па сокола Груıо испратіо,
Дасе побри нада побратиме,
А Груица опанке притеже,
Узе свою шарру по сріеди,
Покликао старину Новака,
И свог' стрица Дели-Радивоя;
„У кога є срце и мышица,
Садь нек' Марку на помоћъ потече,
А я одохъ да и нитко неће!
Оћу свою изгубити главу,
Ал' избавит' свога побратима,
Мога побру Кралѣвића Марка.“
То є реко па на друмъ потеко',
А за ньиме Новакъ и Радивой,
Далеко є Новакъ изостао,
Па свог' брата быо дозивао:
„Радивое причекай ме брате!
Да мы старцы скупа отидемо,
Небы л' Груıю у невольи были,
Младо момче уложиће лудо,
Па бы могли нѣга изгубити,
А никад'се за ньим' утѣшити.“
Доксе они амо ишчекали,
У то Груıо къ шехеръ Сараеву,
А кад' быо не средъ Сараева,
Ал привели Марка подъ вѣшала;
То кад' виђе Новаковић' Груıо,
Необазрес' десно ни ліево,
Бритка мача свога потргнуо,
Самъ у Турке юришъ учиніо,
Кликуюћи Марка побратима:
„Небой мисе побратиме Марко!
Іошъ є и нашъ вышньій отацъ благій,
А ево ти Старине Новака,
И ево ти Дели-Радивоя,
Ка' два грома за хитримъ мунама,“
Око побра разагнао Турке,
Марку брже опростіо руке,
Додао му саблю потайницу,
Кад'се Марко саблѣ добавіо,
Мало кога жива упуштіо,
И докъ дође Новакъ и Радивой,
Али Турц'ма ка' біесним' вуц'ма
Није ява, до безъ броя стрва;
Што б' утекло неякоме Груıю,
То претѣца Кралѣвићу Марко,
Што л' умаче ньима обоицы,
То дочека Новакъ и Радивой,
Докъ Турчина неста ђаволѣга,
У ліепу шехер' Сараеву,
А юнацы здраво и весело,
Свакій Марка грли и целива,
За витежко здравѣ припитива,
Па сѣдоше сви у Ташли-Хана,
Ту сѣдоше тесе одморише,
Пит' почеше вино изъ Мостара,
Милій Боже да дивнога дара!
Како л' ніе, кад' Србъ вино піе,

По Турскіемъ кахвам' и ханима,
А главе имъ посѣче крвничке?
Благошъ нама съ браћомъ витезовма!

79.

Опетъ Секулъ и Герзелезъ.

(Одъ Ива Янковића Морачанина изъ Ђуђевинѣ села.)

Вино піе кога оће піе,
Вино пію до два побратима
У Косову полю пространноме,
Єдно ми є Ђерзелезъ Алія,
А друго є воевода Янко;
Вино пише доксе понапише,
Ягодице докъ имъ зарумише,
Но говори воевода Янко:
„О мой побро Ђерзелезъ-Алія!
Небы ли ме нешто послушао,
А одавле те до у Косово?
Е я имамъ сестрића моега,
А сестрића Бановић' Секулу,
Често иде у полѣ Косово,
Чешће носи одъ Туракахъ главе,
Єсте дите лудо и млађахно,
Нейма нѣму до седамъ годинахъ,
Ево данасъ тек' година данахъ,
Шездесеть є донесао главахъ,
А толико живіехъ довео,
Ено му ихъ свіехъ у тавницы,
Све Турскога люта краищника,
Ясе боимъ хоће погинути,
Но небы л' га побре препануо,
Препануо а непогубіо,
Да неходи на мейдане често.“
Нѣму вели побратим' Алія:
„И далѣ б' те побре послушао.“
Такосусе оба раздвоили,
Кад' ли доће Янко воевода
Ка нѣгову ка біелу двору,
Янко пушти гласита телала
У нѣгову страховиту войску:
„Ніе л' майка родила юнака,
Да отиде у полѣ Косово?
Да уходи Ситницы бродове,
И Шарицы врхе и долове,
Боятисе войсцы одъ Туракахъ.“
Сви юнацы быше и невѣшти,
Теке стидно у землю погледаше,
Ма негледа Бановић' Секуле,
До Уяку међу очи црне:
„О мой Уйко, воевода Янко!
Я ћу поћи у Косово равно,
Да уходимъ Ситницы бродове,
Шарры горы врхе и друмове.“
Нѣму збори воевода Янко:
„Айде сынко мой сестрићу младый!
Хайде мудро непогини лудо,
Дођи брже, него другій може.“
Доватисе Бановићъ Секуле,
Доватисе вранца претилога,
Баціосе вранцу на рамена,
У гриву му быо погрезнуо,
Па одагна у полѣ Косово;
Кад' ли стиже у Косово бойно,
Али полѣ магла притиснула,
До изъ магле добаръ юнакъ виче:
„Ніе л' окле каквога юнака?!
У крваву полю Косовоме;
Да поможе умріет' Турчину,
Да юначку посіече главу,
Да му коня узме и оружѣ,
У ћемеру хиляду дукатахъ.“
То зачуо Бановић' Секуле,
Па Секула щъ ньиме говораше:
„Ой чу ли ме у магли юначе!
Я ћу теби помоћ' умріети.“
Но говори изъ магле Турчине:
„Ай тако ти у магли витеже!
Кои єси каж' мис' по имену?
Еда ли си воевода Янко,
Оли єси Кралѣвићу Марко,
'Да л' ніеси Милошъ Обилићу,
Ол' крилатый Реля Бошнянине,
Или 'си ми Косанчић' Иване,
Ніеси ли Топлица Милане?
Да я знадемъ одъ ког' ћу мріети.“
Но говори Бановић' Секуле:
„Ай тако ми изъ магле Турчине!
Башъ одъ тога ніе ни єднога,
Но діете Бановацъ Секуле,

Міо сестриЋъ одъ Сибина Янка,
Коиће ти помоћ' умріети."
Тако доба мало постануло,
Изъ магле є Турчинъ испануо,
На Дундулу коню великоме,
Сіеда му брада до пояса,
У глави му зуба ђаволЂга,
Крваве му очи обадвіе,
Голу саблю носи у рукама,
Подъ ньимесе црна земля тресе;
Кад' га зглєда Вановацъ Секуле,
Одистасе препануле диве,
Но удари своєга вранчића,
Удара га чизмомъ и мамузомъ,
Пріудара тространомъ канџіюмъ,
Те побЂже правце нисъ Косово,
Но му Турчинъ утеħи недава,
Бржій му є Дундулъ одъ Вранчића,
Савія га отуд' и одовуд',
Голу саблю къ ушима му доноси,
Ласно дите погубит' могаше,
Ванъ могаше, али нехоћаше,
Тек' препаде Вановић' Секула,
У страху є буздованъ доконо',
У страху га преко себе бачи,
Врагъ унесе и несрећа црна,
Удри старца међу очи грдне,
Паде Турчинъ подъ коня витеза;
То невиђе Вановић Секула,
Но побЂже докъ утећи може,
Онъ побЂже нисъ Косово равно,
До табора своєга Уяка,
Мимо чадоръ воєводе Янка,
До чадора краљліє Марка,
У то за ньимъ Янко Уячина:
„Што ми бЂжишъ мой сестрићу младій,
Што си свога уморіо вранца?
Будъ пре тобомъ никог' невидимо,
Ни за тобомъ ко те ћера има,
Одъ ког' бЂжишъ, кога ли то гонишъ? —."
Таде мисе устави Секула,
Отиде му яде ядовати,
Одъ кога є юнакъ утекао,
Како лисе топузомъ бачао,
И како є отле побЂгао,
Већ' га ніе одзадъ опазіо,
А ни самсе веће необзиро'."
Но говори воевода Янко:
„Богъ т' убіо Вановић Секула!
Погуби ми мога побратима."
Ал' му збори войвода Милошу:
„Богъ ти дао Вановацъ Секула!
Кад' си нЂга юнакъ изгубіо,
То є главомъ Ђерзелез-Алія,
И я 'самъ га ћео изгубити,
До имађахъ одъ нЂг' погинути."
Отле на трагъ пошли у Косово,
Каде были на средъ Косовога,
Ал' ево ти Ђерзелез-Аліе,
Мртавъ спава у зеленой трави,
Изъ крви му вири брадурина;
Секулъ узе коня и оруже,
И остало што при нЂму мало,
Пакъ му грдну посЂкао главу;
Хоће Секулъ радосна му майка,
Тек' топуза нађ' немого' свога,
Ал' и бежъ нЂг' послЂ воеваше,
Болый юнакъ одъ Янка біяше!...?
На млађима свіетъ остаяша.

80.

НевЂранъ ятакъ.

(Одъ Димитрія Игумна Жупе Никшићке.)

Пораніо Шакетићу Лука,
Подраніо у ловъ у планину,
Ловъ ловіо ништа неулови,
Но онъ нађе ранЂна хайдука,
У планини подъ зеленомъ єломъ,
И на нЂму дивно одиело,
Све оћело Бега Любовића;
Онъ му бЂше похарао дворе,
Но му вели ранЂный хайдуче:
„Богомъ брате Шакетићу Лука!
Немой мене Бегу проказати,
Ево тебе три товара блага,
И ево ти токе позлаћене,
Єсу токе Бега Любовића,

По Турскіемъ кахвам' и ханима,
А главе имъ посѣче крвничке?
Благошъ нама съ браћомъ витезовма!

79.

Опетъ Секулъ и Герзелезъ.

(Одъ Ива Янковића Морачанина изъ Буђевинѣ села.)

Вино піе кога оће піе,
Вино пію до два побратима
У Косову полю пространноме,
Єдно ми є Ђерзелезъ Алія,
А друго є воевода Янко;
Вино пише доксе понапише,
Ягодице докъ имъ зарушише,
Но говори воевода Янко:
„О мой побро-Ђерзелезъ-Алія!
Небы ли ме нешто послушао,
А одавле те до у Косово?
Е я имамъ сестрића моега,
А сестрића Бановић' Секулу,
Често иде у полѣ Косово,
Чешће носи одъ Турақахъ главе,
Єсте дите лудо и млађахно,
Нейма нѣму до седамъ годинахъ,
Ево данасъ тек' година данахъ,
Шездесетъ є донесао главахъ,
А толико живіехъ довео,
Ено му ихъ свіехъ у тавницы,
Све Турсқога люта краищника,
Ясе боимъ хоће погинути,
Но небы л' га побре препануо,
Препануо а непогубіо,
Да неходи на мейдане често.“
Нѣму вели побратим' Алія:
„И далѣ б' те побре послушао.“
Такосусе оба раздвоили,
Кад' ли доће Янко воевода
Ка нѣгову ка біелу двору,
Янко пушти гласита телала
У нѣгову страховитў войску:
„Ніе л' майка родила юнака,
Да отиде у полѣ Косово?
Да уходи Ситницы бродове,
И Шарицы врхе и долове,
Боятисе войсцы одъ Туракахъ.“
Сви юнацы быше и невѣшти,
Теке стидно у землю поглаше,
Ма негледа Бановић' Секуле,
До Уяку међу очи црне:
„О мой Уйко, воевода Янко!
Я ћу поћи у Косово равнô,
Да уходимъ Ситницы бродове,
Шарры горы врхе и друмове.“
Нѣму збори воевода Янко:
„Айде сынко мой сестрићу младый!
Хайде мудро непогини лудо,
Дођи брже, него другій може.“
Доватисе Бановићъ Секуле,
Доватисе вранца претилога,
Ваціосе вранцу на рамена,
У гриву му быо погрезнуо,
Па одагна у полѣ Косово;
Кад' ли стиже у Косово бойнô,
Али полѣ магла притиснула,
До изъ магле добаръ юнакъ виче:
„Ніе л' окле каквога юнака?!
У крваву полю Косовоме;
Да поможе умріет' Турчину,
Да юначку посіече главу,
Да му коня узме и оружѣ,
У ћемеру хиляду дукатахъ.“
То зачуо Бановић' Секуле,
Па Секула щъ ньиме говораше:
„Ой чу ли ме у магли юначе!
Я ћу теби помоћ' умріети.“
Но говори изъ магле Турчине:
„Ай тако ти у магли витеже!
Кои єси каж' мис' по имену?
Еда ли си воевода Янко,
Оли єси Кралѣвићу Марко,
'Да л' ніеси Милошъ Обилићу,
Ол' крилатый Реля Бошнянине,
Или 'си ми Косанчић' Иване,
Ніеси ли Топлица Милане?
Да я знадемъ одъ кои' ћу мріети.“
Но говори Бановић' Секуле:
„Ай тако ми изъ магле Турчине!
Башъ одъ тога ніе ни єднога,
Но діете Бановаць Секуле,

Міо сестрићъ одъ Сибиня Янка,
Коиће ти помоћ' умріети."
Тако доба мало постануло,
Изъ магле є Турчинъ испануо,
На Дундулу коню великоме,
Сіеда му брада до пояса,
У глави му зуба ђаволѢга,
Крваве му очи обадвіе,
Голу саблю носи у рукама,
Подъ ньимесе црна земля тресе;
Кад' га згледа Вановацъ Секуле,
Одистасе препануто дите,
Но удари своега вранчића,
Удара га чизмомъ и мамузомъ,
Пріудара трострукомъ канціюмъ,
Те побѢже правце нисъ Косово,
Но му Турчинъ утећи недава,
Бржій му є Дундулъ одъ Вранчића,
Савіа га отуд' и одовуд',
Голу саблю къ ушма му доноси,
Ласно дите погубит' могаше,
Вашъ могаше, али нехоћаше,
Тек' препаде Вановић' Секула,
У страху є буздованъ докоио',
У страху га преко себе бачи,
Врагъ унесе и несрећа црна,
Удри старца међу очи грдне,
Паде Турчинъ подъ коня витеза;
То невиђе Вановићъ Секула,
Но побѢже докъ утећи може,
Онъ побѢже нисъ Косово равно,
До табора своега Уяка,
Мимо чадоръ воеводе Янка,
До чадора краліе Марка,
У то за ньим' Янко Уячина:
„Што ми бѢжишъ мой сестрићу младій,
Што си своега уморіо вранца?
Вудь пре тобомъ никог' невидимо,
Ни за тобомъ ко те ћера има,
Одъ ког' бѢжишъ, кога ли то гонишъ? —."
Таде мисе устави Секула,
Отиде му яде ядовати,
Одъ кога є юнакъ утекао,
Како лисе топузомъ бачао,
И како є отле побѢгао,
Већ' га ніе одзадъ опазіо,
А ни самсе веће необзиро'."
Но говори воевода Янко:
„Богъ т' убіо Вановићъ Секула!
Погуби ми мога побратима."
Ал' му збори войвода Милошу:
„Богъ ти дао Вановацъ Секула!
Кад' си нЂга юнакъ изгубіо,
То є главомъ Ђорзелез-Алія,
И я 'самъ га ћео изгубити,
До имађахъ одъ нЂг' погинути."
Отле на трагъ пошли у Косово,
Каде были на средъ Косовога,
Ал' ево ти Ђерзелез-Аліе,
Мртавъ спава у зеленой трави,
Изъ крви му вири брадурина;
Секулъ узе коня и оруже,
И остало што при нЂму нашо,
Пакъ му грдну посѢкао главу;
Хоће Секулъ радосна му майка,
Тек' топуза нађ' немого' своега,
Ал' и бежъ нЂг' послѢ воеваше,
Болый юнакъ одъ Янка біяше!...?
На млађима свіетъ остаяа.

80.

НевЂранъ ятакъ.

(Одъ Димитрія Игумна Жупе Никшићке.)

Пораніо Шакетићу Лука,
Подраніо у ловъ у планину,
Ловъ ловіо ништа неулови,
Но онъ нађе ранѢна хайдука,
У планини подъ зеленомъ єломъ,
И на нЂму дивно одиело,
Све ођело Бега Любовића;
Онъ му бѢше похарао дворе,
Но му вели раннЂный хайдуче:
„Богомъ брате Шакетићу Лука!
Немой мене Бегу проказати,
Ево тебе тры товара блага,
И ево ти токе позлаћене,
Єсу токе Бега Любовића,

И ево ти бистра цевердана,
Єсть цевердань Бега Любовића."
Лука мусе добро куніяше,
Да га Бегу проказати неће,
Онъ одпаса тры ћемера блага,
Пакъ ихъ Лука себе припасао,
И узе му бистра цевердана,
И скиде му токе позлаћене,
Свукуе му зелену доламу,
Но му вели ранњеный хайдуче:
,,Богомъ брате Шакетићу Лука!
Несвукуй ми зелену доламу,
Да незебȗ мое ранне грдне."
За то Лука ни хабера нейма,
Но му свуче зеленȗ доламу,
Іошъ му вели ранњеный хайдуче:
,,Богомъ брате Шакетићу Лука;
Немой мене Бегу проказати,
На поклонъ ти зеленâ долама."
Лука мусе тврдо куніяше,
Да га Бегу проказати неће.
Оде Лука двору біеломе,
Те остави благо и оруже,
Паксе отле Лука подигнуо,
Онъ отиде Бегу Любовићу,
На є нњму тіо говоріо;
,,Штаћешъ дати Бего Любовићу!?
Шта ћешъ дати мене муштулука?
Да ти кажемъ ранњена хайдука,
Кои ти є кулу похарао,
Узео ти свіетлȏ оруже."
,,Чуешъ мене Шакетићу Лука!
Доведи ми ранњена хайдука,
Ял' нњгову осњчену главу,
А даћу ти триста Мацаріяхъ."
Хитро га є Лука послушао,
Онъ отиде у гору зелену,
Те доведе ранњена хайдука,
Бегъ му даде триста Мацаріяхъ,
Оде Лука двору біеломе,
Но говори Бего Любовићу:
,,Чуешъ ли ме ранњеный хайдуче!
Коіомъ ћу те смрти уморити?
Али ћу те у воду турити,
Али ћу те на ватру горњти,
Ал' размаћи коньма на репове?"
Вели нњму ранњеный хайдуче:
,,Нисамъ рыба да пліемъ у воду,
Нит'самъ дрво да горимъ на ватри,
Ни 'самъ курва коньма на репове,
Но 'самъ юнакъ да ме посіечешъ!"
Но говори Бего Любовићу:
,,Чу ли мене ранњеный хайдуче!
Даемъ тебе божу вњру тврдȗ,
Да я тебе изгубити нећу,
Кажуй мене ђе си долазіо,
И ятаке съ ким' си ятачіо."
Бегу вели ранњеный хайдуче;
,,Казаћу ти Беже Любовићу!
Ятакъ ми є Шакетићу Лука,
У нњга є твое млогȏ благȏ,
У нњг' ти є свіетлȏ оружњ."
Оде Бего ка Лучиной кули,
Ту є Бего Луку находіо,
Ђе разбрая пустȏ млогȏ благȏ,
Ту му бњше свіетло оруже,
Но му вели Бего Любовићу:
,,Курво єдна Шакетићу Лука!
Ты си мою похарао кулу,
Ты си мое покупіо благо,
И узео свіетлȏ оружњ;
Ето мое токе позлаћене,
И ето ми бистра цевердана."
Ћаше Лука нешто да говори,
Ал' му неда̂ Бего говорити,
Но му Бего главу посњкао,
Свеколико благо покупіо.
Покупіо свое и нњгово,
А када му кулу похарао,
Онъ нњгову кулу запаліо,
Па отишо двору біеломе;
Дома нащо ранњена хайдука,
Видао га докле извидао,
И даде му свіетло оружњ,
А сврхъ тога ліепо оћелло,
Па га пушти у гору зеленȗ:
,,Хайде зъ богомъ изъ горê хайдуче!
Тецы благо и за ме и за се."
На што стечче ранњеный хайдуче,
Све на полê зъ бегомъ діеліо —.

81.

Ибрахимъ и Марко.

(Одъ Мояша Гойкова Павићевића изъ Бѣлопавлића.)

Пію вино до два побратима
У пространну стойну Цариграду,
Єдно бѣше Кралѣвићу Марко,
Друго бѣше Накићъ Ибрахиме;
А пощтосе напоили вина,
Говори му Накић Ибрахиме:
„А за Бога побратиме Марко!
Єл' оваке у свіета ћорде?
Има л' болѣ, има ли остріе?“
То жа' Марку на світу было,
Побратиму своме говоріо:
„Срамотасе фалит' побратиме!
Свака і' добра, кад' є у юнака,
Тек' одъ кад' є узео у руке,
Єл' є само крви напоио,
Ол' юначка нахраніо меса,
И бедеме главам' окитіо;
А я имамъ єдну остру ћорду,
Одка 'самъ є добіо у руке,
Достасамъ є крви напоио,
И юначка напитао меса,
И бедеме окитіо главамъ,
И высоке дворе на Прилипу;
У дворе ми вѣренница люба,
Лѣпше има, а мудріе нейма,
Небы ми є нико преваріо.“
То Турчину и жаліе было,
Па пред' царемъ учинѣли зарокъ:
Ако Турчинъ превари любовцу,
Е любовцу Кралѣвића Марка,
Да му узме вѣренницу любу,
И высоке дворе на Прилипу,
Па Маркову главу и оружѣ;
Аколи є Туре непревари,
Да му Марко главу посіече,
И узме му свеколико благо.
Іошъ му Марко дае одіело,
И даде му коня и оружѣ,
Па отиде Накићъ Ибрахиме,
Онъ отиде земльомъ и свіетомъ,
Докле дође у полѣ Прилипско;
Туде Туре коня разиграе,
Но гледа га Маркова любовца,
Те га виђе, тек' ли га познаде,
Онъ да ніе Кралѣвићу Марко,
Па дозива Росанду робыню:
„Ну изиди, Росанда робинѣ!
Кто иде Кралѣвићу Марко,
Сигурай му господску вечеру,
А простри му наопак' постелю,
Ако биде Кралѣвићу Марко,
Каратиће и мене и тебе;
Ако биде незнана Делія,
Неће гледат' ка' лежи постеля,
Но Росанди међу очи црне —.“
У то Ибро пре дворове дође,
Сретала га Росанда робиня,
Привати му коня и оруже,
Па ушета у дворе біеле,
Постави му госпоцке вечере;
Простріе му наопак' постелю;
Онъ неглeда ка' стои постеля,
До Росанди међу црне очи...
Ону ноћцу боравіо шъ ньоме,
Кад' свануло и сунце грануло,
Устануо Накићъ Ибрахиме,
И добрасе коня дофатіо,
Па отиде на Авлинска врата,
Испрати га Росанда робиня;
А кад' были на Авлинска врата,
Ибрахиме извадіо ћорду,
Окиде іой дешну плетенницу,
Па є тиште у шпагъ о доламе,
И побѣже земльомъ и свіетомъ,
Докле доће у Стамболу граду,
Докле Марка Кралѣвића нађе;
Како Ибро свога нађе побра,
Іошъ несяхо, а зборит' му стао,
А тиснуо у шпагове руке:
„Садъ устани Кралѣвићу Марко!
Да ти добру посіечемъ главу.“
То му збори плетенницу вади,
Па є Марку бачи на колѣно,
А веже му наопако руке,
И Марко му ништа неговори,
Но саборсе царскій накупляше,
Те гледаю муку и неволю,

Ка' ће гинут' Кралѣвику Марко.
Самъ є Марко ноге прекрстіо
Свезаннıехъ рукахъ наопако,
А вишъ нѣга Накић' Ибрахиме,
Хазръ му є окинути главу,
У то доба дође Анђелина,
Мудра ли .є̑ яды є̑ убили!
Све обукла мушко одіело,
Запалила чибукли симсію,
Под' капицу вргла плетеницу,
Пак' є Ибру тако бесѣдила:
„А за Бога Накић' Ибрахиме!
Буд' ли хоћешъ Марка изгубити,
Кудаће му вѣреница люба,
И високім дворы на Прилипу?“
Ал' є Ибро тедя бесѣдіо:
„А тако ми царевъ Бостанџія!
Мене хоте и дворы и люба,
Ясамъ Марка на зарокъ добіо.
Нѣговуслам превaріо любу —.“
А кад' виђе Маркова любовца,
Чибукомъ є кану уздигнула,
Плетенице обѣ испадоше,
Кад' є спази Кралѣвићу Марко,
Те онъ свою угледао любу,
Тѐк' є̑ виђе, теке є познаде:
„А ты ли си Анђелія любо!
Благошъ мени данасъ и до віек'!“
Скочіосе о землѣ на ноге,
Мако рукам' сиџимъ прекинуо,
Ибрахима ћорду доњешао,
Ибрахиму главу посѣкао;
У то доба везиръ допануо,
Пита везиръ Кралѣвића Марка:
„Што є Марко, што царевъ посынче?“
А Марко му казат' неоћаше,
Но и тога везира посѣче,
Све изгуби око нѣга Турке,
Тевабію и све пашаліе,
Онда свога Шарца пояхао,
А на вранца Ибра побратима
На нѣг' сѣда любу Анђелію,
Тако пошли двору біеломе,
Здраво дошли весела имъ майка,
Здраво дошли своему Прилипу,
А то было кад' се попѣвало —.

92.

Зулумъ Удбиньскій.

(Незнамъ одъ кога ми є.)

Киьигу пише Углѣвићу Симо,
Изъ маленка села Углѣвога,
Те є̑ шалѣ у кршне Котаре,
А на руке Янковић' Стояна:
„Побратиме Янковић' Стояне!
Мен' є̑ зулумъ одоліо тешко,
Одъ Удбине одъ Турске крайне,
Већ' га више подносит' немогу;
Но доведи неколико войске,
Єдда бы ме избавіо побре.
Ако ли ми войску довест' нећешъ,
Ако нећешъ, ил' ако неможешъ,
Пошльи мене хиляду сексанахъ,
Дасе пратимъ къ тебе у Котаре;
Єръ ако ме неизбави побре,
Одъ мукесе хоћу потурчити,
И Ришћанску вѣру оставити,
Проклетога свеца припознати;
Но чу ли ме драгій побратиме,
Ако почемъ почнешъ купит' войску,
Све бећаре покупи войнике,
Кои куће и баштине нейма,
Нити има ђеце ни любовце,
Да неиде сыротиня люта
Да неплаче у пострешя туђа,
Єръ ће нама изгинути войска.“
Кад' Стояну ситна киьига дође,
И кад' виђе што му Симо пише,
Жалосне га сузе пропануле,
Пакъ развія кретата барјака,
Пода нь' купи хиляду юнаках,
Све бећара одъ горе хайдука,
Кои куће ни баштине нейма,
А за вѣрну и незнаде любу;
Хиляду имъ набавіо коняхъ,
Ни кованнихъ ни подметованнихъ,
Ни ученнихъ ни пређе яханнихъ,
Па пояха сила на біеса,
Отидоше горомъ и планиномъ
До дворовахъ Углѣвића Сима;
Срете Симо Янковић' Стояна,
Шире руке у лицасе любе,

Запитуюс' за миръ и за здравѢ,
По УглѢву разредише войску,
Стоянъ пођe на Симову кулу,
Пію вино разговараюсе,
И у то ихъ данакъ застануо.
Пораніо УглѢвићу Симо,
Разгледуе Стоянову войску,
Имаю ли пива и єдива,
Па коньима у ахаре пође,
И войничке коњѣ разгледуе,
Имаю ли зоби и сіена;
Кад'.Путалю Стоянову дође,
Ал' да видишь чуда одъ Путаля!...?
Ни зобъ зоблѣ, ни сіено гризе,
Ногомъ біе а зубима стриже,
Фриском фришти гледа усъ планину,
Препадесе УглѢвићу Симо,
Те изиде на біелу кулу,
По кулисе невесело шета,
НѢму вели Янковић' Стояне:
„Што си мисе пренануо Побро,
Єл' ти моя не у волю войска?"
Вели нѢму Симо побратиме:
„О Сердаре Янковић' Стояне!
Ніе мене войска неуволю,
Него виђохъ бѢлегъ на Путалю,
Ни зобъ зоблѣ ни сіено гризе,
Ногомъ біе а зубима стриже,
Фриском фришти гледа усъ планину,
Ясе боимъ хоћешъ погинути."
Та махъ Симу Стоянъ говоріо:
„Небой мисе побратиме Симо!
Кад' є такій бѢлегъ на Путаля,
Стояну є вазда срећа была,
Него устай саде да идемо,
Да Удбинске Турке походимо!"
Симо скупи четиры стотине
Одъ нѢгова сыротна племена,
И пођоше горомъ и планиномъ,
А кад' бише полю Удбинскоме,
Рче Стоянъ УглѢвићу Симу:
„Побратиме Симо УглѢвићу!
На чемћемо извадити кавгу,
Како л' ћемо Турке зађенути?"
Рече Симо Стояну Сердару:
„Дай ми побро божу вѢру тврду!
Како речемъ да ћешъ послушати,
Ласно ћемо зађенути Турке."
Стоянъ дава божу вѢру тврду:
„Штогодъ рекнешъ то ћу послушати,
Башъ ако ћу сада погинути!"
Симо бойна ђела нарећуе:
„Узми побре половину войске,
Око друма по лугу постави,
Нек' уфате метеризе тврде;
А поведи другу половину,
Съ друге стране біеле Удбине,
Те ихъ покрій у зелену гору,
Я ћу избрат' четересть момаках,
Кои лахко могу потрчати,
Преко поля коню побѢгнути,
Повешћу ихъ на воду Данницу,
Подъ Удбиномъ градомъ біелимъ,
Покрићу ихъ у зелену траву;
А кад' самне и сунце огране,
Што найпріе на Данницу дође,
На нѢга ћу извадити кавгу,
Кад' опазе Удбиняни Турцы,
Запалите бумбе и лубарде,
Потрчаће мало и велико,
Силны коньи да не савіяю,
А пѣшацы да нам' грабе главе,
А за ньима брадаяте старе,
Штос' небію, ни носе оруже,
Но на руке пеР[illegible]нице златне,
Газіяма да челенке даю.
Я ћу побѢћ' лугу зеленноме,
Наша ће ихъ дочекати войска,
Шъ ньима ћемо очи повадити,
А ты тада удри на Удбиню;
Ако тебе Богъ и срећа даде,
Те уграбишъ одъ Удбине врата,
Немой харат' хане и дућане,
Но уфати куле и џебхане,
По бедену бумбе и лубарде;
Кад' то спазе Удбиняни Турцы,
ПобѢћите на трагъ безъ обзира,
А ты жежи куле и џебхане,
И обори бумбе и лубарде,
Па што коме Богъ и срећа даде."
Што рекоше тако учинише,
Стоянъ свуђе разрећуе войску,

Симо оде на воду Даницу
Съ избраніехъ четересъ момакахъ,
Покришесе у зелену траву,
Докле самну и сунце ограну,
Удбиньскасе отворише врата,
Изидоше Удбинскіи дрвары,
Нешће Симо започети кавге;
Изидоше овце и говеда,
Нешће Симо запођести кавге,
Четрдесетъ иде ђевоякахъ,
И пред' ньима Фатима ђевойка,
Мила шћерца Диздар-Осман'-Аге,
И Хайкуна Мустафина сека,
Те дођоше на воду Даницу,
Дасе мію и біеле платно,
А за ньима гояннй Халиле,
Шњ ньима ћоса и чува имъ стражу,
За поясъ му до два Венедика.
Кад' Туркинѣ на воду дођоше,
(У край воде гаће поскидаше.)
Угазише у воду студену,
Мію лице и біеле платно;
Сагинѣсе Хайкуна ђевойка,
У руку є воде дофатила,
Те посиплѣ Фатиму ђевойку,
Разсрдисе Туркиня Фатима,
Люто куне хайкуну дѣвойку:
„О Хайкуно! суђено ти было!
Узео те Углѣвићу Симо!
Повео те у влашку краину.“
Рече Хайка Фатими ђевойцы:
„Што помињѣшъ Углѣвића Сима?
Наша су га браћа одагнала,
Побѣга' є у кршно Приморѣ.“
Симо скочи съ четересъ момакахъ,
Уфатише четрдесѣтъ булахъ,
Свакій свою за біелу руку,
Побѣгоше низъ полѣ широко,
Симо води Фатиму дѣвойку,
Но булесе водит' неоћаху,
Симо трже плетену канџію,
Біе буле трострукомъ... канџіомъ,
Да є коме погледати побре,
Како буле тад' усъ полѣ скачу.
Кадъ то виђе гоенный Халиле,
Пали Туре до два Венедика,
Удбиняни бумбе и лубарде,
Па потрча мало и велико;
Прво коньикъ да ихъ савію,
А пѣшацы да имъ грабе главе,
И за ньима мало и велико,
Да гледаю чудо еволико,
Тко заједе подъ Удбину кавгу;
Понайзаде бродаяге старе,
На руке имъ златне перянице,
Газіяма да даю челенке,
И за главе Турско Бумбареће.
Симо бѣжи лугу зеленоме,
Изъ луга ихъ Србы дочекаше,
И на Турке огань оборише,
Па скочише очи повадише;
Зъ друге стране Стоянъ ударіо,
Тако нѣму Богъ и срећа дала,
Те Удбини уфатіо врата,
Онъ нехара хане ни дућане,
Него фата куле и џебхане,
Огнѣмъ пуни бумбе и лубарде;
Кад' то видли Удбиняни Турцы,
Побѣгоше на трагъ у Удбину,
Стоянъ жеже куле и џепхане,
А обори бумбе и лубарде,
И да ти є погледати побре!
Како Турцы лете у облаке,
Сви біели како лабудовы,
А падаю како гаврановы,
Сва Удбина огнѣмъ сагорела,
И погибе мало и велико,
До утече силанъ Али-паша
На нѣгова хата біеснога,
Нѣга ћера Стоянъ на Путаля,
По краини тамо и овамо,
Ваздань ћера докъ захлади сунце,
Ал' Стояна паша братимяше:
„Богомъ брате Јанковић' Стояне!
Остави ми животъ на мейдану,
Твой є мейданъ а твое юнаштво!“
Юнакъ Стоянъ за брацку пріймю,
И отлесе на трагъ повратіо,
Код' Удбине у дружину дође,
Тражи свога побратима Сима,
Ал' є Симо ранахъ допануо,
Обѣ су му очи ишћеране,

И біеле руке одкинуте;
Одъ хиляду Стоянюво другахъ
Погинуло четиры стотине,
Одъ Симове четиры стотине
Нейма здраво до четересъ другахъ,
Ал' Удбину сву тад' разурише,
Изъ темеля града превратише,
Ни данаске ніес' обновіо,
Нити стое у Удбину Турцы.
Стоянъ копа побратима свога,
Сви дивну му жалбу учинише,
Стоянъ пође у равне Котаре,
Па тко юнакъ у нѣгово здравѣ,
И здравѣ му и веселѣ Богъ да!

83.

Укоръ Кчевке.

(Одъ Нешка Паунова изъ Чавшева дола.)

Е пошета една баба стара,
А по Кчеву мѣсту каменюме,
Овако є баба говорила
„Богъ убіо Пешикана Ђура,
Е изгуби Пешикана Лаза!“
Баба мние нико є нечуе,
Но то зачу Пешикане Ђуро,
Па узео пушку по сріеди,
Отле оде у Ђеклиће кршне,
Отишао къ миломе уяку,
Е къ ономе Кустодіи Лазу,
Па уяку сестрићъ бесѣдіо:
„Єс' ли чуо, ел' ти ко кажева?
Ка' є майка мене прекорила,
За мог' брата Пешикана Лаза,
Ка' изгуби г' Аверійћъ кадія,
Кадсмо были заедно у чету,
Но те кумимъ Богомъ истинніемъ!
Айд' идемо у чети юначкой,
Дако нама Богъ и срећа дадне,
Да осветимъ брата Пешикана,
Да утѣшимъ остаралу майку,“
Када виђе кустодія Лазо,
Онъ довати пушку по сріеди,
Па скочіо на ноге одъ землѣ,
Біо малу чету сакупіо,
Окупіо до дванаесъ другахъ,
Шъ ньомъ отиде къ Оногошту граду,
Мимо градъ є чета пралозила,
Одлазила у питому Жупу,
Па и Жупу чета преходила,
Машиласе путъ равна Дробняка;
Прозъ Дробняке чета прелазила,
Те є чета была долазила,
Босни земльи у корита тврда,
Према оном' Озалюћу граду,
Ту є чета трудна починула;
Неко піе воду и симсію,
Неко суши одъ росе обућу,
И чекаше тры біела дана,
А кад' быо трећій око подне,
Прійміосе Кустодія Лазо,
Онсе пріими єли у врхове,
Па погледа низъ Корита тврда,
И угледа дванаесъ Туракахъ,
На дванаесъ коняхъ велиніехъ,
Предъ ньима є Аферійћъ кадія
Одъ све Босне и Херцеговине:
Кад' є Лазо шићаръ угледао,
Слетіо є низъ єлу зелену,
Па ми каже оной чети малой:
„А тако ми ломны Црногорцы!
Єсамъ добаръ шићаръ угледао,
Добаръ шићаръ за добре юнаке,
Ево иду дванаесъ Туракахъ,
На дванаесъ великіехъ коняхъ,
А предъ ньима Аферійћъ кадія
Одъ све Босне и Херцеговине.“
Па ихъ скріо на средъ друма пута,
Покріо ихъ у зелену траву,
И дружби є ріечъ бешѣдіо:
„А тако ми Бога единога!
Ако свакій неизгуби свога,
Ако свакій Турчина незгоди,
Моіомъ ћу му осѣћ' главу рукомъ.“
Тада нѣму Ђуро говоріо:
Е ты чуешъ Кустодія Лазо,
Ты неудри Аферійћъ кадію,
Да ако мен' Богъ и срећа дадне,
Те осветимъ собомъ брата свога.“

Кустодія Ђура послушао,
Па є Турке близу напушћао,
Кад' су Турке пуштили међу се,
Припуцаше дванаесъ пушакахъ,
Обалише до десеть Туракахъ,
Сваки свомe главу одвалio,
Узео му коня и оружe,
И весь шићаръ што є у ког' было;
Ал' утече Аферійћъ кадія,
Но бесѣди Кустодія Лазо:
„Морре чуешъ Пешикане Ђуро!
Рече л' мене брата осветити,
Па што пушти Аферійћ' кадію,
Кои ти є брата и смакао?"
У Ђура є живо срце прсло,
За кадіомъ урнишъ учиніо,
Те кадію біо уфатіо,
Найпріе му главу осѣкао,
Па узе му што при нѣму нађе,
И освети брата рођенога,
Свисе отлe на Кчево вратише,
Здраве были, руйно вищце пили,
Е по главу свакій донесао,
Турску главу душмана Рищћанска.

84.

Вѣрный саннъ.

(Одъ Зая Гойкова Бѣлопавлића.)

Четасе є мала подигнула
А одъ Спужа града на Краину,
И предъ четомъ Кучевића Муіо,
За њимъ Туре Гримчевићъ Османе,
И за њиме тридесеть Туракахъ;
Оде чета лугомъ Косовіемъ,
Докле дође чета подъ Гарчићу,
Подъ Гарчићу на воду Сушицу,
Ту є чета трудна починула,
Воде пила лѣба заложила,
Но нехоће Кучевића Муіо,
До Туре є саннакъ преваріо,
Мало спавну па скочи на ноге,
И Туре є грданъ саннъ видѣло:
„Студенъ вѣтаръ одъ Гарчића пухну,
И занесе сву нашу дружину,
Я мнимъ дружбо нико неутече,
Но мы ходте чету повратимо!"
На то вели Гримчевићъ Османе:
„Нека Муіо женска страшивице!
Немећимо страха у дружину,
Но хайд' овце Туре уходимо,
Бѣле овце Маркишићъ Мргуда,
Бѣле овце на малу Загреду
Да ако бы посѣкли овчара."
Оно зборе да нико нечуе,
А то Мргудъ и слуша и гледа,
Око нѣга една чета мала,
Чета мала шездесеть юнакахъ,
Но кад' вијe Маркишић' Мргуде,
Онъ дружины своіой говоріо:
„Ха те дружбо дасе раздвоимо,
Ову чету мы да заскочимо!"
Обскочише су двіе тры стране,
Обскочише па имъ ударише,
Посѣкоше тридесеть Спужанахъ,
Неутече отле ђаволѣга,
До Турчина Кучевића Муя;
Ал' Туре є младе уграбило
Студенъ ками мѣсто џевердана,
Понеше га Спужу на краину,
Да є нѣму ками одъ дружине,
А кад' Спужу дође на краину,
Е поглену на тридесть дворевахъ,
Ал' сврь сваког' кука кукавица,
Куд' є ишла, и добро є дошла. —

85.

Врђаны.

(Одъ Марка Гойкова Бѣлопавлића.)

Лиман-паша одъ Скадра біела,
Онъ сазива одъ краине Турке,
Увезесе блату широкоме,
Извезесе селу Голубовцу,
Докле дође до цркве Горице
Колико є сила уватила,
Одъ Горице до воде Бобуча
Дас' оћаше тіо наоблачит',

Е неймаше ће капля кружити,
Одъ доброга коня и юнака.
Ал' є паша чадоръ разапео
На Горицу кад' біеле уркве,
Па подъ шаторъ ситну кньигу пише,
Те є посла кньигу у Пипере,
А на име попу Ђетковића:
„О чуешъ ме попе Ђетковића!
О подай ми харачъ одъ Пиперахъ!
И четиры у годину данка
На сироту и на-сиромаха,
По стотину дебеліехъ грошахъ,
И пошльи ми до деветъ деліяхъ,
До тры брата до тры Лѣшковића,
И четиры брата Божовића,
И сокола Мрчарицу Пера,
И Делію Милутина твога."
Ево муке и неволѣ тешке,
У попа є єданъ Милутине,
Те на саборъ окуйи Пипере
На Стіену пре цркву біелу
Изтурише до деветъ Деліяхъ,
Пуцай срце а кукай имъ майко!
Кад' осташе безъ главе Пиперы,
Ту Пиперы макулъ учинише,
Да недаду главе у таоство,
Докъ Пиперма главе на раменма.
Пише кньигу попе Ђетковићу
Те є шалѣ паши у ордію:
„Послаћемо пашю тры камена,
Два да вржешъ на оба рамена,
Пошльи трећій цару у-мирію,
Но напушти на Пипере войску,
Ако теби ніе була курва!"
Па послаше до деветъ деліяхъ
До у племе у Бѣлопавлиће,
Али землю на саборъ находе,
На широко полѣ Ждребанику,
Ту Поперы ньима бесѣдили:
„Ха сад' браћо ако бога знате!
Помозите нама на Турчина!"
И такосе ньима обрекоше,
Да ихъ браћу нигда мидат' нете;
Ону ноћцу боравили онде,
Іошъ зорица-незабіелила,
Ни данница помолила крилца,
Ал' є пашо телале пушћао:
„Хазр-олла! Силовита войска!
Е хоћемо похарат' Пипере."
Ма невеам паша, Акобогда!
Акобогда ни помоћ' му неће.
Паша войску на Пипере пушта,
И Пипере листомъ опаліо
До Стіене до біеле цркве,
Но се мала чета подигнула
Предъ потечю Станковића Зрно
Одъ Међицахъ села малехнога
Докле дође пре Ђеаію цркву!
Паксе друга потѣчъ отиснула,
Пре четомъ є Колђиниħъ Лазаре,
Баряктаръ є одъ Павићевићахъ
Ту є войска макулъ учинила:
„Ха сад' браћо когођъ Бога знаде!
Да дођемо на село Стіену,
Да видимо штосе учинѣло,
Како горе на огню Пиперы,
Па удримо да имъ поможемо!"
Бржe войска на Задолѣ дође
Како дође угледала Турке,
Ђе су дошли до біеле цркве,
Ломе Турцы крсте и иконе,
Веле тако племе Бѣлопавлићъ:
„Ко ћ' ударит' на силу толику!"
Но имъ збори Ђуровић' Іоване:
„Я ћу ударит' башъ да нико неће!"
Тад' поскочи Ђуровић' Іоване,
Онъ упали сяйна џевердана,
Те погоди на цркву Турчина,
Паксе друго момче загелило,
Те є момче ріечъ бесѣдило:
„Непуштимо пребіелу цркву!"
Пакъ и оно ужди џевердана,
Те погоди предъ цркву Турчина,
И то бѣшя Радовић' Пауне;
Но да ти є сад' виђети друже!?
Како сложно удрише юнацы,
Згнаше Турке низа Стрганице,
Мало было ништа нестануло,
Аво иду Пиперске Доліе,
Убишесе праомъ и оловомъ,
Заклашесе како соколови,
Згнаше Турке на воду Морачу!

Кад' су Турцы съ ону страну были,
Али Туре одъ ордіе вика:
„О за Бога попе Ћетковића!
Ко т' остаде, ко ти є погиба'?"
„А тако ми Туре одъ ордіе!
Погибе ми до деветъ деліяхъ,
Ако ли ћешъ я да ти ихъ кажемъ:
До тры брата сва тры Лѣшковића,
И четиры брата Божовића,
И соколе Мрчарица Перо,
Милутина рана допанула,
Али нѣму ништа быти неће;
Но тако ти Туре одъ ордіе,
Ко теб' оста, коли ти погибе?"
Нѣму вели Туре одъ ордіе:
„Каза' быхъ ти, али незнамъ право,
Што погибло ніесамъ броио,
Што ранѣно броити немогу,
Но вакосе нигда несретали!"

86.

До тры Харамбаше.

(незнамъ одъ кога ми є.)

Маласе є чета подигнула
Одъ Приморя крваве краине,
А изъ Ришня града біелога,
Подижесе тры стотине другахъ,
И пред' нъима до тры четобаше:
Прво бѣше Пивлянине Ваіо,
А друго є Карапанца Павле,
Треће Цѣтко Властелиновићу;
Пріеђоше ломну гору црну,
И Рудине полѣ поносито,
На Голію изашли планину,
Код' сметта є чета починула,
Ко є жеданъ піе воде хладне,
Гладны єду лѣба біелога,
Ко є труданъ саннакъ боравляше;
А ко юнакъ ради о оружю,
До юнака Пивлянина Вая,
Нити єде нити почіева,
Нити юнакъ о оружю ради,
Вазда му є наредно оруже,
Већ' замышлѣнъ по дружини шета,
А вели му Карапанца Павле:
„Што є Ваіо наша четовођо!?
Што є тебе брига обузела?"
Нѣму Ваіо ріечь говоріо:
„Велика ме брига обузела,
Повеосамъ тристотине другахъ,
И увео у Турску краину,
Да ихъ водимъ прозъ гору зелену,
Хотѣ ми ихъ опазити Турцы,
Скрит' є мучно тристотине другахъ,
Ћара незнамъ ђе быхъ ударіо,
И брзосе на трагъ повратіо."
Тад' му рече Карапанца Павле:
„Я знамъ добра за дружину ћара
У питому Пиву камениту,
На Безуе селу малехноме,
Подъ біелу Гаговића кулу,
Има Ваіо хиляду овацахъ,
И хиляду челахъ пріеседахъ,
Петъ стотинахъ кравахъ и воловахъ,
И све Пиве на оставу благо,
Ту є доста ћара за дружину,
Па довече да имъ ударимо."
А рече му Пивлянине Ваіо:
„Єсте Пива моя старевина,
А Безуе моя постойбина,
Гаговићу ударати нећу,
Ако ћусе на трагъ повратити;
Носамъ болый шићаръ запазіо
У Дробняку, у племену яку,
У Петницу селу малехноме,
Подъ біеле Карацића дворе,
Тры хиляде біелихъ овацахъ,
Две хиляде челахъ пріеседахъ,
А хиляду кравахъ и воловахъ,
Све Дробнячко на оставу благо,
Дробняцы су будале юнацы!
Ласно ћемо шићаръ прифатити,
Но довече да имъ ударимо."
Рече Цѣтко Властелиновићу:
„А ђаволе Вая и хайдука!
Ђе несташе низъ Дрину Дриняцы,
И свиџ Турскіи по Босни оџацы,
Но да своіой браћи ударамо,
Отуд' Турцы одовуд' айдуцы,

Сиротиня подносит' неможе;
Но'самъ больій шиħаръ запазіо,
У пространу полю Невесиню
Пребіеле дворе Любовиħа,
Око двора дванаесъ оџакахъ,
На оџаке дванаесъ кадіяхъ,
Суде Босни и Херцеговини,
Ту є Баіо и одвише блага!
Іошъ Хайкуна ліепа ђевойка,
Ћерца мила̂ Бега Любовиħа;
Него съ ютра да имъ ударимо,
И да Турско̂ благо понесемо,
Я ви неħу діела одъ блага,
Тек' Хайкуну шћерцу Любовиħа;
Ако здраво у ПриморѢ дођемъ,
Па све мое трыстотине другахъ,
Порезаħу тры стотин' доламахъ,
А саковат' тры стотине токахъ,
И купит' имъ триста цевердарахъ,
Триста чифтахъ маліехъ пушакахъ,
Іошсе браћо задужити неħу."
Тако рече а скочи на ноге,
За ньим' пође тры стотине другахъ,
И дођоше Любовиħа кули,
Само сахатъ до біела дана;
Око куле камена авлія,
На авлію одъ гвожђа капія.
Те є̂ ЦвѢтко неможе отворит',
Па дружини своіой говоріо,
Те падоше єданъ по другоме,
Иде ЦѢтко одъ друга на друга,
Докъ изиде на беденъ одъ града,
На беденъ є ноге прекрстіо,
Преко крила држи цевердана,
У то біо данакъ освануо,
Одъ кулесе отворише врата;
Дома Бега Любовиħа нейма,
Но є поша' на своє тимаре,
Да искупля порезъ и хараче,
Тек' хазнатаръ Мемет-ага старый,
Иде Турчинъ низъ біелу кулу,
За ньимъ иде Кумріа робиня,
У носи̂ му везену серџаду,
Простріе є̂ на Дишер-авлію,
И у ибрикъ воду приносаше;
Па га узе Турскога авдеста,
Клањат' поче Турскога намаза,
А гледа га Властелиновиħу
Нижъ нѢгова бистра џефердара,
Па самсобомь ЦвѢтко говоріо:
„Фала Богу, фала єдиноме!
Ако Аги поможе клањанѢ,
Те незгодихъ нѢга цевердан омъ,
Погубиħу Пивлянина Вая,
Носит' главу на Босну везиру,
И Турскесе вѢре̂ прифатити,
У ньойзи ħу живот оставити."
То изрече пали џефердана,
Мало бѢше агу дофатіо,
Савъ му мозакъ паде на серџаду,
Скочи Ћетко у дишер- авлію,
На авлію отворіо врата,
УлѢгоше тристотин' юнакахъ,
Уфатише дванаесъ кадіяхъ,
Попалише дванаесъ оџакахъ,
И біеле дворе Любовиħа,
И све Турско понесоше благо.
ЦвѢтко нешħе ни гледати блага,
Но уфати Хайкуну дѢвойку,
Исъ подрума изведе Дората,
На Дората брже пояхао,
За се тура̂ Хайкуну ђевойку,
ПобѢгоше полѢмъ широкіемъ;
Игра̂ коня Властелиновиħу,
А вели му Баіо Пивлянине:
„За штосисе курво посиліо,
Ђе ты узе коня и ђевойку?
Ако стигне Бего Любовиħу,
Са нѢгово тридесть Любовиħахъ,
И остала сва̂ Турска̂ краина,
Данасħемо курво изгинути!"
Рече Ћетко Властелиновиħу:
„Небой мисе харамбаша Баіо!
Ако тебе бидне до неволѢ,
Быт'ħу данасъ тебе одъ неволѢ,"
Кад'су мало полѢмъ одмакнули,
Обрнусе Пивлянине Баіо,
НевесинѢ тама притиснула,
Диндарысе дижу у облаке,
Пита̂ Баіо Хайкуну ђевойку:
„Снахо моя Хайкуно ђевойко!
Єси л' полю феракъ уфатила,

Єли вазда полѢ магловито?“
Мысли̂ Була преварити Бая:
„Мой ђевере Пивлянине Баіо!
Я 'самъ полю феракъ уфатила,
Кад' є суша вазда праховито,
Кад' є киша вазда магловито —.“
Но змiясе преварит' неможе,
Ондай рече Пивянине Баіо:
„Ніе л' добра у дружину дру̂га,
Да избере деведесетъ другахъ,
Одъ стотине по тридесетъ другахъ,
Да запане у зелену̂ траву,
Небы л' како Турке уставили,
Докъ Сомини побѢжемъ планини,
И унесемъ у планину благо,
Па ћу мусе вратит' у помоћи.“
Али нико неслушаше Бая,
Него свакій бѢжи у планину,
До сокола Властелиновића;
Онъ одяха Дора дебелога,
Даде Баю коня и ђевойку:
„Аманетъ ти харамбаша Баіо!
Ако мене суђенъ данакъ дође,
Те погинемъ данасъ одъ Туракахъ,
Води булу у росно̂ приморѢ,
И подай є̂ милу брату моме,
Узми за̂рокъ штосамъ обећао.“
Пакъ изабра деведесетъ другахъ,
Те западе у зелену̂ траву,
А осталіи у планину бѢже,
И све Турско̂ понесоше благо,
Ал'се брже Турцы примакоше,
Найпрвый є Бего Любовићу,
На Лабуда коня великога,
Пре дружиномъ бѢше одмакнуо,
Небы дута̂ пушка дотурила,
Рече ЦѢтко Властелиновићу:
„О дружино браћо моя драга̂!
Немой кои пушку изметати,
Докъ я гађамъ Бега Любовића,
Акол' нѢга непогодимъ првомъ,
Онъ да нейма друга никаквога,
Свіемъ бы намъ одкинуо главе“
У то стасса Бе̂го на Лабуда,
Силно Туре ядъ га задесіо,
И жестоко ражлютіо коня,
Изъ носа му модаръ пламенъ гред
Изъ копита живый обань скаче,
Преко бега пѢне претурава̂;
На бега су седамъ самокре̂сахъ,
Око бега сабля окована,
О ђогату топузина тешка̂,
Ньомъ є біо врата одъ Багдата,
На ђогату Багдатъ прифатіо;
И цида му на рамена бойна,
Саставіо каукъ са веђама,
Уздигнуо на рамена брке,
Па за Баіомъ гледа усъ планину,
Изъ очихъ му крвца тече црна;
Кадъ Турчина ЦѢтко сагледао,
Одъ страха га уфати грозница,
Паксе своіомъ пушкомъ разговара:
„Погоди ми бега на Лабуда!
А давамъ ти божу̂ вѢру̂ тврду,
Када здраво у ПриморѢ дођемъ,
Седефъ ћу ти и дрво макнути,
У жежено̂ злато оковати,“
То изрече пали цефердана,
И погоди бега Любовића,
Посредъ чела међу очи црне,
Паде бего у траву на главу,
Тад' допаде Властелиновићу,
Те бегову посіече главу,
И узе му свіетло оруже,
И пояха бегова Лабуда;
У то стиже тридесъ Любовићахъ,
И за ньима остала краина,
Шћаху нѢму изгубити друштво,
Него Ћетко неда на Лабуду,
Но предъ собомъ обрну дружину,
На Лабуда Турке дочекуе;
До Сомине высоке планине,
Никаква му непогибе друга,
Ни погибе ни ранне допаде,
А на ЦѢтка седамнаесъ ранахъ,
Ал' погуби деветъ Любовићахъ,
И утече Сомини планини;
А кад' Бая и дружину нађе,
На Баясе Ћетко налютіо,
Што му небы Баіо у помоћи,
Те Бегову саблю извадіо,
Посіече дванаесъ кадіяхъ.

Вратишесе у росно Приморѣ,
Па сѣдоше діелити благо,
Недіеле броемъ ни хесаномъ,
Веќ' калпакомъ Бая Пивлянина,
Сваком' другу по четири доѣе,
И четиры Ѣетку старешинства,
Него ньима Ѣетко говораше:
„Неќу вама паре ни динара!
До Хайкуну ліепу ђевойку,
Даќу зарокъ штосамъ обеќао."
Но дружина Ѣетка неслушаху:
„Нашъ соколе Властелиновиќу!
На поклонъ ти Хайкуна ђевойка,
Іошъ ти беговъ ђогинъ и оружо,
И ово ти блага старешинство,
Чимъ ќешъ свое ранне извидати."
Води Баіо одъ мора хеќиме,
Вида Ѣетка два мѣсеца данахъ,
Ліепо му ранне извидао,
Крсти Цвѣтко Хайкуну Туркиню,
Куми кума Пивлянина Бая,
И узе є за виерну любу,
Любишесе и живѣше складно.
Па да си ми здраво Србинъ брате!
Све юнацы твои были сынцы.

87.

Ваіова Свадба.

(Незнамъ одъ кога ми є ова)

Запросіо Баіо Пивлянине
Надалеко ліепу ђевойку,
У дивноме Сеню богатоме,
У силнога Ива капетана;
Ваіо проси Иво му є дае,
Млого силно покарчіо благо,
Прстенъ ставя свадбу договара:
„Ова свадба за немлого данахъ,
Докъ я доѣемъ Перасту біелу,
И покупимъ юначке сватове."
Отлесе є Баіо подигао,
Тер' онъ поѣе Перасту біелу,
А то млого доба нестануло,
Везакъ везе тридесъ ђевоякахъ,
На біелу Иванову кулу,
Свака фали заручника свога,
Но нефали Анђа Иванова,
Ньойзи веле млого другарицахъ:
„Што нефалишъ заручника твога!?
Али си се млада поніела,
Е є тебе хайдукъ испросіо?"
Алъ говори Иванова Анђа:
„Ніесамсе млада поніела,
Но я незнамъ когано ќу фалит';
Скоро доѣе Хасан-ага Куна,
Одъ Удбине одъ Турске краине,
Те испроси мене у Ивана,
Єсте више натуріо блага."
Но іой веле млого другарицахъ:
„Алс' волія Пивлянина Бая,
Ал' Турчина Куну Хасанагу?"
Но говори Анђа Иванова:
„Е воліяхъ Пивланина Бая!"
Ньойзи веле млого другарицахъ:
„Каде тебе Туре уговори?"
„Уговори до петнаесъ данахъ!"
Іошъ іой вели млого другарицахъ:
„Пиши Анђо Баю Пивлянину!
Да покупи сватахъ пестотинахъ,
Нека брже за ђевойку доѣе,
Е ќе другій повести ђевойку,
Поведе є Хасанага Куна;"
„„Брже доѣи и свате доведи.""
Анђа кньигу танку оправила,
Ситна кньига Баю допанула,
Кньигу гледа и одъ нѣсе мучи,
А одъ муке на ноге скочіо;
Оде Баіо тамо на доганѣ
Па кад' Баіо біо на улицу,
Баіо срете сестриќа Іовиќа,
Танку му є кньигу додавао,
Кад' є виѣе діете Іовиќу,
Теке виѣе што му кньига пише,
Онъ уяку своме говоріо:
„Хаид' уяче по нашем' Приморю,
Те покупи сватахъ пестотинахъ!
Све ќешъ купит' момчад неженѣну
Нека воде конѣ неяшане,
Нека яшу силе на бѣсове,
Кои могу стиќи и утеќи,

На запету пушку дочекати,
Голу ћорду отет' у Турчина;
А я одохъ на боялн кулу,
Да припралямъ таинъ сватовима."
Оде Баіо ріечъ нечиняше,
Те покупи сватахъ пестотинахъ,
Доведе ихъ предъ біелу кулу,
За готову софру засѣдоше,
А поштосе понапише вина,
Отолесе свати подигнуше;
Иду свати земльомъ и свіетомъ,
Докъ дођоше Сеню зенђиломе,
На ливаде свати попадаше,
Ал' ево ти Хасанаге Куне,
И онъ води сватахъ пестотинахъ,
Но дѣтића да видишъ Іовића!
Іошъ ту шћаше да извади кавгу,
Нег' му неда Баю Пивлянине,
Съ миромъ свати у Сень улазише,
Ма да видишъ Ива Капетана!
Онъ є свате дивно разредіо,
Ђувегіе на Ивову кулу,
Међу собомъ поставили лю̂ђе,
Нете ли ихъ како насулити;
Никако ихъ насулит' немогли,
Но такосу ньима говорили:
„Да дофате бурме и прстенѣ,
Да ихъ проспу по зеленой трави,
Да изведу ліепу ђевойку,
Чіе узме честита му была."
Како рекли тако учинили,
Па извели ліепу ђевойку,
Срцемъ проси ліепа ђевойка:
„Дай ми Боже у срећу юнака!..,!
Боже, дай ми прстенѣ Баіово!"
Богъ іой даде Куне Хасанаге,
Ту су Турцы шенлукъ учинили;
Іошъ да видишъ чуда и већега!?
Одъ Турчина Хасанаге Куне:
Све сватове у єдне чиняше,
Докъ састави хиляду сватовахъ,
Скупа пошли кита и сватови;
Каде свати на Зечево дошли,
Сви сватови конѣ разиграю,
По неигра діете Іовићу,
Нег' онъ яше невесело вранца,

До нѣгасе Баіо доклоняше:
„Да што ти є мой міо сестрићу?
Ако ти є миле уйне жао,
Лѣпшиомћусе оженити ђидо."
Ал' му вели млађанный Іовићу:
„Прођи месе мой міо уяче!
Ніе мене до чег'но є тебе,
Но нешто ме люто боли глава,
Но акосе почемъ намѣрило,
Намѣрило у плоску ракіе,
Башъ коя є трипуть препѣцана?"
Даде Баіо плоску и ракію,
Но да видишъ діете Іовића!
Напоисе и два и тры пута,
Одъ коня є вранца одяхао,
Подиже му ноге све четиры,
Да му ніе вранацъ обосіо,
Притеже му ибришим-колане,
Прекрстисе пояха врачнића,
А вранчићу дизгинъ узтезаше,
И хргну га бакрачліомъ сайиюмъ
Колико є ужлютіо вранца,
По четиры свата прескакаже,
Докле Іовићъ до ђевойке дође,
Па загрли ліепу ђевойку:
„Дивна ли 'си уякова уйна!
Дивна ли 'си, е ма си ми туђа!
Ама небы туђа акобогда."
Одъ сватовахъ нико невиђаше,
До Турчина Куне Хасанаге,
Па Іовићу ріечъ говораше:
„Макс' отоле діете Іовићу!
Е немогу съ Бая побратима,
А быхъ тебе за то погубіо."
Кад' то чуо діете Іовићу,
Онъ скидаше дувакъ са ђевойке,
На ню бачи шарене мараме,
Удари є бичемъ плетенніемъ:
„Прекланяйсе моя мила уйна!"
Кад' то зачу Хасанага Куна
Цевердану огань-ватру дава,
Те онъ гађа діете Іовића;
Ал' є вранчићъ што и хитра муня
И Іоввићсе пови по вранчићу,
Те є нѣга пушка претурила,
Исправисе Іоввићъ на вранчића,

Одъ образа свою шарру пали,
Те онъ гађа Хасанагу Куну,
На згодно га мѣсто погодіо,
У повіе међу очи двіе;
Тусе ценякъ завргао малій,
Тесе бію за тры би'ла дана,
Паде тама одъ неба до землѣ
Одъ брзога праха и олова,
И одъ паре коньске и юначке,
Бога моли са коня ђевойка;
„Дай ми Боже віяръ одъ планине!
Да разагна маглу у краеве,
Да я виђу чіи гину сватови,
Чіи ли гину, чіи ли добываю.“
Богъ іой даде віаръ одъ планине,
Те разагна магле у краеве,
Ал' изъ магле Іовић' искочіо,
Крваве му руке до раменахъ,
А вранчићу ноге до колѣнахъ,
Онъ на рамо носи копѣ бойно,
А на копѣ седамнаесъ главахъ,
За ньим' иде Пивлянине Баіо,
И онъ носи седамнаесъ главахъ,
И на себе седамнаесъ ранахъ;
Но излазе кита и сватови,
Свакій носи одъ Турчина главу,
Ижлѣгли су Баіови сватови,
Двадесть сватахъ бѣше погинуло,
Одъ Туракахъ жива ока нейма,
Веће осамъ у єнђилукъ булахъ,
Све ихъ осамъ Іовићъ уфатіо,
И бозна ихъ обѣсити ћаше;
Но недаде Пивлянине Баіо,
Нека иду грдне у краину,
Нека кажу штосе учинило;
Па Баіови сватыс' окупише,
И пођоше дома у Приморѣ,
Но да видишъ діете Іовића,
Тры медика морска добавію,
Те онъ вида своега уяка,
Видао га за годину данахъ,
Те извида своега уяка,
Па га вѣнча съ ліепомъ ђевойкомъ;
И нек' му є, честита му была,
Юначку му лозу одржала,
Па мы здраво и весело дружбо.

88.

Ђевойча хитрость.

(Одъ ђака Вулине изъ Бѣлопавлића.

До тры мрка завіяше вука,
У пазару на средъ Сараева,
То небыла тры крвава вука,
Но то была тры горска хайдука,
У тавницу божу несретницу,
У тавницу на средъ Сараева;
Єдно бѣше Браичићу Зрно,
Друго юнакъ Лакетићу Янко,
А треће є Ющковићу Раде,
Одъ питоме Жупе Грачанице.
Но на ньихсе нико ненакланя,
До єдина варошка ђевойка
Тавницы є често долазила,
Ал' айдуцма ништа незборила;
До ђевойцы Зрно бесѣдіо:
„О бога ти варошка ђевойка!
Што долазишъ на пенџеръ тавницы,
Што долазишъ, ништа небесѣдишъ?“
Ђевойка є Зрну говорила:
„Чуешъ мене Браичићу Зрно!
'Да от' ли ми дати вѣру тврду?
Да ме узмешъ за вѣрну любовцу,
Да бѣжимо къ обичаю твоме,
Пуштићу ве изъ тавнице ядне.“
А да видишъ Браичића Зрна,
Пружи ньойзи обадвіе руке,
Те іой дае боже вѣре тврде,
Таде рече варошка ђевойка:
„Чуешъ мене Браичићу Зрно!
Сад'ће дођи тридесть Сарайліяхъ,
Извесће ве изъ тавнице тавне,
Повешће ве у дно Сараева,
Све троицу хоте обѣсити,
По чу ли ме Браичићу Зрно!
Кад' будете низъ узке сокаке,
Ты завичи грломъ и авазомъ:
„„'Да ли ніе брата Ришћанина,
Оли какве варошке ђевойке,
Да изнесе єданъ кондиръ вина,
Да причести тры горска хайдука?““
И ћу чути, вина изніети,

Іошъ изніет' до тры добре ћорде —."
Тô му рекла у варошъ отишла,
У то доба тридесть Сарайліяхъ,
Изведоше тры горскіи хайдука,
Поведоше низа Сараево,
Кад' су были низъ узске сокаке,
Ал' да видишъ Враичића Зрна!
Завикао грломъ гласовитимъ:
„Да ли брата неймa Ришћанина,
Али какве варошке дѣвойке?
Да изнесе єданъ кондиръ вина,
Да причести тры горска хайдука!"
То зачула варошка дѣвойка,
Ухитала доніела вина,
Подъ пазухо до тры остре ћорде,
Айдуцима вино приносила,
Ну да видишъ тридесть Сарайліяхъ,
Ђе дѣвойцы просипляху вино;
Ђевойкасе на невольи нађе,
Тиште руке у шпагъ одъ долање,
Извадила тры стотин' цекинахъ,
Просула ихъ млада по калдрми,
Тадъ ну виђи младе Сарайліе,
Какос' грабе о то пустô благо,
Ко ће више уграбити блага,
Ал' ђевойка саблю повадила,
Єдномъ удри Враичића Зрна,
Удари га конопъ пресіече,
И даде му ћорду у десницу;
Другомъ удри Лакетића Янка,
Удари га, конопъ пресіече,
И даде му у десницу ћорду,
Трећомъ удри Юшковића Рада,
Удари га, конопъ пресіече,
Па му даде у мышицу ћорду.
Стани тко ће, и само погледай!
Кадс' юнацы ћордахъ добавише,
А біеле руке опростише,
У Туркесу юришъ учинили,
Посѣкоше тридесть Сарайліяхъ,
Изгубише аге и кадіе,
Узеше имъ коњѣ виловите,
Бацишесе хатма на рамена,
Утекоше проза Сараево,
Узъ гредъ сподбе ліепу ђевойку,
Коя имъ є животъ опростила,
Избавила вѣшал' и тавнице;
Ко ихъ ћера стићи ихъ неможе,
Ко є чеко шчекат' несміяше,
Упрцаше здраво и весело,
И нека ихъ, срећа... ихъ служила!
Па кад' бѣху своме завичаю
Зрно узе ліепу ђевойку,
Учиніо, ка' іой вѣру дао,
Сваком' вѣра вѣрноме помогла,
Каконо є тад' и потад' Зрну,
И юнацма његовим' хайдуцма.

89.

Несрећа хайдучка.

(Одъ истога ђака Вулинê Бѣлопавъ.)

Вино пили тридесеть айдукахъ
У Сомини высокой планини;
Пред' ньима су до тры харамбаше,
Єдно бѣше Сава одъ Посавя,
Друго бѣше Божо одъ Котора,
А треће є одъ Никшића Жарко.
Кадс' айдуцы напоили вина,
Закука имъ кукавица тица,
Колико є у дружину другахъ,
Толико є закукала путахъ.
Рече таде Савва одъ Посавя:
„Побратиме одъ Котора Божо!
Удри Божо кукавицу црну,
Да некоби любавну дружину."
Савви бѣше Божо бесѣдіо:
„А нека ê, да ê Богъ убіе,
Сама свою искобила главу!"
Отолесе подигли хайдуцы,
Докле дошли виш' Любиня града,
Ту дођоше на воду студенȣ,
Те хайдуцы трудны починуше,
Водê пише, лѣба заложише,
Докъ хайдуцы мало починуше;
Тад' дружины Божо бесѣдіо:
„Єдда ли є у дружину друга?
Да отиде до Любиня града,
Да донесê вина и духана,
И свакоме другу по опанке,

Іошъ потребе што ће за хайдуке." .
То зачуо Савва одъ Посавя,
Побратиму Божу бесѣдіо;
„Я ћу побре у Любиню поћи!"
И отлесе Савва подигнуо,
Докле Савва у Любиня дође,
А кад' быо у Любиню граду,
Онъ улѣзе у пяну механу,
Тусе Сава натрошіо вина;
Па да видишъ Савве одъ Посавя!
Изишао предъ механу винску
И шетасе тамо и овамо,
Па Турцима Савва бесѣдіо:
„Што ћете ми дати Любиняни?
Да ви издамъ тридесетъ айдукахъ."
Веле нѣму Любиняни Турцы:
„Даћемо ти кнежтво ол' сердарство
Іошъ ти-дати блага изобила."
Кад' то зачу Савва изъ Посавя,
Улѣгао у винску механу,
Купіо є шесетъ окахъ вина,
Іошъ у вино ракію присипа,
У ракію траве афіуна,
И айдуцма узе опанакахъ,
И покупи шесетъ Любушанахъ,
Оде шъ ньима горы узъ планину,
Докле дође Сомини планини,
Айдукахсе близу примакнуо,
Любиняне Турке наредіо,
Па завія како мркій вуче;
Зачуо га одъ Котора Божо,
Заграктао ка' црный гавране,
И по томе састашесе гласу,
Питалисе за здравѣ юначко,
Па сѣдоше хладно пити вино,
Вино служи Савва одъ Посавя,
Докъ хайдуке добро опоіо,
Те сви поспе како и покланы;
Іошъ нутоде Савве одъ Посавя!
Узе Савва еданъ крчагъ вина,
Айдуцима пушке залıева,
Немогаше одъ Котора Божу,.
Бѣше юнакъ на цевердань лега,
Ондай кличе Савва одъ Посавя:
„Ай ђесте ми Любиняни Турцы!
Али сада, али век' никада!"
А то чуо Жарко одъ Никшићахъ;
Дофатіо шяйна цевердана,
Цевердану живу ватру дае,
Ал' му пустій жеђи неоћаше,
Савва му га бѣше напоіо;
Ал' да видишъ Савве одъ Посавя,
Онъ негађа Жарка одъ Никшићахъ,
Нег' онъ гађа одъ Котора Божа,
Десну му є ногу саломіо,
Ал' є Божо Савву оборіо,
Раннѣнъ Божо бѣше говоріо:
„Небѣжите браћо моя драга!
Да бѣжите побѣћ' неморете,
Єдномъ пушке мале изметните,
Халакните Бога помените,
За пламенне ноже прифатите,
А у Турке юришъ учините,
Єдда Боже вама припоможе."
У то доба бастисаше Турцы,
Ал'се бране тридесетъ айдукахъ,
Истурише тридесетъ пушакахъ,
Па пламене ноже повадише,
А у Турке юришъ учинѣше,
Посѣкоше тридесъ Любинянахъ,
А тридесетъ грдны побѣгоше,
Униграбише одъ Любиня врата;
Пак' айдуцы на трагсе вратише,
Направише дрвена носила,
Понієше одъ Котора Божа,
Носе Божа къ мору у Котору,
Видали га докле извидали,
Па што є ко на хрбатъ одніо,
Тай є шићаръ и дома поніо —.

90.

Пиперъ.

(Одъ Попа Лакоча Вуядиновића изъ Бѣлопавлића.)

Вино пію до два побратима,
У біелу Радовића кулу,
Єдно бѣше Гринчевић' Османе,
Друго блѣше Поповића Дражко;
На нь' зла срећа бѣше наніела,
Наніела Пиперку ђевойку,

Тада рече Гринчевић' Османе:
„Издай мене Шиперку дѣвойку,
Єдну ноћцу... за вѣрну любовцу!
А даћу ти двіе пушке мале,
Стале су ме грошахъ пестотинахъ."
Ка' то зачу Поповића Дражко,
Те Турчину ріечъ говоріо:
„Ходи пођи подъ главицы Спужкой!
Те доведи твою булу младу,
Єдну ноћцу... мен' за вѣрну любу,
А даћу ти сяйна цевердана,
Ста̑ є мене грошахъ шестотинахъ."
Кад' то зачу Гринчевић' Османе,
Одъ пояса пушку извадіо,
Те онъ гађа Поповића Дражка,
Саломи му руку у рамена;
Но да видишъ Поповића Дражка!
Онъ довати сяйна цевердана,
Те онъ гађа Гринчевић' Османа,
Добро га є юнакъ погодіо,
У скувіе међу очи двіе,
Турчинъ паде главомъ у трпезу,
А поблѣже Поповића Дражко,
Онъ побѣже исподъ Мартинићахъ,
Но ћера га бего Лисичића,
Одиста га изгубити ћаше,
Но да видишъ Поповића Дражка!
Онъ находи єдно момче младо,
Те га куми и братими тешко:
„Напун' мене сяйна цевердана!
Да причекамъ Бега Лисичића."
Момче младо на Бога гледало,
Напуни му сяйна цевердана,
Па причека Поповићу Дражко,
Онъ причека бега Лисичића,
Цевердану живый огань дава,
Те погоди добро Лисичића,
Одъ добра га коня одвоио,
Узе шъ нѣга главу и оруже,
Па тко чуе, дійка нека му є —.

91.

Марко и Филипъ.

(Одъ истога Стоянчића Ясеновчета.)

Вино пила до два побратима,
Маџаръ Филипъ съ Митромъ од' Удваря,
А кадасе понапише вина,
О юнаштву сваком' бесѣђаху,
Али вели Филипъ Маџарине:
„Посѣкосамъ тры Србске войводе,
Іошъ ћу посѣћ' Кралѣвића Марка,
А да бы ме неродила майка."
Филипъ вели, а Бога немоли,
То Филипу іоште мало фале,
Но є юнакъ тако говоріо:
„Іошъ ћу Митре посѣћ' Обилића,
Да у Срба ніе већ' дѣтића;
Погубићу и крилатог' Релю,
Учинићу каково ти велю,
Тако здраво и честито быо!"
Нѣму вели Митаръ одъ Удваря:
„Нећ' Филипе посѣћ' ни єднога!
Я ћу поћи до Прилипа града,
Те ћу казат' Марку Кралѣвића,
Пакъ и Марко да за тебе знаде,
И нѣгова оба побратима,
Съ коиема вазда піе вино —."
На Митрасе Филипъ наѣдіо,
А на ноге одъ землѣ скочіо,
Па срдито Митру говоріо:
„Небыло ти за очину душу,
Но хайд' кажи Кралѣвића Марку,
Дасе Филипъ Марка неуклаля,
Ни нѣгова друга икоега,
Но да ньима свѣм' о глави ради,
А найпріе да му Марка ніе!"
Митаръ скочи припаса оружѣ,
Доватисе Пеливан-ђогина,
Филипъ свога окрочи Дорина,
Оба пошла, оба и отишла,
Куд'.ко стіо, и куд' наканіо;
Филипъ дође свом' біелу двору,
Нађе любу ђе дукате ниже,
Подъ грроце на сребрне жице,
Паксе Филипъ ньойзи насміяо,

Одъ милости любы говоріо:
„Нижи любо бисеръ и каменѣ,
А прођисе злата просячкога,
У Филипа іошъ имаде свашта,
А одъ Марка добиће и више,
Те све што є царъ дарово' Марку,
Свег' у Марка више но у цара,
А я ћ' брзо посѣћи му главу."
Митаръ нађе у Прилипу Марка,
Те онъ Марку сву пріетню каже
Силенога Филипа Мађара,
Марко яхну своєга Шарійна,
Пакъ онъ поће да Филипа нађе,
Кад' му бьо двору госпоскоме,
Одяхао Шарца у авлію,
На стрме му узду є пустіо,
Нексе рахатъ самъ стоборомъ вода;
Шарацъ оста копаюћ' ногама,
Ногам' коња; са свег' дроба хрза,
Пакъ онъ каше узъ біелу кулу,
За своіемъ Маркомъ господаромъ,
Ал'се Марко на то насміяо,
Па Шарійну узъ гредъ говоріо:
„Ту стой Шарче, я ћу брзо доћи,
Садсамъ сяхо', сад'ћу пояхати,
Надай мисе озго у седлиште!"
Оде Марко узъ высоку кулу,
Све одае пролазіо редомъ,
Ниће никог' ни жива ни мртва,
Викну Марко већ' у нека доба:
„Домаћине Филипъ Мађарине!
Амо брже да изгубишъ Марка,
Тек' му вина додай и ракіе,
А своју ти самъ донесе главу;
Я л' ћу твое сажећи дворове!"
У то преда нь' госпа исшетала,
Десницу му поће полюбити,
Недаде ю Кралѣвићъ срдитый,
Но пита є куд' є Мађарине,
Госпа Марку мудру говорила:
„Ніе г' дома, некуд' є пошао,
А ты си ми волянъ починути
У нѣгову ка' у своме двору,
Свега има, чимсе Марко стима."
Алсе маша срдитъ Кралѣвићу,
Машіосе Баницы подъ грло,
Снимio іой скупюга ђердана,
И овако ньойзи говоріо:
„Кад' ти доће Филипъ силовитый,
Нека знаде да госта имаде,
Наћиће ме у механи винской,
У Токайке вилене ђевойке,
Ту нек' дође и саблю донесе,
Ту ћемосе оба огледати."
Оде Марко у пяну механу,
Оста госпа мыслит' на технану,
Шта ће снаћи іошъ Филипа нћна,
Кои Марка за по ніе брка;
Скаменѣсе и обамре госпа,
Паде мртва на средъ пуста двора,
У то Шарацъ добрый разврриштасе,
Госпу прену, те съ талахъ устану,
Огледалас' десно и ліево,
Угледала страшног' Кралѣвића,
Ђе онъ кули скочи низъ высине,
Шарацъ му є плећи поднесао,
Прифати га у седло боито,
Пакъ отутня низъ салежъ одъ града,
Право поће напоитсе вина,
Напоити себе и Шарійна;
Ту є Марко тры нећелѣ бьо,
И данъ и ноћъ руйно винце піо,
А чекао Филипа Мађара,
Спреміо му остру сабю дара,
Па кад' Филипъ тада недошао,
И Марко є дома отишао,
Ђерданомъ є све платіо вино,
Безъ харама нек' є испіено. —

92.

Зуіо и Вуіо.

(Одъ Витора Міяйлова изъ Ясенове у Морачи доньой.)

Мала мисе чета подигнула,
Одкуд' мисе вазда подизала,
Одъ Пераста града біелога,
Предъ ньоме є Пивлянине Баіо,
А за Баіомъ Вуксановићъ Вуіо,
А за Вуіомъ Шарамбаћа Ђуро,

И за ньиме тридесеть айдукахъ;
Отидоше горы усъ планину,
А кад' быше Сомини планини,
Ту хайдуцы мало починули,
Они пію црвеннога вина,
И Приморске ліепе ракіе,
Кадс' айдуцы вина накитише,
Но бесѣди Пивлянине Баіо:
„Ніе л' кои ђегођъ запазіо,
Запазіо доброга шићара,
Нећемо ли ђегођъ ударити,
Нећемо ли добро шићарити?"
Нѣму вели Вуксановић' Вуіо:
„А я знадемъ доброга шићара!
Дасе спуштать лугу зеленоме
А уходить Куртагића дворе,
Ту ће быти за тебе шићара,
И за тебе и дружину твою."
Но бесѣди Пивлянине Баіо:
„Ніе л' оће у дружину друга?
Дасе спушти зеленоме лугу,
Да уходи Куртагића дворе,
Сва дружина никомъ поникнула,
А у црну землю погледала,
Те гледаю ка' траве цвѣтаю,
До негледа Вуксановић' Вуіо,
Но међ' очи Баю обадвіе,
Па бесѣди Баю харамбаши:
„Побратиме Пивлянине Баіо!
Я ћу поћи лугу зеленоме,
Дай ты мене друга найболѣга,
Найболѣга Шарамбаћу Ђура."
Даде му га ріечъ неучини,
Ма да видишъ Вуксановићъ Вука!
Како сфати сяйна цефердана,
А повикну Шарамбаћу Ђура:
„Айдмо друже лугу зеленоме!
Но нѣмусмо и досле ходили."
Заскакасе Шарамбаћа Ђуро,
Заскакасе долѣ нисъ планину,
Како лѣлѣнъ одъ године данахъ,
Спуштащесе лугу зеленоме,
У то были предъ біеле дворе,
Предъ біеле дворе Куртагића,
Закуцаше халкомъ на вратима:
„Єс' ли дома Куртагића Зуіо?"
Ал' испаде Зуко Куртагићу,
Хайдуцы му помоћъ називаю,
А Зуко имъ помоћъ приватіо,
Па ихъ пита Куртагића Зуіо:
„О Бога ви двіе сехратліе!
Окле ли сте одъ кога ли града?"
Вуіо нѣму ріечъ бесѣдіо:
„А мы єсмо одъ мора трговцы."
Па Зуко имъ ріечъ бесѣдіо:
„Вы ніесте одъ мора трговцы,
Но' сте главомъ одъ горе хайдуцы!
Єси главомъ Вуксановићъ Вуко,
А то съ тобомъ Шарамбаћа Ђуро."
Каде виђе Вуксановићъ Вуіо,
Када виђе да ихъ познаваше,
Онъ измаши двіе кубурліе,
Те онъ гађа Куртагића Зука,
Само срце опаліо Зуку,
Па му русу посѣкао главу;
Но су Турцы стражу поставили,
Турска ихъ є стража опазила,
Но и Вуіо стражу опазіо,
Па побѣже у біелу кулу,
Па Турска ихъ стража обузела,
Но біюсе прахомъ исъ пушакахъ,
Пуче єдна пушка одъ Туракахъ,
Пуче пуста да бы непуцала,
Те погоди Вуксановићъ Вуя,
Саломи му ногу у колѣну,
Узмучисе Шарамбаћа Ђуро,
А вели му Вуксановић' Вуіо:
„Побратиме Шарамбаћа Ђуро!
Ну изиди на пенцеръ одъ куле
Те погледай у бакчу зелену,
Па ты скочи са куле у бакчу;
Ако тебе Богъ и срећа даде,
Те утече лугу зеленоме,
А ты пођи Сомини планини,
Те ту нађешъ Пивлянина Бая,
Ту ты нѣму овако говори:
„Овако те Вуіо поздравіо,
Немой кости нѣму оставяти,
Да ихъ овуд' хрты неразвлаче."
То му реко', и Ђуро утеко,
Онъ утече лугу зеленоме,
Па побѣже горе усъ планину,

Далеко га Баіо угледао,
А ближе га Баіо сусретао,
Па му вако быо бесѣдіо:
„Чу ли мене Шарамбаћа Ђуро!
Камо тебе Вуксановићъ Вуіо?“
Баю Ђуро вако одговара:
„Вуіо тисе Баіо поздравіо!
Е су Вуя ранне допануле,
У біелой Куртагића кули,
Но кости му неостави онди,
Да му кости неразвлаче хрты,“
Ал’ су Вая сузе пропануле,
Па повикну тридесетъ хайдукахъ,
Спушћашесе лугу зеленоме,
Но да видишъ Вуксановић’ Вуя!
Воя біе ко’ да раннѣнъ ніе,
Кадс’ айдуцы близу примакнули,
Попадаше у траву зелену,
Омма пуче тридесть цевердарахъ,
Омма паде тридесетъ Туракахъ,
А прискочи тридесетъ хайдукахъ,
Те посѣче тридесетъ туракахъ,
Улѣгоше на біелу кулу,
Те біелу кулу похараше,
Све Зуково поніеше благо,
Поніеше и своега Вуя,
Однесоше Сошини планини,
Ту су они трудны починули,
Пакс’ напише вина црвеннога,
А завише Вуя раннѣнога,
Па одоше ка Перасту граду,
Но кад’ стиже Нивлянине Баіо,
Када сиде ка Перасту граду,
Онъ набавля одъ мора хећиме,
Те онъ вида Вуксановић’ Вуя,
Онъ га вида за годину данахъ,
Све га вида докле га извида,
Па оздрави весела му майка,
Те є опет’ чету четовао,
Турке біо, робѣ доводіо,
Докъ є быо, и докъ є живіо. —

93.

Свадба и кавга

(Одъ Завище Петрова изъ Дабоевићахъ у Бѣл.)

Піе вино двадесть Обршћанахъ,
У Обрсту біеломе граду,
На высоку Вилипову кулу,
Служи вино Вилиповъ Никола,
Сваком’ Вану пуну чашу дае,
Бабу своме по дно чаше дае,
Но му вели Вилипъ Обрстару:
„А мой сыне Вилиповъ Никола!
Штосамъ тебе на жа учиніо,
Те ми даешъ по дно чаше вино?“
Нѣму вели Вилиповъ Никола:
„Неволя є Филипъ Обрстару!
Врсницысе мои поженише,
А врснице мое поудаше,
А ты мене неожени бабо.“
Но му вели Вилипъ Обрштану:
„У зо часъ те оженіо сынко!
Я ’самъ чуо кажевали су ми,
У Удбини у Турской краини,
У силнога сердар Мустав-аге,
У нѣга є прикладна Хайкуна,
Лѣпоте іой у Турћію нейма;
Но да нейма у двадесть Бановахъ,
Ко ће пођи ка Удбину граду,
Да испроси у Муя ђевойку?
Даћу нѣму тры товара блага.“
Тусе добаръ юнакъ намѣріо,
Намѣріо Видакъ Барякторе,
Поскочіо вранца окрочіо,
Усѣде му Видакъ на рамена,
Оћера га горомъ и планиномъ,
А кад’ дође у Турску Удбину,
Пре дворове сердар’ Мустав-аге,
Ту осѣде вранца дебелога,
Па улѣзе у дворове Мую;
Онъ ту нађе сердар’ Мустафагу,
Божу му є помоћъ називао,
Сердаръ му є приватіо дивно:
„Богъ дай тебе незнана делю!“
Ліепо га Сердаръ дочекао,
За готову совру засѣдоше,

Нише вино а Ѣдоше месо,
Но му вели Видакъ барякtаре:
„А за Бога Сердаръ Муставаго!
Ни ме питашъ нити-ти я кажемъ,
Што'самъ тебе доша на дворове.“
Но му вели Сердаръ Муставаго:
„Ой деліо я те непознаемъ,
Одъ кога си края и корѢна?“
Но му вели Видакъ барякtаре:
„Я' самъ юнакъ одъ Приморя равна,
Сынсамъ быо Шимунъ капетана,
Сестриħъ міо Костреша хайдука,
Ако си га чуо ил' видіо.“
Но му вели Сердаръ Муставага:
„Ахъ ту ли си курвино копиле!?
Ты да имашъ соколова крила,
Не бы т' меса уносило перѢ,
Ол' да су ти цинны калаузи,
Небы цинна угодили пута.“
Али збори Видакъ барякtаре:
„Аманъ мало Сердаръ Муставаго!
Да ти кажемъ штосамъ ти дошао,
Ево мене Вилипъ оправіо,
Да испросимъ у тебе ђевойку
За Николомъ єдиніемъ сыномъ.“
У то доба Госнный Халійле:
„О Видаче чуешъ барякtаре!
Што ты иштешъ у Муя ђевойку
Кунемъ тисе а вѢру ти давамъ,
Да є̑ мене царе запросіо,
Я му Хайку небыхъ поклоніо,
Е ма хоħу Вилипу 'Брстару
За Николомъ єдиніемъ сыномъ,
Ако ħешъ ми дати вѢру тврду,
Ца є̑ неђе Вилипъ покрстити,
И' ако бы іой зъ добре волѢ было.“
Ту му Видакъ тврду вѢру дае,
Да є̑ никад' покрстити неħе!
Прстенъ сталя свадбу уговара,
Докле доħе тамо и овамо.
Отолесе Видакъ подигнуо,
Кад' онъ доħе у Обрсту граду,
Добро га є Вилипъ дочекао,
Те го пита Вилипъ Обрстару:
„Єси ли ми цуру испросіо?“
НѢму вели Видакъ барякtаре:
„Купи свате айде по ђевойку!
Скупи мало сватахъ пестотинахъ,
А предъ ньима Петра капетана,
И пошльи имъ тридесетъ єнђіяхъ,
А предъ ньима Секу Николину.“
Барякъ даше неяку Видаку,
Отолесе сваты подигнули,
Докъ дођоше ка Удбиню граду,
Добро игъ є Халилъ дочекао,
Онъ разводи свате по конакахъ,
А єнђіе на Муіову кулу;
Данакъ прође тавна ноħца доħе,
Халилъ служи вино єнђіама,
Докс' огласи юнакъ по дворове,
Зове юнакъ Гоенна Халійла:
„Ну изиди Гоенный Халійле!“
Онъ изиде юнакъ пре дворове,
Кад' ево ти махнитина Тале,
На нѢгову претилу Кулашу,
Халійла є Богомъ братиміо:
„Богомъ брате Гоенный Халійле!
Издай мене свате Вилипове.“
Но му вели Гоенный Халійле:
„Види Тала поганнога хала!
Да како ħу издат' пріятелѢ?“
Іошъ му вели Будалина Тале:
„Даħу тебе седамъ агалукахъ,
Све што ми є одъ Ваба остало.“
Но му вели Гоенный Халійле:
„Кунемъ тисе а вѢру ти даемъ!
Ђе немогу бунити сватове,
Ноħасъ быгъ ти главу посѢкао.“
НаѢдисе будалина Тале,
Онъ отиде у камену лонцу,
Онъ у лонцу да испія вино,
Халійлъ оде на біелу кулу;
Но Вогъ уби Николину секу,
Е нехоħе вина ни шербета,
Докъ невиди Хайкуну ђевойку;
То жа' было Гоенну Халійлу,
Е ма мусе одъ инне неможе,
Но деведе Хайкуну ђевойку,
Енђіяма иħрамъ учинила,
Па скочила сека Николина,
Те є були курюкъ расплетала,
Обрну іой косу низъ образе,

Уплеће іой гроше и динаре,
Прекрсти іой косу на образу;
По да вели Госпный Халійле:
„Крсти кучко Николина секо!
Я ћу тебе сютра потурчити.“
Отле скочи на ноге лагахне,
Онъ отиде у камену донцу,
Те ту нађе будалину Тала:
„Муштулукъ ти Будалина Тале;
Е хоћемо ударит' сватовима,
Хайде Тале Бишћу біелоте,
Поздрави ми одъ Бишћа Халію,
Да доведе другахъ тры стотине,
Е хоћемо пратит' пріятелѣ —!
Па іошъ сврни Старцу Варићаку,
Да доведе триста Варићакахъ,
Е хоћемо пратит' пріятелѣ — !
Хайде отле Ковачини Раму,
Да доведе триста Ковачанахъ,
Да пратимо наше пріятелѣ —!
Сврни Тале Ћейванаги старцу,
Нек' доведе другахъ тры стотине,
Да пратимо наше пріятелѣ,
Пріятелѣ силене кауре;
Ты доведи триста Орашанахъ
Я ћу дићи листомъ Удбиняне.“
Поћца пређе біо данакъ дође,
Чаушъ виче, дамбулхана риче,
„Хазуролла кићенныи сватовы!
На дарове Мую пре дворове!“
Пре дворесе сваты окупили,
Добро игъ є Халійлъ дочекао,
Дарива игъ што є за коега,
Неговъ яглукъ а неком' бошчалукъ,
Петру даше ћуракъ до долине,
А Видаку о злата ябуку,
А Николи коня и ђевойку;
Па навали вино и ракію,
И осталу сваку ђаконію:
Мало стало дуго нетраяло,
Кад' ево ти Будалина Тале,
Води Тале другахъ тристотине,
Па одоше дворити сватове;
Мало стало дуго незастало,
Кад' ево ти одъ Бишћа Халія
Води Хале другахъ тристотине,
Па одоше дворити сватове;
Мало было, манѣ проминуло,
Кад' ево ти старога Ћейвана,
Води Ћейванъ другахъ тристотине,
Па одоше дворити сватове.
Мало стало дуго непостало,
Кад' ево ти старца Варићака,
Води старацъ триста Варићакахъ,
Халійлъ диже свое Удбиняне,
Паксе диже кита и сватовы,
А предъ ньима Петаръ капетане,
Одмакоше полѣмъ Удбинскіемъ,
Но за ньима пристаяху Турцы,
А предъ ньима Будалина Тале,
Ма какавъ є ядъ га задесіо,
Одіо є себе и Кулаша,
На нѣга су гаће одъ клашанахъ,
Прозъ гаће му пропала колѣна,
А на нѣга одъ шайка хальина,
Прозъ рукаве промоліо лакте,
А прозъ капу перчинъ му пронао,
На кулаша гола дрвеница,
Съ єдне стране окована балта,
Съ друге стране тешка топузина,
Но му топузъ прекривіо балту,
На Кулаша садно направіо;
Угна Тале коня у сватове,
Онъ нагони коня на Видака,
Но му вели баряктаръ Видаче,
„Пројсе тамо Будалина Тале!
Незамећи кавге у сватове,
Но ако 'си юнакъ одъ юнака,
Одъ сватовахъ дасе измакнемо,
Па на сабѣ животъ діелимо.“
Несвиђесе Будалини Талу,
Прогна коня Петру капетану,
Овако є Петру бесѣдіо:
„Бакка морре Петре капетане!
Чудна ћурка болѣга калпака! — ?
Са ћурка ћешъ заметнути кавгу,
А съ калпака изгубити главу:“
Сабіомъ махну посѣче му главу,
У сватове заметнусе кавга,
Убишесе огнѣмъ исъ пушакахъ,
Паде тама одъ неба до земѣ,
А то гледа одъ планине вила,

Лети вила на лагахна крила,
Докъ долеће на єлу зелену,
Милоснусе Богу помолила:
„Дай ми Боже віаръ одъ планине!?
Да размахне маглу у краеве,
Да я виђу ко є погинуо!“
Богъ іой даде віаръ одъ планине,
Те размане маглу краевима,
Кад' одъ оно сватахъ пестотинахъ
Нейма нитье свата ни єднога,
До яднога Видакъ барякtара:
Юнакъ зашо у клисуру тврду,
И кодъ нѣга Вилиповъ Никола,
А сви Турцы на средъ поля равна,
И кодъ ньихъ су трудесеть сипјіахъ,
И Хайкуна ліепа Туркиня,
Пакъ одоше діелити даре,
Немогусе погодит' никако,
Око ћурка Петра капетана.
А то гледа Видакъ баряктаре,
Те Николи ріечъ бесѣдіо:
„Ахъ Никола мой жалосный друже!
Примакнисе у дно поля равна,
Е ћу отит' до Турског' тамбора,
Да утрабимъ Хайкуну ђевойку,
Или твою секу ил' Хайкуну,
Ако бы ми до неволѣ было,
Да бы мени бyo у мидату.“
Па отоле усѣде вранчића,
Поћера га полѣмъ крваві емъ,
Привучесе Видакъ у сипје,
Те Хайкуни попружіо руку,
А Хайкуна нѣму обедвіе,
Вачіо є за се на вранчића,
Па побѣже полѣмъ широкіемъ;
О Туракахъ нико невидію,
До Турчина махнитине Тала,
Онъ за њиме наћера Кулаша,
Па бесѣди махнитина Тале:
„Ой Хайкуно секо Муягина!
Уклонисе на ліеву страну,
Е ћу гађат' баряктар' Видака.“
Она му є ріечъ бесѣдила:
„Кршъ да ти є махнитина Тале!
Чврсто ме є влашче притегнуло.“
Па іошъ болѣ покрива Видака,
Близу га є Тале сустигнуо,
Ма га Видакъ Богомъ братимяше:
„А мани ме Тале копиляне!
Докъ дотуримъ Николи ђевойку,
Па я и ты дасе обидемо.“
А ману му Будалина Тале,
Докъ додаде Николи ђевойку,
Бѣжи юнакъ шъ њоме усъ планину,
Повратусе Видакъ баряктаре,
Те на Тала юришъ учиніо,
Єдномъ нѣга куцну топузиномъ,
Одъ коня га добра одвоіо,
И одиста посѣћи га ћаше,
Кад'се нешто за се обрнуо,
Ал' ево ти триста Орашанахъ,
Хазаръ су га жива уватили;
Видакъ у нѣ юришъ учиніо,
Те посѣче триста Орашанахъ,
Пакъ одиста и самъ побѣћ' шћаше,
Кад' ево ти одъ Бишћа Халила:
„Стани курво Баряктаръ Видаче!
Да на сабѣ животъ діелимо.“
Ту удари юнакъ на юнака,
Но тек' махну Видакъ барятаре,
О Турчина одасѣче главу,
Плећи даде а бѣжати пође,
Кад' ево ти Танковићъ Османа:
„Стани курво барятаръ Видаче!
Да ми платишъ одъ Бишћа Халію.“
Добро бѣше Видакъ измакао,
Али мусе мало повриуо,
На брицкесе удариле ћорде,
Но кулієнъ Турчинъ ударaше,
Изъ Видака живый огань скака,
А кудіе Видакъ удараше,
Онудіе црна крвца враше;
Одъ коня га добра одвоио,
Па прискочи посѣче му главу,
Па одиста и бѣжати ћаше,
Кад'се нешто за се обрнуо,
Ал' ево му Сердаръ Муставаго:
„Стани курво Баряктаръ Видаче!
Да си курво побѣгао лани,
Данасъ бы те Муіо сустигао.“
Па удари юнакъ на юнака,
Єдномъ махну баряктаръ Видаче,

Те удари Сердаръ Муставагу
По поясу и свилену пасу,
Виде мусе црне цигерице,
Одиста га и посѣћи ћаше,
Но нештосе обрнуо за се,
Кад' ево ти триста Удбинянахъ,
Хазаръ су га уфатити жива;
У ньигъ Видакъ юришъ учиніо,
Те посѣче триста Удбинянахъ,
Па сад' збиля ћаше и побѣћи,
Кад' ево ти старца Варићака,
На Видака юришъ учиніо,
А Видакъ га добро дочекао,
Онъ посѣче старца Варићака,
И нѣгово тристотине другахъ,
Пакъ веќ' збиля и бѣжати ћаше,
Докъ ево ти старца Ћейванаге:
„Стан' полахко баряктаръ Видаче!
Ласно ти є дѣцу цвіеляти,
Но є мука старца дочекати."
Ту удари юнакъ на юнака,
На Видака шишка одъ челика,
На Ћейвана панціеръ кошуля,
Куд' Ћейвана Видакъ удараше,
Онуд' живый огань посипаше,
Кудіе ли Ћевунъ удараше,
Онудіе црна крвца враће,
Двіе нѣму шишке саломію;
А кад' виђе баряктаръ Видаче,
Ћейвану є ђога посѣкао,
Плећи даде, а бѣжати стаде,
Онъ утече юнакъ усъ планине,
А кад' быо далек' у планину,
Ал' ево ти Хайкуне ђевойке,
Никола ѐ оставіо саму,
Па іой рече баряктаръ Видаче:
„А за Бога Хайкуна ђевойко!
Да камо ти Вилиповъ Никола?"
Она му є млада бесѣдила:
„Онъ побѣже у Обрвица града!"
Но іой вели Видакъ баряктаре:
„Яши за мномъ на дебела вранца!"
Но вели му дивота Хайкуна:
„Ако ћешъ ми дати божу вѣру,
Да ме узмешъ ты за вѣрну любу,
Да ме нећешъ веќ' Николи дати."
Ту іой Видакъ тврду вѣру дае,
Да ѐ узме за вѣрену любу;
Млада скочи за ньим' на вранчића
Побѣгоше горѣ усъ планине,
Мало было ништа нетраило,
Стаде ѣка горе и планине,
Кад' ево ти Гоенна Халійла:
„Стан' ђидіо Видакъ баряктаре!
Ђераћу те до Приморя равна!"
Таде Видакъ отури ђевойку,
Онсе бои да му непоможе,
Па іой свеза наопако руке,
А удари юнакъ на юнака,
Видакъ махну седамнаесъ путахъ,
Халійлъ махну двадесть и четиры,
Обоицы ранне одолѣле,
Одъ добріехъ конахъ одпадоше,
Кад'се Видакъ обрнуо за се,
Ал' ево ти опетъ Ћейванаге,
Ђе онъ трагомъ иде за Видакомъ,
Препадесе Видакъ баряктаре,
Неможесе коня доватити,
Но бесѣди вранцу дебеломе:
„Дура вранче пустъ ми остануо!
Пани пустый на прва колѣна,
Дасе пріймимъ теби на рамена!"
Нѣга пустый вранацъ разуміо,
Паде предъ ньим' на прва колѣна,
Тури мусе Видакъ на рамена,
Па побѣже горомъ и планиномъ,
Но ћера га старацъ Ћейванага,
Одиста га изгубит' оћаше,
Кад' погледа Видакъ баряктаре,
Ал' ево му Шимунъ капетана,
Баба свога одъ Приморя равна,
Кличе Видакъ Шимунъ капетана:
„Ђе си Бабо хрђа те убила!?
Удри Бабо старог' Ћейванагу!"
Ту удари юнакъ на юнака,
Те посѣче старца Ћейванагу,
И ранѣна Халійла Гоенна,
Пакъ довати Видакъ баряктара,
И Хайкуну ліепу ђевойку,
Поведе игъ у Приморѣ двору,
Вида сына по године данахъ,
Извида га даде му Хайкуну,

И нек' му є башъ є заслужіо
На мейдану о Видову дану —.

94.

Опетъ Марко и Филипъ.

(Одъ овчара Драгоя Дрекаловића съ Пилопаћа у Морачи д.)

Вино піе Митаръ одъ Удваря,
У Мацару граду великоме,
Са оніемъ Филипъ Мацариномъ,
Вино піе у винусе фали:
„А да бы ме неродила майка!
Но кобила што мога Дорійна,
До тридест'самъ главахъ посѣкао,
Све тридесетъ Српскіехъ войводахъ,
А тако ме неродила курва,
Іошћу посѣћ' тры Српске войводе,
Посѣћићу Релю и Милоша,
И курвића Марка Кралѣвића."
Но му вели Дмитаръ одъ Удваря:
„Нефалисе Филипъ Мацарине,
Е ћешъ посѣћ' тры Српске войводе,
Е ћешъ посѣћ' Релю и Милоша,
И курвића Марка Кралѣвића,
Да бы мене нешчекала майка,
Тры путасамъ братиміо Марка,
А да мене непогуби Марко,
Непогуби Марко по незнаню."
До вели му Митаръ одъ Удваря:
„Чуешъ мене Филипъ капетане!
Да бы мене курва неродила,
Я то хоћу повиђети Марку."
Ал' му вели Филипъ капетане:
„Курво єдна Митаръ одъ Удваря!
Ако нећешъ повиђети Марку."
Юнакъ бѣше Митаръ одъ Удваря,
Юнакъ быо на ноге скочіо,
Па посѣде претила Дорійна,
Оћера га ка Прилипу граду;
Каде дође предъ бієлу кулу,
А предъ кулу Кралѣвића Марка,
Па закуца халкомъ на вратима:
„Єси л' дома Марко побратиме!?"
Скочи сананъ у кошульи Марко,
Скочи сананъ каконо помаманъ,
Голу саблю носи у рукама,
Па потрча низъ бієлу кулу:
„Кои куцашъ халкомъ на вратима?"
Али виче Митаръ одъ Удваря:
„Немой мене Марко погубити,
Погубити Марко по незнаню!"
Нѣму Марко врата отворіо,
Ђесе срела до два побратима,
Руке шире у лицасе любе,
Питаюсе за миръ и за здравѣ,
Дора води у подруме Шарцу,
Свога побра кули на чардаке,
За готову софру засѣдоше,
Пію вино и быстру ракію,
Залагаю сваку ђаконію,
О свачему побре бесѣђаху,
Докле рече Митаръ одъ Удваря:
„Ты непиташъ Кралѣвићу Марко,
Ты непиташъ, я ти неказуемъ,
Штосамъ побро ноћасъ долазіо."
До му вели Митаръ побратиме:
„Намѣрихсе у Мацара града,
У дворове Вилипъ Мацарина,
Піе вино у винусе вали,
Е є тридесъ посѣкао главахъ,
Све тридесетъ Српскіехъ войводахъ,
Іошсе Филипъ фали капетане,
Да ће посѣћ' тры Србске войводе,
Да ће посѣћ' Релю и Милоша,
И сокола Марка Кралѣвића."
Но му вели Марко Кралѣвићу:
„Сѣди Митре Богомъ побратиме!
Сѣди побро да піемо вино,
Докле сване и сунце огране."
А кад' свану и огрія сунце,
Но да видишъ Марка Кралѣвића!
Онсе свлачи паксе преоблачи,
А острицу сабю припасао,
Пакъ отиде у подруме Шарцу,
Извео є претила Шарійна,
Па донесе єданъ мѣшчићъ вина,
Обѣси га седлу о ункашу,
Съ друге стране топузину тешку,

Да некрива ни тамо ни амо,
Тад'се тури Шарцу на рамена,
Оћера га земльомъ по ћенару,
А кад' быо на воду Ситницу,
На Ситницу тридесть дѣвоякахъ,
Біелиле на бѣлилу платно,
До имъ Марко помоћъ називаше:
„Божя помоћъ тридесть дѣвоякахъ!“
„Богъ дай будди незнана деліо!
На шарену коню великоме.“
Іошъ имъ вели Кралѣвићу Марко:
„Ой бога ви тридесть ђевоякахъ!
Оли васъ є нетко узаптію,
Тесе ядне удат' несміете,
Ол'сте собомъ срећу изгубиле
Те 'сте тако грдно осѣдиле?“
Нѣму веле тридесъ ђевоякахъ:
Ой Бога ни незнаина деліо!
Мы ніесмо срећу изгубиле,
Него єсмо младе робиньице,
Робиньице Филипъ капетана,
У Маџару граду біеломе,
Ко запроси ліепу ђевойку,
Иште Вилипъ стотину дукатахъ.“
До имъ вели Марко Кралѣвићу,
„О Бога ви тридесть ђевоякахъ!
Єли дома Филипъ Маџарине?“
Него вели тридесть ђевоякахъ:
„Ніе дома Филипъ капетане!
Но є Вилипъ юнакъ у ковача,
Те онъ куе саблю гунгулачу,
Да изгуби Кралѣвића ньоме,
Єст' ни жао на світу Марка,
Пейма Марко но єданъ у майке.“
До имъ вели Марко Кралѣвићу:
„Ђе су дворы Филипъ капетана?“
„Ласно му є погодити дворе!
Ђерай коня пред' врата одъ града,
А кадъ дођешъ на врата одъ града,
Обрнисе съ десна у ліево,
Ђе ты видишъ понайвишу кулу,
Покривену тешкіемъ оловомъ,
А предъ кулу єлла пободена,
Подъ єлломъ є Вилипова люба,
Везе везакъ млада на ђерђефу.“
Кад' то зачу Кралѣвићу Марко,
Гарну Шарца шяйномъ бакрачліо
Оћера га ка Маџару граду,
А кад' дође на врата одъ града,
Обрнусе съ десна у ліево,
Докъ є биллу кулу угледао,
Ђе є пуста кула надмашила,
Покривена тешкіемъ оловомъ,
А предъ кулу єлла пободена,
Туда Марко нагони Шарійна,
Докле дође предъ біелу кулу,
Ту онъ нађе Филипову любу,
Везе млада везакъ на ђерђефу,
Ньой є Марко помоћъ називао:
„Снахо моя Вилипова любо!
Ђе є мене Филипъ побратиме?“
Но му вели Филипова люба:
„Ид' отоле гола дервишино!
Съ такіемсе Вилипъ небратими,
Таке Вилипъ шалѣ за говеђю.“
До іой вели Марко Кралѣвићу:
„Снахо моя Филипова любо!
Донес' мени Филипова вина.“
Но му вели вилипова люба:
„Ид' отоле ядна будалино!
Іоште такійхъ непію му вино,
До юнацы и господичићи.“
Ал' Маркосе насрдіо быо,
Те є рукомъ єдномъ ударіо,
Тры путасе млада преметнула,
Тры іой бѣла саломіо зуба,
Покида іой злаћене ђердане,
Па ихъ тури у шпагъ доламе,
Па є ньойзи ріечъ бесѣдіо:
„Снао моя Вилипова любо!
Када Филипъ побратиме дође,
Нека за мномъ у механу пође,
Да піемо вина црвенного
За ђердана исподъ грла твога.“
Па отоле закрочи Шарійна,
Оћера га низъ Маџара града,
Кад' га догна предъ механу винск
Пред' механу осѣде Шарійна,
За дирекъ є привезао Шарца,
Онъ улѣзе у механу винску,
Па извади злаћена ђердана,
Па гá Марко на бачву туріо,

Усъ бачву є плећи прислоніо,
Механціи річъ бесѣдіо:
„Механція уточи ми вина!
Да напоимъ себе и Шарійна!“
Механція наточи му вина,
Тесе Марко мало напоио,
Піе Марко и дае Шарійну,
Механціи річъ бесѣдіо:
„Ты отиђде тамъ до симиціе,
Донеси ми біела симита,
Понеси му топузъ у залогу.“
Онъ біяше послушао Марка,
Упртіо тешку топузину,
Одъ механе винске упртіо,
Докъ є дошо до у симиціе,
Тры пута є подъ ньим' починуо,
Симиціи річъ бесѣдіо:
„Мене єсте оправіо Марко,
Да ми даешъ біела симита!“
А залогъ ти тешка топузина.“
Симиція нѣму говоріо:
„Носи врага са моега прага!
Нећу ти му паре ни динара.“
Механція упрти симита,
Симиція тешку топузину,
А кад' дошли у механу винску,
Піе вино Кралѣвићу Марко,
А залага біела симита,
Ма сад' ћу ти за Филипа прійчат'!
Дође Филипъ двору біеломе,
Нађе сузну и крваву любу,
Тры іой біла саломлѣна зуба,
До іой вели Вилипъ капетане:
„Што є любо да одъ Бога нађешъ?
Што си мене сузна и крвава,
Ко є тебе зулумъ учиніо?“
Све му люба по истини каже:
„Ође дође гола дервишина,
На шарену коню великоме,
Божю ми є помоћъ називао:
„„Божя помоћъ Филипова любо!
Ђе є мене Филипъ побратиме?“ “
А я 'самъ му грдно бесѣдила:
„„Ид' отоле гола дервишино!
Съ такіемсе Вилипъ небратими,
Таке Вилипъ ћера говедима,
Да чуваю по лугу говеда.“ “
Па опет' ми Марко говоріо:
„„Снахо моя Вилипова любо!
Донеси им Вилипова вина,
Я 'самъ юнакъ жеданъ и уморанъ.“ “
А я 'самъ му грђу бесѣдила:
„„Ид' отоле гола дервишино!
Такіи вино непію Вилипа,
До юнацы и господичићи.“ “
Ал'се она кила насрднула,
Мене єдномъ рукомъ ударнула,
Тры ми біла саломила зуба,
Покида ми злаћене ђердане,
Па ихъ тури у шпагъ одъ доламе,
У мене ти поздравъ оставіо;
„„Када Вилипъ побратиме дође,
Нека за мномъ у механу пође,
Да піемо вина црвеннога,
За ђердана исподъ грла твога.“ “
До іой вели Филипъ капетане:
„А небойсе моя варна любо!
То є курва Кралѣвићу Марко!
Сад'ћу нѣму доніети главу.“
Припасуе саблю гунгулачу...
И своега закрочи гунгула...
Наћера-га низъ Маџара града,
Кад' га догна предъ механу винску,
Неда Шарацъ улѣст' у механу,
Но му вели Кралѣвићу Марко:
„Дура Шаро, дура добро мое!
Пущти амо Филипъ капетана,
Да піемо вина црвеннога.“
Но нѣмусе уклоніо Шарацъ,
Онъ улѣзе у механу винску,
Пакъ є нѣму Марко бесѣдіо:
„Сѣд' Вилипе, незамећи кавгу!
Да піемо вина црвеннюга,
За ђердана твое любе вѣрне.“
Но недаде ђаво мировати,
Онъ є Марка єдномъ ударіо,
А Марко му річъ бесѣдіо:
„Неплаши ми бухе по кошульи!“
До га другомъ Вилипъ ударіо,
У десну га погодіо руку,
У руцысе чаша намѣрила,
Чаша паде а просусе вино,

Но и соко наѣдисе Марко,
Па одъ землѣ на ноге скочiо,
А острицу саблю доватiо,
Те Вилипа єдном' ударiо,
На двiе га поле пресѣкао,
У земльи є саблю уставiо;
Куми ядан механџiя Марка:
„А за Бога господине Марко!
Ты истури нѣга изъ механе,
На поклонъ ти штос' попiо вина;
Паре тебе ни динара неһу."
Довати га Кралѣвиһу Марко,
Главу тура у зобницу Шарцу,
За Шарина привеза Гунгула,
Па се Шарцу тури у рамена,
Наһера га узъ Маџара града,
А кад' доһе предъ бiеле дворе,
Наһе ядну Вилипову любу,
Она везе подъ єломъ зеленомъ,
Везе млада на һерһефу везакъ;
Онъ извади и зобнице главу,
Те iой Марко у крiоце бачи:
„Снахо моя Вилипова любо!
Прiе'самъ ти жалость учиниo,
Садъ най тебе о злата ябуку!"
Кад' є она сагледала главу,
Писну млада како змiя люта,
Но то соко-Марко неогледаше,
До узиде на бiелу кулу,
И велико благо покупiо,
Покупiо пакъ є запалiо,
Па отале закрочи Шарйна,
Наһера га крозъ Маџара града,
А кад' бьо на воду Ситницу,
Ту ми срете Релю и Милоша,
Оны иду да потраже Марка;
Отолесе побре поврнуше,
А одоше двору бiеломе,
Те наєдно испивао вино,
Како тада тако и свакада,
Весела имъ майка и дружина! —

95.

Дворба Якшиһа.

(Одъ Ива Янковиһа изъ Ѣуһевине у доньой Морачи.)

Дворбу двори Якшиһу Стѣпане,
У Сибиню граду бiеломе,
У силнога воеводе Янка,
Дворiо га тры године данахъ,
Недворѣ га да издвори блага,
Ни доброга коня одъ мейдана,
Нити какве саблѣ оковане,
Но онъ двори за Анһу лiепу,
Небы ли му за любовцу была,
Небы ли му среһомъ запанула;
Неможе є ни окомъ виһети,
А куһе ли за любовцу быти,
Паксе нѣму дворба дойдила,
Те сестрими Янкову любовцу,
„Богомъ сестро Янковице госпо!
Издай мене твою заовицу,
Ево тебе двiе чизме блага!"
Ал' говори Янкова любовца:
„Ай тако ми Якшиһу Шһепане!
Немогу ти издат' заовицу,
Но є злато на бiелой кули,
А за ньоме деветеро вратахъ,
На десета лiепа һевойка,
На врати є деветъ катанаџахъ,
На десета брава Дубровачка,
И чува ю деветъ капиџiяхъ,
Тек' һу тебе быти у помоһи:
Доһе л' данакъ света неһельица,
Хоһе Янко у ловъ у планину,
Позиваһе деветъ братучедахъ,
Позиваһе своє вѣрне слуге,
Позватиһе и теб' у дружину,
Но учиниc' главоболанъ люто,
Одъ главице теке навалицe,
И одъ срца него злорадица...
Те неиди у ловъ у планину;
Кад' отиде Янко воевода,
Кад' отиде у ловъ у планину,
Сазваһемо деветъ капиџiяхъ,
Приправит' имъ манџе свакояке,

Донесћемо тролѣтнога вина,
И ракіе одъ четиры лѣта,
У то пійће турићемо былѣ,
Турићемо былѣ опоиво,
А найвише былѣ о дріема,
Нећемо ли опоити слуге."
Тако рекли тако учинили,
Шћепанъ чека докъ неђеля дође,
Када л' света освану неђеля,
Янко своє довикує слуге,
И позивлѣ Якшића Шћепана,
Позивлѣ га у ловъ у планину,
Масе Шћепанъ чини главоболанъ,
Одъ главице и то нафалице,
А одъ срца теке злорадица...
Тер' неоде у ловъ у планину;
Кад' отиде воевода Янко,
Преболіо Якшићу Шћепане,
Приправили манцу свакояку,
Доніели вина и ракіе,
Натурали быля опоива,
А найвише за дріема быля,
Па зовнуше деветъ капиціяхъ,
И преда ньихъ поставише манцу,
Ньима даю вина и ракіе,
А уза ньга сваке ђаконіе,
Докле су ихъ опоили были,
Те падоше спават' безъ узглавя,
Прикрадасе Якшићу Шћепане,
Украда имъ све одъ кулахъ ключе,
Отварао деветера врата,
На десета ліепа ђевойка,
Ліепа є ка' небесна звѣзда;
Но кад' нѣга сагледала бѣше,
Шћепану є ріечъ говорила:
„Благо мене Якшићу Шћепане!
Ево данасъ тры године данахъ,
Ка' те гледамъ са біеле куле,
Небы ли ми у срећу... запао,
Па што желѣхъ Богъ є сад' ми дао."
Тад' облачи господско ођело,
А насула у џепове блага,
Осимъ што є и Шћепану дала...
Добре конѣ тад су пояхали,
Здраво пошли двору Якшићеву;
А ка дође Воевода Янко,
Онъ изиде на біелу кулу,
Али врата свака отворена,
И неима сестрице му Анђе,
Вратис' брже нисъ біелу кулу,
Али нађе деветъ капиціяхъ,
Сви су пяны кано и поклани.
Тако стаде и годину данахъ,
У Анђесе мушко чедо нађе,
Тер' Анђуша кньигу оправила
Своме брату одъ Сибиня Янку:
„О мой брате одъ Єрделя Бане!
Ходи мени брате у походе,
У сестре ти мушкос' чедо нашло,
Я те имамъ даривати чиме,
У Якшића доста има блага."
Каде Янка кньига допанула,
Тако прошла друга годиница,
У Анђесе друго чедо нађе,
Мушко чедо ка' іой є и прво,
Опет' Анђа кньигу оправила,
Своме брату воеводи Янку:
„О мой брате одъ Ерделя Бане!
Ходи, дођи сестри у походе,
Амо ти ме безродкиньомъ зову,
Дођи мене живъ ты мене быо,
Да ме твою век' некоре сестру."
Кад' є Янка кньиге допанула,
И ту кньигу на огань туріо,
Тако стаде за трећу годину,
А кадасе и трећа напунѣ,
Престависе Якшићу Шћепане,
Двое лудо оста сирочади,
Кньигу опетъ пише Анђелія,
Пуну суза крвцомъ изъ образа,
Тер' є шалѣ свом' рођеном' брату:
„Ходи брате сада къ мени дођи,
Век' ти ніе душманина твога!
А найвећег' пріятеля мога...
Преставіос' Якшићу Шћепане;
Дођи вићет' два сестрића твоя,
Какоте ти сыротоват' оны?...!"
Кад' є Янку и та кньига дошла,
Та му кньига тврдо мила была,
Ту є кньигу ставіо у нѣдра,
Па одпута на ноге скочіо,
Пеливанъ є ђога окрочіо,

Брже силну сакупіо войску,
Окрену ѥ у Якшиће равне,
На біеле на Якшића дворе,
Све Якшиће махомъ похарао,
Поробіо мало и велико,
Сажегао огнѣмъ свеколико,
До біела Якшићева двора;
Пакъ похара и Якшића дворе,
И све ихъ є съ тлима поравніо,
Уватіо два сестрића луда,
Но говоре два сестрића уйцу:
„Нашъ уяче Бане одъ Сибина!
Немой срамно луде уморити,
Докь одемо на воду Дунаво,
Да іошъ єдномъ лице уміємо,
И да наше срце разхладимо,
Црно і' лице, а црнѣ ни срце
Одъ жалости а на божіой правди,
Одъ твог' тешка праха и олова,
Докъ си уйче оба насъ добіо;
Па ће тебе прекорит' дружина,
Дасе нама повратит' недаде."
Преварисе уѣде га гуя,
Пуштіо ихъ на Дунаво тіо,
Но два луда одоше сестрића,
Отидоше како му рекоше,
Мити лице и разхладит' срце,
Па згледашес' єданъ на другога,
Ускочише у воду Дунаво,
Тако ньима Богъ и срећа даде,
Те Дунаво воду препловише,
У Московску землю прієђоше;
Тако стаде за двадесть годинахъ;
Докъ порасте двое ђеце лудо,
Доватишес' коня и оружя,
Пакъ и силну войску сакупише,
И отол' ю на ноге дигоше,
У Дунаво съ войскомъ ударили,
Докъ Дунаво брже пребродили,
Съ войскомъ пошли до града Сибиня,
На Сибиня града ударише,
И уйчева града похараше,
А своега уфате уяка
Па запеше высока вѣшала,
Да обѣсе милога уяка;
Но долази майка ньихна къ ньима,
Она моли двое ђеце лудо:
„Мои сынцы, небыли проклеты!
А тако ви млійка и порода,
Немойте ми брата изгубити,
Неоставте майку безъ свог' брата,
Неоставте себе безъ уяка!
Давносе є Янко покаяо,
Што є вама негда учиніо."
Майку ђеца радо послушала,
Опростише своега уяка,
Тек' врнуше жалость за срамоту!
(Тако Србчадъ, како ти витешчадъ
На срамоту своме душманину,
Рађаюсе па и подижусе.)

96.

Узаямно робство.

(Одъ Ристе Меденице Равнянина у Дон:Морачи.)

Маласе є чета подигнула,
Окленосе вазда подизала,
Одъ Удбине да ѥ Богъ убіе,
Чета мала шесетъ Удбинянахъ;
Предъ четомъ су до тры булюбаше,
Єдно іой є булюбаша Муіо,
А друго є Османъ капетане,
За Османомъ Ковча баряктаре,
А за Ковчомъ остала дружина.
Чета оде узъ Кунаръ планину,
А кад' чета была у Кунара,
Код' студене воде кодъ бунара,
Ту є чета трудна починула,
Ко є гладанъ лѣба заложіо,
А ко жеданъ водес' напоио,
И ко пѣшацъ притеже опанке,
А тко юнакъ ради о оружю,
У то рече Османъ капетане:
„Устай Муіо диели дружину!
Већ' заедно нейма четованя,
Ђегођъ влашку главу донесмо,
Свесе гласи по нашой Удбини,
Донесе ѥ четобаша Муіо;
А ђе х' добаръ шићаръ задобисмо,

Свесе гласи по нашой краини,
Задоби га булюбаша Муіо,
Ты узимашъ Муіо старѣшинство,
За ме нико неима ни хабера,
Но устани діели дружину."
То кад' зачу булюбаша Муіо,
Налютисе родила га курва,
Па говори Ковчи баряктару:
„Устай Ковчо діели дружину!
По тридесеть добріехъ юнакахъ,
Па ты подай Османъ капетану,
Тридесть подай нѣму побольіехъ,
Мени нека тридесть погоріехъ,
А ты Ковча съ конемъ ти драго."
Скочи Ковча одъ землѣ на ноге,
Подіели шесеть Удбинянахъ,
Тридесть даде Осман' Капетану,
Даде нѣму тридесть побольіехъ,
Мую оста тридесть погоріе,
А каде су дружтво діелили,
Оде Ковча къ Осман'-капетану;
Па отиде Осман'-капетане,
Са нѣгово тридесть Удбинянахъ,
Онъ отиде у влашко Приморѣ,
Ка біелой Шимуновой кули,
Нећe л' му є како похарати,
Похарати и све поробити.
Па є дошо ноћу по мѣсецу,
Према биллой кули Шимуновой,
И задани у Типову лугу,
У то свану и ограну сунце,
И докъ сунце на средъ неба было,
Отворисе кула и авлія,
Врагъ изнесе тридесть ђевоякахъ,
Донесе ихъ у Типова луга,
Да по лугу покупе лѣшнике,
А кад' виђе Осман'-капетане,
Кидисаше те ихъ поваташе,
На Турчина сваког' по ђевойка;
Узе Османъ сестру Шимунову,
Поведоше узъ Приморѣ равно,
А кад' были до у врхъ Приморя,
Но запѣва Осман-капетане,
Онъ запѣва изъ грла юначка!
„Ай да тисе Муіо нагледати!
Какавъ есмо шићаръ задобили,
На свакога друга по ђевойку,
А Осману сестра Шимунова."
Но лютасе гуя намѣрила,
Намѣрила у ловъ у планину,
Дочека ихъ у тиесне кланце,
Оштети имъ неколико другахъ,
И Осману ранне даде грдне,
Докъ побѣже Османъ у планину,
Унесе га Доріинъ на рамену;
Угледа га булюбаша Муіо,
Предъ нѣгасе на друмъ учиніо,
Таде позна Осман'-капетана,
Доріина му крвца покапала,
А онъ грднихъ done ranахъ,
Па га пита булюбаша Муіо:
„А за Бога Осман'-капетане!
Ђе ли бисте, ђе ли погибосте?"
Нѣму стаде Османъ казивати,
Како су были у Приморѣ,
На біелу кулу Шимунову,
А данили у Типову лугу,
Заробили тридесть ђевоякахъ,
На Турчина сваког' по ђевойку,
По кад' были до у врхъ Приморя,
У тіесне одъ Приморя кланце:
„Дочека насъ капетанъ Шимуне,
Намѣрисе курва у планину,
Ловъ ловіо ка' є научіо,
Онъ є съ нама боя заметнуо,
Докъ побѣгогъ Муіо усъ планину,
Посѣче нам' седамнаесъ главахъ,
И оте нам' тридесть ђевоякахъ,
А и мене добро обранніо;
Но за Богя четобаша Муіо!
Осѣди ме са коня витеза,
Те ми завій мое ранне люте."
То говори а съ душомсе бори,
Осѣде га одъ коньица добра,
Земьи паде и душу предаде,
А кад' виђе булюбаша Муіо,
Онъ є свое подвикнуо дружтво,
Те отиде и самъ низъ Приморѣ,
А кад' быо къ Шамуновой кули,
Заданіо у Типову лугу,
Докле свану и сунце огр易,
И докъ сунце на врхъ неба было,

Све му стои затворена кула,
Затворена кула и авлія;
А кад' сунце на средъ неба было,
Отворисе кула и авлія,
Изъ авліе изиде кочія,
У кочію люба Шимунова,
На крилу іой два близанка сына,
И кочія срмомъ окована,
А црвеномъ прикрмвена свиломъ,
Онас' воза мору на обалу,
Ал' є виђе Муіо четобаша,
Кидисаше те є уватише,
Поведе є узъ ПриморѢ равно,
А кад' бьо ђесе небояо,
Оправіо любу Шимунову,
И осталу дружбу свуколику,
Оправіо ка Удбини равной,
А онъ дружби своіой бесѣдіо:
„Я отидогъ опетъ у ПриморѢ!
Неђу ли му іошъ запалит' кулу."
Па отиде низъ ПриморѢ равно,
Привучесе нођу безъ мѢсеца,
А кад' бьо Муіо у авлію,
Нештосе є полѢмъ обазріо,
Ал' ево ти капетан' Шимуна,
Носи копѢ на рамену бойно,
И на коню двіе русе главе,
До два брата оба Пишчевића,
Два сестрића Осман' капетана;
Кад' га виђе булюбаша Муіо,
Завріесе Муіо зад' авлію,
Докъ допаде капетан' Шимуне,
Одяхао коня у авлію,
Па изиде на біелу кулу,
А кад' виђе штасе учинило,
Опе долѢ у авлію сиде,
Па закрочи своега ђогина,
Оћера га право усъ ПриморѢ,
То кад' виђе булюбаша Муіо,
Онъ изиде на біелу кулу,
На таванъ юй ватру наложіо,
Докъ му кулу съ ватромъ саставіо,
Па отиде право за Шимуномъ;
Но да видишъ капетан-Шимуна,
Нештос' юнакъ на трагъ обазрео,
Ал' му біила запалѢна кула,
И за ньиме добаръ юнакъ иде,
Добаръ юнакъ булюбаша Муіо,
Како га є Шимунъ угледао,
Одпута є Муя позпавао,
И на Муя бьо кидисао,
Іуначке му савезао руке,
Одиста га погубити ћаше,
Но му вели булюбаша Муіо:
„Негуби ме Шимунъ капетане!
Но ме води ка біелой кули,
А ка твоіой кули запалѢной,
Пакъ одправи кньигу до Удбине,
Доћиће ти твоя мила люба,
И довести двое ђеце мало."
Таде га є Шимунъ послушао,
Одведе га запалѢнной кули,
Пакъ написа листъ кньиге біело,
Оправи є ка Удбини Турской,
Да му дође люба и близанцы,
Да изиду Турцы Удбиняни,
Да изведу вѢрну любу нѢму,
Да изведу и оба близанка,
На планину да ихъ міеняю,
А за ньихна булюбашу Муя;
И такосу Турцы учинили,
У неђелю што найпрва дође,
Изведоше любу Шимунову,
И нѢзино двое ђеце лудо,
Изведоше на Кунаръ планину,
А одовуд' Шимун' капетане,
Изводіо булюбашу Муя,
Ту извели, те ихъ міеняли,
И одбили мрско за недраго. —

97.

Попъ пашинъ зетъ.

(Одъ истога Риста Меденице Морачанина.)

Подижесе Соколовићъ паша,
Подижесе у ловъ у планину
Са нѢгово тридесть тевабіяхъ,
Ловъ ловіо за неђелю данахъ,
Неулови срне ни кошуте,

Ни лѣлѣна рога повійтога;
Ловъ ловіо ништа недобіо,
Докле силну паши доядило,
Паксе отле врну нисъ планину,
Намѣра га наніела была
На дворове Яня капетана,
И Яньо га виђе капетане,
Па га сврну на біелу кулу,
Са нѣгово тридесть тевабіяхъ.
По кули му чудна грађевина,
По кули су сребрны столовы,
По кули су писаны прозоры,
И свакаква чуда невиђена,
Па донесе вина и ракіе,
Сташе служит' два Яньића млада,
Служе вино два млада Яньића,
Єдно Комненъ, а друго Андрія;
Іоште Яньо силанъ капетане
Самъ доноси злаћену трпезу,
На трпези сваку ђаконію,
Доксе паша напоио вина
Су нѣгово тридесть тевабіе,
Кад' му винце улѣзе у лице,
А ракія стаде бесѣдити,
Таде вели паша Соколовићъ;
„О Бога ти Яньо капетане!
Єс' ли ђегођъ вѣріо ђевойку
За Комнена яли за Андрію?"
Таде рече Яньо капетане:
„А Бога ми пашо Соколовићъ!
За Андрію єсамъ испросіо,
А Комненъ є кньигу научіо,
Одиста га ни женити нећу."
Нѣму рече Соколовићъ паша:
„А Бога ми Яньо капетане!
За Андрію кад' си испросіо,
Сад' запопи діете Комнена,
А у мене і' Хайкуна ђевойка,
Своє добро фалит' є срамота,
Али што ћу, већ' ми ніе друга;
Има пуно петнаесъ годинахъ
Одъ како ми у кавезу расте,
А невиди сунца ни мѣсеца,
Ни біела дана ни юнака,
Ты запопи діете Комнена,
Па Хайкуна нек' є попадія."
Ал' му рече Яньо капетане:
„Башъ аверимъ пашо Соколовићъ!"
То колик' є паши омилѣло,
Самъ є паша свадбу одгодіо:
„Я отидохъ ка Новину граду,
А ты Яньо покупяй сватове."
Паша скочи одъ землѣ на ноге,
Па іошъ рече Яню пріятелю:
„Чуешъ ли ме Яньо пріятелѣ!
Купи сватахъ колико ти драго,
Неостави двое ђеце лудо,
Пакъ Андрія нек' є ђевербаша,
А Комнене нек' є ђувеглія,
Да га виде свасти и пунице,
И Новинска остала господа,
Коме даше Хайкуну ђевойку."
Паша оде ка Новину граду,
Оста Яньо куплѣћи сватове:
Покупіо стотину сватовахъ,
И поведе двое ђеце лудо,
Доведе ихъ у Новійна града,
Кад' ихъ виђе паша одъ Новійна,
Онда срете Яня и сватове,
А остала Новійнска господа
Разведоше свате на конаке,
По двоицу и по четверицу,
Тек' да имъ є лѣпше на конаку;
Паша води Яня пріятеля,
И нѣгово двое ђеце лудо,
Тако тавну ноћцу боравише,
Докъ у ютру данакъ освануо,
Повикнуше сватовскіи чауши:
„Хазуръ сваты, хазуръ є ђевойка!
Хазуръ да' сте сваты и ђевойка!"
Скупишесе киђены сватовы,
А самъ паша доведе ђевойку,
И даде ю Яньићу Андріи,
Па донесе дара госпоского,
Све сватове редомъ даривао,
Даде Яню одъ злата Ябуку,
А Комнену младу ђувегліи,
Нѣму даде коня даровника,
И іошъ двіе пушке леденийке;
Па отоле свате испратише,
А кад' быше полѣмъ зеленніемъ,
По два и два изъ грла пѣваю,

По четиры пушке изметаю,
До нехоће Јањићу Комнене,
Ни пѣваше ни пушке меташе,
До онъ иде сѣтно невесело,
А пита га Јањићу Андріја:
„О Бога ти Јањићу Комнене!
Што ты идешъ сѣтно невесело,
Што неиграшъ коня даровника,
Што л' немећешъ до два леденијка?
Али сисе юнакъ посиліо,
Те штосисе данасъ ожениo
А Туркиньомъ ліепомъ ђевойкомъ?"
Нѣму рече Јањићу Комнене:
„А нелудуй Јањићу Андріја!
Чемусамсе данасъ посиліо?
Негосамсе ово ускаріо!...?
Есе єсамъ юнакъ ожениo
А Туркиньомъ єдномъ наметницомъ,
Наметница на грло тавница,
А коюсу паше миловале
По кахвама и по хамамима —."
Онъ то мняше нико нечуяше,
А то зачу Туркиня ђевойка,
Пакъ ю єсу сузе пропануле,
Врану коню гриву поквасиле,
А пита ю Јањићу Андріја:
„О Бога ти моя мила снашо!
Што се єси данасъ ускарила,
Што ли сузе валяшъ низ' образе?
Али су ти свати не у волю,
Али ђеверъ Јањићу Андріја,
Али Комненъ младый ђувеглія,
Али свекаръ Јаньо капетане?"
А она му таде бесѣдила:
Мой ђевере Јањићу Андріја!
Ніесу ми сваты не у волю,
Нити ђеверъ Јањићу Андріја.
А ни Комненъ младый ђувеглія,
А ни свекаръ Јаньо капетане:
Досе єсамъ млада раскарила,
Ималасамъ зећир-прстенъ злаћанъ,
Ранила га на десницы руцы,
Ради среће и нарока свога,
Пакъ єсамъ га данасъ изгубила,
И за ньимсе тако ускарила —."
Ал' іой збори Јањићу Андріја:
„Ахъ нелудуй моя мила снашо!
Како Јаню сяшешъ у дворове,
Доста сваштa имасе у Јаня,
Доста блага близу куюнція,
Сковаће ти зећир-прстенъ златный."
А она му опетъ бесѣдила:
„О Бога ти ђевере Андріја!
Отвори ми сахтіян-сепета,
Другій мисе прстенъ намѣріо,
Да га туримъ на деснцу руку."
Ал' нетражи зећир-прстенъ другій,
Но измаче дивитъ и хартію,
Ситну кньигу на колѣну пише,
Оправи є паши Бабу своме:
„Узочасъ ме покλоніо Бабо!
Поклоніо силну каурину,
Іошъ данасъ ме сваты прекорише,
Прекорише данасъ іошъ у путу,
Што л' ће быти кад' имъ у домъ доћемъ?
Но чу ли ме пашо одъ Новійня!
Избави ме изъ Јаньова двора,
Ако ли ме нећешъ избавити,
Како Јаню доћемъ у дворове,
Хоћу мусе у дворъ обѣсити."
Оправи є по пратіоцима,
А кад' паши така кньига доће,
Те видіо што му кньига пише,
Ону гледа а тры ситне пише,
Єдну шилѣ на Босну поносну,
А на име са Босне везира,
Да му доће триста пашайліяхъ,
Другу шалѣ на краину Мую,
Да му доће триста краичникахъ,
Трећу пише Скадру на Бояну,
Да му доће трыстотин' Скадранахъ;
Тако было, млого нетраяло,
Докъ му доће триста пашайліе,
И доће му триста краишника,
И доће му тристотин' Скадранахъ,
Покупи ихъ на біелу кулу,
А кад' свану и огрія сунце,
Онда паша окренуо войску,
Ко виђаше свакосе чуђаше,
А у томе ріечъ говораше;
„Фала Богу чуда великога!

Па нерани пребіелой цркви,
Дасе моли Богу по закону,
И да служи часну летурђію,
Да причешђа Србскій народъ млогій;
До онъ фата два вола шарена,
Те онъ оре у полю шеницу,
То гледала тры божя анђела,
Неприспѣла Богу на ютреню,
Затраяше чудо гледаюћи,
Но ихъ кара Боже господине;
„Слуге мое тры анђела прва!
Ђесте были, ђесте затраяли?
Летурђію данасъ неслужисте!“
„Некарай не Боже господине!
Єсмо были, єсмо затраяли,
Затраяли чудо гледаюћи;
Подранило єдно попче младо,
А нерани пребіелой цркви,
Дасе Богу моли по закону,
Да одслужи частну летурђію,
Да причешћа млогій Србскій народъ,
У неђелю на васкрсеніе;
Но онъ вата два вола шарена,
Те онъ оре полѣ за шеницу.“
Но говори Боже господине:
„Слуге мое тры прва анђела!
Полетите на земльицу чарну,
Учинтесе до тры дуовника,
Айте право попу на оранѣ,
Ако биде попу до неволѣ,
Бидите вы попу на невольи;
Ако л' биде попу до біеса,
Помамте му два вола шарена,
А рало му о главу обите.“
Отле пошли тры божя анђела,
Полећеше на земльицу чарну,
Учинишес' до тры духовника,
Право иду попу на оранѣ,
Оны божю помоћъ попу звау,
А лѣпше имъ попе одговара:
„Богъ дай бути до тры дуовника!
Два умукла трећій проговара:
„„Ой тако ти протопопче младо!
Каква і' теби голема неволя,
У неђелю на Васкрсеніе
Те ты орешъ полѣ за пшеницу,
Те неидешъ пребіелой цркви,
Дасе молишъ Богу по закону,
И причешћашъ Србскій народъ млогій?““
Ньима вели младо протопопче:
„Я вам' имамъ казат' млого яда!
У кући ми деветъ сліепацахъ,
И дванаесъ ядних ниемацахъ;
А іошъ ћу вам' више яде казат'!
Имамъ грешный мушко чедо лудо,
Нейма нѣму до петнесъ годинахъ,
Ни устае нити проговара,
Іошъ є мени кућа на средъ пута,
Когођъ путемъ иодкуда пође,
Свакій туде ка кући ми дође,
Лѣба иє, ладне воде піе;
Но тако ви до тры дуовника!
Айте и вы ка моему двору,
Да ѣдете и да починете.“
Отидоше до тры дуовника,
Къ протопопа двору біеломе,
А предъ дворомъ попадія млада,
Она чини біелу пшеницу,
У неђелю(!..?) на васкрсеніе,
Да ю носи попу на оранѣ;
Дуовницы помоћъ називаю,
Ньима помоћъ млада прифатила:
„Богъ дай добро и вам' духовницы!“
Пакъ бесѣде сва тры дуговника:
„Каква ти є голема неволя,
Те ты чинишъ біелу шеницу,
У неђелю, на васкрсеніе?“
Но говори попадія млада:
„Єсте мене голема неволя!
У кући ми деветъ сліепацахъ,
И дванаестъ худнихъ ніемацахъ,
А сувише мушко чедо лудо,
Веħ' му има петнаесъ годинахъ,
Нити збори, нити ногам' ходи;
Іоште нам' є кућа на сред' пута,
Когођъ прође, сватко къ нама дође,
Лѣба ие, хладне воде піе,
Но, тако ви! до тры духовника,
Улазите у біеле дворе,
Да иете и да починете.“
Кад' виђеше тры божя анђела,

Улѣгоше у попове дворе,
Водицу му куħи освешташе,
Задахнуше дахомъ анђелскіемъ,
А светиньомъ куħу покропише,
Прогледа му деветъ сліепацахъ,
Прозборило дванестъ ніемацахъ,
И дижесе мушко чедо лудо,
Уста ити, стаде говорити,
Носи оцу ручакъ на оранѣ;
То кад' виђе младо протопопче,
Волове є у гору займіо,
А онъ иде пребіелой цркви,
Тесе моли Богу по закону,
И одслужи частну летурђію,
А причешħе млогій Србскій народъ;
Тад' анђели ка Богу одоше,
Све казаше како амо бѣше,
И Богъ имъ є за добру прійміо,
Анђеле є рукомъ приниміо.

99.

Царевъ Серашħилъ.

(Одъ Ђепана Ника Ломпара съ Боковога у Црнойгоры.)

Кньигу пише паша Серашħиле,
Пошилѣ є на равно Цетинѣ,
А на руке Владыке Даннила:
„Пошльи мене малога харача,
А узъ харачъ тры добры юнака,
Єдно съ Чева Поповиħа Дражка,
Съ Велестова Мрваля Вукоту,
И сокола Мандушиħа Вука;
Е царево перо изговара,
Ако мене харачъ послат' неħешъ,
Сву ħу црну гору изгорѣти,
Одъ Мораче до мора сланога,
А тебе ħу жива уфатити,
На муке ти животъ извадити."
А кад' нѣму танка кньига дође,
И кад' видѣ што му кньига пише,
Грозне су га сузе пропануле,
Па є млого кньигахъ пописаіо
По свой своіой Ломной горы црной,
И окупи одъ землѣ главаре,
Међу ньима кньигу проучіо;
Свакогасе збора зађедоше,
Неко вели да му харачъ дамо,
Неко вели да му ками дамо,
Рече соко Миħуновиħъ Вуко:
„Дате харачъ браħо Црногорцы,
Я недаемъ Дражка и Вукоту,
И сокола Вука Мандушиħа,
Нако съ моіомъ на рамена главомъ!"
Проговори владыка Данниле:
„А да є ли добра Црногорца,
Ко ħе поħи да уходи Турке?"
Проговори Миħуновиħъ Вуко:
„Знамъ владыко и два Црногорца!
Ђурашковиħъ Янка и Богдана."
Па ихъ пита владыка Данниле:
„О ли поħи Янко и Богдане,
Да уходит' Серхатлину войску?"
Проговори Янко и Богдане:
„Поħиħемо владыко Данниле!
Него дай ни и треħега друга,
Големога Раслапчевиħ' Вука,...
Е є быо землъомъ Арбаніомъ,
И Турскій є єзыкъ научіо."
Даде ньима Раслабчевиħъ Вука,
Отидоше тры добры юнака,
А узеше до тры ħевердана,
Отидоше низъ полѣ Цетинѣ,
Низъ Границу Ріечкомъ нахіомъ,
Улѣгоше нахіи Лѣшанской
А ка доше у Горнѣ-коноте
Ту ихъ біо данакъ оставіо,
А тавна игъ ноħца прифатила,
Ту помало хлеба заложише,
А отоше низъ Горнѣ-коноте
На Ситницу воду прегазише,
А Морачу брзу преплоише,
Улѣгоше Зетти земльи равной,
А кад' паши у таборе доше,
Колико є драге ноħи было,
Сву ноħъ иду паши прозъ таборе,
Пита Турски Разслабчевиħъ Вуко:
„Колико є войске Сехратлине?"
Ко знаваше казат' неоħаше,
А ко ħаше за войску незнаше,

Докле дође цару до чауша,
Пыташе га Разслабчевићъ Вуко:
„Колко има Сехратлія войске?“
Кажуе му царевый чауше:
„Има много войске Сехратлія!
Сто хилядахъ и седамъ стотинахъ,
А сувише Зетта земля равна,
И сва Брда до біела Нійша
Поселице нахіе Лѣшанске,
И то све ће ломной горы црной.“
Казеваше Разслабчевићъ Вуко:
Кажеваше Янку и Богдану,
Кол'ко има войске Сехратлія:
„Но хайдете на полѣ Цетинѣ,
Ак' нађете на скупъ Црногорце,
Све кажите ньима и владики,
Те на трое діелите войску,
Чекайте ме на воду Лахиню,
Е ћу остат' у тамборе Турскомъ,
Да я будемъ войсцы калаузе,
Да доведемъ прео Синьца Турке,
Прео Синьца, и прео Криньицахъ,
Краемъ Враня ка' ће исподъ Хрида
А вы глайте ту ихъ дочекайте,
И за мене бригу неимайте.“
Отидоше два Юрашковића,
Каде доше на равно Цетинѣ,
Ту нађоше на скупъ Црногорце,
Колико имъ тврдо мило было,
Опалише до два цевердара;
Одонуда попе Жутковићу
Са соколомъ Мићуновићъ Вукомъ,
Єдніемсе огрнуше ћуркомъ,
Да ихъ лѣтнѣ неупече сунце,
И сретоше два Ђурашковића,
За бѣлесе доватише руке,
Па га Вуче и за войску пита,
Кажуе му Ђурашковићъ Янко:
„Много има Серашћиле войске!
Сто хилядахъ и седамъ стотинахъ,
И сувише Зетта земля равна,
И сва Брда до біела Нійша,
Поселица нахія Лѣшанска,
Е то све ће ломной горы црной;
И тако ми Бога побратиме,
Да бысмосе соли прометнули,
Небысмо имъ ручакъ осолили.“
Говори му Мићуновићъ Вуко:
„Немой тако у владыке казат'!“
Каде оны предъ владыку доше,
Владыцы су приступили руцы,
Любе нѣму руку и колѣно,
Па ихъ пита за войску владыка,
Кажуе му Ђурашковићъ Янко:
„Много има Сехратлія войске!
Да бысмосе солю прометнули,
Небысмо имъ ручакъ осолили,
Негосе є войска поболѣла,
Поболѣла одъ далека пута,
Ромы коньи, а юнацы боны,
Да ми имат' стотину юнакахъ,
Ка' сокола Мићунови' Вука,
На сред' быхъ му Зетте ударіо,
На средъ Зетте, а по средъ ордіе,
Нашъ мейданъ бы акобогда бьо!“
Пыташе га владыка Даниле:
„А за Бога два Ђурашковића!
Камо ви є Разслабчевићъ Вуко?“
Нѣму зборе два Ђурашковића:
„Онъ є оста паши у тамбора,
Да доведе прео Синьца Турке,
Но владыко купи Црногорце,
И на трое да ихъ діелимо.“
Войску діели владыка Даниле,
Даде єдну Мићуновићъ Вуку,
И посла га у Враню планину;
Другу даде Ђурашковићъ Янку,
Посла нѣга на воду Влахиню,
А предъ трећомъ самъ Ладыка пође,
Примачесе ньима обоицы.
Силасе є Турска подигнула,
А предъ ньима Вуче калаузи,
Па кад' Вуче исподъ Враня дође,
Онъ запоя што му грло дае:
„О соколе, кои 'си у Враня!
Неударай войсцы найпрвойзи,
Е ћешъ удрит' на огню живоме,
И неудри ни найзадньой войсцы,
Е 'су у ню крвавім Спужаны!“
Оно зачу Ага Зечевића,
Хоћаше му добру посѣћ' главу,
Но Вучесе посѣћ' недаваше:

„Мак'се Туре Богъ да те убіе!
Овака є пѣсма изведена!“
А кад' войски на сріеду было,
Ударіо Мићуновићъ Вуко,
А покличе владыку Даннила,
Па удари владыка Даниле,
И покличе Ђурашковић' Янка,
Удари имъ и Ђурашковъ Янко,
Ну да тисе нагледати побре,
Како Србске саблѣ сіеваху,
А душманске главе зіеваху;
А срете ихъ дрвлѣ и каменѣ,
Неутече одъ ньихъ ни камена,
Тосе мѣсто царев-лазъ назвало,
И поданасъ вазда ћесе звати,
Па тко воли, нек'се Богу моли,
Да подржи младе Црногорце
У любави и вазда шньой слави.

100.

Пропастъ Кладуше.

(Од' истога Ћепана Ломпара.)

Четасе є мала подигнула
Одъ Кладуше одъ града біела,
За ньоме є Будалина Тале,
А за Таломъ Осман-барякторе
Сви за ньима Турцы Кладушаны;
Отидоше узъ Голію пусту,
А кад' доше у Кунара врха,
Те одонле поше на вришта,
На помеђу врага и ђавола,
Међу Лійкомъ и међу Котаремъ,
Међу Сеньомъ и међу Кладушомъ,
Па ђаволѣ старо поигрище,
И циновско давно хрвалиште;
Онђе ноћу были ноћевали,
А у ютру рано поранили,
И коньима зобы натакнули,
Зобъ нехоће Доратъ баряктара,
Хиштомъ хишти а копитомъ біе,
Оде Турчинъ да Мустафи каже:
„О Мустафа брате порођенный!
Я 'самъ чуо ђе кажую люђи,
Кад' другъ позна хрђава бѣлега,
Срамотасе ніе повернути.“
Пак'самъ іоште чуданъ санъ видіо,
Бѣше ни се просѣла Кладуша,
На хамбисъ се Турцы надзираху,
А Доро ми зобат' неоћаше,
Него я быхъ дасе разбіемо,
Ере ћемо погубит' дружину.“
Ма рече му Хрня Мустафаго:
О Османе горій одъ ђевойке!
Одкад' сисе другомъ ожениo,
Одь тебе ми никад' файде ніе,
Но пояши Дора дебелога,
Па ты хайде у градъ у Кладушу,
Те код' Фате лежи у постелю,
А нестраши мое Кладушане.“
Туресе є напучило тврдо,
Пояхало Дора дебелога,
Узе барякъ а дружину крену,
Па куняше себе и Доріина,
Да отуда недонесе главе,
Ни съ едніемъ одъ дружине другомъ,
А Хрня му преброи дружину,
И наброи петстотинахъ другахъ,
Іошъ своему брату бесѣдіо:
„Хайд' Османе брате порођенный!
Небуди ми войски торбоноша,
Но ми буди войски харамбаша!“
Па одвои іошъ трыстотин' другахъ,
Те ихъ даде Будалини Талу,
А самъ узе двіесто юнакахъ,
Свакій оде куда кои знаде,
Оде Хрня къ Сеню біеломе,
Тек' стадоше тры біели данка,
Богъ ме Хрле дође исподъ Сенья,
Недоведе никаква шићара,
Него бѣше погубіо друштво,
Недоведе, седам-осамъ другахъ,
Пакс' обазре низъ Кунаръ планину,
Ато иде Тале Будалина,
И онъ бѣше погубіо друштво,
Ма га Хрле пита за Османа,
А вели му Будалина Тале:
„Я ти нежнамъ за Османа гласа,
Но када бѣхъ низъ Кунаръ планину,
Тутань сташе одъ силе пушакахъ,

Одъ пушаках и одъ лубарадахъ,
Тамо управъ изнад' мора слана,
Быће веля мука на Османа."
Проговори Хрле Мустафага:
„Є ли майка родила юнака!?
Ко ће ноћи у Сушницу пусту,
Небы л' чуо за Османа гласа?"
Ко чуяше чутсе нечиняше,
Ко гледаше, гла у землю црну,
Препадесе и одъ боя врућа,
Узе Хрле лахка џефердара,
Самъ отиде у Сушицу пусту,
Онди срете Гушу баряктара,
РаннѢнъ юнакъ на коня раннѢна,
Носи дешну у лієву руку,
И лієву прео коня ногу,
Па га Муіо за Османа пита:
„Кажи мени за Османа гласа?
„Неймамъ ништа до зла казат' пута,
Ка' своега и Османовога,
Да ніесте презлосретныи были;
Вы ве десетъ ал' петнаесъ было,
Да сретете мене и Османа;
Но удрисмо на Иноку граду,
ИзгорѢсмо огнѢмъ свеколико,
И узесмо силновито благо,
И за нашу и за вашу дружбу,
Кад' доѣосмо горѢ при планини,
Онде мало Турцы починусмо;
Ко зло тражи вазда ће га наћи,
Ту говори Османъ баряктаре:
„„Хайте дружбо іоште да удримо,
На Ингалу поред' мора слана!"""
Разбіясмо разбит'се недаде,
Узе барякъ а дружину крену,
Ударисмо на Ингалу Муіо
Похарасмо дворе Гавранове,
ПосѢкосмо Гавранъ баряктара,
Узеосамъ двіе пушке златне,
И заробихъ Гавранову любу,
Я изметнухъ пушке Гавранове,
Ма злосретне пушке гласовите,
Те кауры пушке разумѢше,
Претекоше напред' у планину,
Мы кренусмо дома да идемо,
Но на єданъ богазъ навріесмо,
Стаде, Муіо, пуцань одъ пушаках
И стотину онде остависмо;
Па на другій богазъ навріесмо,
И ту стаде тутань одъ пушаках,
Полу друштва и ту остависмо,
Па на трећій богазъ навріесмо,
Али су насъ претекли кауры,
Ту донесли бумбе и лубарде,
Ту ста грмѢт' бумба и лубарда,
Бомбе сташе быти Турке наше,
Тусе Богъ ме, Муіо, сміешасмо;
И сад' гласъ ти одъ Османа кажемъ,
Вргохъ очи єдномъ на Османа,
Ал'се пушкомъ одъ образа брани,
Вргохъ другомъ очи на Османа,
Ал'се сабіомъ одъ бедрице брани,
Вргохъ очи трећомъ на Османа,
Ал' му єданъ Влахъ окида главу,
Другій яше Дора дебелога,
Треће носи двіе пушке мале,
Што су пріе быле Гавранове,
И да знадешъ Хрле Мустафага!
Одъ пестотин' Турак' кладушкіе
Жива нећешъ виђет' ђаволѢга,
Него мене єдног' и раннѢна,
И мене 'си видіо залуду,
Ев' изъ мене садће испаст' душа;
Но поведи моега ђогійна,
Поведи га моіой старой майцы,
Да га глаа майка мѢсто сына."
Тек' му рече, тек' испусти душу,
И зла срећа опусти Кладушу,
Како тада, тако было вазда
Са Турцима крсту крвницима,
А мы дружбо здраво и радосно,
Винце пили, тесе веселили! —.

101.

Капетанъ Якша.

(Одъ попа Андріе Драговића изъ ГорнѢ Мораче.)

Кньигу пише Якша капетане
Одъ онога Билиграда стойна,

А шалѣ є на Травникъ везиру:
„Ахъ чу ли ме Ђуприлійћ' везире!
Е 'самъ чуо ђе казую люди,
Е ты имашъ сестрицу Хайкуну,
Дай ты мене Хайкуну ђевойку,
Я се хоћу оженити ньоме;
Ако л' ми є дат' ліепо нећешъ,
Даћешъ ми є силомъ на срамоту;
Я 'ћу тешке рати заметнути,
Заратићу цара и ћесара,
И остало седамъ кралѣвинахъ,
Я 'ћу силну войску покупити,
И на Босну тебе ударити,
Сломићу ти по Босни градове,
Докъ доћерамъ тебе до Травника,
Радићу те уфатити жива,
На срамоту Хайкуну узети."
Кад' езиру гласъ и кньига дође,
Ону гледа друге ситне пише,
Разтура ихъ по Босни поносной
На велике Аге и Бегове:
„Да 'сте брже къ мене на дивана!"
Сву господу Везиръ окупіо,
На дивану кньигу проучіо,
Пакъ Турцима везиръ проговара:
„Видите ли моя браћо Турцы!?
Што нам' силанъ каурине пише,
Яли ћемо рати заметнути,
Яли Хайку дати у кауре."
Ту віећу Турцы віећали,
Одъ неђелѣ опет' до неђелѣ,
И віећу Турцы свіећали,
Да недаду Хайку у кауре,
Оны ситну кньигу направише:
„Каурине Якша капетане!
Недамо ти Хайкуну ђевойку,
Чини морре што є тебе драго!"
Кад' то зачу Хайкуна ђевойка,
На се тури одіело дивно,
Пакъ исшета предъ господу Турке,
Па Турцима селамъ турски дава,
Турцы су іой селамъ приватили,
Хайкуна имъ ріечь проговара:
„Фала вама моя Браћо Турцы!
Ђе вы брата неиздасте мога,
Ал' невала на вашой виећи!
Да што ћете рата заметати,
Браћо, око єдне женске главе?
Но пишите листъ кньиге біеле,
Нека Якша сакупи сватове,
Я 'ћу Якшу узет' капетана;
Кунемъ ви се моя браћо Турцы,
Како дођемъ Біограду стойну,
Я ћу Якшу убит' капетана,
Вашъ да ће ме у Дунавъ турити,
Я л' размакнут' конь'ма на репове!"
А кад' Турцы ріечь разумѣше,
Сви Хайкуни дивно зафалише,
Одоше є Турцы даровати,
Неко хата, неко и тры коня,
Неко вола неко и четиры,
Бегъ Любовићъ педесетъ воловахъ,
Бегъ Видаићъ педесетъ воловахъ,
Па Бегъ Шанићъ тридесетъ воловахъ,
И Бегзадићъ петнаесъ воловахъ,
„То ти дара мила сестро наша!
Што ћешъ свое свате даровати."
Па отолѐ кньигу оправише,
Оправише Якши капетану:
„Свате купи хайде за ђевойку!"
А кад' Якши гласъ и кньига дође,
Онда Якша кньигу ситну пише,
Оправи є Бечу біеломе,
Побратиму Марку капетану:
„Побратиме Марко капетане!
Сватахъ скупи двадесетъ хилядахъ,
Доведи ми Београду стойну,
Да идемо Босни по ђевойку,
И понеси ашлукъ сватовима,
Докъ одемо и опетъ дођемо."
Па другу є кньигу оправіо,
Оправіо шехеръ Дмитровицы,
Своме зету Петру Шеремету:
„Чуешъ зете Шереметовићу!
Сватахъ купи двадесетъ хилядахъ,
Доведи ихъ Београду стойну,
Да идемо Босни по ђевойку,
И понеси ашлукъ сватовима,
Докъ одемо и опет дођемо."
Іошъ є кньигахъ тридесть оправіо,
На тридесетъ свое побратимахъ,
Побратимахъ тридесть капетанахъ;

„Свакій купи по хиляду сватахъ,
Доведте ми Београду стойну,
А понесте хашлукъ сватовима,
Да идемо Босни по ђевойку,
Докъ одемо и опетъ дођемо,“
По томъ мало време постаяло,
Докъ ево ти Марка капетана,
Води Марко двадесть хиляд' сватахъ,
Теке Марко бѣше починуо,
Ал' ево ти Шереметовића,
И онъ води дваесть хиляд' сватахъ,
Теке Петаръ бѣше починуо,
Ал' ево ти тридесть капетанахъ,
Свакій води по хиляду сватахъ,
Јошъ ихъ Якша бѣше покупіо;
Сватовисе на брой ударише,
Наброисе сватахъ сто хилядахъ,
Сви сватови за софру сѣднули;
А несѣда Якша капетане,
Вет' изиде на Небойшу кулу,
Те узъ пенџеръ плећи прислоніо,
А довати дивитъ и артію,
На колѣну ситну книгу пише,
На мензила книгу оправіо,
Оправіо ка Єдру Србскоме
Побратиму кнезу Милутину:
„Побратиме кнеже Милутине!
Готови ми конакъ сватовима,
Опремайсе мене у сватове,
И покупи хиляду сватовахъ.“
Отолесе свати подигоше,
А кад' быше ка Єдру Србскоме,
У врлога кнеза Милутина,
Ліепо ихъ кнеже дочекао,
Дочекао и конакъ имъ дао,
Па у ютру у сватове пође,
И поведе хиляду сватовахъ;
Отолесе сваты подигнуше,
Па све конакъ до конака граде,
Свакій свою хашлучи дружину,
Кад'су полю Сараевском' были,
Ту редъ Якшу капетана дође,
Да онъ конакъ сватовима дава;
Ишћерао хиляду воловахъ,
Петь хилядахъ Бачкіехъ овновахъ,
Неможе ихъ полу да подмири,
Тесе Якша узмучіо люто,
Ал'се опетъ добро домыслію,
На колѣно ситну книгу пише,
Оправи є шехеръ Сараеву,
Пашеногу Марићъ Алайбегу:
„Пашеноже ако будешъ суђенъ!
Ево конакъ сватовима давамъ,
Немогу ихъ полу да намиримъ,
Ишћерай ми хиляду воловахъ,
И хиляду маліехъ овновахъ.“
Кад' Турчину ситна книга дође,
Оћера му хиляду воловахъ,
Узъ волове хиляду овновахъ,
Ту сватови ноћцу преноћише,
А у ютру рано подранише,
Кад' су были на Травникъ везиру
Ту сватови ноћцу преноћише,
Кад' у ютру бео данакъ дође,
Ярко имъ є огріяло сунце,
Чауш' вичу, добулхане ричу
„Хазурола Якшины сватовы!
Вріеме є данасъ устаяти.“
Дасе коме стати нагледати,
Кад' трнуле сватахъ сто хилядахъ,
Стои вриска хатахъ и парипахъ,
Стои клепетъ свіетла оружя,
Немогусе одъ стра погледати;
Отидоше свате даровати,
Неком' коня, некоме сокола,
Неком' яглукъ а неком' ябуку,
Якши даше коня и ђевойку,
И поредъ нѣ седамъ сеисанахъ…
Отолесе свати подигоше,
И на добре конѣ усѣдоше,
И ђевойка на коня усѣде,
Пакъ извади дивитъ и артію,
На колѣну ситну книгу пише,
На мензила книгу оправила,
Оправи є шехеръ Сараеву,
На трговце и на базрђане,
На крчмаре и на екмеџіе:
„Изнесте ми конакъ сватовима
У широко полѣ Сараевско,
Ако конакъ изніет' нећете,
Я ћу пуштит' сватахъ сто хилядахъ
Сараево хоћу разурити.“

Отоле су свати окренули,
А кад' полю Сараевском' были,
Вазрђаны конакъ изнiели,
Ту сватови ноћцу преноћили;
Кад' у ютру данакъ освануо,
Отолесе сваты подигоше,
А ђевойка на коня усѣде,
Па госпоску ћесу извадила,
Те имъ таинъ дивно домируе;
Отолесу свати окренули,
Па све конакъ до конака граде,
Свакiй свою хашлучи дружину,
Докъ дођоше Бiограду стойну,
Кодъ Небойше кодъ Якшића куле,
Свадбоваше за неђелю данахъ,
Свадбоваше паксе разметнуше,
Само оста тридесть капетанахъ,
Якшинiехъ тридесть побратимахъ,
Проговара Якша капетане:
„Побратиме капетане Марко!
Айде побро на Небойшу кулу,
До ђевойке у шикли-одаю,
Проговори Марко побратиме,
Оће лисе данасъ превѣрити,
Е ћемосе данасъ привѣнчават'."
Оде Марко на Небойшу кулу,
А кад' бюо у шикли-одаю,
Ту ђевойка сѣди на душеку,
На душеку ноге прекрстила,
Па ђевойка тутунъ запалила;
А да видишъ лiепе ђевойке!
Нећедесе пред' ньимъ подигнути,
До ньой Марко съ ногу проговара:
„Чуешъ ли ме лiепа ђевойко!
Капетанъ ме къ тебе оправiо,
Хоћешъ лисе данасъ превѣрити?"
Ђевойка га погледала ружно,
Ружнiю му рiечъ проговара:
„Сиктеръ мене изъ одае ђидо!
А нек' Якша у одаю дође!"
Оде Марко низъ бiелу кулу,
Све кажуе Якши капетану,
Скочи Якша на ноге лагахне,
Пакъ отиде на Небойшу кулу,
Кад' є бюо у шикли-Одаю,
Ал' ђевойка сѣди на душеку,
На душеку ноге прекрстила,
Па ђевойка тутунъ запалила,
А кад' виђе господара свога,
Предъ ньиме є на ноге скочила;
Сѣде Якша на душека мехка,
Па ђевойцы рiечъ проговара:
„Чуешъ мене Туркиня дѣвойко!
Оћешъ ли се данасъ превѣрити,
И частнiемъ крстомъ прекрстити,
За менесе данасъ привѣнчати?"
Ђевойка му рiечъ проговара:
„Нећу тисе данасъ превѣрити,
Докъ потурски ходетъ неучинишъ,
Да распучимъ пуца подъ грроцемъ,
А расковчамъ ковче на рукаве,
А извадимъ двiе пушке мале,
И распашемъ мукадемъ пояса,
Таде ћусе тебе превѣрити!"
Опетъ Якша рiечъ проговара:
„А ты делла лiепа ђевойко!"
Савiясе Туркиня ђевойка,
Распучи му пуца подъ грроцемъ;
А раскопча ковче на рукаве,
Извади му двiе пушке мале,
За собомъ игъ обѣ запиняла,
Пакъ у Якшу обѣ оборила,
Обѣ су га пушке погодиле,
Якша ѣкну сва му кула звекну,
А зачу га тридесть капетанахъ,
Потекоше на Небойшу кулу,
Ал' одая крвцомъ подаплила,
А у крви Якша капетане;
Привата га Марко побратиме:
Побратиме проговори мене!
Да што ћемо радит' од' ђевойке?
Ал' ћемо є у Дунавъ турити,
Ал' размакнут' коньма на репове?"
Яданъ Якша силомъ проговара:
Немойте ми мучити ђевойку!
Но ђевойку заклопите тврдо,
Добавите Лазара возара,
Нек'се вози право низъ Дунаво,
Нека иде Вечу бiеломе,
Да доведе одъ Веча хећима,
Хећимбашу Марка побратима!"
Ту ђевойку тврдо заклопише,

Добавише Лазара возара,
Одвезесе низъ воду Дунаво,
Те доведе одъ Беча хећиме,
Видаю га данахъ тры године;
Кадсе Якша пасомъ опасао,
Одъ одае врата отворіо,
Па ђевойцы ріечъ проговара:
,,О ђевойка Богъ те неубіо!
Што си шћела то си учинила,
Оћешлисе данасъ превѢрити?"
Ђевойка му ріечъ проговара:
,,Богъ ме тисе превѢрити нећу!
Докъ ми недашъ одъ ризнице кључе,
Да я виђу имашъ доста блага."
Даде Якша одъ ризнице кључе,
Одъ ризнице врата отворила,
А кад' виђе на купове благо,
Таде Якши ріечъ проговара:
,,Имашъ доста у ризницы блага!
Ама тисе превѢрити нећу,
Докъ оправишъ Лазара возара,
Дасе вози Дриномъ водомъ хладномъ
Да покупи по Дрини майсторе,
Нек' покупи трыстотин' майсторахъ,
А предъ ньима Марка Неимара,
Е ћу єдну оградити цркву;
Кад' ліепо цркву савршимо,
У ньойћусе тебе превѢрити,
И часніемъ крстомъ прекрстити,
И у цркви за те привѢнчати."
То кад' зачу Якша капетане,
Онъ Лазара оправи возара,
Те покупи по Дрини Майсторе,
Тры стотине доведе майсторахъ,
А предъ ньима Марка Неимара,
И ту цркви темель поставише,
Градише є̑ тры године данахъ;
Кад' ліепо цркву савршили,
Проговара ліепа ђевойка:
,,Ясе нисад' превѢрити нећу!
Докъ доведешъ триста свештеникахъ,
А предъ ньима тры владыке младе,
Да ліепу освештаю цркву,
Тадећусе тебе превѢрити."
Якша скупи триста свештеникахъ;
И предъ ньима младе тры владыке,
Те ліепо цркву освештали,
И ђевойку у ньой покрстили,
Ліепо іой име нађенули,
Цркви Ружа, ђевойцы Ружица,
За Якшу є̑ таде привѢнчаше,
Изидоше изъ біеле цркве,
Тада рече Якшина Ружица:
Станте мало мене послушайте!
Е ћу рећи дvіе тры ріечи,
А вессъ народъ, аминъ учините:
А да Богъ да и Богородица!
Ову мою пребіелу цркву,
Да є̑ Турска неотвори рука,
Неотвори до страшнога суда!"
Мало по тимъ вриме постануло,
Якша шњ ньоме породъ породіо,
Біеснога Дмитра и Шћепана,
Тако было, кадсе учинило —.

102.

Чета Морачка.

(Одъ истога попа Андріе изъ Дойнѣ Мораче.)

Маласе є чета подигнула,
Одъ Мораче тврде Качанице,
Мала чета тры четиры друга,
Предъ четомъ є воевода Пеіо,
А за Пеіомъ Бойя харамбаша,
А за Бойомъ Рашко Барякторе,
А за Рашкомъ Хрньковићъ Тодоре,
За Тодоромъ Томићу Илія;
Оде чета на ЯворѢ равно,
Кад' є чета на ЯворѢ была,
Ту є чета трудна починула,
Проговара воевода Пеіо:
,,А Бога ти Бойя харамбаша!?
Куда ћемо четомъ окренути?"
Рече нѣму Бойя харамбаша:
,,Да идемо у Вашково равно,
У Вашково или Колашину."
Рече нѣму воевода Пеіо:
,,Я ти Боя у Вашково нећу!
Ни Вашкову нићу Колашину,

Но айдемо у Приморѣ равно,
Къ Латинскоме граду Дубровнику,
Небы л' смо ли задобили блага."
Отоленъ є чета окренула,
И Никшиће пріеђоше равне;
Па Рудине чета прелазила,
Докъ сидоше у Приморѣ жупно,
У Приморю развалише кулу,
А изъ куле благо покупише,
Н' отидоше покрай мора синя,
Докъ дођоше предъ Котора града;
Шію ладно предъ Которомъ вино,
Служи виноКата крчмарица,
А све гледа Рашка баряктара;
Проговара воевода Пеіо:
„А Бога ти крчмарице Като!?
Што све гледашъ Рашка баряктара?"
А рече му крчмарица млада:
„О Бога ти воевода Пеіо!
Еси л' Рашка оженіо твога?"
Рече ньойзи воевода Пеіо;
„Я ніесамъ Рашка оженіо,
Да те просимъ бы ли га узела?"
Насміесе млада крчмарица;
„А за Бога воевода Пеіо!?
Да кога быгъ, каде Рашка небыгъ?"
Метну Пеіо у цєпове руке,
Даде ньойзи прстенъ и ябуку:
„Чекай мене по године данахъ,
Докъ доведемъ киђене сватове."
Вира Ката по Котору вино,
Кад' пођоше Морачкіи хайдуцы,
Изнесе имъ млада крчмарица,
Да предъ собомъ шалю у Морачу:
Даде ньима благо неброено,
И даде имъ чоху некроену,
А даде имъ платно немѣрено,
Вет' даде имъ єдну пушку танку,
Танка пушка зелена Латинка,
Была пушка нѣна господара,
Што є скоро пуста останула,
Поклони є̂ заручнику своме;
Отидоше Морачкіи хайдуцы,
Ката чека за годину данахъ,
А кад' виђе да сватовахъ нейма,
Она кньигу ситну опремила:
„Камо вѣра, камоли сватовы?
Ако ћешъ ме Пеіо преварити,
Дай ты мое благо неброено!
Камо л' Пеіо чоа некроена?
Камо мое платно немѣрено,
Камо пушка зелена Латинка?
Пеіо кньигу Кати одписуе:
„Удаисе Като крчмарице!
Я, самъ Като Рашка оженіо,
Даосамъ му сестру за любовцу;
А што иштешъ благо неброено,
Неда благо Бойя харамбаша,
И делія Хрньковићъ Тодоро;
А што иштешъ чоху некроену,
Неда чоху Томићу Илія,
Платна доста има у Котору,
А я ово хоћу раздріети;
А што иштешъ зелену Латинку,
Ты є̂ Рашку єси поклонила,
Нѐишти є̂, а несрамотисе!?"
На томесе и мѣсецъ міеньо —.

103.

Смртъ Міята.

(Одъ Станка Побора съ Добрског'-села у Црнойгоры.)

Подижесе хайдуче Міяте,
Подижесе юнакъ у планину,
Съ собомъ води тридесетъ айдукахъ,
Роблѣ роби а сіече Турке;
Тосе чудо надалеко чуло
У силнога у Отмановића,
Теларъ чини Отмановићъ царе,
Теларъ чини по дивану своме:
„Єли майка родила юнака?
Ал' мушкіемъ опасала пасомъ?
Ко ће поћи тамо у планину,
Да уфати айдука Міята,
Датћу нѣму тры товара блага,
И сувише тры біела града."
Ко чуяше чутсе нечуяше,
Ко гледаше очи обраћаше
Одъ велика страха Міятова,

Масе добаръ юнакъ нагоняше,
По имену харапъ капетане,
И такосе Арапъ зафаліо,
Да ѣ' айдука уфатити жива,
Ал' одъ нѣга доніети главу;
Царъ му даде тры товара блага,
И сувише тры града біела,
Якше Харапъ ђога дебелога,
Паше Харапъ саблѣ димишкинѣ,
А на раме быстра цевердара,
За хайдукомъ прозъ планину пођс,
Кога гођекъ путомъ сріеташе,
Онъ свакога за Міята пита,
Нитко нѣму казат' несміяше,
Одъ велика страха Міятова;
Кадекъ дође на брегъ Косовога,
Сріеташе єднога юнака,
Ђе гоняще вина два товара,
Одъ Бога му добра ютра зваше,
По имену Поповићъ Иліи:
,,Богъ ти дао Арапъ капетане!"
,,О тако ти Поповићъ Илія!
Већъ како си садакъ одъ планине,
Да невиђе айдука Міята,
И съ Міятомъ тридесетъ айдукахъ?"
Илія му право кажеваше:
,,Я видиехъ айдука Міята!
И съ Міятомъ тридесетъ айдукахъ."
Ма му вели Харапъ капетане:
,,Коя ти є на дворе гозбія,
Ал' веселѣ, али жалость тешка,
Тере гонишъ два товара вина?"
,,Ніе мене на дворе жалости,
Но є мене на дворе веселѣ,
У мене ће довече хайдуче,
У мене ће довече на кумство,
Да ми крсти мушко чедо младо."
Ма му вели Харапъ капетане:
,,О за Бога Поповићъ Илія!
Издай мене хайдука Міята,
Да хайдука я уфатимъ жива,
Ал' одъ нѣга одсієчемъ главу,
Ево тебе блага тры товара."
На благосе юнакъ слакоміо,
Те издаде онъ своега кума,
У данъ му є Арапъ запануо,
У біелу кулу Поповића,
Чекаше га ноћи неколико,
Кадекъ бѣше около поноћи,
Стаде звизга коня Міятова,
Стаде звека сребро на Міята,
Ма є кума нѣму излазила,
Налаштито да Міяту каже,
Е заисто погинути хоће.
У то дође Поповићъ Илія,
Па му несмѣ млада кажевати,
Онъ Міята за руке прифата,
Одведе га у біелу кулу,
Ево Міятъ за трпезомъ пође;
Кадекъ бѣху у найвише пійће,
А говори айдуче Міяте:
,,О тако ти мила кумо наша!
Што си кумо сѣтна невесела,
Ал' си лоша добавила кума?
Али тисе чедо поболѣло?
Алсе боишъ е ми дара неймашъ?
Алсе боишъ дароват' те нећу?"
Она нѣму млада одговора:
,,Я ніесамъ сѣтна невесела,
Што неимамъ я болѣга кума,
Нити мисе чедо поболѣло,
Нисе боимъ е ти дара неймамъ,
Нисе боимъ дароват' ме нећешъ —."
Па му стаде ногомъ на пашмаге,
Сувише му окомъ намагнула,
Алсе юнакъ ништа нестадяше,
Е заисто погинут' оћаше,
Ево юнакъ у камаре пође,
У камары да борави санка,
И къ нѣму є кума улазила,
Навлаштито да му млада каже,
И утрну воштанъ дубліера,
Уто дође Поповићъ Илія,
Удари є рукомъ по образу,
И ужиже воштанъ дубліера;
Кад' Илія плећи обрнуо,
Ужди пушку Арапъ капетане,
И удари Міята хайдука,
На зло га є мѣсто ударіо,
Међу токе на плећи юначке,
Паде Міятъ низъ душеку меку,
Заиграсе Арапъ капетане,

Одъ Міята одасѣче главу,
И меће є коню у бисаке,
И узима саблю Міятову,
Міятова быстра џевердара,
И узимлѣ токе са Міята,
Міятова ђога дебелога,
Ево пође нотно прозъ планину,
Ал' га біо данакъ сусретао,
Гледаю га тридесетъ айдукахъ,
А бесѣди младый Маріяне:
„О хайдуцы моя браћо драга!
Ето коньицъ уяка моега,
Е ма ніе нѣга на коньицу,
Него пођохъ горе краемъ пута.“
Па западе друму на средъ пута,
Каде сила Харапъ наступіо,
Уҗди пушку младый Маріяне,
И удари на коня Харапа,
По средъ чела међу очи црне,
А завика младый Маріяне:
Ай на ноге браћо и дружино!“
Но скочише тридесетъ айдукахъ,
Већ' Иліи на дворове доше,
А говори младый Маріяне:
„О тако ти Поповићъ Илія!?
Є ли мене уякъ долазіо
У твоему двору біеломе?“
„Оћенъ ти є уякъ долазіо,
Ма є нотно проша прозъ планину.“
Улѣгоше тридесетъ айдукахъ,
Улѣгоше у кули біелой,
И нађоше мртвога Міята,
Довати га младый Маріяне,
Довати га на плећи юначке,
Изнесе га предъ куломъ біеломъ;
Улѣгоше тридесетъ хайдукахъ,
Улѣгоше у кили біелой,
Уватише Поповићъ Илію,
Сломише му ноге у колѣна,
А биеле руке у рамена,
И здраве му зубе извадише,
На спицу му очи ископаше,
Узеше му благо свеколико,
И кулу му огнѣмъ опалише,
Іошъ све село огнѣмъ изгорѣше,
Поніеше мртвога Міята,
Поніеше полю Петровоме,
И ту су га дивно укопали,
На главу му цркву оградише.

104.

Смртъ Змай-Огняна Вука.
(Одъ Крста Бѣлоша у Црнойгоры.)

Вино піе змай огнянинъ Вуче,
А са своіомъ невѣрномъ любовцомъ,
Пію вино разговараюсе,
Кадсе ладна понапише вина,
Ал' любовца Вуку бесѣдила:
„О тако ти Вуче господаре!
Дас' шалимо дасе несрчимо,
Е те имамъ нешто питат' Вуче,
Што те зову Вуче копиляне?“
А Вукъ ньойзи право казиваше:
„Кад' ме питашъ валя да ти кажемъ,
Кад' мисе є бабо преставіо,
Я 'самъ оста' майцы подъ поясомъ,
То ме зову Вуче копиляне;
Но я имамъ нешто тебе питат',
Што те зову Подунайска курво,
Те те любе сви Якшићи редомъ,
А найвише Яшићу Шћепане?“
Па опасе люто намеди,
И утече у своюо камару,
Па довати дивитъ и артію,
Те написа листъ кньиге біеле,
А шилѣ є Яшићу Шћепану,
Овако му кньига изговара:
„Чуй ме добро Яшићу Шћепане!
Будъ ли си ми облюбіо лице,
А што си се Вуку пофаліо,
Те ме съ тіемъ Вуко укоріо,
А вѣру є Вуче уватіо,
Ђе т' увати изгубит' те хоће,“
Кад' Шћепану ситна кньига дође,
И кад' виђе што му она пише,
Па є другу перомъ накитіо,
А шилѣ є змай-огнянин' Вуку:
„Чуешъ ли ме змай-огнянный Вуче!
Бѣсмо єдномъ на Дунав' на воду,

Вѣсмо єдномъ тридесетъ Яшиħахъ,
Отуд' доħе твоя вѣрна люба,
Свакоега редомъ затицаще,
Кои ħе іой облюбити лице;
Ненаħесе голема юнака,
Вашъ до мене Яшиħа Шħепана,
И я 'самъ іой облюбіо лице."
А кад' Вука кньига допанула,
За то Вуче ни хобера нейма,
Но га друга кньига допанула,
Одъ Турчина Ђерзелезъ Аліе,
Алія є Вуку бесѣдіо:
„Чуешъ ли ме Змай-Огнянин' Вуче!
Я 'самъ чуо ħе ми кажу люħи,
Да си добаръ юнакъ на краину,
Ма ни мене нехули краина,
Но ако си юнакъ одъ поштеня,
Позиванъ те на мегданъ юначкій,
Ѳ тры мѣста ħе є тебе драго;
Ал' ти драго на вуча корита,
Ал' ти драго на овча солила,
Ал' ти драго у Иванъ планину,
Ма хайдемо у Иванъ планине,
Ђе су паша стара мегданишта."
Кад' є Вуко кньигу разуміо,
Два дуката муштулука дае,
Па любовцы быо бесѣдіо:
„О тако ти моя драга люби!
Ты улази у коньской одай,
А изведи коня крилатога,
И опреми коня вилатога,
И улѣзи у горньой камары,
Те изнеси двіе пушке мале,
И изнеси двіе саблѣ бритке,
Обѣси ихѣ коню о чактару."
А она га лиссто послушала,
И улѣзе у коньской одай,
Изведе му коня крилатога,
А опреми коня вилатога,
И улѣзе у тврдой камары,
Изнесе му двіе пушке мале,
Обѣси ихъ коню о чактару;
Али Вуку Боже непомози,
Есе она кучка домышляше,
Узе Вуку моħи одъ помоħи,
И коню є опалила крила,
Пушке мале заліева виномъ,
Саблѣ бритке она заломяше,
А одлонке меħе у ножнице,
Па повика свога господара:
„Ай на ноге драгій господару!
Рокъ ти доħе хайде на мейдану,
На курвиħа Ђерзелезъ Алію."
На лахке є ноге ускочіо,
Тріезансе коня прифатіо
Поħе юнакъ у Иванъ планине,
А кад' доħе у Иванъ планине,
Али Туре по мегдану щета,
А Вуче му обѣлежѣ каже,
На прси му змія преплетена,
Подъ пазухе крила позлаħена,
Изъ очихъ му мунѣ сіеваху,
А изъ зубахъ огань искакаше;
Но кад' виħе Ђерзелезъ Алія,
Плеħи даде а бѣжати стаде,
Ал' му Вуче бѣжат' недаваше,
Но ħогата на нѣг' нагоніо,
Шешнаестъ га путахъ прескочіо,
И хоħаше главу му осѣħи,
А и бритку ħорду повадіо,
Али пуста бѣше саломѣна,
Па ѐ бачи на трави зеленой;
Другу пусту ħорду извадіо,
Ал' и она пуста саломѣна,
И ню бачи на трави зеленцой,
Двіе пушке мале извадіо,
И обѣма живу ватру дае,
Ал' ѐ пусте приватит' нешħеше,
Обѣ бачи на трави зеленой;
Оно гледа Ђерзелезъ Алія,
Ево юнакъ узврну парипа,
А Вуко ми плеħи обрнуо,
Али Але често наваліо,
Седамъ му є ранахъ ударіо,
Али Вуко ħогу бесѣдіо:
„Дура ħого, дура добро мое!
Камо твоя крила позлаħена?"
По урійсу ħого проговара:
„На домъ имашъ невѣрну любовцу,
Тере ми є крила опалила,
У томесе Вуче ставіяше,
Те потеже тешку топузину,

Те удари Ђерзелезъ Алію,
Посредъ чела међу очи црне,
Іошъ му Турску окинуо главу,
Ев' онъ пође на свое дворове,
И близо га слуге сусретале,
Па слугама Вуче говоріо:
„О Богу ви мое вѣрне слуге!
Отворите деветоро вратахъ,
Уведте ме по деветъ камарахъ,
Поставите на главицу стражу,
Да ми люби небы ранне видла.“
Брзо ми га послушале слуге,
Уведоше г' по деветъ камарахъ,
На главицу поставише стражу;
Али Вуку Боже непомози,
Е є стражу саннакъ преваріо,
А онасе кучка домышляше,
Те гвозденый срда узимаше,
Те проврће деветеро вратахъ,
Те му кучка ранне виділа;
Али Вука быльима видаху,
Змія нѣму былѣ доносаше,
А війла му былѣ привіяше,
А вукъ Вуку лиже ранне люте,
Цичче змія па подъ камъ утече,
А полеће у облаке війла,
А завія у горицу вуче,
Па ка' виђе Змай-Огнянный Вуче,
Е заиста хоће погинути,
Онъ дозива свое вѣрне слуге,
Па овако ньима бесѣдіо:
„Мою кучку люби уватите!
На гвозден' є ражань навртите,
Како ягнѣ црно испецте є!“
Па іошъ каше говорити Вуче,
Ма ижъ нѣга душа испанула.

105.

Анђелійћъ Вукъ.

(Одъ Попа Гаша Пипера.)

Е' се диже Задранине Бане,
Онсе диже у ловъ у планину
Су нѣгове тридесетъ Задранахъ,
Ловъ ловіо за петнаесъ данахъ,
Ево Бане лова и невиђе,
Акамоли лова да улови;
До га таква намѣръ наніела,
У Шаркію высоку планину,
На биеле Анђелића овце,
Но говори Задранине бане:
„Божя помоћъ овчаръ кодъ овацахъ!
Чіес' овце ко л' є код' овацахъ?“
Но є момче ріечъ говорило:
„Богъ дай тебе одъ горе хайдуче!
Єсу овце Анђелића вука,
А кодъ ньихъ є нѣговъ брате Мійко.“
На вѣру га бане уфатіо,
И свеза му наопако руке,
И узе му хиляду овацахъ,
Поведе ихъ Задру біеломе,
А кад' Задру біеломе дође,
Ето Мійћа на муке метнуо,
За ногне га палце обѣсіо,
Іошъ му веће муке задаваше,
Банъ подъ ньиме сламу жежіяше,
Докъ момчету муке одолѣле,
Па є Мійко ріечъ говоріо:
„А за Бога Задранине Бане!
Ал' ме убій, ал' ме посіецы,
Ал' ме метни на тешке откупе,
Немой мене овако мучити.“
Кад' га бане быо разуміо,
Е му бѣше ріечъ говоріо:
„Ой ме чуешъ Анђелійћа Мійко!
Нити ћу те убит' ни посѣћи,
Ни ћу за те паре ни динара,
Ни у жуто Млетачка цекина,
До стотину волахъ изъ єзерахъ;
Ако ти є и то мало Мійко,
Іошъ двѣстотин' овна преходнога,
Ако ти є и ту мало Мійко,
Іошъ тридесетъ црвенихъ доламахъ,
На доламе тридесторо токахъ,
Ако ти е и ту мало Мійко,
Іошъ тридесетъ сяйнихъ цефердарахъ.
Ако ти є и ту мало Мійђо,
Тридесть чивтахъ маліехъ пушакахъ,
Ако ти є и ту мало Мійко,
Іошъ твоега исъ потае Врана,

Ако ти є и ту мало Мійћо,
Іошъ десницу Вука брата твога,
Да нечини зулумъ по краини."
Кад' є Мійћо нѣга разуміо,
Те му бѣше ріечь говоріо:
„Додай мене дивитъ и хартію!
Е ћу Вуку кньигу оправити,
Да сигура за мене откупе."
На прешу га бане послушао,
Додаде му дивитъ и хартію,
Ево Мійћо ситну кньигу пише,
А шилѣ є у Котаре равне,
Своме брату Анђелійћа Вуку,
Све му што є и каке є каже,
Посла кньигу земльомъ и світомъ,
Докле дође у Котаре равне,
Али кньига незастаде Вука,
Но Вукъ бѣше горѣ усъ планине,
Но застаде Вукову любовцу;
Кад' є млада кньигу проучила,
Живу ватру бѣше разгрнула,
Те у ватру кньигу сагорѣла.
Ядањ Мійћо чека и гледаше,
Ка тѣ дођи за нѣга откупи,
А кад' виђе ере ништа нема,
На колѣно другу кньигу пише,
Она кньига застанула Вука:
Кад' є Вуче кньигу проучіо,
Онсе бѣше добро посміо,
Е ће свога брата избавити,
На колѣно ситну кньигу пише,
Оправи є горѣ у єзера,
Да му дође стотину воловакъ,
Ону посла другу ситну пише,
А шилѣ є горѣ у корита,
Да му дође двѣ стотин' овновахъ,
Ону посла трећу кньигу пише,
А шилѣ є Дужду одъ Млетакахъ,
Да му пошлѣ тридесетъ доламахъ,
На доламе тридесторо токахъ,
И шездесетъ малієхъ пушакахъ,
И тридесетъ сайныхъ џефердарахъ;
Ону посла, па четврту пише,
А шилѣ є на море Дуждево,
Да му дођу одъ мора медизи,
Да му ваде изъ рамена руку;
На кньигу га санакъ преваріо,
Па се Вуче одъ сна пробудіо,
Те є люби своіой говоріо:
„Ну хотиди у подрумъ подъ кулу,
Те изведи врана Мијовога,
Скини шъ нѣга седло одъ билюра,
Метни на нѣмъ конску самарину,
Скини шъ нѣга ибришим-колане,
Метни на нѣмъ конске попружине,
Скини шъ нѣга мѣдене бисаге,
Метни на нѣмъ крпѣнице торбе;
Скини шъ нѣга узду позлаћену,
Метни на нѣмъ конску оглавину,
Скини шъ нѣга чоху одъ копита,
Метни на нѣмъ конску покровчину."
Кад' є млада нѣга разумѣла,
Све є тако она наредила,
А Вукъ хойде на біелу кулу,
Скину съ себе айдучко хођело,
А обуче прнѣ сиромашке,
Учинисе сужань невольниче,
Па се тури врацу на рамена,
И хотиде одъ града до града,
Докле Задру біеломе дође,
И Задра є опросіо града,
Докле бану пре дворове дође,
Ал' пре дворе банова робиня,
Ђе му шика два пособца сына;
Божу іой є помоћь називао:
„Божа помоћъ банова робиня!
А тако те мука недопала,
Како што є овога юнака,
Ну отиди бану на дворове,
Те замоли бана господара,
Неће ли ме бане поплатити."
Кад' є млада нѣга разумѣла,
Была му є ріечь говорила:
„Причувай ми ову ђецу луду,
Доксе вратимъ изъ двора біела."
То є Вуче єдва дочекао,
Па мзвіо двое ђеце лудо,
Те ихъ метну у крпѣне торбе,
Обѣси ихъ баби о самару
Па се тури Врану на рамена;
Да ти бѣше видіети нобре!
Ка' се Вуче про Задаръ провуче,

Зли гласъ дође Латинину бану,
Е му Вуче ђецу заробіо;
Докъ Латини конѢ хазураше,
Вукъ избѢже на врата одъ града,
Докъ Латини на врата одъ града,
Вукъ истрча на средъ поля равна,
И утече зеленомъ планиномъ,
Здраво Вуче у Котаре дође,
И донесе два банова сына,
Ну да видишъ банове банице!
Е се млада на яде виђела,
На колѢно ситну кньигу пише,
А шилѢ ѥ у Котаре равне:
„Богомъ брате Анђелійћа Вуче!
Немой мене ђецу запуштити,
Докъ мы наше роблѢ міенимо.“
Кад' є Вука кньига допанула,
И кад' виђе што му кньига пише,
Онъ баницы другу одписуе:
„Ахъ нелудуй банова банице!
Я ти нећу дѢцу запуштити,
Тек' я неймамъ вина ни ракіе,
Ни симита хлѢба біелота,
Ни претила меса овнуєга,
Но' ми га є бане одузео;
Ма нећу ти дѢцу запуштити,
Доста имамъ хлѢба овсенице,
И студене воде съ каменице,
Нећу тебе ђецу запуштити,
Но доведи мога брата Мійћа,
Доведи га у Шарру планину,
Одкле га є бане заробіо,
И даћу ти единога сына,
За другога донеси откупа,
Малій откупъ шесъ товарахъ блага,
У неђелю коя прва греде,
Да мы наше робѢ міенимо.“
Кадъ баницы таква кньига дође,
Извадила изъ тавнице шужня,
Па му скрои господцко одѢло,
О шта капу, о тога доламу,
Сину сужань ка' на горы сунце,
А кад' дође свіетла неђеля,
Е се диже банова баница,
И узела шесъ товарахъ блага,
И хотиде у Шарру планину,
Ту находи Анђелійћа Вука,
Те су они робѢ міенили,
И велико веселѢ чинили;
Али виђи драгій побратиме,
Нам' Србима зулумъ одъ Латина!
Тешко брату кои брата нейма,
Єръ безъ брата нейма узданице
Братъ ће брата избавит' тавнице. —

106.

Дуждева свадба.

(Одъ Васа Попова СѢклића.)

Робѣ младо на пазаре дође,
На пазаре и нове дућане,
То є робѢ на продаю было,
Ма е робѢ было пребѢфтино;
Младо момче за ту саблю брицку,
А ђевойка за ту бурму златну,
Е ма вика ліепа ђевойка,
Она вика изъ грла біела:
„Ко ће мене узимати младу,
Я му тврду божу вѢру давамъ,
Дасе никадъ потурчити нећу;
Я' самъ ћерца Дуке Лоринскога,
А любовца Дужда Млетачкога.“
Оно чуе царевићу Муіо,
Довати ѥ за руке біеле,
Поведе ѥ у Стамболу граду:
„Потурчисе ліепа каурко!
Потурчисе узми брата мога,
Да ми будешъ млада за снашицу,
А у кућу кућна укућница,
И моему благу разложница;
А ево ти Турску вѢру даемъ,
Даћу тебе неке задужбине,
Свету Петку на средъ Дренополя,
Камен'-моста Марице ріеке,
Златне ступце на нове пазаре,
И біелу у Дечане цркву,
Кое лѢпше на свіету нейма,
Тры мечита на средъ Цариграда,
Тры мунара ђесе хоџа рика,
Берберницу ђесе бривю главе,

Турске банѣ ђесе буле куплю,
И калдрму преко Луке-Банѣ;
И даћу ти о сребра синію,
На кою є о злата тевсія,
На тепсію змія преплетена,
На главу іой алер-каменъ драгій,
Кои сяѣ ноћцу безъ мѣсеца,
Кад' господа сѣда на вечеру;
Юшъ даћу ти бойницу галію,
На кою су триста галліотахъ,
И ужъ ньихъ' су триста лубарадахъ,
Ова галія шикомъ пошикана,
И іошъ више блага тры товара."
Но ђевойка потурчит'се некће,
А кад' виђе царевићу Муіо,
Е се неће потурчит' занаго,
Онъ є̑ кули студеницы бача,
У студеной воды до колѣнахъ,
Ђе іошъ ніе шужня шужнѣвало,
Одъ како є Самбулъ настануо;
Ту шужнюе тры године данахъ,
Ма ђевойка кньигу уміяше,
Па є ситну кньигу направила,
А шилѣ є̑ у Лорину граду,
Башъ на руке Дуке одъ Лорина:
„Бабо міо Дука одъ Лорина!
Евосамъ ти ћерца пропанула,
У Турскосамъ ропство запанула,
У Стамболу граду біеломе,
У студеной води до колѣна,
Ђе іошъ ніе шужня шужнѣвало,
Одкако є Стамбулъ настануо.
Откупуй ме Бога ако жнадешъ!"
Каде Дуки она кньига дође,
Кад' видіо што му кньига каже,
Ону гледа другу направіо:
„Ядна шћерце Дуки одъ Лорина,
Немогу те откупит' никако!
Е 'су мене похарали Турцы,
Па су благо мое поніели,
А ђецу су мою заробили;
Но 'самъ чуо ђе ми люди кажу,
Е 'су мисе ђеца населила
У некакво полѣ Смедерево,
Турскіемсе булам' поженила,
Буле су имъ благо доніеле,
Коньи су имъ сребромъ потковани,
И златніемъ хуздам' захуздани,
Буле носе одъ злата ђердане,
На ђердане бисер-перишане,
Они ће те одкупит' занаго!"
Кад' ђевойцы она кньига дође,
Виђела є што іой кньига каже,
Ону гледа другу направила,
А шилѣ є̑ полю Смедереву:
„Враћо моя два Дукини сына!
Евосамъ ви сестра запанула
У Самбулу граду біеломе,
У каменой кули студеницы,
У леденой води до колѣнахъ,
Ђе іошъ ніе шужня шужнѣвало
Одъ како є Стамбулъ настануо,
Вадите ме Бога хако жнате,
Откупите мене исъ тавнице!"
Каде ньима гласъ и кньига дође,
Кадъ виђеше што имъ кньига каже,
Ню гледаю другу направляю:
„Наша сестро ћерце Лоренина!
Никакосе одкупит' неможешъ,
Мы 'смо наше попенцали благо
А Турскіем' булам' на ђердане
На ђердане и на перишане."
Кад' ђевойцы она кньига дође,
Она виђе што іой кньига каже,
Проліева сузе одъ образа,
А завика изъ грла біела:
„Леле мене до Бога єднога!
Да никога неймамъ болећега!"
Па є ситну кньигу направила,
Непише є̑ чимсе кньиге пишу,
Но црньиломъ крвлю одъ образа,
А шилѣ є̑ Дужди Млетачкоме,
Овако є кньигу направила:
„Обреченѣ мое несуђенѣ!
Ево самъ ти запанула млада
У Стамболу граду біеломе,
У проклету кулу студеницу,
У студену воду до колѣнахъ,
Я немогу живѣт' ни мріети,
Одкупуй ме Дужде одъ Млетакахъ,
Да ти будемъ млада за хорвану,
Ако нећешъ за драгу любовцу!

Ма ме лашно одкупити нећешъ,
Докъ поновишъ граћевине старе,
Свету пешку на средъ Дренополя,
Камен' моста Марицы ріецы,
Златне ступце на Нове пазаре,
И біелу у Дечане цркву,
Кое лѣпше на світу нейма;
Тры мечита на средъ Цариграда,
Тры мунара ће имъ хоца рика,
Берберицу ћесе бривю главе,
Турску баню ћесе буле куплю,
И калдрму преко Луке-банѣ;
Іошъ донеси о сребра синію:
На синію о злата тевсію,
На кою є змія преплетена,
На главу іой алер-каменъ драгій,
Кои саѣ ноћцу безъ мѣсеца,
Кад' господа сѣда на вечеру,
И довези бойничку галію,
На кою су триста галіотахъ,
Ужъ ньихъ да су триста лубарадахъ,
Сва галія шикомъ пошикана,
И сувише тры товара блага.“
Када Дужди гласъ и кньига доће,
Колико му люто мила была,
Гласоноши сто цекинахъ дае,
Па є кньигу ситну написао,
А шилѣ є у землю Мошковску,
У ономе Петробуру граду,
Вашъ на руке Руссинской Краљицы:
„Тетко моя сестро материна!
Пошльи мене камене майсторе,
Да понове граћевине старе,
Свету Петку на средъ Дренополя,
Камен' моста Марицы ріецы,
Златне ступце на Нове-пазаре,
И біелу у Дечане цркву,
Кое лѣпше на світу нейма.“
Па є кньигу другу направіо,
А шилѣ є Бечу біеломе,
Вашъ на руке Бечкой ћесарицы:
„Тетко моя сестро баба мога!
У Турскосамъ ропство запануо,
Но ми пошльи камене майсторе,
Да понове граћевине старе,
Тры мечита на сред' Цариграда,
Тры мунаре ће имъ хоца рика,
Берберице ћесе брію главе,
Турску баню ћесе буле куплю,
И калдрму преко Луке-банѣ.“
Другу шилѣ, трећу написує:
А шилѣ є граду Инглитару,
А на руке Инглешкой краљицы:
„Свасти моя Инглешка краљице!
У Турско 'самъ робство упануо,
Но ми пошльи о сребра синію,
На синію о злата тепсію,
На тебсію змію преплетену,
На главу іой алем-каменъ драгій,
Кои сяє ноћцу безъ мѣсеца,
Кад' господа шѣда за вечеру.“
Па четврту кньигу напишує,
Онъ є шалѣ у Лорину граду,
Овако є кньигомъ говоріо:
„Ташто моя одъ Лорина града!
Пошльи мене блага тры товара,
Дома имамъ бойничку галію.“
Ташта посла тры товара блага,
А Тетке му поновише граће,
Самъ довати бойнику галію,
У ню ставя тры товара блага,
И узъ то є кньигу написао,
Те є шилѣ у Самболу граду,
Вашъ на руке царевића Мую:
„О соколе царевићу Муіо!
Айде Муіо дасе састанемо,
Насредъ мора исподъ Цариграда,
Ты доведи ліепу ћевойку,
Е 'самъ твое поновіо граће,
И возимъ ти бойничку галію,
И синію и златну тебсію,
И пунахна тры товара блага.“
У нећелю граде роковиште,
У нећелю тесе састадоше,
Предаде му откупъ за ћевойку,
Поновіо граћевине старе,
Муіо враћа ліепу ћевойку,
Предаде є Дужди Млечанину;
Кадс' одмаче Дужде Млечанине,
Вика Мую изъ грла біела:
„Копиляне царевићу Муіо!
Е тако ми Бога великога,

Какву тицу бѣше уфатіо,
Неумѣ іой пера подкупити!...
А некмоли тицу оперутат' —!
Што поновихъ грађевине старе,
То су мене Тетке поновиле,
Што ти дадохъ одъ сребра синію,
Свастъ є мене ону даровала;
Што ти дадохъ блага тры товара,
То є мене ташта даровала,
Што л' ти дадохъ бойничку галію,
Мой є бабо узео твоєму,
Кад' є быо больий о твоега,
Ясе мога недоватихъ блага."
Оде Муіо моремъ Цариграду,
Ни хабера при дости шићара,
Дужде ћаше моремъ дебеліемъ,
Моремъ ћаше ма болѣ смисляше,
Машіосе горе и планине,
Кад' высоко у планине быо,
Дозивао камене майсторе,
На ђумію начиніо цркву,
Дасе драгом' Богу моле Ласси,
Да ихъ чува одъ Турачке руке,
Па Луждъ води ліепу ђевойку,
Поведе є у Млетке богате,
Вѣнчашесе веселѣ чините,
На срамоту царевића Муію,
Своісе блага Дужде недодіо—.

107.

Бегъ Любовићъ.

(Одъ истога Попа Гаша Пипера.)

Запросіо Любовићу Бего,
Надалеко ліепу ђевойку,
Надалеко у Хрвату граду,
У онога Хрват-диздар-аге,
Бего проси Диздар му є дає,
Прстенъ даде хиляду цекинахъ,
Прстенъ дає свадбу уговара:
„Нека свадба за петнаесъ данахъ,
Докле пођe и докъ опет' дођe."
То рекоше паксе раздвоише.
Отле Бего на трагове пође,
А кадъ граду Невесиню дође,
Али га є фермань допануо,
Одъ Султана цара честитога,
Да му купи Босну землю равну,
Листомъ Босну и Херцеговину,
Да ю води подъ Багдату граду,
Е мусе є Багдатъ похасію.
Кад' є Бего фермань проучіо,
Онсе бѣше на яде видіо,
На колѣно ситну кньигу пише,
Непише є Хрвать Диздараги,
Но Хайкуни своіой заручници:
„Чуєшъ Хайко моя заручнице!
Ево ме є ферманъ допануо
Одъ Султана цара честитога.
Да му куппимъ силновиту войску,
Да ю водимъ подъ Багдату граду,
Да воюємъ за деветъ годинахъ,
Но ме чекай за деветъ годинахъ."
Кад' є младу кньига допанула,
И кад' виђе што іой кньига пише,
Е се бѣше на яде виђела,
Па пошета низъ честе дућане,
Ето нађе лакога бербера,
Главу міє, женску косу бріє,
На делинску перчинъ оставила,
Па се врати у дворе біеле,
Те ушета у свою ходаю,
На се мене делійнско одѣло,
Обукла є одъ свиле кошулю,
Сверхъ кошулѣ златна цамадана,
А сврхъ нѣга црвену доламу,
Сврхъ доламе токе позлаћене;
Опасасе мукадемъ поясомъ,
За пасъ меће двіє срмайліє,
Међу ньима злаћена ханцара,
Низъ бедру є саблю припасала,
А низъ другу ћесу и тутума,
На делійнску пошу завезала,
Па исъ ћесе припуни тутума,
Те запали шарен'-ћилибара,
Те дымнула и два и тры пута,
Бѣле дворе обузела тама,
Учинисе царева делія;
Па пошета у подрумъ подъ кулу,
Те изведе хата четвртака,

Умила га водомъ и сапуномъ,
Оседла га сребромъ сребрнїемъ,
Подпрегну га ибришим-коланомъ,
А заузда уздомъ позлаћеномъ,
Покрила га чохомъ до копита,
Іошъ пригрну диван-кабаницу,
Па се тури врацу на рамена,
И хотиде Босномъ каловитомъ,
Докле дође Невесиню граду,
На біеле дворе Любовића;
Добро су ю тамо дочекали,
За здравѢсе шъ ньоме упитую,
Па іой збори Любовића Бего:
„Добро доша непознанъ деліо!“
Но є млада ріечъ говорила:
„Ніє ово непознанъ делія!
Но є ово Опаковићъ Муіо,
Одъ Ліевна града біелога.“
Ту стадоше неколико данахъ,
Но деліе често долазаху,
А іошъ чешће игру заметаху;
Израюсе игре свакояке,
Ма найвише камена съ рамена,
Но говори Туркиня ђевойка:
„Господару Любовића Бего!
Є ли тестыръ у деліе поћи,
Дасе бачимъ камена съ рамена?“
Но беседи Любовића Бего:
„Тестиръ ти є царева деліо!
Тестиръ ти є, а да за што ніе.“
Е то млада у деліе пође,
Єдномъ бачи свіемъ га добачи,
Другомъ бачи свіемъ га пребачи;
Деліама жа' и мучно было,
Ал' имъ друго быти немогаше,
Но 'су опет' игру заметнули,
Ево скачу скока юначкога,
Опеть скаче ліепа ђевойка,
Єдномъ скочи, свіемъ га доскочи,
Другомъ скочи, свіемъ га прескочи,
Деліама и жаліе было,
Одиста ю изгубит' хоћаху,
До недаде Любовића Бего:
„Не за Бога царевe деліе!
Неизгубте царев' делибашу,
Самый ће га царе потражити.“

На томесе разминуло было,
Доксе Турска сила окупила,
А кадасе окупила была,
Но беседи Любовића Бего:
„Делибашо Опаковићъ Муіо!
Ето тебе зеленъ алайбарякъ,
Да га носишъ предъ моіомъ ордіомъ.“
Она млада барякъ прифатила,
Отоленсе сила подигнула,
И хотиде земльомъ и свіетомъ,
Докле дошли подъ Багдату граду,
Ту є сила трудна починула,
И стаяла неколико данахъ,
Доксе Турска сила окупила,
А кадасе окупила была,
Е су тамо на градъ ударили,
Бише града тры годинe данахъ,
Неодбише клака одъ камена,
Ни знадоше одку' су му врата,
Акамоли да освое града,
Кад' четврта залѢзе година,
Пушти царе у войску телара,
Теларъ виче тры біела дана:
„Є ли майка родила Турчина!?
Ал' Турчина, ал' Турскога сына,
Дасе пріими граду на бедему,
Да уводи одъ Багдата врата,
Ево нѢму Босна земля равна,
И сувише на Босни везирство,
Безъ промѢнка за тридесть годинахъ,
Да га ние, цару да недає;
Іошъ изъ хазне тры товара блага,
И дворе му хоће направити,
Іошъ му ћерцу дати за любовцу!
Сва є сила никомъ поникнула,
А у црну землю погледала,
Кад' четвртый око подне быо,
То зачула Хайкуна ђевойка,
Па є млада на ноге скочила,
Те пошета цару подъ чадору,
Прифати му руку и колено,
И чакъ долѢ злаћену папучу,
Па є млада цару говорила:
„Султанъ царе сунце огріяно!
Я ћу поћи у Багдату граду,
Хоћу поћи ако нећу дођи.“

До іой царе ріечъ говоріо:
„Ліепъ ли си младый баряктаре!
Страхъ є мене, хоћешъ погинути.“
За то млада необраћа главе,
Но пошета полѢмъ зеленіемъ,
Па се прійми на бедемъ одъ града,
Шета по нѢм' тры біела дана,
Кад' четвртый око подне быо,
Но излази ліепа ђевойка
На пенџеру одъ біеле куле,
Мила кћерца одъ Багдата краля,
Те деліи ріечъ говорила:
„Яохъ тебе младый барякаре!
Лудо ли 'ћешъ изгубити главу,
Шетаюћи граду по бедему,
И тражећи врата одъ Багдата;
Но да 'ћешъ ми тврду вѢру дати,
Да ме хоћешъ узет' за любовцу,
Казаћу ти одъ Богдата врата.“
То Хайкуна єдва дочекала,
Те ђевойцы тврду вѢру дае,
Да є хоће узет' за любовцу;
Кад' то чула кралѢва ђевойка,
Све му што є каже и како є:
„Кто врата подъ источномъ ћошомъ!
Него съ ютра на градъ ударите!
И ты буди предъ войскомъ найпрвый,
Я ћу вама отворити врата.“
Ка то чуо Опаковићъ Муіо,
Онсе спушти граду подъ бедему,
Пакъ пошета цару подъ чадору,
Привати му руку и колѢно,
Све му што є каже и како є,
Іошъ є млада цару говорила:
„Да є хазаръ сваколика войска,
Зоромъ 'ћемо на градъ ударити.“
А кад' савну и сунце ограну,
Завикаше по войсцы телары:
„На ногесе Турцы Яньичары!
Ко є коньикъ притежте колане,
Ко є пѢшацъ азурай опанке!
Е хоћемо на градъ ударити.“
Алайбези войску подигоше,
Развишесе свилены баряцы,
Полећеше усъ полѢ коньицы,
Єсъ найпрва Хайкуна ђевойка,
А за ньоме Любовића Бего,
А за ньима сила сваколика;
Єсу силно на градъ ударили,
Ђевойка имъ врата отворила,
Те улѢзе Опаковићъ Муіо,
А за ньиме Любовића Бего!
Прифата ихъ ліепа ђевойка,
Поведе ій на біелу кулу,
Те имъ кафе дає и дувана,
А сила є удрила по граду,
Млого яда бѢше учинила,
Такосусе Богомъ заклиняли:
„Другій бысе бедемъ направіо
Све одъ кости коньске и юначке;
Коликосе яда учинило!“
А кад' Турцы освоише града,
Е се диже Хайкуна дѢвойка,
За се води КралѢву ђевойку,
А за ньоме Любовића Бего,
Хотидоше полѢмъ зеленіемъ,
Докле дошли цару подъ шатору;
До землѢсе цару поклонила,
Па є млада цару говорила:
„Султанъ царе сунце огріяно!
„На даръ тебе ліепа ђевойка,
Да є држишъ како твою главу!“
Царъ є ньойзи тадаръ говоріо:
„На даръ тебе на Босни везирство,
Безъ промѢне за тридесъ годинахъ!
Да га иешъ, мене да недаешъ,
Іошъ изъ хазне тры товара блага,
И іошъ ћу ти дворе направити,
И кћерцу ти дати за любовцу.“
Но є млада цару говорила:
„Фала тебе царе господаре:
Нећу, рече, я твоєга дара;
Но те молимъ како господара,
Напиши ми біела фермана:
„„Докъ є гође Любовића трага,
Да неиде на цареву войску!“““
То є цару тврдо мучно было,
Ал' му друго быти немогаше,
Но іой даде біела фермана:
Отолесе разметнуше Турцы,
Свакій хойде на свое дворове,
Ево хойде Любовића Бего,

А за ньиме Хайкуна ђевойка,
Хотидоше зеленомъ планиномъ,
А кад' были на друму єдноме,
Ђесе хоте они раздвоити,
Но бесѣди Любовића Бего:
„Баряктаре Опаковићъ Муіо!
Да' си мене ђеверъ узъ ђевойку,
Есе хоћу я сада женити,
Теке дођемъ одъ цареве войске.“
Нѣму Хайка ріечъ говорила:
„Хайде зъ богомъ Любовића Бего!
Немогу ти ђеверъ быти сада,
Е ћу сада сестру удавати,
Теке дођемъ у дворе біеле.“
То рекоше па се растадоше,
Отле млада у Хрвату пође,
Бего хойде Невесиню граду,
Кадъ є быо труданъ починуо,
Одъ войникахъ свате сакупіо.
Сакупіо хиляду сватовахъ:
Поведе ихъ земльомъ и свіетомъ,
Докле дође у Хрвату граду,
Добро су га тамо дочекали,
Даровали и дали ђевойку,
Пакс' отоле свати подигнули,
И хойдоше Босномъ блатовитомъ,
Докле дошли Невесиню граду,
Ал' є грданъ законъ у Туракахъ,
Кад' доведу ліепу ђевойку,
Свакій сврађа у свое дворове,
Оста Бего съ ліепомъ ђевойкомъ,
Дофати ѥ за руку біелу,
Поведе ѥ на высоку кулу,
Шъ ньомъ ушета у свою ходаю,
Пзда Бего на меке душеке,
Па Хайкуни ріечъ говоріо:
„Распучи ми пуца на доламу!
И расковчай копче на чакшире,
Ево сада четиры године,
Одкако ихъ єсамъ заспучіо,
Већ' ихъ никда распуча' ніесамъ.“
Каде млада нѣга разумѣла,
Єсь высоко духакъ уздигнула,
Кад' ю виђе Любовића Бего;
Скочи Бего кадасе помами,
Па Хайкуни ріечъ говоріо:
„А ту ли си одъ курве копиле!
Каквусамъ ти жалостъ учиніо,
Што м' ніеси досадъ погубіо,
Но 'си мене ноћасъ нагрдіо.“
Па побѣже прозъ біелу кулу,
За ньимъ трчи Хайкуна ђевойка:
„Небѣж' Бего драгій господаре!
Ніе ово Опаковићъ Муіо,
Но Хайкуна твоя заручница!“
Бѣжи Бего главе необраћа,
А кад' виђе Хайкуна ђевойка,
Е га ядна уставит' неможе,
Ево бѣле дойке извадила,
Па є Бегу ріечъ говорила:
„Виђи Бего хочи ти виђеле!“
Тадарсе є Бего повратіо,
Опет' пада на меке душске,
Ну да видишъ ліепе ђевойке!
Нѣму даде царева фермана,
Што є млада у цара добила,
Па тада су ноћцу боравили. —

108.

Хайдучка правда.

(Одъ попа Іована Кнежевића войводе у Бѣлопавлићу.)

Пію вино тридесетъ хайдукахъ,
У планину подъ ѥлу зелену,
Вино пію а діеле благо,
Међу ьнима двіе харамбаше,
Єдно ми є Томићу Міяте,
А друго є Жеравица Вуче;
Ма Міяту даю старѣшинство,
Старѣшинство єдну ћесу блага,
Златно имъ є перо запануло,
Иште перо Жеравица Вуче:
„Дай те мени перо старѣшинства!“
Но говори Томићу Міяте:
„Айде Вуче єдна скитачино!
Я ћу перо узет' старѣшинства!“
То жа' было Жеравицы Вуку,
Па Міята на мейданъ позива,
Удришесе два добры юнака,

Пређе махну Томићу Міате,
Те удари Жеравицу Вука,
По поясу и свилену пасу,
Ма меса му недофати жива;
Кад' то вићe Жеравица Вуче,
На долину паде му оружѣ,
Па удари Томића Міата,
По поясу и свилену пасу,
Указа му црну утробицу,
Паде Міатъ у зелену траву,
Стаде лелекъ одъ горе хайдукахъ,
А найвише Жеравице Вука:
„Леле мене міо побратиме!
Єс' ли смртанъ, от' ли умріети?
Оћу ли ти тражити лѣкаре?“
Міатъ мучи ништа неговори,
Ка то вићe Жеравица Вуче,
Дружини є своіой говоріо:
„А тако ви љубивна дружино!
Ко ће са мномъ, ко ли ће съ Міатомъ?“
Сва дружина одоше за Вукомъ,
Кодъ Міата нико неостаде,
До нѣговихъ два милихъ сестрића,
Єдно ми є хайдукъ Маленица,
А друго є сестрићъ Маріяне,
Она оба питаху Міата:
„А што ћемо намъ міо уяче!?
Хоћемо л' ти тражити видаре?“
Ма є ньима Міатъ говоріо:
„А тако ви мои два сестрића!
Носите ме у село Бобово,
У Иліе одъ Бобова кнеза,
У нѣга є люба видарица,
Она ће ми ранне извидати,
То є моя милостива кума.“
Отоле га ђеца поніела,
У Иліе одъ Бобова кнеза,
Добро га є куме дочекао,
А кума му ранне привіяла,
Видала га два мѣсеца данахъ,
Видала га те извійдала га,
Таде збори Томићу Міате:
„А мой куме Бобовацъ Илія!
Хайде пођи шекеръ Сараеву,
Те донеси єданъ товаръ вина,
И донеси харрачъ за хайдуке,
Ситна праха и тешка олова,
Е ћу ходит' да тражимъ дружину.“
На прешу га куме послушао,
Отишао шехеръ Сараеву,
Намѣра га нашіела была,
На єднога црна Харапина,
Па є Харапъ Илій говорію:
„Єл' ти кнеже Міатъ преболіо?“
Кнезъ му каже да є преболіо,
Іошъ є нѣму харапъ говоріо:
„Издай мене Томића Міата!
И нѣгове два миле сестрића,
А даћу ти єдну боцу блага.“
На благосе кнеже слакоміо,
Обећа му издати Міата,
Па Харапу кнеже говоріо:
„Довече ћешъ по вечери доћи!“
На томесе они раздвоили,
Па Илія узе мало вина,
Што ће быти куму за вечеру,
А неузе праха ни олова;
Кад' Илія своме двору дође,
Нѣга пита Томићу Міате:
„Што 'си мисе куме придоцніо?
А камо ти ракія и вино?
И камо ти харрачъ за хайдуке?
Шъ чимћу ходит' да дружину тражимъ?
Дасе миримъ съ Жеравицомъ Вукомъ.“
Ма Міату говоріо куме:
„Вѣше куме вина нестануло!
Доніесамъ дасе напіемо,
Ал' ненађохъ праха ни олова,
Но хрђава што за васъ неслужи.“
Кад' вріеме о вечеры было,
Сѣде Міатъ съ кумомъ вечерати,
Око нѣга два мила сестрића,
Вино служи кума видарица,
Кад' су были у найвише пійће,
Вѣху куму сузе пропануле,
На Міата сузе покапале;
Міатъ гледа више себе куму,
Па є своіой куми говоріо:
„О Марица, моя мила кумо!
Што ты кумо плачешъ на трпезу?

Али сисе куме препанула,
Е ти нећу платит' хећимштину,
Рашта си ме куме извидала?
Ал' те нећу даромъ даривати?"
Ма Міату кума говорила:
„Ніесамсе куме препанула,
Е ми нећешъ платит' хећимштину,
Но єсамсе куме препанула,
Е се никда вићети нећемо,
Да л' невидишъ яды те невидли?
Што учини твой куме Илія,
Издаде те црну Харапину?!
Обазрисе на врата одъ куле,
Біелесе одъ Харапа зуби!"
У то доба пушке попуцаше,
Паде Міатъ главомъ у трпезу,
Скочише му два милы сестрића,
Маленица врата уграбіо,
На врата га Турцы дочекали,
И нЂга су млада изгубили;
А Маріанъ уграби оружЂ,
Па скочіо низъ пенџеръ одъ куле,
Па утече зеленой планини,
Кад' Маріанъ у планину дође,
У планину пали џефердара,
Пушка Ђкну а планина звекну;
Пушку чуо Жеравица Вуче,
Пушку чуо по пуку познао,
Па дружини своіой говоріо:
„Благо нама любивна дружино!
Ено ни є Міатъ преболіо!
Я ве молимъ, и Богомъ ве кумимъ,
Да съ Міатомъ мене помирите."
На гласъ оній одоше хайдуцы,
Ту нађоше ядна Маріана,
Све имъ хайдукъ за Міата каже,
Како га є Харапъ изгубіо,
И проклетый Вобовацъ Илія,
Кумъ невЂрный, залахъ допануо!
„Ено Турцы у Илійной кули!
Ђе съ Илюмъ пію вино хладно."
Кад' то зачу Жеравица Вуче,
Топле су га сузе пропануле,
Сви хайдуцы плачу за Міатомъ,
А кадсуое доста наплакали,
Потрчаше у село Вобово,
Западоше на крваве кланце,
Ту хайдуцы мало почекали,
Али иду тридесетъ Туракахъ,
И пред' ньима црный Харапине,
Кои носи Міятову главу,
Но говори Жеравица Вуче:
„О хайдуцы брађо и дружино!
О хайдуцы ако Бога знате!
Немой кои гађат' Харапина,
Докъ непукне мога џевердана,
На силнога црна харапина,
Кои носи Міатову главу,
Онъ ѥ носи, дасе ньомъ поноси."
То дружина нЂга послушали,
Близу га є Вуче напуштіо,
Пали Вуче свога џевердана,
Те Харапу срце опаліо,
Єднакъ пуче тридесетъ пушакахъ,
Єднакъ паде тридесетъ Туракахъ,
А утече Вобовацъ Илія,
Онъ утече двору біеломе,
А ћера га хайдукъ Маріане,
Уфати га пре дворе біеле,
За ньим' трче тридесетъ хайдукахъ,
Живу су му очи извадили,
Два близанца узеше му сына,
И по кули блато покупише,
Куму своюю дивно дароваше,
Дадоше іой хиляду дукатахъ,
Нека има тесе хлЂбомъ храни,
Дадоше іой два близанца сына,
А Илію вргоше у кулу,
Више нЂга кулу запалише;
Так' оваке свакій обршіо!
Кои свога кума издавао,
Брата Срба Турчину проклету! —.

109.

Опетъ Страхиня.

(Одъ истога Брацана Козарчета БЂлоп.)

Пошетао воевода Янко
По Сибиню исподъ бЂле куле,
Шетаюћи бесЂдіо люби:

„А чу ли ме моя вѣрна любо!
Ты приправи господску вечеру,
Е ћу позват' Сибиньске банове
На вечеру у мое дворове,
Да я мое даруемъ банове,
Одъ ка' су ме вргли за войводу,
Ніесамъ ихъ ни єдномъ дарова'."
Вѣрна га є послушала люба,
Е приправи госпоцку вечеру,
Іанк' окупи Сибиньске банове
На вечеру у свое дворове,
За пуну су совру засѣднули,
Дає доста воевода Янко,
Дае доста пійва и єстива,
Па онъ вѣрной бесѣдіо люби:
„А чу ли ме моя вѣрна любо!
Довати ми єдну киту перя,
Єдну перя, другу перянице,
Е ћу мое дароват' банове!"
Вѣрна га є послушала люба,
Довати му єдну киту перя,
Єдну перя другу перянице,
Те ми Янко дарує банове,
Неког' перѣмъ неког' перяницомъ,
Недарова бана найболѣга,
Найболѣга и одъ найболѣга,
Найболѣга Бановић' Страхину,
И Страиня бану бесѣђаше:
„А тако ти воевода Янко!
Я л' ме бана држишъ найгорега,
Найгорега и одъ найгорега,
Ал' на мени несташе даровы?"
Но є Янко нѣму бесѣдіо:
„А тако ми Бановићъ Страхина!
Недржимъ те бана найгорега,
Найгорега ни одъ найгорега,
Но те бана држимъ найболѣга,
Ни на тебе несташе даровы;
Знашъ ли побро єс' ли запазіо,
Ђе є нама остала срамота,
А у оной Босни каловитой,
У онога Кавге Бошнянина?!
Но ми хайде Кавги на мейдане,
Ако тебе Богъ и срећа дадне,
Те добіешъ Кавгу Бошнянина,
И донесешъ одъ злата кацію,
Тад' ћу тебе добро даровати,
Біеле ти дворе оградити,
Кодъ моихъ, лѣпше одъ моихъ,
Даћу тебе кћерцу за любовцу,
И даћу ти ціо товаръ блага,
И даћу ти сабю оковану!"
Кад' то чуо Бановићъ Страхиня,
Е отиде у свое дворове,
Текле юнакъ на дворове дође,
Ођедесе што може найлѣпше,
А обуче танахну кошулю,
Врхъ кошулѣ токе позлаћене,
А врхъ токахъ црлѣну доламу,
А на ноге копче и чакшире,
И на главу капу и челенку,
Крила су му пала на рамена,
Опасасе свиленіемъ пасомъ,
За пасъ метну двіе пушке мале,
Ни коване ни чекичоване,
Но у златный калупъ сліеване,
Међу ньима лютога ханџара,
Па оседла своега Вранчића,
Узяхасе нѣму на рамена,
А отиде друмомъ и планиномъ,
Докле дође Босни скаловитой,
Пре дворове Кавге Бошнянина;
Ту онъ наће Кавгину любовцу,
И Страхина ньойзи помоћъ зваше,
Она нѣму помоћъ прифатила,
Ато вели Бановићъ Страхиня:
„А тако ти Кавгипа любовца!
Єл' у дворе побратиме Кавга?"
Но Кавгина бесѣди любовца:
„Айд' отоле єданъ говедару!
Съ таквіемсе небратими Кавга,
Онъ етакве справя за говедма."
То Страхини жа и мучно было,
Па ȇ удри рукомъ узъ образе,
Колико ȇ удари лагахно,
Цикну млада ко' и змія люта,
И Кавги є ріечъ бесѣдила:
„Ђе си Кавга? безъ тебе остала!
Ђе ме бію єдни говедары,
Е бію ме за живота твога."
Кад' то чуо Кавга Бошнянине,
Намолисе на пенџеръ одъ куле,

Ал' угледа Вановићъ Страхиню,
И Страхиньи ріечъ бесѣдіо:
„А ту ли 'си курвинъ копиляне?!"
Па є голу дограбіо ћорду,
Па мй трчи низъ біелу кулу,
Но му вели Вановићъ Страина:
„Чуешъ ли ме Кавго Бошнянине!
Неид' мене тако на мейдана,
Но извади ђога дебелога,
А изнеси одъ злата канцію,
Да мы на ню мейданъ діелимо,"
За то Кавга ни хабера нейма,
Ка Страхиньи юришъ учиніо,
Кад'се сташе два добры юнака,
Тек'се сташе, тек'се ударише;
Сабіомъ махну Кавга Бошнянине,
Те є тако удріо Страхиню,
Удари га по свилену пасу,
Пресѣче му двіе пушке мале,
До меса є сабю догоніо,
Богъ му даде меса незађеде,
А кад' виђе Вановић' Страхиня,
Ближе мусе мало примакнуіо,
А поболѣ ћордомъ замахнуо,
И Турчина мало доватіо,
Довати га по біелу врату,
Докъ одъ Кавге одскочила глава,
Па улѣзе у подруме нове,
Изведе му коня дебелога,
Пакъ улѣзе у дворе біеле,
Те по двору покупіо благо,
И онъ нађе одъ злата Кацію,
И узе му вѣреницу любу;
Пакъ отоле тесе подигнуо,
Отиша' є горомъ и планиномъ,
Пређе зоре и біела дана,
У дно поля Сибиньскога дође.
Но порани Янкова любовца,
Пранила те иде на воду,
А кад' дошла на воду студену,
Ал' погледа небу ка западу,
И вруће є угріяло сунце,
Хитро иде на своје дворове,
И то Янку господару каже:
„Знат' да ти є господару Янко!
Вијохъ чудо пріе негледано,
Ће м' огрія одъ запада сунце."
А Янкосе дивно авизае,
Истрчае на бедемъ одъ града,
Те обори тридестъ балѣмезахъ,
Па Страхиньи у сретанѣ пође,
И дивносе даромъ дариваше,
Све му дае одъ Сибиня Янко,
Све му дае што му обећао,
И дворе му Янко оградіо,
Кодъ своиехъ лѣпше одъ своиехъ,
А даде му кћерцу за любовцу,
И даде му ціо товаръ блага,
И даде му сабю оковану,
Па Страина Янка даровао,
Онъ му даде одъ злата Кацію,
И Кавгину са раменахъ главу.

110.

Драгиша.

(Одъ Благоте Павићевић' Бѣлопавлића.)

Вино піе войвода Драгиша,
Служи му га остарала майка,
А кадасе Драго напоио,
Свою стару проклинао майку:
„Богъ т' убіо остарала майко!
Заръ ты нейма іошъ єднога сына,
Ал' млађега али старіега,
Дасе шъ ньиме учимъ сѣћи Турке?"
Па є стара уздисала майка,
А Драгиши 'вако бесѣдила:
„О тако ти войвода Драгиша!
Невріеђай мое ранне люте,
Има ласмъ іошъ єднога сына,
Не млађега него старіега,
Но су ми га Турцы заробили;
Е ма имашъ ты добра уяка,
Одъ прилипа Кралѣвога Марко,
Єсть ми силанъ Марко испануо,
И сад' неће Марко і' у планину,
Онъ ми чека у планину Турке."
А кад' зачу войвода Драгиша,
Онъ є старой говоріо майцы:
„А тако ти...остарала майко!

Міеси ми лахка брашненика,
Е ћу ходит' горѣ у планину,
Да я тражимъ уяка моєга,
Да ме уякъ учи сѣћи Турке."
На то стара уздисала майка,
А овако Драгу говорила:
„Не за Бога войвода Драгиша!
Ко ће стару сахранити майку.
Съ киме л'ћесе разговорат' ядна?
Но ће ядна остат' самохрана."
Ма є силомъ нагоняше Драго,
Те му лахка мѣси бранценика,
Половину воде придаваше,
А пола є сузомъ одъ образа,
Па кад' было зора настанула,
Итро Драго на ноге скочіо,
Доватіо своєга вранчића,
Оде шъ ньиме горѣ усъ планину,
А кад' бьо далекъ у планину,
Стаде єкка зелене планине,
Мало было млого нестануло,
А то л' иде Кралѣвићу Марко,
На Шарчини коню нѣговоме,
А кадасе Драгу приближіо,
Овако є шъ ньиме говоріо:
„Максе съ пута лудо и неяко!
Е да м' ніе саблю поганити,
А десницу гріешити руку,
Я быхъ тебе одасѣко главу."
Нѣму вели лудо и неяко:
„А полако незнаный юначе!
Я быс' тебе помакнуо съ пута,
Но ме клела на рођенѣ майка,
Да іой сынакъ по єдном' юнаку
Яс' никада непомичемъ съ пута,
Не болѣму, а некмол' горему."
Оно Марку жа' на свіетъ было,
На нѣг' Шарца быо нагоніо,
А тад' виђи іошъ любавный друже!
Како Вранацъ потиште Шарина,
У край пута нѣга помакнуо,
То є Марку и жаліе было,
Одъ бедрице саблю повадіо;
Докле Марко саблю извадіо,
Удри г' Драго седамъ-осамъ путахъ,
Докле Марко ударіо Драга,
Удри г' Драго и седамнесъ путахъ,
Одъ нѣгова одвои га Шарца,
А съ црномъ га земльомъ саставіо;
Іошъ поскочи Войвода Драгиша,
Да му добру посіече главу,
Но говори Кралѣвићу Марко:
„А полахко незнаный юначе!
Докале те я упитамъ само,
Одъ кога си краяя изъ свіета,
И кога си рода и народа,
Дасе знаде одъ кога погибохъ."
„Ніе колѣ незнаный юначе!?
Мене стоят' тебе разговараг',
А сестрићсамъ Кралѣвића Марка,
Я га тражимъ горѣ у планину,
Да ме Марко учи сѣћи Турке."
То кад' зачу Кралѣвићу Марко:
„Узочасъ те научіо сынко!
Ево Марко и другога нейма,
Ал' одъ Марка болѣс' научіо."
А кад' зачу войвода Драгиша,
Кад' ньиме є нагрдіо лице:
„Ахъ си мене мой міо уяче!"
Па одпаса мукаденъ пояса,
И танахну свукао кошулю,
Стаде куппит' Маркове комаде,
Све на мѣсто свое поставіо,
Кошульомъ га умотава танкомъ,
А утеза свіоніемъ пасомъ,
Па га тури на Шарца голема,
Оћера га Сплету на краину,
Ту му нађе Латинске медике,
Війдашесе за годину данахъ,
Доксе добра извиду юнака,
Али вели войвода Драгиша:
„А за Бога мой міо уяче!
Оћемо ли ходит' у планину?
Небы л' нама Богъ и срећа дала,
Небысмо ли оно намирили,
Штосмо блага 'ко себ' исхарчили."
То на свіетъ мило Марку было:
„Ела Драго, а да за што небы!"
Добріесе конях доватили,
Они доше горы усъ планину,
Докъ дођоше на распутѣ честo,
Ту нађоше големе трагове,

Єднимъ ниа' Ђерзелезъ Алія,
На Дундула коня нѣговога,
А єдніемъ тридесть яньичарахъ,
И предъ ньима до тры маске блага,
Стаде питат' войвода Драгиша:
„А тако ти мой міо уяче!
Али волишъ трагомъ за Аліомъ,
Ал' си волишъ поћи за Турцима?"
Него вели Кралѣвићу Марко:
„Я самъ волимъ отист' за Турцима."
Оде Марко трагомъ за Турцима,
На далек' є Турска задия стража,
Те є стража угледала Марка,
Угледала и уфатила га,
Свезаше му руке наопако;
Но отиде войвода Драгиша,
Нехоћ' трагомъ ходит' за Аліомъ,
Исподъ Друма Драго надскочіо,
Халіюсе на путь испречіо,
Силно нѣму Туре бесѣдило:
„Максе съ пута лудо и неяко!
Да ми ніе сабю поганити,
А десницу гріешити руку,
Я быхъ тебе одасѣка главу."
„А полахко незнаный юначе!
Я быхъ тисе помакнуо съ пута,
Но ме майка на рођенѣ клела,
Дасе єдномъ непомакнемъ съ пута,
Непомакнемъ ни болѣм' юнаку,
А некмоли тебе и горему."
То Алію и жаліе было,
На нѣг' свога Дундула нагнао,
Ма да видишъ претила Бранчића,
Како съ пута Дундула тискао,
Іошъ Алію тожаліе было,
Одъ бедрице сабю повадіо,
Но докъ Але саблю извадіо,
Удри Драго седам-осамъ путахъ,
Докле Але седам-осамъ путахъ,
Удри Драго и седамнесъ путахъ,
Одъ голема коня г' одвоио,
А съ црномъ га земіомъ саставіо,
И добру му одасѣка главу;
Па се Драго са ђога скинуо,
Те съ Турчина поскида оруже,
И скиде му одіело дивно,
Па обуче Драго свуче свое,
А ліево бѣше обукова,
А затаче нѣгово оружѣ,
На голема пріймисе Дундула,
А своега привезао Вранца,
Оде трагомъ за своимъ уякомъ;
Лахко ћера ма сустиже брзо,
А 'во Турцы уфатили Марка,
Свезали му руке наопако,
Но имъ Драго помоћъ називаше,
Помоћъ су му Турски прифатили,
Па ста Драго упитиват' Турке:
„А за Бога Яньичары Турцы!
Одкуд' у васъ каурине Марко?
Бысте ли га мене поплатили?
Е є мене изгубіо баба!
Небы ли га данасъ осветіо."
Марка Турцы нѣму поклонише,
Одъ бедре є саблю извадіо,
Но ми Марка по рукама гађа,
Непогоди г' по біелой руцы,
По пртену згоди га конопу,
А да тисе нагледати друже,
Кадсе соко крилахъ доватіо,
Намигнуо єданъ на другога,
А истиног' Бога поменули,
Па у Турке юришъ учинили;
Іошъ да тисе нагледати друже!
Како ньихне сіевају ћорде,
Како Турске зіевају главе,
Неутече друга ђаволѣга,
Ни да каже ђе су погинули.
Тусе блага доста наузеше,
И Турскога свіетла оружа,
Паксе оба здраво повернула,
Отишла су свом' біелу двору.
Ко ме чуе на часть нека му є!
Свѣм' осталим' іошъ Драгишу фалимъ.

111.

Марко и царъ.

(Одъ ђака Вулине Бѣлопавлића.)

Іошъ зорица незабіелила,
Ни даница помолила лица,

Затрупаше царeве борiе,
На цареву штету и несрећу:
Царева є хазна одузета,
Посѣчена у ню тры везира,
Тусе купе хоце и кадiе,
И велике царeве делiе,
Свако рече: „Кралѣвић є Марко!"
И самъ царе рече да є Марко.
Тад' є царе Турцим' бесѣдio:
„Да ли нейма у мене юнака?
Да отиде до Прилипа града,
Да доведе Кралѣвића Марка,
Ал' од' нѣга да донесе главу!"
Сва Господа мукомъ умукоше,
А делiе земльи погледаше,
Но негледа Соколовићъ паша,
Него цару тio одговара:
„Господаре царе Сулеймане!
Я ћу поћи до Прилипа града,
Хоћу поћи, ако нећу доћи."
Отолесе паша подигнуо,
Паша пође по ћенару горе,
Докле дође у Прилипу граду,
Пре дворове Марка Кралѣвића;
Ту ми паша ненаходи Марка,
Но Маркову остаралу майку,
Ньойзи пашо божю помоћъ зваше:
„Божа помоћъ остарала бако!"
Нѣму бака исту одговара:
„Богъ дай и теб' незнана делio!"
Опет' ньойзи паша бесѣдio:
„О Бога ти остарала бако!
Камо тебе сыне Кралѣвићу?"
Нѣму бака право казиваше:
„Ето Марко ђе спава у бакчу,
Башъ у багчу подъ жуту неранцу!"
Оде пашо под' жуту неранцу,
Подъ неранцу у зелену башчу,
Ту находи Марка Кралѣвића,
Ђе онъ мало санка боравяше,
На ньсе пашо усудит' несмѣде,
Но кодъ Марка лахке тамбурице,
У тамбуре паша ударio,
Ал' проза санъ Марко бесѣдio:
„Кой ударашъ у мое тамбуре?!
Моглебысе о главу т' сломити,,
Но говори паша Соколовићъ:
„Богъ ми съ тобомъ Марко побратиме!"
Марко скочи ка' дасе помами,
Пак' є Марко паши бесѣдio:
„Ко є су те виле донiеле?!"
Све му пашо по истини каже:
„Царева є хазна понешена,
Тры везира на ню погублѣна,
Па свакъ рече: „„то учини Марко""
И самъ царе рече, да є Марко;
Па ме царе посла са Дивана,
Дасе нађешъ, и у Диванъ дођешъ."
Нѣму рече Марко Кралѣвићу:
„Я быхъ ишо цару на Дивана,
Но є мене саломена ћорда,
Сiекући нoћасъ тры везира,
А у тмуши у невиђелицы,
Неђ' по ньима, неђе по камену."
Рече пашо Марку Кралѣвићу:
„Побратиме Марко Кралѣвићу!
Я имадемъ двiе нагле ћорде,
Єдну явну а другу потайну,
Бирай побре кою ти є драго."
Таде рече Марко Кралѣвићу:
„Нећу побре ничю до самсвою!"
Пакъ оседла Шарца дебелога,
А Шарцусе на рамена баци,
Отидоше горомъ и планиномъ,
Докъ дођоше цару на Дивану,
Таде царе Марку бесѣдio:
„Копилане Марко Кралѣвићу!
Ты си мою хазну покупio,
И посѣка у ню тры везира."
Марко цару таде одговара:
„Нисамъ царе драгiй господаре:
Но ме неко царе опадао,
Живо месо шъ нѣга одпадало —."
Таде Марку царе бесѣдio:
„Извад' Марко твою оштру ћорду,
Да я виђу є ли ти крвава!"
Одговара Марко Кралѣвићу:
„Господаре царе Сулеймане!
Єс' ме стара проклиняла майка,
Да напразно неизвадимъ ћорду."
Царе Марку рече Кралѣвићу:
„Кад' неморешъ учинит' инако,

Осимъ мене удри свакогʼ Марко!"
То є Марко єдва дочекао,
Марко остру ћорду извадіо,
Єдномъ махну хоцу посѣкао,
Другомъ махну хоцу и кадію,
Трећомъ махну те є сунеціію;
Халакнуо Бога споменуо,
А у Диванъ юришъ учиніо,
Одъ Дивана яде пограціо,
Найпосліе цару примахнуо,
Царъ измичи, Маркосе примичи,
Докле цару стола нестануло,
Таде рече царе Сулеймане!
„Не за Бога, мой посынко Марко!
Ніеси ми хазну покупіо,
Ни посѣка' у ню тры везира."
Па царъ тиште у шпагове руке,
Извадіо хиляду цекинахъ:
Све ихъ даде Марку Кралѣвићу:
„Най то тебе мой посынче Марко!
Докъ ты дођешъ ка Прилипу граду,
Да ми піешъ црвенику вино."
Отолесе Марко подигнуо,
Здраво дође у Прилипа свога;
Хоће Марко весела му майка,
За калпакъ му перѣ и челенка.

112.

Р а й к о.

(Одъ истога ђака Вулине Бѣлопавлића.)

Одкада є постала краина,
Ніе лѣпша постала Влахина,
Вашъ одъ секе капетана Ива,
Кадʼ су младой быле петъ годинахъ
Таде млада косу запуштила,
Паксе на ню просцы натурише,
Просише ȇ тридесъ капетанахъ,
И тридесетъ съ мора Ценералахъ,
И тридесетъ одъ горе бећарахъ,
Іошъ тридесетъ влашкіехъ Сердарахъ,
И просу ȇ одъ Зміяля Райко.
А кадасе просцы окупили,
Алʼ ето имъ муке и неволѣ,
Ни єднога нехоће дѣвойка;
Сташе Иву пріетитʼ краине,
Кадʼ то зачу Иво Сенянине,
Онъ улѣзе у одаю секи,
Нађе секу на мехку душеку,
Таде Иво секи бесѣдіо:
„Богъ тʼ убіо моя мила секо!
Узми каква секо капетана,
Алʼ ты узми съ мора ценерала,
Олʼ избирай когʼ є теби драго,
Ма быхъ быо понайраді секо,
Да ты узмешъ одъ Зміяля Райка,
Иако є Влашче попузнуло,
Имало є педесетъ читлукахъ,
И на свакомъ педесетъ чивчіяхъ,
Богъ ће дати, опета ће быти."
Иву сека дивно одговара:
„Нећу црногʼ одъ Зміяля Райка!"
Осѣтисе Иво Сенянине,
Пакъ є секи своіой бесѣдіо:
„Чуєшъ мене моя мила секо!
Быхъ ти секо быо понайраді,
Да Турчина стечемъ пріятеля
Изъ Удбине изъ Турске краине,
Дасе шъньиме шетамъ прозъ Удбине."
Насміясе млада Анђелія,
Пакъ є Иву брату бесѣдила:
„О мой брате Иво Сенянине!
Ево има тры године данахъ,
Одка млада постимъ рамазана,
Одкадʼ кланямъ и авдесъ узимамъ,
Узеласамъ Нукићъ барякtара
Изъ Удбине изъ Турске краине."
Кадʼ то зачу Иво Сенянине,
Иво пише листъ кньиге біеле,
А щалѣ ȇ ка Удбини граду,
А на руке Нукићʼ барякtару:
„Чу лʼ ме зете Нукићʼ барякtаре!
Купи свате ходи по ђевойку."
Теке Иво кньигу оправіо,
Сазвао є сву брађу Сеняне,
Сенянима Иво бесѣдіо:
„Да ли нейма у Сеню юнака,
Да отиде на друмъ предʼ Нукића,
Да му русу посієче главу?
Ево нѣму сека за любовцу,

Затрупаше царeве борiе,
На цареву штету и несрећу:
Царева є хазна одузета,
Посѣчена у ню тры везира,
Тусе купе хоце и кадiе,
И велике царeве делiе,
Свако рече: „Кралѣвићъ є Марко!“
И самъ царе рече да є Марко.
Тад' є царе Турцим' бесѣдiо:
„Да ли нейма у мене юнака?
Да отиде до Прилипа града,
Да доведе Кралѣвића Марка,
Ал' од' нѣга да донесе главу!“
Сва Господа мукомъ умукоше,
А делiе земльи погледаше,
Но негледа Соколовићъ паша,
Него цару тiо одговара:
„Господаре царе Сулеймане!
Я ћу поћи до Прилипа града,
Хоћу поћи, ако нећу доћи.“
Отолесе паша подигнуо,
Паша пође по ћенару горе,
Докле дође у Прилипу граду,
Пре дворове Марка Кралѣвића;
Ту ми паша ненаходи Марка,
Но Маркову остаралу майку,
Ньойзи пашо божю помоћъ зваше:
„Божа помоћъ остарала бако!“
Нѣму бака исту одговара:
„Вогъ дай и теб' незнана делiо!“
Опет' ньойзи паша бесѣдiо:
„О Бога ти остарала бако!
Камо тебе сыне Кралѣвићу?“
Нѣму бака право казиваше:
„Ето Марко ђе спава у бакчу,
Башъ у багчу подъ жуту неранцу!“
Оде пашо под' жуту неранцу,
Подъ неранцу у зелену башчу,
Ту находи Марка Кралѣвића,
Ђе онъ мало санка бораваше,
На њсе пашо усудит' несмѣде,
Но кодъ Марка лахке тамбурице,
У тамбуре паша ударiо,
Ал' проза сањ Марко бесѣдiо:
„Кой ударашъ у мое тамбуре?!
Моглебысе о главу т' сломити,,
Но говори паша Соколовићъ:
„Богъ ми съ тобомъ Марко побратиме!“
Марко скочи ка' дасе помами,
Пак' є Марко паши бесѣдiо:
„Ко є су те виле донiеле?!“
Све му пашо по истини каже:
„Царева є хазна понешена,
Тры везира на ню погублѣна,
Па свакъ рече: „„то учини Марко““
И самъ царе рече, да є Марко;
Па ме царе посла са Дивана,
Дасе нађешъ, и у Диванъ дођешъ.“
Нѣму рече Марко Кралѣвићу:
„Я быхъ ишa цару на Дивана,
Но є мене саломена ћорда,
Сiекући ноћасъ тры везира,
А у тмуши у невиђелицы,
Нећ' по ньима, нећe по камену.“
Рече пашо Марку Кралѣвићу:
„Побратиме Марко Кралѣвићу!
Я имадемъ двiе нагле ћорде,
Єдну явну а другу потайну,
Бирай побре кою ти є драго.“
Таде рече Марко Кралѣвићу:
„Нећу побре ничю до самсвою!“
Пакъ оседла Шарца дебелога,
А Шарцусе на рамена баци,
Отидоше горомъ и планиномъ,
Докъ дођоше цару на Дивану,
Таде царе Марку бесѣдiо:
„Копилане Марко Кралѣвићу!
Ты си мою хазну покупiо,
И посѣка у ню тры везира.“
Марко цару таде одговара:
„Нисамъ царе драгiй господаре:
Но ме неко царе опадао,
Живо месо шъ нѣга одпадало —.“
Таде Марку царе бесѣдiо:
„Извад' Марко твою оштру ћорду,
Да я виђу є ли ти крвава!“
Одговара Марко Кралѣвићу:
„Господаре царе Сулеймане!
Єс' ме стара проклиняла майка,
Да напразно неизвадимъ ћорду.“
Царе Марку рече Кралѣвићу:
„Кад' неморешъ учинит' инако,

Осимъ мене удри саког' Марко!"
То є Марко єдва дочекао,
Марко остру ћорду извадіо,
Єдномъ махну хоцу посѣкао,
Другомъ махну хоцу и кадію,
Трећомъ махну те є сунецію;
Халакнуо Бога споменуо,
А у Диванъ юришъ учиніо,
Одъ Дивана яде поградіо,
Найпосліе цару примахнуо,
Царъ измичи, Маркосе примичи,
Докле цару стола нестануло,
Таде рече царе Сулеймане!
„Не за Бога, мой посынко Марко!
Ніеси ми хазну покупіо,
Ни посѣка' у ню тры везира."
Па царъ тиште у шпагове руке,
Извадіо хиляду цекинахъ:
Све ихъ даде Марку Кралѣвићу:
„Най то тебе мой посынче Марко!
Докъ ты дођешъ ка Прилипу граду,
Да ми піешъ црвенику вино."
Отолесе Марко подигнуо,
Здраво дође у Прилипа свога;
Хоће Марко весела му майка,
За калпакъ му перѣ и челенка.

112.

Р а й к о.

(Одъ истога ђака Вулине Бѣлопавлића.)

Одкада є постала краина,
Ніе лѣпша постала Влахина,
Вашъ одъ секе капетана Ива,
Кад' су младой быле петъ годинахъ
Таде млада косу запуштила,
Паксе на ню просцы натуришe,
Просише є̑ тридесъ капетанахъ,
И тридесетъ съ мора Ценералахъ,
И тридесетъ одъ горе бећарахъ,
Іошъ тридесетъ влашкіехъ Сердарахъ,
И просу є̑ одъ Зміяля Райко.
А кадасе просцы окупили,
Ал' ето имъ муке и неволѣ,
Ни єднога нехоће дѣвойка;
Сташе Иву пріетит' краине,
Кад' то зачу Иво Сенянине,
Онъ улѣзе у одаю секи,
Нађе секу на мехку душеку,
Таде Иво секи бесѣдіо:
„Богъ т' убіо моя мила секо!
Узми каква секо капетана,
Ал' ты узми съ мора ценерала,
Ол' избирай ког' є теби драго,
Ма быхъ быо понайрадіи секо,
Да ты узмешъ одъ Зміяля Райка,
Иако є Влашче попузнуло,
Имало є педесетъ читлукахъ,
И на свакомъ педесетъ чивчіяхъ,
Богъ ће дати, опета ће быти."
Иву сека дивно одговара:
„Нећу црног' одъ Зміяля Райка!"
Осѣтисе Иво Сенянине,
Пакъ є секи своіой бесѣдіо:
„Чуєшъ мене моя мила секо!
Быхъ ти секо быо понайрадіи,
Да Турчина стечемъ пріятеля
Изъ Удбине изъ Турске краине,
Дасе шъньиме шетамъ прозъ Удбине."
Насміясе млада Анђелія,
Пакъ є Иву брату бесѣдила:
„О мой брате Иво Сенянине!
Ево има тры године данахъ,
Одка млада постимъ рамазана,
Одкад' клањамъ и авдесъ узимамъ,
Узеласамъ Нукићъ барјактара
Изъ Удбине изъ Турске краине."
Кад' то зачу Иво Сенянине,
Иво пише листъ кньиге біеле,
А шалѣ є̑ ка Удбини граду,
А на руке Нукић' барјактару:
„Чу л' ме зете Нукић' барјактаре!
Купи свате ходи по ђевойку."
Теке Иво кньигу оправіо,
Сазвао є сву браћу Сеняне,
Сенянима Иво бесѣдіо:
„Да ли нейма у Сеню юнака,
Да отиде на друмъ пред' Нукића,
Да му русу посіече главу?
Ево нѣму сека за любовцу,

Іошъ му ево двје пушке мале,
Ни коване, ни чекичоване,
Но у калупъ злата слієване,
И даћу му доста дробна блага."
Ненађесе у Сеню юнака,
Него єданъ одъ Зміяля Райко,
Райко Иву бѣше бесѣдіо:
„Чу л' ме Иво Сеньскій капетане!
Дай ты мене што си обећава,
Я ћу поћи на друмъ предъ Нукића."
Отолесе Райко подкикуе,
Собомъ узе тридесетъ Сеньянахъ,
Райко узе свога венедика,
Кои литру ждере туценика
И двадесеть и четиры зрна,
Іошъ узеше неколико вина,
Пакъ одоше горомъ усъ планину;
То зачула сека Иванова,
Да є поша одъ Зміяля Райко,
Да дочека Нукић' барјактара,
Пакъ ми пише листъ кньиге біеле,
А шалѣ ѥ Нукин-барјактару:
„Чуєшъ мене Нукинъ барјактаре!
Неид' Нукићъ друмомъ нисъ планине,
Но ты хайде пріекіемъ путомъ,
Чека тебе одъ Зміяла Райко,
Єсу съ Райкомъ тридесетъ Сеньянахъ."
Пакъ ми наће кньигоношу млада,
Кньигоношу Голашію Ђура,
И даде му стотину цекинахъ,
Однесе ѥ Нукић' барјактару,
А кад' бьо далек' у планину,
Угледа га одъ Зміяля Райко;
Осѣтисе родила га майко,
Уватіо Голашина Ђура,
Наће нѣму кньигу за панџцу,
Виђе Райко све што кньига пише,
Свеза Ђура за єлу зелену,
И узе му стотину цекинахъ;
То є доба не за дуго было,
Стаде вриска на Огорѣлицу,
На стіену на Просѣленицу,
Ал' ето ти Нукић' барјактара,
Пѣва Турчинъ изъ грла біела:
„Райка вали сва влашка краина,
А ни мене некуде дружина.
А да мисе съ Райкомъ уватити,
Да видимо ко є юнакъ болый."
А то Райко и слуша и гледа,
Па дружини своіой бесѣдіо:
„Ево браћо Нукић' барјактара!
Но я одохъ на друмъ пред' Нукића,
И ако ми буде до неволѣ,
Помозте ми браћо у невольи."
Іошсе Райко напио вина,
И узео свога венедика,
Оде Райко на путъ предъ Нукића,
Дивно мусе Райко наредіо,
Ал' ето му Нукић' барјактара,
На зекуна коня виленога;
Ахъ каквесу у Нукића руке,
Вы рекао и заклео бысе,
Да ніесу у Турчина руке,
Нег' су оно два ялова брава...
Близу га є напустіо Райко,
Венедику живу ватру дава,
Добро гађа, ма лоше погађа,
Непогоди Нукић' барјактара,
Но выш' нѣга у єлу зелену,
Те є ѥли окинуо гране;
Кад' то виђе Нукићъ барјактаре,
На Райка є коня нагоніо,
Демискію ђорду повадіо,
Ал' є Райко и одвише юнакъ,
Уфатіо Нукић' барјактара
Єдномъ рукомъ за грло біело,
Другомъ рукомъ Зека за дизђине,
Зекуну га подъ ноге сваліо,
Пакъ му свеза наопако руке,
Поведе га Райко у дружину,
Голашину одвезуе Ђура,
Пакъ є нѣму ріечъ бесѣдіо:
„Айде Ђуро Сеню біеломе!
Да ты кажешъ Ивановой Секи:
„Ево иду тридесть Удбинянахъ,
Посѣклису тридесетъ Сеньянахъ,
Главу носе одъ Зміяля Райка,
Пред' ньима є Нукић' барјактаре,
Коня игра, турски попіева!
То іой кажи друго неучини,
А ево ти стотину цекинахъ;
Ако ли іой тако казат' нећешъ,

Кунемъ тисе и проклинѣмъ тврдо,
Хоћу тебе мукам' уморити."
Оде Ђуро Сеню біеломе,
Како дође Анђелію нађе,
Анђелію секу Иванову,
Па све каза Ивановой секи,
Како га є Райко научіо.
Ка то зачу Иванова сека,
Окупила коло ђевоякахъ'
Дивна кола заиграла Анђа,
И веселе пѣсне изводила,
Барявтара у сваку пѣвала;
Ал' ето имъ одъ Зміяля Райко,
Нукићева пали џефердара,
Зачула га Иванова сека,
Іошъ є болѣ коло разиграла,
Кадсе колу Райко примакнуо,
Цикну писну кано змія люта,
И побѣже у біелу кулу,
За ньомесе напуштіо Райко,
Ивановой секи бесѣдіо:
„Узми мене селе Иванова!
Ако л' мене по чем' узет' нећешъ,
Кунемъ тисе, Бога т' ємца давамъ,
Нукића ћу на колацъ набити,
А тебе ћу Анђо обѣсити
О біелу Нукићеву врату!"
Райку рече Иванова сека:
„А да ми є ядной умріети!...?
На біелу нѣдру Нукићеву,
Волѣла бы, нег' загрлит' Райка!"
Кад' то зачу одъ Зміяля Райко,
Нукића є на колацъ набіо,
Анђу младу збиля обѣсіо,
Своиъ Нукићу о мртву вратић:
А Иванъ му даде свеколико,
Што є Райку быо обећао,
И нека є, право і' учиніо,
А нек' Анђи Нукић' барявтара,
И нек' Анђе Нукићу Турчину,
Тако было, ка'се пожелило —.

112.

Маркићъ.

(Одъ Попа Лакоча Вуядиновића изъ Бѣлоп.)

Оде Иво одъ града до града,
Да онъ тражи за себе ђевойку,
Докле дође у Млетке богате,
Ту находи єдну удовицу,
У нѣ бѣше ћерца мѣзиница,
Иво проси, она му є дае,
Прстенъ дае, свадбу уговара:
„Овій прстенъ за петнаесъ данахъ,
Докъ покупимъ кићене сватове."
Тад'се на трагъ дома повратіо,
Ал' га кньига съ трага сустигнула
Одъ пунице и одъ вѣренице:
„О Иване мое обреченѣ!
Обреченѣ а ма несуђенѣ!
Другій тебе препоси ђевойку,
Препросіо Бишћанинъ Алія."
Кад' є Иванъ кньиге ... разуміо,
На силу є свате покупіо,
Собомъ зове свога сестричића,
Сестричића діете Маркића,
Нейма нѣму до шеснесъ годинахъ,
Сабя мусе по долини вуче,
А џеко му по каменю туче;
Кад' су были горе усъ планине,
Ал' ево ти Бишћанинъ Аліе,
За Халіомъ Танковићу Муіо,
А за Муіомъ будалина Тале,
А за Таломъ старый Ћейфанага,
И іошъ воде ліепу ђевойку.
Єдва ихъ є Маркић' угледао,
На средъ друма пута запануо,
Пушку своюю одъ образа пали,
Те погоди Бишћанин' Халію,
Прозъ Алію Танковића Муя,
А прозъ Муя Будалину Тала,
И прозъ Тала старог' Ћейфанагу;
Свѣма имъ є окинуо главе,
Па имъ узе ліепу ђевойку,
Предаде є Сеньском' капетану,
Нека му є, честита му была.

114.

Смиляникѣ.

(Одъ истога ђака Вулике Бѣлон.)

Вино піе Смиляникѣ Илія,
Служи му га сека Анђелія,
Када лисе напоише вина,
Али вели сека Анђелія:
„О мой брате Смиляникѣ Илія!
Є ли тестырь ріечь говорити?“
Илія е секи бесѣдіо:
„А есъ тестирь!,.. а да за што ніе?“
Тада нѣму сека проговара:
„Ал'се женни, ал' мене удаи!“
Илія е секи говоріо:
„А чу ли ме моя мила секо!
Тыс' удаи ђе е тебе драго,
Я обидохъ землѣ и градове,
Наћ' за мене немогохъ ђевойке,
Ђе я нађохъ за мене ђевойке,
Ту ненађохъ за се пріятеля,
Ђе ли нађохъ за ме пріятеля,
Ту ненађохъ за себе ђевойке.“
Анђуша е брату бесѣдила:
„О мой брате Цмиляникѣ' Илія!
Я ти знадем прикладну Туркиню,
У Удбиню у Турску краину,
Мила када старца Лиманаге,
Да ѐ такве у Удбиню нейма,
Ни ѐ има у кршне Котаре;
Но напиши листъ кньиге біеле,
А пошльи ѐ у Удбину града,
Вашъ на руке Лиманаги старцу,
Нек' изведе кадунцику младу,
Нек' изведе на Зечево равно,
Ты одовуд' секу Анђелію,
Ко добіе игру и мейдана,
Ко добие нека води двіе —.“
Те уеде Илію срамота,
Па ми пише лисъ кньиге біеле,
Пошалѣ ѐ у Удбиню граду,
А на руке Лиманаги старцу:
„Чуешъ мене Лиманага старче!
Єсамъ чуіо ђе кажую люди,
Да ты имашъ кадунцику младу,
Лѣпоте іой у краину нейма,
Но изведи младу кадунцику,
Изведи ѐ на Зечево равно,
Я ћ' одовуд' секу Анђелію,
Ко добие игру и мегдана,
Ко добие нека води двие.“
Кад' Лиману ситна кньига дође,
И кад' виђе што му кньига пише,
Кньигу гледа сузе пролиева,
Опази га съ пенцера кадуна,
Пакъ Лиману была бесѣдила:
„Што е теби драгій господару!
Каква ти ѐ толика неволя,
Те ты сузе ліешъ низъ образе?
О шта ти е кньига допанула?
Али ти е кньига одъ мегдана,
Али ти е кньига одъ дивана?“
Лиманага кади бесѣдіо:
„Богъ т' убіо моя мила кадо!
Болѣ б' было да 'си ми сліепа,
Но е 'си ми дивна и лиепа;
Ево ми е кньига допанула
Одъ витеза Смиляникѣ' Иліе,
Да я водимъ, мила кадо, тебе,
Да те водимъ на Зечево равно,
Онъ ће довест' секу Анђелію,
Да играмо игру и мейдана,
Ко добие нека води двіе;
А я есамъ яданъ остарао,
Остаріо ... игре ... оставіо.“
Кад' то зачу млађахна кадуна,
Лиманаги старцу бесѣдила:
„Акосисе препануо старче,
Дай ты мени свиетло оруже,
Дай оруже, а най ти верецу!“
Та Лимана уѣде срамота,
Пакъ улѣзе у подруме долѣ,
Те изведе два найболя коня,
Єдног' себи, а другога кади,
Оседла ихъ, и опусатѣ ихъ,
Пакъ на добре конѣ усѣдоше,
И одоше горомъ и планиномъ,
Докъ дођоше на Зечево равно;
Ал' Илія пріедъ изишао,
И биелій чадоръ разапео,
Подъ шатора пие вино хладно,

Служи му га сека Анђелина,
Іошъ бесѣди Смилянићъ Илія:
„Ход' Лимане да піемо вино!“
Иліи є Лиманъ бесѣдіо:
„Вогъ т' убіо Цмилянићъ Илія!
Я 'самъ има у Удбиню вина,
Но ты недашъ съ миромъ пити вино,
Но устани да га диелимо!“
Таде скочи Смилянићъ Илія,
Састашесе два добры юнака,
Тек'се сташе, пак'се ударише,
Ћордамасе ударили были,
Докъ су обѣ ћорде саломили,
Окрньке имъ у траву турили,
Па потегли копля убоита,
И копямсе силно ударили,
Докъ и копя были саломили,
Бацили имъ у траву окрньке;
Па тргоше перне буздоане,
Стадошесе ньима ударати,
Докъ имъ были пера саломили,
У траву ихъ бачили зелену,
Чапашесе за грла біела,
Носишесе тамо и овамо,
Носишесе лѣтный данъ до подне,
Докъ обадва пѣне попануле,
Лиманагу попале биеле,
А Илію бѣле и крваве;
Стаде Лиманъ навіят' Иліомъ,
Али рече Цмилянићъ Илія:
„Ђе си моя секо Анђелія!?
Помози ми данасъ у невольи!
Ал' помози мене, ал' Турчину!“
Ну да видишъ секе Анђеліе,
Кад' довати окрнякъ одъ ћорде,
До братасе была догонила,
Окрньчиномъ брата ударила,
По сриеди по свилену пасу;
Пресече му паса свиленога,
Е ма жива недовати меса,
То кад' виђе була кадунџика,
Узе другій окрнякъ одъ копля,
Пробола є свога господара,
Лиманъ паде у зелену траву,
Лиманъ паде Смилянићъ допаде,
Те му добру окинуо главу.
Кад'се на трагъ обрну Илія,
Али бѣжи сека Анђелія,
За ньомесе напушти кадуна,
Анђелію младу уватила,
Доведе ѥ Цмилянићъ Иліи;
Но да видишъ Смилянићъ Иліѥ!
Ка' є секу на муке метнуо,
Єдне муке, саломіо руке,
Друге муке: прореза' іой дойке,
А прозъ дойке промоліо руке,
Остави ѥ на средъ друма пута,
Да ѥ гледа, когођъ туда прође,
Каква фала одъ брата сестрицы,
Коя хоће да изгуби брата.
Пакс' Илія отоле подиже,
И узеде млађану кадунку,
Вратіосе здраво и весело;
Како дошо на свое дворове,
Брже зове и попа и кума,
Покрстіо кадунџику младу,
Покрсти ѥ и привѣнча за се;
Дотле была ліепа Мейрема,
А потоле ришћанка Ружица,
И дійванъ му породъ народила,
Двіе шћеры, а четиры сына,
Да снашице незастаю зâве,
Дасе два зла у домъ несастаю —.

115.

Хайдуцы:

(Одъ Єфте Ћираковића ускока изъ Озринићахъ при Никшићу.)

Пие вино Арамбаша Вучо
У Сайвану зелену планину,
Око нѣга тридесетъ хайдукахъ,
Служи вино Палко Маџарине;
А кад'сусе понапили вина,
Тада рече Арамбаша Вуче:
„А нейма ли у дружину друга?
Да отиде друму Стамболскоме,
Да уходи одъ Кандіе врата,
Кад' ће Турцы наћерати благо?
Да идемо да ихъ пресретамо!

А тако ми Бога великога,
Да' бы нѣму добро старѣшинство:
Ево нѣму токе са рамена,
Ево нѣму исподъ мене дора,
И ево му сайна цевердана,
И ево му двіе пушке мале,
Іошъ му ево моя мила сека,
Нека му є за вѣрену любу,
Одъ четиры коя му є драга."
То зачуло тридесетъ айдукахъ,
Ал' хайдуцы никомъ поникоше,
И у землю црну погледаше,
Некій гледа како расте трава,
Некій гледа пѣшачке опанке,
Некій брои пуца на доламу,
До неброи Палко Мацарине,
Добаръ Палко Вуку бесѣдіо:
„Я быхъ тебе послушао Вуче!
Него ево муке и неволѣ!
Неуміемъ познавати Турке."
Нѣму рече Харамбаша Вуче:
„Айде Плавко мой соколе сивый!
Я ћу тебе томе научити,
Да како ћешъ познавати Турке:
Када друму Стамболскоме дођешъ,
Те угледашъ капію одъ града,
Ка с' отворе одъ Кандіе врата,
Хоће Турчинъ єданъ ишћерати
На велику хату Мисирскоме,
Па коме є ђузел-одіело,
Одиело што га понило;
На нѣму є црлѣна долама,
Одъ ліепе Млетачке кадиве,
И на нѣму двое токе Палко,
Едне токе одъ чистесу срме,
Друге су му одъ сухога злата;
Найлѣпше му кофче на чакшире,
На главу му капе и челенке;
За капомъ му седамъ челенакахъ,
Тры су ракли четири чекркли;
За тіемъ ће другій искерати
На велику хату Мисирскоме,
А шта ћу ти далѣ кажевати,
Єднако имъ руо и оружѣ;
А за нъима трећій ће изаћи,
Свесе Туре у злато облійло,
Найпрвый є калаузъ Ризване,
За нъиме є Пашићъ Оммербего,
За Оммеромъ Галебане слуго,
За капомъ му окићено крило,
На чекркси крило обрташе
У сахату све по дванесъ путахъ,
За нъиме су деветъ мазгахъ блага,
За мазгама триста пратіоцахъ."
Кад' то зачу Палко Мацарине,
За ђиздинъ є дора доватіо,
Оде нгъ нъиме далѣ нисъ планину,
А кад' дође друму Стамболскоме,
Онъ ми сврну у край друма пута,
Своза дора за єлову грану,
Паксе пенѣ на єлу зелену,
Те онъ гледа у врата одъ града,
Докс' одъ града отворише врата,
А ишћера калаузъ Ризване,
А за нъиме пашићъ Оммербего,
За Оммеромъ Галебане слуго,
И за нъиме деветъ мазгахъ блага,
Вашъ како му кажеваше Вуче;
А кад' были полю зеленоме,
Сви ми Турцы конѣ яшу съ миромъ,
Ма неяше Галебане слуго,
До нагони своега Ђогина,
Те му ђого у колаче скаче,
Ма се нѣму погледати дало,
Докъ угледа на єлу хайдука,
А кад' виђе на єлу хайдука,
Онъ ми викну калаузъ Ризвана:
„А Ризване добаръ калаузе!
Ено болань на єли хайдука!
Яли Вука, ал' нѣгова друга."
Али рече калаузъ Ризване:
„Небудали Галебане слуго!
Да ты видишъ Харамбашу Вука,
Люта бы те уфатила гроя,
Небы Турска, до чивутска, курво!
Коя држи за деветъ годинахъ."
То Турчину жа' и мучно было,
Па ми оде да вата хайдука,
Кад' то виђе Палко Мацарине,
Ђе га виђе Галеване слуго,
Онъ побѣже своѣму Дорину,
Ал' му турчинъ бѣжат' недаваше,

До потега' дугу демишкію,
Да хайдуку посіече главу,
Ал'се хайдукъ сѣћи недаваше,
До Турчину ріечъ бесѣдіо:
„Бре одбійсе Галебане малій!
Убићу те ни скочити нећешъ."
Па запали своега цевердана,
Те погоди малег' Галебана
По средъ уха, те паде безъ духа,
Турчинъ паде а хайдукъ допаде,
Те му свлачи ђузел-одіело,
Шъ нѣга свлачи, а на се облачи,
Па довати своега Дорійна,
И побѣже горы усъ планину,
А за ньиме калаузъ Ризване:
„Стан' полахко Палко Мацарине!
Да 'си юче курво побѣгао,
Данасъ бы те Ризванъ сустигао."
А кад' виђе Палко Мацарине,
А кад' виђе да утећи неће,
Онъ поврну своега Дорійна,
Па Турчину оде у сретанѣ,
Па онъ вади двіе пушке мале,
И Турчина добро погодіо,
Међу токе у прси широке,
На прсима ђуле полеміо
А на плећи пенџеръ учиніо,
Изміеша' сребро и олово,
Турчинъ паде а хайдукъ остаде:
Ма 'су пушке ташке гласовите,
Зачуо ихъ арамбаша Вуче,
Пакъ онъ викну тридесетъ хайду-
-кахъ:
„На ногете моя браћо драга!
Е 'су Палка опазили Турцы,
Ма є нѣму богъ зна до неволѣ,
Да бидемо нѣму у неволю."
Кад' то чуло тридесетъ хайдукахъ,
Скочишесе на ноге лагахне,
Полећеше долѣ нисъ планину,
Све хайдуцы како мркіи вуцы,
Лахки момцы а стрмене стране,
Докле друму Стамболскоме быши,
Западоше око друма пута,
Али Вуче на средъ друма пута
Заратіо везену шишану
Мало шѣли малѣ причекали,
Стаде клепетъ лугомъ зеленіемъ,
Докъ ево ти Палка Мацарина;
Вассъ се хайдукъ у злато саліо,
До га гледа харамбаша Вуче,
Онъ га гледа ма га непознае,
У мало га неизгуби Вуче,
Ма у Палка добра срећа была,
Угледа му грлійћъ одъ шишхане,
Па му Палко Мацарине виче:
„Немой Вуче усале ти руке!
Ово ніе малій Галебане,
До є ово Мацарине Палко!
Но пропушти мене мимо тебе,
И Пашића за мномъ Оммербега,
А ты чекай деветъ мазгахъ блага,
И за ньима триста пратіоцахъ."
То кад' зачу харамбаша Вуче,
Онъ пропушти нѣга мимо себе,
И за ньиме Пашићъ Омербега,
Мало сіо мало причекао,
Докъ ево ти деветъ мазгахъ блага,
И за ньима триста пратіоцахъ,
Ма є Вуче напуштіо Турке,
Те у Турке огањ оборіо,
Свака пушка пуче одъ хайдука,
Свака пушка уби по турчина,
Нека̑ по два, нека̑ по четиры
Па тргоше хайдчуке палоше
Разагнаше по планини Турке,
Као вуцы по равнини овце.
То кад' зачу Палко Мацарине,
Ђе є Вуче кавгу начиніо,
Онъ поврну своега Дорійна,
Те Турчину оде у сретанѣ,
Па ми срете Пашић' Оммербега,
Ђордомъ махну посѣче му главу,
Сад' отиште за дружиномъ трагомъ;
А кад' быо горы у планину,
Ал' ево ти харамбаше Вука,
Су нѣгово тридесетъ хайдука̑,
Сви му иду здраво и весело,
Свакій носи одъ Турчина главу,
А ћерају деветъ мазгахъ блага,
И све благо братски діелише.
Ха! нека ихъ, радосна имъ майка,

Блага текли, кадгођ Турке сѣкли! —.
Све чинили, како наумили —.

116.

Опетъ Смилянићъ.
(Одъ истога ускока Єфте.)

Піе вино Цмилянићъ сердаре,
А до нѣга Петре капетане,
Кад'се вина накитише руйна,
Али рече Петре капетане:
„А за Бога побратиме драгій!
Штосе побро оженити нећешъ?
Оженисе ако Бога знавашъ!
Е ти идешъ у боеве често,
Ясе боимъ е ћешъ погинути,
Да нечили юначко колѣно."
Али рече Цмилянићъ сердаре:
„А Бога ми побратиме драгій!
А я 'самсе Богу зафаліо,
Богу драгом' и срцу своѣму,
Дасе юнакъ оженити нећу
Ни Српкиньомъ ліепомъ ђевойкомъ,
Ни я побро танахномъ Латинкомъ,
Него буломъ исъ Турске краине,
Миломъ секомъ Ђулића Нухана;
Я ли ћусе оженити ньоме,
Я л' ће сердаръ изгубити главу —."
Штосе пяно влаше зарицало,
У пяности чету покупило,
Покупило тридесть Котаранахъ,
Оде шъ ньима крвавой Удбини;
А кад' дође у луге Удбинске,
Ту ми паде шъ четомъ на даниште,
Кад' свануло и грануло сунце
Жугоръ нешто стао по Удбиньи
То зачуо Петре капетане,
Онъ повикну побратима свога:
„А мой побро Цмилянићъ сердаре!
Нешто стои жугоръ прозъ Удбиню,
Код' біеле Ђуличића куле."
То кад' зачу Смилянићъ сердаре,
Онсе пенѣ єли у врхове,
Па погледа Нухановой кули,
Ал' подъ куломъ коло ђевоякахъ,
Међу ньима Златка Ђуличића;
Да каква є шинула є гуя?
Ліепа є како горска вила!
А витка є ка' и єла війта,
Іошъ є на ню одіело дивно,
Єдне плећи тры кавада жута,
Єдно срце тры ћемера златна,
А на грло тры дробна ђердана,
Єданъ ђерданъ одъ ситна бисера,
Другій ђерданъ одъ жута мерцана,
А трећій є одъ сяйна каменя,
У комесе зрацы преламаю,
Те свакакве бое издаваю;
Нѣму нейма фале ни ціене;
Ма є Златка подугачка врата,
Іошъ є ньойзи врата остануло,
Што бы стала рука одъ юнака,
Єданъ ђерданъ грло уватіо,
А другій іой на прси пануо,
Те іой бійле дойке накитіо,
А трећій іой тиче до пояса,
Те є злато на злато пануло —.
Да каква є цура у образу!?
Два образа два киьиге табака,
Ягодице румене ружице,
Обрвице двіе піявице,
Трепавице крилца ластавице,
Очи су іой каплѣ мурећепа,
Медна уста кутія шећера,
Ситны зуби два низа бисера,
Коса іой є турра ибришима,
За лѣтосе небы нагледао,
За віека небы намилово',
Да є видишъ бысе разболіо,
Да полюбишъ упутъ преболіо.
А кад' сердаръ Златку сагледао,
У юнаку срце узиграло,
Па онъ зове побратима свога:
„Ну ход' побро Петре капетане?
Да ми добро бегенишешъ злато."
Оде Петаръ на єлу зелену,
Па онъ гледа коло ђевоякахъ,
Ма є псина остарала бозна,
Немогаше Златку догледати,
До привати срчали дурбина,

Подиже му дванаесъ очникахъ,
Те онъ гледа Златку Ђуличића;
А кад' свиня сагледа ђевойку,
У нѣму є срце узиграло,
Па говори побратиму своме:
„Авай побро Смилянићъ сердаре!
Дивна ти є, шинула є гуя!
Болѣ нам' е боланъ погинути,
Но ђевойку 'наку оставити."
Али рече Смилянићъ сердаре:
„А мой побро Петре капетане!
Чекай мене тры читава сата,
Е ћу кули Нухановой поћи,
Небы лисе Златке нагледао."
Ал' му рече Петре капетане:
„А Бога ми богомъ побратиме!
Чека быхъ те и четиры дана,
А некали тры читава сата."
Но да видишъ Смилянићъ сердара!
Онъ довати бистра цевердана:
Па ми лугомъ Удбиньскіемъ пође,
Онъ е гору прегазіо мучке,
А полѣ є прекасао вучке,
Докле дође Нухановой кули,
И ономе колу ђевоякахъ,
Ал' кодъ кола тридесъ Удбинянахъ,
Међу ньима диздаръ Османага,
Каву пію а коло сеиру
Ма є сердаръ лукаво копиле,
На ђевойке окомъ и неглеа,
До отиде сердаръ међу Турке,
Іошъ ми Турски добро уміяше,
И Турцима Турски селамъ вика,
Нѣму Турцы селамъ приватили,
Код' себе му мѣсто начинѣли,
Па му редомъ даю хошђелдіе
Хошђелдіе и добродошнице,
Али рече диздаръ Османага:
„О Бога ти Турско момче младо!
Одакле си одъ кога ли града?
Чія слуга, кога л' господара?"
Али рече Смилянићъ сердаре:
„О Бога ми диздаръ Османага!
Я 'самъ момче одъ Стамбола града,
Вѣрна слуга цара честитога,
Єсамъ адумъ... султаніе чувамъ,
Па є мене царе оправіо,
Те я идемъ одъ града до града,
Те я пріймамъ игру свакояку,
Да му играт' учимъ султаніе;
Но тако ти диздаръ Османаго,
Є ли тестыръ да у коло пођемъ?"
Али рече диздаръ Османаго:
„Да лудъ ли си царевъ делибаша!
Има мене сто и двадесть лѣтахъ,
Я несміемъ тамо погледати,
А нека ли да у коло пођемъ,
Тек' ћу поћи Ђулићу Нухану,
Небы ли ти изунъ извадіо."
Па ми диздаръ до Нухана пође,
У Нухана изунъ извадіо,
Те сердару диздаръ бесѣдіо:
„Хайде море царевъ харембаша!
Хайде море те у коло пођи,
Те поиграй колико ти драго,
А жъ ђевойкомъ, коіомъ тебе драго."
То кад' зачу Смилянић' сердаре,
То є ядан єдва дочекао,
Онъ поскочи те у коло пође,
Башъ кодъ Златке коло распучіо;
Тек' да тисе нагледати друже!
Кадсе жельно двое састануло,
Растискую буле наоколо,
До ђаво му неда сѣђет' съ миромъ,
До ми оде Златку задиркиват',
А подъ грло зубомъ угризкиват',
Прекиде іой на грло ђердана,
Просу іойсе бисеръ по нѣдрима,
Одъ себе га цура отурнула:
„Нос' те ђаво харембаша Ибро!
Е тако ми дина и амана,
Да ніеси изунъ извадіо,
У мог' брата Ђулића Нухана,
Данасъ быхъ ти изгубила главу...!"
Али рече Цмилянићъ сердаре:
„А Бога ти Златка Ђуличића!
За кога си одгоила тело?
За кога си руменила лице,
Небы л' пошла за брата моѣга?"
Али рече Златка Ђуличића:
„О Бога ми харембаша Ибро!
Я ніесамъ огоила лице,

Ни ћу узет' царева Турчина,
Него Влаха изъ влашке краине,
А некаква Цмилянић сердара,
Што га тамо у Котаре кажу,
Да бољега у краину нейма,
У краини Турской ни Каурской;
Па ћу ево бозна остарати,
А сердара нигда вићет' нећу."
Ньойзи рече Смилянићъ сердаре:
„А Бога ти Златка Ђуличића!
Є с' ли какавъ єзыкъ научила,
Што ти ове цуре неумію?"
Я самъ добаръ єзыкъ научила!
Ове цурре грчки неумію,
Збори грчки грчки разуміємъ."
Тако рече Смилянићъ сердаре:
Ой бога ти Златка Ђуличића!
Бы ли по чем' познала сердара?"
Али вели Златка Ђуличића!
Быхъ я, я мнимъ, познала сердара!
Кад' є седамъ добіо мегданахъ,
На седмомъ є ранну задобіо,
То самъ чула ђе говоре Турцы,
Да є нѣму ранна на колѣну."
А да видишъ Смилянићъ сердара!
Онъ подиже гаће за колѣно
Па се чини ка' да бухе тражи,
Ал' га позна Златка Ђуличића,
О грлусе нѣму обѣсила,
Полюби га и два и тры пута,
Да ко броіо єсъ и тридесъ путахъ,
Врагъ нанесе и несрећа црна,
Оно пашче Гоена Халійла,
Те Турцима Халилъ бесѣдіо:
„Ава Турцы црнъ ви образъ біо!
Ђе пуштисте Влаха у Туркинѣ,
Те онъ люби у колу ђевойке,
Видите ли Цмилянићъ сердара?!"
Кад' то чуше Удбиняни Турцы,
Отидоше конѣ приводити,
Да ћераю Смилянић' сердара,
Ал' то виђе Златка Ђуличића,
Па сердару ріечъ бесѣдила:
„О сердаре, кукала ти майка!
Да невидишъ е си погинуо?
Познаде те Гоенный Халійле,
Да ты имашъ соколова крила,
Небы крила уніела меса,
А нека ли да унесешъ главе."
Оде сердаръ мыслит' и размышлат',
А гледати на четиры стране,
На кою ће яданъ побѣгн ти,
Докъ угледа четиры Маџара,
Они држе суру бедевію,
И воде є Ђуличић' Нухану,
Да сердару посіече главу;
Ма долеће Цмилянићъ сердаре,
Те посѣче четиры Маџара,
А уграби четиры улара,
Па посѣде бедевію суру,
Поћера є полѣмъ зеленіемъ,
Ал' му неда ђаво пролазити,
До крозъ коло наћера кобилу,
Па ђевойцы пружи десну руку,
А ђевойка нѣму обадвіе,
Онъ є за се на кобилу тура;
Увеза іой бедре у терћіе,
А ували ноге у зенђіе,
И побѣже полѣмъ широкіемъ;
За ньимесе поточъ отиснула,
Найпрвый є Гоеній Халійле
На Малійну коню дебеломе,
А кад' были у средъ поля равна,
Кобили є бреме отежало,
Достиже га Гоеній Халійле,
Па ми Златки Ђуличића виче:
„Сестро моя Златка Ђуличића!
Нагни мисе тамо ял' овамо,
Да сердару посіечемъ тлаву!"
Сердарусе цура препанула,
Изнад' нѣга руке надизала,
А Халійлу ріечъ бесѣдила:
„О мой брате Гоеный Халійле!
Я немогу тамо ни овамо,
Е ме свиня връшка утегнула
Одъ бедарахъ до на врхъ ребарахъ,
Прођи съ пріедъ Гоеный Халійле,
Нет' ли нѣга съ пріедъ ударити."
Прође съ пріедъ Гоеный Халійле,
А да видишъ муке и неволѣ!
У сердара ниђе ништа нейма,
До нѣгова шупля цевердана,

Цевердану живу ватру даде,
Те погоди Гоена Халійле,
Халійлъ паде а сердаръ побѣже,
Ма га стиже диздаръ Осман-Ага,
И диздаръ є тако бесѣдіо:
Ђери моя, Златка Ђуличића!
Ну се нагни тамо ал' овамо,
Да сердару посіечемъ главу."
Ал' є Златка ріечъ бесѣдила:
„О мой Даіо диздаръ Османаго!
Ни ти могу тамо ни овамо,
Е ме свиня влашка утегнула
Одъ бедарахъ до на врхъ ребарахъ;
Прођи съ пріедъ о мой міо Даіо!
Нет' ли нѣга съ пріедъ ударити."
Прође съ пріедъ диздаръ Османаго,
А да видишъ муке и неволѣ!
У сердара нигде ништа неима,
До нѣгова празна цевердана,
Ма се рукомъ у џепове тури,
Те извади єдну пушку малу,
Кою вазда рад' неволѣ рани,
Она спрійма литру тученика,
А олова ни хесапа неима;
Ню є ватромъ запаліо живомъ,
Те погоди диздаръ Османагу,
Посредъ уха, те паде безъ дуа,
По му главе пушка поніела,
Турчинъ паде подъ коня Зеленка,
Турчинъ паде а сердаръ побѣже,
А то чуо Петре капетане,
Па повикну тридесъ Котаранахъ,
Те сретоше Смилянић' сердара,
Западоше око друма пута,
Мимо себе нѣга пропустише,
А на себе Турке напуштише:
Те съ Турцима боя заметнуше,
Посѣкоше неколике главе;
На томесе мѣсту раздвоише,
И одоше у влашке Котаре,
Доведоше Златку Ђуличића,
Набавише и попа и кума,
Покрсти ѥ и привѣнча за се,
Пъ ньомъ живіо, силно ѥ любіо,
И шнъ ньоме є породъ породіо,
Двіе шћеры а четиры сына,
По Котара ови населише,
Сву Краину Турцима отеше,
Што бывало ваздасе пѣвало! —.

117.

Турчин-чоекъ.

(Одъ Вулине Поповића истога ђака у Бѣлопавъ.)

Закукала кукавица црна,
У средъ зиме, кад' іой ніе врійме,
По Божићу о Івааню дану,
То небыла црна кукавица,
Него майка одъ Кладуше Муя;
Она кука, єсть іой за неволю,
Муя ми є у чету справила,
Зли іой гласи ютросъ допадоше,
Ђого дође, а Муіо недође,
На ђогина седло подврнуто;
Ну да видишъ Муягине майке!
На ђогину седло направила,
За готове г' ясле привезала,
Па му зобы дае и сіена,
Гоила га за годину данахъ,
А кад' ђога добро угоила,
Онда метну ђога на телале,
Ціени га триста Маџаринахъ,
Ненађесе Кладуши юнака,
Ко ће купит' Муина ђогина;
Ко имаше парахъ несміяше,
Бояшесе да недође Муіо,
Да неузме главу и ђогина,
Ко л' сміяше парахъ неимаше.
То ѥ мало доба постануло,
Зачуо ѥ Ограшићъ сердаре,
Міо сестрићъ одъ Кладуше Муя,
Изъ домасе Але подигао,
Те онъ двору Муягину пође,
А кад' дође двору Муягину,
Ту находи Муягину майку,
Пакъ іой Хале божю помоћъ зваше,
Одговара Муягина майка:
„Богъ дай тебе Ограшићъ Алія!"
Ал' іой Але таде бесѣдіо:

„Ой Бога ти Муягина Майко!
Дай ты мене ересіомъ ђога,
За годину триста Маџаринахъ,
Кунемъ тисе и вѣру ти даемъ,
Оћу тражит' мог' Даицу Мую."
Ал' да видишъ Муягине Майке!
Нѣму дае Муина ђогійна,
Отолесе Але подигнуо,
Ево пође одъ града до града,
Онъ стотину обиде градовахъ,
И шездесетъ и двіе касабе,
Ненађе му гроба ни мрамора,
Ни ти знадде ђе погибе Муіо;
А кад' дође у Типуну граду,
На вратима двіе страже нађе,
Што чувају о Типуна врата,
Па є њима Але бесѣдіо:
Отворте ми одъ Типуна врата!"
Но говоре двіе капиціе:
Неидесе у Типуну граду,
Безъ изуна одъ Типуна бана."
Таде Але ріечъ проговара:
Кудіе самъ досле доходіо,
Нигде изунъ ніесамъ вадіо!"
Пакъ имъ нагна претила ђогійна,
Онъ прескочи біелу хавлію,
Паксе скиде съ ђога дебелога,
Истури му о ункаша узду,
Самсе ђого по авліи вода,
Але бану пође на Дивану,
Па му Але божю помоћъ зваше;
Одговара одъ Типуна бане:
„Богъ дай тебе силанъ Маџарине!"
Іошъ му бане ріечъ бесѣдіо:
„Одкуд' дође силанъ Маџарине?
Кажи мисе одъ кога си града?!"
Онсе каже одъ Беча бѣла:
„Баряктаръ самъ одъ Беча Ћесара,
Наѣдихсе я на нѣга нешто,
Пакъ отидохъ главомъ по свіѣту,
Намѣра ме оће наніѣла."
Ту сѣдоше ладно пити вино,
Даѣ имъ га банова ђевойка,
Како Алу чашу додаваше,
Сваку піе Ограшићъ Алія,
Сваку піе неокваша брка,
Но говори банова ђевойка:
„Чуѣшъ бабо одъ Типуна Бане!
Како піе силанъ Маџарине,
Башъ ка' да є соя Муягина."
Таде рече Ограшићъ Алія:
„О Бога ти о Типуна бане!
Єдда штогођъ знадешъ за Муягу?"
Нѣму вели о Типуна бане:
„Ево Муя у тавницу мою!"
Ка то зачу Ограшићъ Алія,
Онъ пошета тавницы на врата,
Па ми кличе грломъ и авазомъ:
„Єси ли ми у животу Даіо?!"
Кад' га зачу одъ Кладуше Муіо,
Аліи є ріечъ бесѣдіо:
„Одкуд' оће божій несретниче?
Коѣ' су те виле доніѣле?
Ты да имашъ соколова крила,
Небы пера изніѣла меса!"
То зачуо о Типуна бане,
Да є оно Ограшићъ Алія,
Міо сестрићъ одъ Кладуше Муя,
Онъ намигну окомъ на целата,
Целатъ махну посѣче Алію,
Пакъ извади изъ тавнице Муя,
Пакъ є Мую бане бесѣдіо:
„Мећи Муіо главу на откупе!"
Таде бану Муіо бесѣдіо:
„Даћу блага колико ти драго,
Теке мени неизгуби главу!"
Мую вели о Типуна бане:
„Имамъ блага, одъ Кладуше Муіо,
Блага имамъ хесапа му неймамъ;
Но хот' ли ми тврду вѣру дати?
Да доведешъ твою милу секу,
Да є узмемъ за вѣрену любу."
Бану Муіо тврду вѣру дава,
Да ће довест' своюю милу секу.
Кад' то виђе о Типуна бане,
Набавіо тры бербера млада,
Те бріяю одъ Кладуше Муя,
Єданъ міе, другій косу бріе,
А трећій му нокте сарезуѣ,
Пакъ му даде свіетло оружѣ,
И даде му своега вранчића,
А Муина устави ђогійна.

Отоленсе Муіо подигнуо,
Муіо горомъ и планиномъ пође,
Докле Муіо у Кладушу дође,
Ту му тежкій шенлукъ учинише,
Ту є Муіо ноћцу омркнуо;
А кад' свану, и сунце ограну,
Таде Муіо секу оправіо,
Па са Секомъ Муіос' уздигнуо,
Оде шњ ньоме горомъ и планиномъ,
Докле дође до Типуна града,
Како дође предъ Бана изиђе,
И даде му секу за любовцу,
А банъ Мую дебела ђогійна,
Іошъ му вако бѣше бесѣдіо:
„Ето Муіо твоега ђогійна,
Што мом' граду прескаче капіе,
Ал' за Хала за сестрића твога,
Да већ' нейма збора ни спомена,
Е поселе мы смо пріятельи."
Тако было ка' се и чинило.

118.

Пустахія Лука.

(Одъ попа Іована Кнежевића Войводе у Бѣлопавлићу.)

Кньигу Хасанъ Велизовићъ пише
Исъ питоме Жупе Грачанице,
Те є шилѣ подъ Острогъ планину,
А на име своме побратиму,
Побратиму пустаихи Луки,
У кньигу га мило поздравяше:
„Знашъ ли Лука кадсе братимлясмо!
Па немасмо дасе даруѣмо,
Ходи къ мене у питому Жупу,
За тебесамъ дара набавіо."
Кад' є Луки кньига допанула,
Ођедесе што мого найлѣпше,
И отиде у питому Жупу
На дворове свога побратима,
Онъ неводи друга ни єднога;
Добро га є Хасанъ дочекао,
Шире руке у лицасе любе,
За юначко здравѣ упитаю,
За готову совру засѣдоше,
Даѣ Турчинъ пиво свакояко,
Ал' придае побратиму своме,
Онъ придае траву афіуна,
Намѣнюе да мусе дріемлѣ,
Паде Лука главомъ у трпезу,
Скочи Хасанъ савеза му руке,
На руке му меће билензуке,
А на грло синциръ гвожђе тешко,
И на ноге коньске букагіе.
Пакс' отоле Туре подигнуло,
Отишло є Оногошту граду
На дворове Омер-баряктара,
Те Оммеру фата муштулуке:
„Муштулукъ ти міо побратиме!
Я самъ тебе уфатіо Луку,
Што є твога баба погубіо,
Ено ми га дома на дворове;
Свезане му и ноге и руке."
Отолесе Турцы подигоше,
Отидоше у питому Жупу,
Ту нађоше Луку савезана,
Омеръ га є ногомъ ударіо;
„Копиляне Пустаия Лука!
Чіега си погубію баба?"
Па отоле одведоше Луку,
Скидоше му зинциръ гвожђе тешко,
И съ ногухъ му мичу букагіе,
На руке му метаху конопе,
Па га воде Оногошту граду;
Кад' су были посредъ Сливя равна,
Но говори Омербаряктаре:
„Копиляне Лука Пустахія!
Видишъ тврда Оногошта града,
Колико є на нѣм' главе мртве,
И твоя ће онђе окапати."
Кад' то зачу Лука Пустаия,
Турчину є тіо говоріо:
„Прођи месе Омеръ баряктаре!
Давносе є Лука осветіо,
Ћераюћи конѣ и волове,
И сіекућ' пасѣ Турске главе."
То Турчину мучно жао было,
Одъ пояса саблю извадіо,
Махну сабіомъ да га посіече,
Лука ядань руке надодае,

Пресѣче му на руке конопе,
Кадсе Лука рукухъ дофатіо,
О Турчина хитро одскочіо,
Па покупи комунско каменѣ,
Турчина є у главу удріо,
Мртво Туре паде на долину,
Скочи Лука посѣче му главу,
И узе му коня и оруже,
Здраво пође у Бѣлопавлиће;
Скупи Лука седам-осамъ другахъ,
И отиде Жупи Грачаницы,
На біѣле овце Хасанове,
Башъ Хасана свога побратима,
Посѣче му два близанца сына,
И ођера овце свеколике,
Вратіо му вѣру, за невѣру —.

119.

Маркова женидба.

(Одъ Николе Митровића ускока Морачкога.)

Прва ріечь: Боже нам' помагай!
Друга вазда: Хоће акобогда!
На овоме мѣсту и свакоме,
Домаћину и у домъ ко му є.
А по томе, браћо моя драга!
Ако умѣхъ пѣсну да ви кажемъ:
Краљићъ Марко сѣде на вечеру,
Са нѣговомъ остараломъ майкомъ,
А майка му руйно служи вино,
Па кадесе вина напоише,
А одъ вина радость опазише,
Дође лице како руйно винце,
Таде майка Марку бесѣдила:
Што ме Марко мучишъ остаралу?
Тесе сынко некће оженити,
Некће мене снаху испросити,
Мене снаху тебе вѣрну любу?
Немогу ти хизметъ учинити
У твоѣму господцком' оџаку,
Немогу ти служит' вино руйно."
Тада Марко майцы бесѣдіо:
Млого землѣ и градовахъ пројогъ,
И ненађохъ за мене ђевойке,
Ђе ли нађогъ за мене ђевойку,
Ту ненађохъ пріятеля за те,
Съ ким' бы пила црвенног винца;
До 'во єдномъ майко Євросима,
Віяхъ майко у землю Маџарску,
Дођогъ мале на бунаръ на воду,
И ту виђогъ на бунаръ ђевойку,
Каде самъ є майко сагледао,
Окренусе око мене трава,
Имахъ панут' са Шарійна мога,
Ђерца бѣше краля Шишманина,
И та бѣше за мене ђевойка,
За те мале добры пріятельи,
Съ ким' бы пила црвенику вино."
Таде Марку рече Іевросима:
„Хайде Марко те проси ђевойку!
Тада Марко рече Євросими:
„Како съ ютра біо данакъ доће,
Міеси ми лахке брашненице,
Оћу поћи да просимъ ђевойку,
Оћу тебе волю испунити,
И тебе ћу снаху добавити."
А кадъ зачу майка Іевросима,
То є ньойзи врло мило было,
Некће она ни зору чекати,
До міеси лахку брашненицу,
Све до зоре майка сигурала,
Каде свану и данакъ настану,
Тесе Марко Кралѣвићъ спремаше,
Масе Марко дивно ођенуо,
На се ђузелъ ђенсію тура,
А на ноге меневли чакшире,
На чакшире ковче єждирліе,
А на кофче сребрне синџире,
На синџире златне трепетльике,
Што Туркинѣ носе исподъ грла,
А Марко ихъ тура по ногама;
Па на тело бурунџукъ кошулю,
На кошулю црвену доламу,
На доламу токе позлаћене,
А на главу самуръ и челенку,
Златне ките пале му до паса,
И одъ токахъ ђуле поклониле
И то Марку згодно одговара;
Паксе жицомъ златномъ утегнуо,

И о бедры саблю принасао,
Пале златне ресе до травице,
Свакій чифтъ є одъ жута дуката,
Таде Марко на млађе повикну:
„Дайте слуге дебела Шарійна!“
А слуге му Шара изведоше,
И Шара су дивно опремили,
Оседлали седломъ сребрніемъ,
Зауздали ђемомъ найлюћіемъ,
А турили златна силембета,
Па по седлу пулли-хабахію,
Све ђумишли пулле и топчаза,
Прекрише га чохомъ до колѣна,
Одъ колѣна ресе до копита,
А по чоси жицомъ извезено
Све одъ срме и жежена злата;
На нѣгова седла у ябуцы
Истурена два камена драга,
Што вальяю два царева града,
Види Марко ити безъ мѣсеца,
Како у данъ кад' огріе сунце,
Свіетле му два драга камена.
Онъ обѣси топузъ о ункашу,
У коме є сто и двадесть ѡкахъ,
Съ друге єтране у мѣшини вино,
Мало више у мѣшини было,
Некрива му ни тамо ни амо,
Прекрстисе Шара закрочіо,
Па є Марко ріечъ бесѣдіо:
„Остан' зъ богомъ майко Іевросима!“
Марку майка лѣпшу одговара:
Поћи зъ Богомъ Марко у добрый-часъ,
На путу ти добра срећа была!“
То му рече, и ођера Шара,
Оде Марко земльомъ и свіетомъ,
Проће Марко четересъ градовахъ,
А толико трое паланакахъ,
Докле доће у землю Мацарску,
А предъ кулу краля Шишманина,
Виће кралю са біеле куле,
Па слугама ріечъ бесѣдіо:
„Айте слуге те сретите Марка!
До землѣсе црне поклоните,
И подъ ньиме Шара прифатите,
Немойте му обискиват' скуту,
Ялн скуту ял' біелой руцы,
Може быти да є пяпанъ Марко,
Те ве Шарацъ хоће погазити,
А грдну ве ђецу оставити.“
Омахъ слуге краля послушале,
И сретоше Кралѣвога Марка,
До землѣсе црне поклонише,
И подъ ньиме Шара прифатише,
Таде Марко Шарійна осѣде,
И отиде на біелу кулу,
На ноге га кралѣ дочекуе,
Шире руке па у лицас' любе,
Питаюсе за миръ и за здравѣ,
Па сѣдоше, тесе одморише;
Брже слуге совру поставише,
Доніеше сладкишъ и ракію,
И за мезу сваку ђаконію,
Принієще муселеза вина,
Доксе Марко вина напоио,
Процавће му ружа на образу,
Таде съ кральомъ бесѣдити поће,
И просити за себе ђевойку,
Марко проси даде му є кралѣ;
Докле Марко испроси ђевойку,
Похарчіо ціо товаръ блага,
А докъ тури прстенъ на ђевойку,
Похарчіо хиляду цекинахъ,
Теке што є Марко похарчіо,
Кралю све є у вину попіо,
Іошъ га доста ніе напоио.
Таде поче уговарат' Марко,
Колико ће куппити сватовахъ,
Кад' ће Марко доћи по ђевойку,
А то слуша кралѣва кральица
Па є Марку тіо бесѣдила:
Міо зете Марко Кралѣвино!
Куппи сватахъ колико ти драго,
Вазда самъ ихъ дочекати кадра,
Тек' те молимъ да мой зете міо,
Неводи ми туђина ђевера,
До я брата, ялн братучеда;
Акол' неймашъ тога ни єднога,
Зови Марко богомъ побратима,
Побратима Земльића Шћепана,
Дѣвойка є на свіету красна,
Нейма друге нак' у горы виле,
Ясе боимъ срамота ће быти...“

А кад' быше на сред поля равна,
Віяръ вѣтаръ пухну одъ планине,
Танакъ бѣше дувакъ на дѣвойцы,
На главу іой дувакъ устуріо,
Указасе на ђевойцы лице,
Ка' на зоры звіезда даница,
О сватовахъ нико невиђаше,
Доко кума дужда Млечанина;
Како куми лице сагледао,
На кумусе хашикъ учиніо,
Па кад' буше на конаку првомъ,
Таде дужде рече Млечанине:
,,О ђевере Землъићу Шћепане!
Издай мени Маџарке ђевойке...
Мое куме... твое снаше миле,
Ево теби пуна чизма блага."
За то Землъићъ главу неокреће,
А ту тавну ноћцу заноћише,
Како свану рано подранише,
И одоше горомъ и планиномъ,
А кад' быше на друге конаке,
Но све дужде мысли Млечанине
Та како ће облюбит' Маџарку,
Опеть вели Землъићу Шћепану:
,,О ђевере Землъићу Шћепане!
Издай мене Маџарку ђевойку,
Снаху твою милу куму мою,
Ево теби чизме двіе блага."
Одиста є издати оћаше,
Чека више да измами блага,
Па ту тавну ноћцу заноћише,
Како свану рано подранише,
Ѣзде они горомъ и планиномъ,
Докле буше на трећем' конаку,
Рече опет дужде Млечанине:
,,О ђевере Землъићу Шћепане!
Издай мене Маџарку ђевойку,
Куму мою, милу снаху твою,
Ево теби и тры чизме блага!"
На благосе Землъићъ слакоміо,
Те за благо продаде поштенѣ,
Издаде му куму снаху милу,
И даде є нѣму подъ чадора,
Виђе млада Маџарка ђевойка,
Виђе млада да є пріевара,
Стои млада сѣсти неоћаше,
А рече іой дужде Млечанине:
,,Сѣди кумо Маџарко ђевойко!"
А Маџарка нѣму бесѣдила:
,,Рашта куме да нађешъ одъ Бога?
Рашта хоћешъ да облюбишъ куму?
Вогсе хоће прогнѣвити на те,
Над' тобомсе небо проломити,
А подъ тобомъ земля провалити."
Но дужде іой рече Млечанине:
,,Кумо моя Маџарко ђевойко!
Я 'самъ седамъ кумахъ облюбіо,
Седамъ досле кумахъ вѣнчаніе,
Па се міе небо проломило,
Ни пода мномъ земла провалила,
До ход' сѣди друга быт' неморе!"
А Маџарко мудра и разумна,
Па іошъ нѣму рієчъ бесѣдила:
,,Стара ме є майка проклиняла,
Да нелюбимъ брадата юнака,
Потлѣ момче младо голобрче,
Како што є Марко Кралѣвићу,
Сѣмъ ако ћешъ мене послушати:
Да обріешъ дужде свою браду,
Таде ћешъ ми облюбити лице."
Премударъ є дужде Млечанине,
Мударъ быо, паксе манит' нађе,
Те є свою браду обривао,
Маџарка є узела у руке,
Па у златанъ яглукъ завіяла,
Па є млада у нѣдарца тура,
По и дужду рієчъ бесѣдила:
,,Ну изиди на врата шатора!
Да ми кажешъ ђе коначи Марко,
Да я виђу є ли Марко близу,
Може Марко чути я виђети;
Па ни теби добра было небы,
Акамоли мене и ђеверу,
Ђе є воля быће и неволѣ! —"
Изидоше на врата чадора:
,,Видишъ кумо Маџарко ђевойко!
Ђе 'но гори тридесетъ венерахъ,
Неће Марко чути ни виђети."
Нѣму млада говори Маџарка!
,,Айде уђи подъ чадора куме!"
Бржес' дужде врну подъ шатора,
А Маџарка врата притворила,

Па на врата резу натурила,
Па утече подъ чадора къ Марку;
Каде уђе подъ чадора млада,
Сѣде млада Марку више главе,
Марко спава ништа неопажа,
А Мацарка грозне сузе валя,
Марка сузе грозне покапале,
Жалостиве па га опржиле,
Скочи Марко ка' дасе помами:
Кад' ђевойку Марко сагледао,
Па є ньойзи ріечъ бесѣдіо:
„О ђевойко соя хоряскога!
Ђе неморешъ дочекати млада
Докле дођешъ у Прилипа града,
И докъ божій законъ савршимо."
Ма ђевойка Марку бесѣдила:
„Карай кума дужда Млечанина!"
Па све Марку по истини каже,
А Марко іой ништа невѣруе,
Испатъ млада у нѣдры носаше,
Па га Марку тури на колѣно,
Кад' є Марко браду сагледао,
Виђе Марко да истина бѣше,
Єдва Марко зору дочекао,
Како свану Марко подраніо,
Побратиму подъ шатора уђе,
Па ми шъ ньиме говорити пође:
„Е се снаха на ђевера фали!"
Нешто Земльићъ изговорит' ћаше,
До му Кральићъ Марко недаваше,
Сабльомъ махну посѣче му главу,
Пође куму своме подъ чадора,
Па онъ куму подъ чадора уђе,
Наксе шъ ньиме разговарат' пође:
„На те мисе кума пофалила,
Е 'си куму на стиму водіо,
И твою іой браду даривао,
И я ћу ти за стиму пріймити,
Твою милость поштенѣмъ вратити."
Тад' му стаде дужде бесѣдити,
Лагат' оде до му непомага,
Бы слагао, до неда му брада;
Таде Марко дужду бесѣдіо:
„Све ћу тебе куме вѣровати,
Ако ти є брада осванула,
Брада дивна на манитой глави,
Теке кад' те надмудри ђевойка,
Ту неймаде ни главе ни браде,
До тек' бруке и грдила свога."
Іоште дужде бесѣдити ћаше,
До Кральићъ му Марко недаваше,
Сабіомъ махну посѣче му главу,
Па ђевере двое поставіо,
И одоше земльи по ћенару,
И дођоше біелу Прилипу,
Све ихъ дивно Марко дочекао,
Гради свадбу за петнаесъ данахъ,
А кадасе свадба разметнула,
Зове кума краля одъ Будима,
Те га вѣнча съ Мацаркомъ ђевойкомъ.
Одъ насъ пѣсна и помоћъ одъ Бога,
Да поможе у домъ домаћина,
Іошъ комусе у домъ намѣріо,
Све му здраво и весело было,
И ђурђева данка доживило:
Све у славу Бога истинога
А у здравѣ владыке светога,
Коино є нама на Цетинѣ,
Да му Богъ да и животъ и здравѣ,
И у роду радость и веселѣ.

120.

Жеравица Війдо.

(Одъ истога Благоте Бѣлопавлића.)

Вино пію до два побратима,
Е га пію на врхъ Косовога,
Едно ми є Воиновъ Милошу,
А друго є Жеравица Війдо,
Па кадасе понапили винца,
Е се Війдо за бркъ доватіо:
„Десный брче ђе ћешъ окапати!?
Оли остат' стойну Цариграду,
Ал' ћешъ остат' ође у Косово?"
У ріечи кою бесѣђаше,
Погледао посредъ Косовога,
Онъ угледа пунъ барякъ Туракахъ,
Ца своѣм' ихъ побратиму каже:
„А ну виђи міо побратиме,
Погледай ми штосамъ угледао,
Ено Турак' у наше Косово!

Да бѢжимо утеħ' неморемо,
Да можемо неимамо када,
Да чекамо, чекат' несмѣемо."
Алсе конях добріех дофате,
Поскочише пол̀Ѣмъ Косовіемъ,
Но ихъ были Турцы поћерали,
А кад' были насредъ Косовога,
Тако Війду лоша среħа была,
Коньицъ му є ногу ишчашіо,
Таде Турцы облеħеше Війда,
Но є Війдо и одвише юнакъ,
Одъ пояса двіе пушке трже,
Одъ образа живу ватру пали,
Те обори два найболя друге,
Таде Війда уфатише Турцы,
Нехоте га ни клати ни сѢħи,
Но му вежу руке наопако,
И воде га своему везиру;
Кад' га своме доведу везиру,
Ту є Війде и више копиле,
Овако є везиру зборіо:
„О везиру драгій господаре!
Немой мене изгубити оħе,
По тришъ ђу ти измѢритсе благомъ."
На благосе везиръ слакоміо,
Довати га за біелу руку,
И тиште га у ледну тавницу,
Те тамнова за неђелю данахъ,
Кадсе пуна испуни неђеля,
Атол' иду неколико булахъ,
Изгреблесе и кукаю: „Леле!
Ай помагай честитій везиру!
А помагай на Війда крвника,
Е ни вражѢг' брата неостави,
Недавно ихъ тридесть изгубіо;
Акол' Війда изгубити неħешъ,
Мы одосмо цару на Дивана,
Казати му што є и како є,
Па везире чувай свою главу."
Везирсе є добро препануо,
Те онъ Війда вади исъ тавнице,
А ка' виђе Жеравица Війдо,
Е ħе ядань сада погинути,
Онъ говори Турскоме везиру:
„Ой тако ти честитій везиру!
Подай мене дивит' и хартіе,
Е ħу писат' листъ кньиге біеле,
Да га шилѢмъ остаралой майцы,
Да йой кажемъ ђе є мое благо."
Оно везиръ єдва дочекао,
Доватіо дивитъ и артію,
Неписао чимсе кньиге пишу,
Но изъ грла своіомъ црномъ крвомъ,
Па кад' бью кньигу накитіо,
Одиста га изгубит' оħаше,
Но 'є Війдо іошъ више копиле,
Везирову ħорду докопао,
А кад' виђе честитій везире,
Земльи паде молит' мусе стаде;
„Немой мене Війдо изгубити!
Право ħу ти судит' у Туракахъ."
За то Війдо необрħе главе,
Махну ħордомъ главу му посѢче,
Па везирска зграбіо єдека,
БѢжи отле кро сву Турску войску,
Війдо бѢжи землъомъ и градовма,
Кои бы га изгубити мога',
Оній Війда изгубит' неоħе,
А ко ħаше оній немогаше,
Оде Війдо здраво и весело,
Дома наħе Воиновъ Милоша,
Све му што є и колик' є каже,
Паксе таде побре целиваше,
И милога Бога прославяше.

121.

Смртъ Маркова.

(Одъ Петра Вуканова изъ Мораче.)

Горомъ греди Крал̀Ѣвиħа Марко,
На Шарчиħу коню великоме,
Оде мусе Шарацъ потицати,
Низъ образе сузе просипати,
Крал̀Ѣвиħъ му бесѢдіо Марко:
„Дура Шаро, дура мое добро!
Одкакосамъ тебе набавіо,
Ево данасъ сто и шесть годинахъ,
Ніесисе нигда спотакао,
И низъ образъ сузе просипао,
То ли ħемо оба погинути,
Яли оба, ял' єданъ Шарійне."

А вила га са горе кликала:
„О деліо Кралѣвићу Марко!"
Ћерай коня на вргъ одъ планине,
На Урвину широку равнину,
Надклонисе на бунаръ на воду,
Па ћешъ вићет' ђе ћешъ умріети."
А Кралѣвићъ наћера Шарчину,
На Урвину широку планину,
Надклонисе на бунаръ на воду,
А кад' виђе да ће умріети,
Тада Краљићъ Марко проговара;
„О свіету лаживый цвіету!
Живлѣгъ триста и седамъ годинахъ,
Данасъ ми є умріети жао,
Ка' и юче да 'самъ настануо."
Па дебела посѣче Шарійна,
Затури га подъ букову шушлѣ,
Сломи копѣ на двое на трое,
Па га тури у бунаръ у воду,
Ваци топузъ съ Урвине планине,
Дотури га у воду Дунаво;
Свуче Марко зелену доламу
Простріе є на земльицу црну,
На ню Марко боловат' отиде,
Па довати дивитъ и артіе,
Те написа листъ кньиге біеле,
И тури є друму на средину,
А заћеде у єлову грану,
Ньомсе Краљићъ поздравіо Марко,
Побратиму старцу Патріару,
Одъ біеле Вилендара цркве,
Іошъ у кньизи бесѣдіо Марко;
„Носите ме цркви филендару,
Закопайте подъ патосъ одъ цркве,
Нечините ми гроба ни мрамора,
Нексе бое по краини Турцы,
И одъ мртва Марка Кралѣвога."
Іошъ остави тры ћемера блага,
Єданъ ћемеръ ко га онђе нађе,
Другій ћемеръ ко ђе носит' Марка,
Трећій ћемеръ за опиеванѣ-
Паксе Краљићъ преставіо Марко,
Лежи мртавъ за нећелю данахъ,
Когодъ Марка мртца наођаше,
Свакъ мняваше да Марко спаваше;
Нико къ нѣму налѣст' несміяше,
Но свраћаше съ пута покрай пута,
Е ђе сана пробудити Марка,
Па му Марко изгубити главу;
Докъ ево ти црна калуђера,
Изъ біеле Виленадара цркве,
Іоште шъ ньиме Міаила ђака,
Кад' ли мртва сагледаше Марка,
Одъ Маркасе мртва препадоше,
Свакъ мняваше да Марко спаваше,
Покрай пута свраћат' отидоше,
Угледаше біелу хартію,
У єловой заћенуту граны;
Кад' калуђеръ кньигу проучіо,
Алсе Марко бѣше преставіо,
Па дебела одяха ђогійна,
Кралѣвића мртва товаріо,
Оћера ге Вилендары цркви,
Закопа го подъ партосъ одъ цркве,
Нечини му гроба ни мрамора,
Нексе бое по краини Турцы,
И одъ мртва Марка Кралѣвића,
А узе му тры ћемера блага,
Узео є што є заслужіо,
Кад' є Марка мртва послужіо.

122.

Женидба Огнян-Вука.

(Одъ Димитрія Войводића Игумна у Мру Жупе Грачаничке.)

Подраніо Огнянине Вуче,
Подраніо у лов у планину,
У нећелю на Васкрсеніе,
За ньим' стара майка пристаяше,
А те нѣму тіо говораше:
„Неид' тамо Огнянине Вуче!
А нейдесе ютросъ у планину,
Но се ютросъ иде къ Намастыру,
Да се молишъ Богу по закону,
Да остоишъ божествену тайну."
Вукъ біяше майку неслушаше,
Но отиде горы усъ планину,
Кад' є быо на друму зелену,
Кад' ево ти на друму ђевойка,

За пасомъ іой шипка одъ челика,
А узъ рамо злаћена стріела,
Тіо Вуче њойзи проговара:
„Макс' отоле са друма ђевойко!
Е л' немогу гріешити душу,
Ни ти мою саблю поганити,
Быхъ ти младой осѣкао главу,
Яли твое лице нагрдіо,
Или твое очи замутіо...“
Тіо нѣму млада проговара;
„Чу ли Вуче єдиній у майке!
Я быгъ теби очи опалила,
И зенице црне извадила,
Осветила побратима мога,
Побратима Марићъ Усеина,
Што си нѣга погубіо лани
На Кружчицу на воду студену;
Майку ты му завіо у црно,
Оставіо майку самохрану,
Оставіо секу бе заклетве,
Ка' и твое што ће' останути,
Данасъ, Вуче, у горы зеленой,
Да одъ кога небы ни жаліо,
Одъ ліепе на друму ђевойке.“
За то Вуче ни хабера неймa,
Него пође мало напріеда,
Неће л' бѣлу вилу уфатити,
Виђе вила да є погинула,
Она запе стрелу за тетиву,
Она гађа Вука Огнянина,
Лахко гађа добро погодила,
Посредъ паса да нечини гласа;
Вуче паде у траву зелену,
Вуче паде а вила допаде,
Неће ли му очи извадити,
Виђе Вуче ђе є погинуо,
Богомъ куми пребіелу вилу:
„Богомъ сестро одъ планине вило!
Немой мени очи извадити,
Ни ти мое лице нагрдити,
Чини мисе нећу умріети.“
Війла была за Бога пріймила,
Па є нѣму животъ опростила;
Па юнака тури на ђогина,
А посла га двору біеломе,
По соколу Комненъ барякtару,
Іошъ є вила Вуку говорила:
Побратиме Огнянине Вуче!
Када дођешъ твом' біелу двору,
Заклописе у шикли-одаю,
А ђе тебе нико недолази,
Я ћу доћи на пенцеръ одъ куле,
И доніет' быля свакояка,
Я ћу твое ранне извидати.“
Оде Вуче двору біеломе,
Кад' ли дође свом' біелу двору,
Заклописе у шикли-одаю,
А ђе Вуку нитко недолази;
Ћаше ядна остарала майка,
Да превія своме сыну ранне,
Но іой неда Огнѣнине Вуче,
А то време за мало стануло,
Ал' єво ти одъ планине виле,
Она носи былѣ свакояко,
Она вида Огнянина Вука,
Видала га те га извидала,
Па є она Вука оженила,
Другомъ виломъ изъ горе зелене,
О а вѣнча Огнѣнина Вука,
Вукъ є съ виломъ породъ изродіо,
Породіо Змай и Огнянъ Вука,
Па сѣмъ здравѣ и помоћъ одъ Бога,
Нек' такога Срба свакоега! —.

123.

Оклада.

(Одъ Перована Марушића изъ Дабоевићахъ села у Бѣлоп.)

Вино пиле Србске воеводе
У Призрену у стойноме граду,
Међу њима Србскій царь Шћепане,
А кадасе напоише вина,
Онда вели Србскій царь Шћепане:
„Е тако ви Срби браћо драга:
Ђе градисмо велѣ грађевине,
По свіету млоге задужбине,
Градисмо ихъ ама некитисмо,
Да л' у мене воеводе неймa?
Да отиде Млетку питомоме.“

Све войводе никомъ поникоше,
Ма нехоће Воиникъ Милошу,
Цару гледа међу очи црне:
„Я ћу отић' Млетку питомоме,
Да направимъ крсте и иконе,
Ну ми подай танахну ђемію,
И ну дай ми два товара блага.“
Све му даде рíечъ нечиняше,
Оде Милошъ у Млетке бíеле,
А ка дође Млетку питомоме,
По майсторахъ благо растуріо,
Те онъ гради крсте и иконе,
Градіо ихъ тры године дънахъ,
Кадсе трећа пуна намирила,
Онъ окупи крсте и иконе,
А меће ихъ у танку ђемію,
Увезесе моремъ дубокіемъ,
А кад' мору быо у пучину,
Опакій му вѣтаръ ударіо,
Оћера га опакіемъ трагомъ,
А догна та подъ Которомъ градомъ,
По дворове одъ Котора бана;
Ту га тавна ноћца оставила,
А біо ге данакъ прифатіо,
И одъ горе огріяло сунце,
Но шетасе одъ Котора бане,
У прошетньи видіо ђемію,
Па отиде мыслит' и размышлят',
Чія і' оно танахна ђемія,
Пододцкансе бане осѣтіо,
Е ђемія Воиникъ Милоша,
У прошетню до ђеміе дође,
Па Милошу божю помоћъ зваше,
Милошъ му є дивно приватіо,
Него рече одъ Котора бане:
„А за Бога Воиникъ Милошу!
Є ли тестиръ улѣст' у ђемію,
Да я виђу крсте и иконе.“
Но му вели Воиник' Милошу:
„А есъ тестиръ, а да за што ніе!?“
Па улѣзе бане у ђемію,
Онъ премеће крсте и иконе,
И вако є бане бесѣдіо:
„Благошъ ми ти Воиникъ Милошу!
Єсу дивне иконе и крсти,
Валяле бы светоме Трипуну,
Акамоли вашой грађевини.“
То жа было Воиник' Милошу,
Па є 'вако бану бесѣдіо:
„А тако ми одъ Котора бане!
Єсу наше лѣпше грађевине
Одъ вашега светога Трипуна,
А ну стани да ти неку кажемъ:
Милошева на Херцеговину
И лѣвша є бане и боля є,
Одъ вашега светога Трипуна;
Сопоћана кодъ истока Рашке,
И лѣпша є бане и боля є,
Одъ вашега светога Трипуна;
А каква є Студеница црква,
И лѣпша є бане и боля є!
Одъ вашега у Которъ Трипуна.
У лугови Ђурђеви ступови
И лѣпшій су бане и больи су:
А каква є у Морачу црква!?
И лѣпша є бане и боля є
Одъ вашега у Которъ Трипуна.
Ма каква є црква у Дечане!
А тако ми свашта на свíету,
Я мнимъ такве нейма по свíету,
Немогу є преврћи талійромъ;
А вашега светога Трипуна
Быхъ преврга' тешкіемъ топузомъ.“
То є бану іошъ мучніе было,
Отидоше па се зарекоше
Банъ у благо а Милошъ у главу,
Пакс' отоле ова подигоше,
Кад' су были предъ бíелу цркву,
Трый путасе Милошъ поклоніо,
А овако рíечъ бесѣдіо:
„Опрости ме пребíела цркво!
Е се хоћу турит' преко тебе
Све одъ силе Которскога бана.“
Па є тежкій топузъ доватіо,
Милошъ топузъ тура прео цркве,
Далеко є цркву натуріо,
Паде топузъ бану на дворове,
Бíеле му дворе саломіо,
А у дворе любу погодіо,
И код' любе два близанца сына,
Све є трое мртво направіо;
Зли гласови бану долазаху,

Али бане оправіо слуге,
Уватише Воиниħ' Милоша,
Турише га у дно одъ тавнице,
Ту тамнова за петнаесъ данахъ,
Докле мусе доядило было,
Па набави дивитъ и хартію,
Па написа листъ кньиге біеле,
А посла ѥ у Призрену граду,
А на руке Србском' Цар'-Шħепану:
„Ал' нечуєшъ, ал' хабера неймашъ?
Е є мене бане уватіо,
Туріо ме у дно о тавнице.“
Кад' є цару кньига допанула,
И кад' види што му кньига збори,
Онъ є другу ситну направіо,
А посла ѥ одъ Котара бану:
„Морре чуѣшъ одъ Котора бане!
Одпушти ми Воиниħъ Милоша!
И подай му крсте и иконе,
И дай нѣму лахке пратіоце!
Акол' ми га одпратити неħешъ,
Кунемъ тисе а вѣру ти даемъ,
Я ħу цара силу покупити,
А удрити на Котора града,
Котора ħу града похарати,
А тебе ħу жива уфатити.
Па помысли како ħе ти быти.“
Каде бану кньига допанула,
И кад' виħе што му каже кньига,
Онъ по евему оправіо слуге,
Да изваде Воиниħ' Милоша,
Дає нѣму крсте и иконе
И сувище два товара блага,
И наħе му лахке пратіоце,
Увезесе моремъ дубокіемъ,
Добаръ му є вѣтаръ запухао,
Извезесе подъ Призрена града,
Здраво доħе дома на дворове,
Люби майку и цара у руку,
Здраво біо, ко тако чиніо! —.

124.

Вишестручный мейданъ.

(Одъ Мояша Бѣлопавлиħа.)

Кньигу пише Ковачина Рамо,
А посла є Иву Сенянину:
„О Иване Сеньскій капетане!
Я 'самъ чуо и кажу ми люди,
Е 'си юнакъ силанъ настануо,
А ни мене некуде дружина,
Но ако си юнакъ одъ юнаштва,
Айд' изиди у Кунор̆ъ планину,
Да свіетлій діелимо мейданъ;
Собомъ узми Мандушиħа Вука,
На моѥга Будалину Тала,
Собомъ узми Гавранъ арамбашу
На моега Ибриħъ Асанагу.“
Каде Иву ситна кньига доħе,
Те онъ виħе што му ситна пише,
Кньигу гледа на ноге скочіо,
А покупи любивну дружину,
Па отиде гори усъ Кунару,
У Кунару на дугу поляну,
Ал' є првый долазіо Рамо,
Но говори Сенянине Иво:
„Божя помоħъ Ковачина Рамо!“
Онъ му божю помоħъ неприфаħа,
Но скочіо одъ землѣ на ноге,
А остру є извадію ħорду,
Недаде му починути трудну,
Но на ħорде, тесе ударили;
Ма кудіе удараше Рамо,
Изъ ранахъ му живій огань скаче,
А кудіе удараше Иво,
По тры литре поліеħе меса,
Но ето ти муке и неволѣ,
Погонесе тамо и овамо,
Докъ на Рама нестанула глава,
Иво узе главу и оружѣ.
Но говори Хрньо Мустафага:
„Хайде тамо Сенянине Иво!
Добіо си на мейданъ юнака,
А устани Цмиляниħ' сердаре
Да біели мейданъ діелимо.“
Сердаръ скочи о землѣ на ноге,

На остресе ударише ћорде,
Пређе Хрньо Мустафага махну,
И сердара дивно ударіо,
По капицы и по перяницы,
Падоше му на долину пера,
Прштаху ихъ коньи копитама,
Самъ говори Цмилянићъ сердаре:
„Ахъ камене пера на юнака!
Я 'самъ мнява є 'су на юнака.“
Махну болѣ а примчесе ближе,
Турчина є дивно дофатіо,
На довату по біелу врату,
Докъ му скочи на долину глава;
Сердаръ узе главу и оруже,
Но говори Будалино Тале:
„Хайде тамо Цмилянић' сердаре!
Добіо 'си на мейданъ юнака,
А устани Мандушићу Вуче,
Да юначкій мейданъ діелимо.“
Вукъ устаде, ріечъ нечиняше,
На остресе ударище ћорде,
Но ето ти муке и неволѣ,
Єсъ у Тала кулашъ одъ мейдана,
Често пада на прва колѣна,
Те га ћордомъ надвысуе Вуче;
Тале махну тамо и овамо,
Те на Вука нестануло глава,
Но говори Гавранъ арамбаша:
„Айде тамо Будалино Тале!
Добіо си на мейданъ юнака,
А устани Ибрићъ Асанаго,
Да витежкій діелимо мейданъ.“
Ето муке и неволѣ драге,
Ете Хасанъ устат' несміяше,
Заръ онъ коня одъ мейдана нейма,
Но Богъ уби Будалину Тала,
Онъ му даде нѣгова Кулаша,
Тексе стали, тексе ударили,
Но да ти є стати па гледати!
Ка' є ячій Гавранъ одъ Хасана,
Ка' є Кулашъ больій одъ вранчића,
Но бесѣди Будалино Тале:
„Дура куле, дура добро мое!
Ну ты пушти Гавранова Вранца,
А довати Гавранъ арамбашу,
Ньим' удари о зелену траву.“
Но-му пустій Турски разуміе,
Те Гаврана бѣше доватіо,
Ньим' удари о зелену траву,
И Хасанъ га посѣчи оћаше,
Но недаде Цмилянићъ сердаре,
Нег' одъ себе сабльомъ ударіо,
Докъ му скочи на долину глава;
Каде виђе Будалино Тале,
Плећи даде біежати стаде,
За ньимъ игра Гавранъ арамбаша,
Одиста га посѣчи оћаше,
Но му неда Сенянине Иво:
„Не Гавране наша харамбашо:
Нека иде Будалина Тале,
Е ни Турцы нете вѣровати,
Но те рећи е ихъ преварисмо.“
Тако Боже вазда ни помагай!

125.

Два брата.

(Одъ истога Брацана козарчета у Бѣлоп.)

Двіе сусе войске подигнуле,
Єдно ми є одъ Беча Ћесаре,
А друго є цар'-Отмановићу,
И те силе пале у Косово,
И ту стое за петнаесъ данахъ,
Ни се бишше, ни дома идоше,
Ни чинише станка икаквога,
До пошета єдно момче младо,
Момче младо малій Радоване,
Онъ пошета одъ чадора свога,
Те къ Ћесару шета у ордію;
Кад' къ Ћесару дође у ордію,
Приступи му руцы и колѣну,
И чакъ долѣ и папучи жутой,
При себе га Ћесар пригрліо,
Па нѣму є ріечъ бесѣдіо:
„Добро доша добаръ краишниче!
Кои чувашъ наоколо войску,
Єл' ти здраво войска наоколо?“
Радованъ му ріечъ бесѣдіо:

„О Ћесаре, драгій господаре!
Здраво ми є наоколо войска,
Но већ' има и петнаесъ данахъ,
Ка' смо палли у полѢ косово
Ни се бисмо, ни дома идосмо,
Ни чинѢсмо станка никаквога;
Є ли тестиръ кньигу окитити,
Посла ти є цару у ордію,
Да ми пошлѢ на мейданъ юнака,
На Ситницу на воду студену?“
Ка то чуо одъ Бечa Ћесаре,
Радовану те є бесѢдіо:
„А єсъ тестиръ моя вѢрна слуго!
А єсъ тестир и деветъ ако ћешъ!“
То кад' чуо малій Радоване,
Онъ пошета до шатора свога,
Тек' ли Раде подъ чадора дође,
Окитіо листъ кньиге біеле,
А посла є цару у ордію:
„Е чу ли ме цар'-Отмановићу!
Виђи царе што ти ситна каже,
Ево има и петнаесъ данахъ,
Ка смо пали у бойно Косово
Нисе бисмо, ни дома идосмо,
Ни чинисмо станка икаквога,
Но чу ли ме цар'-Отмановићу!
Ты ми пошльи на мейданъ юнака,
На Ситницу на воду студену.“
А кад' цару она кньига дође,
Нимало му мила небіяше,
Ма му друга быти немогаше,
Но пустіо у войску телала,
Виче телалъ єданъ данъ до подне,
Тад' онъ нађе за мейданъ юнака,
Оправи га на воду Ситницу;
Тек'ле Туре на Ситницу дође,
Угледа га біело Латинче,
Па потрча Раду до Дорійна,
Потеже му све колане редомъ,
Зауздa га немаћніемъ клипомъ,
А покри га пуніемъ дланіемъ...
Натури му суру међедину,
Па потрча Раду до чадора,
Радовану рiечъ бесѢдіо:
„Ай устани Раде господаре!
Ено тебе на мейданъ юнака,
На Ситницу на воду студену.“
А кад' чуо малій Радоване,
Скаче юнакъ ка' дасе помами,
На готова засѢде Дорійна,
Поигра га полѢмъ Косовіемъ,
Кадсе води примицаше близу,
Задрхтає пуніемъ дланіемъ,
А зашкрипта одъ међеда глава,
Кано да є на међеду жива,
То виђе га Туре на Ситницу,
Плећи даде а утећи оде,
Но му Раде бѢжат' недаваше,
Ђе га стиже ту му главу диже,
А узе му коня и оруже,
И нѢгово дивно одіело,
Па отиде подъ чадора свога,
Те написа листъ кньиге біеле,
А цару є посла у ордію:
„Чу ли мене Отмановић' царе!
Ты ми пошльи на мейданъ юнака,
На Ситницу на воду студену,
Да юнацы мейданъ діелимо.“
А кад' цару она кньига дође,
Нимало му мила небываше,
Но му друга быти неможаше,
Па пуштіо у войску телала,
Телалъ виче тры біела дана,
Докле нађе на мейданъ юнака,
Оправи га на воду Ситницу;
Текли Туре на Ситницу дође,
Угледа га биело Латинче,
Па потрча Раду до Дорійна,
Потеже му на споне колане,
Зауздa га нематніемъ клипомъ,
А покри га пуніемъ дланіемъ,
Натури му суру међедину,
Па потрча Раду до чадора,
Радовану ріечъ бесѢдіо:
„А устани малій Радоване!
Ено тебе на мейданъ юнака!“
Кад' то чуо малій Радоване,
Онъ скочіо одъ землѢ на ноге,
За готова засѢде Дорійна,
Па игра га полѢмъ Косовіемъ,
Кадсе води примицаше близу,
Онъ задркта пуніемъ дланіемъ...

А зашкрипта суромъ међединомъ,
А зашклапта одъ међеда глава,
Кано да є на међеду жива.
Кад' га Туре виђе на Ситницу,
Плећи даде а бѣжати пође,
Радованъ му бѣжат' недаваше,
Ђе га стиже, ту му главу диже;
Узео му коня и оруже,
И нѣгово дивно одіело,
Па отиде подъ чадору своме,
Пакъ опета кньигу написао,
Те є шалѣ цару у ордію:
„Ай чу ли ме Отмановић' царе!
Ты ми пошльи на мейданъ юнака,
На Ситницу на воду студену,
Да обиля мейданъ діелимо."
Када цару она кньига дође,
Нимало му мила небываше,
Ма друга му быти немогаше,
Па пуштао у войску телала,
Телалъ виче за неђелю данахъ,
Телалъ виче ништа неизвиче,
Ненађесе у цара юнака,
Ко ће поћи на воду Ситницу,
На Ситницу на мейданъ кауру,
Лютосе є царе наѣдіо,
А остру є ћорду извадіо,
Те сіече Лале и везире,
До єднесе Лале догоняше,
Но му Лала аманъ заискаѣ:
„Аманъ царе, драгій господаре!
На домъ имамъ єдну вѣрну слугу,
Етакве є по крайнахъ нейма,
Како чуѣ за каква каура,
Да онъ Турке позива на мейданъ,
Да ихъ зове на воду Ситницу,
Онъ све гои своега врančића,
А да мусе болѣ разиграе,
По мейдану тамо и овамо."
Томе царе аманъ учиніо,
Докле оде на свое дворове,
А кад' Лала на дворове дође,
Усеину ріечъ бесѣдаше:
„Хусеине моя вѣрна слуго!
Єс' ли чуо, єл' ти ко кажева',
А какавъ є кауръ постануо,
Те онъ Турке на мейданъ зазива,
Ни єданъ му изић' несміяше,
Но чу ли ме моя вѣрна слуго!
Айд' изиди на мейданъ кауру,
Ако теби Богъ и срећа дадие,
Те донесешъ одъ каура главу,
Кунемъ тисе а вѣру ти даемъ,
Даћу теби ціо товаръ блага."
А кад' чуо Усеине лудій,
Онъ изводи своега вранчића,
Оседла га што може найлѣпше,
А турисе нѣму на рамена,
Па отиде полѣмъ Косовіемъ,
Докле Туре на Ситницу дође,
На Ситницу копѣ побадаше,
А за копѣ коня савезае,
Пакъ онъ свуче црлѣну доламу,
Те онъ кланя и абдесъ узима,
И молисе Богу по закону;
Угледа га біело Латинче,
Па потрча Раду до Дорійна,
Потеже му на споне колане,
Заузда га немаћніемъ клипомъ,
И накри га пуніемъ дланіемъ,
Натури му суру међедину,
А потрча Раду до чадора,
Те є нѣму ріечъ бесѣдіо:
„А устани Раде господаре!
Ено тебе на мейданъ юнака,
Ђе є добра коня одяхао,
А предъ конѣмъ копѣ усадіо,
Свукао є црлѣну доламу,
Те онъ кланя и авдесъ узима,
И молисе Богу по закону."
А кад' чуо малій Радоване,
Скочіо є одъ землѣ на ноге,
За готова засѣде Дорійна,
Разигра га полѣмъ Косовіемъ,
Кад'се води примакнуо близу,
Онъ задркта пуніемъ дланіемъ,
А зашкрипта суромъ међединомъ,
А зашклапта одъ међеда глава,
Ка'но да є на међеду жива;
Кад' га Туре виђе на Ситницу,
Теке мусе Туре насмѣхуѣ,
И нѣму є ріечъ бесѣдіо:

„Бака ђиди чудна каурина!
Чимъ онъ страши на Ситницу Турке,
А тако ми обѢ неиспале,
Видіосамъ и међеда жива,
А цекмоли одъ међеда главу.“
Тек'се сташе два добра юнака,
Тек'се сташе, тек'се ударише,
Но кудіе Туре удараше,
Онудіе огань сіеваше,
А кудіе Раде удараше,
Онудіе црна крвъ ліяше,
По тры литре меса одпадаше;
Ал' є Туре мудро и лукаво,
На саблю му саблю надаваше,
Докле имсе саблѢ поломише,
Бацише ихъ у зелену траву,
Одъ добріехъ коняхъ оскочише,
За біѢла грлас' уватише,
Тесе носе покрай воде ладне,
Докле оба пѢне попануле,
Радована бѢле и крваве,
А'Турчина тек' біѢле само;
Махну Туре зъ десне на ліеву,
Удри Радомъ у зелену траву,
Па припаде савеза му руке,
Ал' Радованъ ріечь бесѢђаше:
„Аманъ Туре ако Бога любишъ!
Имаћешъ ми кад' изгубит' главу,
Да я знадемъ одъ кога погибохъ,
Одъ кога си града и народа,
Одъ кога ли юначка колѢна?“
На то вели Туре Хусеине:
„А тако ми силанъ каурине!
Неймамъ тисе по коме казати,
Но 'самъ и я родомъ одъ каура,
И сад' неймамъ одъ Рода никога,
До некаква мала Радована,
Сада ми га у кауре кажу,
Да є добаръ юнакъ испануо.“
На то вели малій Радоване:
„А ты ли 'си брате Миловане?“
Я 'самъ главомъ малій Радоване,
Єсте ово, већ' другога нейма!“
Кадасусе браћа познавала,
Ту братъ брату одріеши руке,
Раде паса свилена одпаса,
Те свом' брату ранне увіяше,
Па одоше къ Бечкоме Ћесару;
Кад' ихъ вийе одъ Беча Ћесаре,
'Бе су брата оба къ нѢму дошла,
Ньима даѢ тры товара блага,
И чуданъ є шенлукъ учиніо,
Оборіо триста балѢмезахъ.
Кад' на ютру ютро освануло,
Ал' Туракахъ у Косово нейма,
ПобѢгоше ка Стамболу граду,
Те свом' цару да огуле браду—.

126.

Старацъ Ћейфанъ.

(Одъ Єфте Ћираковића ускока изъ Озринићахъ.)

Куђ'се Турска кила подигнула?
Те є чету малу покупила?
Ніе чету, него войску стећу,
Седамдесетъ и седамъ стотинахъ,
Пре томъ четомъ двіе булюбаше,
Єдно ми є добаръ булюбаша,
Добаръ Турчинъ на добру ђогину,
У главу му зуба ђаволѢга,
А брада му на крило панула,
ВѢтаръ пуха те му браду люля,
Кроза ню му токе сіеваху,
Ка' и сунце прозъ єлово гранѢ,
То є главомъ старацъ Ћеифане.
А другій є добаръ булюбаша,
Добаръ Турчинъ на добру дорійну,
Раста мала, плећихъ широкіе,
Подугачка изъ раменахъ врата,
Алайбайракъ нѢга поклопіо,
А ямака кита одъ баряка,
То є главомъ Огоенъ Ахмете,
А за ньиме сва остала войска,
И одоше на Зечево Турцы
На Зечево таборъ учинише,
Разапеше біѢле чадоре,
А побише зелене байраке,
Повезаше конѢ на сициме,
До да видишъ старца Ћеифана!

Онъ пустіо по войсцы телала,
Телалъ виче тры читава сата:
„А нейма ли у дружину друга,
Коино є шићаръ запазіо,
Ђе бы добро шићарили Турцы?!“
Ненађесе друга ђаволѣга,
Докъ ево ти Будалине Тала,
На Кулашу коню великоме,
За ньимесе саручина суче,
А у руке топузину вуче,
Па Ћейфану ріечъ бесѣдіо:
„О Ћейфане добаръ булюбаша!
Я 'самъ скоро у чету ходіо,
И Котаре влашке уходіо,
До біеле куле Цмилянића,
А ту дома Цмилянића нейма,
До і' отишо у Сріему равном',
Да онъ купи Сріемске волове;
Айд' идемо боланъ на Котаре,
Да Котаре влашке похарамо!
И біелу кулу Цмилянића,
Заробимо секу Анђелію.“
А то слуша Огоенъ Ахмете,
Кад' є Туре чуло за ђевойку,
Тако имъ є Туре бесѣдило:
„Вира моя, и неубила ме!
Узет' хоћу секу сердареву,
Анђелію за вѣрену любу,
Я л' ћу свою изгубити главу.“
Али рече старацъ Ћеифане:
„Виллахъ теспихъ непримѣнюй Тале!
Авахъ Тале испалити зуби!
Злу ли ріечъ пушти у дружину!
Видишъ Тале очма невидіо!
По овоме полю Зечевоме,
Нит' орато, нит' є кад' копато,
Тесе ове проваліе граде,
Све одъ кости коньске и юначке;
Я 'самъ иша' єдномъ на Котаре,
Похарасмо огнѣмъ опалисмо,
Поробисмо мало и велико,
И дођосмо здраво на Зечево,
Па сѣдосмо робѣ діелити:
Свакомъ другу по робъ допануо,
Мене даше двіе старѣшинства;
Тек' мы робѣ бѣсмо діелили,
Ал' ево ти Цмилянићъ сердара,
Са нѣговомъ браћомъ одъ Котара,
Удріо намъ су четиры стране,
А шта ћу ти далѣ кажевати,
Одъ насъ ока неутече жива,
До єднога мене на ђогійну,
И на мене седамнаесъ ранахъ,
На ђогату двадесъ и четиры;
Већ' я турихъ руке на кабаре,
Да нетрчемъ више низъ Котаре.“
А то слуша Огоенъ Ахмете,
Па довати своега дорійна,
Доратусе нарамена маши,
Па довати байракъ у рукама,
Онъ ми грломъ и авазомъ виче:
„Кои за мномъ окренути неће,
Остала му була удовица,
И нѣгова самохрана майка!“
Сва Турћія за ньимъ окренула,
А ма нешће старацъ Ћеифане,
Оста Ћеманъ на Зечево равно,
Ту ћутіо за четиры сата,
Оде мыслит' Ћейфанъ и размышлят',
Ал' ће иссти на трагъ ал' на пріедъ,
Да ће на трагъ срамота му быва,
Да на пріедъ хоће погинути,
Укабули Турчинъ погинути,
Нег'се на трагъ срамотанъ врнути,
Па отиде за Турцима трагомъ,
Докле сиђе у влашке Котаре,
Ту га ноћца тавна оставила,
А свануло и грануло сунце;
Но удрили Турцы на Котаре,
Похарали, огнѣмъ опалили,
Поробили мало и велико,
До біеле куле Цмилянића;
Ал' на кулу Тале ударіо,
Но онъ кули ништа немогаше,
Затворена кула и авлія,
У авліи Дилбер-Анђелія,
До є цура пушку доватила,
Те ми кулу и авлію брани,
Докъ погуби тридесетъ Туракахъ,
Тек'се ньойзи одканіо Тале,
Ал' ево ти старца Ћеифана,
Шъ нѣговіемъ ударіо друштвомъ,

Ма се Анђа изъ авліе брани,
И нѣму є тридесть изгубила,
И Ђейфансе одканити шћаше,
Врагъ донесе Огоенъ Ахмета,
Нѣму рече старацъ Ђеифане:
„Ай Ахмете курвино копиле!
Ево оће куле сердареве,
Ево морре куле и авліе,
У авліи Дилбер-Анђеліе,
Па знашъ курво што си бесѣдіо
На Зечеву полю зеленоме,
Да ћешъ узет' Дилбер-Анђелію,
Яли свою изгубити главу."
То Турчина изѣде срамота,
Па одяха одъ коня Дорійна,
Заскакасе съ десна на лієво,
Те ускочи Ахметъ у авлію,
А увати Дилбер-Анђелію,
Недаде іой пушке напунити,
Башъ га бозна убити хоћаше;
Но отвори одъ авліе врата,
А посѣде своега Дорійна,
За се тури Дилбер-Анђелію,
Увеза іой бедре у терћіе,
Аували ноге у калчине,
Отолесе подигнуше Турцы,
И одоше горомъ и планиномъ,
А кад' горы у планину были,
До Анђесе догоняху Турцы.
Догоняху на іой бесиђаху:
„Ай Анђушо наша мила снашо!
Што ти ящетъ сѣтно невесело?
Алисисе узбрижила Анђо,
Ђе ніеси дара приправила?
Ніесисе нама ни надала!"
Али рече са коня Анђуша:
„А Бога ми краишницы Турцы,
Ніесамсе млада узбрижила,
Ђе ніесамъ дара приправила,
Даровала шесетъ Удбинянахъ,
Обукла имъ црвене кошулѣ,
Кад' обуку, никада несвуку,
Ма ће быти іошъ и вама дара,
Одъ Иліе Цмилянић' сердара,
Онъ ће данасъ изъ Сріема доћи,
И онъ ће ви приніети дара,
Исъ пушакахъ врућіе лѣшникахъ —."
Одошесе подпрдиват' Турцы,
Докъ дођоше на Зечево равно,
На Зечево робѣ діеляху,
Свакоме є по робъ допануо,
А Ђейфану двіе старешинства,
И Ахмету Дилбер-Анђелія;
Тек'су Турцы роблѣ діелили,
Ал' ево ти Цмилянић' сердара
Са нѣговомъ браћомъ одъ Котара,
Удріо имъ су четиры стране,
Алабанда! завржесе кавга!
Премећусе коньи и юнацы,
А шта ћу ти дульит' лакрдію,
Одъ Туракахъ нико неутече,
До Ђейфана на коню ђогину,
И Турчина Огоенъ Ахмета;
Ма га ћера Смилянићъ сердаре,
Онъ га ћера па га пристигао,
Ахмета є ћордомъ ударіо,
На поле га бые пресѣкао,
Расѣче га на четиры трупа,
А обѣси о четиры дуба,
Сестру свою дома понесао,
А савъ шићаръ Турскій покупіо,
Н нека га весела му майка,
Весела му браћа и дружина,
На мейдану служила ихъ рука—!

127.

Освета.

(Одъ Ника Кркельина са Сретнѣ у Бѣлоп.)

Кньигу попе Лѣшевићу пише,
А посла є у Морачу горню,
А на име войводе Драгише,
Кад' ми кньига у Морачу дође,
Ту Драгишу дома ненаходи,
Но га тамо на Лѣвишта нађе,
У онога попа Милована,
Те му попе кньигу проучіо,
И све што є и како є каже:
„Знашъ ли побро ес' ли запазіо!

Кад' є тебе бабо погинуо,
Одъ онога Харіовића Ибра,
Сад' га ево у Пиву пространу,
Те ми купи прозъ Пиву хараче;
Но подигни єдну чету малу,
Айде шъ ньима попу на дворове,
Небы ли ти Богъ и срећа дала,
Небы л' Ибру посѣкао главу."
Ка Драгиши ситна кньига доће,
Те онъ виће што му ситна пише,
Онъ ми тамо низъ Морачу поће,
Те ми каза милу побратиму,
Побратиму Іушковић' Матію,
Па скачише до два побратима,
Те скупише седам-осамъ другахъ,
Отидоше шъ ньима низъ Дробняке,
Увалише у Пиву пространу,
На біелу истог' попа кулу;
А ближе ихъ попе сусретао,
Руке шире у образсе любе,
За юначка здравя упиткую,
Уведе ихъ у біелу кулу,
Засѣдоше за пуну трпезу,
Дае доста пива и єстива,
А поштосе понапише вина,
Онда вели Іушковићъ Матія:
„Што си за ме попе поручива?"
„А тако ми Іушковићъ Матія!
Доходіо і' Харіовића Ибро,
Те є 'вуде купіо хараче,
Па отишо ка Гацку пространу,
Да онъ купи харачъ и по Гацку;
Но хайд-'повед' любивну дружину,
Хайде шъ ньима на дугу долину,
Те чекайте на средъ друма пута,
Небы ли ви Богъ и срећа дала,
Небы 'сте ли дочекали Ибра."
И тако га бѣше послушао,
Води дружтво на дугу долину,
Ту Матія Турком запануо,
Ту чекаше тры біела дана,
А кад' быо трећій око подне,
Нестаде имъ лахка брашненика,
Но да вели войвода Драгиша:
„О мой побро Іушковићъ Матія!
Оди чету да врћемо малу,
Е хоћемо помріет' одъ глади."
Но му вели Іушковићъ Матія:
„А полахко міо побратиме!
Жульи бучѣ тесе ньиме храни,
Ніе ласно чинити юнаштво."
Па се єли у врхове прійми,
Кад' погледа низъ дугу пространу,
Ал' угледа двадесетъ Туракахъ,
На двадесетъ великіехъ коняхъ,
Тесе брзо низъ єлу спустіо,
Око друма намѣсти дружину,
Ма Матія насредъ пута чека,
А 'во иде Харіовића Ибро,
На коня є ноге прекрстіо,
Па ми Туре лахко попіева:
„Єс' л' у гору Іушковићъ Матія!
Касамъ твога брата изгубіо,
Па самъ чуо да си у планину,
Но ако ти майка ніе курва,
Ам' изиди дасе огледамо!"
То Матія и слуша и гледа,
И бѣше га близо напустіо,
Па на нѣга пали цевердана,
Ма небѣше Ибра погодіо,
Но до Ибра-друга найболѣга;
Па остале пушке попуцаше,
Незгодише друга никаквога,
Побѣгоше низъ дугу пространу,
Алсе єдно момче нагоняше,
Те небѣше пушку истурило,
Оно Ибра дивно погодило,
Подъ капицу у чело весело,
Паде Туре низъ коня голема,
Ибро паде Матія припаде,
Те му добру одваліо главу,
Узео му главу и оруже;
Сва дружина свакій по єднога
Посѣкоше благо поніеше,
Ненадъ имсе вазда догађао.

128.

Пошто є ћейфъ.

(Одъ попа Груице Поповића изъ с. Рожацахъ у Бѣлоп.)

Кньигу Бего одъ Зворника пише,
А шилѣ ѥ у Зміялю граду,
А на руке Кнежевић' Николи:
„О Никола одъ Зміяля главо!
Испеци ми тридесть яганяцахъ,
И окупи тридесть ђевоякахъ,
Подъ капама и подъ виенцима,
Заручніехъ, неповеденіехъ,
Коя незна што є мушка страна;
Мене старцу безплодкиню овцу,
И твою ми сигурай любовцу,
Да ѥ тебе любимъ на доксату,
Ты да гледашъ, да іой помоћ' немошъ,
Бы помога', него нећемъ смѣти.
Ако ли ми то сигурат' нећешъ,
Бѣжи морре изъ Зміяля града,
Да те моя неизгуби сабля."
Кад' Николи кньига допанула,
И онъ виђе што му кньига пише,
Трострукe га сузе пропануле,
Па пригрну ћуракъ наопако,
А пита га Іелица любовца:
„Што є тебе мио господаре!?
Каква ти є голема неволя?
Што л' ты сузе одъ образа валяшъ?"
Мейданъ ніе, лице тис' несміе!"
Но да вели Кнежевић Никола:
„О Іелице моя любовнице!
Ситна ми є кньига допанула,
Одъ крвника Бега одъ Зворника,
Ма што ћу ти више кажевати."
Па іой тури кньигу на колѣно,
Кад' є Іела кньигу доватила,
У кньигусе дивно разумѣла,
Па Николи тихо бесѣдила:
„А набойсе драгій господаре!
Я ћу одъ нѣг' тебе откупити."
Па довати дивитъ и артію,
Одъ колѣна кньигу накитила,
А посла ѥ у Рустенъ планину,
А на руке Томићу Міяту:
„О Міяте мой по Богу куме!
Ал' нечуѣшъ, ал' нехаешъ за ме?
У менесе двое ђеце нашло,
Двое ђеце два єдноютрића,
Брже да 'си на крштено кумство,
Да неумру ђеца безъ крштенія,
Е ће моюю огріешит' душу,
А ни твоіой добро быти неће."
Кад' Міяту кньига допанула,
Міатъ виђе што му кньига пише,
Па г' одъ муке сузе пропануше,
А одноче казиват' дружины;
Отолесе подигнули были,
А предъ ньима Томићу Міяте,
За Міатомъ тридесетъ айдукахъ,
И пођоше друмомъ нисъ планину,
Право пошли у Зміулю дошли
На дворове Кнежевић' Николи,
Никола ихъ дочекао дивно,
Доста пива а више єстива,
Но Міяту ништа непробыва,
Нег онъ гледа по біелой кули,
Ђе ће виђет' двое ђеце лудо,
Па є быо Іели бесѣдіо:
„О Іелице одъ злата кумице!
Єсу ли ми кумчад' преминула,
Єсу ли ми душу опаклила?"
Іела мусе гротомъ насміяла,
„А небойсе Томићу Міяте!
Ніесу ти кумчадъ преминула,
Ни ти су ти душу огрѣшила,
Стара челядъ дѣце неимаю,
Наго туге и муке велике!"
Па извади кньигу ижъ нѣдарахъ,
И тури ѥ на крило Міату,
Кад' є Міатъ кньигу доватіо,
Єстъ ѥ юнакъ часно проучіо
И Єлицы зборіо кумицы:
„Доведи ми два лахка бербера,
Да подбрію браде и мустаће,
И донес' ми тридесть віенацахъ,
Да ођедемъ тридесетъ айдукахъ,
И донес' ми женске чарапине,
Да ихъ мои обую хайдуцы."

Єла га є послушала брзо,
Све донесе што є наредіо,
И доведе тры бербера млада,
Обріаше браде и мустаће,
Па є Міать быо говоріо:
„Ођентесе тридесеть айдукахъ!“
И своме є куму говоріо:
„О мой куме Кнежевић' Никола!
Испеци ми тридесть яганяцахъ,
Пашни старцу бесплодкиню овцу —.“
Пакъ іошъ узе Єлино оћело,
Своє свуче кумино натуче
Улћгао у шикли-одаю,
И хайдуке посла на конаке,
У томе є и ноћь таписала;
Ал' ти ево одъ Зворника Бега,
И за ньиме тридесть пашайліяхъ,
Растури ихъ паша по конаке,
Свакій пође у ђердекъ ђевойцы,
Паша иде у одаю къ Єли,
Міять го є дивно дочекао,
На ноге га быо сусретао,
Па му паша шђде на душеку,
А Міата за дойку дофати:
„Свукуй єло мое одіело!“
Міать скочи те га распасао,
И на руке копче распучіо,
А оружђ нђму извадіо,
Објеси га око чивилука,
Па Міата паша доватіо,
И зудомъ га у образъ наклао,
Ту шъ ньимъ удри у хашикованђ,
Онъ га штипни, а онсе протегни,
Онъ га гризни, а онсе разкриви,
Докъ му бђше Міатъ бешђдіо:
„Пројимесе паша господаре!
Выће ноћи за хашикованђ.“
За то Турчинъ неокреће главу,
Него диже преко себе руке,
Да ихъ тури Міату на дойке,
Али нађе токе и хайдука,
Плећи даде а бђгати наже,
За ньимъ трчи Томићу Міате,
Те є нђму тако бесђдіо:
„Стан' небђжи Турскій угурсузе!
Ніе ласно туђе любит' любе,
Него хоћешъ да допанешъ туге!“
Сабльомъ махну Томићу Міате,
Смаче пашу одвали му главу:
По томъ мало време постануло,
Стаде єкка маліехъ пушакахъ,
Стои кврка по граду Туракахъ,
А кад' ютро было освануло,
Ал' ево ти тридесеть хайдукахъ,
Свакій носи одъ Турчина главу;
Окуписе Зміальска господа,
На то, кажу, чудо превелико,
Нечудесе окле ихъ побише,
Но оклен' имъ мале пушке бише,
Они пушке у чарапе скрили,
Низъ чарапе гаће опустили,
Те побили тридесть пашайліяхъ.
Све ихъ Єла поведе на кулу,
Айдуке є даромъ даривала,
Неком' яглукъ, некоме бошчалукъ,
А свом' куму Томићу Міату,
Нђму даде о злата ябуку,
Отолесе хайдуцы подигли,
Опеть пошли у Рустенъ планину,
Дасе хладе, и зло добромъ граде —.

129.

Витковићи.

(Одъ истога Петра Мркаића Херачине изъ Петровићахъ.)

Кньигу пише Новлянин' Алія
Изъ край мора изъ Херцег'-Новога,
Те є шалђ у Требинђ равно,
А на руке Витковића Симу,
Овако му кньигу Турчинъ пише:
„Споменисе Витковића Симо!
Кад' я просихъ у тебе сестрицу,
Я є просихъ ты ми є недаде,
Нег' є даде у равне Никшиће,
Каурину Раду Рићанину?
Отадаймо Симо заратили?
Ходи мени на дно Суторине,
Садъ те зовемъ дасе побратимо,
Стару мрзосъ да већ' побацимо,

И доведи осамъ твоихъ братахъ,
Ал' неводи Вука наймлађега,
Єрс' опія и кавгу замеће."
Іошъ му Турчинъ тврду вѣру дава:
„Дођи Симо ніе пріевара!
А скоросамъ бьio у Млецима,
И доніо чоху за доламахъ,
И кадифу скроити ђечерме,
Да даривамъ мое побратиме."
А кад' Симу гласъ и кньига дође,
Кньигу штіе стару майку пита,
„Ал' ћу поћи, али нећу поћи?"
Старица га научила дивно:
„Знашъ ли Симо мое дѣте драго?
Ніе вѣре сынко у Туракахъ!
Него пиши листъ кньиге танахне,
Тер ͼ пошльи у Никшиће равне,
Своме зету Раду Риђанину,
Нек' онъ скупи тридесетъ Риђанахъ,
По избору добріе юнакахъ,
А Раде є собомъ юнакъ добаръ,
Ондай хайде равной Суторини,
И да бы ви шћели пріевару,
Высе Турак' бояти нећете."
Нешће Симо да послуша майке,
Нег' опреми осамъ своихъ братахъ:
Шъ ньима оде Суторини равной,
Вуку брату ни мукаетъ ніе,
А то брату врло жао было,
Пита Вуче свою стару майку:
„Што су браћа омрзнула на ме?
Досад' браћа ђегод' су ходила,
Ніесу ме никад' оставила!
А сад' незнамъ моя мила майко
Ни куд' иду, ни што ме незову?
Ни што су ме браћа омрзнула?
То є мени моя ранна люта!"
Све му майка по истини каза,
А кад' майку Вуче разуміо,
Юнакъ бѣше одъ све браће больий,
Паксе упутъ яду осѣтіо:
„Аогъ майко, Богъ ме пріевара!
На вѣру ми браћу исѣкоше!"
Паксе скочи одъ землѣ на ноге,
Тесе вранцу на рамена баци,
Одъ мейдана узима оружѣ,
Ћера вранца равной Суторини,
Стиже браћу на бріегъ Дебелій,
У томъ дошли на дно Суторине,
Ал' на лонци Турцы пію вино,
Тридесъ Агахъ одъ Новога града,
И остала одъ Новог' господа,
Све племићахъ и господичићахъ;
Па ліепо браћу дочекаше,
Руке шире у лицасе любе,
Пріймаю имъ конѣ и оружѣ,
Неда Вуче одъ себе оружя,
Нити хоће да осѣде вранца,
Турцы му га млого брате ишту,
Овако имъ Вуче одговара:
„Старица ме проклиняла майка,
Кад' старія пію вино браћа,
Да я съ мога коня несяхуѣмъ,
Ни одъ себе да оружя давамъ,
Па се боимъ клетве материне."
И тако га оставише Турцы,
Ако ньима ни мило небѣше,
А остале сѣли у трпезу,
Два Турчина око єдног' бяху,
Симо брате сѣди код' Аліе,
На ліеву руку кодъ Турчина;
Истомъ стали хладно пити вино,
Ма говори Новлянинъ Алія:
„Каурине Витковићу Симо!
Знашъ ли курво єс' ли запазіо?
Кад' я просихъ у тебе сестрицу,
Я ͼ просигъ, ты ми ͼ недаде,
Нег' ͼ даде Раду каурину?
Ал' данасъ ћу осветит' срамоту!"
Пакъ измаче ноже одъ поясa,
Тер' є Сима у срце удріо,
А осталіи браћу Витковиће,
Све ихъ побро деветъ изгубише,
Па на Вука юришъ учинише,
Алсе Вуче око лонце брани,
Седам-осамъ посіече главахъ,
Све по изборъ главніе Туракахъ,
Ал' га Турцы обранише грдно,
Ту на Вуку и нѣгову Вранцу,
Седамнаесъ ранахъ учинише;
А кад' Вуку ранне дотужише,
Онъ побѣже раньѣнъ у Требинѣ,

Далеко га майка угледала,
Ђе є Вука и нѣгова вранца
Обоицу црна крвь облійла,
Паксе упутъ яду досѣдила,
Па неиде виђет' свога сына,
Него трчи билу кньигу пише,
Своме зету Раду Риђанину:
„А мой зете лоша узданице!
Свіехъ десеть шура ти погибе,
Изсѣче ихъ Новлянинъ Алія,
Кодъ Новота на дно Суторине,
А на вѣру вѣра га убила;
Я нежалимъ ђе 'су изгинули,
Но што нико осветит' ихъ нейма.“
А кад' Раду гласъ и кньига дође,
У акшамъ му кньига допанула,
Али Раде собомъ юнакъ добаръ,
Брже скупи четересть Риђанахъ,
Па скочише како соколови,
Кад' кокоты тице запѣваше,
Біяху ти низъ Баняне дивне,
А свану имъ у Шер-Петровићма,
Но неиде Раде у Требинѣ,
Біилой кули Витковића Сима,
Што є бѣше съ улѣмъ озидао,
Него иде равной Суторини;
А кад' сиђе на дно Суторине,
Ту на лонци Турцы пію вино,
А умеђус' главам' Витковићахъ,
Башъ Алага главомъ Симеуна,
Іошъ овако Турчинъ говораше:
„Млого тисе єсамъ намучіо,
А іошъ више блага похарчіо,
Доксамъ тебе предъ собомъ видіо!
Нег утече змія люта нама,
Люта змія Витковићу Вуко,
Кои ће нам' додіяти тешко!“
Осталій му говорили Турцы:
„Небудали Новянинъ Алага!
Мы какосмо Вука израннили,
Ни по пута живъ прешао ніе,
Раннѣнъ га є коньицъ унесао,
Обадва су остала у путу.“
А то слуша Риђанине Раде,
Па веселу лонцу околіо,
А еднако съ браћомъ ударіо,
Четрдесеть Турак' изгубіо,
О Туракахъ нико неутече,
Нег' утече Новлянинъ Алія,
На ђогату вилену коньицу;
Ма га гони Риђанине Раде,
На дорату коню одл мейдана,
Ћера нѣга до градскіе вратахъ,
Те га градска врата уграбише,
Ал' є залуд' и онъ утекао,
Біяше га Раде исѣкао,
Башъ Турчина и коня нѣгова,
Обадва су цркла до зорице.
Пакъ отале Радесе поврће,
Съ Турак' скида рухо и оружѣ,
Свое мртве искупіо шуре,
На Турске ихъ конѣ товараше,
Ньихъ и ньихно рухо и оружѣ,
Пакъ ихъ носи мртве у Требинѣ,
Тер' ихъ копа кодъ біеле цркве
У Тврдошу граду старинскоме,
Тад' онъ иде Симеуна кули,
Ма га майка срѣташе Симова:
„Ђе 'си Раде лоша узданице?!
Све су твое изгинуле шуре!
Пакъ ихъ нико нешће осветити.“
Али іой є Раде бесѣдіо:
„Я 'самъ мое осветіо шуре!
За ньихъ деветь четересть убіо,
Све Новлянахъ по изборъ Туракахъ;
Доніосамъ у Требинѣ мртве
И укопо шуре по закону,
Кодъ біеле у Тврдоша цркве,
А Вукъ ихъ є самъ осамъ посѣко,
Него є ли у животу Вуче?
Видай Вука ты нежали блага,
Єдда Богъ да те бы преболіо,
И небы ли оцакъ одржао!“
Али му є стара бесѣдила;
„Фала тебѣ мой сивый соколе!
Кад' витежки сынке ми освети,
Мое сынке а свое шураке.“
Пакъ іошъ Рада грли и целива:
„Вукъ ти нам' є у добру животу!
Одъ ранахъ му ништа быти неће.“
А кад' майку Раде разуміо,
Раннѣнога грли и целива,

Своюо браћу двору оправiо,
Оправiо здраве и веселе,
Ни єднога заболѣла глава,
А шићара доста понiели;
Раде нешће оставити Вука,
Доклегођъ є ранне преболiо,
На Вуку є оцакъ остануо,
И одъ Вукас' умложило племе,
Све юнацы кано и ускоцы,
Свуд' ихъ има по землям' Србскима,
А найвише у граду Требиню,
У Требиню и около нѣга.
Вѣруй побро истина є было!
У єдномсе племе одржало!
Богъ богує, да ђаво тугує.

130.

Неполюбъ.

(Одъ Николе Митровића ускока Морачк.)

Подижесе Новлянинъ Халiйле,
Оде Халилъ крозъ Турске градове,
Да онъ тражи за себе ђевойку,
Прође Халiйлъ стотину градовахъ,
А толико паланакахъ двое,
Докле Халiйлъ на Срiема дође,
На Срiема пре бегову кулу,
Сретоше га слуге и дворани,
Те нѣгова коня прифатише,
Дође Бегу на бiелу кулу;
За готову совру засѣдоше,
Прнiеше шећеръ и ракiю,
Узъ ракiю сваку ђаконiю,
Таде руйно вино примакоше,
Вино пiю доксе напоише,
Докъ имъ винце улѣзе у лице,
А процавће ружа на образу,
Доксе само бесѣдити пође,
Проговара Бего одъ Срiема:
„О Турчине Новлянинъ Халiйле!
О твоега двора до моега,
Яданъ Халко четересъ конакахъ,
Какве су те донiеле виле,
Яли виле, ял' суђени данцы?“
Ал' Халiя крупно проговара:
„Кад' ме питашъ казаћу ти право!
Одкакосамъ изъ двора кренуо,
Прошаосамъ стотину градовахъ,
А толико двое поланакахъ,
Све тражiо за себе ђевойку,
Е я момче єсамъ неженѣно,
Мило мисе бѣше оженити;
Тражигъ булу, наћи ѥ немогохъ,
Ял' ю нейма, ял' ю ненаходимъ,
Нiе мисе оженит' суђено.“
Таде Бего нѣму бесѣдiо;
„О Турчине Новлянинъ Халiйле!
Кадъ ти тражишъ за себе ђевойку,
Тражiо си и нашао си ѥ,
Имамъ ћерцу милу на удаю,
Я ѥ хођу тебе поклонити,
Лѣпша ми є одъ зоре пролѣтне,
Ясе нећу застидити ньоме.“
А кад' зачу Новлянинъ Халiйле,
На поклону нѣму зафалiо,
Паксе рукомъ у цепове тура,
А извади хиляду цекинахъ,
Те му прстенъ даде и ябуку,
Па онъ свате уговарат' пође;
Кад' кићене свате уговори,
Пође юнакъ закрочи Дорiйна,
А излази Бегова кадуна,
Па є нѣму рiечъ бесѣдила:
„Ой Халiя мой зете несуђенъ!
Кад' покупишъ кићене сватове.
Ты некупи инокосно сватахъ,
На Хайки су прозцы двоя троя,
Све по наму Власси на срамоту,
Оћу ти ихъ по имену казат':
„Прво, Халко, Томо барякпаре!
Одъ Пролома одъ горе зелене,
Друге нейма куће ни баштине,
Чарне горе и своє дружине;
Друго, Халко, Вуче Мандушићу,
Одъ Котара одъ влашке палайке,
Треће, Халко, Иво Сенянине,
Одъ бiела Сеня са краине.“
Халко чуѣ главу необрће,
До отоле оћера Дорiйна,

А кад' двору дође бiеломе,
Како дође, свате куппит' пође,
Па написа листъ кньиге бiеле,
Шилѣ кньигу Бишћу бiеломе,
Побратиму Бишћанинъ Алази:
„Побратиме Бишћанинъ Алага!
Куппи мене хиляду сватовахъ,
Да си брже у Новога града."
Па е другу кньигу накитiо,
Шилѣ кньигу ситну у Удбину,
Побратиму одъ Удбинѣ Мую;
„Куппи Муiо хиляду сватовахъ!
Айде брже двору билу моме!"
Ситну кньигу трећу накитiо,
Те є шилѣ у Дуклина града,
Побратиму Неђи о Дуклiйна:
„Куппи Неђо хиляду сватовахъ
Айде Неђо билу двору моме,
И да си ми ђеверъ узъ ђехойку."
Кад' побрима кньиге допануше,
Сви на прешу свате покупише,
Побратиму брже доведоше;
Па отале свати окренуше,
И одоше прозъ Турске градове,
И дођоше богату Срiему,
А ту дивно свате дочекаше,
Дочекаше и ђевойку даше,
И дивно ихъ даромъ дариваше,
Све сватове за што кои бѣше,
Па развише свилене баряке,
Ударише свирцы и тамбурке,
И сватови полѣмъ окренуше,
А излази Бегова кадуна,
Те ђевойцы тiо проговара:
„О Хайкуна моя несретнице!
Како бидешъ на конаку коме,
Пиши Хайко листъ кньиге бiеле;
Да я виђу доклећешъ ми дођи."
То iой рече, па iой отидоше.
Првый конакъ сваты учинише,
У средъ Бишћа града бiелога,
А у побра одъ Бишћа Халаге,
Дивно побро свате дочекуе,
Дочекао даромъ даривао,
Ради хрза побратима свога.
Како свану свати подранише,

Другiй конакъ сваты учинише,
На Удбину граду бiеломе,
Башъ у побра Муя одъ Удбине,
Дивно Муiо свате дочекао,
Дочекао даромъ даривао,
Ради хрза побратима свога;
Каде свану сваты окренуше,
Трећiй конакъ сваты оградише,
У Дуклина града бiелога,
А у побра Неђа одъ Дуклина,
Води снаху на чардакъ шареный,
А онъ перетъ виђа сватовима,
Каде свану рано подранiо,
Своiой снаси на чардакъ бiелiй,
Кад' изиђе на чардакъ высокiй,
Ал' му снаха сузна и крвава,
А пита є Неђо одъ Дуклина:
„Снахо моя млого ядна была!
Што си мене сузна и крвава?
Ко є тебе зулумъ учинiо?
Снаха каже, зулума iой нейма,
Тек' є млада чуданъ санъ виђела.
„Кад' кићены сваты окренусмо,
Каде на дно бысмо одъ Кунара,
Ал' све, Неђо, кладе попадале,
Докле, Неђо, кладе прескочисмо,
Ту хиляду сватахъ поломисмо;
Па отоле ядны окренусмо,
А кад' бысмо на средъ одъ Кунара,
Ту све, Неђо, ватре наложене,
Докле, Неђо ватре потрнусмо,
Ту хиляду сватахъ погорѣсмо;
Па отоле грдны окренусмо,
А кад' бѣсмо на вргъ одъ Кунара,
Ал' ево ти несито єзеро;
Око нѣга заћи немогосмо,
Посредъ нѣга тесе увезосмо,
Свеколике свате потописмо,
Ядаңъ Неђо, нико неостаде,
Дого мене, и тебе кодъ мене."
А Неђо iой рiечъ бесѣдiо:
„Бе нелудуй моя снашо мила!
Санъ є лажа а Богъ є истина,
Што є силе у четиры града,
Све є снашо тебе у сватове,
Ньима нитко наудит' неможе,

На'ко пукне муня изъ облака."
А кад' зачу ліепа ђевойка,
Таде млада ситну кньигу пише;
„Дођогъ здраво мале до Дуклина,
Већ' ме богъ зна нигда виђет' нећешъ."
Пакс' отоле сваты подигнуше,
А кад' быше на дно одъ Кунара,
Ал' ето ти Томе баряктара,
Докле Тому съ пута уклонише,
Ту хиляду сватахъ изгубише,
А кад мало понапріедъ быше,
Дочека ихъ Мандушићу Вуче,
Докле Вука зъ друма уклонише,
Изгубише и другу хиляду;
А кад' мало буше напріеда,
Іошъ ихъ вишіи яды задесише,
Дочека ихъ Иво капетане,
Докле шъ ньиме ценякъ раздвоише,
Неоста имъ свата ђаволѣга,
До ђевойке и ђевера нѣна,
Застркнули у гору зелену,
Ђевойцысе санакъ угодіо,
И тада іой Нећо вѣровао,
Докъ допаде Новлянин' Халійле,
И на нѣму ранахъ седамнаесть,
Онъ шъ ђевойкомъ бесѣдити поће:
„О Хайкуно ліепа ђевойко!
Бы суђено дасе састанемо
Ни кодъ мога, ни кодъ твога двора:
Ни код' мое, ни ко твое майке,
Дого данасъ у горы зеленой:
Примакнисе дасе полюбимо."
Примачесе, неполюбишесе,
Паде мртавъ низъ коня Дорійна;
Отле Нећо са снахомъ окрену,
Нећо поће у Новога доће,
И несретне каза майцы гласе:
„Погибоше сваты и Халійле!"
Нека снаху гледа те удае,
А свому ненадасе сыну.

Прим. „Санъ на Божићъ" Такођеръ є внадыкє производъ —.

131.

Цидићъ Хаганъ.

(Одъ истога попа Іована войводе Бѣлопавлићског а.)

Подиглaсе єдна чета мала
Одъ Пиперахъ села Црначкога,
У чету є седам-осамъ другахъ,
Предъ четомъ є Стаковъ Радоване,
А за ньиме Іовашовъ Брацокка;
Оде чета у питому Жупу,
И дођоше селу Озринићу,
У Турячу чета запанула
Ту є чета трудна починула,
Ма є чета стражу оставила,
На стражу є Стаковъ Радоване,
Ев' онъ гледа Оногошту граду,
Ма Радованъ нешто угледао,
Угледао тры-четиры друга,
Турцы, право иду у Турачи,
А предъ ньима єданъ одмакнуо,
На ђогату коню великоме,
За ньим' иду кола и волови.
Радованъ е дружину будіо,
Па дружини тіо говоріо:
„Видишъ побро Іовашевъ Брацокка!
Е видишъ ли Оногошке Турке?
Право нама на метеризъ греду!
Познаешъ ли онога юнака,
Кои яше на коня ђогата,
И на нѣму ноге прекрстіо,
Тутунъ піе, у тамбуру біе?
Сміемо ли Турке дочекати?"
Но говори Іовашевъ Брацока:
„Харамбаша Стаковъ Радоване!
Я познаѣмъ онога юнака,
Кои яше на коня ђогата,
Оно єсте Цидићу Хагане,
Несміѣмо ньима ударити,
Ніе шала Хаганова глава,
Е є Хаганъ свему граду глава."
Проговара Стаковъ Радоване:
„Ха Брацокка црнь ти образъ быо!
Я самъ мняо да си юнакъ больій,
Пемећи ми страве у дружину,

Самъ ђу чекат' Џидића Хагана,
Вы чекайте остале грађане."
У томесе оны насулили,
Западоше крвавіи Пиперы,
Но говори Стаковъ Радоване:
„Немой кои пушку избачити,
Докъ непукне мога цевердана!"
И то су га оны послушали,
Близу оны напушташе Турке,
Стаде Хаганъ танко попіеват',
Све поминѣ Стаковъ Радована,
Како му є брађу погубіо,
Милована брата и Завиша.
То разумѣ Стаковъ Радоване,
У юнака пуче срце живо,
Одъ образа пали цевердана,
Непогоди Џидића Хагана,
Но погоди другога до нѣга,
Паде Туре на зелену траву,
А утече Џидићу Хагане,
Ема вика Стаковъ Радоване,
„Удри пушкомъ Іовашевъ Брацокка!
Те ты гађи Џидића Хагана!
Кунемъ тисе и вѣру ти давамъ,
Ако данасъ Хаганъ непогине,
Одъ насъ утећ' ни ђаволый неће!"
Пушкомъ гађа Іовашевъ Брацока,
Тако нѣму срећа и Богъ даде,
Онъ погоди Џидића Хагана,
Мртавъ Турчинъ паде низъ ђогата,
А притрча Стаковъ Радоване,
Те му узе главу и оруже,
А осталіи кола и волове;
И дивно су брађу осветили
За двоицу таманъ четверицу,
Па пођоше здраво и радосно,
Здраво дошли весела имъ майка,
Ньима майка, а нама дружина.

132.

Лазаръ Пецирепъ.

(Одъ Мійћа Мехмедова у Бѣлопавлићу.)

Виђехъ чудо піе невидѣно,
Ђе братими Туре каурина,
Бегъ Любовићъ Луку Радовића,
Да му Лука изда тры хайдука,
Те хайдука Лаза Пецирепа,
Су нѣгове два миле сыновца,
Два сыновца до два Сочивице,
Сочивице Станка и Николу.
Лука мусе яданъ куне криво,
Е ихъ ніе ниђе ни видіо,
Но му вако Бего говораше:
„Некунисе мени Лука криво!
У тебесу синоћъ вечерали;
Закла си имъ єдно янѣ црно,
Ако ли ми слуго невѣруѣшъ,
Да ти на ньихъ одіело кажемъ:
„На хайдука Лаза Пецирепа,
На нѣга є црлѣна Долама,
На доламу токе позлаћене,
Опасосе пасомъ одъ кадифе,
За пасъ му су двіе пушке мале,
О рамену сяйній цевердане.
На хайдука Сочивицу Станка,
На нѣга є зелена долама,
На доламу токе о тры оке,
Испунѣне драгіемъ каменѣмъ,
Опасосе пасомъ одъ кадиве,
За пасъ му є ножъ и пушка мала,
Све у сребру па су позлаћене."
Недаде му већ' говорит' Лука:
„Истина є драгій господаре!
Издађу ти мога побратима."
Па одоше двору Лукиноме,
Ал' є Луки Бего говоріо;
„Доведи ихъ у твое дворове!
Издай ми ихъ да ихъ посіечемъ.
Оли твоя, ол' ньихова глава."
Таде му є Лука говоріо:
„Не за Бога Беже господару!
Немой мене дворе крвавити,
Но хайдемо горѣ у планину,
У планину подъ велику єлу,
Ђе є Лази вазда дановиште,
И понеси у мѣшину вина,
И дебела меса овнуѣга,
И шенична лѣба біелога,
Па неводи друга ни єднога,
Я ћу т' издат' побратима мога,

Я ћу ти га уватити жива,
Су обадва Сочивице друга,
Преда ћу ихъ тебе у рукама,
Да имъ собомъ посіечешъ главе."
Како рекли тако непорекли,
Ал' є Луки люба говорила:
„Не за Бога драгій господаре!
Немой издат' до тры побратима,
Но ты ньима издай Любовића,
Да га воде ломной горы црной,
Кад' одведу Бега Любовића,
Доће тебе ђеца и любовца,
Доћиће ти мука сваколика."
То є Лука послуша любовцу,
Па кад' свану и огрïну сунце,
Ево т' иде Любовићу Бего,
Отидоше отле у планину,
Ту нађоше до тры побратима,
Ту нађоше, што ихъ и тражише,
Лука нађе до тры своя побре,
Пію вино подъ єломъ зеленомъ.
А кад' пише и обѣдоваше,
Таде вели Любовићу Бего:
„Копиляне Пецирепъ Лазаре!
Опражни ми сву Херцеговину,
Робишъ буле а сіечешъ Турке,
Одгонишъ нам' конѣ и волове,
И біеле овце на збоеве."
Лазаръ гледа Луку Радовића,
А Лука му окомъ намигнуо,
Скочи Лазаръ одъ землѣ на ноге,
Любовића ногомъ ударіо,
За грло га быо уфатіо,
Прискочише остала дружина,
Любовићу савезаше руке,
Поведоше г' низъ Херцеговину,
Докъ дођоше ломной Горы-црной,
На крваво равно Велестово;
Отоленъ су кньигу одправили
На біеле дворе Любовићу,
Дасе стану на Грахово равно,
Да доведу робѣ Радовића,
Да доведу хата Любовића,
И нѣгово благо свеколико,
Па да Бега врну на откупе.
Кад' є двору Бега Любовића
Тако црна кньига допанула,
Све дадоше што имъ запиташе,
Благо даше Бега повратише,
На Грахову ђесе састадоше,
Па радосно сви пођоше дома.,
Найрадіе Любовићу Бего.

133.

Опетъ Пецирепъ.

(Одъ Радована Радоньина Булатовића Ровчанина.)

Сердаръ Марко піе вино хладно;
На средъ Кчева у средъ Горе-црне,
А до нѣга редомъ Црногорцы,
До нѣга су два Ђурашковића,
До ньихъ сѣде два Бикановића,
До ньихъ сѣде два Турчинчевића,
А до ньигъ су два Томановића,
И до ньихъ є Пешикановъ Пеіо,
Пакъ до Пея Пецирепъ Лазаре;
Но да рече сердарина Марко;
„Вала Богу браћо Црногорцы,
Ђесе у насъ нероди юнака,
Кано што су Оногошкіи Турцы!
Кано што є Хамза капетане,
Као што є Џидићу Хасане,
Како што є Бабићу Яшаре,
Кано што є Хаџиманићъ Дуро,
И ка' што є Рушевићу Рамо,
Кано што є Бећа Пелевића,
И кано є Рамићъ булюбаша,
И ка' што є Луковацъ Оммере;
Оны честе чете подизаху,
Вођаху ихъ ломной Горы-црной,
Оны сѣку Црногорске главе,
Никшићу ихъ међу на бедеме,
Све бедеме ньима окитили,
А у насъ се нероди юнака,
Да поведе чету Црногорску,
Оногошке да сіече главе,
И доноси у горицу црну,
Да бы како браћу осветили."
Сви юнацы Црногорцы млады,

Сви юнацы никомъ поникоше,
У црвено погледаше вино,
Но негледа Пецирепъ Лазаре,
Веħ' сердару меħу очи црне:
„Чуѣшъ ли ме сердарина Марко?!
Што ми кажешъ узурліе Турке,
Ласно имъ є чинити юнаштво,
Ћераю имъ кола и волови,
А раде имъ Влассн сыромаси;
Те све Турке што си поброио,
Свакомесамъ штету учиніо;
Докле домомъ біяхъ подъ Голіомъ,
Подъ Голіомъ моіомъ постойбиномъ,
Ђе я имахъ иляду овацахъ,
Триста главахъ коняхъ и говеды,
Шестотинахъ челахъ пріесѣдахъ,
Дохоħаху м' ярамази Турскіи,
Небы ли ми зулумъ учинили,
Я недадогъ зулумъ учинити,
На менесе Турцы разѣдише,
Подъ Голію войскомъ ударише,
Узеше ми хиляду овацахъ,
Тристотине коняхъ и говеди,
Шестотинахъ челахъ пріесѣдахъ,
Исъ куле ми поніеше благо,
Я утекогъ съ оба брата моя:
Пакъ ихъ одохъ пратит' низъ Голію;
Одъ Голіе до дуге Польіе,
Седамнаесть посѣкосмо главахъ,
А кад' бѣсмо на дугу Польію,
Ту ми брата оба погибоше,
Самъ ихъ одохъ гонит' одъ Польіе,
Одъ Польіе до поля горнѣга
Самсамъ седамъ посѣкао главахъ,
То є двадесть и четиры Марко;
Паксе на трагъ узъ Голію врнугъ,
Те укопагъ оба брата мога,
И ускочихъ ломной Горы-црной,
Те башъ Марко Кчеву крвавоме,
И то было о Митрову данку,
Но покупихъ петнаесъ Чевлянахъ,
Поведогъ ихъ Оногошку граду,
Да я чекамъ Оногошке Турке,
Недочекахъ таде ħаволѣга,
Па имъ спалигъ прозъ махале куħе,
Спалигъ имъ куħагъ седамдесетъ,
Па отидогъ у Рудине равне,
По Рудине пожегогъ сіена,
Да неймаю ħе зимоват' овце,
Турске овце и стока остала;
Па прескочигъ Вучю и Поляни
Свуħъ туд' Марко спалигъ имъ сіена,
Те све Турске покрепаше овце,
И ту самъ имъ штету починіо.
Тад' я доħохъ Кчеву крвавоме,
Зима наста біелъ сніегъ наħе,
Тако стаде до Ђурħева дана,
А кад' доħе честитъ данакъ Ђурħевъ,
Я покупигъ дванаестъ Кчевлянахъ,
Поведогъ ихъ Оногошту граду,
Башъ подъ кулу Хамзе капетана:
Развалигъ му камену авлію,
Те му узехъ дванаесъ воловахъ,
Оħерагъ ихъ Кчеву каменоме,
Знашъ Сердару хиссе самъ ти дао!
Пакъ покупигъ седам-осамъ другахъ,
Поведогъ ихъ горы Ухоньиной,
Ту я чекагъ Оногошке Турке,
Дочекасмо до тры Рушевиħа,
Свой троицы посѣкосмо главе,
Узесмо имъ рухо и оружѣ,
Узесмо имъ конѣ седленике,
Све тры Турске главе поніесмо,
И доħосмо Кчеву юначкоме,
Ту ліепій шиħаръ діелисмо,
Знашъ Сердаре діелъ самъ ти дао!
Пакъ окупигъ тридесетъ Кчевянахъ,
Одведогъ ихъ граду Оногошту,
А кад' граду Оногошту доħогъ,
Али креħе карванъ одъ Никшиħахъ,
Полазаше шехер' Сараеву,
Да догоне робу на дуħане;
Ясе вратигъ Кчеву крвавоме,
Те покупигъ стотину Чевлянахъ,
Поведогъ ихъ подъ мою Голію,
Те ихъ чекагъ за неħелю данахъ,
Докъ дочекахъ карванъ одъ Никшиħахъ,
Па на Турскій карванъ ударисмо;
Докъ одъ коняхъ одвоисмо Турке,
Тамамъ десетъ осѣкосмо главахъ,
Па іошъ боя текаръ заметнусмо,

Тер' и двадесть Турак' посѣкосмо,
Ал' узесмо деведесеть коняхъ,
Голія є ломна и врлетна
Немогоше коньи биежати,
Но мы съ коняхъ осѣкосмо стране,
Єдне стране дома поніесмо,
А у гору друге завріесмо,
Па одосмо Кчеву кршовиту,
Те и оне стране приватисмо,
Пакъ ліепій шићаръ діелисмо,
Свакомъ' другу по двѣсти цекинахъ,
Мени даше тры стотин' цекинахъ,
И тебе смо діо учинили!
Тад' одосмо мору дебеломе,
Те одъ мора Гоге доведосмо,
И по Кчеву куле поградисмо,
Іошъ отаде Чево обогати,
И тадайсамъ Турцим' додіяо,
Додіяо, све ихъ оштетіо.
Но бѣшесе Туре зафалило,
Силно Туре Бећа Пелевића,
Е є брата мога погубіо,
Брата мога Пецирепъ Спасоя,
Я покупихъ петнаесъ Чевлянахъ,
Поведогъ ихъ Оногошту граду,
Заданисмо у Товићу брду,
Ал' Бећине появише овце,
Появише пестотин' овацахъ,
И стотина коняхъ и говеди,
А предъ ньима два Бећина сына,
Іоште шъ ньима двіе каде младе,
Изявише на то Вучѣ равно,
И на Вучю здраво замркнуше,
Ударигъ имъ у поноћи Марко,
Те имъ узегъ пестотин' овацагъ,
И стотину коняхъ и говеди,
И посѣкогъ два Бећина сына,
И заробигъ двіе кадке младе,
И поніегъ двіе русе главе,
Преявисмо Жупомъ Грачаницомъ,
Ватисмосе Слива смышлѣнога,
Здраво равно Сливѣ пріеђосмо,
Доявисмо у Пѣшивце тврде,
Испредъ куле Никчевићъ Иліе,
Ал' исшета Никчевићъ войвода,
Те онъ пита мене и дружину:
„Чіес' овце, чія ли говеда?
Чіе ли су двіе руссе главе,
Чіе ли су двіе кадке младе?“
На то самъ му Лазаръ говорію:
„Двіе главе два Бећина сына,
И ньихове двіе Каде младе.“
Но ми рече Никчевић' Илія:
„Побратиме Пецирепъ Лазаре!
Ты устави двіе русе главе,
И уза ньихъ двіе Каде младе,
А да ситну кньигу оправимо
Біеломе Оногошту граду,
Да кажемо Бећи Пелевићу:
„„Зло ти ютро Бећа Пелевића!
Синоћъ су ти овце быле здраво,
Здраво быле, здраво замркнуле,
А ноћасъ имъ Лазаръ ударіо,
Узео ти овце и говеда,
Посѣко ти оба твоя сына,
И повео ньихове кадуне;
Лазарасамъ уставіо вође,
И код' нѣга твое дѣце главе,
И ньихове обадвіе Каде,
Но донеси тры стотин' цекинахъ,
И доведи вранца краичника
И донеси сяйна цевердана,
Цевердана Рушевића Рама,
И доведи Оногошке Турке,
Дођи шъ ньима Сливю смышлѣноме,
Да ти дамо двіе русе главе,
И уза ньихъ обѣ Каде младе.““
Па кад' Бећи кньига допанула,
Вруће су га пропануле сузе,
Па пошета Рушевића кули,
Те у Рама купи цевердана,
И онъ узе тры стотин' цекинахъ,
Іошъ поведе вранца Краичника,
Па покупи Оногошке Турке,
Доведе ихъ Сливю смышлѣноме,
Мы одовуд' све листомъ Пѣшивце,
Поніесмо обѣ русе главе,
И уза ньихъ двіе буле младе,
На тврдусе вѣру састадосмо,
Те имъ дасмо главе и кадуне,
Оны нама откупъ за обое,
Па рече ми Хамза Капетане:

„Чуѣшъ ли ме Пецирепъ Лазаре!
Ход' Лазаре дасе неђерамо,
Да ти брата оба умиримо,
Умиримо новцим' подмиримо,
Ял' главама двѣма бираніемъ,
Па веђ' више дасе неђерамо!"
Оба брата мене умирише,
Умирише, и окумише ме,
Дадоше ми хиляду цекинахъ,
Тусе шъ ньима помирисмо Марко,
И ту самъ имъ штету учиню,
И одъ тога діо теби дао,
До и чету тада оставіо,
А божюсмо вѣру уватили,
Да веђ' нигда четовати неђу."
Турцы овце опет' закрдише,
Али неста Пецирепъ Лазара.

Одъ мене му
нек' ово є надгробно:
„О Србине Пецирепъ витеже!
Споменъ трає, докъ нам' сунце сяє,
Твоя л' врлость до страшнога суда,
Да одъ Вѣчногъ вѣчну плату пріима."

134.

Бой Ровчанахъ за Морачу.

(Одъ Луке Шђепанова Ровчанина.)

Іоште зора не забіѣлила,
Ни даница лице помолила,
До біѣла війла покликнула,
Одъ студене воде Ибрштице,
Те кликуѣ селу Церовицы,
По имену Митра Голубова;
То незачу Голубовиђъ Митре,
Но то зачу соко Радославе,
Пакъ є собомъ Дмитра дозивао:
„Зло ти ютро Митре Голубовиђъ!
Погибе ти Голубовиђ' Матко,
Код' студене воде Ибрштице."
Ал' є друга вила кликовала,
Одъ Разврша врха высокога,
Те кликуѣ на Међуриечѣ
По имену Матковиђ' Іована:
„Зло ти ютро Матковиђ' Іоване!
Ако морре руйно піешъ вино,
На ране ти данасъ излазило,
Ако л' морре вѣрну любишъ любу,
Удова ти данасъ останула,
Погибе ти Голубовиђ' Матко!
Кодъ студене воде Ибрштице."
Паксе отле поточъ подигнула,
Мала потѣчъ тридесетъ юнакахъ,
Ижлѣгоше на Иостаће равно
О Саввину дану у средъ зиме,
Но за ньима Томна Голубова,
Она носи пуну купу вина:
„Станте сынцы ако Бога знате!
Да у Божю славу напіете,
Да светога Сава поменете,
Д' ако данасъ Матка осветите."
Излѣгоше брду Ясеновску,
Међу очи у Морачу доню,
Али Турска войска притиснула,
По ліепу полю Люботиђу,
Конь до коня, юнакъ до юнака,
А шаторѣ єданъ узъ другога,
Бойно копѣ колик' гора црна,
А барясцы каконо облацы,
Да одъ неба праменъ кише наће,
Небы каплѣ на траву кануло;
То гледаше па цркви слѣгоше,
Тесе моле Богу по закону,
Бѣлой цркви пріилогъ приложише,
Па Морачу воду пріеђоше,
Доксе Турской примакоше войсцы,
Но говори Митаръ Голубовиђъ:
„О Ровчани моя браћо драга!
Немой кои пушке изметнути,
Доке моя пукне одъ образа,
Д' ако нама дадне Богъ и срећа,
Те мы Матка осветимо брата."
Па онъ паде за каменъ студеный,
Но му суза око заліева,
Жао му є Матка свога брата,
Те довати срмайли мараму,
Своє ньоме сузе утираше;
Пакъ є пушку съ огнѣмъ саставіо,
Те Турчина добро погодіо,

Живсе наже мртавъ земльи паде,
Но є Турска сила кидисала,
Нагнаше ихъ на воду Морачу,
Догнаше ихъ мосту каменоме,
Тусе біе тридесетъ Ровчанахъ,
Ижлѣгоше на дно Пилопаћа
Ма да видишъ Меоньић' Севера,
Онъ извади мача зеленога,
У Ровчане юришъ учиніо,
На нѣгову хату біеломе,
Али пуче пушка одъ Ровчанахъ,
Те погоди Меоньић' Севера,
Међу пуца ђе му срце куца,
Живсе наже, мртавъ земльи леже,
Одъ силе є мачъ у землю забо,
А то му є и последнѣ было.
Ту су сува боя разметнули,
Па дозива Мекићъ Османага,
„О Стамате одъ Ровацахъ кнеже!
О Стамате Ђурашиновићу!
Є ли тебе когођъ остануо,
Одъ моѣга боя жестокога?“
Нѣму вели одъ Ровацахъ кнеже;
„Ой чу ли ме Мекићъ Османага!
Мене ніе нико погинуо,
До што си ми Матка уграбіо,
Код' студене воде Ибрштице,
Пріе боя и братинске мышце;
Мало ми є момче обранѣно,
А ни нѣму ништа быти неће,
Вазъ данъ ми є бою помагало.
Но тако ти Дина и Амана,
И турскога поста Рамазана,
И цаміе у коіой кланяте!
Є ли теби когођъ погинуо?
Одъ моега боя сиротнога?!“
Но му вели Мекићъ Османага:
„О Стамате яде ћешъ ми чути!
Мене нитко ни остао ніе!
Мртвіехъ є дванаесъ Туракахъ,
Ранѣніехъ тридесть и четиры,
Ни єданъ ми преболѣти неће,
А больіе у Колашинъ ніе.“
Па стадоше мртве пребіяти,
Све за Матка врснога юнака,
Оммербашу за одору нашу,
Што су съ Матка Турцы поніели.
Здраво были Ровчаны витези,
Весели имъ главары и кнези!

135.

Погибъ Ровчанахъ.

(Одъ истога Луке Шћепанова Ровчанъ.)

Даву чини Ивановић' Ђуро
У силнога одъ Скадра везира,
„Помагай не Махмуте везире!
Одъ Ровчанахъ живѣт' неможемо,
Они нама сваке яде граде,
Одваяю овце одъ ягняди,
Одваяю краве одъ телади,
Одагнаше конѣ и волове,
А читлуке Турске опушћеше;
И то бысмо съ ядомъ опростили,
А неможес' драгій господаре,
Узимлю ни на срамоту любе,
Те ихъ нама любе на срамоту,
Оны Турску землю разурише,
Робе дѣцу а сіеку Турке;
И то бысмо съ ядомъ опростили,
Неможемо драгій господаре,
Колашина затворише града,
А одъ града саломише врата,
Погубише Агу о тры тута...
Біѣснога Мекићъ Меметагу,
И цамію Турску обурваще,
А Гушмира хоцу погубише:
Но за Бога Махмуте везире!
Ты погуби двіе породице,
Влаховића и Булатовића,
Кои твою землю разурише,
А остави двіе породице,
Срезовића и Шћепановића,
Да ти даю харачъ одъ Ровацахъ.“
У то доба єдно туре младо
Одъ біела града Колашина,
По имену Хаковићу Зеко,
Одъ образа рони сузе вруће,
Па извади барякъ ижъ нѣдарахъ,
Везиру га тури на колѣно,

Па му паде главомъ у кріоце:
„Ай помагай Махмуте везире!
И брата су погибили мога,
Брата мога, барјактара твога,
Біесногa Хаска Вулюбашу,
На харачу у камена Ровца,
Погуби га одъ Миниђахъ Марко;
Но за Бога Махмуте везире,
Ял' ме свети, ял' ме посіецы!"
Кад' ал' ево т' Кукићъ Османага
Одъ онога Спужа біелога:
„Ай помагай Мамуте везире!
Тры су моя брата погинула,
Сва тры брата тры Мећикукића,
Башъ на войсцы у камена Ровца,
То ми виђи, ал' ме посіецы!"
Пакъ іошъ текаръ дава допанула,
Єсть одъ Кучахъ Петровићу Чубро:
„Ахъ помагай Махмуте везире!
Седамъ су ми Кучахъ изгубили,
То на єдну хрпу и громилу,
И свакій данъ сѣћ' насъ непрестаю,
Одъ Ровчанахъ живѣт' неможемо!"
Проговара Махмуте везире:
„Ево данасъ лѣтный данакъ Ђурђевъ
Докле дође лѣтньй данъ Петровый
Ял' ћу ваше яде осветити,
Ял' ћу мою изгубити главу,
Хайте свакій обичаю своме."
А кад' дође лѣтній данакъ Петровъ,
Млогу везиръ подигнуо войску,
Онъ покупи дванаесъ хилядахъ,
Изведе ихъ Спужу біѣломе,
Отле везиръ іоште кньиге пише,
Єдну посла у Куче камене;
„Ой войвода Петровићу Чубро!
Покупи ми све Дрекаловиће,
Люте Куче и Васоевиће,
Доведи ихъ Спужу біеломе."
А другу є кньигу оправіо
У Пипере у Брдо крваво:
„О войводо Лакочевић' Шуто!
Покупи ми све Пипере листомъ."
Па трећу є кньигу оправіо
Ка племену Бѣлопавлићскоме,
У ліепо село Мартиниће:
„Моя слуго войвода Ђукане!
Покупи ми све Бѣлопавлиће,
Доведи ихъ Спужу біеломе."
Іошъ четврту кньигу оправіо,
Оправіо у камена Ровца,
И у кньизи стотину дукатахъ:
Моя слуго Милутине кнеже!
Ровца су ми Брдо наймиліе,
Наймиліе и найудворніе,
Пробери ми стотину Ровчанахъ,
Обуците одіело дивно,
Доведи ихъ Оногошту граду,
Е хоћемо Гацку пространоме —."
А кад' кнезу така кньига дође,
Свое племе на зборъ окупіо,
Єсть на гробля код' біеле цркве,
Даде кньигу попу Радовану,
Онъ имъ каже све што кньига пише,
Рече юнакъ Радуловъ Никола:
„Сабльо наша Милутине кнеже!
Я самъ ноћасъ чуданъ санъ видіо:
Бѣсмо дошли предъ біелу цркву,
Прислонисмо стотину пушакахъ,
Ведро бѣше паксе наоблачи,
Громъ загрмѣ докъ синуше мунѣ,
Те удрише у біелу цркву,
Обалисе црква пребіела,
Поломи ни шездесетъ пушакахъ,
Ясе боимъ да неизгинемо,
Преварићe Мамуте везире!"
Рече соко Вучелићу Цоле:
„Крило наше Милутине кнеже!
Я самъ ноћасъ больй санъ видіо;
Е полеће шесетъ соколовахъ,
Одъ Ровацахъ Брда каменога,
Излећеше на Штитово равно
Полећеше низъ питому Жупу,
Долећеше граду Оногошту,
Те падоше граду по бедему,
Доке црне долећеше чавке,
Те поклаше шесетъ соколовахъ,
Ясе боимъ да неизгинемо,
У Турчина вѣра ніе тврда."
По говори Милутине кнеже:
„Курво єдна Вучелићу Цоле!
Ни си юнакъ ни ти те родіо!

Немеђи ми страву на юнаке,
Подай барякъ болѢму юнаку,
Па ты хайде двору біеломе,
Те ты шъ любомъ у постелю спавай,
Ту те Турцы ни виђети нете,
Акамо ли да ћешъ погинути."
Таде Цола изѢде срамота,
Те онъ разви крсташа баряка,
А за ньиме стотина Ровчанахъ,
По избору ђе є юнакъ больій,
Обукли су дивно одіело,
Обуклису црлѢне доламе,
На доламе токе позлаћене,
А узели свіетло оружѢ,
ИжлѢглису на Штитово равно;
А кад' быше низъ питому Жупу,
По двоица заѢдно пѢваху,
По четиры пушке изметаху,
Шенлукъ чине Мамуту везиру,
Но излази мало и големо,
Те гледаю ліепе юнаке,
А на ньима одіело дивно;
Све весело и радосно было,
До сокола Вучелића Цола,
Ни пѢваше ни пушке меташе,
Но дружину погледуѢ често,
А шкркуће зубомъ біеліемъ,
Те набира желю одъ свіета.
А кад' быше граду подъ бедема,
Рече соко Вучелићу Цоле:
О Ровчани ядне ваше майке!
А видите ђесмо погинули!
Но ве Богомъ великіемъ кумимъ,
Да вы добре пушке напуните,
Напуните, ал ихъ немећете,
Но у Турке пушке обрните,
Те по єдномъ пушке истурите,
Па пламене ноже извадите,
А у Турке юришъ учините,
Д' ако кои заміѢни главу,
Е видите ђесмо изгинули."
Но говори Милутине кнеже:
„Ао Цоле да те Богъ убіе!
Да што си се курве препануо?"
Дотле быше граду подъ бедема,
И везиръ ихъ дочекао дивно,
Ньим' свим' реко шенлукъ истурити,
Тек' Ровчани пушке испразнили,
У то пуче пушка везирова,
Те погоди попа Радована,
Посредъ паса те паде безъ гласа;
Пуче друга одъ града диздара,
Те погоди Милутина кнеза
Међу пуца ђе му срце куца,
Живсе наже мртавъ землъи паде,
Ондай веля сила загрмѢла,
Веля сила Махмута везира,
На стотину бираннхъ Ровчанахъ,
Паде тама око Оногошта,
Невидисе града біелога,
Одъ брзога праха исъ пушакахъ,
Одъ силене войске везирове,
Докъ изъ таме добаръ юнакъ виче,
Добаръ юнакъ Томашевъ Іоване:
„БѢжи за мномъ Томашевић' Ђуро!"
Онъ повикну и сивог' сокола,
А сокола Поповића Рада,
И витеза Станишића Нійца,
ПобѢгоше четиры юнака,
ПобѢгоша усъ полѢ Каппино,
За ньимасе Турцы натурише,
Но біюсе четири юнака,
Тесе бране огнѢмъ исъ пушакахъ,
Докъ дођоше мосту Беговоме,
Беговога моста пребѢжаше,
Докъ дођоше води Моштаницы,
Здраво и ту воду пріеђоше,
Утекоше у Крунацъ планину,
Али Цола ране допануле,
У средъ войске остануо Турске,
Докъ допаде єдно Туре младо,
Одъ онога Скадра біелога,
Носи сабю у десницы руцы,
Да Цолеву посіече главу;
Цоле виђе да є погинуо,
Іошъ Латинцы даде ватру живу,
Турчина є добро погодіо,
Живсе наже, мртавъ преда нь' паде,
Свою даде за Цолову главу;
Пакъ ево ти булюбаша Муіо,
Одъ Никшића біелога града,
Кад' га виђе Вучелићу Цоле,

Виђе юнакъ да є погинуо,
Тури велю...у зелену траву,
Тури велю, а извади малу,
Ньомъ удара Вулюбашу Муя,
Ни жива га земля недочека.
Но ево ти Хаковића Зека,
Одъ біела града Колашина,
Носи гола мача зеленога,
Да Цолеву посіече главу.
Овако є Цолу говоріо:
„Чекай мене Вучелићу Цоле!
Да ми Хаска платишъ булюбашу."
Проговара Вучелићу Цоле:
„Ходи брже Колашинскій вуче!
Да ми горій несіече главу,
Да ти платимъ Хаска брата твога."
И кад' виђе да є погинуо,
Онъ извади другу пушку малу,
Те погоди Хаковића Зека,
Удари га подъ грло біело,
Мртва га є земля дочекала;
Докъ допаде Пећанине Бего,
Носи саблю у десницы руцы,
Виче Турчинъ изъ грла біела:
„Чекай мене силанъ Брђанине!
Да ми данасъ млого яда платишъ."
Ядну Цолу ране одолѣле,
Па онъ юнакъ паде на колѣна,
Іоштa писну како змія люта,
Иза паса корду извадіо,
Махну сабльомъ Пећанине Бего,
Да Цолеву посіече главу,
Махну сабльомъ, ал' га недомахну,
Махну соко Вучелићу Цоле,
Махну кордомъ и десницомъ рукомъ,
Осѣче му до рамена руку,
Паде Бегу и сабля и рука,
Паде нѣму граду подъ бедема;
Люто писну Пећанине Бего,
А побѣже граду на капію,
Остаде му и сабя и рука,
Докъ допаде Мекић' Арсланага,
Одъ біела града Колашина,
Онъ положи сяйна цевердана,
Те погоди Вучелића Цола
У повіе међу очи двіе,
Па му русу главу посѣкао,
И узе му свієтло оружe,
Све поніо Махмуту везиру,
Но везирсе тешко разѣдіо,
Што га ніе сабльомъ посѣкао:
„Вака Турцы, газіе Турскога,
Да кауру на саблю несміѣ!
Дин-Иманъ ми Туре посрамило,
Силно Туре Мекићъ Арслан-Ага,
А болѣ бы Колашину было,
Да Турчина дома непричека
Никаквога, ни то-ђаволѣга,
А да сабльомъ посѣкоше Цола,
Ровачкога силног' барякtара,
Свойсе моіой онъ успріе войсцы."
Пакъ Никшићке буле и кадуне
Довіяюс' юнаке рађати,
Украдоше и Цолеву главу,
Прво вече съ бедена одъ града,
Залуду є предъ везиромъ стала,
Скухаше є кано и говеђу,
Свесе одъ нѣ юхе насркаше,
Небы л' Цола коягођъ зачела,
А у Турском' Дину и народу:
Ма имъ недо' кои небомъ сяе,
И коино Ровчане остале.
Отле спасе, и у Ровца снесе,
Сви-наѣдно те непогибоше,
Іошъ Богъ якій свое пригледао,
У Ровцима башъ у домовима;
У истіехъ удовиц' ядніехъ,
По близнадсе породила мушка,
Све посмрчад' оніехъ Ровчанахъ,
Што ихъ таде везиръ погубіо,
У Никшиће, на божію вѣру,
Овако ихъ Богъ освети якій,
Па сувише, што су браћа послѣ —.

136.

Бой Бушатліе съ царемъ.
(незнамъ одъ кога є.)

Сунце зађе а мѣсецъ изађе,
Младо момче у Цариградъ дође,
Голо, босо, тужно и жалосно,

Оно бѣше паша Ибрахиме
Одъ крвава Спужа на краини;
Горко цвили сузе проліева
Предъ колѣно цара честитога:
„Султанъ царе, драгій господаре!
Ол' незнадешъ, ол' ништа нехаѣшъ?
Дасе другій Султанъ учиніо,
Кара-Махмутъ одъ Скадра біела
У средъ равне землѣ Арбаніе,
Роби, пали села и вареше,
А сіѣче краичнике Турке,
И узимѣ одъ Раѣ хараче,
Онъ за тебе ни спомена неима,
Онъ є бабу мога погубіо,
И витеза Зотовића Бега,
На Доляне више Подгорице,
И брзо ће до Епира доћи,
Ако войску нећешъ сакупити,
И погубит' душманина твога,
Вушатлію ону люту змію,
Коисе є хаинъ учиніо,
И градове млоге освоіо."
А када є царе разуміо,
Силну войску сакупіо быо,
Одъ све Босне и Херцеговине,
Од Србіе и одъ Бугаріе,
Романіе и Анадоліе,
Одъ Норіе и Маћедоніе;
Таку силу Скадру оправіо,
И предъ ньоме два силна везира,
Везиръ Босне и Херцеговине,
Другій везиръ одъ Уруменліе,
И по мору пашу Капетана
Су двадесетъ одъ боя ђеміяхъ,
Да погубе Махмута везира,
Утевтише землю Арбанію.
А кад' Махмутъ войске угледао,
Онъ дозива стрица Мурто-Бега,
И Тахира Агу Паруџића,
Яхо-Беіа Копиличевића,
И Якупа Сердаревићъ Бега,
И Хасана одъ Хотахъ главара,
И остале по избору Турке,
Овако є ньима говоріо:
„Ево на ме иде силна войска
Одъ онога Отмановић' цара,
И предъ войскомъ два силна везира,
Іошъ по мору паша Капетане,
Оны иду Скадру подъ бедеме;
Ясе хоћу у градъ затворити,
Су пестотин' моиехъ деліяхъ,
Да преваримъ цареве везире,
А вы мои драгіи витезови
Сусретите войску и везира,
Предъ свим' ньима учините жалбу,
Супроћъ мене како ви є драго,
Нека мысле цареви везири,
Да 'сте мои великіи душмани,
Ал' немойте друго учинити!
Издати ме, оли преварити,
Споментесе Кастріота Ђура,
Колико є съ царомъ воевао,
И какву є славу задобио:
Тес' и данасъ Арбанія фали,
Арбанія што є васъ родила,
И юначкомъ бою одгоила;
Држите ми младе Арбанасе
У договоръ да нико незнаде,
А пазите згоду и вріеме,
Кад' видите да имъ ударимо,
Нек' познаду што 'су Арбанаси;
Ако л' нама до потребе буде,
Мы имамо узданицу тврду
У владыку Петра Црногорског',
Онъ ће нама у помоћи быти,
Ол' насъ пріймит' све у Црнугору,
Да оданле изнова ратимо."
То вріеме за дуго небыло,
Ето иду су тры стране войске,
Єдна право преко Зетте равне,
Друга иде преко воде Дрима,
И обѣсе войске саставише,
Према Скадру попеше чадоре;
Трећа войска преко мора слана,
Подъ Улциньомъ градомъ біеліемъ.
Сватко иде кланясе господи,
И цареву біелу ферману,
Како ихъ є Махмутъ научіо;
Да є коме погледати было,
Коликосе войске сакупило!
И како є она войска зорна,
Нит' є трудна, нити є уморна,

Свакъ бы ово мога' помыслити,
Да ће у градъ ончасъ улећети,
И уватит' Бушатлію жива.
Но ставише бумбе и лубарде,
Сташе бити Скадаръ су тры стране,
Неостаде двора ни стобора
Што ніесу бомбе разориле,
И лубарде земльи обориле;
Али ево млады Арбанаси,
На договоръ тесусе састали,
У біелу кулу Паруцића,
Зъ договоромъ танку кньигу пишу,
И у градъ є свом' везиру шалю:
„Нека знадешъ драгій господару!
Да мыслимо съ ютра ударити,
Пређе зоре и біела дана,
На везира одъ Урумеліе,
Какосмо ти тврду вѣру дали!
Доиста те издати нећемо,
А ты немой оставяти града,
Докъ невидишъ одъ насъ штоће
быти.“
Што рекоше, то 'су учинили,
Пріе зоре боя заметнуше,
Царевасе войска забунила,
За оружѣ бойно прифатила,
Нитко незна, шта є и како є,
Тко л' замеће изненада кавгу,
Докъ виђеше Махмута везира,
На сурога коня великога,
Зъ голомъ сабльомъ у руцы юначкой,
А за ньиме млады Арбанаси,
Тусе двіе войске ударише,
Жестокіемъ огнѣмъ исъ пушакахъ,
Одъ зорице до мрклога мрака,
Два' везира плећи обратише,
Безъ обзира на трагъ побѣгоше,
А за ньима сва ньихова войска,
Гладна, жедна, тужна и жалосна,
Гола, боса и тешко крвава;
Оставише конѣ седленике,
Самур-капе, зелене доламе,
Шамадане ћурке и биньише,
И велике гаће туманліе,
И свакакве Турске саручине,
Барахъ, олово, бумбе и лубарде,
Цевердаре сребромъ оковане,
Мале пушке, сабѣ и гадаре,
Ятагане и балте юначке,
И цареве зелене баряке,
Неброено благо и богаство,
И осталу за войске захиру,
А сувише ліепе чадоре,
И подъ ньима ствары свакояке,
И свилене госпоцке душеке.
На то руке нико непружаше,
Безъ тестира Махмута везира.
Ал' онъ собомъ све раздаде ньима,
Юнацима, што є за коѣга,
А остало носи у мирію
Да намири учинѣну штету
Своіой земльи и своѣму граду,
И трошкове свое и войничке,
Да понови града и шехера,
Проза шехеръ куће и дућане,
Што су бомбе и лубарде силне
Разориле Скадру при Бояни,
Да погради сада на технани
А безъ страха цара силенога.
Ето побро Србаль... Стратимире,
Какавъ бѣше Махмуте везире! —.

137.

Негдашня будућностъ.

(Одъ моега любивога пѣвача козарчића Брацана Перчевића са Сретнѣ села у Бѣлопавлићу.)

Кньигу пише ліепа ђевойка,
Мѣзиница Костантина цара,
А посла є у Прилипу граду
По имену Кралѣвићу Марку:
„Богомъ брате Кралѣвићу Марко!
Єс' ли чуо, єл' ти ко кажева'?
Каква ни є сила постанула
У Стамболу у нашему граду?
Постануо Арапине црный!
У Стамболу кулу оградіо,
На Стамбола осѣкъ осѣкао,
Све на оброкъ ведро вина руйна,

А ракіе колико и воде,
И по товар брашна шеничнога,
И по добра овна печенога;
На ноћь тавну по єдну ђевойку,
Вассъ є Стамболъ досле обредіо,
Ималасамъ до седамъ сестрицахъ,
Све є седамъ Арапъ облюбіо,
И мене є Арапъ запросіо,
Запросіо пакъ ме углавіо,
У неђелю што найпрва греде,
Ето Харапъ ће води сватове,
Ето триста води Харапинахъ;
Одъ мене ти Богомъ побратимство,
Ако мене ты оте Харапу,
Даћу теби двадесть бошчалукахъ,
Свакій валя по хиляду Рушпахъ,
А одвише што ти дадне бабо,
И остала царева господа."
Када Марку она кньига дође,
Нимало му мила небываше,
Ма му друга быти немогаше,
Ођедесе што може найлѢпше,
Сврхъ ођела тамбаръ нађенуо
Подъ грломъ є тамбаръ заспучіо,
Учинисе црнимъ Арапиномъ;
Пакъ оседла Шарца дебелога,
О нѢму є топузъ обѢсіо,
А зађеде свою остру ћорду,
Тад'се тури Шарцу на рамена,
Оде Марко друмомъ и планиномъ,
Одъ Прилипа одъ куће Маркове,
До Стамбола до куће цареве,
Има пуно дванаесъ конакахъ,
Све є Марко у шесть учиніо,
Све што иде и ноћи и дневи;
Таква га є намѢрь наніела,
У Суботу у очи неђелѢ
Марко дође у Стамболу граду,
Некће цару ходит' на дивана,
Но онъ сврну у механу винску,
А кад' дође на врата механе,
Ал' на врата четиры Маџара,
Ньима Марко ріечь бесиђаше:
„Макнитесе четиры Маџара!
Е 'ћу оће ноћцу боравити,
И сву ноћь ћу испивати вино."
На то веле четиры Маџара:
„Нећешь Богъ ме момче одъ Бугара!
Овђе за те конака неима,
Нећ' уносит' топузъ у механу."
А кад' чуо Кралѣвићу Марко,
Онъ довати топузъ одъ облука
Преко страже г' тури у механу;
Наймишесе четиры Маџара,
Да избаче врага изъ механе,
Ал' га она кренут' немогоша,
А некмоли да га надво баче;
То кад' виђе Кралѣвићу Марко,
Одъ добра є одяхао Шарца,
Самсе Шарацъ нѢму проводаше,
Уза Стамболъ дуго и широко,
Марко сврну у механу винску,
Ту онъ сву ноћь испиваше вино;
Одка мрче докле зора дође,
Стотину є похарчіо рушпахъ,
А кад' свану текли сунце грану,
Стаде єкка низа Стамболъ града,
Оно бѢху триста Харапинахъ,
Сви пролазе испреда механе,
Найпослie ліепа ђевойка;
А кад' дође предъ врата механе,
Наклонисе млада у механу,
Угледала Кралѣвића Марка,
НебѢше га пріе ни виђела,
По питаню и по кажеваню
Марка млада познавала была,
И Марку є ріечь бесѢдила:
„А ту ли 'си Богомъ брате Марко!!
Да ли нећешъ испратити секу?"
На то Марко бесѢђаше секи:
„Айде тамо моя мила секо!
Сад'ће Марко… и стиће те брзо."
А кад' чула ліепа ђевойка,
Турила є у шпагове руке,
Извадила пунахне цекинахъ,
Предъ побра ихъ оставила была:
„Най то теби да попіешъ Марко!"
И оне є приватіо Марко,
Нешто піе нешто Шарцу дае,
Мало было млого нетраяло,
Докле Марку доба долазило,
Долазило доба одъ кретаня,

Но ту веле четиры Мацара:
„Дай Вугаре подмируй ни вино!“
Ньима вели Кралѣвићу Марко:
„А тако ми ... четиры Мацара!
Недамъ саде паре ни динара,
Но ето ви топузина тешка,
Док'се вратимъ да вамъ вино платимъ.“
На то веле четиры Мачжара:
„А такко ни ... момче одъ Вугара!
Неќемо ти топузину тешку
Да неќ' дати паре ни динара.“
То є Марку и миліе было,
А довати топузину тешку,
Заметну ѥ Шарцу за облука,
Па онъ оде трагомъ за сватовма,
Докле стиже ліепу ђевойку;
Па загрну дувакъ на ђевойку,
Полюби ѥ међу очи црне,
А гледа га Харапъ младоженя,
Па є Марку ріечь бесѣдіо:
„Айд' пролази момче одъ Вугара!
Е тако ми ... вѣре у коюсамъ!
Да ми ніе сабю крвавити,
И десницу руку гріешити,
Я быхъ тебе изгубіо главу.“
За то Марко ни хабера нейма,
Но се опет' догна до ђевойке,
Полюби ѥ и два и тры пута,
То кад' виђе Арапине црный,
У десницу извадіо ћорду,
А къ Марку є нагонъ учиніо,
Ма да ти є погледати Марка!
Кад' подъ грло тамбаръ распучіо,
А остру є ћорду изтргао,
Харапусе примицати стао,
Тек'се сташе два добры юнака,
Тек'се сташе, тек'се udарише,
Сабіомъ махну Кралѣвићу Марко,
Те Харапу посіече главу,
Пріе му є главу посѣкао,
Него бы га муня опалила;
Па му тури главу у зобницу,
У поћеру оде сватовима,
Марко ћера триста Харапинахъ,
Ђе коега Марко сустизаше,
Свакоега топузиномъ гађа,
Докъ ихъ догна до біеле куле,
До біеле куле Харапове;
Ту улѣзе Марко у дворове,
Те по двору покупіо благо,
Натовари седамъ сеисанахъ,
Па за собомъ притворіо врата,
Притворіо пакъ ихъ упаліо,
Пак'се здраво натрагъ повратіо;
А кад' дође кодъ Харапа мртва,
Ту находи ліепу ђевойку,
Пакъ іой даде одъ Харапа главу,
Оправи ѥ цару на дивану,
Марко сврну у винску механу,
Што є піо да подмири вино;
А ђевойка цару долазила,
Изнесла му одъ Харапа главу,
Кад' ѥ виђе царе Костадине,
Ђевойцы є младой бесѣдіо:
„А Бога ти моя мѣзиница!
Ко те оте у Харапа црна?“
Ато вели ліепа ђевойка:
„А тако ми мой милосный бабо!
Мене оте Кралѣвићу Марко.“
На то вели царе Костадине:
„А да камо Кралѣвићу Марко?“
Нѣму вели ліепа ђевойка:
„А тако ми да мой міо бабо!
Марко сврну у механу винску,
Што є піо да подмири вино.“
То кад' чуо царе Костадине,
За Марка є слуге оправіо,
И слугам' є ріечь бесѣдіо:
„Чуете ли мое вѣрне слуге!
Довете ми Кралѣвића Марка.“
Слуге су га брзо послушале,
А кад' Марко у цара дошао,
Приступи му руцы и колѣну,
При себе га царе пригрліо,
Па є нѣму ріечь бесѣдіо:
„Добро доша' да мой сынко Марко!“
Па ту піо за неђелю вино,
А кад' Марку доба долазило,
Да онъ иде у Прилипу граду,
Натовари седамъ сеисанахъ,
Царъ му дао тры товара блага,

Натовари десеть сеисанахъ,
Здраво оде свом' бѣелу двору,
Да одмара себе и Шарчину,
А да піе вино и ракію,
И да люби любу Анђелію.
Тако Марко образъ ти свѣтао!

138.

О Турскомъ цару.

(Одъ попа Гаша Поповића Пипера.)

Разболѣсе силанъ цар' Мурате
У Стамболу у царству своему,
Одъ срчане велике болести,
Хоће, кажу, царе умріети;
Къ нѣму иду паше и везиры,
И остале Хаге и Беговы,
И Спахіе и младе Деліе,
Те гледаю свога господара,
Боланъ имъ є Муратъ говоріо:
„Слуге мое млоге тевабіе!
Є ли у васъ мое вѣрне слуге,
Да отиде у аремъ на кулу,
Да доведе Сулеймана мога,
Доксе іоште мало живъ находимъ,
За живота да шъньимъ проговоримъ."
Намѣрисе Соколовићъ паша,
Те пошета у харемъ на кулу,
Те дофати Сулеймана луда,
Уфати га за бѣелу руку,
Па га сѣде бабу више главе;
Ну да видишъ Сулемана луда,
Када виђе на умору баба,
Више нѣга рони сузе вруће,
Паксе шъ ньиме разговарат' поће:
„А! мой бабо, боланый Мурате!
Бозна мени хоћешъ умріети,
Што є тебе на свіетъ біелій,
Што є тебе бабо найжаліе?
Али жалишъ паше и везире,
Али жалишъ Хаге и Бегове,
Ал' Спахіе и твое Деліе,
Али жалишъ землѣ и градове?...
Ол' велике улафе и тимаре,
Ол' ми жалишъ пребіеле куле?
Али твое султаніе младе,
Оли мене Сулеймана луда?"
Кадъ є Муратъ нѣга разуміо,
Топле су га сузе пропануле,
Па є нѣму ріечь говоріо:
„Прођи мисе Сулемане сынко!
Я нежалимъ паше ни везире,
Нит' я жалимъ Хаге ни Бегове,
Ни Спахіе ни младе Деліе,
Нит' я жалимъ землѣ ни градове,
Ни улафе ни мое тимаре,
Нит' я жалимъ пребіеле куле,
Ахъ... ни мое султаніе младе,
А ни тебе Сулемана луда;
Но мене є сынко найжаліе,
Єръ я хоћу данасъ умріети,
А остаде Будимъ у каура,
Но ме чуешъ Сулеймане сынко!
Данасъ ћете мене укопати,
А тебе тѐ царемъ учинити,
Сѣстите те у златну столицу,
И дате ти одъ Стамбола кључе,
И тебе те честитати царство,
И я велю честито ти сынко;
Но кад' бысе снаге доватіо,
Неостави Будимъ у каура!"
То изусти а душу испушти,
И полеће къ свецу Мухамеду,
Кадъ виђоше паше и везиры,
Е то хоны цара укопаше,
Ожалише како господара,
Сулимана луда зацарише,
Сѣдоше га у златну столицу,
И даше му одъ Стамбола кључе,
И сви нѣму честиташе царство.
Оно земанъ по земану прође,
Доксе момче снаге дофатило,
А кадасе дофатило было,
Онъ упази бабове ріечи,
Што є нѣму на смртъ говоріо,
Па доведе ћату великога,
Онъ му пише ситніехъ ферманахъ,
Написа му шездесетъ ферманахъ,
У шездесеть оправи градовахъ,
Дасе купи силовита войска.

Ну да видишъ чуда и другога!
Санакъ снила Будимска кральица,
Санакъ снила и у санъ виђела:
„Громъ загрмѣ о Стамбола града,
А сіевну одъ Мисира муня,
Мѣсецъ паде на средъ Мухачева
Подъ Будимомъ градомъ біеліемъ;
Око нѣга тице долеђеле,
Найпрвысу крстачи орлови,
По за ньима сивыи соколови,
А за ньима бѣліи лабудовы,
Поза ньима тице голубовы,
А найзадны чарныи гаврановы,
Іошъ є Будимъ змія опасала,
Те єзикомъ по пенцера лиже,
А Будимсе исъ темеля ньиха,
Па допаде даница звіезда,
Паде она тамо кодъ мѣсеца.“
Санакъ снила паксе пробудила,
Ево кралю каже господару,
Што э млада у санъ видіела,
Све му што є каже и како є;
Кад' є кралѣ любу разуміо,
Е се бѣше на яде видіо,
Неможесе сану домыслити,
Али му є добра срећа была,
Онъ имаше єдну вѣрну слугу,
По имену Уштуклію Іова,
Онъ се свему може домыслити,
Брже му є кньигу оправіо;
„Слуго моя Уштулліо Іово!
Да 'си брже у Будимъ біелій.“
Кад' є Іова кньига допанула,
Хитро скочи одъ землѣ на ноге,
Паксе тури врансу на рамена,
Те пошета у Будима града,
Тусе съ кралѣмъ разговарат' поће:
„Што си кралю за ме оправіо?“
Кралъ му каже што є и како є,
Што є снила Будимска кральица,
Іово ћути ништа неговори,
Но шетасе тамо и овамо,
Шетаосе а за санъ мысліо,
Ласно мусе бѣше домыслити;
Паксу Іова сузе пропануле,
Те є Іово ріечъ говоріо:
„Ядна госпо Будимска кральице!
Већ' га ядна нигда незаспала,
Кад' заспала већсе недизала,
Ласно тисе сану домыслити:
Што загрмѣ о Стамбола града,
То є царе быо на умору,
И бозна є царе преминуо,
На сына є царство оставіо,
На смрти є нѣму говоріо:
„„Ехъ!... остаде Будимъ у каура.““
Што л' сіевну одъ Мисира муня,
То ће царе силу сакупити,
Што л' є мѣсецъ на средъ Мухачева,
Ту ћe царе чадоръ разапети;
Што су за ньимъ тице долеђеле,
Штосу првыи крстачи орлови,
То тê быти паше и везиры,
Што л' за ньима сивыи соколови,
То тê быти Хаге и Бегови,
Што л' за ньима бѣліи лабудовы,
То те быти одъ искона Турцы,
Одъ онога Шама біелога;
Што л' за ньима тице голубовы,
То те быти ђеца яньичары,
Што л' найзадныи царный гаврановы,
То тê быти Харапскіи Беговы,
Што л' є Будимъ змія опасала,
То те нѣга обколити Турцы,
Што л' єзыкомъ по пенцера лиже,
То те нѣга быти изъ топовахъ,
Што л' допаде Даница звіезда,
Паде она тамо кодъ мѣсеца,
То тê краля тебе уфатити,
И сѣсти те цару усъ колѣно—.“
Кадъ є кралѣ Іова разуміо,
Е му бѣше ріечъ говоріо:
„А за Бога Іово вѣрна слуго!
Садъ што ћемо али како ћемо?
Али ћемо Будимъ оставити,
Ал' съ Турцима боя заметати?“
Но му Іово ріечъ говоріо:
„Небѣж' кралю драгій господару!
Што те твои тры танбора войске?
А у свакій по триста хилядахъ!
Недай града безъ велика яда!“
На томесе разминуло было,

Мало было малого нетраяло,
Докъ є царе силу сакупіо;
А када є бѣше сакупіо,
Шњомъ доходи подъ Будима бѣла,
Све су полѣ прекрили шаторы,
Ка' планине снѣговы біелли,
Надъ ньима су развиты барацы,
Тесе вію ка' мркія облацы,
Страмно ихъ є очима гледати,
Кадъ ихъ стану вѣтры колебати;
А кадъ сила трудна починула,
Е су брзо на градъ ударили,
Више града тры нећелѣ данахъ,
Една войска кралю изгинула,
И небо є тама уфатила,
Одъ брзога праха и олова,
У таму є одъ Будима кралѣ,
Бога моли, сузе проліева:
„Боже ми дай віаръ одъ планине,
Да размакне таму у краеве,
Да я видимъ чія гине войска,
Чія гине, чія ли добива!"
Бога моли и умоліо га,
Те му віяръ одъ планине пухну:
Размакну му таму у краеве,
Те у войску кралѣ погленуо,
Али му є сила погинула;
Ну да видишъ чуда и опета!
Изъ таме є юнакъ излетіо
На вранчићу коню великоме,
За руку є краля дофатіо,
И метну га за собомъ на вранца,
Опаса га пасомъ два-тры пута,
А четвртонъ одъ саблѣ каишомъ,
Шњимъ побѣже полѣмъ зеленіемъ,
Докле дође цару подъ чадора,
Сѣде краля усъ колѣно цару,
Када царе Туре угледао,
Е му бѣше ріечъ говоріо:
„А такоти непознанъ делія!
Кои си ми краля уфатіо,
Ишти, рече, што є тебе драго,
Даћу тебе какво хоћешъ благо!"
Тадаръ Туре ріечъ говорило:
„Ніе ово непознанъ делія,
Но є ово Ковчић' Мурат-бего,
Одъ Ліевна града біелога,
Нећу тебе паре ни динара,
Но те молимъ како господара,
Ты напиши біела фермана,
Докъ є гође одъ Ковчића трага
У Ліевну граду біелому,
Да другога Муселима нейма."
То є царе єдва дочекао,
И даде му біела фермана;
Кадъ то чула Будимска кральица,
Да су краля заробили Турцы,
Е се млада на яде виђела,
На колѣно ситну кньигу пише,
А шилѣ є Уштуглін Іови:
„Да си брже у Будимъ біелій!"
Кадъ є Іова кньига допанула,
Итро скочи одъ землѣ на ноге,
Те пошета у Будимъ біелій,
Съ кральицомсе разговарат' пође:
„Што си госпо за ме оправила?"
„Како што є нама вѣрна слуго!
Е ни краля заробише Турцы,
Но мошъ лисе слуго домыслити,
Како бысмо краля измолили,
Да га клеты ненапате Турцы?"
„Ласно тисе могу домыслити,
Но направи до седамъ харабахъ,
Нопуни ихъ жутіе дукатахъ,
Па упрегни кола и волове,
Те на кола натовари благо,
А на благо о злата синію,
На синію одъ Будима ключе,
Оћенисе што можешъ найлѣпше,
Іоште узми наймлађега сына,
Ћерай благо цару честитоме,
И предай му одъ Будима ключе,
Одъ неволѣ віетай му кумство,
Нећели ти мобу прифатити,
И жалосна краля поклонити."
То є млада єдва дочекала,
Све є тако наредила была,
Іоште узе наймлађега сына,
И отиде полемъ зеленіемъ,
Докле дође цару подъ чадору;
Стави предъ ньимъ о злата синію,
На синію одъ Будима ключе,

На руке му чедо додаваше,
Одъ невола віета му кумство.
Бѣше царе срца милостива,
Милостива и Боголюбыва,
Радосно є кумче прифатіо,
А краљицу болѣ даровао,
Е іой краля бѣше поклоніо,
И болѣ є бѣше даровао,
На сына іой краљство оставіо,
И нѣг' добро бѣше даровао;
Е му даде четиры арабе,
Све пунахне жутога дуката.
(Бѣла вило незнамъ є ли было,
А да ніе штобысе зборило,
Ни ту быо, ни казат' уміо,
Лажу чуо, а я полагуемъ,
Оній лаже, кои мени каже.)

139.

Пеіо Никчевићъ.

(Одъ истога попа Гаша Попов. Пипера.)

Кулу гради Веризовићъ Муіо
У питомой Грачаницы Жупи,
Гради кулу докъ ю направіо,
Ка э Туре кулу направило,
На колѣно ситну кньигу пише,
А шилѣ є у Пѣшивце мале,
У Пѣшивце на Стубицу малу,
Побратиму Микчевићу Пеію:
„Еси л' чуо драгій побратиме?
Я 'самъ бѣлу кулу направіо,
А ты некђе дођи побратиме
Да честиташъ мене грађевину;
А тако ми дина и хамана,
Да си побре направіо кулу,
У Пѣшивце на Стубицу малу,
Я быхъ тебе доша' побратиме,
Да честитамъ тебе грађевину.“
Кадъ є Пея кньига допанула,
Ем кадъ вић̂е што му кньига каже,
Петро скочи одъ землѣ на ноге,
Спремиусе што може најлѣпше,
Пакъ узимѣ за буле дарове,
По сріеди пушку дофатіо,
И хотиде узъ Острогъ планину,
И ували преко Бухавицахъ,
Докле дође у питомой Жупи,
На дворъ быо Веризовићъ Муіо,
Те честита Мую грађевину,
Іошъ му Булле бѣше даривао;
Муіо га є добро дочекао,
За готову софру засѣдоше,
Око софре пію вино хладно,
Доксе Пеіо виномъ одпоіо,
Паде юнакъ зъ главомъ у трпезу,
Кад' ти виђе Веризовићъ Муіо,
Онь донесе біела конопца,
Те му веже наопако руке,
Іошъ донесе конске букагіе,
Те му своза ноге обадвіе,
Па отиде у постелю спати;
А кадъ свану и сунце огрину,
Но се диже Веризовићъ Муіо,
Ал' ни тусе Пеіо неразбира,
Колико се опяніо виномъ,
Ну да види іошъ Веризовића,
Удара га ногомъ и папучомъ,
Па є туре ріечь говорило:
„Устан' курво Никчевића Пеіо!
Е тако ми Бога великога,
Откано самъ кулу направіо,
Я ніесамъ у граду ходіо,
Ни носіо колачъ капетану,
Но ћу тебе водит' за колача!“
То кад' чуо Никчевића Пеіо,
Скочи юнакъ како и помаманъ,
Али су му савезане руке,
Савезане и ноге и руке,
Ну да видишъ Веризовићъ Муя!
Ну да виђи туре побратима!
Онъ сигура ђога дебелога,
Паксе тури нѣму на рамена,
Собомъ води Никчевића Пеіа,
Хотидоше низъ пространу Жупу,
И дођоше у Сућеску тврду,
Ижлѣгоше на то Сливѣ равно
Спрема бѣла Оногошта града,
Па говори Веризовићъ Муіо:
„Виђи побро Оногошта града!

Веħ' какавъ є бедемъ Оногошкій,
Онђе ħе ти окапати глава!"
Но говори Никчевиħа Пеіо:
,,Прођсе яданъ Веризовиħъ Муіо!
За тосе є бедемъ направляо,
Дасе кити юначкимъ главама,
Но да ти є на Стубицу доħи,
Да ты видишъ Муіо побратиме
По главицам' на срчево колѢ
Ђе су Турске окапале главе."
Кад' то чуо Веризовиħъ Муіо,
Е то нѢга уєде срамота,
Одъ пояса саблю повадіо,
Да му добру одсіече главу;
Ал' є Пею добра среħа была,
Предъ саблю му руке надаваше,
Прекиде му на руке конопце,
Кадсе Пеіо рукухъ дофатіо,
Онъ докопа студена камена,
Те онъ гађе Веризовиħъ Муя,
Непогоди Веризовиħъ Муя,
Него вранца међу обе очи,
Хрисну пустый, скочи у высине,
Изъ седла є Туре избачіо,
Паде Туре у зелену траву,
Изъ рукахъ му сабля излеħела,
Но Пеіо му саблю уграбіо,
Ньомъ Турчину главу откинуо,
И узе му коня и оружѢ,
Паксе тури вранцу на рамена,
И побѢже преко Сливя равна,
Те утече зеленой планини,
Здраво Пеіо на Стубицу дође,
И донесе одъ Турчина главу.
Садъ погледай драгій побратиме!
Погледай ми Никчевиħа Пея,
И погледай Веризовиħъ Муя,
Каква Србу вѢра у турчина,
Пакъ што нашо, то є и тражіо.

140.

Црногорацъ.

(Кимъ є спѢвана незнамъ, и сходну ньойзи веħ' имамъ, али є овомъ неколико другчіе предметъ истій обозренъ. (1712а года є ово было 17а юліа.)

Младо Туре у Стамболу дође,
Одъ крвава Оногошта града,
По имену Мекиħъ Хасан-ага,
Предъ диваномъ цара честитога,
Сузе рони овако говори:
,,Султанъ царе милій господаре!
Ал' нечуешъ, ал' ништа нехаешъ?
Штосу кньиге дошле изъ Руссіе,
И посланикъ цара Руссинскога,
Великога душманина твога
На ЦетинѢ на средъ Горе-црне
Петровиħу владицы Даниилу?
Владыка є у махъ сакупіо
Све биране одъ землѢ главаре,
И предъ ньима кньиге прочатіо,
А када су они разумѢли,
Што имъ пише одъ Руссіе царе,
Весело су войску сакупили,
И на твою землю ударили;
Єдна войска на Херцеговину,
И предъ войскомъ Данило владыка,
Съ посланикомъ цара Руссинскога
Михаиломъ Милорадовиħемъ;
Она біе Оногошта града,
Пали Турска села и вароше,
А друга є войска околила
У средъ Зетте варошъ Подгорицу,
И Спужъ тврдый што є на краину,
Освоиħе Зетту землю равну
И сву Босну и Херцеговину,
Па што ти ħе таде и Стамболе."
Кадъ є царе разуміо гласе,
Брже шалѢ пашу Сераскира,
Су педесетъ хиладахъ войникахъ,
Да исħера изъ землѢ душмане,
И похара сву Карадаглію;
Међу тіемъ, драгій побратиме,

Неугодны гласи допадоше,
До Данила и до Михаила,
Дасе Московъ съ Туркомъ умиріо,
А Сераскиръ паша приближіо.
Када ове разумѢше гласе
Оны войску повратише на се,
И градове Турске оставише,
Пакъ Михаилъ пође у Руссію,
Оставивши Данила влацыку
Съ главарима и Црногорцима
Дасе бране сами одъ Туракахъ,
У толико царевъ паша дође
На Доляне више Подгорице;
Кньигу шалѢ Данилу владыцы,
Да му даде таацe и харачe,
Међу талце Поповића Драшка
Одъ Залюђа села краичнога,
Съ Велестова Мандушића Вука
И Вукоту одъ МрвалѢвићахъ,
Све тры, побре, крилата юнака,
А на ньихъ є жалба одъ Туракахъ.
Но владыка скупи Црногорце,
Међу ньима кньигу износіо,
И овако ріечъ говоріо:
„Ево Турска на насъ браћо войска!
БолѢ да сви у бой погинемо
За слободу и за вѢру свету,
Него дасе у ропство предамо,
И слободу нашу изгубимо!“
Вели соко Мићуновићъ Вуко:
„Я недаемъ Драшка ни Вукоту,
Ни юнака Мандушића Вука,
Нако съ моіомъ главомъ и животомъ!“
То рекоше и сви Црногорцы,
Да му нигда ништа дати неће,
До живога огня исъ пушакахъ;
Пакъ послаше да уходе Турке
Ђурашковић Янка и Богдана,
И делію Янковића Вука,
Кои знаде Турски говорити.
А кадасе они повратише,
Све владицы право казиваше,
Штосу чули и штосу виђели,
И како є Вуко остануо,
Тесе хиломъ онъ предао Туркомъ,
Да превари и заведе войску
Исподъ Вране высоке планине,
До Пелешахъ и воде ВлахинѢ:
Кад' владыка разуміо Янка,
Раздіели войску на тры стране,
Єдну даде Милуновић' Вуку,
Да запане у Враню планину,
Другу дае Ђурашкович' Янку
У Пржинску гору камениту,
А трећу є себе оставіо;
То вріеме мало постаяло,
Али ето Турска войска иде,
Калаузи Янковићу Вуко,
Кодъ ВлахинѢ трудна починула,
Но Янковићъ Вуко попіева,
ПѢваюћи Туркомъ говораше,
Да га чую браћа Црногорцы:
„Почините Турцы витезови!
Повежите конѢ на поляне,
Овде валя конакъ учинити,
Єръ напріедъ хладне воде нейма,
До равнога поля Цетиньскога.“
Али небы колѢ почивати,
Нит' куђ' далѢ Туркомъ путовати,
Єръ удари владичина войска,
Приђе зоре и біела данка,
Кано муня изъ густа облака,
Турскасе є войска забунила,
У забуну тешко уплашила;
Царевъ паша Вука проклиняше,
А Янковићъ Вуко кликоваше
Соколове младе Црногорце,
Да разгоне и сіеку Турке,
Кои сташе бѢжат' на трагове,
Но и тамо пута ненаходе;
Єръ удари Мићуновићъ Вуко,
Прискочи му Ђурашковићъ Янко,
Сви єднако юришъ учинише,
Разагнаше Турке на булюке,
И витешке крвавише руке,
Безъ престанка тры біела данка
СѢкућ' Турке безвѢрне хайдуке.
Ніе ово шала ни превара,
Но истина све како є было!
Іошъ великій шићаръ задобише
Црногорцы, славу потврдише,
Ка' юнацы и юначкіи сынцы;

Но радуйсе Србаль побратиме,
И тко носи одъ юнака име,
Одъ юнака и одъ каменштака,
Іошъ намъ име ніе пропануло,
Ни слобода нити отачбина,
Докъ є нама Цернегоре мале —.

141.

Четскій заямъ.

(Одъ Бѣлице Сава Милійћа.)

Четасе є мала подигнула,
Окленсе є вазда подизала,
Башъ одъ Кчева мѣста на краину,
Предъ четомъ су двіе харамбаше,
Єдно ми є Валетићу Раде,
А друго є Томановићъ Нико!
Чета пође узъ Херцеговину,
Докленъ дође полю Невесиню,
И ту добаръ шићаръ заузеше,
Све біеле Любовића овце,
Шъ ньима бѣже низъ Ерцеговину,
Кадекъ были у Рудине равне,
Ма другасе чета подигнула
Одъ Никшића града біелога,
И предъ ньомсу двіе булюбаше,
Єдно бѣше Севере Пипере,
А друго є Аривовићъ Муіо;
Када чета у Рудине дође,
И чета є была угледала,
Угледала Валетића Рада,
Ђе являше низъ Рудине овце,
И овако Турчинъ бесѣдіо:
„О за Вога Турцы браћо моя!
Немой кои палит' цефердана,
На крвника Томановићъ Ника,
Што є мога изгубіо брата.“
Но у нѣга послушна дружина,
Западоше друму зеленоме,
Кадъ є Никацъ на ньихъ нагазіо,
Ужди Туре сяйна цевердана,
И Никца є дивно погодіо,
Понесе му токе и доламу,
Ал' му ніе меса зађенуло,
Е ма Никацъ пали цевердана,
Тако нѣму добра срећа была,
Те є Туре дивно погодіо,
Међу црне очи у юнака,
Каде виђе Валетићу Раде,
Тако бьо Раде бесѣдіо:
„Ђе си сынко Даичићу Живко!?
Уграби му главу и оружѣ!“
Нагнаосе путь Турчина Живко,
Да уграби главу и оружѣ,
А близусе друго Туре нађе
Те онъ жеже сяйна цефердара,
И Живка є дивно погодіо,
Срце му є живу разнесао,
Живко паде а изъ грла кличе:
„Ђе си стрико Валетићу Раде?!
Уграби ми главу и оруже,
Да га небы уніели Турцы.“
Но Туресе ближе нагонило,
На Живкасе было загонило,
Да му главу и оруже узме,
Но га гледа Валетића Раде,
Те онъ танку Врешку жежіяше,
И Туре є дивно погодіо
У само га срце ударіо,
Паде Туре башъ на Живка мртва,
Но загнасе Валетићу Раде,
Те имъ узе главе и оруже,
Тадеръ Турцы плећи обратише,
Они бѣже низъ Рудине равне,
А за ньима млады Црногорцы,
Тусе главахъ Турскихъ насѣкоше,
И оружя добра наузеше,
На свакога у дружину друга,
По цевердан и по Турска глава;
Отоленсе здраво повратише,
Оћераше голема шићара,
Докъ дођоше на Кчево крваво,
Братски шићаръ оны діелише,
Пакъ отоше свакій своме двору,
Тако Боже вазда ни помагай!

142.

Симо Радуловићъ.

Овце чува Радуловићъ Симо,
У питоме Никшићске Рудине,
Исъ край ньихъ є кньигу накитіо,
Пакъ є шилѣ у градъ капетану,
Овако му Симо кньигу пише;
„Чуй ме добро Мехмед-капетане!
Немой явит' у Рудине овце,
Ако мене харачъ послат' нећешъ,
Тры стотине биранихъ овноваxъ,
И четиры коня седленика,
Башъ и твое токе и доламу,
Седамъ Агахъ седамъ цеверданахъ,
И два чивта малiехъ пушакахъ;
А кадія да ми ћитабъ пошлѣ,
Да одъ нѣга савіямъ вишеке,
Іошъ ты пошльи седамъ окахъ праха,
Е ћу сына учит' да ми гађе,
И пошльи ми тры-четиры вола,
Да я за ньихъ себ' олова купимъ
Изъ Приморя Лацманске краине."
Кад' разумѣ кньигу капетане,
Одъ яда га уфати грозница,
Угледа га була са чардака,
Пакъ є млада нѣму говорила:
„Капетане драгій господаре!
А ли те є кньига допанула
Одъ сокола Радуловићъ Сима,
Да му пошлѣшъ харачъ у Рудине?"
Капетанъ є були бесѣдіо:
„Есть истина одъ нѣга є кньига,
Да му пошлѣмъ харачъ у Рудине,
И послаћу све што иште Симо,
Ал' онъ иште кадійна ћитаба,
Па да пошлѣмъ кудъ ће вѣра моя?
А мога' бы везиръ обазнати,
Па ће мою окинути главу."
Ма була є нѣму бесѣдила:
Ты му пошльи ћитабъ и хараче,
Ако чуе на Восну везире,
Мы бѣжжимо къ нѣму у Рудине."
Капетана остави грозница,
Па лахке є ногеускочіо,
Па покупи речене хараче,
Све ихъ посла Симу у Рудине,
И сувише стотину дукатахъ;
А кад' Симо привати хараче,
Онъ є танку кньигу написао,
Пошилѣ є Мехмедъ капетану:
„Капетане Никшића главаре!
Хайде яви у Рудине овце,
Моліосамъ младе Црногорце,
Неће твое одявити овце."
Кадъ капетанъ кньигу разуміо,
Одявіо у Рудине овце,
И ту єдно лѣто прелѣтише,
Па у єсенъ дома отидоше,
Оно зачу Радуловићъ Симо,
Да га држе за невѣру Турцы,
Онъ сакупи тры стотине другахъ,
А удари на біеле овце,
На край равна поля Никшићскога,
Те уграби тры хиляд' овацахъ,
И посѣче тринаесть чобанахъ,
А изгуби тры четиры друга,
Ма ліепій шићаръ подѣлише.
Оно зачу Мехмед-капетане,
Пакъ є малу чету сакупіо,
Малу чету двадесть и тры друга,
Па отиде Ластви Оздриницкой,
Уходіо Оздринићке овце,
Опази га Мандушићу Вуко,
Па сакупи четрдесть Кчевлянахъ,
И отиде срести капетана,
Уфатисе съ Мехмед-капетаномъ,
Побишесе огнѣмъ исъ пушакахъ,
Ал'се ядны Турцы разбѣжаше,
И пола ихъ єдва у градъ пође,
Сви осталіи мртвы остадоше,
Црногорацъ єданъ погинуо,
И четиры ранахъ допадоше,
Сви осталіи здравосе вратише;
Ал'се Турцы на ћитапъ заклеше,
Да четоватъ већ' ни єданъ неће,
Ни пліенит' Црногорске овце,
Аминь Боже, тако было вазда!

143.

Црногорка.

Викну нешто изъ горе зелене:
„Аохъ мене мой друже Станиша!
Ђе те пуштихъ данасъ безъ замѣне!“
Оно зачу Станишина люба,
Па потрча у гору зелену,
И ту нађе єдно момче младо,
Ђе є ранѣнъ у лієву руку,
Пакъ є она нѣму бесѣдила.
„Што бы Туро ядъ те задесіо!?“
А Туро є ньойзи бесѣдіо:
„Кадъ ме питашъ да ти право кажемъ:
Ючеръ посмо да чекамо Турке,
Дочекасмо, и два посѣкосмо,
А данасъ не околише Турцы,
И Станиши окидоше главу,
А мене су окинули руку.“
Кадъ Крстиня оно разумѣла,
Велю му є пушку уграбила,
Па потрча горомъ и планиномъ,
И западе друму зеленоме,
Ал' то иду петнаесъ Туракахъ,
А кад' она Турке угледала,
Ужди пушку, кликну Црногорце:
„Ха сад' браћо за Бога єднога!
Убиласамъ Ченгић' Хасанагу!“
А кад' оно Турцы разумѣше,
Плећи даше а бѣжати сташе,
Сама главу Аги окинула,
И узе му свіетло оруже,
Пояха му дебела парипа,
Па отиде у Цуце камене;
Оно мало доба постояло,
Мало доба за неђелю данахъ,
Кньигу була накитила Фате,
А шилѣ є у Цуце крваве,
А на руке Станишиной люби:
„Чуй Крстиньо Станишина любо!
Ты си мене очи извадила,
Господара моега убила,
Ясамъ була Аге Хасанаге;
Но ако си права Црногорка,
Айде с' ютра на равне пржине,
Да видимо коя ћ' быти боля,
Немой мене учинѣт' невѣре,
Да некажешъ брату ни ђеверу,
Но да дођешъ сама на пржице,
И я була сама безъ никога.“
Кад' Крстиню кньига допанула,
Она збачи женско одіело,
У одѣло обучесе Турско,
Вашъ у оно Аге Хасанаге,
И припаса двіе пушке мале,
Међу ньима ятагана ножа,
А на рамо сяйна цефердана,
Па пояха претила парипа,
И отиде прозъ Цуце камене,
Свуда виче изъ грла біела:
„Є ли ђегођъ брата Црногорца!?
Неубій ме на-мѣсто Турчина,
Е ніесамъ него Црногорацъ.“
А ка дође на равне пржине,
Ал' є була довела ђевера,
По имену Агу Османагу;
Кад' угледа Туре Црногорку,
И познаде рухо и оруже,
И парипа коня братовога,
Свога брата Аге Хасанаге,
Паксе бачи вранцу на рамена,
Уришъ чини да і' уфати живу,
Ал'се она фататъ недаваше,
До упали двіе кубурліе,
Живо му є срце опалила
Ста дріемат' Турчинъ на вранчића,
Она викну изъ герла біела;
„Стан' Османе, и братъ ти є заспо!“
Па Осману окину и главу,
И узе му коня и оруже,
А кад' була оно угледала,
Плећи даде а бѣжати стаде,
Ал' іой Цуцка бѣжат' недаваше,
Но ѥ стиже и своза ѥ брже,
Пакъ поведе у камене Цуце,
Те ѥ узе дома за момицу,
Да іой ђецу у бешику шика,
И држа ѥ петнаесть годинахъ,
Пакъ ѥ посла нека дома иде.

144.

Баіо Пивлянинъ.

(Одъ попа Гаша Поповића Пипера.)

Турско момче піе вино хладно,
Силно Туре Марићъ Алайбего,
У ліепу варошъ Дмитровицу,
Служи вино Хайкуна ђевойка,
Гологлава кано мушка страна,
Десномъ рукомъ чашомъ позлаће-
номъ;
Вино пію разговараюсе,
Доксе добра натрошили вина,
А одъ вина ћеифъ заузели,
Но бесѣди Марићъ Алайбего:
„Сыновице Хайкуно ђевойко!
За све си ме послушала сынко,
Ходи сыну и сад' послушай ме,
Узми сыну одъ Сріема Муя,
Е є Туре сасма имовито,
Овце су му Сріемъ притиснуле,
Пчеле су му небо премрежиле,
Друго благо хесапа му нейма."
Хайкуна є чашу поставила,
Халайбегу ріечъ говорила:
„За свесамъ те Стрико послушала,
А за то те послушати нећу,
Єрсамъ чула ђе говоре люђи,
Да є Сріемъ земля грозничава,
Одъ грознице ту пискаю тице,
Акамоли коньи и юнацы;
Што ће благо кад' остане пусто?...
Но самъ чула одъ старице майке
За некаква Ришнянина Маха,
Да ме Туре просило у майке
Само луду одъ седамъ годинахъ,
И ніе ме кћела дати майка,
Сад'ћу нѣму кньигу одправити,
Да онъ дође шехеръ Дмитровицы,
Да ме Туре испроси у майке,
Аколи ме нећe дати майка,
Вѣра моя сама ћу му поћи."
То є рекла на ноге скочила,
У ходаю млада ушетала,
На колѣно кньигу накитила:
„О Турчине Ришнянине Махо!
Ты си мене просіо у майке
Само луду одъ седамъ годинахъ,
И ніе ме кћела дати майка;
Но акосе оженіо ни си,
Даси брже шехеръ Митровицы,
Да ме Туре испросишъ у майке,
Аколи ме дати нећe майка,
Вѣра моя сама ћу ти доћи."
Посла кньигу Рысну на краину,
Када кньига до Турчина дође,
Те видіо што му кньига каже,
Нагналосе Туре неженѣно,
Те му кньига тврдо мила была,
Па сигура ђога дебелога,
Одѣнусе што може найлѣпше,
А припаса свіетло оруже,
У цепове узе доста блага,
Паксе Туре бачи на коньица,
И отиде Босномъ каловитомъ,
Докле шехеръ Дмитровицы дође;
Добросу га тамо дочекали,
И запроси Хайкуну ђевойку,
Туре проси, майка му є дае,
Прстенъ даде стотину дукатахъ,
Іошъ на огледъ изводе ђевойку,
Колико є силна и ліепа,
Толико є танка и высока,
Іошъ на ньойзи одіело фино,
Єдна глава а тры перишана,
Іедно грло а трысу ђердана,
Два одъ злата трећій одъ бисера,
Іедно срце тры чекркли паса,
Два одъ злата трећій одъ сафата,
Іедне плећи а тры су кавада,
Два одъ свиле трећій одъ кадифе;
Гледа Туре ліепу ђевойку,
Колико му очи заніела,
Іошъ изброи стотину цекинахъ,
Прстенъ дае свадбу уговара,
Оно бѣше о Дмитрову данку,
Нека свадба о ђурђеву данку,
Кад' окопни сніегъ по планини,
Кадъ є доста и траве и листа,
Кадъ изяве на планине овце,
И кад' буде ягнѣ за закланѣ,
Кадъ посаде Турцы лубенице,

А награде шокцы воденице;
То рекоше паксе раздвоише,
Отле Туре на трагове пође,
А кад' двору омрчену ... дође,
Али га є кньига допанула,
Одъ хайдука Пивлянина Бая:
„Чу ли мене Марко ... побратиме!
Єл' истина што ми люђи кажу,
Єси бозна свадбу углавіо,
О честиту данку Ђурђевоме,
Но ти Туре мое яде кажемъ:
Мошъ ли знати єс' ли запазіо?
Када мене изгнаше Турцы,
Вашъ исъ Пиве мое постойбине,
Я оставихъ кућу и баштину,
Собомъ узехъ нешто мало блага,
Паксе дигохъ трговати шъ ньиме,
По косову, и око Косова,
И по Пећи и Нову-пазару,
По Призрену и по Пріеполю,
По Сѣницы и по Ђаковицы,
По Морави и око Мораве,
И по Босни и Херцеговины,
И закупихъ малу трговину,
Трговину хиляду воловахъ,
Дођохъ шъ ньима Рысну на краину,
Ты си мене дочекао дивно,
Узе мене тешку баждарину,
Єсъ на мое хиляду воловахъ,
Узе мене хиляду цекинахъ,
Ни ту некће паре ни динара,
Ии у жуто Млетачка цекина,
Но ми узе свіетло оружѣ,
Узе мени пушку цевердана,
Коя бѣше у Вучю ковата,
У Букрешу граду окивата,
И узе ми саблю одъ пояса,
Коя бѣше у Фочу ковата,
А у Луку-Баню окивата,
И узе ми двіе пушке мале,
Кое блѣху у Млетке ковате,
У біелу Скадру окивате;
Кунемъ тисе вѣромъ и закономъ!
Више валя Баіово оруже,
Него двіе хиляде цекинахъ,
Но ми пошльи свіетло оруже,
Іошъ своръ нѣга стотину цекинахъ;
Акол' ми га ты послати нећешъ,
Кунемъ тисе а вѣру ти давамъ,
Каде дође данъ светый Ђорђіе:
Ты ћешъ тадаръ свате подигнути,
А мене є земанъ за хайдуке,
Скупићу ти пестотин' хайдукахъ,
А предъ ньима тридесть харамбашахъ,
Неке ћу ти казат' по имену;
Што су свѣма побро человође!
Одъ коритахъ Лима побратима,
Іошъ юнака Плавшу харамбашу,
Кои триста знаде распутицахъ,
Іошъ и Рада одъ Коньица града,
И юнака одъ Клобука Вука,
И Милића исподъ Медевића,
И Вулића брата Милићева,
Па два друга ... одъ зелена луга;
Довешћу ти двое Латинчади,
Коя добро пушкомъ стріеляю,
Стріеляю а не гріешаю,
Довешћу ти Познанъ капетана,
Што познае у поноћи друга,
Како другій кадъ огріе сунце;
Іошъ Гаврана испреко Дунава,
Довешћу ти Пловкића Маркића,
И витеза Хайдук-Малетића,
Малѣницу и Опалѣницу,
У планину дасе обидемо!"
Кадъ Турчину така кньига дойде,
Те видіо што му кньига каже,
Небыла му мила николико,
Ма се Туре одати нехоће,
Но є Баю другу одправіо:
„А нелудуй Пивлянине Баіо!
Што те твои пестотин' хайдукахъ,
А на мое седамстотин' сватахъ?
А тако ми Муха-меда свеца,
Купићу ихъ у седамъ градовахъ,
Ђегођъ нађемъ коня и юнака!"
На томесе разминуло было,
До честита дана Ђурђевога,
А кад' частитъ Ђурђевъ данакъ дође,
Тада Туре силу окупило,
И подиже седамъ стотин' сватахъ,

А отиде Босномъ каловитомъ,
Докле шехеръ Дмитровицы дође;
Добро су га тамо дочекали,
Даровали и дали ђевойку,
Пакс' отоле сваты подигоше
И зеленомъ планиномъ хойдоше,
Докле дошли на Слано каменѣ,
Ту сватови конакъ учинили,
А Баіо имъ привео хайдуке,
Ноћевали сваты до хайдукахъ;
А кадъ свану и сунце огрхну,
Но дођоше ђеверы къ ђевойцы,
Ал' говори Туркиня дѣвойка:
„Ой ђевере деліо Халія!
Я самъ ноћасъ чуданъ саннъ виђела:
Ведро бѣше паксе наоблачи,
Изъ облака силна росса лађе,
Па се црномъ крвю прометнула,
Те свакога свата накропила.“
Рече Хале: „Муч' ђевойко враже!
Непоменюй крвцу у планину.“
Па дигоше на коня ђевойку,
И хойдоше зеленомъ планиномъ,
А кадъ мало понапріедъ были,
Опеть вели са коня ђевойка:
„О ђевере деліо Халія!
Чуданъ юнакъ преко друма пројe,
А на нь' бѣше црна тамбарина,
Преко нѣ се сабльомъ препасао,
Ка' да бѣше Плавша харамбаша,
Те уходи кланце и друмове.“
Рече Хале: „Муч' ђевойко враже!
Непоменюй Плавша у планину,
Далеко є, а іошъ далѣ быо!“
Ал' хайдуцы граде метеризе,
И добросе блѣху наредили,
Докъ сватовы првыи уминули,
А заднрійсу међу ньима были,
На сватове огань навалише,
Петь стотинахъ пуче цефердарахъ,
Ньихъ турише мале новадише,
Петь стотинахъ маліехъ пукоше,
Ньихъ турише саблѣ повадише,
А у свате юришъ учинише,
Ни єднога жива непустише,
До утече Ришнянине Махо,
Измачесе Туре у планине,
Оста сама на коня ђевойка,
И кодъ нѣ є ђевере Халія:
Но допаде хайдукъ Маленица,
Подъ ђевойке коня уфатіо,
А вели му ђевере Халія:
„Макс' отоле потаквій хайдуче!
Я ѐ нећу пуштит' ни болѣму,
Акомоли тебе найгорему.“
Жа то было хайдукъ Маленицы,
Одъ пояса саблю извадіо,
Малій бѣше дофатит' неможе,
Да му добру одсіече главу,
Но съ пріедъ га удри по поясу,
Два ђевера одъ нѣг' направіо,
И узе му коня и оруже,
А поведе Туркиню ђевойку,
Нађе Бая подъ єломъ зеленомъ,
Око себе ђе купи хайдуке,
Небѣше му раннѣнога друга,
Поклони му Туркиню ђевойку,
И сѣде ѐ Баіо усъ колѣно;
Но да ти є Маха погледати!
Ка се Туре прозъ травицы вуче,
Доксе быо близу примакнуо,
Оно гађа везеномъ щишаномъ,
Непогоди Пивлянина Бая,
Но кодъ Бая Хайкуну ђевойку,
Живо іой є срце опаліо,
Па дозива изъ грла біела:
„Побратиме Пивлянине Баіо!
Поврни ми мое несуђенѣ,
А да ћу ти свіетло оружѣ
Іошъ сврь нѣга стотину дукатахъ!“
Но му вели Перѣноша Баіо:
„Зло да ти є, Ришнянине Махо!
Зло да ти є, и горе ти было!
Твоя ю є пушка осмртила,
А оружѣ да ћешъ на срамоту.“
Па скочило двое Латинчади,
Да изгубе Ришнянина Маха,
Но имъ неда' харамбаша Баіо:
„Некате га Моя дружбо драга!
Нека иде двору біеломе
Злога гласа а црна образа,
Да кажуѣ како му є было!“

Тад' хайдуцы скупише оруже,
И са Турак' одіело фино,
Сви хойдоше у кршно ПриморѢ,
Вино пити, тесе веселити,
Ха нека ихъ весела имъ майка!

145.

Хавалацъ.

(Одъ попа Гаша Поповића Пипера.)

Пію вино тры Србске войводе
У механу кодъ мора синѢга,
Єдно бѢше КралѢвића Марко,
Друго бѢше воевода Янко,
Служи вино одъ Авале Раде;
Кад'се Србы напоише вина,
Но бесѢди КралѢвића Марко:
„Фала Богу, фала великому!
Єли игђе доброга юнака,
Ко бы доша ође безъ тестира,
Безъ тестира те бы піо вина?“
Но бесѢди одъ Авале Раде:
„Нефалтесе мои побратими,
Я знамъ, рече, доброга юнака.
Єсть онога Сехратлію Муя,
Онъ бы доша овђе безъ тестира,
Безъ тестира онъ бы піо вина,
На срамоту вама обоицы.“
Тадаръ кличе и Марко и Янко,
Єдда Богъ да донеси га овђе,
Да му пасю откинемо главу!“
Мало было дуго нетраяло,
Прамаксе є магле зађенуо,
По пржниы по край мора слана;
Изъ магле є юнакъ излетіо
На врангићу коню великоме,
Предъ механу вранца разяхао,
Па ушета у механи винской,
Кад' га виђе и Марко и Янко,
Обоица на ноге скочише,
Те му чашу съ виномъ додадоше,
Но нехоће одъ Хавале Раде,
Ни устае ни му чаше дае,
Но говори Сехратлія Муіо:
„Копилляне одъ Хавале Раде:
Штосе курво недигнешъ Турчину,
Ка' се о те больи подигоше?
А тако ми вѢре у коюсамъ!
Да ми ніе рад' КралѢвић' Марка
Я быхъ твою окинуо главу!
Те рекоше на ноге скочише,
На остресе саблѢ ударише,
Доксе пусте обѢ саломише;
За бѢласе грла дофатише,
Тесе носе лѢтный данъ до подне,
А кад' дневи половина пројe,
Єсу хоба пѢне попануле,
Но говори одъ Авале Раде:
„Побратиме КралѢвића Марко!
Ал' помози мене ал' Турчину!“
Но говори КралѢвића Марко:
„А нелудуй Раде побратиме!
Срамота є по два на єднога,
Но да ли ти синоћъ неговорихъ,
Да за вино ханџаръ незалажешъ;
Да є тебе сада за поясу,
Те бы Мую срце извадіо.“
Овдаресе Раде сѢтовао,
Одъ пояса ханџаръ извадіо,
Те Турчина у срце удріо,
На ханџаръ му срце истргао,
Па шъ ньимъ махну съ десне на лѣву,
Положи га у механи винской,
А сѢде му на прси широке,
Пакъ хотиде почіеват' Раде;
А када є труданъ починуо,
Починуо на ноге скочіо,
Одъ яда є Туре разкроіо,
Ал' у нѢму тры срца юначка,
Єдно мусе бѢше уморило,
А другосе теке разиграло,
Треће спава за то и незнава,
И на нѢму Змія кравосица,
Дасе змія пробудила была,
Бы Радеве очи извадила.
Сада виђи драгій побратиме!
Како чине Србльи витезови
Одъ Турчина свога душманина;
Тешко Турцма ратуюћ' съ юнацма!

146.

Цуце.

Гласъ допаде на краину Никшу,
Да су Цуцке изявиле овце,
Изявиле у Кобилѣ доце,
Паксе мала чета подигнула,
Пред'ньомъ бѣше Горчиновићъ Ђуро,
Бѣше ускокъ одъ горице Црне,
Чета пође рамнимъ Рудинама,
А кад' дође у Кобилѣ доце
Ал' ихъ ніе у Кобилѣ доце,
Ма говори Горчиновићъ Ђуро:
„Айте за мномъ Турцы одъ Никши-
ћахъ."
Отидоше низъ Рудине равне,
Угледаше овце и чобане,
Тры чобана петъ стотин' овацахъ,
Па овцама Турцы западоше,
И на бѣле овце ударише,
Ал' чобаны недаћаху овце,
Но говори Горчиновићъ Ђуро:
„Вѣра ви є божа Црногорцы!
Мы ви овце узети нећемо,
Нит' ћемо ви хиле учинѣти,
Веће друге ђесу Цуцке овце."
Вѣрны бѣху Бога вѣроваху,
На божу ихъ вѣру пуштаваху,
Іошъ ихъ пита Горчиновићъ Ђуро:
„Ђе су друге овце и чобаны?"
Ал' му вели Іововићъ Станиша:
„Мы незнамо ђесу ни какосу!"
Вукъ Іововићъ бѣше у главицу,
На Станишу брата повикао:
„Бѣж' Станиша жива т' уфатише,
Ніе нигда вѣре у Туракахъ!"
Кад' Станиша оно разуміо,
Плећи даде а бѣжати стаде,
Ал' му Турцы утећ' недадоше,
Већ' уждише дванаесъ пушакахъ,
Ліеву му ногу саломише,
Раннѣнъ паде у листъ и у траву,
Таденъ Турцы ноже повадише,
На Станишу уришъ учинише,
Да нѣгову одасѣку главу;
Ал' га Вуко посѣћ' недаваше,
Већ' га брани своимъ цевердапомъ,
Теке Турцы поћераше овце,
Ма ихъ Вуко брже осветіо,
Четиры имъ главе окинуо,
Бѣже Турцы съ овцамъ путъ Никшићахъ,
Вукъ раннѣна уграби Станишу,
Понесе га у Цуце камене.
То є мало доба постануло,
Вукъ покупи по Цуцама войску,
Скупи другахъ триста и педесетъ,
И уводи Корѣничке овце,
А кад' Вуче уходіо овце,
Своіой быо дружби бесѣдіо:
„Сад' дружино да имъ ударимо!"
Кад' дружина Вука разумѣла,
На біеле ударише овце,
Уграбише хиляду овацахъ,
И петъ стотин' коняхъ и воловахъ,
Осамъ главахъ Турцым' осѣкоше,
И шеснаестъ робахъ заробише.
Ма имъ робе на трагъ повратише,
Е све бѣше лудо и неяко,
И неваля нигда свакояко,
Одъ страхасе живо искидало.
Овце здраво у Цуце займише,
А никаква непогибе друга,
Здраво доше шићаръ діелише,
Тако Цуце! Радосно ви срце!

147.

Момчила смертъ.

(Одъ истога Петра Мркаића.)

Кньигу пише кралѣ Вукашине
Тер' іе шалѣ Пилитору граду,
Видосави Момчиловой люби,
У кньизи іе дивно поздравяше,
И овако кралѣ говораше;
„Отруй мени войводу Момчила!
Іа ћу тебе узетъ за любовцу,
Нека бидешъ кралѣва кралица,
У ніег' дерешъ чоху свакояку,
У мене ћешъ свилу и кадифу,

Висер' низать на жице от' злата."
А кад' ньойзи кньига допанула,
Овакому она одговара:
„Чу ли мене кралѢ господару,
Не могу ти отроват' Момчила;
Іера съ ньиме сѢда на трпезу
Девет' кралю братахъ рођеніехъ,
И дванаест' перво-братучедахъ,
Безъ нихъ никад' ние на трпезу;
Него ћемо изгубит Момчила,
Ты покупи твою силну войску,
Ноћно дођи на іезера равна
Покри войску погори зеленой,
Самъ изађи на іезеро вражѢ,
С' собомъ узми цигло двіе слуге,
Штосу прием' Момчила двориле,
Па ты распни чадор' код' іезера,
Зашто иде Момчило войвода,
Иде краліу сваке неђельице,
Ловъ ловити у равна іезера,
Уза с' води девет' братахъ своихъ,
И дванаест' перво-братучедахъ,
Куд' год' иде нињ' их' неосталя;
У Момчила і' былѢ у перчину,
А и крила у нѢгова коня,
Кад' он' дође испод' града свога,
Он' неиде на врата одъ града,
Нег' излети Пилитору своме,
На крилма га вилен' конь износи,
Украшћу му былѢ из' перчина,
Што за нь сабля прионут' неморе,
А коню му опалити крила,
И недат' му сабліу од' мейдана,
Ни му дават' коплѢ убоито,
Како Момчил' на іезера сиђе,
Тер у гледа чадоръ код' іезера,
Срдцу своме одолѢти неће,
Момчило іе собом' іунак' страшный,
На чадорће коня нагонити,
Тысе скочи драгій господару:
„„Добро даша' Момчило войвода!
Іасам' дошо теби на виђенѢ,
Даме учиш' лов' ловити собом',
Него сіаши да пиемо выно.""
А нек' скоче твое двие слуге,
Штосу прием' у Момчила быле,
Конь мус' од' ньи поплашити неће,
Нек' му коня узму провођати,
Па нек' нѢму крила повриеде,
Повриеде и раскерваве их',
А ты сѢди те пій ш' ньиме выно,
Тадай кралѢ нек' ти удри войска,
Силна войска и са свиехъ странахъ,
Такоћемо нѢга преварити,
И Момчила тако изгубити
Другчіе мус' досадит' неморе;
Само држи што си обећао
Твоіа ліуба іедва чекам' быти,
Назватисе кралѢва кральица!"
А кад' краліу гласъ и книга дође,
Краль Вукашинъ приевара стара,
Брже силну сакупио войску,
Ш' ньоме иде на іезера равна,
Ноћно дође у іезера с' войском',
Войску покри по горы зеленой,
А онъ иде на іезеро вражіе,
Код' іезера чадоръ разапео
И са собомъ двіе слуге води,
Штосу приедъ код' Момчила быле;
У то дође Света неђельица,
Како Момчилъ изъ цркве изађе
СѢде ручать у біелу двору
И шъ ным' деветъ миліехъ му братахъ,
И дванаестъ првобратучедахъ
Како с' руча да у ловъ одлазе.
Ал' Момчило заспо на трпези,
У руцыму пуна чаша вына,
Упусти ѥ изъ биеле руке,
Чаша прште а выносе проли,
Тад' Момчилу браћа говорила:
„Богъ намъ съ тобом' Момчило войвода,
И прие смо брате пили вино,
Ал' ниесмо брате дриемали:"
На то Момчи л' браћи говоріо:
„Мало тренухъ, и брзосе пренухъ,
Али у сну страшан' сакакъ виђохъ:
Ђе сидосмо на іезера равна,
Свакомъ виђохъ моя брађо драга,
Око грла црвену мараму,
Мени, браћо, змиу шесто-крилу,
Одвия ѥ сестра Анђеліа,

А привія люба Видосава,
Бог' ће дати даће добро быти."
Момчилусу браћа говорила:
„Та небойсе брате добро наше!
Ошта сисе брате препануо?
Сань є клапня а Богъ є истина,
Бог' ће нама помоћъ ако Бог' да! —."
Сви отоле на ноге скочише,
Люба му є коня изводила,
Изніела госпоцко оружѢ;
Неноси му одъ боя оружѢ,
Нег' му носи коплѢ костеново;
И носи му саблю измашиву,
Како махне да мусе измахне,
А любовцы Момчил' бесѢдіо:
Ђе є любо одъ боя оружѢ?"
Но му хитро кучка одговара:
„Што ће теби, драгій господаре,
Што ђе данасъ одъ боя оружѢ?
Да ти хрђа по гори зеленой!
Нет' бой бити съ кралѢмъ Вукашиномъ,
Веће носи госпоцко оружѢ."
У томе га кучка преварила,
Преварила да є богъ убие!
Оде Момчилъ у іезера рамна,
Са своміъ браћомъ и са братучедма,
Како Момчил' на іезера сиде,
Виђе чадоръ код' іезера вражія,
Пакъ устави коня одъ мейдана,
А овако браћи говорио:
„Што ће рећи моя браћо драга?
И приє смо овудъ ловъ ловили,
Тог' чадора овђе ніе било?"
Срцу своме одолѢть неможе,
Нег' на чадоръ коня наћерао,
Поће чадоръ на коплѢ дизати,
Алсе пусто коплѢ преломило,
Онъ потеже саблю одъ бедрице,
Да чадору конопе сиече,
Алсе пуста сабля измашила;
У то скочи Вукашине кралѢ:
„Бог' ми съ тобом' Момчило войвода!
А што сисе брате препануо,
Са мномъ нема него двие слуге,
Дошаосам' теби невиђенѢ,
Ловъ ловити по равна іезера,
Довеле ме двие твое слуге,
Што су пріедъ у тебе служиле;
Мени кажу за твое юнаштво
Него саши да піемо вино,
Па ме учи ты ловакъ ловити."
У томъ га є курва преваріо,
На то Момчил' кралю вѢровао,
Сяха съ коня иде под' чадора,
Слуге су му коня прифатиле,
Приватили коня виленега,
Водаю га тамо и овамо,
Па му ядну крила повређую,
Стои цика коня одъ мейдана,
Ал' за луду Момчилъ нечуяше,
Него о' кралѢмъ ладно піе вино,
У то доба войска са све стране;
Тада виђе Момчило войвода,
Ђе га силна освоила войска,
А неима одъ боя оружѢ!
Сву му найпре браћу изгубише,
Онсе єданъ коня дофатіо,
Пакъ онъ бѢжи Пилитору своме,
Іошъ нагони вилена коньица,
Да излети граду на бедеме,
Како што є вазда му чиніо:
Одъ куће му іаданъ излећети,
Кад су нѢму крила опалѢна,
ОпалѢна и окрвавѢна,
Већ' га гони на врата одъ града
Ал' одъ града врата затворена,
Затворила невѢрна любовца;
Виђе Момчил' да є погинуо,
Па завика иза свега гласа:
„Анђеліа моя ядна секо!
Пушти мене низъ бедеме платно
Неби л' брата свога скапулала."
Кад' то чула сестра Анђеліа,
Спуштила є платно низъ бедему,
Ал' га Момчил' дофатить неморе,
Кадсе млада на невольи нађе,
Пасъ одпаса те на платно веже,
И тако га дофатит' неморе,
Па до главе косу одрезала,
Те є за пасъ косу надвезала,
За платносе Момчил' дофатіо,

Потеже га сестра узъ бедеме,
Готово га изниет' біяше,
Ал' долеће кучка Видосава,
И у руцы остре ноже носи,
До руке є платно одрезала,
Паде брате Момчил' низъ бедеме,
Дочекага Вукашине кралю,
На маче га разніеше жива,
И умрие покойна му душа,
Издаде га невѢрна любовца,
О невѢро нигђете не било!
Одавно ти еси постанула.
А кад' виђе кучка Видосава
Ђе погибе Момчило войвода,
Одъ града іѐ отворила врата,
Краль улази са свомъ своіомъ вой-
скомъ,
Па га води у биеле дворе,
Даде нѢму Момчилово благо,
Изнесе му саблю Момчилову,
Краль ѐ не мож' са землѢ дигнути,
Не могао съ обадвие руке;
Износи му капу Момчилову,
Што Момчилу на верхъ главе стала,
Она кралю до паса панула;
Кад' изнесе чизме Момчилове,
Ђе Момчилу єдва нога стала,
Васъ є. кралѢ допаса стануо;
Кадсе смысли Вукашиине кралю!
Да любовца нѢг' изневѢрила,
Свог' Момчила, таквога юнака,
Кога ние Србкиня родила,
Већда майка Милошъ Обилића,
Закопава Момчилову любу,
Закопа ѐ у землю до паса,
А да гледа сва нѢгова войска,
Па ѐ церним' обасиплѢ прахомъ,
Запали ѐ су четиры стране,
Нека иде у мутне облаке,
Паксе скочи Вукашине кралю,
Тражи Анђу сестру Момчилову,
Нашао ѐ у шикли-одаю,
Деветоро затворила вратахъ,
Люто цмили, оплакує брата,
Краль іѐ узе за биелу руку,
Овако ѐ кралѢ разговара:

,,Небойс' Анђо сестро Момчилова!
Іа ћу тебе узет' за любовцу,
Да ми будешъ у двору краљица,
Іа т' ниесам' брата изгубио,
Нег' нѢгова невѢрна любовца,
А я самъ га дивно осветио,
ОгнѢмъ сам' му любу изгорио.“
Іошъ Пилиторъ кралѢ поробио,
Разорио огнѢм' изгоріо,
Ни данъ данасъ ніесъ оградио;
Анђелиу бѢлу двору води,
Тер' ѐ узе за вѢрну любовцу,
Анђе нѢму дивный породъ роди,
Кралић' Марка и краљићѢ Андрію.
Богъ убио свакога юнака,
Ко ће жени у свемъ вѢровати.

148.

Герзелезъ.

(Одъ истога П. Мркаића.)

Ловъ ловіо Бановићъ Секуле,
Поредъ Саве и краемъ Дунава,
Ал' Секулу лоша срећа была,
Пала магла одъ неба до землѢ,
Густа магла кано облачина,
Да невиди онъ подъ собомъ ђога,
Анекмоли да улови лова.
Ал' изъ магле добаръ юнакъ виче:
,,Ніе л' майка родила юнака,
Да онъ мене до Дунава дође,
Да ми русу посіече главу,
Єр' самъ юнакъ остарао люто,
И мени є животъ омрзао?!
Тко м' учини то велико добро,
Код' мене ће шићаръ шићарити,
Добра коня и болѢ оружѢ!“
То зачуо Бановићъ Секуле,
Бога моли дасе магла дигне,
Да онъ нађе невольна юнака,
Да му Секулъ посіече главу,
Да учини себ' и нѢму добро;
Богъ му даде тесе магла диже,
Онъ находи невольна юнака

На обали те воде Дунава,
Войно копѣ у землю побіо,
А за копѣ коня привезао,
Добра коня него укована;
Турчинъ юнакъ тер' є и кланяо,
Секулусе полошъ учиніо,
На нѣга є ђога нагоніо,
Те му добра коня дофатіо,
Шъ ньимъ одлази узъ воду Дунаво,
Турчинъ нѣму небіо мукаеть,
Докъ свршіо намазъ по закону;
Кад' свршіо намазъ по закону,
Поче ћерат' пѣшице Секула,
И овако нѣга довикуе:
„Стан' Секуле жалосна ти майка!
Остави ми добра коня мога,
Та да си ми юче побѣгао,
Данасъ быгъ те жива уфатіо."
Препадесе Бановић' Секуле,
Остави му коня укована,
А онъ бѣжи край воде Дунава,
Кадсе Турчинъ коня добавіо,
Онсе баци коню на рамена,
Докъ му коньицъ уковъ угріяо,
Брже стиже Бановић' Секула:
Виђе Секулъ да є погинуо,
Пакъ у воду коня наћерао,
Турчинусе жао квасит' было,
Нешће за ньимъ у воду газити,
Нег' потеже топузъ одъ ункаша,
Те онъ гађа у води Секула;
Ал' Секулу добра срећа была,
Неудари нѣга ни ђогата,
Нег' у бойно седло подъ Секуломъ,
Колико га лахко ударіо,
Исподъ нѣга седло ишћерао,
Те му коню низъ уши пануло,
Но Секуле добаръ бинђія,
На добрусе коню одржао,
И препливо' широко Дунаво
Па на голу путъ Сибиня иде,
Угледа га Бан-войвода Янко,
Паксе, брате, сміе на Секула:
„Камо теби седло са ђогата?"
Све му Секулъ по истини каже,
Како га є Турчинъ преваріо,
И іошъ мусе полошъ учиніо;
Кад' Секула Янко разуміо,
Овако є нѣму говоріо:
„Богъ ме сыне добрас' останую,
Оно ніе полоша делія,
Него главомъ Герзелезъ-Алія,
И мене є тако намаміо,
Намаміо те ме преваріо,
И я єдва главу изнесао."

149.

Одкудъ є Герзелезъ.

(Одъ истота П. Мркаића.)

Два юнака сніегъ запануо.
У Романій више Сараева,
У пећини студеной стіени,
О Митрову данку біеломе,
Башъ Новака и шъ ньимъ Радивоя;
Али Новакъ Раду бесѣдіо:
„Садъ штођемо брате одъ живота?
Неимамо за хашлука блага,
Су чимъ бысмо зимовали зиму;
Нег ме води шехеръ Сараеву,
Небы л' мноме преваріе Турке,
И у Турак' измаміо благо,
Су чим' бысмо зиму изимили."
Али му є Раде бесѣдіо:
„Досад' самъ те тры путъ продавао,
Познаће те Сарайліе Турцы,
Па ћ' изгубит' и мене и тебе,
Нег' Новаче мой рођеный брате,
Обрій мене што морешъ найлѣпше,
А ођеди што морешъ найболѣ,
Па ты мене води Сараеву,
Те ты мене продай на телала,
Тако ђемо преварити Турке."
Па обрія и ођеде Рада,
Одведе га шехеръ Сараеву,
Те га даде на Турског' телала,
Милій боже чуда великога!
Чудиласе и гора и трава,
Ђе продава Новакъ Радивоя
У ліепу шехеръ Сараеву,

У Турака на Турског' телала;
Добра мусе муштерія нађе,
Турска млада Ирама ђевойка,
За нѣг' дава два товара блага,
Врагъ донесе булу удовицу,
Те ђевойку благомъ надметнула,
За нѣг' дава тры товара блага,
И сувише тры коня витеза
На чиме ће благо пођерати;
Кад'се Ново блага дофатіо,
Шъ ньиме бѣжи горы Романніи,
У пећину студену стіену,
Рада була узима за руку,
Па га води у біеле дворе,
Іедва чека докъ до двора дође,
Млого іойсе ліепъ учиніо,
А кад' дође у біеле дворе,
Даде Раду вина и ракіе,
И даде му лулу и тамбуру,
Нека пѣва тесе разговара.
Вечеру є Була приправила,
У свем' двору што има найлѣпше,
Іедва чека була удовица,
Докъ іой, брате, мукла ноћца дође,
Па простире мекахну постелю,
Стере була душекъ връ душека,
Меће свиленъ іорганъ свръ іоргана,
Леже, брате, съ Радомъ у постелю,
Шъ ньимсе люби одъ ноћи до дана,
А кад' съ ютра понеђелникъ свану,
Масе диже Ване Радивое,
Те излази на пенџеръ одъ куле,
На деснусе подниміо руку,
А у себи невесело люто,
Ма га була грли и целива:
„А мой міо штоси невесео,
Ол' ти ніе угодна вечера?
Ол' ти ніе мекахна постеля?
Ол' у волю ніе теби була,
Млада була Турска удовица?
Оли самъ ти лоша вина дала,
Оли мыслишъ да я неймамъ блага,
Него дасамъ све за тебе дала,
Имамъ душо живота ми твога!
Тры путь више негсамъ за те дала.“
Ма є ньойзи Раде бесѣдіо:
„Све і' увольно мени и погодно!
А по вольи була удовица,
И я знадемъ да іошъ имашъ блага,
Нег' самъ юнакъ ловацъ одъ планине,
Кои самсе често научіо
Ловакъ ловит' по горы зеленой;
А сад' ловцы иду у планину,
Те да лове лова свакояка,
То є мене каде необично
Овђе сѣдећ' у дворе код' тебе,
Я самъ за то невесело люто,
Єръ ме могу ловцы прекорити.“
То кад' чула була удовица,
Томсе була обрадова тешко,
Ђе є була ловца добавила,
А незнаде, жалосна іой майка,
Да купила изъ горе хайдука,
По имену Дели-Радивоя;
Паксе скочи одъ землѣ на ноге,
Найболѣга коня оправила,
Ођеде га што може найлѣпше,
Нѣму даде свіетло оружѣ,
У свом' двору што има найболѣ,
А насу му пуне цепе блага,
И даде му на руку сокола;
До вратахъ га була испратила:
„Айде зъ богомъ мое мило драго!
„Потежисе те ми брзо дођи,
Немой мисе млого утрудити,
Ако нећешъ ни уловит' лова.“
Кад'се Раде коня добавіо,
Добра коня а болѣг' оружя,
За турцима иде назорице,
Доксе Раде горе дофатіо,
Сокола є о ками удріо,
А коню є главу осѣкао,
Па изъ горе Турке дозиваше:
„Айте зъ богомъ Сарайліе Турцы!
Поздравте ми булу удовицу,
Я ћу ньойзи брзо тамо доћи,
Кад' іой врба ситно грожђе роди,
Люта драча зелене ябуке —.“
Па заграя како црный вране,
Зачуо га, брате, исъ пећине,
Те завія како мркій вуче,
По томесе гласу састадоше,

Зимоваше у пећини стѣни;
И то време за дуго небыло,
Али була чедо породила,
Лудо чедо него мушка глава,
Ліепо му име изабрала,
По имену Герзелез-Алія,
Коликоно чедо омрцаше,
Трыпуть више ютромъ освиташе,
Кад' нарасте од' двадесть годинахъ,
Поче пити по механи вино,
И съ Турцима игре заметати,
Свакога є игромъ надиграо,
Пакъ ихъ поче звати на мейдане,
Млоге Турке брзо исѣкао,
Ал' бесѣде Сарайліе младе:
„Ну погледай курве копиляна!
Што є нама млого додіяо,
А нѣмусе ни бабо незнаде.“
То є чуо Ђерзелезъ Алія,
Зао бѣше юнакъ одъ укора,
Брже трчи свом' біелу двору,
Пакъ є бритку саблю извадіо:
„Кажи майко, ђе ми є бабайко!
За што мене зову копилякомъ?
Я ли ћу ти сад' осѣћи главу!“
Кад'се була на невольи наће,
Све му право каза по истини,
То кад' чуо Ђерзелез-Алія,
То є нѣму млого мило было:
„Та я нисамъ курвійнъ копиляне!
Баба имамъ Бана Радивоя;
Кухай майко лахке брашненице,
Я опралямъ себе и дората,
Идемъ тражит' мога родителя.“
Алс' оједе што може найлѣпше,
Сину юнакъ као жарко сунце,
Метну на се чудо и зламенѣ,
А о коню топузъ обѣсіо,
И на бедру саблю припасао,
Іошъ у руку троструку канцію;
Ћера коня горы Романніи,
А кад' быо близу Романніе,
Юнакъ, брате, пѣва иза гласа:
„Ха дорате врло добро мое!
Сад' идемо у гору зелену,
Гамо кажу тры горска хайдука,
Башъ Новака и шъ ньимъ Радивоя,
Іошъ и шъ ньима Груицу діете,
Сва тры валя нам' свезати жива.“
А Груица на стражи біяше,
Па отрча те Новаку каже,
И свом' стрицу Дели-Радивою:
„Ев' одовуд' голема юнака!
Одкакосмо пошли у хайдуке,
Овакій насъ ніе налазіо,
Вассъ се сяє ко на горы сунце,
Іошсе юнакъ съ конѣмъ разговара,
Да ће наске сватры савезати.“
Али Новакъ люта змія бѣше,
Овако є ньима бесѣдіо:
„Ніе лахко таком' ударити,
Нег' витежки да га дочекамо,
Ты Груица на дно Романніе,
Я ћу чекат' на край Романніе,
А ты Раде на средъ Романніе.“
Ліепо є разредіо дружтво,
У то доба Туре на Груицу:
„Вежсе Туре, жалосна ти майка..!“
Ал' Алія наћера Дората,
Удара га трострукомъ канціомъ,
Па му свеза и ноге руке,
Па г' обѣси коню о ункашу;
А кад' было на средъ Романніе,
Дочека га Ване Радивое:
„Стан' Турчине, твою ли ти Нену...!
Лахко ти є лудо везат' дѣте!“
На нь Алія наћера Дората,
Па г' удара трострукомъ канціомъ,
Савеза му и ноге и руке,
Обѣси га коню о ункашу,
Съ друге стране да седло некрива;
Кад' изиђе на край Романніе,
Дочека га Старрина Новаче,
Виче, брате, Новакъ у планины,
А колико лахко виче Ново,
Зъ буковине поліеће лишће:
„Стан' Турчине, кукала ти майка!
Лахко ти є везат' луду ђецу,
Лахко ђецу ал' имъ ево бабо!
Што ће данасъ дѣцу осветити.“
Бре ни Али мило небіяше,
Па Дорату дизгинъ прикупіо,

А у руку зграби топузину,
Удари га неколика пута,
И єдва га бѣше освоіо,
Па му свеза и ноге и руке,
Алє' Алія тешко узмучіо,
Нейма о што обѣсит' Новака,
Докъ є нѣму доцне на умъ пало,
Те Новака у теркію веже,
Ђе му стои диван-кабиница;
Паксе врати къ шехеръ Сараеву,
А кад' дође више Сараева,
Завикао Новакъ изъ теркіяхъ,
„Богомъ брате незнана деліо!
Кажи мисе тко 'си и окле 'си?
Кога ли си рода юначкога?
Коим' ли ћешъ уморит' насъ мукам'?"
Ал' му вели Герзелез-Алія:
„'Да л' Новаче непознавашъ мене?
Я ніесамъ незнана делія,
Него главомъ Ђерзелез-Алія,
Бабо ми є Бане Радивое,
А мой стриче Старина Новаче,
Мой рођаче діете Груица;
Знашъ ли бабо, єси л' запазіо?
Кад' те моя майка куповала
У телала на средъ Сараева,
За те дала тры товара блага,
И сувише тры коня витеза,
Теб' одвела свом' біелу двору,
Шъ ньомсиі єдну ноћцу преноћіо,
А съ ютра данъ майку м' оставіо,
Утекао у гору зелену,
Садъ ме Турцы зову копиляномъ;
Ако ћете мени дати вѣру,
Проћитесе врага и хайдуштва,
У хайдуку нигда господара,
А я ћу вам' животъ опростити,
И довест' васъ шехеръ Сараеву,
Нека виде Сарайліе младе,
Я єсамъ ли курвійнъ копиляне."
Они нѣму тврду вѣру даше,
Пакъ Алія свог' осѣде коня,
Свой троицы одріеши руке,
И води ихъ шехеръ Сараеву,
Кад' Алія Сараеву дође,
Ондай виче иза свега гласа;
„Сад' виђите Сарайліе младе!
Єл' Алія курвійнъ копиляне?
Ев' ми баба Дели-Радивоя,
Ево брата неяка Груице,
Сад' ми рецте, я ви вашу нен;!..?
Єл' Алія курвійнъ копиляне."
Тад' ихъ води къ двору біеломе,
Ту живѣше докъ и помріеше.

150.

Бошнякъ.

(Одъ истога П. Мркаића.)

Сехратліе добре конѣ хране,
Надаюсе лѣту и сеферу,
Лѣто проће ал' сефера небы,
Свису Турцы конѣ продавали,
Али неће Сехратлія Муіо,
Него храни біесна ђогата,
Одъ трећака до седамъ годинахъ,
И добра є коня одгоіо,
Ал' и блага доста похарчіо
Седамъ ћесахъ своихъ готовіехъ,
А седамсе задужіо дуга,
Заложіо куће и баштине,
Ма да видишъ велике неволѣ!
Нестаде му паре ни динара,
Нейма за што купит' ни сіена,
Кадсе юнакъ на невольи нађе,
Онъ старицу майку дозиваше:
„Додай мени узду са ђогата,
Я ћу извест' ђога у чаршію,
Те продати добра коня мога,
Небы ли ми Богъ и срећа дала,
Да б'се тешка одужіо дуга,
Знамъ да главно уфатити нећу."
Узе Турчинъ ђога дебелога,
Ишћера га Муіо у чаршію,
Исподъ нѣга живый огань скаче,
Међу собомъ Турцы бесиђаху:
„Добра коня, а болѣг' юнака!"
Ал' бесѣде хоце и хаціе,
Штосу Муіу благо узаймили;
„Залуду є и конь и юнаштво,

Дужанъ нам' є седамъ ћесахъ блага,
Дао нам' є кућу и баштину,
Да ихъ никад' одкупити неће."
А то чуо силанъ Сехратлія,
Зао юнакъ бѣше одъ укора,
То є нѣму люто жао было,
Мало лакше него мртва глава,
Невесело коня на трагъ врати,
А кад' дође у біеле дворе,
Старица му бесѣдила майка:
„Што є сыне ако бога знадешъ?
Што си тако невесело люто?
Ал' ти ніе по вольи ђогійне,
Ал' ти коню муштеріе нейма?"
Све іой право по истины каже,
Ма га стара майка разговара:
„Небой мисе мое мило дѣте!
Богъ ће нама помоћъ акобогда."
У ріечи кою бесѣђаху,
Ал' ето ти царевъ капиція,
Носи Мую царева фермана,
Ферманъ учи силанъ Сехратлія,
Ферманъ учи а сузе пролива,
Питала га остарѣла майка:
„Што є сынко, огнѣмъ изгорѣла!?
Те є тако жалостиво люто?
Є ли сыне кньига одъ мейдана?"
„Ніе майко кньига одъ мейдана,
Камо среће одъ мейдана да є!
Нег' є ферманъ одъ честитог' цара,
Брж' ме царе у цариградъ зове,
А бога ми моя стара майко,
Ђогу су ми плоче одлећеле.
Па га за што подковати неймамъ,
А некмоли хашлукъ до Стамбола."
Те кодъ чула Мустафина майка,
Имађаше дукатъ о грлоцу,
Одкиде га па га Мую дава:
„На ти сыне те подкуй Ђогата,
И ето ти хашлукъ до Стамбола."
Іошъ га майка дивно благосиля:
„Айде зъ богомъ мое чедо драго!
На путу ти добра срећа была!"
Оде Муіо біелу Стамболу,
Да видишъ силна Сехратліе,
Како Муіо добро дукатъ штеди,
На данъ пару вина и духана,
О том' брате до Стамбола дође,
А кад дође на Стамбол-капію,
На шадрванъ водицу студену,
Ту находи ліепу ђевойку,
Воду точи а сузе пролѣва,
Но ню пита силный Сехратлія;
„Што є теби ліепа ђевойко?
Те ты тако сузе проліевашъ?"
Срдито му бесѣди ђевойка:
„Прођи месе незнанъ Сехратлія,
Ако плачемъ єсть ми и неволя,
Богъ убіо цар' Отмановића,
Те є царе игру заметнуо,
Па ђевойке меће на кошію
Мы остале за бабомъ сыротне,
У зо часъ се родиле ліепе,
Двіе насъ є досле поставіо,
На кошію, на юначку игру,
Ко утече на коньицу брзу;
Пакъ утѣче црный Харапине,
Црный Арапъ изъ Арабистана,
На нѣговой сурой бедевіи,
Благо носи, а ђевойке води,
Па имъ люби на срамоту лице,
Съ ютра мене меће на кошію;
А какавъ є црный Харапине,
Одъ яда га ни гледат' немогу,
Анекмоли съ ядомъ га любити,
Іошъ є Харапъ изъ туђега царства,
У царасе нађ' юнакъ неморе,
Да утече црном' Харапину,
Него неће там' у Босни кажу
Силенога Сехратлію Мую,
И у нѣга вилена ђогата,
За нь' є царе ферманъ оправіо,
Па га не бы, да га богъ убіе!
У цара ће съ ютра трка быти,
И мен' ядну међу на кошію,
А дако бы утеко Харапу."
Ма іой Муіо вако бесѣдіо:
„Ево, боръ ме, Мућ и Ђогата!"
Кад' то видла ліепа ђевойка,
Изъ рукахъ є воду оставила,
Целива га у скутъ и у руку,
Добру ђогу гриву и копито,

Бога моли, овако говори:
„Єдда Богъ да; и сви божій свецы!
Да утечешъ црну Харапину,
И да мени суђенъ будешъ Муіо;
Него Муіо ако знашъ за Бога!
Немой ићи цареву сарају,
Него хайде у пяну механу,
Пійде вина а пази Ђогина,
Упутъ нађи єдног' каурина,
Дукатъ подай жалити га немой,
Нек' ти Ђога до яціе вода,
Єръ є коньійцъ трудан и уморанъ,
Положи му зоби и сіена,
И ужди му четиры свіеће,
Пази коня ако знадешъ Бога!
Єдда Богъ да, те ми будешъ суђенъ!"
Ал' дѣвойцы Муіо бесѣдіо:
„Я ти неймамъ паре ни динара!
Нити за што купит' и сіена,
Анекмоли дукатъ за воданѣ."
Ал' да видишъ среће у юнака!
Цура ђерданъ са грроца скида,
У коме є пестотин' цекинахъ:
„Ето теби хашлукъ Сехратлія!
Пази коня и нештеди вина,
А кад' сване я ћу теби доћи,
Те ћу за те све харчеве платит'."
Кадсе Муіо добави цекинахъ,
Одгна ђога пред' пяну механу,
Съ коня спаде каурина нађе,
Те му дае два дуката жута,
Да му ђога до поноћа вода,
Одъ поноћа зопцу и сіено;
Іошъ око нѣг' уждіо свіеће,
А онъ крха вино изобила,
Истомъ свану, ето ти ђевойке,
Мую носи дванаестъ цекинахъ:
„Май ти Муіо, те свой харачъ плати,
Я быхъ съ тобомъ и іошъ бесѣдила,
Али упутъ идемъ на кошію."
Якко, брате, изишла ђевойка,
Стаде єкка крозъ Стамболъ сокака,
Докъ ето ти црна Харапина,
На нѣговой Шайцы бедевіи,
Како Харапъ дође предъ механу,
Онъ осѣде свою бедевію,
Па нетражи ко ће му є водат'
Нег' іой баци дизгинъ на ябуку,
Сама мусе по Стамболу вода.
Арапъ иде у пяну механу,
Па говори крчмарицы младой:
„Дайдеръ мисе вина напоити,
И сада ти ништа платит' нећу,
Идемъ часомъ цару на мейдана,
Па кад' дођемъ платићу ти вино."
А кад' чу то Сехратлія Муіо,
Паксе скочи на ђогата свога,
Оћера га цареву Сарају,
Царeве га угледале страже,
Своме цару на муштулукъ трчу:
„Муштулукъ намъ нашъ честитый царе!
Ето Муѥ и води ђогата!
Кои ћ' утек' црном' Арапину."
Сви рекоше: Хоће акобогда!"
Колико є цару мило было,
Дае ньима неброице благо;
На рукам' га предъ цара износе,
Смѣрно Муіо цару селамъ дава,
Па га люби у скутъ и у руку,
И серцазу на чем' царе кланя,
А лѣпше га царе дочекуе:
„Добро дошо моя права слуго!
Єси ли се сыне уморіо?"
У ріечи кою бесѣђаху,
Ал' ето ти црног' Арапина,
На нѣговой танкой бедевіи,
Колико є Харапъ осиліо,
Копѣмъ цару у прозоръ удара,
На пенцеру срчу поломіо,
И овако цару говоріо:
„На мейданъ ми! Ол' ми ну дай благо!
Дайдеръ царе благо и ђевойку,
Узъ ђевойку четиры робинѣ!"
То є цару люто жао было,
Арапа бы давно изгубіо,
Ал' є царе свою ріечь дао,
Ко утече на коньицу брзу:
„Блато носси а води ђевойке!"
Паксе царска ріечъ непориче.
Нег' овако Мую бесѣдіо:
„Морешъ ли се поуздати слуго,

У твоега Ђога одъ мейдана,
Да утечешъ црном' Арапину?
Честита ћу тебе учинити!"
„Могу, рече, царе, акобогда!"
Царе Мую хаир-дову дава:
„Хайде зъ богомъ моя права слуго!
Душманы ти подъ ногама были,
Ко' ђогату чавли и подкове!"
Сви рекоше Лали и везиры:
„Иншалла ће нашъ утећи Муіо,
И одніет' мейданъ Арапину!"
Отидоше у полѣ Стамболско,
У коме є тры сахата хода,
А кад' сила коньска изврвѣла,
Сама хата има петь хилядахъ,
Тры хиляде, брате, бедевіе,
А парипим' ни броясе незна.
Међу собомъ Турцы бесѣдише:
„Поглай, брате, махнита Вошняка,
Куд' онъ води клемпаста Ђогата!?
Кад' потече коньска сила сада,
Све га ће га плочам' разніети."
Другіи веле: „Нека иде брате!
И тако ће плоче поліетат',
Нека плоче за ньимъ купи съ трага,
Море коня коват' за годину,
Да нестроши паре ни динара."
А то слуша Сехратлія Муіо,
Бога моли, а ништа незбори,
Кад' рекоше онда потекоше,
Понайпослѣ Муіо пушта ђога,
Да нереку да є пріевара,
Да небуде међу войскомъ кавга.
Два сахата заедно трчаше,
А кад' било у трећем' сахату,
Истиштесе пуста бедевія,
За ньомъ Муіо натиште ђогата,
Ђе є стиже онђе є и прође;
Ал' да видишъ пусте бедевіе!
Колико є учна за мейдана,
Главу вргла на сапи ђогату,
По сахата за єдно трчаше,
Ни узмиче ни примиче пуста;
Кадсе Мую додіяло было,
Ондай ђога удрій бакрачліомъ,
Те остави суру бедевію,
Ал' врагъ учи црна Харапина,
Те Харапинъ иза гласа виче:
„Сехратлія, Богъ да те убіе!
Ты већ' видишъ да си утекао,
Несакати добра коня твога,
Кога бржег' у два царства нейма,
Ето т' Ђогу плоче полећеле,
Па му ліе крвца ись копитахъ!"
Жао Мую добра коня свога,
Сяха съ коня ноге му подиже,
Ни клинацъ му ніе полетіо,
Ал' далеко Харапъ одмакнуо,
Іошъ є далѣ Хача бедевійче,
Кубурія небы дотурила,
А нейма му него по године,
За нь' Харапу Стамболіе даю,
Караґрошахъ петь стотинахъ одма,
Црный Харапъ неда одъ хиляде.
Кадсе Мую даде погледати,
Тер' є царевъ чадоръ угледао,
Ђе га гледа самъ честитый царе,
И нѣговы Лалы и везиры,
И остала сва господа царска,
Тосе Мую ядно учинило,
Па потеже троструку канџію,
Онъ удари съ обе стране Ђога,
Башъ одъ кука до стражнѣга чукля,
Колико га лахко ударіо,
Тры крвава остаяху трага:
„Ха ђогате, црнъ ти образъ быо!
Камо мое седамъ ћесахъ блага,
Камо ли ми боланъ седамъ дуга,
То л' ме никад' одужити нећешъ?"
Кадсе ђого слеже по земльицы,
Бакрачліе црну землю стружу;
Ко гледаше свакое куніяше:
„Та Богъ ме су крила у Ђогійна!"
Брже стиже црна Харапина,
Ђе га стиже, ту г' и оставіо,
Опет' Харапъ иза гласа виче:
„Подъ тобомсе седло разломило!
Пукли су ти ибришим-колани!"
Види Муіо да є пріевара
Пакъ Арапа ништа необада,
Нег' утече на дугу мейдану,
Селамъ даде, а жъ Ђогата спаде,

А скочисе ліепа ђевойка,
Те Турчину коня прифатила,
Па га вода, по гриви га люби,
Те му люби гриво и копито;
У то доба Харапъ на кобили,
Па дофати везену шишану,
Те шишаномъ добро запаліо,
Уби, брате, ђога Сехратлина,
Ђого цикну а паде у траву,
А то гледа Сехратлія Муіо,
Млого му є коня жао было,
Ніе лакше него мртва глава,
Мысли Муіо штоће одъ живота,
А у туђу землю запануо,
Пакъ онъ нейма свога емшеріе,
Кои бы му бьо у невольи,
Па му на умъ на юнаке старе,
На Бошняке старе витезове,
„Та болѣ є погинут' юначки!
Нег' срамотно живѣт' на свіету."
Па докопа брешку по каишу,
Свою брешу одъ образа пали,
Те Харапа свойски погодіо,
У повіе међу очи двіе,
Пукло му є чело на четверо,
Ни жива га земля нешчекала;
Алсе Муіо препануо люто,
Што учини пре Довлетомъ самимъ:
„Садъ ће мене царе изгубити!"
Ал' то цару млого мило было,
Ђе утече и уби Харапа,
Па му метну хоџе и кадіе,
Нека суде силну Сехратліи,
Ал' му добро бію одсудили,
Дадоше му ліепу ђевойку,
Ужъ ђевойку тры товара блага,
А узъ благо четиры робинѣ,
Нек' га служе у оџаку своме,
И даше му суру бедевію,
И намета хаче бедевійче;
Сад' га царе преда се дозива:
„Шта ћешъ Муіо да те царъ дарива?"
Али Муіо цару говоріо:
„Султанъ царе огріявно сунце!
Имаосамъ седамъ ћесахъ блага,
А седамсамъ задужіо дуга,
Заложіо куће и баштине,
Незову ме силный Сехратлія,
Нег' ме зову дужный Муіо-баша:
„„Никад' намсе одужити неће!""
Свесамъ царе за ђога схарчіо,
А садасамъ ђога изгубіо.
Него царе тако ти Курана!
Одужи ме нетражимъ ти друго."
На то мусе царе насміяо;
„Ево т' Муіо седамъ ћесахъ блага,
Май ти сынко, тес' одужи дуга!
А ево ти седамъ готовіехъ,
За юнаштво што си учиніо;
Іошъ ти ево на Босни везирство,
Безъ промѣне за твога живота,
И ево ти и войске и хазне."
Оде Муіо у Босну поносну,
Здраво дође двору біеломе,
И у двору здраво майку нађе,
Па га майка грли и целива:
„Добро дошо мое чедо драго!
Єсилисе сыне уморіо?
Єси ли ми здраво путовао?"
„Здравосамъ ти моя мила майко!
Ал'самъ майко изгубіо ђога!"
Юначки му майка бесѣдила;
„Здраво сыне твоя глава была!
Ты ћешъ коня болѣг' добавити."
„Ал'самъ майко на Босни везиромъ!"
А кад' нѣга майка разумѣла,
Поче свога сына заклиняти:
„Проклета ти моя храна была!
Ако нећешъ сваком' судит' право,
Сиромаху и сиромашицы;
Знашъ ли сынко мы какосмо были?"
Зове Муіо хоџе и хаџіе,
Те имъ враћа седамъ ћесахъ блага:
„Най то вама хоџе и хаџіе!
Вы велясте, никад' платит' нећу,
И звасте ме дужній Сехратлія,
Ни коня ми подковат' нешћасте;
А сад' Муіо на Босни везире,
А ніесамъ дужный Сехратлія."
Оны мусе, брате, поклонише,
Поклонише до землыце црне,
Муіо пође везироват' Босни,

И одкад' є Босна настанула,
Ніє такій везиръ постануо,
Свакъ му Бога за здравѣ моляше,
Сиротиньи понайболѣй бѣше,
И сада га она благосиля,
Ка' Кулина негдашнѣга Бана —.

151.

Страиня.
(Одъ истога П. Мркаића.)

Кньигу паше Бошнянине Тафо,
Изъ те Босне землѣ поносите,
Тер' є шалѣ Ван-войводы-Янку,
У кньизи га дивно поздравляше,
У поздраву овако збораше:
„Я 'самъ чуо, да 'си юнакъ добаръ,
А ни мене нехуди дружина,
За то тебе на мейданъ позивамъ,
У Ябуку зелену планину,
Рокъ неђеля, мейданъ понеђелникъ,
А уторникъ да кукаю майке,
Оли моя, оли твоя Янко,
Оли єдна, оли обадвіе.“
А кад' Янку гласъ и кньига дође,
Кньигу гледа сузе проліева,
Питала га вѣрница любовца:
„Окле ти є кньига допанула,
Што л' є тако кньига жалостива?“
„Остави ме моя вѣрна люби!
Зове мене Тафо на мейдана,
У Ябуку высоку планину,
Тафо ми є браћу погубіо,
Седамдесеть братахъ Угричићахъ,
Све што ихъ є на мейданъ посѣкo;
Да непођемъ брука и срамота,
Акол' пођем' моя вѣрна любо,
Већ' ме Богъ ме нигда вићет' нећешъ.“
Ал' є Янку люба бесѣдила:
„Ако хоћешъ послушати мене,
Ты ћешъ са мномъ у постелю спати,
А Тафу ћешъ одасѣћи главу.“
Одъ ядасе Янко насміяо:
„Муч' нелудуй моя вѣрна люби!
Нит' є было, нити быти море,
Добру коню и добру юнаку
Тры дни хода има до Ябуке,
А я съ тобомъ спават' у постелю,
И Турчина посѣћ' на мейдану,
Моя любо то быти неморе.“
„Море быти драгій господару,
Ако хоћешъ послушати мене!“
Наред' Янко господску вечеру,
И састави Угре на вечеру,
И призови Ванович' Страину,
Навали имъ вино и ракію,
А кад' буду у найвише пиво,
Ты изнеси госпоске дарове,
И даривай браћу Угричиће,
Недай ништа Ванович' Страхиньи,
Заметнуће упуть Страхинь' кавгу,
Ты му недай драгій господару,
Нег' овако бесѣду Страиньи:
„„Акосу ти златна пера мила,
Ето силног' Тафе Бошнянина,
Седамдесеть у нѣг' перяницахъ,
Съ Угричићахъ седамдесеть братахъ,
Што ихъ Турчинъ на мейданъ добіо,
Већ' га зови на мейданъ юначкій
У Ябуку зелену планину,
У неђелю коя прва дође,
Рокъ неђеля, мейданъ понеђелникъ,
У уторникъ да кукаю майке,
Оли Турска, ол' твоя Страхина,
И я ћу те даривати дивно;
Даћу тебе мое крило златно,
И сувише безцѣну колайну
И сестрицу мою за любовцу,
Да будемо милін пріятельи.“““
А Страхин' є собомъ юнакъ добаръ,
Онъ ће поћи на мейданъ упута,
И Турчину одасѣћи главу,
А ты са мномъ спават' у постельи,
Па ты си се Янко препануо?“
А кад' Янко любу разуміо,
Онъ приправи госпоску вечеру,
И сакупи Угре на вечеру,
И призива Бановић' Страхиню,
Навали имъ вина и ракіе,
А кад' быше у найвише пиво,

Ондай скочи Ван-войвода Янко,
Те донесе госпоске дарове,
Те дарива браћу Угричиће,
Неком' перо, неком' перяницу,
А єдніемъ злаћене колайне,
Неда ништа Бановић' Страхиньи,
А Страхиньсе наиеди люто,
Па овако Янку бесѣдіо:
„Камо Янко за мене даровы?
Кад' є бой быт' съ Отмановић' царемъ,
Више сѣчемъ Турак' на мейдану,
Нег' ты Янко съ Угричиħма свіємъ,
Па ніесамъ горій одъ другога,
А сад' неима за мене даровахъ!?"
Овако му Янко одговара:
„Акосу ти златна пера мила,
Ет' у Босни Тафе Башнячине,
И у нѣга седамдесетъ перахъ,
Съ Угричићахъ седамдесетъ братахъ,
Све што ихъ є на мейданъ добіо;
Зовни Тафа на мейданъ юначкій,
У Ябуку зелену планину,
Рокъ неђеля, мейданъ понеђелникъ,
У уторникъ да кукаю майке,
Яли Турска, ял' твоя Страиня;
Ако л' тебе Богъ и срећа даде,
Те добіещъ силнога Турчина,
На даръ теби седамдесетъ перахъ,
Седамдесетъ братахъ Угричићахъ,
И я ћу те дивно даровати,
Даћу теби мое крило златно,
И даћу ти безцѣну колайну,
Іошъ и сестру мою за любовцу,
Да будемо миліи пріятельи."
Страхинь' Србаль собомъ юнакъ добаръ,
Упутъ скочи на ноге лагахне,
Пакъ онъ оде ситну писат' кньигу,
Тер' ȇ посла Босни каловитой,
Зове Тафа на мейданъ юначкій
У неђелю коя прва дође,
У Ябуку высоку планину,
А кад' Тафи кньига допанула,
Кньигу чита и сузе пролѣва,
Питала га Турска була млада:
„Што є Тафо драгій господаре?"
„Богъ ме доние моя вѣрна любо!
Зове мене Страиня на мейданъ,
Да непођемъ брука и срамота,
Ако л' пођохъ моя вѣрна любо,
Већ' ме ядна нигда виђет' нећешъ,
Єръ є Страхинь' собомъ юнакъ страшанъ."
Али му є була говорила:
„Нейди тамо драгій господаре!
Ни і' грехота слагат' каурину,
Већ' и севапъ преварит' каура,
Муха-медъ ће нѣга поразити."
Несмѣ Туре на мейданъ изаћи,
Већ' послуша свое булетине,
Пришутасе ко да неймо кньиге,
Ал' є Страхинь дошо у Ябуку,
Те га чека тры біела дана,
Кад' Турчина на мейданъ небыло,
Поче Страхинь' мыслит' и размышлят',
Дасе на трагъ путъ Сибиня врне,
Угричићи ругаћесе ньиме;
Све мысліо на єдно смысліо,
„Та болѣ є погинут' юначки!"
Па му на умъ на юнаке старе,
И на давне Србаѣ витезове,
Па отиде Босни земльи равной,
Тражи дворе Тафе Бошнянина,
По питаню находи му дворе;
Кад' му дође пред' біеле дворе,
Пре дворомъ му сестру находіо,
Везакъ везе подъ жутомъ неранцомъ,
А ньой Страинь' Турски селамъ дава,
Колико є силна кучка была,
Овако є зборила Страхиньи:
„Од' отоле црный каурине!
Ты ћешъ селамъ були називати?
Ако кажемъ Тафу брату моме,
Пасю ће ти одасѣћи главу,
Ено ми га у біеле дворе,
Ђе онъ піе вино и ракію."
На ту ріечъ Страиньсе налюти,
Па і' удари єдномъ замлатицомъ,
Колико ȇ лахко ударіо,
У глави іой поломіо зубе,
На образу ранну начиніо,

Ни на том' є оставити нешће,
Нег' іой скида ђердань са грроца,
У коме є хиляду дукатахъ,
А сувише бисеръ и каменѣ,
Пакъ овако були бесѣдіо:
„Нека знадешъ Турска було млада,
Нека знадешъ рука што є Србска,
Иди кажи Тафу брату твоме,
Нека дође да піемо вино,
Драга було сврь ђердана твога,
Чекамъ нѣга на авлинска врата."
Оде була грдна и крвава,
Каже Тафу милу брату своме:
„Налѣзе 'во єданъ каурине,
Ясе брате найналила шъ ньиме,
А онъ ти ме ево наградіо,
Іошъ ми скиде ђерданъ са грроца,
И тебе є 'вако поздравіо,
Да му идешъ да піете вино,
Яданъ брате сврхъ ђердана мога,
И чека те на авлинска врата."
Кад' є сестру Тафо разуміо,
Упутсе є свом' яду сѣтіо:
„Какавъ бѣше дуго тужна была?"
Она му га бильовито каже.
„Страинь', секо, дуго грдна была!"
Паксе скочи одъ землѣ на ноге,
На се удри одіело дивно,
А на главу калпакъ и челенке,
За коимъ є седамдесетъ перахъ,
Съ Угричиђахъ седамдесетъ братахъ,
Све што ихъ є на мейданъ добіо,
Одъ мейдана узимѣ оруже,
Пак' изводи ђога одъ мейдана,
Тесе баци ђогу на рамена,
А голу є саблю извадіо,
На врата є юринъ учиніо,
Дочека га Страинь' на вратима,
Сабльомъ махну овако му рече:
„Шта ту чекашъ силанъ каурине?"
Па Страиня сабльомъ ударіо,
На глави му калпакъ пресѣкао,
Просушесе пера по долини,
Те ихъ газе коньи и юнацы,
То Страхини люто жао было,
Пак' овако Страхин' бесѣдіо:
„Ао пера пуста останула!
Я 'самъ мніо да васъ юнакъ носи,
Па срдито сабльомъ ударіо,
Уграби му иза шаке руку,
Али Турчинъ собомъ юнакъ добаръ,
Неда сабльи пашут' на долину,
Нег' у леву саблю доватіо,
Дизгинъ коньскій у зубе сподбіо,
Па жестоко Страиня удара,
Удара га по прсим' юначким',
На прси му токе пресѣкао,
И сврь токахъ златну колаину,
Богъ му даде недофати меса,
Колаина пала на долину,
Ма се Страинь' намеди люто:
„Колаино пуста останула!
Я 'самъ мніо да те юнакъ носи."
Па жестоко сабльомъ ударіо,
Те Тафину главу осѣкао,
Тад' осѣде одъ дората свога,
Те му меће главу у зобницу,
И по равни перѣ покупіо,
Златно перѣ и Турске челенке
Задѣнуо Тафи за колпака,
Ал' га себи устако на главу,
Єрь є за ньимъ седамдесетъ перахъ,
Съ Угричућахъ седамдесетъ браће;
Іошъ безъ преше улази у дворе,
Брезъ стра Србаль Турско купи благо,
Што му ђогать носит' немогаше
Натовари на коня Турскога,
Па онъ свеза ђога за дората,
А дворима живу ватру примче,
Тад' отиде біелу Сибиню,
Нека има чиме платит' вино,
Да некоре нѣга Угричиђи:
„Ђе си быо Бановић' Страхиня?"
Даде главу Бан-войводи Янку:
„Ето глава Тафе Босанскога,
Кои ти є браћу погубіо,
Седамдесеть браћахъ Угричићахъ,
Но дай мени штоси обећао,
Дай ми Янко крило позлаћено,
И дайдеръ ми твою колаину,
И ну дай ми сестру за любовцу."
Али му є Янко говоріо:

„Недамъ слугам' я сестрице мое!“
Ев' Страинсе люто наѣдіо,
А иедакъ и съ пута дошао,
Пакъ му само мрву требоваше,
Тер' овако Янку говораше:
„Съ кимъ ты зборишъ Сибиньско копиле?
Саблю вади да све діелимо!
Сад' евовђе и упута одма!“
Ма долеће Янкова любовца,
Што є Янка на то научила:
„Подай Янко да га Богъ убіе,
Видишъ дасе Страхинь' налютіо,
Па ћешъ лудо изгубити главу.“
Янко упуть на шалу окрену:
„А мой зете Бановић' Страиня,
Све ти на даръ што самъ обећао!“
И даде му сестру за любовцу,
Богъ му даде шъ ньоме породъ диванъ,
Ban'-Секула и Бан'-Михаила,
Што су Янку оба крила была,
Када год' бы до мейдана дошло.
А нек' Срба! кад' га и Богъ пази,
Да душмане онъ свакако гази —.

152.

Змай-Огнѣн-Вукъ.

(Одъ попа Рада Кнежевићъ-Бѣлопавлића.)

Загудіо слѣпый Гргуре,
Загудіо на врата одъ куле,
Узъ гуслесе слѣпъ разговара:
„Фала Богу, фала истиноме!
Ал' є ведро, али є облачно,
Што су мое гусле обюжиле?!“
А вели му Анђелина люба:
„Єсте ведро, а ніе облачно!
Што л' су твое гусле обюжиле,
Обюжиле од' сузахъ моиехъ;
Ако плачемъ и неволя ми є,
Ималисмо єдно мушко чадо,
А проклета Ђурова Єрина,
Она га є казала Турцима,
Хоте ни га повест' клетыи Турцы.“
Ньойзи вели слѣпый Гргуре:
„Чуешъ ли ме Анђелина любо!
Айде узми ты то чедо лудо,
Па га води у Леђену граду,
А на име Вукашину кралю,
Одъ мене му Богомъ побратимство,
А одъ тебе Богомъ посестримство,
Вѣтай му тры товара блага,
И сувише тры біела града,
Да га храни, и ода зла брани.“
Понесе га рієчъ неучинѣ,
Докле дође у Леђену граду,
Донесе га къ Вукашину кралю,
Вієта му Богомъ посестримство,
Одъ Гргура Богомъ побратимство,
Іошъ му дае тры товора блага,
И сувише тры біела града,
А ту іойсе кралѣ одговара:
„Немогу ти чадо прифатити,
Страхъ ме цару е ћус' омразити.“
На трагсе є плачући вртала,
Докле дође на свое дворове,
Па кажуѣ слѣпом' Гргуру;
Опетъ Гргуръ ньойзи говораше:
„Нос' га опет' у Леђену граду,
Вієтай му петъ товорахъ блага,
И сувише петъ градовахъ моихъ.“
Понесе га опет' у Леђену,
Докле дође у Леђену граду,
Вієта му Богомъ посестримство,
Одъ Гргура Богомъ побратимство,
Іошъ му дае петъ товарахъ блага,
И сувише петъ бѣлихъ градовахъ,
Єдва іой га кралѣ прифатіо;
Она пође на свое дворове,
А краль рани то діете лудо,
Кад' діете бѣше одъ крштеня;
Доведоше и попа и кума,
Те крстише оно дѣте лудо,
Дивно су му име изабрали,
Дивно име Змай-Огнѣный Вуче,
Кад' онъ бѣше одъ године двіе,
Кано друго е одъ петъ годинахъ,

Кад' имаше петъ годинахъ данахъ,
Како друго одъ десеть годинахъ,
Кад' напуни до десеть годинахъ,
Поче носит' свіетло оруже,
Па иђаше на мейдане често,
А своесе стигнуо памети;
Єдномъ кралю коня доватіо.
Па се тури коню у рамена,
Е га игра подъ Леђеномъ градомъ,
Догони га до біеле куле,
А изиде кралѣва кральица,
И нѣмусе низско поклонила:
„Скинсе съ коня огнянитый Вуче,
Ево теби одъ злата кошуля!"
За то Вуче необрће главу,
Но біяше коня мамузама,
Догони га до біеле куле,
А изиде Вукашине кралѣ,
И говори Огняниту Вуку:
„Скинсе съ коня огнянитый Вуче!
А ево ти о злата ябука."
За то Вуче необрће главе,
Него Вуче тако говораше:
„А ђаволе све бабово благо!
Ђе изѣдохъ благо и градове
А у мало данахъ и годинахъ?!"
Нѣму вели Вукашине кралю:
„Скинсе съ коня огнѣвитій Вуче,
Просто тебе благо свеколико,
И просто ти біели градовы!"
Таде коня одяхуе Вуче,
Па се бѣше поклоніо кралю,
Целива' га у скутъ и у руку;
А вели му Вукашине кралю:
„Чуешъ ли ме Змай-Огнѣный Вуче!
Дай ты мене божу вѣру тврду,
Ако бы ми быо за потребу,
Да ми дођешъ на неволю Вуче."
Нѣму-Вуче божу вѣру дае,
Да га нигда заборавит' неће.
Пакс' отоле Вуче подигнуо,
Здраво дође на свое дворове,
Оно доба стаде неколико,
Купи войску Вукашине кралю,
Те онъ хара цареве градове,
Докле Сплету дође біеломе:

Краль га біо тры мѣсеца данахъ,
Неодби му клака ни пржине,
А некали да онъ града пріими,
Но одъ яда ни живѣт' неморе,
Одъ некака попа Сплећанина;
Свако ютро сіече му войску,
Докле кралю стаде бѣжат' войска.
Краль є ситну кньигу накитіо,
Те є шилѣ огнѣвиту Вуку:
„Знашъ ка' сисе мене зафаліо!
Да ме нигда заборавит' нећешъ,
Ходи дођи Сплету біеломе!"
Кньига дође Огняниту Вуку,
Е онъ хита ноћу безъ мѣсеца,
У самнуће подъ градъ доходіо,
Па найкрайный чадоръ разапео,
Подъ шаторомъ піе руйно вино:
А кад' савну и огрія сунце,
Али вели попе Сплећанине,
Те онъ своіой люби бесиђаше:
„Хайд' изиди горѣ на чардаке!
Те ты преброй кралѣве шаторе,
Є ли кои манѣ осамнуо."
Гор' изиде ріечъ неучинѣ,
А преброи кралѣве чадоре,
Ал' є више єданъ осавнуо,
И под' ньиме єдно чадо лудо,
Да є лѣпше одъ ябуке златне,
Па потрча попу у одаю,
Па му што є и како є каже,
Іошсе нѣму тврдо замолѣла,
И тврђе га бѣше закумлѣла:
„Немой оно чадо изгубити!
Но води га на наше дворове,
Да ни ђецу у бешику шика."
Попъ узаха коня дебелога,
Па изиде на врата одъ града,
Колико є силанъ и біесанъ,
На коня є ноге прекрстіо,
А игра га полѣмъ зеленіемъ;
Но скочіо Змай-Огняный Вуче,
Хитіосе коню на рамена,
Онъ поћера попа Сплећанина,
За перчинъ га жива уфатіо,
Сабльомъ махну осѣче му главу,
Понесе є Вукашину кралю,

Те є бѣше нѣму даровао!
Доксе кралю халакнула войска,
Похараще біелога града,
И здравосе отле повратише,
Свакъ на свое пођоше дворове.
Вѣрну другу вѣра и помаже,
Богъ є вѣра, о Богу є душа,
И мы дружбо здраво и весело! —.

153.

Марковъ ловъ.

(Одъ Госпаве Морачке, дѣвойке.)

Подраніо Кралѣвићу Марко,
Подраніо у ловъ у планину,
Немолисе Богу и нећельи,
Но отиде ловъ ловити зоромъ;
Ловъ ловіо тры біела дана,
Ловъ ловіо, ништа недобіо,
Паксе врну на трагъ низъ планину,
А кад' быо на воду Ябуку,
Атос' нешто зася у Ябуку;
Марко глену у воду студену,
Ал' у води змію сагледао,
Змія мусе коня прифатила,
Пенѣ мусе усъ коня Шаріина,
Паксе съ коня Марка прифатила,
Око грла Маркусе обвила,
Обвиласе седамнаесъ путахъ;
Отле Марко нисъ планину крену,
Па кадъ брже своме двору дође,
Онъ са Шарца свога несяхуе,
Но дозива майку-Євросиму,
Да іой каже шта є уловіо,
А кад' майка змію сагледала,
Она бѣжи у біеле дворе,
А остави свога сына Марка,
Да га змія за грлоце стеже;
Опеть зове Кралѣвићу Марко,
Зобе баба Вукишана краля,
Да прифати што є уловіо,
Уловіо нѣговъ сыне Марко,
Кад' изиде Вукашине кралѣ,
А предъ свою пребіелу кулу,
И кад' виђе змію око Марка,
Плећи даде а бѣжати стаде.
Опеть Марко силно повикуе,
Довикуе у дворове бѣле,
А на име свою вѣрну люби:
„Изађде ми Видосава любо!
Да ми пріймишъ штосамъ уловіо."
Кад' изиде люба Видосава,
Кад' сагледа свога господара,
Она писну изъ грла біела,
Па сестрими ону змію люту:
„Богомъ сестро шаровита гуіо!
Опрости ми мога господара,
Господара Кралѣвића Марка!"
А съ Марка іой змія проговара,
Нроговара него Кралѣвићу:
„Айде на трагъ опетена Марко,
Носи мене горы у планину,
Окле си ме Марко шићаріо."
Нейма куда Кралѣвићу Марко,
Већ' обрну Шарца одъ Мейдана,
Онъ отиде опеть усъ планину,
А кад' дође на воду Ябуку,
Отидесе одмотават' змія,
И Кралѣву беcѣдити Марку:
„Знай ме добро Кралѣвићу Марко!
Я 'самъ тебе поклонила люби,
А небысе главе наносіо,
Акамоли ловъ ловіо лаккій,
По планини у свету нећелю."
Сиде змія у воду заплива,
И Маркосе ньойзи куніяше:
„Хоћу пазит' любу и нећелю,
Пазит' болѣ одъ очнѣга вида!"

154.

Муке за вѣру.

(Одъ Луке Шћепанова Ровчанина.)

Ловъ ловіо Поповићъ Іоване,
Ловъ ловіо тры біела дана,
Ловъ ловіо ништа недобіо,
Отолесе дома повратіо,
А кад' быо прозъ гору зелену,
Онъ запѣва тавко гласовито,

Колико є запѣвао дивно,
Тосе чудо чакъ до цара чуло,
Па говори царе Сулеймане:
„Чуете ме дванаесъ деліяхъ!
Уватите Поповиħ' Іована,
Но немойте погубит' Іована,
Жива къ мени нѣга доведите."
Брже оде дванаесъ деліяхъ,
Уфатише Поповиħъ Іована,
Доведоше своме цару жива,
Па му вели царе Сулеймане:
„Потурчисе Поповиħъ Іоване!
А даħу ти тры товара блага'
И даħу ти на Босну везирство
Безъ промѣне за нашег' віека."
Но вели му Поповиħъ Іоване:
„Чу ли мене царе господаре!
Ясе небыхъ царе потурчіо,
Потурчіо Христа погрдіо,
Да ми дадешъ и шесъ товар' блага,
Да ми дадешъ и све твое царство,
И да б' знао да ħу погинути,
На мукама душу испустити."
То є цару врло жао было,
Пакъ оправи дванаесъ Туракахъ,
Овако є ньим' заповидіо:
„Двіе ватре наложите живе,
Меħу ватре Іова положите,
Нексе мучи, кадасе нетурчи!"
Турцы цара брже нослушаше,
Наложише двіе ватре живе,
Ядна Іова меħу ньихъ ставише,
Ту долези Іованова майка,
Іошъ Іована жива застанула,
За своесе лице дофаташе,
Низъ лице юй крвца теціяше;
Теръ Іовану майка бесѣдила:
„Потурчисе мой жалосный сыне!
Потурчисе ако знадешъ Бога!"
То іой ништа Іованъ неслушаше,
Но на майку криво погледаше,
Горіяше гласа менушташе;
Майка оде двору біеломе,
А кад' было ютро освануло,
Подрадила майка Іованова,
Да покупи Іованове кости,
Да ихъ стави у своя нѣдарца,
Да є желя одъ Іована мине;
Ал' ту самас' оградила црква,
У ньой Іованъ пѣва Летурħію,
А на нѣму одъ злата одежда,
Шъ ньиме бѣху тры анħела божя,
Кад' є виħе Поповиħъ Іоване,
Онъ є старой бесѣдіо майцы:
Неид' амо стара моя майко!
Ты си люто Богу згрієшила,
Рекла си ми дасе я потурчимъ."
На трагсе є стара повратила,
Дасе кае што є учинила,
А посветис' Поповиħ' Іоване,
Тер' ако є и заслужіо є.

155.

Корѣниħъ.

(Одъ Петра Вуксанова Морачанина.)

Одкако є Турчинъ настануо,
Ніе болный юнакъ постануо,
Него што є быо настануо
У питомой Жупи Корѣниħкой,
Младо Момче Османъ Одабаша;
Нейма нѣму до двадесть годинахъ,
Двадесть и петь посѣко є главахъ,
А толико има челенакахъ,
Алсе бѣше Османъ ожені
Одъ Никшиħахъ одъ Мустафагиħахъ,
Па га кори біела кадуна:
„Ты Османе милій господаре!
Веле Турцы ħе си юнакъ добрый,
Ама ти є больина залуду,
Некħе отист' до Никшиħа града,
До твоега таста и пунице,
Да те виде Никшиħке газіе
Одъ Никшиħа крвавога града."
Таде нѣга изѣде срамота,
Покупіо седам-осамъ другахъ,
Све по мачу и по цевердану,
Све на ньима ħурцы и кауцы,
И злаħене токе о тры оке,
А великіи коньи седленицы;

Вы рекао и бысе заклео,
То све Аге єсу и Беговы.
Окренуше граду Оногошту,
А кад' краю у Рудине были
Ту ихъ біо данакъ оставіо,
А тавна ихъ ноћца прифатила,
Па ту оны конѢ одяхаше,
И жестокіи огань наложише;
Но другасе чета намѢрила,
НамѢрила близо у Рудине,
А одъ Кчева са средъ Горе-црне,
Предъ томъ четомъ Симо харамбаша;
За ньимъ тридесть и четиры друга;
У Рудине огань угледаше,
Окол' огня Турцим' чатисаше,
Таде рече Османъ булюбаша:
„Одкакосамъ юнакъ настануо,
Своме самсе срцу зарекао,
Е погинут' безъ замѢне нећу,
А нећаске хоћу погинути."
У ріечи кад' ю говораше,
Црногорске пушке запуцаше,
А пламенныи ножи сіевнуше,
Те имъ осамъ главахъ посѢкоше,
Узеше имъ конѢ и оружѢ,
И велике ћурке и кауке,
И на домсе здраво поврнуше,
Сви дођоше ломной Горы-црной,
Сви дођоше здраво и весело,
На дружину діелише благо.
Ово было, кадсе и чинило,
И каконо и данъ данасъ быва.

156.

О смрти младог' Цар'-Уроша.
(Одъ Радована Милошева Ровчанина.)

Драгій Бого чуда великога!
Штосе чуе у Призрену граду,
Ал' є жалость, ал' радость велика?
Радость ніе у Призрену граду,
Но добрасе жалость догодила,
Престалясе Милутине царе,
А одъ нѢга нико неостае,
До Милица млада удовица,
И младъ Урошъ одъ двіе године;
Тусе купи Србія господа,
Оны свога жале господара,
Дође на ньга старый Юг-Богдане,
Са све сынахъ деветъ Юговићахъ,
И долази войвода Милошу,
И долази Реля одъ Пазара,
И долази Топлица Милане,
Съ побратимомъ Косовацъ Иваномъ,
И дођоше тры Мрнявчевића,
Долазіо Гойко и УглѢша,
Іоште шъ ньима КралѢ Вукашине,
А са сыномъ Маркомъ... Дервишиномъ;
И долази Іосифъ Проигумне,
Одъ біеле цркве Раванице
Шъ нѢговіемъ ђакомъ Міаиломъ.
Господасе Српска искупила,
И найпотлѢ старацъ Арсеніе,
Старый старацъ Патріаре Србскій,
Оны свога жале господара,
Ал' бесѢди старый Юг-Богдане:
„Господаре Милутине царе!
Ты 'си мучанъ хоћешъ умріети,
А шта ти є царе найжаліе?
Я л' Призрена града біелога,
Яли блага твога големога,
Ял' Милице младе удовице?"
„Я нежалимъ тога ни єднога,
До Уроша сына маинога,
Пейма коме царство останути."
НѢму вели старый Юг-Богдане:
„Ево доста Србскіе войводахъ!
Остави га на єдну войводу
У аманетъ доба неколико,
Докле сташе діете Урошу."
Све мысліо царе Милутине,
Па смысліо комеће га дати,
Онъ га даде кралю Вукашину,
Урошеву истоме уяку,
На ханаметъ за седамъ годинахъ,
Докле сташе діете Урошу;
У томесе царе преставіо,
Вукашина краля оцарише,
Тако стаде доба неколико,

Омахъ проће то седамъ годинахъ,
Узъ то седамъ іоште седамъ проће,
Докъ ђетету шеснаесђ годинахъ,
За кральство му нико ни хабера,
Стадоше га корити войводе;
„Кам крайство краля баба твога?“
Урошъ пита све Српске войводе,
Неима ли кои за свѢдока:
„Кадсе кралѢ бабо преставіо,
На коме є круну оставіо?“
Докле старцу дође Юг-Богдану,
На име му све войводе каза,
Кое те му быти за сѢдоке,
Па онъ нѢга бѢше оправіо,
Те войводе Српске искупіо,
А Богданъ имъ приправи вечеру;
Господасе Србска искупила,
Искупила и обѢдовала,
Таде скочи діете Урошу,
Па закуми свачим' на свіету:
„Кадсе царе бабо преставіо,
На коме є круну оставіо?“
Свакій мучи ништа неговори,
Тексе диже Марко на колѢна;
Ко знаваше казат' несміяше,
Ко сміяше оны незнаваше,
Таде Марко ньима бесѢдіо!
„Царева є круна останула
У мог' баба краля Вукашина!“
А кад' зачу кралѢ Вукашине,
Остру своюо саблю извадіо,
А одъ землѢ на ноге скочіо,
Поредъ нѢга Тойко и УглѢша,
Шћаше посѢћ' Марка сына свога!
Марко скочи одъ земѢ на ноге,
Поредъ Марка Реля и Милошу,
Заистосе посѢћи оћаху,
Но скочише све войводе Сербске,
Те у томъ ихъ дивно насулише,
А окуми діете Урошу,
Онъ своега окуми уяка,
Окуми га и кумовао му,
Да му даде круну баба свога:
НѢму даде круну Вукашине,
Даде му є̑ и честита му є̑,
Сва честита Србія остала,
Па на томсе были разметнули.
Тако стаде време по времену,
Али куме о невѢры ради,
Своме куму и своме нећаку,
Како бы му изгубіо главу,
Паксе добро бѢше домысліо;
Дигаосе у ловъ у планину,
И онъ зове свог' Уроша кума,
Отидоше скупа у планину,
Ловъ ловише ништа недобише,
Докъ имъ добро-одолѢла жеђа,
Вратишесе на трагъ нисъ планину,
Оны тіо нађоше єзеро,
Краль Вукашинъ коня одяхао,
Тесе воде хладне напоіо;
Таде рече діете Урошу:
„Садъ ты држи два коня витеза.“
Вукашинъ є конѢ прифатіо
Урошъ стаде пити жеданъ воду,
Краль довати балту одъ олова,
Те своега кума ударіо,
Удари га за уво юначко,
Васъ му просу по долини мозакъ,
А єзеро крвца замутила;
Кад' Урошу душа испанула,
Вукашинъ га узео за ногу,
Те га вуче долѢ низа страну,
Па зъ долине на плећи га узе,
У гору га носи напріеко,
Донесе га у кладе єлове,
Затрпа га шушлѢмъ и жлѢмыцлѢмъ...
Па вргъ нѢга крлѢ и каменѢ,
А найпотлѢ єловине гране,
Дасе незна ни трага ни стрва;
Самъ отоле Вукашинъ отиде,
А кад' быо стойноме Призрену,
НѢга сестра са куле виђела,
Виђе да шъ ньимъ неймаде Уроша,
Што виђела тосе осѢтила,
Е є нѢга уякъ изгубіо,
Кукаюћи пошла усъ планину,
Тражи сына за неђелю данахъ,
Ни шта єла ни ти воде пійла,
Докле дође тіоме єзеру,
Шћаше воде пити са єзера,
Ал'...? єзеро-крвю замућено,

Бы рекао и бысе заклео,
То све Аге єсу и Беговы.
Окренуше граду Оногошту,
А кад' краю у Рудине были
Ту ихъ біо данакъ оставіо,
А тавна ихъ ноћца прифатила,
Па ту оны конѢ одяхаше,
И жестокіи огань наложише;
Но другасе чета намѢрила,
НамѢрила близо у Рудине,
А одъ Кчева са средъ Горе-црне,
Предъ томъ четомъ Симо харамбаша,
За ньимъ тридесть и четиры друга;
У Рудине огань угледаше,
Окол' огня Турцим' чатисаше,
Таде рече Османъ булюбаша:
„Одкакосамъ юнакъ настануо,
Своме самсе срцу зарекао,
Е погинут' безъ замѢне нећу,
А ноћаске хоћу погинути."
У ріечи кад' ю говораше,
Црногорске пушке запуцаше,
А пламенныи ножи сіевнуше,
Те имъ осамъ главахъ посѢкоше,
Узеше имъ конѢ и оружѢ,
И велике ћурке и кауке,
И на домсе здраво поврнуше,
Сви дођоше ломной Горы-црной,
Сви дођоше здраво и весело,
На дружину діелише благо.
Ово было, кадсе и чинило,
И каконо и данъ данасъ быва.

156.

О смрти младог' Цар'-Уроша.

(Одъ Радована Милошева Ровчанина.)

Драгій Боже чуда великога!
Штосе чуе у Призрену граду,
Ал' є жалость, ал' радость велика?
Радость ніе у Призрену граду,
Но добрасе жалость догодила,
Престалясе Милутине царе,
А одъ нѢга нико неостае,
До Милица млада удовица,
И младъ Урошъ одъ двіе године;
Тусе купи Србія господа,
Оны свога жале господара,
Дође на ньга старый Юг-Богдане,
Са све сынахъ деветъ Юговићахъ,
И долази войвода Милошу,
И долази Реля одъ Пазара,
И долази Топлица Милане,
Съ побратимомъ Косовацъ Иваномъ,
И дођоше тры Мрнявчевића,
Долазіо Гойко и УглѢша,
Іоште шъ ньима КралѢ Вукашине,
А са сыномъ Маркомъ... Дервишиномъ;
И долази Іосифъ Проигумне,
Одъ біеле цркве Раванице
Шъ нѢговіемъ ђакомъ Міаиломъ.
Господасе Српска искупила,
И найпотлѢ старацъ Арсеніе,
Старый старацъ Патріаре Србскій,
Оны свога жале господара,
Ал' бесѢди старый Юг-Богдане:
„Господаре Милутине царе!
Ты 'си мучанъ хоћешъ умріети,
А шта ти є царе найжаліе?
Я л' Призрена града біелога,
Яли блага твога големога,
Ял' Милице младе удовице?"
„Я нежалимъ тога ни єднога,
До Уроша сына маинога,
Пейма коме царство останути."
НѢму вели старый Юг-Богдане:
„Ево доста Србскіе войводахъ!
Остави га на єдну войводу
У аманетъ доба неколико,
Докле сташе діете Урошу."
Све мысліо царе Милутине,
Па смысліо комеће га дати,
Онъ га даде кралю Вукашину,
Урошеву истоме уяку,
На ханаметъ за седамъ годинахъ,
Докле сташе діете Урошу;
У томесе царе преставіо,
Вукашина краля оцарише,
Тако стаде доба неколико,

Омахъ прође то седамъ годинахъ,
Узъ то седамъ іоште седамъ прође,
Докъ ћетету шеснаесъ годинахъ,
За кральство му нико ни хабера,
Стадоше га корити войводе;
„Кам крайство краля баба твога?“
Урошъ пита све Српске войводе,
Неима ли кои за свѣдока:
„Кадсе кралѣ бабо преставіо,
На коме є круну оставіо?“
Докле старцу дође Юг-Богдану,
На име му све войводе каза,
Кое те̑ му быти за сѣдоке,
Па онъ нѣга бѣше оправіо,
Те войводе Српске искупіо,
А Богданъ имъ приправи вечеру;
Господасе Србска искупила,
Искупила и обѣдовала,
Таде скочи діете Урошу,
Па закуми свачим' на свіету:
„Кадсе царе бабо преставіо,
На коме є круну оставіо?“
Свакій мучи ништа неговори,
Тексе диже Марко на колѣна;
Ко знаваше казат' несміяше,
Ко сміяше оны незнаваше,
Таде Марко ньима бесѣдіо!
„Царева є круна останула
У мог' баба краля Вукашина!“
А кад' зачу кралѣ Вукашине,
Остру свою саблю извадіо,
А одъ землѣ на ноге скочіо,
Поредъ нѣга Гойко и Углѣша,
Шћаше посѣћ' Марка сына свога!
Марко скочи одъ земѣ на ноге,
Поредъ Марка Реля и Милошу,
Заистосе посѣћи оћаху,
Но скочише све войводе Сербске,
Те у томъ ихъ дивно насулише,
А окуми діете Урошу,
Онъ своега окуми уяка,
Окуми га и кумовао му,
Да му даде круну баба свога:
Нѣму даде круну Вукашине,
Даде му є̑ и честита му є̑,
Сва честита Србія остала,

Па на томсе были разметнули.
Тако стаде време по времену,
Али куме о невѣры ради,
Своме куму и своме нећаку,
Како бы му изгубіо главу,
Паксе добро бѣше домысліо;
Дигаосе у ловъ у планину,
И онъ зове свог' Уроша кума,
Отидоше скупа у планину,
Ловъ ловище ништа недобише,
Докъ имъ добро одолѣла жеђа,
Вратишесе на трагъ нисъ планину,
Оны тіо нађоше єзеро,
Краль Вукашинъ коня одяхао,
Тесе воде хладне напоіо;
Таде рече діете Урошу:
„Садъ ты држи два коня витеза.“
Вукашинъ є конѣ прифатіо
Урошъ стаде пити жеданъ воду,
Краль довати балту одъ олова,
Те своега кума ударіо,
Удари га за уво юначко,
Васъ му просу по долини мозакъ,
А єзеро крвца замутила;
Кад' Урошу душа испанула,
Вукашинъ га узео за ногу,
Те га вуче долѣ низа страну,
Па зъ долине на плећи га узе,
У гору га носи напріеко,
Донесе га у кладе єлове,
Затрпа га шушлѣмъ и жлѣмыщлѣмъ...
Па вргъ нѣга крлѣ и каменѣ,
А найпотлѣ єловине гране,
Дасе незна ни трага ни стрва;
Самъ отоле Вукашинъ отиде,
А кад' бьо стойноме Призрену,
Нѣга сестра са куле виђела,
Виђе да шъ ньимъ неймаде Уроша,
Што виђела тосе осѣтила,
Е є нѣга уякъ изгубіо,
Кукаюћи пошла усъ планину,
Тражи сына за нећелю данахъ,
Ни шта єла ни ти воде пійла,
Докле дође тіоме єзеру,
Шћаше воде пити са єзера,
Ал'...? єзеро крвю замућено,

Око нѣга крвца покапала,
Осѣтисе, ту да погинуо,
Па га долѣ тражи низъ планину,
Докле бѣше трага изгубила,
Сумице га по планини тражи;
А кад' была у найчешће ѣлѣ,
Погледнула узъ ѣлу зелену,
Али сѣде четири анђела,
А Урошъ ихъ двори на ногама,
Біяшесе Урошъ посветіо.
Те кад' видла на трагъ побѣгнула,
Све бѣжећи у Призренъ є дошла,
Она дође царском' намастыру,
Она каза старцу проигумну,
А игуманъ викну свештенике,
Те одоше горе усъ планину,
И нађоше младог' цар-Уроша,
Тіело му цѣлокупо бѣше,
Есе Урошъ быо посветіо;
Ту молитве млоге учинише,
Однесоше г' царском' намастыру,
Узлаћенъ га ћивотъ заклопише,
У коме ће мирно почивати,
Ал' му неће кум-уаче нигда
Починути одъ Бога єднога,
И одъ Бога и народнѣ клетве,
Кои уби кума и сестрића
А за круну за земальско благо.

157.

Мостарацъ.

(Одъ попа Андріе Драговића изъ горнѣ Мораче.)

Пошетао Павле куюнџія
По Мостару челеби-пазару,
Исподъ куле Ибра капетана,
На Павлу є дивно одіело,
Одіело па га подніело,
Гледала га Хадиђар-Хайкуна,
Гледа Павла са высоке куле,
На Павласе хашикъ учинѣла,
Коликосе хашикъ учинила,
За грлосе рукомъ доватила,
Те искида злаћена ђердана,
Пакъ є ђерданъ у нѣдра сасула,
А робыню свою дозивала:
„О робиньо моя слуго права!
Ну отиди подъ біелу кулу,
Те ми зови куюнџію Павла,
Нек' изиде на біелу кулу,
Право къ мене у шикли-одаю,
Е 'самъ злаћенъ ђерданъ искидала."
Робиня є хитро послушала,
Па отиде подъ біелу кулу,
Па бесѣди куюнџіи Павлу:
„Айде Павле на біелу кулу!
Зове тебе Адиђар-хайкуна,
Е є злаћенъ ђерданъ искидала."
Стаде мыслит' куюнџія Павле,
„Зло непоћи, а горе недоћи!"
Све мысліо на єдну смысліо:
„Хоћу поћи ако нећу сићи."
Пакъ отиде на біелу кулу,
А кад' дође у шикли-одаю,
Ту Хайкуна сѣди на миндеру,
На миндеру ноге прекрстила,
А ђубекли-тутунъ запалила,
Па кад' виђе куюнџію Павла,
Ондай Павлу ріечъ говорила:
„Сѣди Павле на душека мехка!"
Сѣде Павле на край одъ душека,
Хайкуна є ђерданъ извадила,
Те га даде куюнџіи Павлу,
Гледа Павле злаћена ђердана,
Пакъ Хайкуни ріечъ проговара:
„О Хайкуно, майка ти кукала!
Великъ ти си зіянъ учинила,
Одъ педесетъ жутіе дукатахъ,
Немогу га лакше направити."
Ал' Хайкуна ріечъ проговара:
„Прођсе Павле врага и ђердана!
Но примаксе къ мене на душека,
А да моё ты облюбишъ...лице!"
То кад' зачу куюнџія Павле,
Павле бѣше срца юначкога,
И сувише рода госпоскога,
Пакъ онъ скочи на ноге лагахне,
Те побѣже низъ біелу кулу;
Ражлютисе Рузиђар-Хайкуна,

Па скочила на ноге лагахне,
У пенџерь є ногомъ ударила,
Те проломи срчали пенџере,
А повикну изъ грла біела
Свога брата Ибра капетана:
„Ђе си Ибро мой брате одъ майке!?
Облюби ме куюнція Павле,
Облюби ме влашче на срамоту!
Искида ми злаћене ђердане,
А проломи срчали пенџере.“
Намѣрисе Ибро капетане,
Намѣрисе у механи винской,
Ибро піе съ іолдашима вино,
Зачу Ибро у механи винской,
Зачуо є яде одъ сестрице,
Пакъ одъ земаѣ на ноге скочіо,
Кад' изиде предъ механу Ибро,
Погледао градомъ и калдрмомъ,
Виђе бѣжи куюнція Павле,
За ньимесе Ибро напуштіо,
Доцкань пође а стиже га брзо;
Виђе Павле е ће погинути,
Пакъ онъ стаде клетисе Турчину;
„Ніесамъ ти сестру облюбіо!
Живота ми нѣна и моега!“
Іошъ оћаше бесѣдити Павле,
Недаде му Ибро капетане,
Већ' истрже свіетла ханџара,
Шћаше Павлу да окине главу,
А кад' виђе куюнція Павле,
Савіясе земльомъ и калдрмомъ,
Єдномъ рукомъ за прси Турчина,
Другомъ рукомъ ухити ханџара,
Ячій бьіо Павле одъ Турчина,
Те Турчиномъ удри о калдрму,
Па му русу осіече главу,
Па побѣже градомъ и калдрмомъ,
Докъ пукоше на граду топовы,
И лубарде на четиры стране,
За Павломсе потѣчь отиснула;
Но докъ Турцы на дно поля были,
Павле имъ є у средъ поля бьіо,
Доксу Турцы у средъ поля были,
Тада Павле џоры прибрехао,
И утече у гору зелену,
А изъ горе у Приморѣ равно,
Изъ Приморя кньигу оправіо,
Оправи є у Мостара града:
„Чуѣте ли одъ Мостара Турцы!
Ево има тры године данахъ,
Како любимъ Адиђар-Хайкуну,
Оправите мене мое благо,
Оправте ми Адиђар-Хайкуну,
На Иброву дебелу ђогину;
Ако ли ми оправит' нећете,
Оправити благо и Хайкуну,
Хайте Турцы мене на мейдана,
Бирайтесе ком' є вама драго!“
Кадъ Турцима гласъ и кньига дође,
Те віећу Турцы віећали,
Віећали за неђелю данахъ,
И овако Турцы одлучили:
„Ніе было болѣга юнака
Одъ нашега Ибра капетана,
Онъ съ оружѣмъ Павле безъ оружя,
Пакъ му русу осіече главу,
Ко ће изић' на мейдана Павлу?!
Но да шлѣмо благо и ђевойку,
Влашче іойсе срца... дофатило,
Вет' Хайкуна ніе за Туракахъ!“
Па Павлово благо оправише,
Оправише Хадиђаръ Хайкуну,
На Иброву претилу ђогину,
Оправише Павлу у Приморѣ,
Те Хайкуну покрстіо Павле,
Покрстіо и вѣнчао за се,
У Приморѣ направіо кулу,
Да є таке ни у Мостаръ ніе;
На ньой люби Адиђаръ Хайкуну;
Хоће Павле весела му майка,
Весела му майка и Хайкуна,
Та Миляна Мостарка крштена! —.

158.

Млогостручна невѣра.

(Одъ Игумна Мойсія Васоевића изъ Мра Ђурђевіехъ ступовахъ.)

Сви юнацы Србскіи заплакаше
На проклета Вукашина краля,

Што Уроша свога цара уби,
Те затріе племе Неманьића,
Србской слави зло наметну име,
И душмане тулит' ю научи;
За нѣгово врашко умышлѣнѣ,
Самъ поштенѣ изгуби найпослѣ,
На Марицу съ Турцим' ратуюћи,
Ђе изгуби Србе изабране,
И съ два брата свою русу главу.
Іошсе Србска слава неугаси,
Десница є и брани и гласи!
Но Србима зла зададе више
Кадсе Вуче Турцим' придружіо,
И сву крепость наружіо Србску,
Свога цара издаде Султану,
А у Србе Деспотомъ настану,
Витезове обрати у робе,
Да Турчину свом' душману служе;
Ал' ево му вѣре у Турчина,
Како сврши на Вукова сына!
По имену Деспотовићъ Ђура!
Шћеръ Марицу узе за царицу,
Обрну є себ' за робиньицу,
То му првыи за издаю дары;
Па Султану и то небы доста,
Єра власти у Србина оста,
Но дозивѣ два Ђурова сына,
Обоицы очи извадіо,
Сліепе ихъ Ђуру оправіо,
А кад' Ђуро ђецу сагледао,
Како ихъ є царе даровао,
Онда кньигу цару оправіо,
У кньизи му вако говоріо:
„Султанъ царе драгій господаре!
Камо хатаръ Вука баба мога?
Два смо тебе добра учинѣли,
Што ти нитко ніе учиніо:
Издасмо ти Лазарево царство,
И Марицу дасмо за царицу,
Ты намъ даде Божу вѣру тврду,
Да ни хилле учинѣти нећешъ,
Но да ћемо съ тобомъ друговати,
Надъ Србима мы господовати,
Па што си ми ђецу нагрдіо?“
Али царе Ђуру одговара:
Што издасте царство на Косово,
Ваше царство а моему Отцу,
То сте себе горе учинили,
И подъ саблю мене запанули;
Што Марицу дасте за царицу,
Дали бы є одъ мене грђему,
Штосамъ тебе дѣцу нагрдіо,
И то си ты собомъ заслужіо,
Кад' уфати одъ Сибиня Янка,
Па га пушти те ми га непрати.
Но самъ чуо, и кажу ми люди,
Ты да имашъ двіе вѣрне слуге,
Првог' слугу Змай-Обрчић'-Рада,
И другога ускок' Радоицу,
Пошльи ми ихъ у Стамбола Ђуро.“
Каде Ђуру ситна кньига дође,
Онда цару другу одписуе:
„Мене дома Радоице нейма,
Отишо є светой Горы нашой,
И тамосе покалуђеріо;
А Рада ти оправит' немогу,
Єръ ме царе послушати неће,
Ты да дођешъ Смедереву моме,
Небы мого уфатити Рада
Ни повести силомъ у Стамбола.“
А кад' цару така кньига дође,
Опет' царе Ђуру отписуе:
„Копилляне Деспотовић' Ђуро!
Пошльи мене Змай-Обрчић'-Рада,
Самъ ћу наћи ускок' Радоицу;
Ако ли га оправити нећешъ,
Я ћу силну покупити войску,
Смедерево огнѣмъ изгорети,
Тебе Ђуро жива уфатити,
На муке ти душу извадити.“
Каде Ђуру ситна кньига дође,
Гледа кньигу грозне сузе взля,
Люто Вука баба куніяше:
„Богъ т' убіо бабо Бранковићу!
Земля твое кости изметала,
Вѣчно мучна твоя душа была,
Што издаде таста у Косово,
И све Србске юнаке одъ моћи,
Тер' ихъ ніе данасъ у помоћи;
Єръ вѣрова своме душманину,
Што не саденъ мысли затріети,
И сву Србску славу погасити?!“

Ђура гледа проклета Єрина,
Па є нѣму рiечъ бесѣдила:
„Што є тебе Ђуро господаре!?
Каква те є жалость обузела?
Сузе лiешъ свое лице мiешъ!“
Ал' Єрины Ђуро бесѣдiо:
„О Єрино моя половино!
Ядно ми є, да га Богъ убiе,
Очи л' неймашъ, ол' ньима негледашъ?
Лоша ми є кньига допанула
Одъ Стамбола одъ цара Турскога,
А нашега зета несретнога
Да му пошлѣмъ Змай-Обрчић'-Рада,
Ако нећу, погинути хоћу,
Смедерево огнѣмъ изгорѣти;
А я Рада оправит' немогу,
Самъ да пође послушат' ме неће;
Немогу га ни силомъ послати.“
Ал' Єрина Ђуру проговара:
„Послушай ме Ђуро господаре!
Ты покупи слуге на вечеру,
Я ћу дати пиво свакояко,
Опоићу Змай-Обрчић'-Рада,
И пяну ћу савезати руке,
Савезана цару оправити.“
Тако Ђуро послуша Єрину,
Те покупи слуге на вечеру,
Єрина имъ пиво приносаше,
Докъ опои Змай-Обрчић'-Рада,
Главомъ паде на трпезу Раде,
Кад' то виђе Деспотовићъ Ђуро,
Испредъ нѣга софру одмакнуо,
Самъ простире мекахна душека,
По душеку опружiо Рада,
Па отиде на кулу бiелу,
Жарке сузе рони и пролива,
А Єрина слуге дозиваше,
Да савежу Змай-Обрчић'-Рада.
Слуге веле проклетой Єрини:
„Дасе Раде юче преставiо,
Мы га данасъ небы дофатили,
Акамо' ли жива свезат' смѣли.“
Таде скочи проклета Єрина,
Те донесе синциръ гвожђе тешко,
Заклапа га око грла Раду,
А на ноге гвожђе букагiе,
И на руке люте билензуке;
Па кад' самну и сунце ограну,
Разбудисе Змай-Обрчић'-Раде,
И кад' виђе штосе учинило,
Тешко га є гвожђе освойло,
Онсе кули до прозора вуче,
Те съ прозора гледа у стобора,
И угледа Деспотовићъ Ђура,
Ђе i' два добра коня опремiо,
И ту сѣди сузе пролiева,
Ал' є Раде Ђуру бесѣдiо:
„Господаре Деспотовићъ Ђуро!
Што си мене гвожђемъ утврдiо,
Када самъ ти тако згрiешiо?“
Ђуро трчи на кулу бiелу,
Свуче Рада на Дишер-авлiю,
Па га тура на вранца свезана,
Ал' му Раде опет' бесѣдiо:
„Кажи мене Ђуро господаре,
Куд' си са мномъ данасъ наумiо?“
Ђуро рече: „цару у Стамбола!“
Пакъ му рече Змай-Обрчић'-Раде:
„Господаре Деспотовићъ Ђуро!
Пушти мое пребiеле руке!
Да я узмемъ одъ боя оруже,
Немой мое изгубит' юнаштво,
А даемъ ти божу вѣру тврду,
Самъ ћу съ тобомъ у Стамбола поћи.“
Тад' га пушти Деспотовићъ Ђуро,
Раде пође свом' бiелу двору,
Предъ дворе є вранца одяхао,
Вѣрна му га прифатила слуга,
Онъ изиде на танахну кулу,
Обукуе дивно одiело,
По тiелу одъ свиле кошулю,
По кошульи люте панцiере,
Да му сабля наудит' неможе,
Па по врх' ньи дибу и кадифу,
А на главу самуръ капу ставя,
И за капу тридесть челенакахъ,
Кое трепте ко драго каменѣ;
Паше саблю сподби топузину,
Сиде брже низъ бiелу кулу,
Обѣси є о ункашу вранцу,
Пакъ пояха вранца одъ мейдана,
Устурiо коплѣ на рамена,

Оде двору Деспотовићъ Ђура,
Ђуро готовъ коня пояхао,
Отидоше друмомъ зеленіемъ,
А кад' цару были у Стамболу,
Подъ Диванъ су конѣ разяхали,
На ункаше узде устурили,
Пуштише ихъ у Дишер-авлю,
Терсе коньи са ми проваћаю.
Ђуро пође цару на Дивана,
За ньимъ иде Змай-Обрчић-Раде,
И царусе смѣрно поклонише,
Па предъ цара у Диванъ стадоше,
Царъ тад' рече Деспотовић' Ђуру:
„Камо Ђуро Змай-Обрчићъ'-Раде!?"
Ђуро рече: „Ево, царе, Раде!"
А царъ таде Ђуру бесѣдіо:
„Хайд' нелажи Деспотовићъ Ђуро!
Ово ніе Змай-Обрчић'-Раде."
Раде рече цару честитоме:
„Дай ми царе стотину Туракахъ,
Да идемо у полѣ широко,
Дасе мало шъ ньима поиграмо,
Да ты познашъ Змай-Обрчић-Рада!"
Али цару друга быт' неможе,
Но истури стотину Туракахъ,
Раде яше вранца одъ мейдана,
Одъ оружя ништа неузима,
Теке бойно копѣ на рамена,
Па изиде у полѣ широко,
А съ Турцима кавгу заметнуо,
Покрай себе копѣ положіо,
У бойна ихъ седла прибадаше,
А мртве ихъ земльи обараше,
Докъ разагна стотину Туракахъ;
Ал' то царе гледа са Дивана,
И Радесе къ нѣму поврнуо,
Предъ цара є Диванъ учиніо,
Па є Ђуро цару бесѣдіо:
„Ево царе Змай-Обрчић'-Рада!"
Царъ є Ђуру опет' бесѣдіо;
„Хайд' нелажи Деспотовић' Ђуро,
Ніе ово Змай-Обрчић'-Раде!"
Ал' є цару Раде говоріо:
„Пошльи царе двестотин' Туракахъ,
Дас' у полю са мномъ огледаю,
Па ћешъ познат' Змай-Обрчић'-Рада!
Царе пушти у Стамболъ телара,
Те искупи двѣ стотин' Турака,
Изидоше у полѣ широко,
И за ньима Змай-Обрчић'-Раде;
Одъ оружя ништа неузео,
Тек' у руку топузину тешку,
Ћера Турке тамо и овамо,
Све ихъ гађа тешкомъ топузиномъ,
Млогіи мртвы по земльи падоше,
А осталіи грдны утекоше;
И то гледа царе са Дивана,
Опет' Раде на диванъ изиде,
Царе Ђура гледа попріеко:
„Копиляне Деспотовићъ Ђуро!
Ніе ово Змай- Обрчић'-Раде,
Сад' ћу твою окинути главу!"
Налютисе Змай-Обрчић'-Раде,
За острусе саблю дофатіо,
И цару є люће бесѣдіо:
„Немой карат' господара мога,
Єръ можемо кавгу извадити,
Но избери пестотин' Туракахъ,
Ђегођъ знадешъ у Стамболъ [illegible],
Дасе са мномъ полѣмъ пођерају,
А да познашъ Змай Обрчић'-Рада."
Царе пушта у Стамболъ телала,
Те покупи петъ стотин' Туракахъ,
Ђегођъ знадде коня и юнака,
Изидоше у полѣ простране;
Раде яше вранца одъ мейдана,
Све понесе одъ боя оруже,
Па изиде у полѣ широко,
Колико л'се Раде налютіо,
У Турке є юришъ учиніо,
Стотину є на копѣ набіо,
А стотину топузомъ побіо,
А стотину сабіомъ изгубіо,
А стотину вранцемъ погазіо,
И стотину саведао живе,
Пакъ ихъ води цару по Дивану.
Пушти вранца иде на дивана,
Непотура свіетла оружя:
Но коликсе Раде наѣдіо,
За рамо є брке затуріо,
Саставіо самуръ са веђама,
Десну руку на саблю туріо,

Ріе-цара ріечъ бесѣдіо:
„Позна л' царе Змай-Обрчић'-Рада?!"
Царъ є таде Раду бесѣдіо:
„Валахъ еси за кога те кажу!
Но нећ' лисе потурчити Раде?
Везиромъ быхъ тебе учиніо,
Дао быхъ ти неброено благо,
У Стамболъ ти дворе начиніо,
Покрай двора цара честитога."
Ал' є Раде цару бесѣдіо:
„Небыхъ тисе царе потурчіо,
Да ми дадешъ твое царованѣ."
Царъ Аџемски виче на џелата,
Да Радову посіече главу,
И одиста изгубит' га шћаху,
Зашто Раде Аџемски незнаше,
Да злу своме надас' испріека,
Ал' ту бѣше ускокъ Радоица,
Те бесѣди Змай-Обрчевићу:
„Потурчисе Змай-Обрчић-Раде!
И менесу скоро потурчили,
Име дали Дели-Радоица,
Друго име Ђаур-Папаз-паша,
Треће брате обрнисе за се!"
Кадсе Раде на трагъ обрнуо,
Примаклисе дванаесъ џелатахъ,
Голе носе палле у рукама,
Тад' и Раде свою саблю трже,
Те изгуби дванаесъ џелатахъ,
И до цара дванаесъ везирахъ,
Іошъ хоћаше цара изгубити,
Ал' утече у кавезъ цакленый,
Султаніе затворише врата;
Раде Ђура за руку прифати,
Изиђоше долѣ у авлію,
А на добре конѣ посѣдоше,
За ньим' иде ускокъ Радоица,
Богомъ куми: „Неостав' ме Раде!"
И нѣг' Раде за руку дофати,
За Ђуромъ га на коня бачіо,
Пакъ є остру саблю повадіо,
Крозъ сокаке юришъ учиніо,
Кога стиже и главу му диже,
Докъ изиде у полѣ широко,
А изведе оба друга здраво,
Отидоше Смедереву граду;
Кад' дођоше предъ Ђурове дворе,
Тад' є Ђуро Раду бесѣдіо:
„Слуго моя Змай-Обрчић-Раде!
Мы одъ цара сиђет' несміемо,
Да бѣжимо граду Дубровнику,
У Млечића у море дебело."
Ал' є Раде Ђуру бесѣдіо:
„Иди бѣжи Бранково колѣно,
А да бысе изъ насъ истребило!
А я нећу браћу оставяти,
Ни цвіелят' мою стару майку,
Но ћу овђе крвцу просипати,
Ко' сва браћа моя на Косову."
Оста Раде оста Радоица,
Самъ побѣже Деспотовићъ Ђуро,
Са Єриномъ име іой погибло,
Утекоше мору Латинскоме;
Затрлосе име Бранковића,
А и шњ ньиме сва Србска несрећа,
Тек' Србинсе мучи на мейдану,
Да поврати славу некаданю,
Па да сте нам' здраво витезовы,
Све войводе, баны, и кнезовы!
Ахъ безъ кньиге свуђ' є вазда руге,
То да игда, већ' познаймо сада,
Пакъ и болѣм' дас' надамо када —.

159.

Царъ и Секула.

(Одъ истога Игумна Мойсія.)

Кньигу пише Отмановић' царе,
Те є шалѣ одъ Сибиня Янку,
У пространу землю Унгаррію;
„Ясамъ чуо, и кажу ми люди,
Ты да имашъ сестрића Секула,
Лѣпоте му у весъ свіетъ нейма,
Но пошльи га мене у Стамбола,
Да га види Стамболска господа,
Да га виде паше и везиры,
И осталіи Турцы Яньичары,
Іошъ и мое младе Султаніе,
Єрсу мене молбе додиле,
Да добавимъ Бановићъ Секула,

Да нѣгово сагледаю лице;
А даемъ ти божу вѣру тврду,
Да му хилле учинити неђу,
Но ђу ти га добро даривати,
И опет' га здраво повратити."
Каде Янку ситна кньига дође,
Кньигу гледа сузе проліева,
А двори га Бановић' Секуле,
Па уяку своме бесѣдіо:
,,Мой уяче Сибинянинъ Янко!
Каква кньига да є богъ убіе,
Те є ютросъ тебе заплакала;
Ако ти є кньига одъ мейдана,
Я самъ готовъ пођи на мейдана,
Но немойсе препадати Даіо."
Іанко рече сестрићу своему:
,,О Секуле лудано діете!
Лоша кньига да є Богъ убіе,
Одъ Стамбола одъ цара Турскога,
Да те шилѣмъ у Стамболу билу,
Да те виде и гледаю Турцы,
И погане буле Султаніе,
И дае ми божу вѣру тврду,
Да ти хилле учиниги неће,
Него ђе те добро даривати,
И здраво те мене оправити;
У Турчина и у зміе люте,
Ришћанину пріятеля ніе,
Богъ ме ђе те сыне преварити,
Потурчити оли погубити."
Ал' Секуле нѣму проговара:
,,Небой мисе мой уяче Янко!
Я ђу цару пођи у Стамбола,
А даемъ ти бужу вѣру тврду,
Заистосе потурчити неђу,
Може быти да ђу погинути,
Али ђесе на далеко чути,
Кад' Бановићъ погибе Секула."
И то Янку млого-мило было,
Па дава му коня и оруже,
Оједесе Бановићъ Секуле,
Обукуе люте панціере,
Што му сабля наудит' неморе,
А по ньима свилу и кадифу,
И на главу самур-капу тура,
По самуру тридесть челенака,
Кое пиште како зміе люте,
Око себе саблю опасао,
О дорату топузъ обѣсіо,
Пакъ пояха дора дебелога,
Тури бойно копѣ на рамена,
И отиде друмомъ зеленіемъ,
Далеко га Янко испратіо,
Па сестрића грли и целива,
Топле сузе рони и пролива:
,,О Секуле лудано діете!
Хайде пођи, а Богъ съ тобомъ будди,
Али ђу те сѣтовати сыне,
Кад' ђешъ быти полю Стамболскоме
Сретнуђе те хиляду Туракахъ,
То те быти цареве деліе,
Искате ти коня и оруже,
Недай сыне коня ни оруже;
Па ђешъ мало понапріедъ пођи,
Опетъ срести хиляду Туракахъ,
То те быти Турцы Яньичары,
Искате ти коня и оружѣ,
Недай сыне коня ни оруже;
Кад' Стамболу на капію дођешъ,
Сресте тебе паше и везиры,
Колико су страшно оћевены,
Ты ђешъ мыслит' да су то царевы,
Искате ти коня и оруже,
Но немойсе сыне препанути,
Немой пуштит' коня и оруже,
Ђерай коня цару на капію,
Ђе му стое младе Султаніе,
Ту ђешъ наћи доброга юнака,
На капію ноге прекрстіо,
Па изъ чабра піе руйно вино,
Неопране брке обѣсіо,
По земльицы пали су му брцы,
Покрай себе саблю потуріо,
О капіи топузъ обѣсіо,
Ту-ђешъ сыне коня одяхати;
Узми капу у ліеву руку,
Полюби га у скутъ и у руку,
Па ђешъ сыне нѣга поздравити,
И аманетъ нѣму учинити,
Да те води цару на дивана."
Отле оде Бановићъ Секула,
Докле полю Стамболскоме дође,

Сретоше га цареве делie,
Ишту нѣму коня и оруже,
Неда момче тога ни єднога,
Но разгони цареве делie,
И отиде полѣмъ широкiемъ,
Сретоше га Турцы Яньичары,
Ишту нѣму коня и оруже,
Неда соко коня и оружя,
Но разгони Турке Яньичаре,
Докъ Стамболу на капiю дође,
Сретоше га паше и везиры,
Те му ишту коня и оруже,
Неда юнакъ оруже и коня,
Но Дората ражлютio свога,
Стамболу га утна у сокаке,
Изъ калдрме избiя каменѣ,
У дућане бie базрђане,
По кахвама кахвецie младе,
Докле прође Бановић' Секуле,
Свака сусе затворила врата,
А кад' цару на капiю дође,
Ђе му младе стое Султанie,
И кад' виђе доброга юнака,
Како га є уio научio,
Колико є страшнога погледа,
Препадесе Бановић' Секуле,
Готово є на трагъ побѣгнуо,
Одъ страхасе нисъ коня скинуо,
Узе капу у лieву руку,
Полюби га у скутъ и у руку,
Па є нѣму стидно бесѣдio;
„Мойсе Даio тебе поздравio,
И аманетъ тебе учинio,
Одъ Сибиня Сибинанинъ Янко,
Да ме водишъ цару на диване,
За мене є царе оправio,
Я нiесамъ прie долазio,
На диванъ му изић' неумieмъ,
А боимсе хилле одъ Туракахъ.“
Ал' є юнакъ нѣму бесѣдio:
„О Бога ти луданый Секуле!
Кадсе Янко мене поздравio,
Єл' ти мое име споменуо?“
Секулъ рече: „Нie споменуо!
Но у жалосъ то є наручio.“
Али юнакъ таде бесѣдio:
„Я самъ, сынакъ: Марко Кралѣвићу,
И побратимъ одъ Сибиня Янка,
Сѣди сыне да пieмо вино,
Немой мисе ништа препадати,
Ласно ћемо диванъ учинити.“
Па кадасе понапише вина,
Рече Марко Бановићъ Секули:
„Єси л' сыне коня научio,
Да л'се коме другом' пояхати,
Самъ хоће ли шетат' по авлiи?“
Секулъ рече Кралѣвићу Марку:
„Самћe мисе Доро проваћати,
А небы га другiй узяхао,
Таманъ да бы главу изгубio,
Н' ако да є одъ Сибина Янко.“
Скочи Марко са землѣ на ноге,
Те изведе изъ подрума Шарца,
О ункашъ му топузъ обѣсio,
И britку є саблю опасао,
Па на добре конѣ посѣдоше,
Отидоше цару по Диване,
И ту добре конѣ разяхаше,
Прифатитсе никомъ недадоше,
Но самисе воде и проводе;
Юнацысе по руке узеше,
И пођоше цару на Диване,
Рече Марко Бановићъ Секули:
„Срестите не слуге и дворaны,
Да ни остре саблѣ прифатаю,
Немой сыне сабѣ одпасати,
Сад' те нама сабѣ требовати.“
Кад' дођоше цару на Дивана,
Секулесе цару поклонio,
Паксе мало на трагъ измакнуо,
Иза себе саблю заклонio,
Низа себе руке опружio,
Предъ царемъ є диванъ учинio,
Царъ га пита за Янково здравѣ,
Онсе цару опетъ поклонio,
Миръ и здравѣ на то одговара.
Єднакъ царе нѣму бесѣдio:
„Хоћешъ лисе сыне потурчити?
Даћу тебе мою Султанiю,
Чинићу те велика везира,
Стимаће те паше и рицали,
Сва господа цара честитога,

Неће быти у цара болѣга.“
Налютисе Бановићъ Секуле,
На крепость є руке подигнуо,
Предасе є саблю окренуо,
Па састави самуръ са веђама,
Диже брке а нисну на зубе,
А царусе примакао близу,
Те є цару люто говоріо:
„Зле прилике збора царевога!
Не ка цара но ка говедара!
А камо ти божа вѣра тврда,
Што си Даю моме задавао,
Да ми хилле учинити нећешъ,
Но да ћешъ ме здраво повратити?
А тако ми Риста Спасителя,
Небыхъ тисе царе потурчіо,
Башъ да быхсе Султанъ учиніо,
Твоимъ градомъ и царствомъ владао!
Али ћу ти повркут' поштенѣ,
Ако ћешсе царе покрстити,
Ценеранъ ћешъ кодъ уя ми быти,
Свою ће ти ћерцу поклонити,
Стимаће те Унгарска господа,
Служиће те триста Угричићахъ
Небесно ћешъ наслѣдити царство.
Царъ Харапски вика на целата,
Єръ Секуле Харапски незнаде,
Хођаху му изгубити главу;
Но му рече Марко Кралѣвићу,
Пословички како царъ незнаде:
„Садъ погибе обрнисе за се!“
Кад' Секуле упази целате,
Остромъ сабльомъ иза себе махну,
Посієче цареве целате,
Пакъ на пріедъ по Дивану махну,
Посієче цареве везире,
И царусе примакнуо близу,
Хођаше му окинути главу,
Недаде му Кралѣвићу Марко,
Уфати га за бієлу руку:
„Немой сыне поочима мога!
Хайд' идемо имаћемо кога!“
Отле пође Бановићъ Секуле,
А царе є Марку бесѣдіо:
„Удри Марко усакла ти рука!“
А цару є Марко бесѣдіо;
Мучи царе каменомъ ти стале!
Ако чуе Бановићъ Секуле,
Тесе опетъ на Диванъ поврне,
Изгубиће и мене и тебе;
Већ' я пођохъ испратит' Секула.“
А кад' Марко до Шарійна дође,
Ал' Секуле Дора пояхао,
Разагони Турке Яньичаре,
И русе имъ одсієца главе,
Тадсе Марко Шарца дофатіо,
А остру є саблю извадіо,
Па загони Турке у сокаке,
За ньимъ иде Бановићъ Секуле,
Да ког' стигне и главу му дигне,
Изъ Стамбола полѣмъ изидоше;
А кад' полѣмъ далек' одмакнуше,
Тад' сретоше Ћуприлійћъ везира,
И шъ ньиме є силовита войска,
Опколише два добра юнака,
Стаде писка Бановићъ Секула:
„Авай мени до Бога милога!
Десна мисе уморила рука,
Сад' не хоте изгубити Турци!“
Ал' Секулу Марко бесѣдіо:
„А моясе іошъ неугріяла,
Нити мисе Шарацъ налютіо,
Самћу ядне рашћерати Турке.“
Па у Турке юришъ учиніо,
А за ньиме Бановићъ Секула,
Млоге мртве земльи оборише,
На алае друге рашћераше,
Па одоше здраво и весело,
Ка Прилипу на Маркове *дворе*:
Пишпе вино за нећелю данахъ,
Докъ одъ пута трудны починуше,
Секулъ пође ка уяку своме,
По нѣмусе Марко поздравіо:
„Поздрависе побратиму моме!
Како самъ му аманетъ свршіо,
И на Диванъ съ тобомъ излазіо
Нека мисе неналюти побро.“
Како пође Бановићъ Секуле,
Али Марку ситанъ ферманъ дође,
И одъ цара четиры Татара:
„О невѣрный мой посыниче Марко!
Ходи брже мене у Стамбола,

Да ми платишъ паше и везире,
Што изгуби по Стамболу моме,
Кад' изведе душманина мога."
А кад' Марко ферманъ сагледао,
Тры царева посѣче Татара,
Четвртоме очи извадіо,
И тако га цару оправіо,
По нѣмусе цару поздравіо:
„Ако си се на ме налютіо,
Я ћу поћи одъ Сибиня Янку,
Па ћу отуд' тебис' налютити."
А кадъ царе разуміо гласе,
Два Татара брже оправіо,
И по ньима тры товара блага,
Іошъ и ферманъ Кралѣвићу Марку:
„Мой посынче Кралѣвићу Марко!
Да си брже у Стамболу моме,
Да ми чувашъ одъ Стамбола врата,
На поклонъ ти што си учиніо;
Докле има у Стамболъ Туради,
Вы ће доста пашахъ и везирахъ,
Но ми нейма Кралѣвића Марка,
И ето ти тры товара блага,
Подай майцы дасе хлѣбомъ храни."
Кад' то виђе Кралѣвићу Марко,
Даде парре остаралой майцы,
Яше Шарца у Стамбола пође,
Па несврће цару на Дивана,
Но отиде цару на капію
У подруме Шарца савезао,
О капіи топузъ обѣсіо,
Покрай себе саблю потуріо,
На изъ чабра піе вино руйно,
А нека га у драгога Бога!
Валяло му на суду страшному.

160.

Царска ріечъ.

(Одъ попа Рада Кнежевића, изъ Мартинића.)

Кньигу пише царица Милица
Изъ Крушева града біелога,
А шилѣ є у Турску Єдрену,
А на име Тодору везиру,
У кньигу му она бесѣдила:
„Чуешъ ли ме Тодоре везире!
Мошъ ли знати єс' ли запазіо,
Кадъ 'згибоше цары на Косово,
Царъ Лазаре, и царе Мурате,
Ондай сте ми заробили сына,
Сына мога Немањића Вука?
Пошльите му Вука Немањића,
Дасе шъ ньиме ядна разговарамъ!"
Кадъ везиру ситна кньига дође,
Онъ окупи сву Турску господу,
Пакъ є ньима кньигу проучіо,
А кад' Турцы кньигу разумѣше,
Сва господа тако говораше:
„Да пошлѣмо Немањића Вука!"
Али вели Бранковићу Вуче:
„Чуете л' ме паше и везиры!
Непошльите колѣно проклето,
Е ће быти вама за каянѣ,
Но изгубте Немањића Вука."
Кад' то чуо Тодоре везире,
Онъ ми зове Вука Немањића,
Па овако нѣму говораше:
„Чуешъ ли ме Немањића Вуче!
Айд' улѣзи у мою одаю,
Па ты узми стотину цекинахъ,
А отиди низъ сокаке честе,
Те ти хайде долѣ у златара
Те направи о злата ябуку,
У ябуку біо ферманъ пиши,
Те га шильи остаралой майцы:
„Сви те Турцы ћаху одправити,
Ал' недаде Бранковићъ проклетый."
Тако га є Вуче послушао,
Онъ узео стотину цекинахъ,
Па отиде Вуче у златара,
Те направи о злата ябуку,
У ябуку біо ферманъ пише:
„Стара майко кнѣгиня Милице!
Сви ме Турцы ћаху оправити,
До недаде нашъ зетъ Бранковићу,
Но ти пиши листъ кньиге біеле,
Те є шальи у Моску Стефану,
Да ти дође Стеванъ на дворове,
Да те брани одъ конях Турскіехъ,

Эво иду Турцы на богазе,
Да те ньихни коньи непогазе."
Па отиде узъ сокаке Вуче,
Аво иду тры млады целата,
Да изгубе Вука Лазарева:
А диванъ є яды га убили,
Онъ є лѣпшій одъ ябуке златне,
А вышій є одъ копя бойнога!
Но целаты изгубише Вука,
А послаше одъ злата ябуку,
Ка Крушеву кнѣгиньи Милицы;
А кад' ньойзи на рукама дође,
Саде виђе ферманъ у ябуку,
И разумѣ да іой нейма сына,
Она другу брже накитила,
Непише ѥ чимсе кньиге пишу,
Но є крвлю одъ образа пише,
А шилѣ ѥ у Моску пространу,
А на руке Ђакону Стефану,
У кньигу му говорила майка:
„Да мой сынко высокій Стефане!
Ал' нечуешъ, ал' небринешъ за то?
Брата Вука стопише ти Турцы,
Изгуби га Бранковићъ проклетый;
Но ты ходи брже на дворове,
Да ме бранишъ одъ коняхъ Турскіехъ,
Єръ свуђ' иду Турцы на богазе,
Да ме ньихни хати непогазе."
Оде кньига у Моску пространу,
Докъ Стефану на рукама дође,
А кад' виђе што му ситна пише,
Жарке су га сузе пропануле,
Одъ яда га заболѣла глава,
Па ми сѣтно невесело шета,
А срете га царе Алесандре,
Па говори ђакону Стефану:
„Што ты сѣтно невесело шеташъ?
Коя ти є одъ Бога неволя?"
Онъ му што є и како є каже,
А вели му царе Александро:
„Хайде узми свіетло оруже!
Па узяши хата четвртака,
Па ты хайде на єзеро мутно,
Ако тебе Богъ и срећа даде,
И нафака Немањића стара,
Те изгубишъ неситу аждаю;
Даћу тебе войску и захиру,
Да ти шъ ньоме идешъ на Косово."
Отоленсе Стефанъ подигнуо,
Те узео коня и оруже,
Па отиде земльомъ и свіетомъ,
Докле дође на мутно єзеро,
Тако му є Богъ и срећа дала,
И нафака Немањића стара,
Аждаю є санакъ преваріо,
Те є копѣмъ отровніемъ гађа,
У главу є бѣше погодіо,
Пропрца ѥ долѣ на вилицу,
Па ѥ тако у Моску поведе;
Кад' то виђе царе Алесандро,
Онъ ми скупи войске сто хиљадахъ,
И даде му свой войсцы захиру,
Шъ ньомъ отиде Стефанъ по свіету,
Докъ наступи преко Грчке землѣ,
Пакъ онъ дође у Грчкога краля,
У нѣга су конакъ учинѣли,
Али виче высокій Стефане;
„Грчкій кралю вечеру ми дай!"
Грчкій кралю нѣму одговара:
„Ол' ми хата пуштат' на хаткиню?...
Даћу теби свой войсцы вечеру!..."
А вели му высокій Стефане:
„Пушта ћу ти хата на хаткиню!"
Сигураше госпоцку вечеру,
Сва є войска была вечерала,
А дижесе высокій Стефане,
Онъ отиде у горнѣ камаре,
Донесоше и нѣму вечеру;
Пошто бѣше Стефанъ вечерао,
Али воде танехну Гркиню,
Они воде и попа и кума,
Те крстише танехну Гркиню,
А кад' виђе высокій Стефане,
Царевасе већ' непоговара,
Него шъ ньоме вѣнчаше Стефана;
Тры є ноћи шъ ньоме боравіо,
А четврто ютро обрташе,
Ал' му вели танехна Гркиня:
„Господаре высокій Стефане!
На чему си мене оставіо?
Ако почемъ какво чадо буде,

Свакъ ће рећи одъ курве і' копиле."
Ал' іой вели высокій Стефане,
А даде іой Лазарев' ханџара,
И даде іой бурме Лазареве:
„Ако б' чедо почемъ было мушко,
Дати нѣму Лазаревъ ханџара,
Ако л' буде чедо ђевоячко,
Дати ньойзи бурме Лазареве."
Оде Стефанъ отле у Косово,
И за ньиме войска сваколика,
На Косово таборъ учиніо,
Отле пише листъ кньиге біеле,
А шилѣ є Бранковићу Вуку,
У кньигу му Стефанъ говоріо:
„А мой зете Бранковићу Вуче!
Ходи дођи къ мене на Косово,
Да л' те ніе желя поніела,
Да ме сретешъ и дасе видимо?"
А кад' Вуку ситна кньига дође,
И кад' виђе да му Стефанъ пише,
Онъ покупи стотину Туракахъ,
Све добріе агахъ и беговахъ,
На онъ шъ ньима на Косово пође,
И Стефану дође у тамборе;
Скочи Стефанъ одъ землѣ на ноге,
Руке шире у лицасе любе,
А за дуго здравѣ упитую,
Посѣдаше єданъ до другога,
Свакогасе збора дофатили,
Но веляше высокій Стефане:
А мой зете Бранковићу Вуче!
Што те питамъ валя да ми кажешъ,
Кадъ чобанче добро храни пашче,
Онъ му дае, пасъ га непознае,
Што є право нѣму учинити?"
Одговара Бранковићу Вуче:
„Право га є топузомъ у главу!"
То кад' чуо высокій Стефане,
Иза себе топузъ дофатіо,
Те удари Бранковића Вука,
Докъ му пасю саломіо главу,
Посѣче му свуколику дружбу;
Оно доба стаде неколико,
Аво иду нѣму муштулуџи:
„Муштулукъ ти высокій Стефане!
Е є тебе Лазаръ настануо."
Одговара высокій Стефане:
„Доста му є да є воевода!"
Нађели му воевода Янко,
А сестри му Яна нађедоше;
Яна роди Бановићъ Секулу,
Те є съ Янкомъ Турке разбіяо,
На штоно є наміенѣнъ быо.

161.

Соперникъ Бушатліе.

(Незнамъ, ким' є спѣвана.)

Одкадасу Турцы настанули,
Потлѣ смрти одъ Епира кнеза,
Скендербега силнога витеза,
У сву равну землю Арбанію,
Ніе было болѣга юнака
Одъ Махмута сына Мехмедова,
По мѣстуее зове Бушатлія,
А по роду право Бегайлія,
Одъ старине рода господцкога,
Одъ Ивана Црноевићъ Бана,
Господара одъ обие Зетте,
Обѣ Зетте и Приморя равна,
Одъ Станише сына Иванова,
Коиносе бѣше потурчіе,
И назвосе другій Скендер-бего.
Но како є силанъ Бушатлія,
Нечинисе маньій одъ Султана,
Самъ є себе пашомъ учиніо,
И везиромъ одъ све Арбаніе,
Безъ царева зная и фермана;
Колико є нѣгове државе,
Ђе допире сабльомъ и конопомъ,
Ту за цара ни спомена нейма,
И другога цара непознаю,
До Махмута сына Мехмедова,
А везира одъ Скадра біѣла,
Нѣму харачъ и поклоне даю,
Небоисе цара ни Ђесара,
Ни Принципа Дужда Млетачкога,
Роби, пали села и вароше,
До Призрена и око Призрена,
До Косова и мимо Косово,

До Приштине и до Вучитрна,
И до близу мѣста Сараева,
Све є Махмутъ везиръ освоио,
И до Круѣ, и около Круѣ,
Али Крую освоит' неможе,
Єръ є она силновито яка,
На высоку гору ограђена,
Наоколо водомъ околѣна,
Ђу столица бѣше Скендербегу.
Да могаше Крою освоити,
Ту хоћаше престолъ учинити,
Другій престолъ према Цариграда,
И силнога Отмановић' цара.
Сву є Турску землю поплашіо
До біела града Солунића,
И до воде студене Дунава,
Куд' обраћа и подиза войску,
Нико мусе противит' несмѣде,
Но несрећа наніела была,
Пармаковић' пашу Абдулаха,
Тесе нѣму юнакъ непокори,
Већ' сакупи неколико войске,
Да дочека силу Бушатлійну,
На Доляне више Подгорице;
Ал' какође тужна дочекати
Кукавица сивога сокола,
Оли врана орла великога,
Кадсе войске близу саставише,
Живіемсе огнѣмъ оборише,
Пармакова плећи обрнула,
И побѣже главомъ безъ обзира,
Абдулаха уватише жива,
И нѣгову окинуше главу,
Самъ остаде Бего Зотовића,
А на Вранца коня великога
Међу войскомъ на сред' поля равна,
Одъ пояса двіе пушке жеже
У два брата у два Арбанаса,
Пакъ є бритку саблю повадіо,
Те дофати коня Махмутова,
Па побѣже Спужу крвавоме,
Но кота є предъ собомъ стигнуо,
Одъ раменахъ главу му дигнуо,
Ево мыслимъ утећи хоћаше,
Да му ранне коня недопаше;
Кодъ самога моста везирова,
Ту пристиже братанића свога,
Ибрахима Хаџ' Ахметовића,
Съ Ибрахимомъ петнаесъ Спужанахъ,
У кулусе на мостъ затворише,
Паксе бране огнѣмъ исъ пушакахъ,
И ту мыслимъ погинут' нећаше;
Но Скадрани сламу доніеше,
Око куле огань запалише,
Кад' то виђе Зотовића Бего,
Ђе одъ огня изгорѣти хоће,
Онъ одъ куле врата отворіо,
И съ дружиномъ юришъ учиніо,
Зъ голомъ сабльомъ у руцы юначкой,
Али му є лоша срећа была,
У чело га пушка ударила,
Паде юнакъ на край моста мртавъ,
Утекоше осталіи Спужани,
И злосретнѣ уніеше главе,
У дворове паше Абдулаха,
И витеза Зотовића Бега;
Штосе нађе одъ рода ньиховаг,
Старо, младо, мало и велико,
То све плаче и сузе пролѣва;
А проклиня Махмута везира,
Побѣгоше зъ дома и огньишта,
Побѣгоше у Херцеговину,
А у Спужу нико неостаде
Одъ ньихова кола и собора,
Како тада етако и сада.

162.

Брђани.

(Одъ попа Іована Кнежевића Войводе у Бѣлонав.)

Кньигу пише силанъ Бушатлія
По имену Махмуте везире,
Те є шилѣ у Бѣлопавлиће,
А на име войводи Ђукану,
И соколу попу Бошковићу,
Другу пише у ломне Пипере,
А на име Шушовић' Пауну,
И Войводи Пеіовъ Радовану,
У кньигу ихъ паша поздравіо:

„Ходте къ мене мое вѣрне слуге!
Што хоћете слуге у владыке?
У еднога празна калуђера?
Я ћу дат' ви слуге што хоћете!
У владыке ништа до камена,
А у мене што є вама драго,
И штоно є за добре юнаке —.“
Кад' Брђанма кньиге допануше,
На договоръ тесе окупише,
Па овако паши одпишую:
„Што ни пишешъ силанъ Бушатлія,
Да владыку Петра оставимо,
Да идемо къ тебе на дарове,
Нигда у насъ издайника нейма,
Радисмо свога господара,
Него твое и царево благо!
Што л' пріетишъ све насъ похарати,
Споменисе силанъ Бушатлія,
Да є сила у Бога еднога,
Богъ ће нама помоћ' на неволю;
Молимо те и Богомъ кумимо,
Немой амо на насъ ударати!
Изъ насъ ништа поніети нећешъ,
Мы имамо добра господара
На Цетинѣ Петровића бана,
Кои наске нигда пуштат' неће,
И даће ни праха и олова;
Ако л' хоћешъ ни пашо ударити,
Немой пашо удрити крією̀ћи.“
Тако паши они одписаше;
А кад' паши кньига допанула,
Узмучисе што може найвише,
Ма є кріюћ' войску покупіо,
Шъ ньоме паша иде на Доляне,
Ту є Туре мало починуло,
Одъ Брђанахъ нико незнаваше,
Е ће на ньихъ паша ударити;
Зоромъ паша удри на Пипере,
На найпрво село на Рогаме,
Другомъ войскомъ удри на Завалу,
У Дрезгусе Турцы окупише
Сва имъ войска удри на стіену,
И Стіену село опалише;
Тусе бране Пиперы крвавы,
Онис' бію ал' имъ непомаже,
Е є сила Турска надснажила,
На Стіену паша чини таборъ,
Ту су Турцы трудны починули,
Воду нію, авдесъ узимаю,
А Пипере ядне рашћераше.
То гласъ дође у Бѣлопавлиће,
Трчи сватко у ломне Пипере,
Да забране бѣла Манастыра,
У ћелію светога Стефана,
Да му мошти непонесу Турцы;
Предъ ньима 'су тры добра юнака,
Єдно Зрно ньиховъ баряктаре,
А друго 'су до два Кнежевића,
Єдно Вето, а друго Вуксане,
Мимо Црнце прођоше Брђани,
Ту сретоше Шушовић' Пауна,
Ђе съ Пиперма бѣжи усъ планину,
Нѣму вика Кнежевић' Вуксане:
„А Пауне женска страмльивице!
Небѣж' тамо црнъ ти образъ быо!
А камо ти робѣ одъ Пиперахъ?“
Но говори Шушовићъ Пауне:
„Не напріедъ Кнежевићъ Вуксане!
Велика є сила у Турчина!
Данасъ ће ни траге ископати.“
Неслушаю тры добры юнака,
Но рекоше Шушовић' Пауну:
„Айд' Пауне бѣжи у планину!
И поведи Пипере фалѣне,
Коиносте куће оставили
Па бѣжійте данасъ усъ планину,
Оставили куће и робове,
А чу ли не Шушовић' Пауне!
Мы 'ћемо имъ сами ударити:
Па што Богъ да и срећа юначка.“
Ту Пауна ижђе срамота,
Е на пашу Бѣлопавлићъ удри,
Пасе врну Паунъ и Пиперы,
Ту Брђани Бога поменуше,
На Стіену Турцима удрише,
Но еднomъ 'су пушке избачили,
Па пламене ноже извадили,
А погледа юнакъ на юнака,
Сви у Турке юришъ учинише,
Низъ Клобуке ту сломише Турке,
Затекоше путе свеколике,
А ну лете Турцы низъ Клобуке,

Живы летну а мртвы слieћу!
Ту є одъ ньихъ млого яда было;
Іошъ недаше паши ка табору,
Займише га варошъ Подгорицы,
Посѣкоше неколико главахъ,
Кидаю имъ уши и носове,
Све ихъ носе своме господару,
На Цетинѣ Петровићъ владицы;
Владыка ихъ добро дочекуѣ,
Дочекуѣ, благослове даѣ,
И дарове што є за коѣга.
Ха! етако Брђани юнацы,
Богъ помаже, кад' и чоекъ хоће —.

163.

Бѣлопавлићи.

(Одъ Мирчете Алексина у Бѣлоп.)

Зацмилѣше два сокола сивы,
Цмиле тице и неволя имъ є,
Гуѣ су имъ досадиле тешко,
Изъ крвавихъ кршахъ Брђанскieхъ;
Е виђоше да имъ є неволя,
Пакс' одонле быле подигнуле,
Подгорицу варошъ прелећеле,
И зелено блато над' Бояну,
Докъ дођоше Скадру бieломе;
Вiялесе па су попадале
На сараѣ Махмута везира,
То небѣху двie тице сиве,
Но одъ Спужа два Мећикукића,
Осман-бего и Хусеин-аго,
Иду Турцы на плачъ у везира:
„Ахъ помагай драгiй господаре!
Єс' ли чуо, єл' ти ко кажива'?
Какосусе Брда узхасила,
Недаю ни паре ни динара,
Нит' ни даю царева харача;
И те бысмо яде опростили,
Робе Буле а сiѣку Турке,
Одкуд' бiю Пиперы юнацы,
Ал' агина затворена врата,
Отуд' гину хоџе и кадie;
Одкуд' бie брдо Бѣлопавлићъ,
Отуд' градска врата затворена,
Отуд' гину Аго и Бегови;
Одкуд' бie ломна гора црна,
Отуд' хатска затворена врата,
Туда гину твое пашайлie,
Ял' ни лieкъ, ял' не посieцы!
Ял' ни подай войску и џепхану,
Ял' не макни изъ бiела Спужа,
Већ' овако живѣт' неморемо."
Кад' то чуо Скадарскiй везире,
Махмутъ везиръ силнiй Бушатлiя,
Танку кньигу хитро направio,
И посла ѥ прико Горе-црне,
На Цетинѣ на брегъ мора слан,
У владыке Црногорска краля:
„О владыко Црногорска главо!
Єс' ли чуо, єл' ти ко кажива',
Како мисе Рая узхасила,
Узхасила Брда сваколика,
Недаю ми паре ни динара,
Нит' ми даю царева харача,
И те бысмо яде опростили;
Но поклаше Турке витезове,
Поробише мало и велико,
До чуешъ ме Црногорскiй краю,
Немой дати помоћъ Брђанима!
А даћу ти землю Скендерiю
Одъ Жабяка до Хотскога Хума,
Да пошеташъ землюмъ Скендерiомъ,
Да поновишъ млоге Намастыре,
Да накупишъ блага неколико."
Кад' владыцы ситна кньига дође,
Ону гледа другу ситну пише,
Пошилѣ ѥ одъ Скадра везиру:
„Ой везире силанъ Бушатлiя!
Нусе прођи люте сиротинѣ,
Да те одъ нѣ неудари гуя;
Што л' ми землю Скендерiю кажешъ,
То є моя земля одъ старинахъ,
То є была Иван'-Беговина,
И моя ће быти акобогда! —."
Кад' Махмуту таква кньига дође,
Небыла му мила николико,
Ма окупи аге и бегове,
Па велику силу подигнуо,
Шъ ньоме Хотску гору прелазio,

И пространу шехеръ Подгорицу,
Докле Спужу на краину дође,
На дворове на Мећикукиће,
Махмутъ вика гласомъ и авазомъ,
Осман-бега и Усеин' агу:
„Чуђте л' ме мое двіе слуге!
Да куд' ћемо съ войскомъ обрнути?
Али ћемо селу Мартинићу,
Али ћемо малом' Ћуріоцу?"
Вели Турчинъ аго Хусеине:
„Волянъ да 'си драгій господаре!
У гиздаво село Мартиниће,
Ту 'су бѣле одъ камена куле,
Да изъ кулахъ изнесемо благо,
И Брђани брзо те прискочит',
Оте нашу нагрдити войску;
Но идемо селу Ћуриловцу,
Ту су куле одъ лѣскова прућа,
Ма су кажу препунахне блага,
Одъ біеле куле Ћуровића,
До біеле куле Драговића
Има кажу тры хиляде кравахъ,
Наша бысе заязила войска:
Ма су хендекъ малій ископали,
Насредъ друма коловоза пута,
У нь' све шѣде шездесетъ пандурахъ,
Мало те ни учинити смеће."
Ал' є Махмутъ подигао войску,
Осман-бегу даде пестотинахъ,
Те є зашо иза луга шъ ньима,
А онъ оде коловозомъ путемъ,
Па кад' быо лугу Косовоме,
Зове вила съ врхъ Мальта главице,
А дозива вила на хендека,
По имену Драговић' Дамяна:
„О Дамяне! зло ти ютро было!
Ето силна на Ћурилацъ войска!"
Оно нечу Драговић' Дамяне,
Но зачуо Станковићу Вуіо:
„Муччи вило, грло ти замукло!
Небоимсе войске ни Туракахъ,
Докле ми є шездесетъ юнакахъ,
Ђегођъ има доброга юнака,
Одъ Загорка са дно Пѣшивацахъ,
Све ихъ ево у хендеку вило!"
Опет' му є вила бесѣдила:
„Зао т' хендекъ, а горіи пандуры!
Ето на васъ силновита войска,
И самъ главомъ Скадранинъ везире."
У то доба ударише Турцы,
Дочекаше шездесетъ пандурахъ,
Упалише шездесетъ пушакахъ,
Свака ужди и згоди Турчина,
Турска войска на трагъ узбѣгнула,
До везира доходише Турцы,
На ньихъ везиръ худумъ учиніо:
„Арбаніо моя тевабіо!
Ха на хендекъ и влашке пандуре!
Ко узмакне данасъ одъ хендека,
Онъ одъ мое утећ' неће руке!"
Харбанія опет' кидисала,
И удари Аго исъ пріека,
На біелу кулу Ћуровића;
Кад' виђоше шездесетъ пандурахъ,
Ускочише лугу Косовоме,
Докле везиръ на Ћурилацъ дође,
Осман-ага Грлићъ опаліо,
Докле пашо у Грлићъ дошао,
Осман-ага у главицу доню,
Оно виђе одъ Гарчића вила,
Зове вила узъ Бѣлопавлиће,
Дозивала селу Орльой-Луцы,
По имену попа Бошковића:
„Протопопе Бошковићу Раде!
Ако піешъ у механи вино,
На мечне ти ранне излазило,
Ето Турска на Ћурилацъ войска,
До Сућекле до біеле цркве,
Ен' и цркву саломише Турцы!"
Кад' то зачу попе Бошковићу,
Хитро попе пушку доватіо,
А кликуђ побратима свога,
По имену Пешића Раича:
„Ха Раичу ђе 'си побратиме!?
Ево Турска на куће ни войска!
Хаберъ чини узъ Брда камена!"
Одъ Брдахъ є поточъ прискочила,
Предъ црквусе хитро сустигнула,
А истину Богус' помолила,
Па у Турке юришъ учинила;
До подне є Турска рука была,
А одъ подне обрну нерука,

Пак' да ти є погледати друже,
Како Врдске сабѣ сіеваху,
А Турачке главе зіеваху!
Но є Туре младо излазило,
По имену хоџа одъ Гусиня,
Предъ везиромъ ка' се зафаліо,
Е ће доћи на Сућеклу цркву,
И Сућеклу цркву саломити;
Па обрну широка Доріина,
А къ цркви є уришъ учиніо,
Но намѣръ га наніела была
На сокола Перка Ћиповића,
Танку пушку одъ образа пали,
А погоди хоџу одъ Гусиня,
Одъ коня га свога одвоио,
Хоџа паде, а Перко припаде,
Уграби му главу и оруже;
Отле гнаше на трагове Турке,
Ту да видишъ велѣ ньине муке!
Погнаше ихъ огнѣмъ жестокіемъ
Одъ главице и Сућекле цркве,
До Сушице кодъ біела Спужа
Осамдесеть посѣкоше главахъ,
Све беговахъ, агахъ и спахіяхъ,
А осталимъ ни броясе незна;
Іошъ да ти є погледати друже!
Како Махмутъ низъ Порранѣ струже!
Уминуо варошъ Подгорицу,
Право бѣжи свом' тврдоме Скадру;
А то было, кад'се и чинило.

164.

Колашинцы.

(Одъ попа Іована Кнежевића Войв. Бѣлоп.)

Дигошесе Хаге Колашинске
У Морачу да купе хараче,
Предъ ньима є силанъ Хасанага;
У Морачу скупише хараче,
У Манастыръ конакъ учинише,
Они мучче старе калуђере,
Те имъ даю неброено благо;
Люто куне старый Проигумне,
А проклиње Агу Хасанагу.
Отолесе Турцы подигоше,
Отидоше у велѣ Дубоко
Но говори старый Проигумне:
„Хайде тамо силанъ Хасанага!
Хайде тамо да те Богъ убіе!
Већ' те мое очи невиђеле!
Но да Богъ да тамо погинуо!
Одъ сокола Трипка Гулишића."
У Дубоко кад' Турцы дођоше
На дворове Трипка Гулишића,
Ал' у дворе Трипка небіяше,
У планину бѣше кодъ овацахъ,
Но му бѣше майка и любовца.
Зулумъ чине Колашинскіи Турци
Утече имъ Трипкова любовца,
Пође право Трипку на планину,
Све му каже што є и како є,
Отолесе Трипко подигнуо,
Съ собомъ узе двадесеть чобанахъ,
Шъ ньима оде двору біеломе,
Ту онъ нађе силна Хасанагу,
И шъ ньимъ двадесть агахъ Колашинскихъ
Но говори Аго Хасанаго:
„Копиляне Трипко Гулишићу!
Сигурай намъ госпоску вечеру,
Вари овце, а пецы яганьце,
И свакоме другу по ђевойку,
Ал' ђевойку ал' невѣсту младу,
Коено су скоро доведене;
Хасанаги твою вѣрну любу,
Да є любимъ до зоре біеле."
Кад' то зачу Трипко Гулишићу,
Колѣ овце, те пече яганьце,
На конаке разредіо Турке,
Хасанагу себе оставіо;
А кад' было доба о вечеры,
Трипко свою дозвао дружину,
Па є ньима ріечъ говоріо:
„Чуєте ли браћо Дубочани!
Кои хагу свога неизгуби,
Кунемъ висе а вѣру ви даємъ,
Одъ моѣ' ће руке погинути!
Дайте ньима вина и ракіе,
И пянахне шербет-медовине,

Немойте ихъ быти исъ пушакахъ,
Но скупите глЂта и сЂкире,
Те вы шъ ньима потуците Турке."
Оно рече оде къ Асанаги,
Па є дивно преобука любу,
И сЂла є паши на скутове,
Оно гледа Трипко Гулишићу,
Што то чини силанъ Хасан-пашо,
Иза себе доватіо сЂку,
Те є Туре ньоме ударіо,
Удари га међу очи црне,
Прште глава ка біело яЂ,
И узе му коня и оруже,
Па излЂзе предъ біелу кулу,
Те онъ вика на ноге овчаре;
Сваки овчаръ свога изгубіо,
Сваки Трипку носи Турску главу,
Одъ Туракахъ нико неутече,
До Хасана црна Циганина,
Злота гласа и срамног' образа,
Да кажуЂ яде кадунама,
Како Турцы любляху ВлахинЂ,
И како су харачъ покупили,
Па мы побре дасе веселимо,
Нек' су здраво Ровчани витези,
Ньи никада Турчинъ незавлада.

165.

Морскій бой Руссахъ съ Турцима.

(Одъ Гаша Ришнянина сліепца у Котору.)

Войску купи царе Солимане
У Стамболу на Дивану своме,
Све нЂтове паше и везире,
И велике аге и спахіе,
И остале Турке витезове;
Када ихъ є царе сакупіо,
Овако є ріечъ бесЂдіо:
„Витезови Турцы и господо!
Є ли була родила юнака,
Ко ће поћи предъ моіомъ армадомъ,
Да уфати Орла Ђеренала
Одъ Руссіе землЂ православне?
Кад' бы нЂму Богъ и срећа дала,
Да бы Орла жива уфатіо,
И довео на Дивану моме,
Я быхъ нЂга дивно даровао,
Дао быхъ му велико везирство
Узъ колЂно дванаестъ годинахъ."
Колико є ордіе цареве,
Ко чуяше, сваксе глухъ чиняше,
Ко виђаше очи одвраћаше,
До сокола паше капетана,
Адмиранта одъ войске цареве,
Овако ми цару бесЂђаше:
„Силный царе наше ярко сунцѐ!
Я ћу поћи пре твоіомъ ордіомъ,
Неће проћи ни петнаесъ данахъ,
Я ћу Орла жива уфатити,
Довести га на Дивану твоме,
И безъ раине и безъ мртве главе."
Кадъ га силанъ царе разуміо,
Па весело на ноге скочіо,
Алайбарякъ зеленъ износіо,
На коме є царево зламенЂ,
На врхъ нЂга мЂсецъ и звіезде,
У средъ нЂга Отмановићъ царе,
А до цара два веля везира,
На дно нЂга тешка топузина;
На ђеміе барякъ поставише,
Осамъ данахъ шенукъ учинише,
А посліенъ єдра отворише,
ЗаЂдрише моремъ дебеліемъ,
Тражи паша Турскога душмана,
Орла тражи, нађ' га немогаше,
Орле боя подъ Моріомъ біе,
Подъ Модуномъ и подъ Наваріномъ,
Ал' га кньиге танке допадоше
Одъ некаква добра пріятеля:
„Ето на те све силе цареве!
Да ты имашъ крило соколово,
Не бы перя меса унїЂла,
БЂжи мудро а негини лудо!"
А кад' Орла кньига допанула,
Кньигу штіо, паксе маскаріо,
Овако є собомъ говоріо:
„Фала Богу страшива каура!
Што ми пише у кньизи біелой,

Да я бѣжимъ низъ море царево.“
Пакъ є Орле войску окренуо,
Узъ царево море заѣдріо,
Иште паша Орла ђенерала,
А ђенералъ пашу капетана,
Кад' су были кодъ Іедрена града,
Ђенералу страже говорили:
„Наша круно Орле ђенералу!
Што є мора исподъ Іедри-школя,
Дасе мора видѣти неморе,
Но све ѣдра, весло и лантина,
Велика є войска у Турчина.“
Кад' є Орле ріечъ разуміо,
Тры баряка съ крстомъ износіо:
Єданъ барякъ господъ Исусъ Ристосъ,
Што і' Татару цару одузео,
Кад' є пріе боя шъ ньиме біо,
Другій съ крстомъ светога Андріе,
Трећій Орле барякъ износіо,
На обѣду сабиро господу,
На обѣду и на договору,
Пакъ ихъ мећe за софромъ свіетломъ,
Ліепо ихъ Орле разредіо:
„Съ десне стране Іевистона бана!
А до бана Драганъ ђенерала,
А съ ліеве каваліеръ Леса,
Паликућу одъ Новога града,
Кога роди Словинска краина,
Словинскога рода и племена;
Іошъ до Леса ђенералъ Тодора,
Пакъ овако Орле говораше:
„Іевистоне вѣрна вѣро моя!
Ты си мене вазда вѣранъ было,
Ако Богъ да и светый Андрія,
Данасъ ћемо быти боя съ Туркомъ,
И пріесмо шъ ньимсе огледали,
Съ Татариномъ, съ проклетіемъ царемъ,
Што є вишій одъ Отмановића,
Али смо га съ Богомъ предобили;
Ето тебе бойне Нави двіе,
И узъ тебе Драганъ ђенерала,
Имашъ снажно удрити на Турке,
А ты Лесо мой сивій соколе,
Родила те Словинска краина,
Словинскога рода и племена,
На тебе су тры царска зламеня,
Крстъ, медаля, и златна колайна,
Ніе ти ихъ бабо оставіо,
Ни ти си ихъ за паре купіо,
Но ихъ єси юначки добіо,
Узимлюћи цареве градове;
Садъ ето ти бойне Нави двіе,
И узъ тебе ђенералъ Тодоре,
Ишашъ снажно удрити на Турке;
Я ћу удрит' съ моіомъ бойномъ Навомъ
На Турчина пашу капетана,
На нѣгове силне Єултаніе;
Но васъ молимъ браћо и господо!
Кад' бы коме до неволѣ было,
Живіемсе огнѣмъ изгорите,
Турчинусе живы непредайте;
Поштеніе намъ є погинути,
Но срамотно у Руссію поћи
Преко мора и землѣ Латинске.“
Кад' є Орле войску разредіо,
Тада силній паша ударіо,
Кадсе, брате, близу састадоше,
Немилосе они поздравише,
А живіемъ огнѣмъ ударише,
Двіе уре пуне небыяще,
А сланосе море невиђаше
Одъ тѣлесахъ Турскихъ и Ришћанскихъ,
По хиляда на єдно пливаше,
Єданъ другомъ яде задаваше,
А светасе гора одзиваше
Одъ велика грома и яука:
Ал' Турчину боля срећа бѣше,
Жарко сунце зађе за планине,
Буннаца є море уфатила,
Такалесе Фуште и Галіе,
И Русинске Наве и фрегаде,
Подъ цареве силне Каравелѣ,
А бео ихъ данакъ оставіо,
Тавна ихъ є нoћца уфатила,
Паша поће подъ Чизмомъ біеломъ,
А ђенералъ подъ Іедреномъ градомъ,
Па каде є по зорицы было,
Ђенерала кньиге допануше,
Одъ некога Грчкога момчета,

Намѣсника одъ войске цареве:
„На знанѣ ти Русскій ђеренале!
Е те чека паша капетане,
Башъ подъ Чизмомъ дасе ударите.“
А кад' Орле кньигу прогледао,
Пакъ є свою войску подигао,
Заран' Орле Чизми долазіо,
Неће быти цареве ђеміе,
Него чекка докъ му даннакъ прође,
Даннакъ прође тавна ноћца дође,
Кад' ли ноћи неко доба было,
Подъ Турскомсе войскомъ примакао,
Тры бурлота съ огнѣмъ учиніо,
Сву пашину флоту запаліо;
Фала тебе нашъ єдиній Боже!
Ђе ни Орле предоби аждера,
Ондай было, ваздасе пѣвало.

166.

У узећу Озіе.

(Одъ истога Гаша сліеп. у Кот.)

Царъ честитій біоферманъ пише,
Па га посла преко Цариграда,
У ферману царе говораше:
„Є ли каква већ' има царева
Господара ял' господичића,
Да онъ дигне четиры санџака,
Босну славну и Херцеговину,
Скендерію и сву Руменлію,
Да онъ пође Озіи бѣлой,
Да Озію брани одъ Москова?“
Много ферманъ прође царевине,
Седамдесетъ и седамъ градовахъ,
И сувише Паланку бѣлу,
Докле дође на Херцеговину,
У рукама Ченгић-Беһир-паше;
Кад' є паша ферманъ разгледао,
Пакъ одъ землѣ на ноге скочіо,
Принасао до деветъ сабаляхъ,
Десету є у руке узео,
Питаю га Турцы Османліе;
Што су пашо до деветъ сабаля?“
Ченгић-паша ньима одговара:
„Нека знате Турцы браћо драга!
Деветъ братахъ, до деветъ Ченгійћахъ!
Имамъ паша два неяка сына,
И ньимаћу дат' у руке саблѣ,
Да послуже цара честитога;
А Мустафу ожениђу сына
Удовицомъ Московскомъ царицомъ.“
Ма невели паша, ажобогда,
Но се Турчинъ коня приватіо,
Па подигну четиры санџака,
Право иде Озіи бѣлой,
Предъ ньим' иде млада пашиница,
Пред' коня му на колѣна паде,
Сузе рони овако говори:
„Аманъ паша за здравѣ царево!
Да напола ђецу дѣлимо;
Е кад' пашо на Москова пође,
Ясе боимъ више ми недође,
Погинуће господско колѣно.“
Тосе паши тешко дожалило,
Оставіо Џаферагу сына,
А Мустафу предъ собомъ поведе,
Да га жени Руссинскомъ царицомъ;
А кад' дође у полѣ Озійнско,
Сретоше га до два ђеренала,
До два брата два Владиславића
Живіемсе огнѣмъ ударише,
Кадсе крвца пролієват' стаде,
Од' тры оке каменъ заносаше,
У Озію Турке уһераше,
Одъ Озіе врата затворише;
Кньигу пише Владиславић' Іово,
Пакъ є посла у паше Ченгійћа:
„Ходи пашо вѣру уфатимо!“
Састалace оба господара,
Уфатише вѣру за неђелю,
А кад' светый Василѣвданъ дође,
У найгрђе доба одъ године,
По Божићу кад' находи сніегъ,
Сташе Русси служит' Летурђію,
А Татарске паше ижлѣгоше,
Па Ченгійћа пашу прекорише:
„Ченгійћ' пашо цару издаице!
Што гледамо Москова крвника?
Него ходи да му ударимо!“
Ово паши тежко жао было,

Одъ Озіе врата отворіо,
На Москова снажно ударише,
А Руссисе бранити нешћеше,
Докъ одслуже свету летурђію,
Изгубише шесть хилядахъ войске,
И сувише седамъ ђереналахъ;
А кадсе є божя одслужила,
И то виђе Владиславић' Іово,
Мало далѣ тамборъ измакао,
Гађа Іово біѣлу Озію,
Тако нѣму Богъ и срећа даде,
Запали му седамъ џебеханахъ,
Сву Озію у лагумъ дигоше;
Тадаръ уста юнакъ на юнака,
Владиславићъ на пашу Ченгійћа,
Докле га є жива уфатіо,
Овако му Іово говоріо:
„Знашъ ли пашо єс' ли запазіо!?
Кадсмо были на Іерцеговину,
Кад' ти носахъ масло и яганьце,
Ты веляше, да ти доста ніе!“
Махну сабльомъ посече му главу,
И бабу му Хаџи-капетану,
А Мустафу зароби му сына,
Седамдесеть и седамъ Ченгійћахъ,
И сувише робя остало̄га.
То є было кадсе учинило,
А срцесе наше веселило.

167.

Иво Подгорица.

(Одъ истога Гаша сліепца —.)

Подигнусе Мемедъ Арапине,
Иде Харапъ одъ града до града,
Те юнаке на мейданъ позивлѣ,
Юнакасе наћи немогаше,
Докле дође Московіи славной
Подъ стойніемъ Петробургомъ градомъ;
Ни у нѣмсе ненађе юнака,
Да Харапу на мейданъ изађе,
А кад' виђе Мехмедъ Арапине,
Ту є Арапъ шаторъ разапео,
Пакъ є тежкій арачъ пресѣкао,
Колико є у Руссію кућахъ,
На юнака тридесеть дукатахъ,
На ђевойку по седамъ дукатахъ,
А свакъ оброкъ по ягнѣ печено,
И баріо вина црнѣлога,
А тры оке лѣба біелога;
Кад' то виђе Руссинска царица,
Пак' є ситну кньигу направила,
У Земунъ ѥ граду оправила
На рукама Ива Подгорице,
Овако му говори царица:
„Драгій сынко Подгорица Иво!
Да си спрешно Бечу біѣломе.“
Кад' є Ива кньига допанула,
Мегданусе Србаль домысліо,
Пакс' обуче што може найлѣпше,
А свогасе коня прифатіо,
Вѣрена му люби говорила:
„А Иване драгій господаре!
Ал' є тебе кньига допанула
Одъ ліепа мѣста Подгорице!
Одъ Перише одъ брата твога,
Али ти є Перо преминуо?“
Иво мучи ништа неговори,
Него пође Бечу біеломе,
Када круни цесаревой дође,
Дивно мусе Србалъ поклоніо,
А люби му руке и колѣна;
Нѣга Ћесаръ дивно дочекао,
Па му даде юначко оружѣ,
Оправи га у Руссію славну,
А кад' Иво у Руссію дође,
Предъ колѣно Русинске царице,
Дивнос' Иво ньойзи поклоніо,
А люби ѥ у біеле руке,
Па царица нѣму говораше,
„Добро дошо Иво капетане!
Кажи право такко быо здраво,
Є ли какво мѣсто Подгорица,
Є ли дивна Зетта земля славна?
Є ли каква црква на цетинѣ?“
Ал' царицы Иво одговара:
„Дивно бѣше мѣсто Подгорица!
А іоцъ лѣпша Зетта земля равна,
Но ѥ клетыи Турцы подузеше,

Дивна бѣше црква на Цетинѣ,
Ал' є̑ скоро Турцы опалише.“
Тадай вели Руссинска царица:
„Ай Иване Подгоричанине!
От' ли поћи на мейданъ Харапу?
Ако бы ти Богъ и срећа дала,
Да Арапа добишъ на мейдану,
Я ћу тебе дивно даровати,
Вићѣ тебе дійка и пофала,
Предъ господомъ Турскомъ и каур-
скомъ.“
Тадаръ вели Иво капетане:
„Хоћу поћи госпођо царице!
Хоћу поћи ако нећу доћи!“
Паксе Иво на ноге скочіо,
Витезасе коня прифатіо,
Пакъ отиде полѣмъ широкіемъ,
А кад' Иво до Арапа дође,
Кад' ли сѣди Мехмедъ Арапине,
Око нѣга Руссинске ђевойке,
Те му црно измиваю лице,
Тадай Иво вели Подгорица:
„Айд' на ноге Турска жабо црна!
Нéймашъ каде умивати лице,
Него валя мегданъ діелити.“
Одговара Мехмедъ Арапине:
„Младо момче жалосна ти майка!
Коя і' тебе на мейданъ справила,
Неймамъ на што гріешити руке,
Неймамъ о што ћорду мрцинити!
Него сѣди попій чашу вина.“
А кад' чуо Подгорица Иво,
Удрій коня плетеномъ канціомъ,
На чадоръ му коня нагоніо,
Рашћера му Московке ђевойке,
А пролій му седамъ чашахъ вина,
Окиде му конопъ одъ чадора.
А кад' виђе Мехмед' Арапине,
Па срдито на ноге скочіо,
И ћиписе коню на рамена,
Двасе добра састала юнака,
На бриткесе саблѣ ударише,
Махну пріе Мехмедъ Арапине,
Те удари Подгорицу Ива,
На образъ му рану задавао,
Али рече Подгорица Иво:
„Сабльо моя пуста останула!
Я іошъ мыслимъ да си у юнака!“
Па срдито бриткомъ сабльомъ махну,
Тер' Арапа удри иза врата,
Иванъ му є главу осѣкао,
Пакъ є̑ носи Руссинской царицы,
А Царица дава му колайну,
Колаину одъ сувога злата,
Што юнацы носе око врата,
Одъ срца му благословъ подала:
„Драгій сынко Иво Подгорица!
Богъ ти дао и Богородица,
Ђегођъ сынко на мейданъ ходіо,
Свуђъ юначкій мегданъ задобіо.“
Тако, брате, вѣрныи люди кажу,
Іошъ є седамъ мейданахъ добіо,
Покойна му и душа и рука!

168.

Бой у Мартинићe, Црногорацахъ съ Кара-Махмутомъ Бушатліомъ.

(Одъ попа Рада Кнежевића изъ Бѣлопавъ.)

На тисућу и седме стотине,
Деведесетъ и шесте године,
Махмутъ Везиръ совѣтъ учиніо,
У біелу Скадру на Боyану,
Сву господу Турску изабрану
На Диванъ є быо сакупіо,
Па имъ вако Махмутъ говоріо:
„Ево згода мои витезови!
Да мы силну войску сакупимо,
И да Црнугору освоимо,
Црнугору и Приморѣ равно,
Каконо смо жуђели одавно,
До біѣла града Дубровника,
То є моя желя превелика!
А сад' нейма у Боки Которской
Принципова брода никаквога,
Ни голема у Приморѣ момка,
Но све пође у Талію равну,
Да чувају Млетке одъ французахъ,

Коизи су наши пріятельи,
Ониће намъ у помоћи доћи,
Како су ми скоро обећали,
На договоръ штосмо свіећали.
Црнагора ніе у єдинство,
Съ нама боя учинѣти неће,
Єръ я имамъ неке пріятелѣ,
Коизи су лакоми на благо,
Учинићу што є мене драго;
Али ево мое ранне люте,
Брђани ми затворише путе,
Те немогу саставити войску
Одъ све равне землѣ Арбаніе,
Арбаніе и Херцеговине,
Но ћу пређе войску сакупити,
И огнѣне вѣтре обратити
На Пипере и Бѣлопавлиће,
Поробићу мало и велико,
А сажећи огнѣмъ свеколико,
На Никшиће таборъ учинити,
Ту на трое войску діелити;
Єдну слаћу путъ Новске државе,
Друга войска валя дасе врати,
И да иде преко Горе црне,
Да удари на Приморѣ жупно,
То да буде и Принципу ядно;
Трећа войска по мору бродови,
Нека возе бумбе и топове,
Прахъ, олово, и другу захиру,
Нек' о бою ради, а не миру.
Поставићу брата Ибрахима
У Новоме граду біѣломе,
Нека, рече, и Латини знаду,
Колик' значи сабля Махмутова,
А сыновца младога Мехмеда
У Дубровникъ, нека господуѣ,
Дасе ово на далеко чуѣ."
Па є ситну кньигу накитіо,
И шалѣ ю преко Горе црне,
На Цетинѣ на средъ Горецрне,
А на име у Петра владыке,
У кньигу є везиръ бесѣдіо,
И владыку мило поздравіо:
„Пріятелю Петре Петровићу!
Мошъ ли знати, єръ ли запазіо,
Одкада су Брда настанула,
То є Рая баба мога была,
А садъ има доба неколико,
Ка су мисе Брда похасила,
Недаю ми паре ни доходке,
И никаква царева харача,
Но ми чине зулумъ по краинахъ,
Провалюю дворе и стоборе,
А ћераю конѣ и волове,
Буле робе а сіеку Турке,
И ћераю овце и яганьце;
Но евосамъ войску сакупіо,
И огнѣне вѣтре обрнуо
На Пипере и Бѣлопавлиће,
Но ако ћешъ да смо пріятельи,
Немой ньима быти у помоћи,
Немой ньихно робѣ прифатати,
Да утече у средъ Горецрне,
Ты ако ћешъ дасе несвадимо."
Кад' владыцы така кньига доће,
Те онъ виће што му она пише,
Топле су га сузе пропануле,
Па ю тиште у шпагъ одъ долме,
А свое є слуге окупіо,
Те ихъ посла преко Горецрне,
Црнугору на зборъ сакупіо,
Међу ньима совѣтъ учиніо,
И овако ньима говоріо:
„Црногорцы моя браћо драга!
Нуто нама ненаднога врага!
Ево ме є кньига допанула,
Одъ Махмута паше Бушатліе,
Коино є пређе долазіо,
И прозъ Црну гору пролазіо,
И неслогу нашу опазіо,
Іошъ є позно наше кошћелице,
Ньима трза наше утробице;
Кад' самъ быо у землю Руссинску,
Тад' є мою цркву опаліо,
Нашъ Манастыръ на полѣ Цетинско,
Разоріо, земльомъ поравніо,
Па опета войску ево диже,
На Пипере и Бѣлопавлиће;
Ема ніе Махмутъ обсиліо,
Теке штосе мало посиліо,
Но сад' браћо, ако Бога знате!
Да идемо у Бѣлопавлиће,

Да чекамо Махмута везира.“
Црногорцы кад' га разумѣше,
Ту владыцы тврду вѣру даше,
Да Брђане никадъ неиздаю,
То владыка єдва и чекаше,
Виђе слогу паксе веселяше,
И овако паши одговара:
„Што ми пишешъ Махмуте везире!
Да недадемъ помоћъ Брђанима,
То ми немой опетъ' споменути,
То ми неда законъ учинѣти;
Може л' жнати, єс ли запажіо,
Кад' си Црнугору прелазіо,
Преко вѣре, а на пріевару,
Кад' си мою опаліо цркву,
И манастырь на полѣ Цетиньско,
То си тешке ранне ударіо
Свакоѣму редомъ Црногорцу;
Но прођисе Брдске сиротинѣ,
Невріеђай ранне Црногорске,
Да те змія неудари люта.“
За то Махмутъ необрће главу,
Но сакупи, и подиже войску,
На Доляне выше Подгорице,
Ту разапе біеле чаторе,
И ту силанъ тамбор учиніо;
Ма владыка топе ужижаше
На высоку гору Вртіельку,
И главарма кньиге оправляше,
Да кликую браћу Црногорце,
Самъ покличе найближнѣ юнаке
Цетиняне и Ваице рабре,
Па отиде у Бѣлопавлиће,
Су стотину и педесетъ другахъ;
То кад' чуше млады Црногорцы,
Да є коме стати погледати,
Како хитро на ноге скочише,
А шарене пушке докопаше,
Оставише майке и любовце,
И чобани у планине овце,
Свакій хита за владыку пита,
Докле су га пристигнули были.
Преко Зетте воде прегазише,
На Слатину тамборъ учинише.
Махмутъ везиръ диже чадорове,
Спроћу Спужа више Дердемеза
Подъ зелену гору Высочицу,
У Везира двадесъ хиляд' войске,
Код' владыке тры хиляде другахъ,
Ема што є владычина войска,
То су мркіи одъ планинахъ вуцы,
Што предъ войскомъ єсу человође,
То су побро крилатыи орлови,
Што л' у войску єсу барялтары,
То біяху сивыи соколови.
Вика теларъ Махмута везира;
„Ко ће жива уфатит' владыку,
Ево нѣму Зетта земля равна,
И у Зетти тры біѣла града,
И сувише тры товара блага!“
Вели Якупъ Сердаревићъ Ага,
И делія Мехмедъ Кокотлія:
„Мы ћемо га жива уфатити!“
Но невеле Турцы акобогда,
Те имъ Боже ни помоћи неће.
А владыка окупи главаре,
Те су они обрнули войску
Предъ біѣлу Аранђелску цркву,
Ту имъ наукъ и благословъ дае:
„Црногорцы моя браћо драга!
Сви будите срца Кралѣвића,
А деснице одъ Сибиня Янка,
Єднокупно ноже повадите,
А часнимсе крстомъ прекрстите,
И выщнѣмсе Богу препоручте,
Па у Турке юришъ учините,
Богъ ће нама у помоћи быти,
Махмута ће помоћ' придобити.“
Па є дивно разредіо войску,
Онъ све међе племе до племена,
А предъ войску добре началнике,
Кои желе съ Туркомъ воевати,
И начиномъ шъ ньима боя быти;
У четвртакъ разредіо войску,
А у Петакъ ударише Турцы,
На Юлія данъ єданаестый,
Башъ на празникъ свете Єфиміє
У малехно село Мартиниће;
Надъ ньимасе тмина уфатила,
А у тмину пушке сіеваю,
Небы река, міо побратиме,
Да є оно боякъ огнѣвитый,

Него судный данакъ страховитый;
Шесть сахатахъ боя жестокога,
Немилосе крвца пролѣваше
По мейдану и око мейдана,
А кад' было дневи око подне,
Тада Турцим' обрну нерука,
То виђеше младыи Црногорцы,
Халакнуше Бога поменуше,
А часнимсе крстомъ прикрстише,
Єднокупно пушке опалише,
Пакъ пламене ноже повадише,
И у Турке юришъ учинише,
Ћераюћи, Турке сіѣкући'
Низъ крваве млине Мартинићске
Ту є Турска погибіо была;
Ту и Сердаръ Бошковићъ Міяйло
Ударіо Туркомъ исъ пріека,
Ту и срећа єсте наніѣла,
Башъ юнака и господичића
По имену Петровића Сава,
А млађега брата владичина,
На делію Мехмедъ Кокотлію,
За грласе бѣла уфатише,
Носишесе тако неколико,
Докле Саву Богъ и срећа даде,
Турчинъ предъ ньимъ на колѣна паде
И Саво му посіѣче главу,
Но да видишъ войводића Бега!
Шта є Турак' погубіо тада,
Броіс' незна, но є весь у крвы;
Іошъ му срећа наніела была
Те Іакупа Сердаревић' Агу,
Десну руку Махмута везира,
Убишесе какосе зглеаше,
Мртавъ паде Якупъ Сердаревићъ,
А Бего му посіече главу;
Ту погибе войске одъ Туракахъ,
Колик' ніе погинуло нигда
На Брђане и на Црногорце,
А погибе владычине войске
Свега на брой ос мнаесъ другахъ,
Но међ' ньима тры добры витеза,
Крцунъ Савовъ одъ мѣста Бѣлицахъ,
И баряктаръ Станко съ Люботина,
А одъ Брдахъ войводића Бего;
Но имъ име нигда неумира,
Кадъ разбише Махмута везира,
Своіой браћи дійку оставише,
Што у томе бою задобише,
Богъ имъ дао у раю населѣ,
А живіемъ здравѣ и веселѣ,
Петру свѣта образъ на краину,
Ка' и лѣтнѣ сунце на планину! —.

169.

Предраго є прескупо.

(Одъ Горчина Лѣшнянина.)

Пію вино тридесеть сердарахъ,
Изъ Краине крвавихъ Котарахъ,
На дворове Янковић' Стояна,
О свачему зборили сердары,
Па Стояну тако бесѣдили:
„Сивъ Соколе Янковићъ сердаре!
Одка си се сердаръ учиніо,
У Котаре настануо главомъ,
Краину си рахатъ учиніо,
Те ни Турцы несіечу главе,
Ни ти воде роблѣ исъ Краине;
Врсницысе твои поженише,
А врснице твое поудаше,
Тысе брате оженити нешће,
Идешъ брате на путове страшне;
Страхъ є наске, хоћешъ погинути,
Па ископат' юначко колѣно;
На дворъ неймашъ никога млађега,
Ни ти хоћешъ роба ни робинѣ,
А твоя є остарала майка,
Неможе ти опахати дворе,
А тол' другій хизметъ учинити,
То є жао свой нашой краини,
Имашъ твое тридесеть сердарахъ,
И шездесеть горскихъ арамбашахъ,
И четиры лахка баряктара,
И осталу све Србску господу,
Сви договоръ єсмо учинили,
У свакога има по ђевойка,
У ког' єдна, у кога и двіе,
У ког' сека, у ког' мила шћерка,
На поклонъ ти коя ти є драго,
Те юначко одржи колѣно."

То Стояну врло мучно было,
Одъ мукесе юнакъ застидіо,
Стыдна га є вода попанула,
Па господи тіо проговара:
„Фала вама мила браћо моя!
Фала Србской осталой краини,
Коистесе за ме побрижили,
А я быхсе давно оженіо,
Но самъ чуо Хайкуну ђевойку
У крваву Лійку на краину,
Сестру милу силна Мустай-бега,
Да ѐ таке ніе настаяло,
Ни у гору пребіеле виле;
Проси му є сва Турска господа,
Прво просе паше и везиры,
Па ѐ просе безы и спахіе,
А бежи ѐ неда ни єдноме,
Но є другій кафезъ начиніо,
Ка' у Стамболъ што є у Султана,
У кафезъ є Хайку затворіо,
Да іой нитко несагледа лице,
И сунашце неприпламе ярко,
А и роса нескваси га лѣтна,
Но ђулсіомъ да га окропива.
Тосе чудо надалеко чуло,
На четиры стране одъ свіета,
И самъ царе за Хайкуну чуо,
Како збори сва Турска краина,
Да ѐ лѣпше на свіету ніе,
За цара бы Султанія была,
Бы му Довлетъ честит' учинила;
Царъ є златанъ ферманъ оправіо,
У краину Лійчкомъ Мустайбегу;
„„Вѣрна слуго Лійчићъ Мустайбего!
Поклони ми Хайкуну ђевойку,
Ишти слуго, што є тебе драго!""
Бего купи сву Турску господу,
Предъ господу ферманъ проучіо,
Па є мудре Турке запитао:
„Шта ћу цару искатъ' за Хайкуну?"
А нѣга су Турцы сѣтовали,
Да онъ иште на Босну везирство,
И у цара извади фермане,
Да подигне одъ Стамбола войску,
Да похара сву нашу краину,
Далмацію до синѣга мора,
Славонію и сву Унгарію;
Хоћу Стоянъ узети Туркиню,
Исту сестру Лійчког' Мустайбега,
Оли мою изгубити главу."
То изрече а скочи на ноге,
Те изтрча на біелу кулу,
Онъ отвара сахтіанъ сепете,
Паксе свлачи тесе преоблачи,
По тіелу бурунџукъ кошулю,
Сврхъ кошулѣ челик-панціера,
На панціеръ румену доламу,
Златна пуџа съ обадвіе стране,
На пуџама чудастый мосяжи,
Сврхъ доламе све о злата токе,
Напунѣне свіетла камена
Колик' сяю прси у юнака,
Мучно га є окомъ погледати,
Ка' и лѣтно у прозорѣ сунце;
Іошъ опаса мукадемъ пояса,
А заћеде двіе пушке мале,
Међу нѣима лютога ханџара,
Па припаса саблю оковану
Кою му є Дужде поклоніо,
Кад' є Стоянъ Сердаръ постануо,
Да Краину брани одъ Турака;
Неузтаче калпакъ и челенке,
Смета тѐ му горомъ и планиномъ,
Но хайдучку капу натакнуо,
Оде спремат' што є за хайдука,
Обрамницу на плеће юначке,
У ню тури лѣба біелога,
И рамена одъ претила брава,
Два мѣшчета пива веселога,
Єданъ вина, а другій ракіе,
Оку соли, да є у неволѣи;
Па притеже хайдучке опанке,
А дофати сяйна џефердана,
Кои пріима литру паліера,
И дванаесъ одъ олова зрнахъ,
Свако зрно одъ двадесетъ драмахъ,
А найгорнѣ зрно одъ челика,
Кое ломи люте панціере,
Хайдучкомсе струкомъ пригрнуо,
Па отиде своіой старой майцы,
Біѣлу іой полюбіо руку:
Зъ богомъ остай моя мила майко!"

Но Стояну майка говораше:
„Ђе ћешъ сыне мой очиный виде!?“
„Хоћу майко высокой планини,
Да уходимъ страже и стражаре,
Да ми Турцы зіянъ неучине.“
Писну майка како змія люта:
„Та̑ приправа ніе за стражаре!
Но ты хоћешъ у Турску краину,
И остави самохрану майку.“
Ал' то Стоянъ ништа неслушаше,
Но онъ пође прек' біела двора,
Ђе сѣђаху тридесетъ сердарахъ,
Сердарима Стоянъ бесѣдіо:
„Браћо моя зъ Богомъ останите!
Аманетъ ви стара майка моя!
Докле дођемъ изъ Турске краине.“
То имъ рече усъ планину пође,
За ньимъ трче тридесетъ сердарахъ,
Па Стояна куме и братиме:
„Стан' за Бога Янковић' сердаре!
Самъ неиди у Турску краину,
Сама ће те изгубити Турцы;
Но краину сву да сакупимо,
Да ударимо на крваву Лійку,
Да отмемо Хайкуну ђевойку,
Али съ тобомъ сви да погинемо;
Мы волимо съ тобомъ погинути,
Но безъ тебе остат' у краини.“
Ал' неслуша Янковићъ сердаре,
Но отрча юнакъ усъ планину,
Небы нѣга пушка достигнула,
Акамоли на ноге сердары;
То виђело тридесетъ сердарахъ,
Ђе Стояна вратит' немогоше,
Скупишесе на Стояна дворе,
Међусе су они говорили:
„Кад' Стояна вратит' немогосмо,
Да куппимо сву нашу краину,
Да идемо на крваву Лійку,
Да будемо у помоћъ Стояну,
Али шъ ньиме сви да погинемо.“
Брже ситну кньигу написали
Стару Кланцу сивоме соколу,
Све му кажу куда Стоянъ пође,
Іошъ сердары старца упитую;
„Хоћемо ли куппити краине,
Небы ли му одъ неволѣ были.“
А кад' Кланцу ситна кньига дође,
Коликосе старацъ налютіо,
Изъ очій му крвца покапала,
Ударисе рукомъ по колѣну:
„Авай мени до Бога самога!
На когасе есамъ поуздао,
Да оставимъ сву нашу краину,
Тай ми хоће данасъ погинути,
И краина подъ Турке запасти.“
Па є брже кньигу одписао:
„О сердары жалосне вамъ майке!
Жалосне вамъ майке и любовце,
Што пустисте самога Стояна?!
А тако ми свашта на свіету!
Ако мене Янковић' погине,
Свіехъ ћу ве тридесть изгубити,
Него брже куппите краине.“
И старъ Кланацъ поскочи на ноге,
Самъ упали топе хабердаре,
Громскій тутань оде низъ Котаре,
Сватко позна Кланчеве топове;
Виде, да є чудо изненада,
Єръ є Кланацъ быо престарио,
Одъ краине рати оставіо
На сокола Янковић' сердара;
А сад' пучу Кланчеве лубарде,
А непучу Янковић' Стояна,
Стояна су Турцы уфатили,
Уфатили али погубили;
Сватко Кланцу трчи на топове,
Али Кланца дома ненаходе,
Но развіо орлаша крстата,
Припасао свіетло оруже,
Пояхао суру бедевію,
Одхитао Стоянову двору,
За ньимъ иде остала краина.
За то Стоянъ ништа нечуяше,
Хитро прешо у Лійчку краину,
Одъ Котара до воде студенца,
Штосе вода Несретница зваше,
Когођъ піо, злосретанъ є быо,
Добаръ юнакъ на коню доброме,
Небы дошо за тридесть сахатахъ,
Стоянъ дође за седамъ сахатахъ,
Код' воде є витезъ починуо,

Скиде съ плећиихъ торбу обравницу,
Пива піе, бѣла лѣба ие,
А присмаче меса печенога,
Но Стоянсе тврдо угрияо,
Пивомъ жеђу утулит' неможе,
До напийсе воде Несретнице,
Ко і' гођъ пію, злосретанъ є быо,
Пакс' одмаче подъ єлу зелену,
Подъ єлу га саннакъ преваріо;
Ђе є срећа, ту є и несрећа,
Тесе Турска чета подигнула
Одъ крваве Лійке на краину,
Мала чета шездесетъ Туракахъ,
И предъ четомъ сила Мустайбеже,
Дође чета на воду студену,
Кодъ воде є трудна починула,
Лѣба-ию, ладне воде пію,
Па кадсусе одморили Турцы,
Рече дружби силанъ Мустайбеже:
„Чуѣте л' ме любезна дружино!
Тасе вода зове Несретница,
Когођъ піо, несретанъ є быо,
Ясе боимъ Янковић' Стояна,
Десићесе шъ четомъ у краину
Доће Стоянъ на воду студену,
А знате ли браћо моя Турцы,
Ево има цетнаесъ годинахъ,
Касе Стоянъ сердаръ учиніо,
Сваку ни є чету изгубіо,
Ніе л' майка родила юнака,
Да обиде по гори зеленой,
Є ли његођъ трага одъ хайдука?!"
Сва дружина у ноге гледаю,
Те опуте брое на опанке,
До юнака Ибра барякtара,
Онъ поскочи на ноге лагахне,
Сподби танку пушку по сріеды,
Те отиде одъ єле до єле,
Докле нађе Янковићъ Стояна,
Ђе спаваше у дебелу хладу;
Но Стоянсе тешко угрияо,
И на прси токе распучіо,
А кад' нѣга Туре сагледало,
Одъ страха га уфати грозница,
Изъ руке му пушка испанула,
Ту остаде у зелену траву,
Онъ побѣже къ води у дружину;
Када г' виће сила Мустайбеже,
Онъ мышляше неко ћераше га,
Те поскочи на ноге лагахне,
За танкусе пушку прифатіо,
Ал' за Ибромъ невиди никога,
Іошсе Ибро уставит' несміе,
Но промаче низъ гору зелену,
За руку га Беже уфатіо:
„Бе хайролла Ибро барякtаре!
Од' шта сисе тако препануо?
Камо теби пушка убойница?"
Ал' є Ибро бегу бесѣдіо;
„Виђохъ змая подъ єлу зелену!
На прси му црна овца лежи,
А у зубе врано янѣ држи,
По прсима сяю мусе очи,
Ка' звіезде по небу ведроме;
Прислоніо узъ єлу лубарду."
Тад' му рече сила Мустайбеже:
„Црнъ ти образъ Ибро барякtаре!
То є главомъ Янковићъ Стояне,
Ніе црна овца на прсима,
Но є власатъ Каурин' Стояне,
Ніе врано ягнѣ у зубима,
Но брковы Янковић' Стояна,
То ніесу очи по прсима,
Но каменѣ драго по токама,
Ни ти му є узъ єлу лубарда,
Но цевερданъ Янковић' Стояна."
Тадсе Туре Ибро уставіо,
А дружини бего бесѣдіо:
„Ха на ноге браћо и дружино!
Небы 'смо л' га како уфатили;
Но сви танке пушке оставите,
Єръ му пушке наудит' немогу,
Нит' га може сабля погубити,
Вазда носи панцыръ гвожђе люто,
Тек' ако є у дружину друга,
Да украде цефердаръ Стояну;
Кои ломи люте панціере,
Ако нѣга свладат' немогнемо,
Даг' нѣговомъ пушкомъ убіемо."
Ево яда и неволѣ люте,
Нико пушку дофатит' несміе,
Него курвићъ Лійчићъ Мустайбеже;

Онъ дофати пушку Стоянову,
У чело є обрну Стояну,
А сви Турцы нѣга притискоше,
И Стояну руке савезаше,
Ал' то Стоянъ ништа нечуяше,
Смртный га є саннакъ оборіо;
Кад' то виђе Лійчићъ Мустайбего
Удари га одъ пушке грлійћемъ;
„Устай курво Янковић' Стояне!
Да те водимъ у крваву Лійку,
Све да платишъ што 'си учиніо!“
Скочи Стоянъ ко' дасе помами,
На ноге имъ побѣћи хоћаше,
Ако 'су му руке савезане,
Но му вели Лійчкій Мустайбеже:
Немой бѣжат' Янковић' Стояне!
Твоя ми є пушка у рукама,
Хоћу тебе осмртити ньоме.“
Тад' Стояна поведоше Турцы,
Преко Лійчког' поля крвавога,
Коликосе Туре посилило,
Ђе уфати змая каурскога,
Нескида му рухо ни оружѣ,
Да га Турцы виде подъ оружемъ;
На средъ поля починули Турцы,
Запалили у луле духана,
Сехиръ чине Янковић' Стояна,
Па говори Лійчићъ Мустайбего:
„Ахъ мой брате Ибро барякtаре!
Айде пођи у крваву Лійку,
На муштулукъ у наше господе,
И у мое остарале майке;
Запалите Крня и Зеленка,
Хаберъ дайте у Турску краину,
Дасе скупи мало и велико,
Сви да виде Янковић' Стояна,
Млозини є яде учиніо,
Оставіо самохране майке,
Удовице у родъ повратіо,
Безъ заклетве сестре разкукао.“
Скочи Ибро на ноге юначке,
Оде брже у крваву Лійку,
На дворове Лійчићъ Мустайбега,
Те запали Крня и Зеленка,
Хаберъ пуче низъ Турску краину,
Окуписе мало и велико,
Да сретаю Лійчићъ Мустайбега,
И да виде Турскога крвника,
И да бакшишъ даю четницима;
Носе паше саблѣ оковане,
Алай-бези хате оседлане,
А спахіе црвене биньише,
А кадіе ћурке поставлѣне,
А деліе златне перянице,
Младе Каде свилне бошчалуке,
Да газіе Турске даривају;
У то стиже Лійчкій Мустайбего,
Турцы нѣму шенлукъ учинише,
Паде тама по полю широку:
„Бунбарећи Турска газибашо!
То є дова цара честитога,
Што 'смо шћели то си учиніо,
Сад' ћешъ ласно похарат' краину,
Царъ ће дати што ћешъ поискати.“
Улѣгоше у Турске сокаке,
Одъ народа проћи немогаху:
Сватко хоће да види Стояна,
Старе Каде, ко' и буле младе,
Ал' рекоше хоџе и кадіе:
„Да мы Влаха лице покріемо,
Неда ћитапъ и светацъ Мухамедъ
Буле влашко да гледаю лице,
Ни лошіем' а не овакоме,
Што болѣга ніе настаяло,
Ни деліе Ђерзелез-Аліе,
Ни Каура Марка Кралѣвића,
Булећесе хашикъ учинити,
Пакъ ће нашемъ зіанъ быти дину,
Нашем' дину, и нашему хрзу.“
Па узеше свилену туламу
Те покрише Стояново лице,
Да неломи буле низъ чардаке,
Ма Стояну добра срећа была,
Угледа га Хайкуна ђевойка
Прозъ нѣнога срчали дурбина,
Изъ кафеза са высоке куле,
Іошъ на полѣ ђе 'су почннули,
Све га гледа, а сузе пролива,
Са собомъ є млада беседила:
„Фала Богу, фала единоме!
Ліепъ ли є Янковићъ Стояне!
Одкако самъ ядна настанула,

Я ніесамъ такога виђела,
Волѣла бы Янковић' Стоана,
Но у Стамболъ цара честитога "
Па кад' виђе Хайкуна ђевойка,
Да му Турцы туламу врґоше,
Бачи дурбинъ низъ біелу кулу,
У кафезу паде на душеке,
Охъ да тисе нагледати побре!
Како булче по кафезу скаче,
Жестока є мука уфатила,
Учинисе безъ болести бона;
Доведоше Янковић' Стояна,
Пре тавницу силна Мустайбега,
Скидоше му рухо и оружѢ,
Уведоше г' студеной тавницы,
А то же ледена тавница,
Но некака яма бездяница,
Ту на чекркъ спуштише Стояна,
Па тавницы заключаше врата,
Кључе узе бего у џепове,
Па дозива Ћелалію слугу:
„Хайде слуго къ остаралой майцы,
Донеси ми хеђбета дукатахъ!"
Оде слуга къ остаралой майцы,
Донесе му хеґбета дукатахъ,
Даде бего на шездесетъ другахъ,
По шездесетъ жутіехъ дукатахъ,
Онъ ођело узе Стояново,
Іошъ говори силанъ Мустайбего:
„Браћо Турцы садъ ме послушайте!
Сви хайдете двору біеломе,
Докле ноћца кара-акшамъ дође,
Скупитесе у кахву велику,
Я ћу доћи на мушаферъ къ вама."
Па Бегъ узе рухо Стояново,
Стояново рухо и оруже,
Па отиде у кафезъ Хайкуни,
Ал' Хайкуна лежи на душеку,
Нитсе диже ни ти проговара,
А бего іой Турскій селамъ дава;
Єдва му га Хайка одговара,
Вели бего Хайкуни ђевойцы:
„Богъ ми съ тобомъ моя мила сестро!
Што несретешъ милог' брата твога?
Да га питашъ што є учиніо?
Да оставишъ рухо Стояново,
И да видишъ влашке цевахире."
А Хайкуна брату бесѢдила:
„Проћи месе брате Мустайбеже!
Невріеђай мое ране люте,
Срдечна ме болесть ударила,
Я немогу съ тобомъ говорити,
Акамо ли на ноге стаяти,
Али гледат' влашке цеваире,
Но ихъ тури на прозоръ одъ куле,
Па ми сѢди на миндеръ до мене,
Прифати ми на кріоце главу,
Небы ли ме мука уминула."
СѢде беже до сестрице своє,
Па Хайкуну диже у наруче,
А извади свилену мараму,
Те утире Хайкунино лице
Мртва ю є вода попанула;
Тадсе кадка мало разабрала,
Свога брата грли и целива,
Ка' зміясе око нѢг' увія,
Украде му о тавнице кључе.
У то дође остарала майка,
Носи бегу пійво и єдиво,
За госпоску совру засѢдоше,
Тежкій бега ћеифъ уфатіо,
Тесе напій вина црвенога,
Па говори майки и Хайкуни:
„Хоћу поћи на зелену лонцу,
Кодъ господе віећъ да чинимо,
За курвића Стоян' Янковића,
Каквомъ ћу га мукомъ уморити,
Но вы сѢдте тесе веселите,
Испіяйте шербетъ медовину,
А затворте од' авліе врата,
И на кулу твожђене мандале,
Е се Влахахъ боимъ Котарскіехъ,
Да ми каковъ зіянъ неучине."
Хайка хукну, па є бесѢдила:
„Ками, брате, да имъ є у зубе!"
Па є за ньимъ затворила врата,
А старойсе поврнула майцы,
Приноси іой шербетъ медовину,
У ню сипа жежену ракію,
Докъ є стару опоила майку,
Па простире душекъ по душеку,
А на душекъ остаралу майку,

На ню тура іорганъ по юргану,
Тако стару ушикала майку,
Па запали у фенѣръ свіећу,
А наточи у кондіеръ вина,
Стрча брже низъ біѣлу кулу,
Те отвори о тавнице врата,
Па довати куке и чекрке,
На чекркъ му спусти вино хладно,
Зачудисе Янковић' Стояне,
Тко му даде у тавницу хино,
Зачудисе па є наздравіо:
„Здравъ да си ми тко ми даде вино!
А да Богъ да, те му добромъ вратимъ."
Хайка віе куке и чекрке,
А Стоян' се за куке фатіо,
Докъ Стояна близу примакнула,
Хрло булче па му бесѣдило:
„О Стояне ядна твоя майка!
А ра шта си ођe запануо?
Съ ютра хоћешъ изгубити главу,
А видимъ те лица господскога,
Мило ми є севапъ учинити,
Ако ћешсе потурчит' Стояне,
Я ћу молит' брата Мустайбега,
Те ће тебе животъ поклонити,
А біеле дворе начинити,
Кодъ нѣговихъ, а башъ ка' нѣгови,
Половину блага поклонити,
И я ћу ти вѣрна люба быти."
Куша булче Янковић' Стояна,
Є ли юнакъ, што л' ће говорити.
Налютисе Янковићъ Стояне,
Глейну Хайку мрко попріеко,
Па є Стоянъ ньойзи говоріо;
„О Хайкуна да те Богъ убіе!
Я 'самъ съ тебе ођe запануо,
А садъ хоћешъ и да ме потурчишъ,
А небысе Хайко потурчіо,
Да бы Турскимъ царемъ постануо,
Но я волимъ часно погинути,
Нег' срамотно живит' на свіету."
Тай махъ рече Хайкуна ђевойка:
„О Бога ти Янковић' Стояне!
Вы ли мене божу вѣру дао,
И юначку ріечъ одъ поштеня,
Да те пуштимъ нођасъ исъ тавнице,
И да съ тобомъ бѣжимъ у Котаре,
Да небудемъ тебе робиньица,
Но слободна люба вѣреница?"
Стоянъ Хайки божу вѣру дава,
И юначку ріечъ одъ поштеня:
„Хоћешъ быти вѣрна моя люба!
Таманъ да бы за то погинуо."
Тад' се Хайка ближе примакнула,
Изъ тавнице г' ледне извадила,
Узешесе за біеле руке,
Отидоше на високу кулу,
Узе Стоянъ рухо и оруже,
А кадасе довати оружа,
Стаде играт' по беговой кули,
Заньихасе ихъ темеля кула,
Запуцаше џами и ћошкови,
А Хайка га за руку дофата:
„Не Стояне драгій господаре!
Да нечуѣ моя стара майка."
Стоянъ сѣде за софру госпоцку,
Вино піе ђаконію ие,
Хайка оде коньма у ахаре,
Те опреми два коня витеза,
Себи Ђога, а Стояну Дора,
Єръ є больій о Дората Ђого,
Хрло булче, ядъ га задесіо,
Дасе небы Стоянъ препануо,
И Хайкуну како оставіо;
Па узима Турске џевахире,
Хабахію Лійчићъ Мустайбега,
Кою му є царе оправіо,
Кад' є нѣму Хайку заискао,
Она валя царевога града,
На се тура ђузелъ-одіело,
Кое іой є царе оправіо,
И напуни хеђбета дукатахъ,
Па ихъ тура на дебела ђога;
У то стаса Янковићъ Стояне,
На два добра коня засѣдоше,
Побѣгоше полѣмъ широкіемъ,
Докле самну полѣ пріеђоше,
Машишесе высоке планине,
Но Хайкуну жеђа уфатила,
Па Стояну млада говорила:
„Има л' ођe воде ђегођъ ладне?"

Стоянъ: „Има вода Несретница!
Когоѣъ піо, несретанъ є бьо,
На ньой су ме Турцы уфатили.“
Хайка рече: „Я ніесамъ жедна!
Бѣж' Стояне за бога милога,
Докъ ніесу пристигнули Турцы.“
Планину су брзо пребѣжали,
Навалише полю Котарскоме,
Вели Хайка Янковић' Стояну:
„Штасе оно бѣли у краину,
Ал' є сніегъ, ал' біеле овце?“
Стоянъ вели Хайкуни Туркиньи:
„Нит' є сніегъ ни біеле овце!
Него куле нашіехъ сердарахъ.“
Хайка нѣму опет' бесѣдила:
„О Стояне драгій господаре!
Кое і' наша пребіѣла кула?“
Стоянъ рече Хайкуни Туркиньи:
„Гледай Хайко у врхъ одъ Котара!
Штосе види понайвиша кула,
А на кули о злата ябука,
Око нѣ є камена авлія,
То є наша пребіѣла кула.“
Хайка диже свое обѣ руке
Одъ срца є Богу зафалила,
Кад' іой даде добра господара;
У то сишли на полѣ Котарско,
На ливаде конѣ разяхали,
Па сѣдоше тесе одморише,
Стоянъ Хайки паде на кріоце,
А Хайка му косу претурава,
Докъ Стояна саннакъ уфатіо,
Хайка брка солуфе и брке,
Заміѣра хоће л' прилицати,
Па погледа на трагъ усъ планину,
Виђе хрта Ліичкъ Мустайбега,
Ђе пропада высокомъ планиномъ,
Види да су Турцы и поћера,
Но Стояна разбудит' неснніе,
Єръ му ніе ћуди обикнула,
Поче сузе ронит' низъ образе,
Докъ Стояна сузе покапаше,
Вруће бьще те га опржище,
Скочи Стоянъ ка' дасе помами:
„Што є Хайко, да те Богъ убіе?!
Али сисе млада покаяла,
Што си са мномъ дошла у Котаре?“
„Не, Стояне, негріеши душу!
А да видишъ стигоше не Турцы!
Изгуби те и тебе и мене.“
Стоянъ подби ђога дебелога,
Бачи шъ нѣга ћечу и хеђбета,
„Богъ т' убіо Хайкуна ђевойко!
Што ти хоте хеђбе и дукати?
Зарь є мало у мене дукатахъ?
Те си добра утрудила ђога,
Те ми неће моћи на мейдану.“
Па пояха ђога дебелога,
Хайка узе Дора и дукате,
Завучесе у гору зелену,
Стоянъ оде Турке пресретати,
Нешће стати друму на планину,
Но онъ сврну у зелено єлѣ,
Докъ прођоше шездесетъ Туракахъ,
И Ђор-муса на халата куса,
За ньимъ Стоянъ виче на ђогата:
„Юрунъ кардашъ, утече кауринъ!“
Стиже Мусу посѣче му главу,
Па све трчи а юрунузъ виче,
Кога стиже сваком' главу диже,
Докъ изгуби шездесетъ Туракахъ,
Самъ остаде Ліичкій Мустайбего,
Нешће Стоянъ бега изгубити
Рад' хайтара Хайкуне ђевойке,
Но удри га шакомъ и балчакомъ,
Паде Турчинъ, а Стоянъ припаде,
Савеза му наопако руке,
Поведе га полю Котарскоме,
Кад' погледа у росне ливаде,
Ђе і' остала Хайкуна ђевойка,
Ал' є силна войска притиснула,
Све баряцы ка' морскій облацы,
Препадесе Янковићъ Стояне,
Мысли Стоянъ да є Турска войска,
Па разгледа войску и баряке,
Таманъ ћаше бега изгубити,
А у Турке юришъ учинити;
Позна Стоянъ Кланчева Орлаша,
Па крсташа Цмиляниќ' Иліе,
Свиленъ баракъ Сенянинъ Ивана,
А чу жуку Мочивуне Вука,
Виђе Стоянъ да су Котарани,

Оде къ ньима низъ росне ливаде;
Угледа га Кланацъ изъ дружине,
Па онъ пушти суру бедевію,
А за ньиме остала краина,
Те сретоше Янковић' Стояна,
Шире руке у лицасе любе,
Ал'се Кланацъ полюбит' нехоће,
Но га гледа мрко напріеко:
„О Стояне курвино копиле!
Самъ што пође у Турску краину,
Те ме старца незапита Кланца?
Кунемъ тисе свачим' на свіету,
Прегинѣмъ те за грло уфатит',
И подъ ноге ка' ягнѣ распрштит'."
„Нелютисе мой драгій уяче!
Я акосомъ быо у Турћію,
Ніесамъ ти срамоту доніо."
Али Кланацъ неда говорити:
„Ніеси ми срамоту доніо!?
Нег' довео Туре гологузо,
А камо ти Хайкуна ђевойка?"
Ал' испаде Хайкуна ђевойка
Край ливаде изъ горе зелене,
Води Хайка дора дебелога,
Рече Стоянъ: „Ено ти Хайкуна!"
Хайка Кланцу полюбила руку,
И осталой свой господи редомъ,
Тад' му старый Кланацъ говоріо:
„Фала тебе мой сыне Стояне,
Имао си за чемъ погинути!"
Па послаше неколико другахъ,
Пофаташе конѣ по планини,
Покупише главе и оруже,
Отидоше Стояновy двору;
Силній шенлукъ пуче низъ Котаре,
Сву краину огань обузео,
Одъ пушакахъ и одъ лубарадахъ,
Води Стоянъ Лійчић' Мустайбега
У нѣгову студену тавницу,
У коіойсу шездесетъ Турака,
А кад' бега Турцы сагледаше,
Запишћеше како зміе люте:
„Авай нама до бога милога!
Кои бы не робства избавіо,
И тай ни є робства допануо!"
Тай ма Стоянъ врата затворіо,
Свадбоваше за неђелю данахъ,
Покрстисе Хайкуна ђевойка,
Сама себе име изабрала,
Любосава Янковић' Стояна,
Па є Стоянъ вѣнча за любовцу;
Любосава скуте савіяше,
А Стояну руку целиваше:
„Молимъ тисе драгій господаре!
Зарад' среће и мое и твое,
И за любавь и за вѣру нашу,
Дай ты мене о тавнице кључе,
Да я пустимъ брата Мустайбега,
Да ми стара утѣшисе майка."
Стоянъ тура у цепове руке,
Те іой даде о тавнице кључе:
„На ти Любе о тавнице кључе,
Па непуштай сама Мустайбега,
Но све пушти сужнѣ изъ тавнице."
Оде Хайка тавницы на врата,
Те изведе шездесетъ Туракахъ,
И своега брата Мустайбега,
Па довика лагахне берберє
Сужнѣвима косу обриваше,
И съ руку имъ нокте сарезаше,
Па имъ даде рухо и оруже:
Одъ Турака што су изгинули,
Нек' су бегу сва на брой дружина,
Да неиде стидно у краину;
Іоште Стоянъ узе бедевію,
Те є суру дае Мустайбегу,
Стоянусе Турцы поклонише,
Біелу му руку полюбише,
И фалу му и дову дадоше,
Па весело полѣмъ обрнуше,
Невесело Лійчић' Мустайбего,
Низъ кобилу обѣсіо бркe,
Са Стояномъ ништа неговори,
Но му вели Янковић' Стояне:
„Што 'си мисе шуро налютіо?
Ако самъ ти Хайкуну узео,
Даосамъ ти суру бедевію,
Па є яши, те освећуй Хайку!..."
Отидоше Турцы узъ планину,
Међу собомъ єсу говорили:
„Да мы ђегођъ друму запанемо,
Небы 'смо ли роба поробили,

Ал' каурске главе задобили.“
А кад' мало понапріедъ были,
Ал' безъ главахъ шездесетъ Туракахъ,
Кое бѣше Стоянъ изгубіо;
Па кад' Турцы мртве сагледаше,
Тролѣтна ихъ уфати грозница,
Побѣгоше Лійки безъ обзира,
И Стояну сватис' разтуришe,
Оста Стоянъ съ Хайкуномъ на кулу,
Па да си ми Србин' брате здраво! — ?
Е таквы су наши были старыи.

170.

На Круссе

Бой Црногорскій другій года истог' 1796а съ Кара-Махмутомъ.

Одкада є войску изгубіо
Махмутъ везиръ одъ Скадра біела
Ратуюћи и боя біюћи
Съ Брђанима и съ Црногорцима,
Ни ти спава нитсе разговара,
Ни ти кланя ни авдесъ узима,
Но срдисе на Петра владыку,
Єре има жалость превелику
На юнаке младе Црногорце,
Кои съ Петромъ у Врда ходише,
Тесе боя юначкога бише
У гиздаво село Мартиниће,
Выше Спужа у Бѣлопавлиће,
Ђе є Махмутъ срећу изгубіо,
И юнаке млоге оставіо,
Међу ньима хаге и бегове,
Кулуглiе и свое деліе.
Седмый данакъ єдва проговара,
Шетаюћсе Махмутъ разговара,
А ударис' рукомъ усъ колѣно:
„Алахъ! рече, што 'самъ учиніо,
Одъ когасе єсамъ препануо,
Ко ће мою силу задобити,
Докле имамъ у ћесу новацахъ,
А у црну Гору трговацахъ,
Коизи су лакомы на благо,
Учинићу што є мене драго,
Они ће ми продат' Црногорце;
Похараћу редомъ и Приморце
До біела града Дубровника,
Што ће мене учинѣт' владыка?!“
Па одправи Махмутъ посланнике,
Ето войску купи и сабира,
Арбанасе право до Епира,
Херцеговце до Босне поносне;
Пріятелѣ зове на помойцу,
Ахмет-пашу Махмут-беговића
Одъ Рассіе и одъ Дукађина,
И сестрића бега одъ Кавае,
А Тоскама мито обећае:
Свакій даннакъ када быо боякъ,
По таліеръ свакоѣму другу,
А кад' ніе плаћа половину,
Сувише є храна и дарови,
А што стеку, али што украду
Да никоме діела недаду.
Сакупіо пѣщца и коньика,
Тридесть хилядъ по изборъ войника,
Изванъ войске што є оставіо
По границе на четиры стране,
Супротъ Брђан' и горице Црне,
Дасе небы могли саставити,
И у єдно пашу дочекати;
Па подиже и окупи войску,
На Доляне выше Подгорице,
Ту є везиръ танборъ учиніо,
И зеленный шаторъ разапео,
Но кад' виђе близу према себе
Два тамбора Црногорске войске,
Єданъ тамборъ бѣше подъ Саћавацъ
На ливаде, на вучій студенацъ,
Друга стои на Крусску главицу,
Оба туркомъ задаю грожницу;
То є паши тврдо мучно было,
И нѣгову войску забунило.
Да є коме стати погледати
Соколовце младе Црногорце,
Како чине хиску и веселѣ,
Играюсе игре свакояке,
Међу собомъ зборе и говоре,
Да ударе паши на тамборе;
Іошъ да ти є видіети побре,
Како иду младе Црногорке,

Веселеће се и пѣсме поюћи,
Юнацима таинћ доносећи,
Небы река да су женске главе,
Ни женскога срца ни погледа,
Него срца Огнѣнногa Вука,
А погледа одъ горе хайдука;
Мало небы пушке прифатиле,
И съ Турцима кавгу начиниле.
Ту стояше за петнаестъ данахъ,
Црногорцы наспрема Туракахъ,
Али ево гласи допадоше,
Дасе хоће везиръ подигнути,
И на село Круссе ударити,
Кад' владыка гласе разуміо,
Главарима совѣтъ учиніо,
Па на трое войску разредіо,
А предъ войскомъ редомъ поставіо,
По избору биране юнаке,
Кои знаду войскомъ управляти,
А съ Турцима желе воевати.
Ту владыка међу войскомъ стаде,
И свіѣма благослове даде,
Бога моли овако говори:
„Црногорцы моя браћо драга!
Ево триста и тридесетъ лѣтахъ,
Одкадъ наши старыи воеваше,
Боя бише и крвь проливаше,
Порад' вѣре и слободе драге,
Да у робство Турско неупану,
И слободу неизгубе драгу:
Чуѣте ли што Турцы говоре,
Како они вазда Срблѣ коре,
А несрећомъ боя Косовога,
Кад' смо наше царство изгубили,
Одъ издае Бранковића Вука,
Нѣму за то вѣчна была мука;
Емасе є Махмутъ посиліо,
Што є гору црну прегазіо,
Кад' є пређе прозъ ню пролазіо,
А неслогу нашу опазіо,
Небы Турцы знали кошћелице,
Ни трзали наше утробице,
Нит' бы везиръ садсе зафаліо,
Да ће коня на море поити,
А похробит' мало и велико
Проза Црну гору свеколико,
Іошъ насъ кори, овако говори:
„Да ће дати неколико мита,
И све ставит' коню подъ копита!““
Быт' може ли раннѣ жесточіе,
Но стріела кад' срце удріе?
А ни она ніе тако яка,
Да разбіе срце у юнака,
Ни остала икаква работа,
Ка' и таквій укоръ и срамота!
Црнагора отачество наше
Гніездосе соколово зваше,
Ђе соколи у слободу живе,
Кои лове зміе грабежљиве...
Споментесе ко ве є родіо,
Кога ли 'сте рода и племена,
Словинскога одисконъ имена,
Сви будите срца Краљић' Марка,
И деснице Бан-войводе Янка,
Вышнѣмусе Богу помолите,
Часніемсе крстомъ прекрстите,
Да ви' браћо, у помоћи буде,
И юначке да ви плати труде:
А нећу ви редомъ споминяти,
Што є было у стара времена,
На различна мѣста неброена,
Тек' ђеди ви у Жупу крваву
Кад' разбише пашу Сераскера,
Опоштише сву краину нашу,
Ка' и потлѣ у село Трньине
Међу Кругомъ и међу Ровине
У два пута кад' разбише Турке,
Єдномъ живе триста уфатише,
За вепрове на одкупе даше,
А другій путь када уфатише
Седамдесетъ хагахъ и беговахъ,
На крваво Кчево доведоше,
И свіема главе осѣкоше;
Іошъ васъ молимъ дасе споменете,
Што є было у ваша времена,
Одъ Ћехае, па о два везира
Босанскога и Руменлійскога,
И Мехмеда паше Бушатліе,
Съ ким' 'сте скоро браћо боя били,
И юначку славу задобили,
Богъ ће дати за нѣгово име,
Да юнаштво ваше поновите,

И Махмута пашу разбіете,
Нека позна што 'су Црногорцы."
Црногорцы када разумѣше,
Коизисе онденъ намѣрише,
У свакога срце узиграло,
Одъ юначке желѣ и радости
Баряктары развише баряке,
Человоће войску поставише
Све по реду племе до племена,
Па кад' съ ютра зора забіелѣ,
Пріе но є огріяло сунце
Подижесе Махмуте везире,
И постави у ширину войску
Одъ зелене горе Высочице
До Команахъ и д' Ораховице,
То ће быти хода два сахата,
Тридесть хиляд' на шестъ ударише,
Живіемсе огнѣмъ погонише,
По мейдану тамо и овамо,
А кад' было дневи око подне,
Црногорцы Бога поменуше,
Єднокупно пушке опалише,
А єданашъ уришъ учинише,
Ђераюћи Турке сіекући,
А другъ друга често клукуюћи,
Да освете зулумъ и срамоту
Одъ Махмута паше учинѣну:
Сад' да ти є видіети побре,
Витезове младе Црногорце!
Они єсу срца Кральићъ Марка,
И деснице воеводе Янка,
Како муте и разгоне Турке,
Кано вуцы у планину овце;
Милій Боже на свему ти фала!
Камо сила Махмута везира?
Ютросъ бѣше силанъ и біесанъ
На ђогата коня големога,
Зъ голомъ сабльомъ у руцы юначкой,
Остру сабю бѣше повадіо,
Да сіече Црногорске главе,
Нагоняше свое на юнаштво,
Да пороби мало и велико,
И опали огнѣмъ свеколико;
А сад' виђохъ Црногорско момче,
Кое носи главу Махмутову,
Друго капу, а треће доламу,
И четврто саблю оковану,
Пето велю пушку Срмайлію,
Шесто мале пушке позлаћене,
Седмо якше коня Махмутова,
А осталіи витези юнацы
Свакій носу бѣлегъ одъ Турчина,
Крвавіехъ рукахъ до лакатахъ,
Некій єдну некій двіе главе;
Нетко и тры, нетко и четиры,
Некіи носе зелене баряке,
Млогіи пушке сабѣ и гадаре,
Вишій діо сребромъ оковане;
Некіи носе чалме и доламе,
Некіи воде конѣ седленике,
Ето побре сад' юначке дике,
Па нек' свакій вазда Бога фали,
И велико име Боже слави!!
Ту погибе цвіетъ одъ Туракахъ,
А господа старіехъ оџакахъ,
Одъ Призрена и одъ Вучитрна,
Отъ Косова и одъ Пріеполя,
Митровице и одъ Ђаковице,
И одъ Пећи, Хасса и Гусиня,
Одъ Бихора и одъ Колашина,
Одъ равнога мѣста Бѣлополя,
И пространа шехеръ Воскополя,
Одъ Тиранна и одъ Албасана,
Одъ Кавађ Лѣша и Мокрина,
Одъ Валоне и одъ Дибре донѣ,
Одъ Водена и одъ Тепелена,
И Улциня біелога града,
Іошъ одъ тврдог' Скадра на Бояну,
И крвава Спужа на краину,
И гиздаве варошъ Подгорице;
Ал' утече паша Ибрахиме,
Ево ни онъ утећи нећаше,
Но 'га срећа наніела бяше,
На Лазара попа Кнежевића
Одъ равнога мѣста Лѣшкополя,
Изнесе га на плећи юначке.
То є было, кадсе и чинило,
Богу фала и свим' угодницма,
А за здравѣ светога владыке
Што поднесе тад' найвише муке
Сузе ронећ', те свом' Богус' молећ'.

171.

Пиперы.

(Одъ Вука Ђурова Радоньића.)

Ђіела є дозивала вила
Одъ Журима са средъ Лукавицахъ,
По имену Люцђу Мушовића;
„Зло ти ютро пандуроват' было!
Ал' невидишъ очи ти испале?
Ђесе на те силна войска дигла,
Силна войска све седмеро Брдахъ,
А предъ войскомъ тры добра юнака,
И сва тры су одъ лютихъ Пиперахъ!
Єдно ти є Шушовићъ Павуне,
А друго є Станковъ Радоване,
И треће є Савићъ Радоевићъ;
Удариће у долу Штирноме,
Узеће ти Оногошке овце.“
Силно Туре вили одговара:
„Нестраш' мене одъ планине вило!
Неће̂ они на ме ударити,
Док' су мени стотину пандурахъ,
И чобанахъ триста кодъ овацахъ,
А торинам' ни броясе незна.“
У ріечи кою имадоше,
Удри Саввићъ на торине Турске,
И рашћера буле и ђевойке,
Пакъ одяви свеколико благо.
А да тисе нагледати побре!
Како Турске босе буле скачу,
И съ ногухъ имъ папуче оскачу,
А за гору гаће закучую,
А Пиперока ђеца прискачую,
Тер' имъ зъ грла скидую ђердане,
А са рукахъ бурме и прстене;
Ту одгнаше шесть стотин' овацахъ,
Но удари юнакъ на юнака,
Ударіо Станковъ Радоване
На Мушовић' булюбашу Турску,
Посѣче му четрнаестъ главахъ,
Пакъ Пауна и овце сустиже
До узъ Лолу высоку планину,
И дођоше здраво у Пипере,
Но и шићаръ чуданъ догонише,
Па свимъ тріемъ старѣшинство даю,
Главе Турске носе на Цетинѣ
Преко Брдахъ и Горице црне,
На Цетинѣ у Петра владыке,
Дивно ихъ є владыка причека',
Іошъ ихъ више грли и целива,
Дарова имъ шарене баряке,
Те весело домасе вратише.
То є лійка што юначка дика!

---

172. *

Бѣлице.

Подижесе Кузманъ одъ Бѣлиц[illegible]:
И за ньимъ су тры четиры друга,
А отиде преко Горе црне,
Доклеңъ дође наихи Црмни[illegible],
У малахно село Болѣвиће;
Отоленъ є кньигу написао,
А шилѣ є у Баръ на Краину,
Башъ на руке Барском' Ме[illegible]:
„Мехмедага! слушай што т[illegible];
Ако зулумъ нећешъ остави[illegible]
Што га чинишъ Барской си[illegible],
Кунемъ тисе вѣромъ и зако[illegible],
Ал' ћу мою изгубити главу,
Али твою пріед' окинути!“
Кад' Мехмета кньига допанула,
И кад' виђе што му Кузманъ пише,
Подругасе кньиги Кузмановой,
И овако ріечъ бесѣдіо:
„Чудна Влаха, ядъ га задесіо!
Кои мене предае закоңе,
Како имамъ заповѣдат' Раи;
Садъ онъ каже у кньизи овойзи,
Ако нѣга послушати нећу,
Да ми хоће главу окинути,
Ка' да самъ му свезанъ у край пута,
Башъ за грменъ одъ єле зелене.“
Пакъ є Вуку кньигу отписао:
„Чуѣщъ ли ме Кузмановићъ Вуче!
Што ми пишешъ одъ горе хайду[illegible]
Да непрштимъ Лашку сиротиню,
Я везира за то необадамъ,
Кад' я имамъ одъ цара фермана,
А Рая є Турчину нафака.“

Кад' Кузману така кньига дође,
И кад' быо кньигу разуміо,
Причекао за неђелю данахъ,
Па є малу чету сакупіо,
И отиде Суторманъ планиномъ,
Докле дође Шары поноситой,
Ту су єданъ данакъ преданили,
И біеле куле разгледали
По краини и по Бару граду,
А кад' была нойца долазила,
Отидоше Бару прозъ вароша,
Докле бегу до дворовахъ доше,
Па дружини Вуче бесѣдіо:
„Я отидохъ у біѣлу кулу,
Да одъ куле я отворимъ врата,
А вы станте предъ врата одъ куле.“
То имъ река па Вукъ ускочію,
Ал' га клетыи опазише Турцы,
Недаше му отворити врата,
Већ' у кулу Вука затворили,
А четиры пушке опалише,
Тек' ово непріону Вуку;
Па Вукъ ужди двіе пушке мале,
Те погоди Агу Мехметагу,
И Османа брата хагиногa,
Іошъ Вукъ Аги токе уграбіо,
И четиры пушке Срмайліе:
Па изиде предъ біѣлу кулу,
Ал' пре кулу ненађе дружину,
Онъ помышли да су му утекла,
Те овако ньима бесѣдіо:
„О хрђава брађо и дружино!
Да грдно ли мене издадосте,
А да бысте кодъ Бога платили!...“
Кад' лелекну нешто на врхъ куле:
„Яохъ Вуче срамотно л' погибе!
Мы ал' ђемо изгубити главе,
Али ћемо тебе осветити!“
А Вукъ имъ є быо завикао:
„Непогибохъ, но слазите амо!“ —
То дружина нѣга разумѣла,
Брж' сидоше са біеле куле,
И съ Вукомсе онди састадоше,
У Црмницу отлесе вратише,
Изъ Црмнице здраво у Бѣлице.

---

173. *

Кавайка.

Одъ Кавађ кньигу була пише,
А шилѣ є Мехмед' Кокотліи:
„Чуй Турчине Мемет' Кокотлія!
Ако мога неосветишъ сына,
Башъ моега лудог' Асанагу,
Коино є лѣтосъ погинуо
Боякъ біюћ' съ младим' Црногорцма,
Да заробишъ неке Црногорце,
И све мене да живе доведешъ,
А найпрвог' брата владычина,
По имену Сава Петровића,
И войводу Мійћу Вукотића,
И Андрію Сердара Пламенца,
Іошъ Сердара Бошковић' Міайла,
И сокола Паіовића Іова
Одъ крвавихъ Брдахъ на краину.
Ако ли ми ово неучинишъ,
Кунемъ тисе на ћитапу моме,
Чинићу те на колацъ набити
У мог' брата Скадарског' везира.“
Кад' Мехмета кньига допанула,
Кньигу гледа сузе пролиева,
Затворисе у свою одаю,
Изъ одае ситну кньигу пише,
Па є шалѣ були одъ Кавае:
„Чуй ме добро була одъ Кавае!
Чудимъ тисе што у кньигу пишешъ,
И у нойзи бирашъ Црногорце,
За Хасана да ти ихъ доведемъ,
А незнадешъ Було изъ Кавае,
Ніе лашно робит' Црногорце,
Црногорце ни младе Брђане;
Я 'самъ єдномъ шъ ньима ратовао,
И да ніе Доро ме уніо,
Небы мене кућа видіела,
Я да имамъ и цареву войску
Мучно быхсе на ньихъ укапіо,
Недадусе робити юнацы,
А камоли живы пофатати;
Но те молимъ кано госпођицу,
За то немой везиру писати,
Да ми мою неодкине главу,
На поклонъ ти стотина дукатахъ,

И тры хата подъ златна пусата,
Іошъ бых' дао, да бы веѣъ имао."
А кад' Булу кньига допанула,
Кньигу гледа а пріийма дарове,
Кньизи мусе само посмѢхуЂ,
Па Мехмету опет' написуЂ:
„Чуй Мехмеде добро Кокотліа!
Проста тебе на рамени глава,
Кад' ми пошлѢшъ златнога сокола,
И товара четиры дукатахъ;
Кад' аждаю убіешъ єзерску
Одъ Каваe те прождире Турке,
Тадер' ѣу ти опростити главу;
Бре кауре и ѣафирскій сыне!"
Кад' Мехмета кньига допанула,
Кньигу гледа оваке говори:
О Каваіо небіелиласе!
Што ми хоѣешъ изгубити главу."
'Челомъ паде на земльицу црну,
Па є свое повикао слуге:
„Све четиры коня оседлайте,
Да бѢжимо путъ Горице црне,
Ере ѣемо изгубити главе,
Теке Була напише везиру."
Брзо нЂга послушаше слуге,
Оседлаше конЂ седленнике,
А кад' свану и сунце огрaну,
Гласъ допаде Мехмедъ Кокотліи,
„Одъ ядасе и жалости тежке,
У Каваи була преставила!"
И тако є Мехмедъ остануо,
На свом' дому и у своме двору.

174.

Ускоцы.

(Одъ Леке Мастиловиѣа ускока изъ Гацка.)

Танахна є кликовала вила
Са Яворя высоке планине:
Виче вила у село ЛѢвишта,
У ЛѢвишта у Морачу горню,
Виче вила Бошка Харамбашу:
„Ай чуЂшъ ме Бошко четовоѣа!
Ако піешъ, зло попіо вино,
Ако любишъ на душеку любу,
Шарена те гуя полюбила,
Ал' нечуЂшъ, ал' хабера неймашъ,
Ето на те силе и Туракахъ
Одъ Никшиѣахъ и одъ Колашина;
Одъ Никшиѣахъ су тры стране войске
Ето войска низъ Чуке камене,
Булюбаша Париповиѣ' Зуко,
Калаузи Хрньковиѣ' Пауне,
Те Турцима распутице каже,
Ето войска єдна низъ Хрзачу,
А предъ ньима два брата Лекиѣа,
Ето єдне низъ ЛѢвишке стране,
А предъ ньоме Юсса и Хавдія."
Ма Бошкосе съ виломъ разговара:
„Луда ти си одъ планине виле!
Чимъ я имамъ стотину хайдукахъ,
Све ускока силнога юнака,
А іошъ имамъ добру узданицу,
Узданицу пестотин' Ровчанахъ,
А предъ ньима Реџа и Тапушко,
И докъ ми є сва Морача доньа,
А предъ ньима Рашко и Радуле,
И ту имамъ добру узданицу.
И докъ ми є сва Морача горня,
А предъ ньима Міятъ и Радое,
Туракахсе я небоимъ вило."
Бошку вила опет' бесѢдила:
„А ядна ти Божко узданица!
Издао те Реџа и Тапушко,
Издаде те Рашко и Радуле,
Издаде те Міятъ и Радое."
Опет' Божко вили одговара:
„Я 'самъ мртве поставіо страже,
Ето, рече, на ЛѢвишке стране,
Два Мандиѣа и два Вуячиѣа."
„А ядна ти Бошко узданица,
Заспала є на странама стража!"
Али Бошко вили говоріо:
„И другу 'самъ стражу поставіо,
На Хрзачи Іокановиѣ' Марко."
У ріечи у коіой біяху,
Докъ пукоше пушке на Хрзачи,
А завика Іокановиѣъ Марко:
„БѢжи Бошко жалосна ти майка!

Ето на те силе одъ Туракахъ."
Побишесе Турцы и Ускоцы
Одъ све Босне и Херцеговине,
И Лѣвишта село упалише,
А да видишъ Париповић' Зука,
На питомо ударіо Старче,
Посіече Хрньковић' Радоя,
И на Ратню воду ударіо,
И добра є роба зародіо,
Вѣрну любу Драговић' Томаша,
Отео ньй изъ наручя сына,
Баціо га у воду Морачу,
Морача га вода поніела,
Цикну писну Томашева Плана:
„А да ђе си Драговић' Томашу?!
Ђе є твоя свіетла Латинка?
Што ти дичи по Морачи горньой,
Ђе премећешъ по горы зверынѣ,
А знаду те кићены юнацы,
Мене младу заробише Турцы!
Ухвати мѣ Париповићъ Зуко,
Оте мени сына изъ наручя,
А баци га у воду Морачу,
Морача га вода однѣла,
Младу, ядну уцвіели майку."
А то Томашъ и слуша и гледа,
Предъ очима пушку заратіо,
И мртву є пушку посестріо:
„Немой мене ватромъ преварити,
За очи те ни молити нећу."
Па є Зука съ пушкомъ саставіо,
Лоше гледа, ма добро стріеля,
Устріели ког' є погледао,
Све му срце одніела живо;
Зуко паде, а Плана припаде,
Те му скиде свіетло оруже,
А другійсе Турчинъ залетіо,
По имену Хаџайлића Муіо,
Ал' дочека Плана Томашева,
Зуковомъ га пушкомъ дочекала,
Мртвог' Муюю земля прифатила;
Ма трећійсе Турчинъ залетіо,
Дочека га Плана Томашева
Маломъ пушкомъ Хаџайлића Муя,
Те му сломи до рамена руку,
Кад' осталіи навалише Турцы;
Таде Плана у воду скочила,
Прешла воду здраво и весело,
И унесе свіетло оружѣ;
У то пушка пуче одъ Туракахъ,
Те обрани Драговић' Томаша,
Алсе отле повратише Турцы,
Божко викну ко да лѣлѣнъ рикну:
„Морачани, црнъ ви образъ быо!
Овђе боя ни юнаштва нейма,
Већ' погнаймо узъ Морачу Турке,
У Лѣвишта на огорѣлишта;
Погледайте єдну женску главу,
Ево дости боя и юнаштва,
А біюсе Турцы и ускоцы!"
Па єднако пушке оборише,
А сви сложно Бога поменуше,
Иза Зука удари нерука,
Иза Муя спали Турке муня,
Побѣгоше Турцы узъ Морачу
Одъ жестока праха и олова,
Пріймишесе узъ Лѣвишке стране,
Но ихъ стиже Малиша сердаре,
Съ друге стране Бошко харамбаша,
По сріеди Пеіовића Драго,
По сріеди соко Бучић' Лука,
Обѣсу ихъ заболѣле руке
Ужъ Лѣвишта сіекући Турке;
Тридесть и петь осѣкоше главахъ,
А погибе Драго Пеіовића,
И у томсе разметнула кавга.
Кньигу Бошко харамбаша пише
У Никшиће Осман' капетану,
И двадесеть и четирымъ Агам':
„Ходте Турцы дасе састанемо!
Ніе млого ни зіяна было,
Но да тврду вѣру уфатимо,
Да мы наше робѣ міенямо,
Двадесть робахъ намсте заробили,
А ев' у насъ дванаесъ Туракахъ,
И за мртве ласно ћемо своє."
Така кньига дође у Никшиће,
И ту кньигу Турцы послушаше,
Изиђоше на Лолу планину,
А одовуд' стотина ускокахъ,
И предъ ньима Божко четовођа,
Па Турцима Бошко бесѣдіо:

„О Турчине Осман' капетане!
Хоћемо ли уфатити вѣру?“
Здраво збори Осман' капетане:
„Млого си ми яда начиніо!“
А вели му Божко харамбаша:
„Я ніесамъ на те ударіо,
Већ' на себи дочекао Турке,
Пребићемо єдног' за другога,
Два Лекића за Косту Мандића,
Было му є стотину годинахъ;
Пребићемо Париповић' Зука
За нашега Хрньковић' Радоя,
Пребићемо Драга Пеіовића
За Турчина Хаџайлина Муя;
Ал' іошъ ваше оста тридесть главахъ,
Но хиляду оћерасте бравахъ,
Тридесть главахъ за хиляду бравахъ.
Недаде имъ више говорити,
Већ' упута робѣ міеняше,
Уфатише вѣру за годину,
Јошсе клели Турцы на погачу,
Да невойште више на Морачу.

Прим. Истыйсе Бошко после у Руссію одселіо са своимъ браством и племеномъ, недомакъ Одессе накућіосе, и познанъ є тамо подъ именомъ Богданъ Лазаревићъ. Єдинствена є то херачина, и колико юначина, товише є мударчина, природна безъ буквице и пера цртке.

175.

Злосретность.

(Одъ Риста Пелевића изъ с. Велете у Бѣлоп.)

Вино піе Бошковићу Раде,
Кадсе руйна напоио вина,
Таде Раде ріечъ бесѣдіо:
„Ахъ да бы ме неродила майка!
Е я чету покупити нећу,
Чету малу седам-осамъ другахъ,
А водићу чету на Пиперє,
Небы л' брата мога осветіо,
Брата мога Лакку Вуланова,
На божу га вѣру посѣкоше.“
Оно рече одъ землѣ скочіо,
Ево другахъ купи седам-осамъ,
А све ћу ти по имену казат':
Одъ Дола є Павићевић' Янка,
И сокола Радуловић' Вука;
Одъ біела фрутка на краини
Отле зове Николића Креяа,
Одъ Велета села питомога
И Стояна зовіяу кнеза,
А одъ малог' села Буюрића
Отле зову Буюрића Станка.
Па кад' Раде чету окупіо
Оде шъ четомъ низъ Бѣлопавлиће,
У Пиперску гору улѣгоше,
Но є ньима срећа лоша была,
Есе Турцы стаю и Пиперы
На Брестицу на воду студену,
Ево друмомъ Пиперы пролазе
Око сабѣ-Шиша Петровића!
На ту войску ударит' несміяху,
Но имъ єданъ бѣше заостао,
Добаръ юнакъ Макочевићъ Боіо,
Неко вели: „Да му ударимо!“
Неко вели: „Да му неудримо!
Е є Боіо рода сиротнога,
А юнакъ є добаръ на краини.“
Но невели Буюрићу Станко,
Одъ образа пали џевердана,
Погодіо Макочевић' Боя;
Утекоше преко Студенога
Ал' то чуше Турцы и Пиперы,
Пристигоше ону чету малу,
Убишесе прахомъ и оловомъ;
Пуче єдна пушка одъ Туракахъ,
Одъ Туракахъ оли одъ Пиперахъ,
И удари Бошковића Рада,
Низъ пушку му нишанъ понесао,
А съ нишаномъ око на затилякъ,
Паде Раде у зелену траву,
Но узе га Николићу Креіо,
На юначка плећа г' унесао.
Пакъ є друга пукла одъ Пиперахъ,
Одъ Пиперахъ оли одъ Туракахъ,
И погоди Креяа Николића,

Ал' упіе Николићу Креіо:
„А Стояне Милутиновићу!
Немой мене оставити ође,
Да ми Турцы посіеку главу,
Али Турцы, али ти Пиперы."
Паксе Стоянъ къ нѢму повpнуо,
На плећи є Крея доватіо,
Али пуче пушка одъ Туракахъ,
Одъ Туракахъ али одъ Пиперахъ,
Те Стояна кнеза погодила,
Паде юнакъ єданъ ко другога;
Ма се бію тры-четиры друга,
А упію бойне Мартинићe,
Докле поточъ была прискочила,
Око сабѢ Гавриловић' Рада,
Убишесе прахомъ и оловомъ,
Убишесе болѢ немогаху,
Докъ тры младе задобише главе,
Двие Турске а трећу Пиперску,
Па на томе боя раздвойше,
А ког' ніе да винца непіе.

Конацъ истовê ПѢванніе.

Придатцы мои.

Та.?! немогу т' іошъ укопат' Сербе,
Докъ на твое неставишъ ђе мѢсто!.

Спѣвъ

Славено-Сербальству

СѢверномъ.

Чамуняо, кои не пѢвао!
А тко пѢво Богъ веселіо га!!
Тко л' ћ' о чему, я ћу сад' о свому,
Тек' прамъ косê дай сестримко війло,
Да подапнемъ-давно-мукле гусле,
Мое л' веће на гудало ево,
Па ты глайдеръ какос' разліеже,
Гудня л' колик' узиграва срца,
Како л' роса проницава зрнца,
Одъ былькесе подижу грмине,
ВѢковмасе отимлю схурвине.
Та ту ніе срца ни душице,
А камоли духа и крвчице,
Ткосе не бы собомъ забавіо,
Баремъ онда, кадно му є доба,
И кад' истог' своятъ жели скоба,
А куд' ли є болѢ и пречніе,
Што ли лѢпше, и што ли дичніе,
Но и ближнѢ сматрат' како себе,
Тко л' є игда ком' пріятель быо,
Коигодъ є себе негледіо...?
Свакъ є ближный тко помоћи треба,
А свакъ себе, тко немоћъ, помаже,
Свем' є верлость основъ и поутка,
Чему і' мудрость, вѢрна руководка—.
„Престависе ВѢнко Стратимире,
И погребенъ, и Богъ да га прости...!?"
Ал' поклемъ є доживѢти моро
Свог' при краю тродѢлія вѢка,
Што недала предцим' столѢтія,
ВидѢт' сынке, Сербства наслѢднике,
Радъ повторит' іошъ є имо' цигло:
„Садъ господе свог' одпуштай раба
По нареку там' у лоно вѢчно!
Серб-исраиль видѢ спасеніе,
Тобомъ себи давно доснивайно,
А дас' храни, дас' ода зла брани,
Своіомъ главомъ, тобомъ помазаном'
А предъ свіемъ людствомъ и свіе-
томъ—."
У настатку л' свог' живота ВѢнко
Себ' равнога єдва і' имо' кога
Међ' духовним' и мірским' Сербима,
А сад' свершивъ нам' є оставіо
Тысућама управъ просвештенныхъ
Свог' старания плодним' послѢдствима,
На чем' нѢму и одъ мене фала,
Збильска фала послѢ Доситія—.
Ал' ВѢнково сад' заступит' мѢсто,
Тко ће другій, нег' одъ свіе больый,
Та ет' онай што угодит' може,
Самъ найпріе одъ остали свіе,
Богу, цару, и свеобштем' людству,
Кано и свом' самцатоме Сербству,
Колик' треба, и како є право.
„Но тко ћ' наћи, тко л' га погодити,
Башъ истога небомъ одређнога?...?"
Рудый лафъ є своим' верлинама
(Rudolph v. Habsburg.)
Стеко' славу, саздо и Державу

И самсеби, а и свом' потомству;
Нит' у ичіой Порфире читульи
Већи више има дивотнійка,
Нег' у нѣга дому и породу.
Юче і' умро царе презаслужный,
Што га отцемъ подайницы зваше,
Сви усердно нѣга оплакаше,
Докъ ал' ютросъ васкрсо' є истый,
Тек' у новом' свог' сына облику,
Са добриномъ на сву мѣру свакомъ;
Оправдаће све надежде благе,
Утѣшиће Сербе расп.акане,
Сад' о єдномъ уцвѣлѣне двойно,
Наметат' имъ неће наемника,
Код' ньихова домаћин'-пастыра!
Измеђ' Сербства и Ћесарска тронства
Подзирканѣ одавносе дигло,
Споеность му мѣсто заступила,
А заямность свуд' є необходность,
Па тек' Сербску царь докъ чуйне желю,
Разгрмнуће царски повелявно:
„Я Мушицког' предизбирамъ истог'(!?)
Моим' Серблѣмъ за Митрополита,
Когно цѣло и Славенство цѣни;
Безъ лести є, пакъ є и безъ штрба,
Гибакъ ніе, ал' све къ болѣмс' віе,
Помазаникъ воли достойника,
Што і' нѣгова и общинска дійка."
Тад' ће Сербы а изъ єдни уста:
„Све царово' нам' Ћесаре верлый
До божіе и до свое волѣ!
Свисе годи славили Ћесаромъ,
Ал' евовай нѣг' вѣчіо даромъ!
Крвь за цара лит' маримо свога,
Ко' за дѣде и прадѣде тога,
О больини онсе нашой стара;
Царь тек' влада, ђе і' правица свагда,
Ту све расте и у свему истый,
Тог' су знацы, ко' сунчанныи зрацы,
Ура нѣчно цару праведнику!
Како личном' Бога намѣстнику!!!
Та Остріо сад' имадешъ цара, (Osterland.)
Каквогно си іошъ имала игда,
Фердинанда Францишкова сына,
Онъ є верлим' надежда єдина,
Царь є збильскій, а царевићъ свойскій;
Тек' ньирканю носъ обори у тле,
Нека нюха, и нек' низъ носъ духа,
Лакше му є, што му приличніе;
Но потлачат', него л' изопачат',
Давну слюбность, и витежку свѣрность.

Створъ на земльи срца поштеннога
И у Бога і' пріимлѣнъ истиннога,
Отца изборъ и сынъ освећава,
Таквог' само слава прославља,
Хай, тко і' Сербинъ, о добру є радинъ,
Пакъ онъ пѣва на нь' да безднa зѣва!
Тако брате до суднѣга данка,
Нек' ти цвѣта образъ безъ престанка!!
Громъ кад' грми тко є злобанъ [illegible],
Ал' честитость свагда і' брезосудность,
И свеслюбня што є свесугодня;
Безсмертали а Серб-витезови,
Пак' славили васке війлослови!—.

Духъ
Сверадостнога усклійка
сверху

„Ne acerbetur natio Serbica."

Цара и краля Аустрійске Имперіе
Фердинанда первога
свеблагодѣйске ріечи къ новой
Сербской Матицы.

О божество, та о свемогућство!
Тко і' за чега, ты му даришъ свега,
Дайно и свом' исконашнѣмъ любцу,
Ко' л' садашнѣмъ тако и свагдашнѣмъ,
Дай штос' хоће и промуклу пѣвцу,
Да га итко доначуйне овда
Баръ одъ Славског' рода и єзыка!!
Та и ніемъ да є родіосе,
Сад' одисто пропѣго бы чисто!!..?
„Матица є васкрснула Сербска!
Ура нѣму воскресавателю!..!
Васкрсла є и оживѣла є,

Да оталя све каконо валя,
Некс' упути све какосе слути...?
Да Сербинство ступи у больинство."
Одъ Аваче до иза Мораче,
Одъ Блатика до Іадріатика,
Рой Славенства разастросе свойскій,
Оном' слава і' кой га наспоріо!!!...?
Славъ сѣвера у свіету леда
Благовкусне налази ягодке,
Ко' масть Юга изъ царскога цвѣтка,
Ко л' медъ піе Савроматска поля,
И данштину кано и воштину
Што изъ кора смолнатога бора,
Ол' изъ хелде збира и картофле;
Све л' Матица радо исчекива,
Да обштини саћа наоснива —.
Скит-ветеранъ Сербъ є одъ зачетка!
Съ тог' напредаръ, а нигда назадаръ;
Чех-рођаче Слав-древности ямче,
Данъ куй (!..?) собомъ своим' и сва-
кима,
Учи правой да б' и глухце вѣры,
Свѣтъ свышньости свуда напресто-
ляй,
Нитко т' смести, нитко т' превазисти,
Хусса, Жижку родила і' Поемка!...!
Сербу пружай део иструђеня,
Онъ ће теби браствомъ ... одзайми-
ти —.
Дальный Руссе къ своmсе примкни
ближе,
Болѣ да те чуе и разбира,
Како зукте боріе сѣвера,
Чим' ли струи Нева и Онега,
Шта л' питоми Сибиръ и Кавказа,
Како л' съ плачемъ срца драговольна
Свештеникъ ти Свевышнѣга моли,
Да му цара, ко' небесног' дара,
Богъ поживи дуго и свеславно;
Скоро прошлый данъ и праздникъ
свѣтлый
Мур-Ликійскихъ светог' чудотворца,
У Бечу є о томъ увѣріо,
Ни быт' валя, дасе необявля,
Сѣћавъ га се топис' у мен' срце
Одъ усладе и одъ сучастія,
Одъ верлине истинита чуйства.
Но и Полякъ небуд' вѣчный болнякъ!!
Постепенно безкрилъ к' верху лази,
Оро крузма пенѣс' у высине,
Крайна л' вольность сяйна є разхор-
ность,
Обштой вольи частна і' жудня жертва,
Кано и гнявъ што і' разума тунявъ,
Нит' є мачуръ кад' надхрво лава,
Самъ Пожарскій тексе наспоминяй!..!
Туђа помоћь по готову і' немоћь,
Надъ є у се и у свое клюсе,
Ол' є свое измѣрити слое,
Па ни гудит', ни гудала вадит,
Зло горшиномъ іошъ товеће быва...!
Орфей сликомъ и жельи приликомъ
Адъ є самій смилостіо негда,
То л' братъ братаб' у брату ненашо,
Ал' братинствомъ да га і' потражіо...!
Шта л' ползова иком' Понятовскій?...?
Нам' тек' суза умложіо горки!..:
Нит' быс' игда за ньим' утѣшіо,
Да ми ніе, а нехотно єдва...
Славян' врага самъ сломнуо рога,
Замамивъ га Польскомъ до у Москву,
Иа... крозъ Елстру, кано му предтеча,
Те кад'... іошъ бы Галл-маршаломъ
вальо;
Ал' Перуну за показат' мниму
Куд' одъ Русса морас' избавляти,
Тко врагъ мусе напне обявляти —.
Съ тог' нек' туђству а туђинство быва,
Сваком' свое, па што ком' є Богъ до;
Себе имашъ, себ' у себе сключай,
Нетрамплявай себе ни за кога,
Паштис' теке превазић' болѣга,
Ал' болѣга озбильским' дѣлима,
Так' ћешъ само надиграт' душмане;
Свештетъ застранъ будди краткоумцу,
Нрави л' развратъ нека і' лахкоумцу,
Вѣромъ слѣдуй спаса истинскога!..!?
Свемогућствомъ вѣчно єдинога.
Друговнути како руковнути
Узъ гредъ можешъ съ кимсе гођъ
сукобнешъ,
Ал' са своимъ сроднимъ и сукућнимъ

Необходно дужанъ си свакада,
Тко л' мож' коме више но свой своме!?
Што л' бы пловке и безъмлакке зимнѣ,
И ледъ умну валя у по лѣта,
У пол' зиме за то прибира га;
Па тек' онда сва і' Славенству згода,
Каква і' за нѣг' одъ совѣта вышнѣгъ
Намѣнѣна, давно л' одређена,
Духомъ само свес' пригрляй амо,
Слюбца дѣло Боговца є цѣло!..!!—?
Збыля ... іоште чуй и почуй рођо!
Слав-утроба славнимъ духомъ дише,
Гдѣ л' азбука одъ Славенске боля,
Та своmъ згодомъ кам' іой и споредна?...?
Кои л' єзыкъ ньомсе писат' неда,
Съ єдва л' чега придаткомъ новога?
Ал' никада іота репатога,
Што репове све надмложа репомъ,
Ко' ни еля ... то ли еня ... твога!...?
Старыи наши себ' су болѣ знали,
Скрозно ствары сваке прозирали,
Тупоглѣдацъ, што и тупоумацъ,
Съ манѣ і' ползе, ал' съ одвише штете
И различна себ' и ближнѣм' квара.
У цѣломе свеважна і' частица,
Свака л' о себ' тек' є несретница,
Но у ято мой голубе сивый,
Па да ми те ястребъ већ' нелови,
За когно су пипладъ и зечадца!
А никада люди витежеви,
Ни то не тек' витези деснице,
До ни быстре душевне зенице—.
Хай!!? И Ћесаръ цвѣлит' Сербе брани,
Неда цвѣлят', неда ій огорчат',
Све довѣрѣ себ' у ньима храни;
Право има, у томсе невара,
Нити ћесе игда преварати,
Ка' и нигда за тосе каяти!...!
Фала нѣму одъ свег' Сербства за то,
Свагдашня му и слава и фала!!
Серб-матицу нам' є оживіо!!!
Богъ му свако добро поклоніо,
Царовао, те све правдовао,
Пакъ и жійће Серба одлакшао!...?
Дас' чим' има солит' и смочити
У Баната и Сріема польма;
Крушацъ соли да неплаћа главомъ,
Ил' плећима, та свим' людскимъ здравѣмъ,
Єфтинію л' што б' неимо' дома?...?
Што л' бы явно братску ... некуповo?...!?
Брезсолъ неће Сербе смађарати,
А ни хазну цара напунити,
Већ'се слути ....
Та сѣмъ соли ни крава неводи,
То л' юнака да нам' жена роди...!
За крвь свою л' дасе ни то нейма?
Нит'се мож' већ' купит' ни платити..!
Докъ тим' и свим' царійћи ій живе,
Противъ Бога и Ћесара волѣ!...!
Сербъ є Шпартацъ, а не Иллотъ робе,
Сербъ животус'... ал' за животъ жанѣ.
Све л' што како, Мат-матица вако:
Тко є являцъ, онай є и галацъ,
Па чеса ти Богъ недао самъ,
Нетреба ти, а ни прилега ти,
Што л' ће теби стршеля оружѣ?
Онъ отима, но не иструђуе,
До крайности пчеле т' посе жалце!
На што л' теби ядъ самртный шпурка?
На мѣсто му медъ и восакъ збирай,
Справляй чувай, па га и раздарай,
Како ти є свыше одвѣћено—.
Пази добро, а іошъ мотри болѣ,
Да честивна зуца и царица,
Већ' небыва смрадна нюхалица,
А томанѣ злобна завистница;
Іошъ у крилца недиркай летирка,
Тек' помышляй шта б' ты безъ твоіе,
А ни боди трнъ у здраву ногу,
Єръ врагъ и теб' іошъ подковат' може,
Гдилно єданъ, ту су свиколицы...
Те ћешъ познат', што знат' нехотѣла,
Колик' валя зрнце благоумя,
По што л' Мусса одерао ярца,
Пакъ и тад' бы... ноћъ ти засвакада;
А и сама безъ тог' ближа і' нама;
Но тек' пчеле рађай и подизай,

Па нек' оне свудсе разліећу
За социма по разномъ цвіећу,
Напрћене, трудомъ осрећене,
Свраћатићее къ теби опетена,
Ты тек' чувкай дворка саплетена.
Іошъ крвь ничю водомъ непретварай,
Знай да и медъ може прокиснути,
Ка' воштину ... буба подгризнути,
Кромъ и Матацъ ... мож' быт' Юго-
Славацъ —.
Юнацима дійка и пофала
Одсвуђ' овда, ка' одъ правде вазда,
А мудрацим' свіетъ и паштенѣ,
На пѣвунма, у верту лимунма,
Ка сличарма и ка' образжарма
Та красарма свакоячи стварма,
Богъ помаго везда и занаго;
И Сербима, ка свим' одбранима
Уза свадбу дай Богъ нађ' и брадву...!
Хай, тко л' свога, Творца прославляо!
Ближнѣ свое тіемъ забављао!...?
Та и стѣнѣ кликъ муословляо! —.

Іошъ ев' одъ мене и ово, а о:
1818оме годишту.

До тры цара на колѣнма клече;
,,Миръ Европи!" Богъ да съ неба
рече;
Овъ часъ носи Черногоръ витеже
Гласъ побѣде: ,,Душманъ у прахъ
леже!"
Нигда болѣ молба услишана,
Кромъ садъ ова слогомъ оживляна.

(Заръ ово на колону великога Пол-
ководца те одъ Сербства?
,,Та баремъ на идеалну —.")

Пакъ ев' и ово:

Послато ми недавно у Лайпцигъ одъ Г. Д. П. Тирола Сербына у Београду живећега мнѣніе нѣгово, напечатано тамо, сверху страдателне частице (се) приставлямъ евовди овомъ удобномъ приликомъ, а да већа мложина учевніе Сербова предъ очма га и попріе имати могне, те о томе озбильски просторано и дубоко поразмозгавъ заключи што зрело и добро, ако нађбуду да безъ икакве шале у томе што болѣга и зреліега быти може одъ старогъ и доякошнѣга Сербскости и Славенскости умозрѣнія и употребленія. Онъ є ово сочиніо и подніо Г. Лазару Зубану на одобренѣ, и предуводъ я изоставлямъ, а само прештампавамъ оно цигло, штосе исте ствары тиче, о коіой є зборъ и говоръ нѣговъ евоваковый:

,,Како гођ што сви народи, кои писмо на своемъ єзыку имаю, речи єзыка свога етимологически раздѣлюю и раставлѣно ій пишу, изузимаюћи само сложене речи, као: лудоглавъ, совокупитель*), правописанѣ, завладати, уклонити, одломити, одказати, предузети, и. т. д. тако и мы и Славяни у сматраню овога точно правило ово наблюдавајући чинимо и пишемо сваку речь, као што валя, раставлѣно, нити пазимо, што Русси у гдикоимъ оваковимъ речма после предлога безгласно слово (ъ) умећу, као н. пр. объявленіє. Но Вы мыслите, да є састати се єдна речь, будући да безъ своє частице ништа не значи, па зато да се мора са своіомъ частицомъ и саставити, као н. пр. састаосе, састалисмосе, састалисусе, и. т. д. него само валя знати, велите Вы, гди се ова частица (се) меће. Я пакъ судимъ о томъ сасвимъ другчіє, и велимъ, да мы имамо само дѣйствителны, средньи, и повраћателны глагола; а страдателны глагола, као ни Славяни, немамо

*) Совокупитель є сложена речь одъ Сово (Сова, die Eule) и купитель (der Sammler), и значи der Eulensammler; а скупитель значи der Sammler, Collectant.

никаквы, него овакове глаголе, кадъ є нужно, допунянамо само описиванѣмъ, као н. пр. бывамъ люблѣнъ, быо си біенъ, быћу хвалѣнъ; и ово є правило синтактическо, како гођъ што є и то, гди се винителный падежъ повраћателногъ местоименія ҫе (себе) меће. Повраћателни глаголи, коє су Славянски Грамматицы безпутно страдателныма нарекли, єсу двояки:

а.) Онакови, кои су првообразни, т. є. кои су одъ природе повраћателни, па зато се и зову тако, и кои безъ страдателне частице никаквогъ значеня немаю; као н. пр. састати (се); ругати (се); мешати (се), и. т. д. съ тымъ примѣчаніемъ само, да се ова страдателна частица као и у Немаца неопредѣлено местоименіє man, коє ҫе са своимъ глаголомъ не саставля употребити мора, као н. пр. man sagt, говори се, man bringt, доноси се; man schreibt, пише се, и т. д. и треба знати, гди се, у Србскомъ єзыку, по правилу синтактическомъ меће, нити се ово повраћателно усечено местоименіє се, као што Вы судите, съ Немачкимъ одѣляємымъ частицама; ab, an, auf, aus, bey, vor, durch, ein, fort, für, weg, hin, zu, mit, um, voll, и т. д. сравнити може; єръ су ове частице сами предлози, кои се по свойству Немачкога єзыка у спрезаню одъ свои глагола раставити могу; а у насъ оваки предлози одъ свои глагола нипошто се не раставляю.

б.) И такови, готово сви дѣйствителни глаголи, кои приставленіемъ винителнога повраћателногъ усеченогъ местоименія постаю, као н. пр. бріяти се (себе), изменути се, (себе), изломити се (себе), облагати се, (себе) и т. д. ово су као и Немачкіи повраћателни глаголи (Reciproca) съ винителнымъ падежомъ повраћателногъ местоименія и. пр. sich rühmen, sich gewöhnen, sich freuen, freue dich, и т. д. Изъ овога се ясно види, да неваля винителный падежъ повраћателногъ местоименія съ глаголомъ саставити, єръ какогођъ што се неможе написати заєдно бріятите, бріятига, него бріяти те (тебе), бріяти га (нѣга), тако исто и бріяти се (себе). Дакле ако повраћателни глаголи второга вида съ винителномъ частицомъ саставити се немогу, то исто тако ни другога вида глаголе повраћателне съ частицомъ страдателномъ саставити неваля.

Као што самъ Вамъ устмено казывао, тако Вамъ садъ и опетъ кажемъ, да нисамъ мнѣнія тога, да то тако быти мора, и да ме нико опровргнути неће моћи, већъ само да я тако мыслимъ, и да ће ми мило быти, ако ми Вы, или другій кой, кои сте о овакимъ стварима судити кадри, у сматраню употребленія ове страдателне частице докажете, да право немамъ, и да само кваримъ правило правописанія Србскогъ, коє іошъ и несуществує. (:?:) * Єръ ћу Васъ тако само послушати, и страдателну частицу (се) опетъ као што самъ и пре чиніо, докъ самъ мысліо, да штогођъ знамъ, са своимъ глаголомъ саставляти.

За садъ оволико само, а другій путъ, мож' быти, да ћу Вамъ и выше што казати; међу тымъ желимъ, да съ овымъ задовольни будете, и да у чемунибудь не замерите

Вашему

У Београду 3. Априла 1837.

искренному пріятелю,

Димитрію П. Тиролу.

*) Єзыкъ гди є, и правило ту є!

Одъ
Милоша Светића
Ода.

„Laurea donandus Apollinari.“

Horatius.

И Ты намъ паде, велика подпоро,
Надеждо сяйна! Ледена рука Ти,
Дизана любве жаромъ къ роду,
Престаде управлят' Србскимъ плектромъ,

И цркве жезломъ. Горка є судбина:
У обштой бѣди бурѣ погибелне,
Громъ када рази, прети волна,
Даску спасенія топи грозно.

Шта лепа душа може у душама
Са чистымъ огнѣмъ любве ко народу,
Мушицкій, спутникъ Муза вѣрный,
Остави вѣчитый споменъ зрачный.

У борби тужной лютым' са стрелама
Ахъ! кивне злобе, подобно иройма
Доброте, правде древна вѣка,
Многу є испіо горку чашу.

Юнакъ ах' нравный, духомъ и наукомъ
Высокомъ силанъ, кормиломъ управая,
И ратне сече страсти, къ благу
Обштему тежећи крѣпкомъ вольомъ,

Да умность сине тежкимъ надъ бременомъ
Єстества земна; гди є величія
Людска скрывена мета: ту онъ
Достиже славе и свѣтломъ зраку,

И рода Србскогъ любови ватреной,
Кою ни Силногъ лице намрштено,
Сковъ нити лажны ляга, сѣтій,
Може угасити игда. Та Му

Тріумфъ на вѣки съ побѣдомъ выспреномъ.
Самъ собомъ сіянъ, презире подлости
Онъ срдца, душе, дають' свѣтлость
Заслуги истинной сладкимъ трудомъ.

Већь столпи свѣтле, высе се Панөеонъ
За хвалне душе; племе се разноси,
Гди с'Хумболдъ знои. Нѣмци умни,
Огнѣни Галли, дубоки Англи;

Потомцы Рима, леденъ и Петровъ градъ
Познаю Тобомъ Србльина цѣну, моћь.
Там' съ Шишатовцемъ Фрушка блиста,
Карловацъ казує подвигъ силный

За вѣру, цркву, школе и науку.
Источникъ живый юности отворашъ
За ревность свету къ чести рода,
Красна художества златнымъ ключемъ.

Садъ къ прагу црномъ вѣчности ступаюћ',
Последнѣ взоре народу обраћашъ,
И вѣнацъ славе Тобомъ сплетенъ
Генію рода Ти пружашъ на честь.

Чека Те Раић, равне ахъ! судбине,
Терлаићь умный другу се радує,
Доситей нѣжный пружа руку,
Предсрета любвомъ, и сладкомъ дружбомъ.

О! Ступай срећанъ къ покою небесномъ;
У срдцамъ живећ', завѣтъ намъ оставлашъ
Потомству вѣчный, како валя
Любити, красити цркву и родъ.

Посвештенѣ!

О младежи Србска,
Даръ ти ово будди,
Честитость є збильска,
Ньомъ испуняй груди!
Па ти млога лѣта
Одъ вилахъ собета!

Све и себе пріекословъ вара,
Кои вели, и то одъ укора,
Да є Србаль на Косово полѣ
У све грђе подпузо неволѣ;
Єсть онъ царство изгубіо свое,
Єсть и цркве прецаміо млоге,
Ал' є опет' іошъ одржо трое:
Усердіе!... Самъ велый духъ слоге,
Вѣромъ!..? живомъ посрнуо ніе,
На мейдану л' онъ све винце піе!
Четованѣмъ... и прокушаваньма...
За сусѣде честимъ ратованьма
Свою крвцу нигда нештедіо,
А што бѣше. да бы съ нова быо;
Честитость є, слава и слобода,
Понайпаче Славенскога рода,
Койно себе брани и подиже
А бранеђи къ себ' народе ближе,
Оли баремъ трпи пѣвајући,
Вилахъ клиц'ма животъ являюђи
Свой душману и свимъ пораштайма,
А настоеђ' нуждним' одмаштайма,
Тайно, явно, мал' и млого і' было,
Тек' некасе вратит' угодило,
Дас' одлюду дужно неостае
Онъ тер ако и на звѣзде лае —.
Бѣла вила Германкиня... млада,
И туђинка..: но є вѣчно рада
О Србскоме правдоват' народу,
Колик' значи любеђій слободу;
У Турчина и у Кафурина...
Робъ и царъ є Сербъ доселе быво,
Туђость чуво, а свое осниво...!
Србъ витежтвомъ да є вазда знатанъ,
Єсть безъ хрвнѣ и данаске сѣтанъ;
Нѣг' и Турство выше тек' уздиже,
Мнивъ безочно да га тиште ниже,
Па одъ Срба небоявсе ништа,
Докъ ал' найзадъ шъ нѣга и пропишта —.
Ђе є умность ту є разбиранѣ,
А ђе врлость ту є и пѣванѣ,
Духъ врлости вѣра, та божество,
Све надоляцъ природно мужество;
Баръ Катони..., докъ и Долгорукіи...
Вѣков' ступцы у Србской 'су дійки,
Гусле иста одпечаћу свуде,
И слієпцы яснотворе труде;
Срца Србског' уши с' напуняю,
Вольиннама уме упражняю,
Спаса моћу да бы се утегли,
И временска за вѣчность пріиегли.
Пѣсне Срба читаће ни сватио,
Познанѣ ихъ примѣрно є слатко,
Явля садржъ нравне діаманте,
Свимъ дивотам' Србе обилате;
Я л' найволимъ да ихъ чати Србче,
Нек' одзнае игда быти смртне,
Пакъ ђедима нашим' Булатима
Светим' Отцим'... Србства владетима
Вѣчна паметъ! блаженъ покой души!
Ньима текаръ душменъ насъ незгуши,
Жене л' Србке ка' нечіи су люди,
По дѣлима знаду с' ка' по куди,
А мужеви листомъ витежеви,
Црнагора тог' є свѣдочиште,
Ка' имена и духа спасиште —.
„Па чуй Сербе, што ти збори Сербство:
Право і' трудъ си окусит' найпріе,
Ал' сѣмъ Серба тко є мене чуо,
Понайпріе гуђет' и пѣвати,
Мене чуо, мене разуміо
Чакъ на Югу, и подъ варвар' ногу...
А Туђеродъ, одъ сѣвера хладна,
Нѣм' я и ты поднесимо исту
Старонову Серба пѣваннію,
Даръ є призоръ заслужіо больїй
Ал' заовда сва і' толка ми згода."
О Сербинство, мое животинство!
Я самъ ти га сѣћаосе, давно,

Тражіо га, докъ му гробъ нашао,
Ту га звар, ту га кликовао,
Што икада, то изъ свега мозга;
Ал' ми отуд' ни ява ни гласа,
До тек' што ми вiйла посестрима
Са истока, те изсредъ сунашца
Ясно кличе, докле ме докличе:
„Хай ме побро слушат' и разбрати!
Одовудсе за гребъ недозива,
Безконачна i' тамо просторiя,
Ка' ни отуд' амос' неодзива,
Слађа i' тамо райска пѣснарiя,
Она врле упитава душе,
Да све друго при ньой небрижаю,
То имъ вѣчна Слада... и Милина—.
Нег' онъ има iошъ ам' у свiету,
Сына родног', духомъ истоветногъ,
Што дробине горâ и планинâ
Разадире, у нутаръ имъ слази
Ту онъ благо свакакво налази,
Износи га на видикъ свiету,
Па ньим' оре ньиве и баштине,
Ньиме коси што є за кошеня,
Па ньим' злати што є за златеня,
Чим' и Серба ћ' обрадоват' брзо;
До нѣм' исту поднес' пѣваннiю,
Чести ради свису дiйке скнади,
Све мы секе вiйле одъ свiета
О томе смо вiетъ учиниле,
И то желе, и то мени веле,
Што ти кажемъ и што ти налажемъ.
Драго ти є, послушати ни є."
Ха етако! другчiе никако!
Вѣра т' Божя, и та ни помогла!
Сад' я виђу, што є права вiйла,
Што л' є вѣрна побри посестрима;
Най ме дакле Бароне Хердере,
Свет' у пѣсне сатоплѣна Серба
Теб' на жертву теб' на фалу саму
Ты поживи, те ми родъ проживи,
Чим' оживляшъ Анте и Урале —..?
Люде учишъ велѣ ка' и мале —.

Примѣчанiе. Одъ Пѣваннiе стотину є пѣсана Г. Вилхелмъ Герхардъ зимусъ превео са мномъ на Тайтонскiй єзыкъ.

Пренумеранти:

Его Высокопреосвященство Г. Митроп. Црногор.
Петаръ II. Петровичь Негошъ. . . . . 10 Ек.

Его Высокоблагородіе Г. Єремія Гагичь россій: вицек. и кав. у Дубровнику. . . . . 10 —

Высокоуч. Г. Димитріе Фрушичь Докт. варош. у Тріесту. . . . 10 —

„ „ „ Платонъ Симоновичь Проф. при Θдес. Лиц. . . . 10 —

„ „ „ Исидоръ Стояновићъ Проф. Поезіе у Серб-Крагоев. 6 —

Благонад. младићъ Іованъ Георгіевићъ Сараевче. . . . . 4 —